

СТИХОТВОРНАЯ САТИРА
ПЕРВОЙ РУССКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ
(1905-1907)

СТИХОТВОРНАЯ
САТИРА
ПЕРВОЙ РУССКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

БИБЛИОТЕКА
КОША

Собственность
Библиотеки

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

В. Н. Орлов (главный редактор)

*И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
Б. И. Бурсов, Б. Ф. Егоров, В. М. Жирмунский,
К. Ш. Кулиев, Э. Б. Межелайтис, В. О. Перцов,
А. А. Прокофьев, А. А. Сурков, А. Т. Твардовский,
Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-Заде,
И. Г. Ямпольский (зам. главного редактора)*

Большая серия

Второе издание

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

СТИХОТВОРНАЯ САТИРА ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1905-1907)

Вступительная статья
А. А. Нинова

Составление, подготовка текстов и примечания
Н. Б. Банк, Н. Г. Захаренко
и Э. М. Шнейдермана

В книге собрано свыше 400 стихотворений, извлеченных из сатирических журналов 1905—1907 годов, а также из литературно-общественных журналов, альманахов, поэтических сборников тех лет, из столичных и провинциальных газет. Книга состоит из двух разделов. В первом, наряду с поэтами хорошо известными (В. Князев, Ф. Сологуб, К. Бальмонт, Саша Черный, К. Чуковский, Тэффи, П. Вейнберг и др.), читатели встретятся с такими авторами, которые зарекомендовали себя преимущественно как сатирики и юмористы в годы первой русской революции (Л. Мунштейн, В. Лихачев, М. Свободин, Н. Фалеев, О. Чюмина и др.) Во втором разделе помещены произведения, авторы которых остались неизвестными.

РУССКАЯ САТИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ 1905—1907 ГОДОВ

1

Революционная эпоха 1905—1907 годов — одна из переломных в судьбах русской литературы, русской поэзии, русской художественной сатиры. Никогда прежде в России за столь короткое время не было написано и опубликовано такого количества сатирических стихотворений. Никогда еще политические страсти момента не получали столь явного отражения в изогнутом зеркале сатирической поэзии.

Поэзия эта неотделима от сатирической журналистики революционной эпохи. Подавляющее большинство стихотворных фельетов, басен, пародий, шуток, обличительных реплик в стихах появилось впервые на страницах сатирических листков и изданий. И хотя в годы революции вышло множество книг поэтов-сатириков, разного рода юмористических сборников и альманахов, а произведения поэтической сатиры не были редкостью в общей печати, именно сатирические журналы разнесли летучие строки обличительных стихов в самые отдаленные углы России. На цветной журнальной странице, в сочетании с острой карикатурой, злым памфлетом, оперативной хроникой событий сатирические стихи оказывались особенно колючими, задевающими за живое. Они входили в сложный журнальный сплав, воздействующий на читателя совокупностью всех своих элементов, и характер сатирической поэзии той поры во многом определялся общими задачами и целями журнальной сатиры.

В истории русской сатирической журналистики давно отмечены три наиболее ярких момента: вторая половина XVIII века, когда в эпоху «просвещенного» абсолютизма Екатерины II создались неожиданные условия, умело использованные Н. И. Новиковым и

другими русскими просветителями для организации ряда превосходных сатирических журналов («Труть», «Живописец», «Кошелек»); шестидесятые годы XIX века, время созревания революционной ситуации в России и падения крепостного права, отмеченное расцветом «Искры» и близких ей сатирических изданий; наконец, эпоха первой русской революции 1905—1907 годов, вызвавшая хотя и кратковременное, но необычайно бурное половодье массовой сатирической печати.

Опыт русской истории подтверждает, что возможности сатиры резко возрастали в эпохи подъема общественного движения, когда правящим классам приходилось идти на уступки, когда самодержавие испытывало возрастающие трудности и под давлением снизу вынуждено было так или иначе реформировать наиболее ненавистные народу и отжившие институты.

По своей политической косности русская верховная власть никогда не доводила вынужденные реформы до конца. Она всегда стремилась, уступив немного, отобрать все. Либеральные реформы сменялись политикой контрреформ, в результате которых реставрация реакционных порядков, торжество мракобесия и самых темных политических сил продолжались гораздо дольше, чем успевал продержаться в отпущенные ему сроки либеральный прогресс. Так было и в конце «просвещенного» царствования Екатерины II, сменившей после восстания Пугачева либеральные затеи на привычный кнут. Так было в эпоху восьмидесятых годов при Александре III, когда вернулись, казалось, худшие времена николаевского деспотизма. Так случилось и после поражения русской революции 1905 года, когда «дарованные» конституционные свободы обернулись разнуданным полицейским произволом столыпинского режима. История повторяется, однако, не по замкнутому кругу.

Реакционная политика попятных мер менее всего способна остановить историческое движение. Напротив, она всегда усугубляла критическое положение власти и, внешним образом оттягивая развязку, создавала предпосылки новых, несравненно более глубоких потрясений в будущем. Эпоха первой русской революции в полной мере подтвердила эту закономерность.

Впервые за целый век высшие сановные лица официальной России, охваченные страхом, были названы сатирической печатью вслух, поименно и стали посмешищем для всех. Пробыл час этих «мастодонтов и ихтиозавров» самодержавного режима, ибо «„зубры“ — для них слишком почетное название».¹ Они представляли самый

---

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 140.

отсталый в Европе политический строй, которому революция 1905 года нанесла первые разящие удары.

В сатире 1905—1907 годов сполна проявился «принцип сарказма и негодования», — принцип, которому, по словам Герцена, «суждено было пройти сквозь всю русскую литературу и стать в ней господствующим. В этой прони, в этом бичевании, где ничто не пощажено, даже личность автора, слышится нам наслаждение мезтью, утешение злорадством; этим смехом мы порываем связь между нами и этими амфибиями, которые не умеют ни сохранить варварство, ни усвоить цивилизацию и которые одни только и всплывают на официальную поверхность русского общества». ¹

Вопрос об отношении сатиры к «пороку» был поставлен еще в XVIII веке и особенно заострен Н. И. Новиковым в «Трутне».

Возражая Екатерине II, Н. И. Новиков дал ясно понять, что скрывается за мнением «утверждающих, что порочного на лицо критиковать не надлежит, но вообще порок; да и то издаека и слегка». ²

Направленная будто бы против общечеловеческих пороков, такая сатира «дальних околичностей» по-настоящему никого не в состоянии задеть. Она, конечно, удобна для власти, ибо оберегает ее конкретных носителей, ее действительные пороки и язвы от гласности и насмешки. Сатира такого рода вполне устраивала и даже забавляла Екатерину II, но она претила взглядам и вкусам русских просветителей.

Вопреки мнению своего опасного оппонента, Н. И. Новиков устами Правдолюбова доказывал, что «критика на лицо больше действует, нежели как бы она писана на общий порок... Всякая критика, писанная на лицо, по прошествии многих лет обращается в критику на общий порок; осмеянный по справедливости Кашей со временем будет общий подлинник всех лихоимцев». ³

Смысл спора состоял в сближении сатиры с действительностью, с общественным мнением и моралью разумно устроенного государства. Идея «просвещенной» монархии на почве русского самодержавия оказалась фикцией. Это выяснилось уже при Екатерине II, и первые русские просветители первыми же поплатились за свои надежды исправить то, что было назначено историей на слом и разрушение.

Сатирическое направление русской литературы, идущее от Кантемира, было поддержано нашими крупнейшими поэтами. Именно

¹ А. И. Герцен, Собрание сочинений в 30-ти томах, т. 7, М., 1956, стр. 59.

² Н. И. Новиков, Избранные сочинения, М.—Л., 1951, стр. 55.

³ Там же, стр. 56.

этому направлению присягал на верность в своем юношеском послании Пушкин:

Свой дух воспламеню жестоким Ювеналом,
В сатире праведной порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу.

(«Лицинию»)

На протяжении всего XIX века, от декабристов и Пушкина, русская сатирическая поэзия была тесно связана с освободительным движением и верно служила его целям.

Русская революционная демократия середины XIX века уже вполне освободилась от старой просветительской иллюзии, будто существующий строй можно улучшить на началах разума и справедливости. Речь шла не об улучшении, но о полном развенчании этого строя в глазах народа. Отсюда и самая постановка вопроса о сатире изменилась. Не поверхностное обличение частных недостатков и отдельных лиц (пусть даже и вполне конкретных), а уничтожающая критика всего механизма русской государственности, всей иерархии паразитизма и хищничества, созданных веками угнетения и рабства.

Статья Добролюбова «Русская сатира в век Екатерины» (1859) является по существу новой программой художественной сатиры, обращенной к современности. Суровость ее тона по отношению к сатирикам XVIII века, много сделавшим для своего времени, служит лишь фоном позитивной мысли о целях сатиры в эпоху Александра II. Слабость старой просветительской сатиры Добролюбов находил в том, что «она не хотела видеть коренной дрянности того механизма, который старалась исправить».¹

Русская сатира шестидесятых — семидесятых годов в лице наиболее крупных ее художников посвятила себя именно этой исторической задаче — доказательству «коренной дрянности» общественного «механизма», приводившегося в движение и после отмены крепостного права силами того же самодержавно-крепостнического строя. И в прозе, и в поэзии цели демократической сатиры были по преимуществу типологическими. Как отмечает И. Г. Ямпольский, «в творчестве сатириков демократического лагеря середины XIX века сатира «на лица» и сатира «на порок», по существу, объединились».²

---

¹ Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в 9-ти томах, т. 5, М.—Л., 1962, стр. 351.

² И. Ямпольский, Сатирическая журналистика 1860-х годов. Журнал революционной сатиры «Искра» (1859—1873), М., 1964, стр. 27.

И Щедрин, и Некрасов, и Курочкин вместе с другими поэтами «Искры» не упускали случая напасть на ту или иную одиозную фигуру реакционного лагеря, но, как правило, частные мишени и имена не являлись для них самоцелью. Когда А. М. Жемчужников, например, предложил в «Отечественные записки» свою сатирическую поэму «Перед возвращением на родину» (1869), Некрасов и Щедрин единодушно отклонили ее как слишком «личностную» по типу.

Щедрин, как и Некрасов, допускали личный элемент в сатире, когда он не снижал, а усиливал политический и общественный резонанс обличения. Сатире «на лица» или же на «пороки» вообще они предпочитали сатиру на реальные общественные явления и типы, обобщенные и возведенные в перл создания и, конечно, представляющие достаточный предмет для негодования.

Некрасов и поэты революционной демократии, группировавшиеся вокруг «Современника», «Искры» и «Отечественных записок», превратили сатиру в один из главных родов своей поэзии.

Самый тип «незлобивого поэта», далекого от бурь и бед времени, был ими отвергнут, а в сан истинного поэта возведен обличитель «толпы», ее «страстей и заблуждений»:

Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающею лирой.

(«Блажен незлобивый поэт...»)

Путь сатирика в России всегда был «тернистым», но не «хулы» и дикие «крики озлобления» больше всего омрачали его долю. Самая тяжкая кара для него — необходимость молчать, невозможность высказать открыто все то, что накипело на сердце.

По условиям русской жизни вся сатирическая литература вынужденно делилась на две части. Наиболее откровенная и прямая сатира не стесняла себя формой высказывания, но зато она менее всего могла рассчитывать на свободную публикацию. Напротив, легальная сатира не могла быть вполне свободной по своему политическому исповеданию. Отсюда две ветви русской художественной сатиры: вольная, презревшая нормы цензурных установлений и потому невозможная в открытой печати у себя на родине, и подцензурная, приносившаяся к всевозможным официальным ограничениям печатного слова и разработавшая целую систему иносказательных приемов, особый эзопов язык, позволявший так или иначе проходить через цензурные рвы и ловушки.

Никто почти из русских сатириков не миновал этого трудного выбора. В лицейском стихотворении Пушкина «Городок» перечислены сочинения, «презревшие печать» и тем не менее входившие в круг чтения современников. Среди них — сатиры Д. П. Горчакова, К. Н. Батюшкова, В. Л. Пушкина, И. А. Крылова и других. Сам Пушкин не пренебрегал возможностями вольной поэзии:

И Пушкина стихи в печати не бывали,
Что нужды? Их и так иные прочитали.

(«Послание цензору», 1822)

Прочитали, как выяснилось, не «иные», а многие. Достаточно напомнить, что к разряду вольных сочинений, не дозволенных в свое время к печати, принадлежала гениальная комедия Грибоедова «Горе от ума», гневные сатиры Рылеева, «На смерть поэта» Лермонтова, наиболее резкие поэмы Полежаева, многочисленные стихотворения Огарева, Добролюбова, Михайлова, Алексея Толстого — список можно значительно расширить.¹ Вольная сатира распространялась в списках, заучивалась наизусть, переходила в разряд подпольной литературы. За ее распространение авторы платили если не головой, то ссылкой, каторгой, солдатчиной, изгнанием. Но никакая цена не была слишком большой за свободное слово. Историческую роль Герцена В. И. Ленин видел в том, что он первым поднял в эмиграции знамя борьбы с самодержавием, обратившись к массам «с вольным русским словом».²

Разумеется, времена менялись, менялись пределы цензурного идиотизма, и какая-то часть сочинений, запрещенных, скажем, в николаевскую эпоху, переходила затем (с опозданием на десятки лет) в разряд дозволенных. Но самый принцип произвольного «дозволения» или «недозволения» сохранялся; своим острием он был обращен против наиболее злободневных явлений литературно-общественной мысли, и надо было обладать гениальным талантом Щедрина или Некрасова, чтобы, приняв все тяготы борьбы посредством журнальной сатиры, ничего не уступать в главном и доводить свои идеи до сознания читателя.

Разрыв между свободой слова и легальностью, увековеченный политикой самодержавия, изнурял литературу. Он становился особенно губительным в пору реакции, когда сила общественного мне-

---

¹ См.: «Вольная русская поэзия второй половины XIX века» (Вступительная статья С. А. Рейсера), «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1959.

² В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 262.

ния падала, а безнаказанность правящей верхушки возрастала. Именно в такую пору, когда шестидесятые годы отошли в прошлое, у поэта А. М. Жемчужникова сложились горькие стихи:

О, скоро ль минет это время,
Весь этот правственный хаос,
Где прочность убеждений — бремя,
Где подвиг доблести — донос;
Где после свалки безобразной,
Которой кончилась борьба,
Не отличишь в толпе бессвязной
Ни чистой личности от грязной,
Ни вольнодумца от раба. . .

С прекращением в 1873 году «Искры» закончилась одна из самых блистательных эпох русской поэтической сатиры.

Реакция восьмидесятых годов лишила сатириков последнего журнального пристанища — «Отечественных записок»; казалось, что у литературы вырван язык и она обречена на молчание. В политических сумерках восьмидесятых годов возобладал серый цвет. Новый этап освободительного движения, начавшийся в середине девяностых годов, изменил политическую окраску русской жизни.

В 1905 году М. Горький написал памфлет «О Сером», где представлен символический спор Красного с Черным, — спор, в котором заключен весь смысл жизни, «вся красота ее и муки, ее поэзия и драма». Основной же удар направлен против презренной позиции середины, занимаемой Серым. В борьбе света и тьмы серые сумерки — лишь промежуточное, временное состояние. Серый может задержаться, но не остановить торжество «всего, что ярко и смело».

За этой трактовкой русской реакции стояло новое соотношение сил, столкнувшихся в политических схватках 1905 года. Никогда еще положение русского самодержавия не было столь шатким, неустойчивым; никогда фактический престиж власти не падал так низко в глазах самых широких слоев народа. Причины тому были многообразны: тяжелые поражения на Дальнем Востоке, закончившиеся Цусимской катастрофой и сдачей Порт-Артура; открытые волнения в армии, возмущенной бездарностью и лихоимством высших чинов; коррупция и разложение в правительственных кругах, получившие широкую и скандальную огласку; финансовое банкротство, вынуждавшее казну прибегать к иностранным и частным займам; унижительное положение правительства, зависевшего от европейских банкиров-ростовщиков и фактически утратившего возможность проведения самостоятельной национальной политики.

Все эти и многие другие факты доказывали неспособность верхов управлять по-старому и вызывали ропот и недовольство всех классов, не исключая буржуазии и наиболее дальновидной части русской аристократии. Растерянность правительства парализовала всякую инициативу с его стороны. Самодержавие постепенно утрачивало контроль над положением в стране и оказалось во власти стихийного развития событий.

Элементы революционного кризиса в России накапливались десятилетиями. Однако только к 1905 году этот кризис приобрёл общенациональный характер. Низы больше не хотели жить по-старому, в условиях политического бесправия, гнета и нищеты.

Расстрел рабочей демонстрации на Дворцовой площади 9 января 1905 года переполнил чашу народного терпения и гнева. В тот же день М. Горький написал обращение «Всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств», в котором обвинил царское правительство и лично Николая II в предумышленном избиении и расстреле мирной демонстрации. Обращение заканчивалось призывом к «немедленной, упорной и дружной борьбе с самодержавием».¹

Сатирическая печать внесла свою лепту в начавшуюся борьбу. Среди поэтов-сатириков с наибольшей активностью выступили в эти годы А. В. Амфитеатров, С. А. Басов-Верхоянец, А. А. Вейнберг, В. А. Зоргенфрей, Ф. Куликов, В. Лихачев, Л. Г. Мунштейн (Lolo), М. П. Свободин, С. Скиталец, Е. Сно, Н. Тэффи, В. Трофимов, Н. И. Фалеев, Саша Черный, К. И. Чуковский, О. Н. Чюмина. Вспомнили о сатире ветераны русской поэзии — А. М. Жемчужников, П. И. Вейнберг (Гейне из Тамбова), С. Д. Дрожжин. Эпизодически в роли сатириков оказывались даже такие поэты, которые прежде были склонны лишь к лирике. В их числе — столь известные, как К. Бальмонт, Ф. Сологуб, К. Фофанов и другие.

По размаху и силе событий первая русская революция оставила далеко позади шестидесятые годы, не знавшие такого широкого движения народных масс, она намного превзошла темп политической жизни современных европейских государств, уже завершивших свой цикл буржуазно-демократических преобразований. После семидесяти двух дней героической Парижской коммуны русская революция 1905 года явилась наиболее крупным политическим потрясением европейского масштаба. Это обстоятельство по-своему отразила сатирическая литература той поры.

---

¹ М. Горький, Собрание сочинений в 30-ти томах, т. 23, М., 1953, стр. 336.

Дух общего возмущения властью широко проник в печать, все еще находившуюся под гнетом полукрепостнических цензурных установлений. Правительственным указом от 12 декабря 1904 года были, правда, обещаны меры по укреплению законности, расширению свободы слова, веротерпимости, местного самоуправления и т. п. Была создана комиссия под председательством члена Государственного совета Д. Ф. Кобеко, которой надлежало рассмотреть нужды печати и выработать соответствующие решения. Однако все либеральные надежды, вызванные созданием этой комиссии, лопнули как мыльный пузырь. Еще раньше в статье «Самодержавие колеблется...» В. И. Ленин указал на глубокие причины, заставлявшие русского царя выступать с обещанием реформ, и полнейшую неспособность правительства осуществить их при сохранении основных устоев самодержавия.

«Пока не объявлена свобода сходок, слова и печати, — до тех пор не исчезнет позорная русская инквизиция, травящая исповедание неказенной веры, неказенных мнений, неказенных учений. Долой цензуру! Долой полицейскую и жандармскую охрану «господствующей» церкви! За эти требования русский сознательный пролетариат будет биться до последней капли крови.»¹

Комиссия Кобеко неторопливо переливала из пустого в порожнее, а в России практически продолжала действовать предварительная цензура, и без ее визы ни один сатирический журнал не мог свободно опубликовать ни строки. В первые же месяцы революции создалось, однако, положение, при котором цензурное ведомство все меньше могло вытравлять из печати оппозиционный критический дух. В этой обстановке открылись более благоприятные возможности для сатирической журналистики, влившей до революции жалкое существование. Кончилась пора старых юмористических журналов типа «Стрекозы», «Осколков», «Будильника», пробавлявшихся беззубым бытовым юмором, мелкими скабрёзными темами, умеренностью и аккуратностью в выборе мишеней для критики.

«Снова, как в 60-е годы, — говорилось в передовой статье одной из московских газет, — настает момент, когда, среди других орудий борьбы за новое, нужен смех, уничтожающий, карающий, казнящий. Перо негодующего сатирика, перо широко смотрящего юмориста и карандаш вдумчивого карикатуриста должны соединиться вместе, чтобы закрепить в сознании масс те разрушения старых

---

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 125.

устоев, которые вносит с такой решительностью и быстротой современная жизнь».¹

Сатире вновь предстояло вторгнуться в опасную сферу политики, и издателям сатирических журналов, художникам, поэтам и публицистам пришлось срочно перевооружаться.

Первой ласточкой новой сатирической печати в России был еженедельный журнал «Зритель», начавший выходить в Петербурге 5 июня 1905 года.

За издание журнала взялся молодой художник Ю. К. Арцыбушев, постепенно собравший вокруг «Зрителя» деятельную группу постоянных сотрудников. В их числе были поэты Н. Фалеев (Чуж-Чуженин), В. Зоргенфрей, Ф. Сологуб, А. Рославлев, В. Лихачев, Саша Черный, Я. Годин, В. Башкин, Л. Андрусон и другие. Близкое участие в журнале принимали художники В. Замирайло, Г. Гинц и в особенности С. Чехонин, возглавивший редакцию после Ю. Арцыбушева. «Зритель» был разрешен как иллюстрированный юмористический журнал с четырьмя отделами: литературным, художественным, хроникой и объявлениями. С формальной точки зрения утвержденная программа не оставляла места для политической сатиры. Но редакция хорошо знала, чего хочет, и проявила неистощимую изобретательность в достижении своих целей.²

В борьбе с цензурой редакция «Зрителя» избрала особую тактику: каждый номер от начала до конца был проникнут антиправительственной тенденцией, трудноуловимой для формальных цензурных придинок, но совершенно явственной для читателя, способного с полуслова понимать и оценивать сказанное.

«Ну, хорошо, — говорил Ю. Арцыбушев. — Мне не разрешили карикатур. Но хорошо, где грань между карикатурой и рисунком?! Рисунки-то и фотографии мне разрешены! Будем пользоваться фотомонтажем и сопоставлением невиннейших рисунков для достижения неожиданных сатирических эффектов. Заставим читателя ломать голову, догадываться, искать смысл в слишком явной бессмыслице, решать шарады, задачи, загадки, угадывать намеки, оценивать игру слов... Но чтобы все это было на острополитические темы».³

Стиль был найден. Это был даже не эзопов язык, превосходно

---

¹ И в. В л а с о в, Литературный календарь. О юмористических журналах. — «Вечерняя почта», 1905, 24 апреля.

² См.: С. И. С т ы к а л и н, Политическая сатира в «Зрителе» 1905 г. В кн.: «Из истории русской журналистики», М., 1959, стр. 137—202.

³ Приводится в воспоминаниях Н. Шебуева: «Дело о его рабочем величестве, пролетарии всероссийском», М., 1931, стр. 12.

разработанный русской сатирой XIX века, а именно политические шарady и ребусы, загадки и намеки, разгадка которых не составляла труда для публики и доводила до иступления цензоров, терпящих сколько-нибудь объективные критерии для запрета. Придирчивая подозрительность цензуры еще больше искушала остроумие и находчивость редакции. На место запрещенных рисунков и текстов еженедельно представлялись новые груды материала, столь же предосудительного, дерзкого и... ускользающего из дырявого цензурного решета. В печать проходило то, что цензура никак не могла одобрить и не имела веских оснований запретить. Цензор Савенков в отчаянии отказался иметь дело с редакцией «Зрителя» и все материалы направлял прямо в цензурный комитет, настаивая на том, чтобы каждый номер злокозненного журнала рассматривался целиком. Ответственность тем самым перелagалась на более высокие инстанции, однако это не спасло цензурное ведомство от начальственных нареканий.

Содержание вышедших в свет номеров «Зрителя», его постоянные выходки против генералов, чиновников, аристократии, напоминания о «неблагоприятных правительству» событиях 9 января, конные фигуры казаков, нарисованные на обложке журнала, и трупы убитых на площади, изображенные внутри номера (№ 3), двусмысленные басни, сказки, рассказы и даже сообщения из «Правительственного вестника», умело подобранные, — все это доказывало, что на виду у цензуры возник оппозиционный журнал, задающийся целями «антиправительственной пропаганды и развития революционного настроения в народной массе».

Поскольку деятели цензуры могли судить о журнале и по запрещенным статьям и рисункам, которые редакция хотела видеть опубликованными, разрешенный к печати «Зритель» представлялся им еще «агнцем невинности» в сравнении с его истинным первоначальным видом. И если, употребляя все меры пресечения, цензура не имела успеха в борьбе со «Зрителем», то, как вынужден был признать цензурный комитет, это было следствием ограниченных функций, предоставленных ему законом: «Дабы сделать цензуру ответственной за направление, а тем более настроение периодического издания, надо было бы облечь цензора властью положительною в отношении издания, а такая власть обратила бы цензора в редактора, а самую прессу — в прессу цензоров, в каковом качестве она утратила бы всякий интерес не только для общества, но и для самого правительства». ¹

¹ Русская сатира первой революции. 1905—1906. Составили В. Бояновский и Э. Голлербах, Л., 1925, стр. 179.

Вынужденная действовать в рамках устава, цензура не могла на свой риск и страх запретить издание печатного органа, для этого необходимо было специальное решение министра внутренних дел, утвержденное Сенатом. Именно по этой наиболее суровой административной колее и было направлено «дело» «Зрителя».

После выхода в свет четвертого номера журнала начальник русской полиции генерал Д. Ф. Трепов в специальном докладе министру внутренних дел дал самую резкую оценку новому изданию. Заключив, что «Зритель» стремится к возбуждению страстей и революционного духа в народе, Трепов полагал необходимым прекратить крамольный журнал навсегда. Жалоба Ю. К. Арцыбушева в Главное управление по делам печати на необоснованные и произвольные запрещения со стороны Петербургского цензурного комитета не возымела действия. Напротив, она еще более озлобила цензурных церберов.

Судьба «Зрителя» была предрешена. В ночь на 2 октября редакция получила письменное распоряжение министра внутренних дел Булыгина о приостановке журнала на 17-м номере. Все необходимые материалы для соответствующего решения Сената были подготовлены, и окончательная гибель «Зрителя» казалась делом ближайших дней. Невеселые предчувствия редакции незадолго до этого выразил поэт В. А. Зоргенфрей в своем стихотворении «Зритель», прозрачно намекавшем на обстановку, сложившуюся вокруг журнала:

Дан сигнал. Два-три актера
Декламируют жестоко;
Слово каждое суфлера
Ясно слышно издалека.
Я кричу: «Суфлера к черту!»
Появляется служитель
И, приблизив палец ко рту,
Говорит мне: «Тсс... Вы зритель!»

Все происходящее уподоблено дурному спектаклю, где «актеры» разыгрывают нелепый фарс, а «служители» на каждом шагу одергивают недовольного «зрителя»:

Из театра выхожу я
И мечтаю громогласно,
Как друзьям своим скажу я,
Что спектакль прошел ужасно.
Но при выходе из зданья
Ждет меня распорядитель:

«Абсолютное молчанье!
Ради бога! Вы лишь зритель!»

Распоряжение насчет «абсолютного молчания» было отдано, однако охотников исполнять его в то время не нашлось. Наступили октябрьские дни 1905 года.

Политическая стачка и уличные столкновения в Москве, начавшиеся в конце сентября, были восприняты как «первая молния грозы, осветившая новое поле сражения». ¹ Вслед за революционным студенчеством Московского университета, закрытого за политические манифестации против правительства, в борьбу включились типографские рабочие, затем забастовали железнодорожники. На улицах Москвы начались бои демонстрантов с казаками и полицией, пролилась кровь. Движение перекинулось в Петербург, и к середине октября уже в полную силу развернулась грандиозная по своим масштабам всероссийская политическая стачка, парализовавшая весь государственный механизм. Самодержавие вынуждено было отступать, теряя одну позицию за другой. Создалось своеобразное политическое равновесие, при котором власть еще держалась, но многие старые законы и установления утратили сколько-нибудь действительный характер.

«Самодержавие *уже* не в силах открыто выступить против революции. Революция *еще* не в силах нанести решительного удара врагу, — писал в те дни В. И. Ленин. — Это колебание почти уравновешенных сил неизбежно порождает растерянность власти, вызывает переходы от репрессий к уступкам, к законам о свободе печати и свободе собраний». ²

За десять дней до объявления манифеста 17 октября в Петербурге был образован Союз в защиту свободы печати, объединивший почти всю демократическую столичную прессу. Союз постановил, что все примкнувшие к нему издания перестают считаться с какими бы то ни было административными мерами, направленными против свободы слова, и действуют так, как если бы они существовали в свободном государстве. Власть цензуры и Главного комитета по делам печати подверглась единодушному коллективному бойкоту со стороны издателей и прессы. Таким образом, дарованная манифестом 17 октября конституционная «свобода печати» явилась лишь запоздалым признанием фактически сложившегося положения вещей. И тем не менее это была огромная победа. Такого на Руси

---

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 11, стр. 345.

² В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 12, стр. 3—4.

никогда не знали. После прекращения всеобщей политической забастовки 22 октября 1905 года вышли в свет первые бесцензурные газеты и журналы.

«Правительству графа Витте, — писал В. Г. Короленко, — уже на другой день по опубликовании манифеста, пришлось очутиться перед фактом, который состоял в том, что в Петербурге исчезли все виды цензуры, и в течение некоторого времени печать фактически осуществляла свободу печатного слова, т. е. все мнения оказались свободными, и все факты общественного значения — подлежащими оглашению, независимо от удобства или неудобства этого оглашения для данного состава правительства». ¹

Фактическое осуществление широкой свободы слова продолжалось недолго — до подавления декабрьского вооруженного восстания в Москве, когда правительство, овладев положением, вновь усилило политику репрессий и преследования оппозиционной печати. Однако и после декабрьского восстания на протяжении первой половины 1906 года ликвидация свободы печати давалась власти с большим трудом. На последние месяцы 1905-го и первое полугодие 1906 года приходится небывалый по своей интенсивности звездопад сатирических журналов.

30 октября 1905 года с очередного восемнадцатого номера возобновился «Зритель», объявивший себя журналом «политико-общественной сатиры». В тот же день вышел третий номер нового журнала «Стрелы», назвавшийся «саркастическим и беспощадным». 13 ноября появились «Пулемет» и «Сигнал», затем стали выходить «Бурелом», «Буревестник», «Вампир», «Спрут», «Заноза», «Дятел», «Клюв», «Светает», «Леший», «Жупел», «Адская почта», «Зарницы» и десятки других сатирических изданий.

Революционная и демократическая сатира затопила журнальный рынок. Чтобы по-настоящему овладеть интересами читателя, сатирическая печать должна была выработать новый поэтический и публицистический стиль. Он и начал складываться в первых бесцензурных сатирических журналах 1905 года.

Возрожденный «Зритель» опубликовал редакционную статью, в которой были изложены обстоятельства приостановки журнала и намечена программа художественной сатиры на будущее. «Нас приостановили без всяких причин, номер конфисковали, нам не дали разрешения оповестить читателей о том, что «Зритель» признан журналом, «угрожающим государственной безопасности». Теперь только,

---

¹ Вл. Короленко. О свободе печати. — «Русское богатство», 1905, № 11-12, стр. 204—205.

благодаря дружной поддержке русского общества, мы выходим снова. Долой все недомолвки и полунамеки. . . Мы раскрываем глаза. Мы видим все и обо всем можем говорить».¹

Стремление обходиться без недомолвок и полунамеков, готовность называть вещи своими именами и оценивать их так, как они того заслуживают, откровенность и прямота политического суждения при полной информации о происходящем стали общей нормой сатирической печати. «В несколько недель публицисты отделались от рабьего языка и от сноровки говорить намеками. Все сатирические листки, без исключения почти, ультрарадикальны. Они знаменуют, что общественное течение круто изменилось».²

Сноровка говорить намеками, эзопов язык всегда были данью обстоятельствам, стеснявшим свободу высказывания. Даже великий мастер эзопова языка Щедрин не склонен был утешаться этой манерой, хотя он лучше чем кто-либо другой умел пользоваться ее возможностями. «Моя манера писать, — разъяснял Щедрин, — есть манера рабья. Она состоит в том, что писатель, берясь за перо, не столько озабочен предметом предстоящей работы, сколько обдумыванием способов проведения его в среду читателей. Еще древний Эзоп занимался таким обдумыванием, а за ним и множество других шло по его следам. Эта манера изложения, конечно, не весьма казиста, но она составляет оригинальную черту очень значительной части произведений русского искусства. . . Иногда, впрочем, она и небезвыгодна, потому что, благодаря ее обязательности, писатель отыскивает такие пояснительные черты и краски, в которых, при прямом изложении предмета, не было бы надобности, но которые все-таки не без пользы врезаются в памяти читателя».³

Понуждаемая условиями цензурного рабства, русская литература смогла превратить свою беду в силу. Она открыла в приемах вынужденного иносказания такие возможности образного развития темы, такие «пояснительные черты и краски», которые придали русской художественной сатире несравненный блеск, насыщенность и выразительность. Преодолевая с помощью эзопова языка внешние препятствия и преграды, русская сатира выполняла свою прямую функцию как могущественное оружие литературно-общественной мысли.

---

¹ «Зритель», 1905, № 18, стр. 2.

² Дионео, Кружным путем (Новая сатирическая печать). — «Современные записки», 1906, № 1, стр. 68.

³ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полное собрание сочинений, т. 13, М., 1936, стр. 267.

«Повторяю: это манера несомненно рабья, но при соответственном положении общества вполне естественная»,¹ — заключал Щедрин. Между тем как раз в 1905 году, пусть на время, положение общества резко изменилось. Революция шла вперед, и эзопов язык, так долго служивший русской литературе, с отменой предварительной цензуры утратил свое прежнее исключительное значение. «Рабья манера» перестала быть обязательной. Этот момент был отмечен В. И. Лениным в его статье «Партийная организация и партийная литература», содержащей убийственную характеристику старых цензурных нравов самодержавной России:

«Проклятая пора эзоповских речей, литературного холопства, рабьего языка, идейного крепостничества! Пролетариат положил конец этой гнусности, от которой задыхалось все живое и свежее на Руси».²

В ноябре 1905 года, когда были написаны эти ленинские строки, казалось, что русская литература и печать действительно вышли «из плена крепостной цензуры».³ Однако, как предупреждал В. И. Ленин, победа была неполной. Самодержавие устояло, его основные политические институты сохранились, и хотя свобода печати и слова была признана конституционным актом 17 октября, борьба за действительное осуществление этой свободы не прекращалась ни на один день. Изменились только условия и формы борьбы.

Один из ведущих поэтов-сатириков «Зрителя» Н. И. Фалеев откликнулся на перемены в цензурном ведомстве насмешливой октавой. Скрывшись за псевдонимом Нео-Овидий, он напечатал в журнале «Отрывок из неприятной метаморфозы», постигшей русскую цензуру, когда ей пришлось перейти от предварительных запретов к последующему контролю за печатью.

24 ноября 1905 года вступили в действие временные правила о печати, по которым любой периодический орган, допустивший нарушение соответствующих статей Уголовного уложения, преследовали в судебном порядке. Кары при этом могли быть самые разные: конфискация и уничтожение номера, денежный штраф, приостановка или полное запрещение издания, привлечение редактора к суду и в случае доказанности его вины тюремное заключение сроком от одного месяца до двух лет. Особенно строго карались прямые призывы к свержению существующей власти и «оскорбление величества», то есть непосредственные выпады против царя.

---

¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полное собрание сочинений, т. 13, М., 1936, стр. 267.

² В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 12, стр. 100.

³ Там же, стр. 102.

Накал борьбы между сатирической печатью и государственными органами самодержавия, его цензурой, судом и полицией, достаточно ярко характеризует напряженность политической обстановки в России на переломе от 1905 к 1906 году. Что же касается литературного качества самой сатиры, ее жизненной глубины, содержательности, характера юмора и сарказма, ее политических и нравственных идеалов, дающих сатирику определенный взгляд на исторические явления и события, то это вопрос особый, исключающий однозначные ответы.

3

Сатирическая литература 1905—1907 годов не была и не могла быть политически однородной. Тесно связанная с широким буржуазно-демократическим движением, она отразила основные противоречия этого движения, его силу и его слабость.

Обозреватель московского «Жала», близкого к легальным большевистским газетам «Борьба» и «Новая жизнь», писал, что сатирическая журналистика «расцветает обычно в эпохи революционного переустройства политических и социальных «устоев» жизни. Громко, смело и широко разливается тогда общественный смех, то полный злостного сарказма и презрительной иронии, то легкомысленно-шутливый и весело-добродушный. И все классы народа, все общественные группы создают свою сатиру и юмористику, ярко передающую характерные черты их классовой психологии».¹

Наиболее полный список сатирических журналов 1905—1908 годов, составленный В. Ф. Боцяновским, включает более 400 названий, причем некоторые журналы (особенно провинциальные) автором не были найдены и учтены. В этот список, правда, попадали журналы, не являющиеся собственно сатирическими, а также издававшиеся не на русском языке. По более осторожному подсчету новейшего исследователя за 1905—1907 годы на русском языке вышло 263 сатирических издания.² Если даже принять во внимание, что многие из возникших журналов жили не дольше чем мотыльки и прекращались на втором-третьем номере, общий объем сатирических листков, выброшенных в публику, исчислялся семизначными, миллионными цифрами. Ведь наиболее популярным сатирическим журналам удавалось

---

¹ В а н, Нечто критическое. — «Жало», 1905, № 1, стр. 4—5.

² См.: Б. М. Леви н т о в, Сатирическая журналистика 1905—1907 годов. — «Вопросы советской литературы», т. 5, М.—Л., 1957, стр. 269.

продержаться в течение нескольких месяцев, и расходились они крупными тиражами, достигавшими 50—100 тысяч экземпляров.

Преобладающим видом сатирического издания стал еженедельник — форма промежуточная между ежемесячным художественным журналом и ежедневной политической газетой. Один из обозревателей той поры справедливо заметил, что эта форма издания позволяла приблизить журналы к жизни, ускорить реакции на злобы дня и в то же время углубить отклики на сложнейший политический кризис, развивавшийся в стране.¹ Сатирическая печать стала играть заметную роль в общественной жизни всех классов революционной России.

Небывалая популярность сатирических изданий в столицах и в провинции вызвала к жизни, помимо расцвета политической карикатуры, шумный поток массовой обличительной литературы, прозы и поэзии, необыкновенно пестрой по своему составу, неравноценной по художественному весу и общественному значению. Всенародный успех этой литературы, хлынувшей на площади и улицы, был знаком времени.

Дивитесь вы моей одежде,
Смеетесь: что за пестрота! —
Я нисхожу к вам, как и прежде,
В святом обличи шута.

Мне закон ваш — не указка.
Смех мой — правда без границ.
Размалеванная маска
Откровенней ваших лиц.

Весь лоскутьями пестрея,
Бубенцами говоря,
Шутовской колпак честнее,
Чем корона у царя.

Этим вызывающим гимном «шутовскому колпаку» начинается стихотворение Федора Сологуба «Шут», прозвучавшее со страниц «Зрителя» как поэтическая декларация новой русской сатиры.

По вековой традиции шуту предоставлялась возможность говорить дерзкую правду, когда все остальные были вынуждены молчать. Но эта дерзость должна была быть непрямой, двусмысленной, поскольку она вырывалась из уст униженного шута, призванного

---

¹ См.: В. М а ч и н с к и й, Мелкие журналы. — «Современная жизнь», 1906, № 5, стр. 55.

развлекать всесильного властелина. Правде шута всегда была положена граница, и его искусство состояло в том, чтобы, не переступая последней черты, под защитой одного только лукавого остроумия говорить царям истину. Блестящая находчивость придворных шутов, прославленная Шекспиром, доказывает, как далеко могла заходить словесная сатира, выраженная иносказательно или намеком. Эта опасная игра требовала особой смелости и самообладания. Она стоила головы, если дерзость обнажала себя слишком явно и перевешивала почтительную осторожность.

Так повелось со времен древнего баснописца Эзопа, забывшего однажды, что он только раб и шут своего господина, и казненного за смелую притчу. Слово шута не было свободным, пока оно звучало во дворце или было обращено к высшим классам. И рабовладельческое общество, и средневековый абсолютизм, и более позднее крепостничество всегда стремились удержать сатиру в узде. Практика обуздания свободного слова в самодержавной России дотянулась до XX века, и только революция 1905 года изменила на короткое время положение сатирика. И поэт поспешил отметить новую его роль:

Иное время, и дороги
Уже не те, что были встарь,
Когда я смело шел в чертоги,
Где ликовал надменный царь.

Теперь на сходке всенародной
Я поднимаю бубен мой,
Смеюсь пред Думою свободной,
Пляшу пред мертвою тюрьмой.

Шут обратился к толпе, явился на «сходке всепародной», и самое слово его должно было измениться, стать откровенным, громким, отчетливым. Адресованное социальным низам, демократической массе, оно теперь не считало себя стесненным старыми обветшавшими законами, цензурными правилами и границами. Правда получила возможность выйти из-за укрытия. Вынужденные уступки со стороны власти не могли обмануть сатирика, замазать ему медом рот (помимо действительной «неприкосновенности личности» манифест обещал свободы совести, слова, собраний и союзов). Вот почему шут откровенно издевается над святой святых «конституционной» монархии — четырьмя дарованными свободами, Государственной думой, и даже над таким либеральным жестом перепуганного правительства, как закрытие Шлиссельбургской тюрьмы, давно вызывавшей общественный ропот своим жестоким режимом.

Не ограничиваясь осмеянием новейших политических актов самодержавия, имевших целью любой ценой сохранить монархию, русская сатира 1905 года возвысила свой голос против самых высоких инстанций и лиц государственной иерархии, почитавшихся неприкосновенными:

Что, вас радуют четыре
Из святых земных свобод?
Эй, дорогу шире, шире!
Расступитесь, — шут идет!

Острым смехом он пронизет
И владыку здешних мест,
И того, кто руку лижет,
Что писала манифест.

Кажется, трудно было выразиться яснее. Сатира провозгласила свое суверенное право на открытое политическое обличение. Перед сатирой открылись новые горизонты, и русские поэты не замедлили воспользоваться ее возможностями.

Однако вместе с неподдельным пафосом обличения старого полупфеодалного строя, непримиримой критикой его, доходившей до корня и грозившей основам существующего режима, в сатире 1905—1907 годов был широко распространен поверхностный радикализм, задевавший лишь частные, наиболее одиозные аспекты внешней и внутренней политики царского правительства.

Автор статьи «Сатирическая журналистика 1905—1907 годов» Б. М. Левинтов отмечает односторонность оценок сатирической печати этих лет как сплошь революционно-демократической или же, напротив, как сплошь буржуазно-либеральной, оппозиционной. Сам Б. М. Левинтов выделяет в сатирической журналистике «пять основных политических направлений, не считая различных оттенков внутри некоторых из них». ¹

При таком подходе сатира подразделяется им на «пролетарскую», «крестьянско-народническую», «левокадетскую» и т. п. — соответственно основным политическим партиям, выступавшим в революции 1905 года. Думается, что такая попытка провести прямую аналогию между политическими партиями и направлением сатирических изданий все же искусственна и не отвечает реальному положению вещей. При всей пестроте политических оттенков, русская сатира 1905—1907 годов не знала слишком строгой и жесткой диф-

---

¹ Б. М. Левинтов, Сатирическая журналистика 1905—1907 годов. — «Вопросы советской литературы», т. 5, стр. 274.

ференциации. Вызванная к жизни подъемом революционного движения, она в массе своей воодушевлялась общедемократическими требованиями и идеалами, объединявшими разные политические силы.

Главный вопрос революции заключался в том, дойдет ли дело до полного свержения царизма, ликвидации помещичьего строя и установления демократической республики или же все ограничится конституционными уступками в пользу буржуазии и сохранением монархии. Революционно-демократическое движение народных масс против царизма имело своей целью первый исход. Буржуазный либерализм готов был довольствоваться вторым результатом. Черноготенная реакция добивалась возврата старых порядков, полного удушения демократических свобод, что и было целью контрреволюционного правительственного переворота 3 июня 1907 года.

Основные направления сатирической печати 1905—1907 годов определялись размежеванием и борьбой этих главных общественных сил. Поэтому и в сатире тех лет отчетливо различаются две тенденции: революционно-демократическая и либеральная, не говоря о третьей — черносотенной, лежащей вне литературы.

Революционная сатира обращала свое острие против всего самодержавно-бюрократического строя, не останавливаясь перед осмеянием самых «священных» его принципов. Сама по себе революционно-демократическая тенденция имела достаточно широкий политический спектр. Она объединяла усилия революционного пролетариата, крестьянской демократии и передовой социалистической интеллигенции.

Гораздо более пестрой, гораздо менее последовательной являлась вторая группа сатирических изданий, сохранявших либерально-демократическую ориентацию. Мишенью сатиры этого типа был не столько политический строй (полное крушение царизма страшило либеральную буржуазию), сколько изживший себя режим, ставший тормозом буржуазного развития русского государства.

В самый канун революции 1905 года В. И. Ленин писал о «неустрашимом противоречии» между самодержавием и потребностями развивающегося буржуазного общества. «Поэтому, — заключал В. И. Ленин, — крайне важно для сознательного пролетариата ясно понимать и неизбежность либеральных протестов против самодержавия и действительный буржуазный характер этих протестов».¹

Разложение правящей дворянско-чиновничьей верхушки, военные неудачи, финансовые аферы, беззаконие, сословные привилегии, гупость высших титулованных деятелей, не способных управлять

---

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 131.

государством, — все это русская буржуазная демократия не склонна была терпеть и потому энергично высмеивала в своей печати. Возмущенное демократическое чувство нередко брало здесь верх над либеральной умеренностью и аккуратностью. Поэтому, при всей ограниченности целей буржуазно-либеральной журналистики, лучшие образцы сатиры, появлявшейся на ее страницах, сыграли немало важную роль в политическом движении 1905 года. Критика режима, если она попадала в больное место, воспринималась иной раз как покушение на самый строй. Отсюда репрессии властей против либерально-демократической печати. Тут была своя логика: публичная дискредитация режима ослабляла самодержавие и содействовала его распаду. Следует, конечно, иметь в виду, что, при всех увлечениях словесной «левизной» на подъеме революции (до декабря 1905 года), буржуазно-либеральная печать довольно быстро теряла боевой тон, становилась бесцветной и пресной, когда революция шла на убыль.

«Лучше маленькая свобода, чем большой пулемет», — провозгласил на своих страницах сатирический журнал «Стрелы», и этот робкий афоризм оставался своего рода общим девизом умеренной буржуазно-либеральной сатиры.

Черносотенная печать также использовала новую обстановку для усиленного обличения своих противников. Не стеснявшаяся и прежде грязными средствами, она стремилась превратить «свободу» слова в свободу политической клеветы и погрома. Черносотенные сатирические листки, вроде «Жгута», «Плювиума» и прочих, имели хождение среди наиболее темных слоев российского мещанства, зараженного настроениями шовинизма, антисемитизма и служившего обычно опорой монархической реакции. Не имевшая ни малейшего художественного значения, сатира черносотенных изданий служила, однако, свидетельством темных страстей, полыхавших на крайне правом фланге русской политической жизни. В черносотенной журналистике, отмечал в свое время В. А. Десницкий, «подчас довольно четко слышались отзвуки классового восприятия революции, иногда весьма выразительные в своей обнаженной непосредственности»¹. При всем том общественный резонанс передовой сатирической журналистики и черносотенных листков был несоизмерим.

Попытки подвести всю сатирическую литературу 1905—1907 годов под один общий знаменатель, политический или художественный, предпринимались еще с дореволюционных времен, но без какого-либо успеха. Одно из первых и наиболее резких выступлений

---

¹ Русская сатира первой революции. 1905—1906, стр. 6.

этого рода принадлежит М. А. Л—скому, который опубликовал в двух номерах «Исторического вестника» за 1912 год обширный очерк «Во власти глупости». Написанный с несомненным знанием предмета, конкретных условий и обстоятельств развития сатирической печати, этот очерк проникнут одной тенденцией — стремлением доказать, что огромный успех революционной сатиры 1905—1907 годов ни в коей мере не был связан с ее достоинствами, что сатирическая литература этой поры, освободившись от прямого цензурного гнета, оказалась «во власти глупости» и, в отличие от русской сатиры XVIII—XIX веков, не создала ничего значительного в художественном отношении.

«Просмотрите праотцев нашей сатирической журналистики — «Трутня», «Живописца» и других, — от которых нас отделяет такая голстая и высокая стена, какую представляют полтораста прошедших лет, и вы, несмотря на эту стену, обязательно увлечетесь не только стариной, веющей с их страниц, но и содержанием страниц. Разверните перед собой подернутые полувековой пылью томы курочкинской «Искры», и вам внятно слышится ропот далекой поры ее существования. Но перед вами трещит «Пулемет», свищут «Стрелы», хрустит «Бурелом», сверкают «Сигналы», заряженные, заостренные и зажженные всего несколько лет назад, и вы... засыпаете».¹

Можно было бы, конечно, ограничиться указанием на явный политический консерватизм автора этих строк, для которого эпоха первой демократической революции в России — «безумное время», а вся сатирическая литература этой поры — «безумные песни». М. А. Л—ский не пожелал заметить ростков новой художественной сатиры, которые пробивались из-под вороха бесчисленных фельетонов-однодневок на злободневные политические темы. Лишь в одном отношении он был близок к истине: общий художественный уровень произведений, заполнявших сатирические журналы 1905—1907 годов, за некоторыми исключениями был действительно невысок. Во всяком случае, заметно ниже уровня русской сатиры XIX века. Классическая сатира установила чрезвычайно высокие критерии для обличительной литературы, и если эти критерии не были одним махом усвоены или превзойдены в 1905—1907 годах, то это объяснялось, конечно, не «глупостью» сатириков, а достаточно серьезными причинами общественного и литературного порядка.

В эпоху революции 1905—1907 годов русская сатира испытала глубокую ломку старого поэтического стиля, традиционного эзопова

---

¹ М. А. Л—ский, Во власти глупости. — «Исторический вестник», 1912, № 5, стр. 478.

языка, который выработывался десятилетиями и достиг высокого совершенства. Старый стиль себя исчерпал, новый не успел понастоящему сложиться, окрепнуть, выявить полностью свои возможности. Это противоречие было тем более острым, что взрыв сатирической печати в дни революции последовал за длительным упадком восьмидесятых — девяностых годов, когда ряды сатириков заметно поредели, а былая преемственность развития оказалась нарушенной. Слишком короткая заря «свободного слова» не дала в полной мере развернуться открытой политической сатире нового типа, и на исходе революции она была вновь ликвидирована средствами грубого цензурно-полицейского произвола. Поэтому, оценивая сатирическую литературу 1905—1907 годов, следует удивляться не тому, что эта литература не выдвинула сатириков масштаба Щедрина, Некрасова или Курочкина, а тому, как много она успела сделать за кратчайший исторический срок.

4

В условиях продолжающейся революции никакие судебные и административно-полицейские меры не могли создать сколько-нибудь надежной плотины против сатирической печати. Вместо системы намеков и недомолвок, хитроумного и двусмысленного эзопова языка в ход был пущен язык прямых политических обличений, откровенных лозунгов и призывов, возможный до того лишь в нелегальной литературе и антиправительственных прокламациях.

Журналист из петербургской «Руси» Н. Шебуев и молодой художник И. Грабовский, на свой риск и страх затеявшие издание «Пулемета», решили разом легализовать новый стиль. Учитывая настроения публики, они учинили дерзостное глумление над царским манифестом, опубликовав на задней обложке журнала полный его текст, припечатанный окровавленной ладонью. Подпись под манифестом гласила: «К сему листу свиты его величества генерал-майор Трепов руку приложил».

Среди рисунков, помещенных в журнале, выделялась фигура оратора-студента на митинге, выкрикивающего с искаженным от гнева лицом короткое слово «Долой!». По этому крику, как писал впоследствии Н. Шебуев, и равнялось все содержание первого номера, его стихи, проза и иллюстрации. Там, где прежде ставилось едкое многоточие, появился крупный кричащий курсив. И хотя такая перемена стиля далеко не всегда вела к усилению реальной мощи сатирического обличения, мгновенный общественный эффект нового

способа критики получился оглушительным. Успех «Пулемета» был огромный, и он свидетельствовал не столько о возросшем искусстве сатириков, сколько о небывалом падении престижа власти, над которой теперь насмехались публично и открыто. «Пулемет» был просмотрен самим Николаем II и вызвал крайнее раздражение уязвленного монарха. Министр внутренних дел Дурново, узнавший о содержании номера лишь после того, как «Пулемет» побывал в руках царя, был вызван во дворец и получил выговор в самой резкой форме. Той же ночью Дурново отдал срочный приказ о конфискации номера и немедленном аресте Н. Шебуева. Первая часть тиража «Пулемета» уже разошлась по рукам. Несмотря на строгий приказ полиции отбирать у газетчиков «Пулемет», торговля первым номером из-под полы шла нарасхват, и предприимчивые разносчики подыали цену за номер с обычных пяти копеек до пяти рублей.

Н. Шебуев тем временем был арестован. Однако не просидел двух суток и после протеста депутации журналистов, посетившей петербургского прокурора Камышанского, был выпущен из тюрьмы под залог в 10 000 рублей. Во втором номере «Пулемета» появилось красочное описание всего инцидента и продолжено глумление над правительством. Царь приказал Дурново «уберечь дворец от «Пулемета» и шебуевщины»,¹ делу был дан новый ход, и Н. Шебуев снова оказался в тюрьме. Здесь на досуге он составлял тексты для очередных номеров «Пулемета», которые передавал на волю при регулярных свиданиях с женой. Редактор сидел в тюрьме, а сатирический журнал с его текстами и за его подписью продолжал выходить как ни в чем не бывало (всего вышло пять номеров и один экстренный выпуск). Объявив «свободу печати», власть сама еще толком не уразумела, что бы это могло значить. Министр внутренних дел привлекал журналистов к судебной ответственности, а суд выносил оправдательный приговор, не находя в их деятельности достаточного состава преступления (так, например, завершилось в Сенате дело о «Зрителе» Ю. Арцыбушева).

Разногласия между полицией и юстицией не могли продолжаться долго, и Н. Шебуев был первым редактором, приговоренным к крепости на один год. Своего срока он не отсидел и был выпущен по общей политической амнистии, однако тюремные приговоры деятелям «свободной» печати стали в России обычным явлением. По этому поводу Н. Шебуев сочинил пародийное предостережение «Журналисту»:

---

¹ Н. Шебуев, Дело о его рабочем величестве, пролетарии все-русском. Воспоминания о «Пулемете»... стр. 48.

Даровал свободу
Слова манифест.
На год, на два года
Садят под арест.
Требуют залога
Гласности кроты.
Подожди немного,
Посидишь и ты. . .

За короткое время в петербургской предварительной тюрьме пребывали редакторы многих сатирических журналов — Корней Чуковский («Сигнал»), С. Усас («Свобода»), И. Кнорозовский («Стрелы»), З. Гржебин («Жупел»), Е. Сно («Дятел»), А. Гессен («Пламя»), К. Диксон («Голос»), А. Галачьев («Знамя»), В. Вышомирский («Паяц») и др. По подсчету газеты «Русь», только с 15 декабря 1905 года по 25 января 1906 года в различных городах России было закрыто 78 периодических изданий и арестовано 58 редакторов. Тюремные кары, однако, не обескуражили издателей. Суды не успевали рассматривать скопившиеся «литературные дела», а сатирические журналы продолжали выходить, и тон их не становился менее резким.

Об этой поре своей юности и первых шагах в качестве редактора сатирического «Сигнала» превосходно рассказал Корней Чуковский. После встречи в кабинете следователя по особо важным делам Ц. И. Обух-Вощатынского с прокурором П. К. Камышанским он сочинил пародию на тему пушкинского стихотворения «Бонапарт и черногорцы» («Черногорцы? что такое? — Бонапарту спросил. . .»):

«Журналисты что такое? —
Камышанский спросил. —
Правда ль: это племя злое
Не боится наших сил?
Так раскаются ж нахалы:
Объявить редакторам,
Чтобы «Стрелы» и «Сигналы» —
Все несли к моим ногам». —
Нам сдаваться нет охоты,
Нам угрозы не страшны:
«Пули», «Бомбы», «Пулеметы» —
Всё готово для войны!

Вместе с шебуевским «Пулеметом» «Сигнал» был одним из первых сатирических журналов, возникших в «дни свобод». Еще в Одес-

се, после восстания «Потемкина», начинающему литератору «примерился некий журнал вроде «Искры» Василия Курочкина, журнал, который стихами и прозой стал бы громить ненавистных врагов». ¹

В ноябрьские дни 1905 года эта мечта неожиданно осуществилась. Вместе с фельетонистом из «Биржевых ведомостей» Осипом Дымовым К. Чуковскому удалось организовать выпуск журнала, прошумевшего на весь Петербург. Основным иллюстратором его был молодой художник Петр Троянский, согласие сотрудничать дали Тэффи, А. И. Куприн, Ф. К. Сологуб, О. Н. Чюмина и др.

В «Сигнале» впервые напечатал свои стихи П. П. Потемкин — в будущем известный поэт «Сатирикона». Под звучным псевдонимом Андрей Леонидов (он равнялся на прославленное имя Леонида Андреева) Потемкин опубликовал несколько остроумных политических басен («Дубасов и Свечка», «Пешка, Король и Ферязь», «Манифест и Таратайка»), нимало не скрывавших его намерений. Только для царя в «Сигнале» были приняты условные прозвища; его называли «злоумышленником», «хулиганом», «пигмеем», «воробьем, по которому палят из пушек» и т. д.

Особой дерзостью отличались в «Сигнале» стихи Ольги Чюминой, публиковавшей тогда в разных изданиях под псевдонимами Оптимист и Бой-Кот множество стихотворений фельетонного типа. Объектом насмешек ее «Средневековой баллады» была избрана великая княгиня Мария Павловна, а стихотворение «К польскому вопросу» имело в виду балерину Кшесинскую, пользовавшуюся вниманием самого царя. Хотя выпады в печати против лиц царствующего дома строго карались законом, О. Чюмина сделала все, чтобы адресаты ее сатиры были опознаны:

Я не дама демимонда,
Я принцесса Требизонда,
По-венгерски: Поль-Мари.

В ресторанах с итальянцем
И с лихим преторианцем
Распивала я Помри.

В обратном переводе «с венгерского» имя и отчество следовало переставить, и из Польш-Мари получалась Мария Павловна — «треби-

---

¹ Корней Чуковский, «Сигнал». Страницы воспоминаний. — «Литературная Россия», 1964, 21 февраля, стр. 18.

зондская принцесса — патронессам патронесса и хранительница касс». В качестве «принцессы» тетка царя не гнушалась самыми скандальными похождениями, достойными «дамы демимонда», а как «хранительница касс» она прославилась не менее скандальными хищениями и растратами крупных сумм, собранных на благотворительные цели. Сатирический портрет Поль-Мари был настолько схож с оригиналом, что прокурору Камышанскому не оставалось ничего другого, как признать тождество и обвинить Ольгу Чюмину вместе с Корнеем Чуковским в оскорблении императорской фамилии.

Выпущенный было под залог в 10 000 рублей (деньги внесла издательница «Современного мира» М. К. Куприна-Иорданская), К. Чуковский через короткий срок опять оказался в «предварилке» по новому обвинению. Чтобы выйти на свободу, потребовался новый, правда более скромный, залог, и на этот раз его внесла О. Чюмина. Редактор «Сигнала» вернулся к исполнению своих обязанностей, и П. Потемкин отметил это событие шутивным экспромтом:

Он был Ка-Че, она О-Чю.
И шли они плечом к плечу
В «Сигнале».

Но был закон весьма суров,
И вот Ка-Че без лишних слов
Забрали.

В тюрьме Ка-Че. К нему О-Чю:
«Внести залог я хлопочу,
Нельзя ли?»

И вот Ка-Че, и вот О-Чю
Опять идут плечом к плечу
В «Сигнале».

18 декабря 1905 года дело о редакторе-издателе сатирического журнала «Сигнал» К. Чуковском и поэтессе О. Чюминой по обвинению «в оскорблении величества и порицании существующего рода правления» было прекращено.¹ После блестящей речи адвоката О. О. Грузенберга Судебная палата нашла слишком щекотливым подтвердить то, что было очевидным для всех. Ведь это значило бы

---

¹ См.: Е. А. Валле-де-Барр, «Свобода» русской печати (После 17 октября 1905 г.), Самара, 1906, стр. 47.

оскорбить «величество» еще раз документальным признанием факта, что сатира адресована именно ему. Но несмотря на прекращение дела против редактора, сам «Сигнал» был также прекращен навсегда.

Уклоняясь от репрессий, предусмотренных «Временными правилами о повременных изданиях», редакции сатирических журналов прибегали обычно к хитрой тактике: если по суду издание подвергалось полному запрещению, тот же журнал продолжал некоторое время выходить под другим или слегка измененным названием. Направление журнала и состав сотрудников при этом, конечно, сохранялись, и так повторялось несколько раз до полного разгрома редакции.

Запрещенный в декабре 1905 года «Зритель» выходил в 1906 году под названием «Журнал» (причем читателям было ясно дано понять, что это тот же «Зритель»). Приостановленный на втором номере «Журнал» надел новую маску. Он так и назвался «Маски» и в этом качестве под редакцией художника С. Чехонина пользовался большой популярностью у читателей.¹ В конце марта 1906 года журнал снова был закрыт, а редакторы преданы суду. Вместо него стал выходить «Альманах», теперь уже не еженедельно, как прежде, а раз в месяц.

«Сигнал» К. Чуковского, запрещенный на четвертом номере, продолжал еще некоторое время выходить под названием «Сигналы».

Пользовавшийся широким спросом сатирический журнал «Бурелом» (редактор Г. Эрастов) вышел тремя книжками в 1905-м и одной в 1906 году; пятый его номер был захвачен в типографии, конфискован и уничтожен полностью. Редактору пришлось бежать от предварительного тюремного заключения за границу, в Швецию. В его отсутствие журнал вышел дважды под названием «Буря», а затем «Буревал».

В «Буреломе» — «Буревале» нашли отражение мотивы крестьянской революции, отзвуки аграрных волнений современности, когда «народ взялся за топоры», и этого было достаточно для неотступных преследований со стороны правительства. Каждый номер «Буревала» подвергался конфискации, каждому следующему редактору предъявлялись обвинения по новым статьям. На четвертом номере журнал был приостановлен и больше не возобновлялся.

Среди многочисленных сатирических журналов эпохи первой русской революции выделялись своим художественным уровнем и

---

¹ См.: С. Чехонин, Текст А. Эфроса и Н. Пунина, Л., 1924.

остротой политических обличений петербургские еженедельники «Жупел», «Адская почта», «Леший» и журнал московских большевиков «Жало», изданный, правда, лишь одним номером. В организации «Жупела» и «Жала» непосредственное участие принял М. Горький (в «Адской почте» он выступал только как сотрудник).

Связи М. Горького с сатирической журналистикой детально изучены,¹ они позволяют определить наиболее выдержанное направление революционно-демократической журнальной сатиры, объединившее лучшие силы художников-карикатуристов и писателей того времени.

Мысль об издании образцового журнала художественной сатиры с участием крупных художников принадлежала З. И. Гржебину, выпускнику Академии художеств, кончавшему свое обучение в Мюнхене. Именно в мюнхенских мастерских завязались связи Гржебина с художниками-карикатуристами Теодором Гейне, Бруно-Паулем, Р. Вильке, О. Гульбрансоном, Эд. Тени и другими, составившими европейскую известность и славу немецкому сатирическому журналу «Симплициссимус». На предложение Гржебина организовать русский сатирический журнал типа «Симплициссимуса» откликнулись Е. Е. Лансере, А. Н. Бенуа, И. Я. Билибин, М. В. Добужинский, О. В. Каррик, Д. Н. Кардовский, Б. М. Кустодиев, Л. О. Пастернак, К. А. Сомов, В. А. Серов, П. Е. Щербов и другие художники, представлявшие цвет и надежду того, что было тогда в русской живописи. Возмущение правительством захватило и эти, достаточно далекие от политики художественные круги.

Успех журнала в немалой степени зависел также от литературных сил, которые могли бы задать тон всему изданию. В июне 1905 года Гржебин обратился к М. Горькому с письмом, в котором изложил наметки программы будущего журнала и просил его о сотрудничестве. Вскоре между ними состоялась беседа, о результатах которой Гржебин сообщал Добужинскому:

«Горький, Куприн, Андреев и др. из «Знания» будут у нас участвовать с *большой* охотой. Мы стучимся в открытые двери. Эта идея им так симпатична, что они готовы работать (не участвовать, а работать) вместе с нами, и разделить вместе с нами успех и ошибки. Они, как и мы, видят в этом деле большое культурное значение для жизни обновленной России, литераторов и художников. Они, как и

---

¹ См.: А. Б. Соколов, Горький и прогрессивная сатирическая журналистика первой русской революции. — «Известия АН СССР», Отделение литературы и языка, 1956, т. 15, вып. 1, стр. 26—37; С. В. Смирнов, М. Горький и журналистика конца XIX — начала XX в., Л., 1959, стр. 149—162.

мы, видят, находят, что мы, соединенными силами, принесем как жизни, так и искусству большую пользу. «Смеху в будущем принадлежит многое» (Горький)». ¹

Наметившееся сотрудничество талантливейших художников «Мира искусства» и выдающихся писателей «Знания» представляло собой самую многообещающую комбинацию художественных и литературных сил, которыми располагало тогда прогрессивное русское искусство. Дело теперь было за практической организацией журнала, и М. Горький, со своей стороны, сделал все от него зависящее в этом направлении.

Общее собрание участников будущего журнала решено было провести 10 июня 1905 года на даче Горького в Куоккале под Петербургом, поскольку самому Горькому въезд в Петербург был запрещен.

С приглашением приехать для подробного обсуждения программы «Жупела» Горький обратился к Е. Чирикову, И. Бунину и др.

По следам совещания в Финляндии Горький писал А. А. Дивильковскому, что с осени «в Питере будет выходить журнал в духе и в виде „Симплициссимуса“». ² Рассчитывать на более ранний выпуск журнала по тогдашним цензурным условиям не приходилось.

Первый номер «Жупела» был составлен в горячке ноябрьских дней 1905 года, когда положение русской печати изменилось и сатирические журналы двинулись в рост, как грибы после дождя. М. Горький известил из Москвы К. П. Пятницкого о своем намерении быть к 21 ноября в Петербурге — «нужно выпускать «Жупел» и видеть вас». ³ Тогда же М. Горький писал А. А. Дивильковскому: «...Если Вы хотите сотрудничать в «Жупеле», пишите, 21-го — будем составлять №. 26-го — выпустим. В этом журнале я хотел бы устроить публичные еженедельные порки Серого человека — главного врага жизни, того, который мечется между Черным и Красным и пускает слюни... Ненавижу мешан... Люблю веселый, яркий красный цвет». ⁴

В Петербург М. Горький приехал 27 ноября, а 2 декабря 1905 года первый номер «Жупела» вышел в свет. По своему содержанию и

---

¹ Цитирую по статье: З. М. Карасик, М. Горький и сатирические журналы «Жупел» и «Адская почта». В кн.: «М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов», М., 1957, стр. 359.

² «М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов», стр. 51.

³ А. М. Горький, Письма к К. П. Пятницкому. — «Архив А. М. Горького», т. 4, М., 1954, стр. 189.

⁴ «М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов», стр. 58.

художественному оформлению «Жупел» был на голову выше других сатирических журналов той поры. В первом же его номере было помещено несколько превосходных рисунков. В их числе — красочная иллюстрация Б. И. Анисфельда «1905 год», навеянная событиями 9 января и последующими кровавыми расправами с народом; рисунок Валентина Серова «Солдатушки, бравы ребятушки, где же ваша слава?», написанный с натуры, из окна мастерской, откуда художник наблюдал избивание толпы конными казаками; «Октябрьская идиллия» М. Добужинского, изображающая царский манифест на стене углового дома, забрызганной пятнами крови. Центральным рисунком номера был «Орел-оборотень» З. И. Гржебина — остроумно и зло трактованный герб Российской империи.

Второй номер «Жупела» вышел в свет 24 декабря 1905 года, после подавления вооруженного восстания в Москве, и основной темой номера было именно это политическое событие. Оно отражено в рисунках Б. Кустодиева, Е. Лансере, М. Добужинского и других художников. Их сатира изобличала жестокость московских карателей, заливших древнюю столицу кровью. На рисунке М. Добужинского, в частности, из моря крови выступают лишь Кремль и маковки московских церквей. Окаймленная цветной радугой, эта картина называется «Умиротворение». В третьем номере «Жупела» выделялся дерзкий по замыслу рисунок И. Билибина, на котором в пышную раму, составлявшую принадлежность официальных портретов российских самодержцев, помещен длинноухий осел.

В трех номерах «Жупела» было более тридцати сатирических иллюстраций разного рода, которые, по словам одного из исследователей, «могут считаться шедеврами русской сатирической графики» и составляют «квинт-эссенцию русского остроумия в графике», «экстракт русской художественной сатиры».¹

Жупел — клеймо, которое ставили в старину при помощи расплавленной смолы или серы. Жупелом пугали, угрожая ославить, предать позору, высмеять на глазах у всех. Создатели журнала хотели вернуть этому слову его изначальный устрашающий смысл.

Литературный материал «Жупела» если не целиком, то в значительной части прошел через руки М. Горького. Новый журнал, по его планам, должен был занять воинствующе непримиримую позицию не только по отношению к самодержавию, бюрократии, милитаризму и черносотенству. Он должен был направить свою сатиру против мешанства, против буржуазного либерализма и со-

---

¹ П. Дульский, Графика сатирических журналов 1905—1906 гг., Казань, 1922, стр. 37.

глашательства, то есть придерживаться последовательного общинно-революционного направления.

Кроме сатирических миниатюр самого М. Горького («Собака», «Афоризмы и максимы»), в журнале были напечатаны произведения Л. Андреева, А. Куприна, С. Скитальца, Н. Тэффи и других авторов. На страницах «Жупела» появилась «Притча о Черте» К. Бальмонта — «вещь острая и современная», по оценке М. Горького, предполагавшего сначала напечатать это стихотворение в газете «Новая жизнь». «Притча о Черте» метила в двоедушные политики либерализма; герой ее, черт, сам устроил «поджог», он смеется над горящим зданием русской империи, ее «мундирниками», которые «сидели в кабаке и инли дрянь свою», а теперь в роли пожарных поспешно спасают «хлам чужой». Лукавый черт, однако, не дает пожару разгореться в полную силу. Полюбовавшись блестящим зрелищем, он сам присоединяется к гасителям огня.

В том же номере «Жупела» было помещено аллегорическое стихотворение И. Бунина «Ормузд». По древнеперсидской мифологии, Ормузд — высшее божество, источник добра и чистейшего света, враг лжецов, мститель за неправду. Он неустанно борется со злым духом Тьмы, и каждому предстоит выбор между двумя началами, состоящими в извечном споре между собой. При всей отвлеченности мифологического сюжета, контрастная символика бунинского стихотворения и его энергичная пафосная интонация открывали возможность вполне современного истолкования.

Ночь третью мира властно правит,
Но мудрый жаждет верить Дню.
Он в мире радость солнца славит,
Он поклоняется Огню. . .

Страх перед огнем («Притча о Черте») и поклонение огню («Ормузд») — эти противоположные умонастроения в декабре 1905 года приобретали отчетливую политическую окраску.

Совершенно прозрачный смысл имели сатирические стихотворения «Мидас» С. Гусева-Оренбургского и «Ксеркс и море» Юрия Светогора (Ю. В. Қаннабиха), также помещенные в первом номере «Жупела». Легендарно-историческая фабула того и другого стихотворения более чем условна, и ослиные уши последнего русского царя ясно просматривались под фригийской короной или восточной чалмой.

В Европе и Азии наступил век народных революций, «век вил и топора», вот почему с некоторых пор:

Вдали, вблизи, — стоуюстою толпой
Народ кричит упорно пред дворцами:
«Долой, Мидас, долой!»

«Жупел» клеймил и высшую бюрократию в лице наиболее ненавистных царских сановников. Мальчишки-разносчики, сбывая журнал публике, выкрикивали на улице:

«Жупел — для бюрократии: боится как черт ладана!»¹

В журнале была помещена стихотворная «Сказка о хитром Сергее» Бор. Тимофеева, посвященная собственно двум лицам из ближайшего царского окружения — генералу-карателю Д. Ф. Трепову («Митюхе») и графу С. Ю. Витте («хитрому Сергею»). Сопоставление крутых мер Митюхи и либеральных обещаний «хитрого Сергея» довольно точно характеризует политику каждого из них.

Читатели «Жупела» без особых трудов могли разгадать стихотворную шараду Е. Чирикова «Кто он?», основанную на известных фактах из биографии министра внутренних дел Дурново, уличенного в скандальной афере с казенными поставками овса. Дурново отличался особой свирепостью в проведении карательных мер. После подавления декабрьского восстания в Москве и разрозненных выступлений в других городах он одним из первых трубил сомнительную пиррову победу реакции.

Усиливая репрессии против печати, Дурново лично позаботился о прекращении «Жупела». Преследования журнала начались на следующий же день после выхода в свет первого номера. Значительная часть его тиража была захвачена и конфискована 3 декабря в конторе редакции. Против издателей «Жупела» было возбуждено судебное дело. Спустя двадцать дней полиция повторила налет на редакцию. В результате обыска была изъята масса готовых рисунков, литературных заметок и статей. Второй номер «Жупела», на обложке которого был изображен царь Додон, «самодержец Всероссийский, царь Польский, великий князь Финляндский и прочая и прочая», вызвал особый приступ ярости. За дерзостное неуважение к верховной власти номер был конфискован, в редакции и типографии учинен новый погром. Министр внутренних дел, сам немало пострадавший от «Жупела», переслал 25 декабря 1905 года в цензурный комитет записку, в которой предлагал возбудить судебное преследование против журнала.

Третий номер «Жупела», выпущенный в январе, когда редактор

---

¹ Н. Виноградов, Сатира и юмор в 1905—1907 гг. — «Библиографические известия», 1916, № 3-4, стр. 123.

З. И. Гржебин уже находился под следствием в тюрьме, оказался последним номером журнала, увидевшим свет. 6 января 1906 года Горький писал Е. П. Пешковой из Финляндии: «В Питере начальство, ожидая 9-е число, видимо, целиком взбесилось. Аресты идут — невообразимые, сотнями развозят народ по тюрьмам. Об обысках уж не говорю. Часть публики, желая отдохнуть от трудов, с удовольствием садится в тюрьмы, — это не юмор. . . Вероятно, конфискуют и «Жупела», в котором я тоже принимаю весьма близкое участие. Жаль, не могу прислать тебе 3-го номера, его тоже, должно быть, будут отбирать на почте. Все же попытаюсь. Черносотенная пресса травит меня всюю. . .»¹

Судя по письму, третий, новогодний номер «Жупела» в начале января был уже готов. 15 января полиция конфисковала в редакции лишь пятьдесят экземпляров, основной тираж к тому времени разошелся по рукам. Помещенные в третьем номере стихотворения «9 января» С. Гусева-Оренбургского и «Солдатская песня» Шпака, а также рисунки Билибина, Гржебина, Добужинского, Кардовского и других послужили основанием для запрещения журнала. Гржебин был приговорен к тюрьме сроком на один год. Второй и третий номер «Жупела» подлежали полному истреблению.

Журнал «Адская почта», начавший выходить весной 1906 года вместо закрытого «Жупела», во многом уступал своему предшественнику. В новом журнале сотрудничали те же художники, давшие ряд мастерских рисунков (особенно значительны сатирические портреты, выполненные Кустодиевым), но литературный отдел «Адской почты» перешел в руки символистов, «мистических анархистов» и прочих, ослабивших сатирическое направление журнала. Некоторые материалы из портфеля «Жупела» все же увидели свет через «Адскую почту». Здесь были опубликованы «Мудрец», «Изречения и правила», «Правила и изречения» М. Горького (в «Адской почте» он собирался поместить свой памфлет «Прекрасная Франция»), стихотворения И. Бунина, А. Блока, В. Брюсова, Вяч. Иванова и других авторов, которые украсили бы любое издание.

«Временные правила о повременной печати», введенные в действие 24 ноября 1905 года, показались правительству недостаточными для борьбы с неугодной ему прессой. В марте 1906 года были опубликованы «Дополнения» к временным правилам, еще более укрепившие принятые законы о печати. Бюрократия стремилась создать надежный щит против посягательств на ее кастовые интересы. «Дополне-

---

¹ А. М. Горький, Письма к Е. П. Пешковой. — «Архив А. М. Горького», т. 5, М., 1955, стр. 170.

ния» от 18 и 23 марта ограждали, в частности, деятельность должностных лиц от сколько-нибудь широкой и резкой общественной критики. «Дополнения» явились по существу «законом против гласности». Способы приостановки и прекращения повременных изданий были чрезвычайно упрощены; уголовная ответственность редакторов расширена. Печать вновь оказалась во власти почти неограниченного административного произвола.

26 апреля 1906 года вступили в силу «Временные правила о неповременных изданиях», которыми хотя и отменялась предварительная общая и духовная цензура для выходящих в России книг, брошюр, сборников и т. д., однако все стеснения, установленные последними указами, распространялись и на этот вид изданий.

Печатай книги и брошюры,
Свободой пользуйся святой —
Без предварительной цензуры,
Но с предварительной тюрьмой —

так прокомментировал последние правила о печати сатирик «Овода». Для издателей и редакторов эти меры не были новостью.

«Единственно, что является новостью в правилах 26 апреля, — отмечал тогда же один из обозревателей русской печати, — это то, что «цензурные комитеты» переименованы в «комитеты по делам печати»; цензоры, входящие в состав этих комитетов, названы членами их, а отдельные цензоры — „инспекторами по делам печати“». ¹

Кто бы мог сказать, что в России существует цензура, если «цензурные комитеты» переименованы и функционируют под другой вывеской?! Этот лицемерный трюк был многократно высмеян в сатирических журналах, продолжавших, вопреки всем карам, осыпать насмешками своих гонителей.

Поражение революции в декабре 1905 года оказалось поворотным моментом в развитии русской печати вообще и, в частности, сатирической журналистики. 1906 год проходил под знаком постепенной ликвидации завоеванных свобод.

Бывший редактор «Жупела» Гржебин писал М. Горькому за границу в ноябре 1906 года: «„Жупел“ не провалился бы, если бы в это время в России вообще не провалилось бы все свободное... „Адская почта“ же состояла из такого обширного и разностороннего редакционного комитета, что все живое должно было обратиться

---

¹ Е. А. Валле-де-Барр, «Свобода» русской печати (После 17 октября 1905 г.), стр. 31.

в скелет. А я имею теперь такие превосходные рисунки Серова, Добужинского, Кардовского, Чехонина, Кустодиева, Билибина и др. — действительно живые, убедительные, остроумные и художественные, что ни на минуту не сомневаюсь, что дело наше здоровое, что таланты еще не перевелись. . . »¹

Таланты сатириков, рисовальщиков и писателей действительно не перевелись. Эти таланты только-только успели заявить о себе, когда общие условия развития сатирической литературы вновь стали чрезвычайно тяжелыми. Обличительные стихотворения, увидевшие свет на страницах «Зрителя», «Пулемета», «Сигнала», «Жупела», «Адской почты» и других изданий, составляли лишь малую часть того, что было написано поэтами-сатириками за время первой революции в России. При всей пестроте сатирической поэзии 1905—1907 годов в ней постепенно определилось несколько основных тем, многократно повторенных на разные голоса.

5

Одна из главных мишеней сатиры 1905—1907 годов — русский царь Николай II как воплощенная бездарность самодержавия. Характер самодержавной власти определялся тем, что эта власть была наследственной, личной, не ограниченной народным представительством и какими-либо конституционными гарантиями, тем, что она выражала общие интересы дворянско-помещичьего класса, чиновничества, крупной буржуазии и осуществляла свои функции через громадный военно-бюрократический аппарат.

«Самодержавие держалось вековым угнетением трудящегося народа, темнотой, забитостью его, застоём экономической и всякой другой культуры. На этой почве беспрепятственно росло и лицемерно распространялось учение о «неразрывном единении царя с народом и народа с царем», учение о том, что самодержавная власть царя стоит выше всех сословий и классов народа, выше деления на бедных и богатых, что она выражает всеобщие интересы всего народа».²

Революционная сатира способствовала развенчанию царистских иллюзий в народе, она подрывала самую почву лицемерной легенды о надклассовой и священной природе самодержавной власти. Вся

---

¹ Цитирую по статье: З. М. Карасик, М. Горький и сатирические журналы «Жупел» и «Адская почта». В кн.: «М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов», стр. 380—381.

² В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 11, стр. 180—181.

политическая структура самодержавия снизу доверху подверглась разоблачению и осмеянию тем более беспощадному, что черты разложения власти стали явственными для всех. Русский абсолютизм переживал самый глубокий кризис за всю трехсотлетнюю историю дома Романовых.

Фигура Николая II как правителя-самодержца убеждала с несомненностью, что представляемая им форма политической власти себя окончательно изжила. Крупный государственный деятель и верный слуга царизма граф С. Ю. Витте отметил в личности Николая II худшие наследственные черты его царственных предков — Павла и Александра I. Человек бесхарактерный, колеблющийся и мстительный, Николай II всегда находился под влиянием других людей, как правило злых и недальновидных. Вынужденный пользоваться советами разных лиц, он нередко мстил тем, кому уступал во мнениях. С самого вступления на престол Николай II «вообще недолюбливал и даже не переносил лиц, представляющих собою определенную личность, т. е. лиц, твердых в своих мнениях, своих словах и своих действиях».¹

Скандалные политические провалы, фатально сопровождавшие Николая II на всем протяжении его царствования, были заслуженным историческим возмездием. Все традиционные основания и устои русского самодержавия обнаружили свой призрачный и извращенный характер.

По линии наследственной — очевидные признаки вырождения, ничтожность характера и ума; фиктивность личной власти, превратившейся в ширму безответственных вмешательств придворной клики в государственные дела; невозможность управлять Россией без соглашения с народом и нежелание найти приемлемую форму такого соглашения; неспособность отстоять общие интересы даже тех классов, которые составляли собственную опору царизма, кастовая слепота; развал государственной машины, армии и управления, впервые в таких масштабах обнаруженный событиями недавней войны и революции.

Русским сатирикам всегда было над кем и над чем смеяться, последний же русский царь как будто специально был создан для презрительных насмешек и карикатур.

После 9 января и назначения Трепова генерал-губернатором Петербурга, а фактически — диктатором, в столице ходило в списках «Письмо Николая II к Вильгельму II». Анонимный автор стихотворения был хорошо осведомлен о доверительных отношениях между

---

¹ С. Ю. Витте, Воспоминания, т. 2, М., 1960, стр. 18.

двумя императорами, состоявшими друг с другом в династическом родстве:

Ведь я тебе вдвойне родня:
И по жене и по мамаше,
И немцы будут дети наши,
Что очень радует меня.

Несмотря на родственные связи, между Николаем II и Вильгельмом II никогда не исчезало личное соперничество. По сравнению с бесцветным российским императором Вильгельм как личность, «видимо, стоял или по крайней мере почитается в общественном не только русском, но и мировом мнении выше его, — отмечал С. Ю. Витте. — Вильгельм и фигурой гораздо больше император, нежели он. При самолюбивом в известных сферах характере императора Николая II это его коробило». ¹

Особая острота «Письма Николая II Вильгельму II» состоит в демонстрации неравноправного, шаткого положения русского царя рядом с германским императором. Это был сильный удар, точно направленный в больное место. В своем «Письме» Николай горько жалуется собрату, в каком он тяжком «состояньи» и каковы его «страданья». Царская жалоба содержит подробный обзор политических конфузов и неудач, начиная с первых поражений в русско-японской войне и кончая событиями 9 января в Петербурге. Русский царь униженно просит у германского императора не только защиты и убежища, если ему придется вдруг оставить «опасный трон», но и совета, как обходиться дальше со своими восставшими подданными.

В реальной переписке двух императоров, опубликованной много позже, Вильгельм называл Николая «милейший Ники», а подписывался как «любящий друг и кузен Вилли» (однажды, правда, к этим родственным аттестациям он прибавил более тщеславное — «Вилли, адмирал Атлантического океана»). Николай обращался к своему «другу и кузену» не иначе как «мой дорогой Вилли», причем всегда на английском языке. ²

В сатирическом послании Николай называет Вильгельма не «дорогим другом», как это было принято в переписке между равноправными правителями, а «дядей», то есть обращается к нему как младший к старшему, что само по себе являлось чувствительным уколом царскому самолюбию.

Отбросив дипломатический камуфляж, автор пародийного

---

¹ С. Ю. В и т т е, Воспоминания, т. 2, стр. 311.

² См.: «Переписка Вильгельма II с Николаем II», М.—П., 1923.

«Письма» вернул все на свои реальные места. Николай II обращается к Вильгельму II не только как младший к старшему, но — что существенней — как слабый к сильному. Русский царизм уже не в состоянии был, как при Николае I, играть роль жандарма Европы. У него не хватало сил, чтобы справиться с собственным народом. Ближайшая и единственная программа Николая II — программа полицейского террора внутри страны; в заключение «Письма» он и доводит ее до сведения своего просвещенного немецкого «дяди».

Столь откровенная сатира личного свойства даже в 1905 году не могла стать достоянием печати, равно как и другое сатирическое стихотворение — «Николай II и земцы», распространявшееся в виде нелегальной листовки.

Поэтам сатирических журналов при нападениях на царя приходилось пользоваться традиционными приемами иносказания и маскировки. Один из первых опытов в этом роде — басня Н. И. Фалеева «Камень и Земля», опубликованная в четвертом номере «Зрителя». Здесь для самодержавия найден особый замещающий образ:

Среди полей спокон веков
Валялся Камень безобразный.
Он мхом оброс и дрянью разной
И был убежищем для жаб и для кротов.

Однако мысль стихотворения не слишком точна: когда Земле стало «невозмогу» держать на себе Камень, он сам выразил готовность «сойти». За дело принялись кроты, которые «натужились безмерно».

Им помогал и Камень сам,
Да вот что скверно:
Что Камень до сих пор всё там. . .

Поэт явно переоценивал «уступчивость» самодержавной глыбы. Конституционные реформы, неоднократно обещанные, менее всего отвечали внутренним побуждениям царя. Каждая его уступка была вынужденной. Каждая обещанная реформа тормозилась и выхолащивалась — не без помощи тех же «кротов». Русский Камень не хотел никаких исторических изменений, потому-то он и не сдвинулся с места.

Гораздо более пронизательна и остра другая басня Н. И. Фалеева — «Свободные скоты», являющаяся прямым откликом на манифест Николая II от 17 октября. Здесь царь — Пастух своего стада, которое он прежде стерег,

Чем только мог,
От губельных и вредных заключений:
Рожком,
Арканами, кнутом,
Но всё из чистых побуждений.

В басне пародируется выпененный и лицемерный стиль царских посланий, а чистота его побуждений лаконично сопрягается с кнутом. Гром грянул, и Пастух покаялся в своем «тиранстве», «своевольстве», он «волю» объявил скотам, но только вместо прежних пут колючие поставил «загородки». Басня Н. И. Фалеева была разом в две цели — против лицемерия царя, будто бы бросившего «первым» кнут, и против неумеренных восторгов либерального стада, принявшего царскую милость за чистую монету.

Сатирическое иносказание в басне основано обычно на замещении реального объекта, более или менее остроумной подстановке. Каждый может догадаться, куда метит басня, но никто не в состоянии доказать, что она имеет однозначную конкретную мишень. Именно это свойство басни казалось особенно подозрительным в фамусовской Москве. Загорецкий у Грибоедова не зря предлагал «налечь» на басни:

...ох! Басни — смерть моя!
Насмешки вечные над львами! над орлами!
Кто что ни говори:
Хотя животные, а все-таки цари.

При деспотическом режиме Николая I басня оставалась едва ли не единственным прибежищем легальной антицарской сатиры, наглухо упрятанной в аллегорические одежды. В эпоху революции 1905—1907 годов значение басенной сатиры сузилось, а главное, сама басня во многом переменилась. При сохранении условной фавулы, характерной для жанра, ее основной обличительный смысл стал все больше определяться конкретными политическими деталями, исключавшими слишком общее и отвлеченное толкование. Басня сблизилась с политическим памфлетом и фельетоном, имеющими вполне определенный локальный адрес, точно указанный в тексте. Эта тенденция, наметившаяся в баснях Н. И. Фалеева, П. Потемкина, Г. Я. Кайзермана и других поэтов-сатириков, через несколько лет была подхвачена и успешно развита Демьяном Бедным.

Яркий пример нового использования басенного жанра показал Корней Чуковский в своих вольных переводах из Томаса Мура. В качестве источника К. Чуковский использовал «Басни для Священ-

ного Союза» (1823), направленные в свое время против европейской монархической реакции, в том числе русского самодержавия. В первом же стихотворении «Сон (Конец Священного Союза)» Томас Мур собрал в потешном Ледяном дворце русской императрицы Анны коронованных чудовищ современной ему феодальной Европы. Поэту снится прощальный бал монархов, последняя вакханалия политических призраков перед наступлением весны. Из «Басен» Томаса Мура К. Чуковский выбрал не русский сюжет, а два «восточных» — о злых шалостях малолетнего тибетского Ламы («Маленький великий Лама») и о гибельном пожаре во дворце персидского шаха («Огнегасители»). Искусство обработки «иноземных» сюжетов заключалось в том, чтобы максимально сблизить сатирические притчи о чужих правителях с характером и повадками собственного. Особенно удался в этом смысле «Маленький великий Лама». В прихотях слабоумного недоросля на троне все узнали российского самодержца. Прощение, направленное Высшему Совету, — «спустить его величеству штаны и дать ему березовую кашу» — указывает на истинный (императорский) сан провинившегося, а концовка стихотворения не оставляет сомнений, о ком именно идет речь:

«Чтоб революцию пресечь,
Народ в Тибете уберечь,
Сейчас же буйному ребенку
Поднять доверху рубашонку,
Почтительно его посечь».

Вот так и сделали. На днях меня встречает
Приехавший из этих мест.
Он весь от радости сияет:
Их Лама подобрел — и так их обожает,
Что в дар для них приготовляет
Всемиловитый манифест.

Поставленный последней венчающей строкой «всемиловитый манифест» по существу взрывает условную «тибетскую» оболочку старой переводной басни. Современная политическая фразеология, игра реалиями, принадлежащими исключительно русской верховной власти, накрепко связывают маленького Ламу с ничтожным Николаем II. Прямая политическая сатира постепенно вытесняет и замещает аллегорическое иносказание.

Тот же по сути принцип был развит в многочисленных стихотворениях на легендарные, сказочные, исторические мотивы («Мидас» С. Гусева-Оренбургского, «Ксеркс и море» Ю. Каннабиха, «Так

болтали в кофейнях Багдада» Ал. Гидони, «Чудной король» Н. Панова, «Гаданье короля» (с испанского) Я. Година, «Пожар» (баллада с английского) Янки Дудля и др.). Сатирики не скупилась на угрожающие аналогии и параллели, тем более что вся минувшая эпоха европейских революций и восточного деспотизма давала для этого обширный и разнообразный материал. Национально-исторический колорит перечисленных стихотворений совершенно условен, фиктивен: под всеми одеяниями, приличествующими королям, шахам, ламам, эмирам и прочим, читатели неизменно узнавали постыдную наготу русского самодержавия.

Фольклорные образы злого, своенравного и глупого царя издавна бытовали в народно-поэтической сатире, русской и зарубежной. Однако от сказочного царя Берендея или Додона до реальных самодержцев на троне было далеко, и сильные цари не унижали себя публичным признанием сходства. Русская народная драма о царе Максимильяне с успехом разыгрывалась на подмостках ярмарочных балаганов, несмотря на резкие антимонархические выпады, заключенные в ее сценах.¹

Остроумная и злая кукольная комедия «Принц Лутоня», заимствованная В. Курочкиным из книги Марка Монье, не была напечатана при жизни поэта-переводчика, но все же увидела свет в 1880 году как «сатира, не имеющая непосредственной цели и при общем ее литературном значении не заключающая в себе никаких политических намеков...»²

Там, однако, где в 1880 году цензура не усмотрела особого криминала, после революции 1905 года была обнаружена политическая крамола, причем опасная. Изданная в 1905 году отдельной брошюрой переводная комедия «Принц Лутоня» подверглась аресту и изъятию, поскольку один цензор признал в ней «дерзостное неуважение верховной власти», а другой отдал ей должное как «очень злой сатире на монархическую власть».³

Революция, конечно, обострила чутье цензоров, но дело было не только в этом. С усилением массовых антимонархических настроений в России небывалую прежде остроту приобрели даже самые традиционные, «вечные» образы народной поэзии, не упускавшей случая посмеяться над верховной властью, пусть даже символической, ска-

---

¹ См.: Народная драма «Царь Максимильян». Тексты, собранные и приготовленные к печати Н. Н. Виноградовым, СПб., 1914.

² Принц Лутоня (Кукольная комедия). Несколько слов от автора-переводчика. В кн.: «Поэты „Искры“», т. 1, «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1955, стр. 666.

³ Там же, стр. 787—788.

зочной. Эта новая психологическая почва восприятия старой сатиры была по-своему использована художниками-карикатуристами и поэтами.

Ай ду-ду! ай ду-ду!
Я возьму свою дуду:
Подберу-ка я под дудку,
Братцы, новую погудку! —

писал С. Басов-Верхоянцев в зачине сатирической сказки «Конск-Скакунок». Автор назвал свою сатиру «русской сказкой», имея в виду не столько ее национальные поэтические истоки, сколько современную русскую историю, потрясшую самодержавие.

Сказка Басова-Верхоянцева является прямой сатирической перелицовкой «Конька-Горбунка» П. Ершова. Автор вполне сознательно заимствовал поэтическую форму и основные образы популярнейшего произведения русской поэзии XIX века. Знакомый читателям сюжет использован в качестве готовой канвы, по которой выведен злободневный политический узор. «Конек-Скакунок» — это в своем роде «новая погудка» на старый лад. Кроме ершовского «Конька-Горбунка» в сказке С. Басова-Верхоянцева есть переключки с сатирической поэмой Шевченко «Сон» (царь и его приближенные во дворце) и в особенности с некрасовской «Кому на Руси жить хорошо» (повторение традиционного мотива поисков мужиками «правды»).

Басов-Верхоянцев был связан с поздним народовольческим движением, прошел через острог и ссылку, перед революцией 1905 года он входил в боевую организацию эсеров. Его политические взгляды, объединявшие идею народной революции с мечтой о «крестьянском социализме», отчетливо проявились в антиправительственных памфлетах, изданных нелегально в России после 1905 года. Известно, что особый гнев Столыпина вызвала, в частности, его «Русская история в стихах» («Дедушка Тарас»), направленная против царствующего дома.

«Труд над созданием «Конька», «Дедушки Тараса», «Черной сотни» и др., — писал впоследствии Басов-Верхоянцев, — я считаю главной своей революционной работой в те годы (1906—1908), хотя и шла она как бы между делом. И еще: вряд ли я ошибусь, если скажу, что книжки эти положили широкое основание революционному лубку в нарождавшейся пролетарской литературе».¹

Связь сатиры Басова-Верхоянцева с народным лубком — несомненна, хотя от пролетарской литературы в собственном смысле

---

¹ С. Басов-Верхоянцев, Из давних встреч. Азеф. — «Новый мир», 1926, № 10, стр. 141.

слова ее отделяют политические идеалы левонароднического толка. И наиболее сильная сторона ее не в этих идеалах, а в непосредственных обличениях самодержавия.

В «Коньке-Скакунке» Басова-Верхоянцева сквозит возмущение и гнев крестьянской демократии, расставшейся с царистскими иллюзиями и на опыте усвоившей, что царь так же враждебен народу, как его воеводы-каратели, помещики, попы, урядники и прочие:

Супостат у нас один —
Берендей, наш властелин!

Берендей в сказке Басова-Верхоянцева точно «заземлен» и имеет все фамильные черты Николая II:

С ним живут и две царицы,
Две Заморские Девы:
Берендея мать — одна,
А другая-то — жена.

До С. Басова-Верхоянцева тот же фольклорный образ был использован «Жупелом» в сказке «Про доброго царя Берендея», где царь начал писать манифест: «В неустанном попечении о благе верных моих подданных. . .», но дальше ничего не смог придумать и зашул («Жупел», 1905, № 1).

Уже здесь найден основной прием политической модернизации народной сказки, давший несомненный комический эффект. Басов-Верхоянцев развил этот прием: в его «Коньке-Скакунке» развернута своеобразная сатирическая хроника царствования Николая II, охватывающая множество реальных событий и лиц.

Как аллегория в басне, сказочный образ царя Берендея остается лишь псевдонимом конкретного адресата сатиры, имеющей непосредственную цель и насыщенной злободневными политическими намеками. Сатира не прячется здесь за условность или обобщенную фольклорную фигуру, а вполне откровенно обнаруживает себя.

Как отметил еще В. Боцяновский, у Николая II было несколько постоянных, устойчивых кличек, которыми широко пользовались сатирики. Одна из них — «мальчик с пальчик» (намек на невзрачную фигуру и несамостоятельность царя). Именно так изображен русский царь на рисунке И. Я. Билибина в «Жупеле». Рядом с мощной фигурой царя Додона, которому придано сходство с Александром III, стоит хилый царствующий отрок в короне и задумчиво ковыряет пальцем в носу (ср.: анонимное стихотворение «Сказка о мальчике с пальчик»).

Не менее дерзкими были прямые насмешки над государственным

гербом и традиционными эмблемами самодержавной власти. Еще в пятидесятых годах XIX века В. Курочкин написал резкое антимо-нархическое стихотворение «Двуглавый орел», звучавшее как приговор николаевской эпохе. В стихотворении повторялся главный мотив:

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол.
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

Столь откровенное стихотворение не могло появиться в отечественной печати и было опубликовано анонимно в лондонском издании А. И. Герцена «Голоса из России» (1857). При искреннем негодовании и непримиримости чувства, сатира В. Курочкина проникнута сознанием трагической безысходности положения, сохраняющегося, пока над русской жизнью безраздельно царит двуглавый орел.

Революция 1905 года подорвала мощь самодержавия, и самый тон антимонархической сатиры изменился. В одном из декабрьских номеров «Зрителя» за 1905 год появился «Гимн орлу», в котором старый мотив насмешливо перевернут:

Орел двуглавый —
Эмблема мощи!
Со всею славой
Попал ты во щи. . .

То, что прежде в русской поэзии звучало трагической нотой, полвека спустя отозвалось как фарс.

В своих публицистических заметках «Впечатления» (1905), опубликовавшихся без подписи «Новой жизнью», М. Горький отметил, что эмблема мощи самодержавия — не более чем фетиш, развенчанный революцией: «Триста лет над Россией мрачно реяли черные крылья двуглавого орла; все шире простирали он их, покрывая страну черной тенью страха пред ним, и всем казалось, что эта зловещая, жадная птица обладает необоримой силой. Вместо перьев — стальная щетина штыков, вместо глаз — пустые дула дальнобойных пушек, клюв и когти, обогранные кровью, — это было страшно, и никому в голову не могло придти, что чудовище давно уже мертво, что это не живой организм, а просто арматура, прихотливо разложенный склад разнообразного оружия. Но теперь для всех стало ясно, что сила, которая держала страну в страхе, — призрак». ¹

¹ «М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов», стр. 270.

Эта тема исторической призрачности самодержавия была затем развита М. Горьким в памфлете «Русский царь», обобщившем важнейшие мотивы политической сатиры 1905—1907 годов.

Сатирическая поэзия той поры действовала, как видим, в дружном единении с публицистикой, хотя и находила для своих задач особые формы и средства.

Логическим следствием отказа от старого эзопова языка явилось возрождение гремющей «ювеналовой» сатиры, открыто позорящей своих противников. Характерные опыты в этом роде принадлежат А. Амфитеатрову («Боже, царя стряхни...») и в особенности К. Бальмонту, поражавшему современников своими «крайностями».

В последние октябрьские дни 1905 года, когда обстановка на улицах Москвы накалилась до предела, М. Горький в письме к Е. П. Пешковой привел полностью стихотворение «Рабочему русскому слава!», кончавшееся недвусмысленным призывом:

Будем тверды, не сложим оружия мы
До свержения царской чумы!

«Угадай, кто сей поэт?»¹ — спрашивал М. Горький, усматривая в авторстве К. Бальмонта некую сенсацию. Так оно и было отчасти. Правда, не одного Бальмонта захватил в те дни порыв гражданской ответственности. Его чувство было вполне искренним, хотя и преходящим. Лучшее объяснение этому душевному состоянию дал А. Блок. Напомнив о постоянном поэтическом эгоцентризме Бальмонта, А. Блок заметил, что «весь мир существующий и несуществующий он удостаивает своей страстной и чистой влюбленности, а иногда — своих не менее страстных проклятий...»²

Именно к последнему разряду «страстных проклятий», пусть эпизодических, но пылких и энергичных, относятся сатиры Бальмонта на царя («Нарыв», «Наш царь»). Их достоинство не в насмешке, а в порыве негодования.

Наш царь — Мукден, наш царь — Цусима,
Наш царь — кровавое пятно,
Зловонье пороха и дыма,
В котором разуму — темно.

---

¹ А. М. Горький, Письма к Е. П. Пешковой. — «Архив А. М. Горького», т. 5, М., 1955, стр. 167.

² Александр Блок, Собрание сочинений в 8-ми томах, т. 5, М.—Л., 1962, стр. 372.

Наш царь — убожество слепое,
Тюрьма и кнут, под суд, расстрел,
Царь — висельник, тем низкий вдвое,
Что обещал, но дать не смел.

Он трус, он чувствует с запинкой,
Но будет, час расплаты ждет.
Кто начал царствовать — Ходынкой,
Тот кончит — встав на эшафот.

Здесь все названо своими словами без каких-либо околичностей и прикрытий. Оскорбления выплеснуты одним духом, поводы их обозначены с предельной краткостью (они общеизвестны); вся сатира носит рассчитанно личный характер. Царь заклеимен не только как убогий и жестокий правитель, но и как трусливый, ничтожный человек. Не удивительно, что стихотворения Бальмонта «Нарыв», «Наив царь» и другие, как и памфлет М. Горького «Русский царь», могли появиться лишь за границей. По резкости тона эти произведения были пределом того, что дала русская художественная сатира, обращенная против самодержавия. Общее значение сатирического каскада, обрушенного в годы революции на «священную особу» государя императора, едва ли можно переоценить. Прежде чем быть свергнутым в 1917 году, русский царь был публично осмеян в 1905-м. И это было прологом его падения.

6

Со времен знаменитого спора Н. И. Новикова с Екатериной II о том, должна ли сатира иметь в виду «лица» или «общий порок», вопрос этот не приобретал такого злободневно-практического значения, как в эпоху первой русской революции. Перед сатириками 1905—1907 годов давняя проблема повернулась новой исторической стороной.

Поставленный революционными демократами вопрос о «коренной дрянности» политической машины самодержавия был решен. Русская революция со всей очевидностью выявила этот факт даже для самых консервативных умов, и правящие классы не по доброй воле, а по суровой необходимости вынуждены были заниматься срочной реставрацией конституционного фасада русской монархии. В этих условиях задача не ограничивалась тем, чтобы еще раз указать на негодность старой, испорченной машины. Вопрос встал практически: быть

или не быть самодержавию. Речь шла о непосредственном свержении строя, представляемого именно этими, а не другими людьми, несущими личную ответственность за все преступления режима. Безликая машина власти впервые в таких масштабах оказалась персонифицированной на страницах сатирической печати. Причем не только на высшей символической ступени, где под эмблемой двуглавого орла примостился ничтожнейший из русских царей — Николай II, но и по всей лестнице бюрократического и военно-полицейского аппарата, служившего основанием самодержавной пирамиды.

Дискредитируя наиболее ненавистных сатрапов, личная сатира в данном случае приближала час падения самой сатрапии как принципа, как формы политической власти, душившей Россию. Сатира «на лица» в 1905—1907 годах получила невиданно широкое распространение. И это диктовалось не только бессилием цензуры, но прямыми потребностями момента. Психология русской бюрократии, всегда отождествлявшей чиновное лицо и общую идею власти, общала персонифицированной сатире особый политический эффект.

Не обходилось и без курьезов. В статье «О свободе печати» В. Г. Короленко рассказал о некоем пермском полицмейстере, искренне считавшем, что его знакомый, переставший подавать ему — представителю власти — руку при встрече, не иначе как враг всякой власти. «Этот простодушный провинциальный администратор был в сущности настоящим выразителем всей философии самодержавного бюрократизма. Всякий винтик этого строя, начиная с министра и кончая урядником, считает себя носителем частицы некоторой почти мистической власти и поэтому органически неспособен отделить нападки на себя лично от нападений на власть, а значит, и на самые основы „существующего строя“». ¹

Чем выше по лестнице бюрократической иерархии, тем более мистика власти приближалась к абсолюту. Министры внутренних дел уже без всяких колебаний отождествляли себя с самодержавием. «Среди них, — заключает Короленко, — были люди разных степеней ума и честности, но все сходились в ненависти к печатному слову и все разделяли философию пермского полицмейстера: мы — носители безответственной власти, частицы отчужденного самодержавия. Малейшее посягательство на нашу безответственность есть потрясение основ. И печать фактически вынуждена была признавать их непогрешимыми, как римского папу...» ²

---

¹ Вл. Короленко, О свободе печати. — «Русское богатство», 1905, № 11-12, стр. 201.

² Там же, стр. 203.

Именно философия «отчужденного самодержавия», вошедшая в плоть и кровь русской бюрократии, была взята под перекрестный обстрел сатириками 1905 года. Неприкосновенность в печати высших чиновных лиц была нарушена поэтами-сатириками и карикатуристами. Никто почти из приближенных царя и правящих министров не избежал публичного осмеяния.

Сквозь строй сатирических журналов прошли премьер-министры, министры внутренних дел, директора департамента полиции, битые японцами генералы и адмиралы, генерал-губернаторы Москвы и Петербурга, замаранные кровью каратели, сановники Сената, суда, юстиции, высшие служители церкви, деятели Государственной думы, вожди либералов и черносотенцев, издатели и публицисты ретроградных газет и т. д. и т. п.

Все звенья и шестерни современного государственного механизма были представлены в лицах и подвергнуты общественному ostracismu.

Витте, Трепов, Дурново,
Алексей Игнатъев —
Не пойму я, отчего
Их не счесть за братьев?
Этот — туп, но полютей,
Тот умен, да лютей.
Ну-ка — кто тут грамотей? —
Разницу распутай! —

писал в стихотворении «Родные братья» Авель (Л. М. Василевский). Кроме общих родовых черт у главных деятелей режима были и свои особые качества, свои личные «заслуги перед отечеством» — и преступления перед народом, и поэты-сатирики не гнушались черной работой, успешно «распутывали разницу», устанавливая на фактах, кто есть кто.

У А. А. Вейнберга (Квака) граф Витте выступает в роли Фауста, а граф Игнатъев в роли Мефистофеля. В сцене пародийно используется соответствующий эпизод оперного либретто, причем Мефистофель-Игнатъев искушает Фауста-Витте установить открытую военную диктатуру. Смысл сатиры — в чудесном превращении Фауста. Его графская корона обращается в жандармский кивер, министерский халат сваливается с плеч, и он выходит на авансцену в полной форме шефа жандармов. Под занавес два разных голоса дружно сливаются в один:

Не стало терпенья,
Долой убежденья,

Дрожите, народы,
Вам кара грозит.
Тот славу добудет,
Кто совесть забудет
И факел свободы
В крови погасит.

Сатирик обнажает изнанку «либеральной» политики Витте, прикрывавшей ширмой «свобод» откровенный полицейский террор, установленный Игнатьевым.

В своем «Акафисте смутителю неподобному Сергию Каменно-островскому» (Сергею Юльевичу Витте) и «Стихирях российских, исправленных и усовершенственных по закону сего времени» А. В. Амфитеатров задался специальной целью задеть как можно большее целый сонм официальных лиц, осуществлявших политику правительства. Избранный им жанр «акафиста» и «стихир» пародировал торжественные церковные песнопения. Похвальные псалмы в честь лицемерного премьерства Витте, как и стихиры «Адмиральская» (великому князю Алексею Александровичу), «Генеральская» (Куропаткину), «Обыскная» (жандармам), «Кронштадтская» (Иоанну Кронштадтскому), «Бальная» (Дурново), «Романовская» (Николаю II) и другие, были восприняты властями как кощунство и особенно изощренная форма глумления. Газета «Русь», напечатавшая «Акафист» и «Стихиры», была закрыта, а редактор ее отдан под суд. При всей сенсационности этого выступления, его силу и значение не следует преувеличивать. Называя газету «Русь» «бойкой и радикальничавшей»,¹ В. И. Ленин имел в виду поверхностный характер ее радикализма, а оценивая политические взгляды А. В. Амфитеатрова, заметил, что «общей «левизны» для политики мало»² — особенно после 1905 года. При несомненной общей «левизне» сатира А. В. Амфитеатрова была скорее публичным оскорблением, чем точной и емкой сатирической характеристикой избличаемых лиц. Вынужденная тяжеловесность стилизации архаичного церковного стиха до некоторой степени снижала литературную выразительность этого дерзкого по замыслу цикла.

Успех «личностной» сатиры зависел прежде всего от глубины портретного сходства или остроумного использования конкретных обстоятельств и фактов политической карьеры того или иного сановника.

---

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 12, стр. 284.

² В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 48, стр. 4.

Стихотворения «Что думает премьер, когда ему не спится...» И. М. Василевского (Не-Буквы), «Граф Витте стал премьером...» М. Волошина, «Графу Витте» Д. И. Гликмана, «Баллада о премьер-ере» Б. А. Катловкера, «Сказание о лисьем хвосте» Вл. Ленского, «Жонглер» (за подписью «Я») и другие создают безжалостный и правдивый портрет самого умного и изворотливого министра-хамелеона, не угодившего ни «либералам», ни «консерваторам» бюрократии и в конечном счете бесславно покинувшего политическую арену.

Не менее популярными у сатириков были Трепов и Дурново — ближайшие доверенные царя и «хранители трона». Карьера того и другого отмечена потоками крови, массовыми избиениями народа, неслыханной и бессмысленной даже по российским нормам жестокостью. В журнале «Зеркало» был помещен лаконичный «Портрет», который мог изображать только одно лицо:

В крови борцов свободы славных
Своих я рук не обагрят
И граждан русских полноправных
Своей рукой не убивал.
Но всё ж бичом был беспощадным,
Дал повод всем себя презреть
Одним приказом кровожадным:
«Стрелять, патронов не жалеть!»

Стихотворение является сатирической эпитафией Трепову (он внезапно умер в начале 1906 года) и отмечает самый выразительный факт его карьеры в бытность генерал-губернатором Москвы, когда соответствующий приказ, уместный лишь на поле брани, был отдан войскам столичного гарнизона при разгоне безоружных демонстрантов. Приказ этот тысячекратным эхом отозвался в сатирической печати. Слова «патронов не жалеть» стали позорной кличкой Трепова, приставшей к нему как клеймо.

На разные лады они обыгрываются в «Колыбельной песне» О. Чюминой («на музыку г.-м. Трепова»), в стихотворном фельетоне Тэффи «Патроны и патрон», а также во множестве других стихов, составивших Трепову законченную репутацию генерала-палача.

Трепов — мягче сатаны,
Дурново — с талантом,
Нам свободы не нужны,
А рейтузы с кантом, —

иронизировал Саша Черный, автор сатирической «Чепухи», где по законам жанра все является в обратном значении и смысле.

«Талант» П. Н. Дурново был также по достоинству оценен поэтами-сатириками 1905 года, и они представили публике первого жандарма России во весь рост. Один из вдохновителей политики массовых репрессий, повального сыска, провокаций, беззаконий и самоуправства тайной полиции, которую он возглавлял еще при Александре III, Дурново снискал общую к себе ненависть и вызывал брезгливое чувство даже в высших кругах. Первый тур его карьеры на посту директора департамента полиции кончился дипломатическим скандалом. Испанский посол, оскорбленный бесцеремонным вмешательством полиции в его личную жизнь, дал пощечину Дурново (агенты пытались выкрасть письма любовницы посла), а разгневанный Александр III по этому случаю вынес краткую резолюцию: «Убрать вон эту свинью». Свинью убрали, однако при Николае II Дурново возвысился вновь и долго занимал важнейший пост товарища министра внутренних дел (начальника полиции), а в правительстве Витте стал министром. Сам Витте, кстати, наотрез отказался принять этот пост, сознавая, что в России «министр внутренних дел есть министр и полиции всей империи и империи полицейской *par excellence*», он же, по его словам, «полицейским делом ни с какой стороны никогда в жизни не занимался, знал только, что там творится много и много гадостей».¹

Дурново как раз подходил для этого дела, но в своей небрежности он все же хватал через край. После его назначения на пост министра внутренних дел разразился скандал: предводитель орловского дворянства А. Стахович публично обвинил Дурново в крупной афере с овсом, принесшей ему десятки тысяч рублей. Обвинение не было опровергнуто, и сатирики начали осыпать нечистого на руку министра градом насмешек. Л. Г. Мунштейн (Lolo) немедленно откликнулся репликой «Три пощечины, или Ненасытный министр», в которой напомнил все прежние оплеухи, полученные Дурново. И. В. Скворцов написал «Песнь торжествующего Дурново» на мотив популярной оперетки Штрауса, но с другим рефреном («Арестовать, арестовать!»).

Кто будет много рассуждать,
Дрянные книжки издавать —
Арестовать, арестовать!

---

¹ С. Ю. Витте, Воспоминания, т. 3, М., 1960, стр. 107.

М. П. Свободин усилил пародию: его «Песнь торжествующей свиньи» расширяет знакомые ассоциации. Кроме тургеневского заглавия («Песнь торжествующей любви»), приходит на память знаменитый щедринский образ «торжествующей свиньи» («За рубежом»), ставший символом русской реакции. В данном случае этот образ вполне «материализовался», стал личностным, поскольку выразительная резолюция Александра III относительно Дурново ни для кого не осталась тайной.

Брань на вас несется градом:
Вас ругать считают спортом,
Вас крестят то овсокрадом,
То свиньей, ослом иль чертом...
Вы едва моргнете глазом,
А на вас карикатуры
В двадцати журналах разом...
Вот что значит нет цензуры!..

Эти строки Н. Шебуева из стихотворения «Раньше лучше» не были преувеличением. Из сатир и карикатур на Дурново можно было бы составить объемистый сборник. Многие сатирические журналы откликнулись на невинный, казалось бы, эпизод: весной 1906 года дочь Дурново после долгих хлопот была произведена во фрейлины императрицы, и счастливый отец решил ознаменовать это событие большим балом в министерстве внутренних дел. Придворная знать и дипломаты уклонились от сомнительной чести плясать кадрили в охранке, и зал был заполнен в основном чинами жандармерии и полиции. Язвительным шуткам и репликам в печати не было конца. Только «Непонятливый» Духа Банко (Д. И. Гликмана) не мог оценить юмора этой истории:

— Вы слышали: был бал у Дурново...
Прекрасный бал... — И что же, ничего?..
— Как — «ничего»? И пили, и плясали...
Играли в винт, и в фанты, и в лото...
Так весело... — Да нет, я не про то!..
— Про что же? — Никого не расстреляли?!

Презрение и ненависть к Дурново были прямым выражением презрения и ненависти ко всей внутренней политике правительства, отданной после манифеста 17 октября на откуп грязной «торжествующей свинье». Именно эту сторону дела подчеркнула О. Чюмина

(«Характерные па») и прямо выразил Дух Банко в своем стихотворении для «альбома Дурново»:

С овсом казенным счеты,
Нагайки, пулеметы,
И шашки, и штыки,
Семеновцев полки.
В день 303 ареста,
Во имя манифеста,
Насилие и ложь —
Старинные оплоты. . .
Он ваш, о «патриоты»!
Не правда ли, хорош?

Здесь отмечена безусловная представительность личного объекта сатиры, прямая связь конкретного лица и общего режима полицейской империи, когда публичная пощечина очередному министру внутренних дел действительно воспринимается как нападение на основы существующего строя.

Помимо стихотворений с точно указанным личным адресом или даже целым набором одиозных имен большое распространение получили обобщенные шаржи в стихах. Таковы «Силуэты» Д. И. Гликмана, «Герой нашего времени» А. В. Амфитеатрова, «Раздумье октябриста» С. Галанского, «Невольное признание бюрократии» Гарольда, «Ответ шлика» К. Льдова, «Избиратель» М. П. Свободина, «Жалобы збывателя» Саши Черного и множество других стихотворений, рисующих разнообразные типы русской общественно-политической жизни начала века. Как и сатира на лица, эта сатира на типы широко использовала традиционный прием «масок», пуская в ход условные «записки», «письма», «монологи», «романсы», «сны», «жалобы», «раздумья» и прочие формы сатирической исповеди изобличаемых фигур. Пародийные излияния монстров реакции несли вполне определенную художественную нагрузку. Стихотворения, написанные от лица сатирических персонажей, позволяли резче выявить их внутреннюю логику и психологию, тут же разбить и осмеять ее.

Жанр фельетона, памфлета, пародии, имеющих точный личный адрес, занял одно из главных мест в творчестве поэтов-сатириков 1905—1907 годов. Витте, Дурново, Трепов, Павлов, Игнатьев, Дубагов, Мин, Столыпин, Куропаткин, Стессель, Алексеев, Победоносцев, Иоанн Кронштадтский, кн. Мещерский, Суворин и десятки других имен на некоторое время стали неременной принадлежностью сатирической поэзии, знаком того, что самодержавному бюрократизму нанесен сильнейший моральный удар.

Наиболее выдержанную программу в политической борьбе 1905 года отстаивала большевистская печать. Художественная сатира была принята на вооружение партийной публицистикой. Сарказм и насмешка, направленные против классовых противников пролетариата, помогали социалистическому воспитанию народных масс, впервые пробудившихся к активной политической жизни. История ранних большевистских изданий знает много примеров агитационного использования поэзии — пафосной, призывной, зовущей к борьбе и одновременно обличительной, разящей и осмеивающей мир насилия и несправедливости.¹ Самый яркий пример в этом роде — «Песня о Буревестнике» М. Горького, которая в канун революции 1905 года воспринималась как боевой политический манифест.

По свидетельству Е. Ярославского, текст «Буревестника» перепечатавали в каждом городе, его размножали на гектографе и на пишущей машинке, переписывали от руки, читали и перечитывали в рабочих и студенческих кружках. Тираж его в те годы достиг, наверное, нескольких миллионов. Партийные комитеты издавали и распространяли «Песню о Буревестнике» как революционную прокламацию. В августе 1906 года, когда народное движение еще сохраняло огромный размах, В. И. Ленин воспользовался сатирическими мотивами «Песни о Буревестнике» для характеристики трусливой позиции либеральной буржуазии.

«Мы стоим, — предсказывал В. И. Ленин, — по всем признакам, накануне великой борьбы. Все силы должны быть направлены на то, чтобы сделать ее единовременной, сосредоточенной, полной того же героизма массы, которым ознаменованы все великие этапы великой российской революции. Пусть либералы трусливо кивают на эту грядущую борьбу исключительно для того, чтобы погрозить правительству, пусть эти ограниченные мещане всю силу «ума и чувства» вкладывают в ожидание новых выборов, — пролетариат готовится к борьбе, дружно и бодро идет навстречу буре, рвется в самую гущу битвы. Довольно с нас гегемонии трусливых кадетов, этих «глупых пингвинов», что «робко прячут тело жирное в утесах».

„Пусть сильнее грянет буря!“²

Либералы и восставший народ по-разному грозили правитель-

¹ См.: И. Эвентов, Партия, поэзия, печать. В кн.: «Поэзия в большевистских изданиях 1901—1917», «Библиотека поэта», Большая серия, М.—Л., 1967.

² В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 13, стр. 337—338.

ству. Кадеты надеялись договориться с царизмом на основе конституционных уступок, вырванных у власти под давлением революционной борьбы народных масс. Пролетариат стремился довести революцию до конца, угрожая всему зданию русской монархии, в котором либералы — от кадетов до октябристов и «партии правового порядка» — рассчитывали получить удобные министерские кресла и долю влияния на государственные дела. Разгром самодержавия «снизу» или соглашение с ним «наверху» — вот две противоположные политические концепции, которые разделяли революционную демократию и буржуазный либерализм по главному вопросу, поставленному революцией. Политика буржуазных партий, их тактика в Думе, слова и дела либералов, вершивших политический торг за счет народа, отозвались в сатирической поэзии множеством злых и язвительных реплик. В числе наиболее характерных примеров можно указать на стихотворения А. В. Амфитеатрова «Герой нашего времени», «Русские в 1906 году, или Прекрасный кадет, закаляющий себя на алтаре своего отечества», А. А. Вейнберга «Гучковский гимн», С. Галанского «Раздумье октябриста», Л. Г. Мунштейна (Lolo) «Гневный Гурко и премудрый кадет», В. В. Уманова-Каплуновского «С свободной партией», Абрека «Союз 17 октября» и др.

С особой резкостью нападали на либералов большевистская печать. Она развенчивала и высмеивала либеральную политику и либеральных вождей, представлявших интересы контрреволюционной буржуазии, крившейся к власти.

1 сентября 1905 года на страницах большевистской газеты «Пролетарий» был напечатан фельетон в стихах А. В. Луначарского «Два либерала», написанный по следам очередной политической комедии в верхах: русский царь после долгих увещаний согласился принять либеральную земскую делегацию и в ответ на верноподанные заявления ее представителей выступил с длинной речью по бумажке, в которой пообещал созвать «народное собрание» («Мое желание созвать народное собрание непоколебимо. Я думаю об этом каждый день. Моя воля будет исполнена»). Анализ и оценка этого эпизода уже содержались в ленинских статьях «Первые шаги буржуазного правительства» и «Революционеры в белых перчатках» («Пролетарий», 1905, № 5, 26 июня).

В затянувшемся торге русских либералов с самодержавием тактика обеих сторон выступила с предельной отчетливостью. Самодержавие и полиция — эти, по саркастическому замечанию В. И. Ленина, «истинно русские народные начала»¹ — и не помыш-

---

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 10, стр. 297.

ляли о действительных ограничениях административной власти. Пустые обещания царя призваны были ослабить нажим общественного мнения и вызвать новые колебания в либеральных рядах. Об этом свидетельствовали факты, ставшие достоянием печати.

Либеральная делегация была принята царем на особых условиях, заранее оговоренных с министерством двора. Главе делегации князю С. Н. Трубецкому загодя дали понять, о чем можно, а о чем не следует говорить. Либеральному земскому деятелю И. И. Петрункевичу, включенному в состав делегации, сначала отказали в приеме с ссылкой на его «революционные связи». Потом министр двора сменил гнев на милость, и Петрункевича допустили на прием. Однако перед выходом царя к делегатам оказалось, что у Петрункевича нет белых перчаток. Тогда, как сообщали газеты, «полковник лейб-гвардии Путятин немедленно снял свои и поспешно дал их революционеру Петрункевичу». Эта маленькая заминка в придворном церемониале наглядно обнажила истинную роль либеральной оппозиции.

«Белые перчатки, и притом лакейские белые перчатки, — настоящая эмблема политического акта гг. Петрункевичей и Родичевых»,¹ — писал В. И. Ленин. Суть происшествия состояла в том, что самодержавие обошлось с либералами как со своими прислужниками. А с прислужниками не очень считаются. Пообещав созвать «народное собрание», царь после приема тут же изменил своему слову, и в официальном тексте его речи делегаты-земцы прочли нечто прямо противоположное тому, что они слышали во дворце. «Это уже не самодержавие, это какое-то фокусничество», — писала одна заграничная газета по поводу недобросовестной замены слов в тексте царской речи. Одураченная делегация вынуждена была вернуться ни с чем.

Горькое «разочарование» вождей либеральной оппозиции остроумно обыграно в фельетоне Луначарского.

«Мой друг Петрункевич! — сказал Трубецкой. —
Нас царь околпачил прескверно,
И земцы и думцы смущенной толпой
Нас встретят укором, наверно.

Предчувствую я: социал-демократ
Начнет зубоскалить над нами,
И Струве, наш верный и мудрый собрат,
В Париже зальется слезами. . .»

---

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 10, стр. 302.

Социал-демократы (большевики) не упустили, конечно, случая посмеяться над либералами. На фоне исчерпывающего политического комментария ленинских статей стихотворение Луначарского прозвучало своеобразным сатирическим камертоном. Оно не иллюстрировало факт, уже известный читателям «Пролетария», но придавало этому факту дополнительную пародийную окраску. «Два либерала» Луначарского написаны на мотив баллады Г. Гейне «Гренадеры» в переводе М. Л. Михайлова («Во Францию два гренадера Из русского плена брели. . .»). Основная тема гейневской баллады — солдатская верность гренадеров своему императору, верность не за страх, а за совесть, верность до гроба. Этот главный мотив первоисточника пародийно перевернут и переосмыслен.

Русские либералы тоже готовы были бы верно служить «своему» императору. Именно в этом сатирический эффект неожиданной подстановки двух либералов на место двух гренадеров. Но курьез происшествия в том, что русский царь не оценил преданности своих либералов. Он обошелся с ними как с одуроченными мальчишками. И у него были свои резоны: верность верности рознь. Преданность наполеоновских гренадеров, воспетых в балладе Гейне, продиктована высшими чувствами. Старый солдат, присягнувший императору, заветает похоронить себя во Франции, в отечестве.

Ты орден на ленточке красной
Положишь на сердце мое,
И шпагой меня опояшешь,
И в руки мне вложишь ружье. . .

(Перевод М. Михайлова)

Преданность русских либералов престолу была небескорыстной, в основе ее лежал прозаический меркантильный расчет. И даже бесцеремонная «царственная ложь» не охладила министерских вожделений «революционеров» в белых перчатках.

Да, царь призовет нас, я верю, к себе:
Нас ждут министерские кресла!
Тогда препояшут и мне и тебе
Мечом либеральные кресла!

Высокий строй романтической баллады в фельетоне Луначарского комически снижен, низведен до уровня ничтожных исторических величин. Это сатира по контрасту, когда внутреннее сопоставление с литературным первоисточником помогает точнее установить

истинный масштаб и значение современных фигур, подлежащих безжалостному осмеянию.

Царский манифест 17 октября 1905 года вызвал неумеренные посторги в либеральных кругах, которые, однако, вновь очень скоро сменились унынием (см. диалог М. Свободина «Энтузиаст и городской»). Осуществление «свобод» на практике было таково, что возникал вопрос, существует ли русская конституция в природе. Ответить с определенностью на этот вопрос не могли самые красноречивые кадетские публицисты. Их разноречия по этому поводу также стали достоянием сатиры (см. «Гессен сидел с Милоковым в печали...» Саши Черного).

Во времена земского движения Милоков, Гессен, Набоков и другие играли руководящую роль в организации нелегальных съездов либеральной партии. По свидетельству С. Ю. Витте, съезды эти тогдашний министр внутренних дел Плеве запрещал, так как они «проводили идею водворения конституции». «Замечательно, — продолжает Витте, — что многие из деятелей этого съезда ныне бросились совсем вправо...»¹

Быстрое политическое линяние либеральных вождей, ускоренное событиями революции, — одна из сквозных тем сатиры 1905—1907 годов. Достаточно указать на памфлет-загадку «Кто он?», напечатанный большевистской газетой «Наше эхо» (за подписью «Кириллов»). Разгадка не представляла для современников особых трудностей.

В стихотворении точно намечена эволюция центральной фигуры русского либерализма — Петра Струве. Его движение слева направо — от манифеста социал-демократии, через «легальный» марксизм в объятия кадетов совершалось стремительно и у всех на глазах. Достаточно было сопоставить это скольжение с основными этапами революционной борьбы в России, чтобы прийти к безусловному выводу:

Он пишет много, мыслит здраво,
И чем сильнее народный взлет —
Тем «абсолютнее» направо
Он совершает поворот.

По классической формуле Щедрина, русский либерал в своем развитии проходил обычно три стадии: он требовал сперва «по возможности», потом клянчил «хоть что-нибудь», а кончал вечной и

---

¹ С. Ю. Витте, Воспоминания, т. 2, стр. 323.

незыблемой позицией «применительно к подлости». На исходе первой революции политическая метаморфоза П. Струве в этом смысле еще не была вполне завершена. Впереди были «Вехи», шовинистическая программа «Великой России и Святой Руси» (1914) и еще многое. Конец революции застал Струве как раз между второй и третьей позицией. Так что поэт-сатирик был не слишком далек от истины в своем долгосрочном прогнозе:

И мнится мне: взойдет свобода
На наш туманный небосклон —
В «Союзе русского народа»
Вождем идейным будет он.

Особое место в антилиберальной сатире 1905—1907 годов занимают политические памфлеты и шаржи на деятелей Государственной думы. Взаимоотношения Думы с правительством, ее бессилие изменить политику полицейской империи, комедия выборов, пародийные формы «народного представительства», призрачный характер кадетской оппозиции, тайные и явные союзы либеральных монархистов с откровенными черносотенцами — все это просилось под перо сатирика. Сибирский «Рабочий юморист» встретил созыв Первой государственной думы прозорливой характеристикой:

Дума, полная кадет,
Государственный совет,
Где засядут наши лорды —
Отставные держиморды, —
Вот фундамент жизни русской...
Завершится он... кутузкой!

Юморист как в воду смотрел. Первая дума была разогнана 7 июля 1906 года, менее чем через три месяца после официального и торжественного открытия. Правительство готово было разогнать Думу еще раньше, в июне, но опасалось последствий такой меры. Опасения оказались напрасными, так как кадетские депутаты за стенами Думы не имели сколько-нибудь прочной опоры в массовом народном движении. Вторая дума оказалась почти сплошь черносотенной.

Политические скандалы и курьезы, связанные с деятельностью первого российского «парламента», послужили темой «Элегии» А. С. Грина («Когда волнуется краснеющая Дума...»), стихотворений В. В. Князева «Девочка-Дума», Р. А. Менделевича «Перед

выборами», М. П. Свободина «Избиратель», Н. И. Фалеева «Вирши на открытие Государственной думы», О. Н. Чюминой «Думская весна». В этом же ряду могут быть названы острые сатирические стихотворения без подписи — «Дума и Государственный Совет», «По поводу двух палат в России» и др.

Разгон Первой и созыв Второй государственной думы выразительно прокомментировал Саша Черный. В его стихотворении «Две Думы» сопоставлены «красные» и «черные» силы думского состава. Правда, деятельность первой, кадетской Думы, ее «боевое большинство» Саша Черный представил гораздо более «революционным», чем оно было на самом деле («Резолюцию выносят: Всем свобода и права, Воли требуют — не просят — Надоели всем слова...» и т. д.). Тут сказались либеральные иллюзии самого поэта, принимавшего радикальные декларации кадетского большинства за чистую монету. Именно от слов к делу «боевое большинство» так и не осмелилось перейти, когда по царскому указу Первая дума была разогнана... Зато беснования черной сотни, получившей перевес во Второй думе, переданы в стихотворении с большим искусством и полным пониманием происходящего. Наступление реакции передано на мотив пушкинских «Бесов», разгулявшихся темной ненастной ночью:

Торжествует клика злая,
Торжествует сатана...
Здравствуй, русская, родная
Обновленная страна...

8

Размах личностной сатиры, обращенной против царя, правящей чиновно-бюрократической касты и политических деятелей буржуазных партий, придавал особый колорит русской сатирической поэзии 1905—1907 годов, какого она не знала до революции. Это обстоятельство не исключало, однако, широчайшего развития другой, более традиционной линии поэтической сатиры, которую можно было бы назвать сатирической хроникой современности. В шестидесятые — семидесятые годы такую хронику создавали Некрасов и поэты его школы, тяготевшие к «Современнику» и «Отечественным запискам», а особенно интенсивно — поэты «Искры» и близких ей сатирических журналов. В эпоху революции 1905—1907 годов эта хроника была возобновлена на новой исторической основе, когда кризис самодержавной власти с непостижимой быстротой развился вширь и

вглубь. Можно с уверенностью сказать, что не только события первостепенной важности, определявшие главное русло политической жизни России 1905—1907 годов, но и многие второстепенные факты местного значения, происшествия и подробности малого масштаба получили разносторонний отклик в сатирической поэзии. Если расположить всю массу сатирических стихотворений по хронологии событий и фактов, ими отмеченных, получится уникальная в своем роде гротескная летопись российской истории за время первой открытой войны русского народа с самодержавием.

Некоторые произведения этого времени были специально задуманы и выполнены в форме сатирической хроники. Сюда относятся «Русская история в стихах» С. Басова-Верхоанцева, «Пробуждение Потока» В. А. Зоргенфрея, «Автобиография обрушенного потолка» А. В. Амфитеатрова и другие сатиры разного масштаба и значения. Басов-Верхоанцев построил свое произведение в форме памфлетного очерка истории государства российского, точнее — истории дома Романовых. Зоргенфрей написал пародию-шутку на тему старого стихотворения Алексея Толстого «Поток-богатырь», начав свой сказ от первых событий русско-японской войны. Амфитеатров соединил историю Таврического дворца с хроникой политических скандалов Первой и Второй государственной думы, являвших собою готовую пародию на представительный народный парламент. Во всех случаях предметом сатиры становится самый ход исторической жизни, явления и факты политической борьбы, атмосфера и дух времени. Это направление сатиры преобладает в огромном количестве стихотворений, возникших как непосредственный отклик на политические события, порядки и нравы современности.

После поворота событий в декабре 1905 года сатирическая хроника дня становится все более мрачной. Роспуск Первой государственной думы в июле 1906 года привел к власти П. А. Столыпина, занимавшего перед тем пост министра внутренних дел. Полицейский и административный произвол в стране стал еще более свирепым. Столыпин управлял Россией на основе исключительных законов, применявшихся лишь в военное время, и чрезвычайных мер. Война правительства с народом не прекращалась. Аграрные беспорядки в деревне достигли предельной силы и грозили общим взрывом крестьянской революции. Народная стихия «слева» и черносотенные погромы «справа» сотрясали непрочное здание старого правопорядка. Только что провозглашенная «конституционная» монархия обнаруживала свои истинные классовые черты. Художественная сатира делала их еще более явственными.

В стихотворении «Современность» С. Галанский создал точный негатив столыпинского режима:

Ропот. Ложка без движенья.
В пищу — лебеда.
На военном положеньи
Села, города.
Ночью — обыск, днем — шпионы,
Страх, что донесут.
Вечно новые законы,
Скорострельный суд.
Запрещения, угрозы
Нынче, как вчера.
И страдания, и слезы,
И — ура! Ура!!!

Основная мишень здесь, конечно, не литературная, а политическая, объектом обличения является современность, рассмотренная «по Фету». Как и в других произведениях такого рода, форма оригинала резко диссонирует с новым содержанием и усиливает его сатирический эффект.¹ С. Галанский обратил лирический импрессионизм Фета на совершенно несоответственный предмет. Тем же методом отрывочной передачи отдельных действий и состояний он набросал родимые черты полицейской империи, в которой все повторяется «нынче, как вчера». Каждая черточка этого подбора могла бы быть развернута в самостоятельную картину. Сатирическая поэзия той поры представляла подобные картины в избытке.

Стихотворения Федора Сологуба «Спутник» и «Ходит, бродит...» передают гнетущие ощущения человека, за которым неотступно следует шпион:

Спутник чутко-терпеливый,
Чуждый, близкий, странно злой,
Шел за мною под дождливой
Колыхающейся мглой...

---

¹ И. Г. Ямпольский различает в таких случаях собственно пародию и «перепев»: «Пародия всегда связана с дискредитацией поэтической системы пародируемого писателя или идейного смысла данного произведения, а в перечисленных и многих других случаях этого нет. В отличие от пародий подобное использование литературных источников можно условно назвать «перепевом», разумеется не в обычном смысле, т. е. не в смысле подражания» («Поэты „Искры“», т. 1, стр. 44). Другими словами, речь идет о пародийном использовании литературных источников, когда удар наносится как бы рикошетом — от привычного и известного по новой неожиданной цели.

Парадокс этой тайной охоты в том, что преследуемый и преследователь одинаково страшатся друг друга, страшатся быть опознанными и разоблаченными:

— Барин, ты меня не трогай, —
Он сказал, дрожа как лист, —
Я иду своей дорогой,
Я и сам социалист. . .

Преследователь, шпион, сам становится жертвой своей профессии, он гибнет от руки того, за кем ему назначено гнаться.

Другое стихотворение Ф. Сологуба, «За чай, за мыло», вероятнее всего, навеяно жестоким декабрьским усмирением Москвы. Перепевая известную солдатскую песню «Солдатушки, бравы ребятушки. . .», оно снижает лихой мотив и звучит одновременно как упрек слепым исполнителям воли «наших командиров» и как первый протест недовольной солдатской массы против «грозного начальства».

Сатирическая хроника событий в бунтующей русской деревне заняла главное место у В. В. Трофимова — одного из наиболее заметных поэтов «Бурелома» («Буревала») и «Зарева». Его стихотворные сказки «Как Иван-дурак спас село голодное», «Из жизни голодного села», «Мужицкая песня», «Деревенские мотивы» и другие служили выразительной параллелью бурным прениям по крестьянскому вопросу, развернувшимся в Первой государственной думе.

Со времен Некрасова русской поэзии хорошо была известна нищая, голодная, ограбленная и избитая деревня, терпеливо несущая свой крест. В. В. Трофимов, С. Басов-Верхожанцев, А. Алябьев, Ф. Куликов и другие поэты-сатирики, касавшиеся в годы революции положения деревни, подтвердили, что если в судьбе русского крестьянства что-нибудь и изменилось, то лишь в худшую сторону, и у мужика не осталось иного выхода, как восстать.

Почесались мужики
И взяли за кулаки. . . —

заканчивает В. В. Трофимов свою деревенскую сказку, продолжение которой должно было последовать в жизни.

В годы первой революции русская деревня создала свою собственную сатирическую поэзию, непосредственно выражавшую чувства и настроения недовольной крестьянской массы. Особой выразительностью отличались злободневные частушки, сложенные по

горячим следам политических событий. В «Сборнике деревенских частушек», изданных В. И. Симаковым в 1913 году, отчетливо различается пласт фольклорных произведений, навеянных политическими конфликтами недавнего времени.

Дума в Питере сидит,
Важно заседает:
Про мужицкие нужды
Ничего не знает, —

поется в одной из частушек этого сборника. Глубоко разочарованная безрезультатностью всех официальных проектов разрешения «мужицких нужд», крестьянская беднота выдвигала собственную программу, приводившую в ужас правящие классы:

Бога нет, царя не надо,
Губернатора уьем,
Платить подати не будем,
Во солдаты не пойдем.

Эта частушка, сжавшая в четырех строках основную программу крестьянской революции, была сложена после 1905 года в Вологодской губернии. Конные казаки, посланные на усмирение крестьян, заporоли до потери сознания мужика, осмелившегося исполнить частушку на деревенском гулянье.¹ Угроза, заключенная в народной сатире, была принята карателями всерьез.

Физиономия политического режима, установившегося на исходе революции в России, нашла многоцветное отражение в стихах А. А. Вейнберга, Д. И. Гликмана, Ф. Т. Куликова, В. С. Лихачева, Л. Г. Мунштейна, М. П. Свободина, Н. И. Фалеева, Саши Черного, О. Н. Чюминой и других поэтов. Наиболее остроумные и талантливые из них — Л. Г. Мунштейн и Саша Черный — обладали особым искусством сатирического комментария на темы дня.

Многие стихотворения Л. Г. Мунштейна («Мы свободны!», «Звучки дня», «Обзор печати» и др.) звучат своеобразным эхом повседневных явлений политической жизни, из которых складывается общий устойчивый тон времени.

Парадоксы современности, возможное и невозможное в русской жизни удивительно метко обрисовал Саша Черный во второй своей

---

¹ См.: К. Коничев, Из народного творчества. — В сб.: «Частушки, пословицы, загадки», Архангельск, 1954, стр. 10.

«Чепухе», представленной как «хроника за неделю». Вывернутые наизнанку факты, всем известные и привычные, под пером сатирика зазвучали с неожиданной выразительностью и остротой.

Абсурдность политической жизни и политического устройства России передана «обратным» ходом вещей, переменявших все знаки и связи на противоположные. Если в действительности Витте получил графскую корону за унижительный Портсмутский мир, а государственный заем у Франции был сделан под громадный ростовщический процент, то логика действительности и в самом деле должна быть заменена «чепухой».

Потащили на допрос
Милое семейство,
На жандарма был донос, —
Экое злодейство! . .

Стал помещик у сохи —
Градом пот катится,
Ох, от русской чепухи
Голова кружится. . .

Основной прием «чепухи» был заимствован Сашей Черным из арсенала народно-поэтической сатиры; разработан он был с истинной виртуозностью и разящим сарказмом. Кстати, один из куплетов «Чепухи», посвященный графу Витте (за лицемерную эластичность его называли «жонглером», «министром-клоуном» и т. п.), мог послужить источником остроумного стихотворения В. П. Валентинова «Что француз нам ни сболтнет. . .». У Саши Черного читаем:

Сам сиятельный сифон
Бегаёт на корде;
По-французски — «mille pardons»,
А у нас — по морде!

Противоположность того, что «по-французски» и что «у нас», В. П. Валентинов с большой изобретательностью провел через все стихотворение.

По-французски сосьете,
А по-русски — шайка;
У французоз либерте,
А у нас — нагайка.

. . . . .

По-французски дилетант,
А у нас любитель;
У французов интендант,
А у нас грабитель.

Сатирические куплеты такого рода повторяются десять раз, так что резкая противоположность европейской демократии и русской «свободы» выступает по контрасту основных политических понятий. Между самодержавием и демократией (при всей ограниченности ее буржуазной формы) разница не меньшая, чем между «либерте» и «нагайкой». Это и обнаружил в своем стихотворении В. П. Валентинов. Перекликаясь с ним, Як. Сиркес сделал лишь одно существенное дополнение, построенное на игре слов:

Все вопли разных пессимистов —
Ничтожный звук...
У нас свобода существует —
Свобода... рук...

«Свободу» в этом смысле и постарался утвердить на Руси Столыпин. Отечественная печать стала едва ли не первой жертвой его «твердой» политики. Принятые в ноябре 1905-го и первой половине 1906 года законы и правила о печати остались лишь на бумаге, а в действительности, как вынужден был признать, оказавшись в отставке, С. Ю. Витте, «существует полный произвол, основанный на усиленных, чрезвычайных, военных и просто произвольных столыпинских распоряжениях».¹

Однако и в самых тяжелых общественных условиях лучше из русских сатириков не складывали оружия. Осенью 1907 года престарелый А. М. Жемчужников написал «Посмертное произведение Козьмы Пруткова», в котором устами своего знаменитого героя преподавал несколько полезных советов зарвавшейся власти. Как «очень ограниченный, но вполне искренний член «черной сотни» былого времени»,² Козьма Прутков в свойственной ему манере

---

¹ С. Ю. В и т т е, Воспоминания, т. 2, стр. 359.

² Так охарактеризовал Козьму Пруткова сам автор в сопроводительном письме редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу (См.: «Вестник Европы», 1907, № 11, стр. 326; см. также комментарий Е. И. Покусаева в кн.: А. М. Ж е м ч у ж н и к о в, Избранные произведения, «Библиотека поэта», Большая серия, М.—Л., 1963, стр. 378—379).

честно предостерег нынешних правителей против опасной привычки ходить по косогору, не думая о сапогах. И еще советовал незабвенный Козьма Прутков:

Правитель! Дни твои пусть праздно не проходят;
Хоть камушки бросай, коль есть на то досуг;
Но наблюдай: в воде какой они разводят —
Круг?

Именно этого качества — способности сообразовывать свои действия с возможными последствиями, умения предвидеть, какие круги по воде расходятся от каждого брошенного в нее камня, — как раз и не было у ослепленных правителей, растерявших остатки исторического разума. Убеждение, что все должны склониться перед силой власти, а власть и сила не должны считаться ни с чем, оставалось давним самообманом самодержавного бюрократизма. А чтобы этот самообман правящих не стал обманом для управляемых, тень Козьмы Пруtkова с той же «откровенностью и бесстрашием, каким отличался и сам Прутков», обратилась к «соотчикам»:

Напомню истину, которая поможет
Моим соотчикам в оплошность не попасть:
Что необъятное обнять сама не может —
Власть.

Старый афоризм Пруtkова пришелся как нельзя более кстати к той «русской неразберихе» и «челухе», которая стала нормой столыпинского правления. Своей прощальной сатирой А. М. Жемчужников как бы соединил две эпохи русской поэзии, когда ее карающий смех звучал в полную силу.

Автор «Ауто-да-фе», скрывшийся за криптонимом «Я», взял эпиграфом к своему стихотворению газетное известие о том, что в Киеве пожарные сожгли четыреста пудов конфискованных газет и сатирических журналов:

Сей жанр напоминает
Нам средние века. . .
«Крамолу» сожигает
Пожарного рука!
Журналам и газетам
Объявлен приговор,
Горит кровавым светом
Репрессии костер! . .

После роспуска Первой государственной думы костер репрессий запылал еще жарче, а с 3 июня 1907 года распространился на всю страну. У народа были вырваны последние остатки демократических завоеваний. Россия вступила в полосу политической тьмы, какой не было с восьмидесятых годов XIX века. Самое существование открытой политической сатиры было снова поставлено под вопрос. В предчувствии этой перемены после первой грозы над сатирической печатью С. Скиталец писал от ее имени:

Я говорила языком
Эзопа.
И удивлялась мне притом
Европа.
Свободной я хотела стать
Некстати. . .
И наложили на печать
Печати. . .
И на цугундер взяли Русь
Всю скопом. . .
Ну, что ж. . . Эжель опять займусь
Эзопом?

Действительность столыпинского произвола оказалась мрачнее самых тяжелых предположений. Освободившись от «рабьего» эзопова языка, сатира не могла безболезненно к нему опять вернуться. Журналы злой и откровенной политической сатиры исчезали один за другим. Самое русло сатирической печати высохло. Вместо шумной журнальной реки в 1908 году возник одинокий «Сатирикон», принадлежащий новой эпохе русской политической истории.

Отмечая несомненные заслуги «Сатирикона», Ал. Бенуа тогда же ясно указал на безмерную тяжесть существования сатиры под властью мстительной Парки-цензуры и всей системы безответственного административного надзора за печатью: «И при этом бессмысленность, нелогичность и прямо бессистемность всей этой системы! Если бы знать еще точно, что можно и что нельзя — тогда было бы полбеды. Но ведь именно этого-то у нас никто и не знает. С одной стороны, как будто и все дозволено, а с другой стороны, как будто и все запрещено. Что сегодня проходит безнаказанно и даже с одобрения, то завтра может сойти за государственное преступление.

Что сегодня приказано видеть черным, то завтра следует считать белым. И приказы эти нигде не вывешены». ¹

Путаница понятий, гонения на идеи, с которыми правительство недавно само пыталось зангрывать, отказ от собственных законоположений, принятых в пору растерянности и страха, стремление запугать всех инакомыслящих крайними мерами принуждения — все это было в порядке вещей для русского самодержавия. Дело в том, разъяснял тогда же В. И. Ленин, что «у нас, как и во всякой стране с самодержавным или полусамодержавным режимом, существует собственно два правительства: одно официальное — кабинет министров, другое закулисное — придворная камарилья». ²

Именно придворная камарилья толкала политику официального правительства за грань разумного. Именно закулисная правящая верхушка вела двойной счет всем политическим понятиям и тем самым обрекала собственное правительство на безнадежный исторический дальтонизм. Оно и в самом деле не могло отличить черного от белого и разгадывало цвет «по обстоятельствам». Все это было издавна и слишком хорошо знакомо отечественным сатирикам — от Крылова до Некрасова и Щедрина.

Сатирическая поэзия 1905—1907 годов явилась важным звеном в истории русской поэтической сатиры. Сильная своей массовостью, она послужила одним из действенных средств прямой общественно-политической борьбы. По откровенности обличения сатира этих лет — явление уникальное в русской литературе. Свобода слова, взятая ею с боя, была отдана дорогой ценой — ценой величайшей моральной дискредитации власти.

В содружестве с художниками-карикатуристами поэты-сатирики этих лет предали всенародному осмеянию самых влиятельных деятелей самодержавно-бюрократического режима и навсегда сохранили их уродливые маски для насмешек последующих поколений. Лучшее из того, что было написано в годы первой революции, сверкает подлинным остроумием, злостью, несомненной меткостью штрихов и красок. Все традиционные жанры сатирической поэзии — басня и пародия, поэма и сказка, частушка и эпиграмма — нашли себе при этом достойное практическое применение.

Сменив «эзопову манеру» на открытые «ювеналовы» обличения, поэтическая сатира 1905 года сделала важный шаг вперед в разработке художественно-публицистического стиля, отвечающего запросам новой эпохи русской истории.

¹ Александр Бенуа, Художественные письма. Выставка «Сатирикона», — «Речь», 1909, 19 декабря.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 140.

Революция расширила ряды сатириков и послужила хорошей школой для наиболее талантливых из них. Не говоря об эпизодическом участии в сатирических изданиях крупных и сложившихся русских поэтов, демократическое движение 1905—1907 годов выдвинуло большую группу молодых поэтов-сатириков, объединившихся затем вокруг «Сатирикона», а также успешно работавших впоследствии и в советской сатирической печати. Политическая сатира 1905 года подготовила почву для появления крупнейших поэтов-сатириков социалистической эпохи — Демьяна Бедного и Маяковского.

А. Нинов

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. АДМИНИСТРАТОРУ

Студентом в «левых» состоял,
Пока на службу не попал! . .
И вот на службе, как должнó,
Ты «вправо» всё берешь искусно.
«Всё это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно!»

(11 сентября 1906)

2. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ИСТОРИИ

(Смех сквозь слезы)

Кошмар войны.
О воле сны,
И недород. . .
Голодный год.
Народа стон.
Аванс. Мильон!
Голодный тиф.
Роскошный лиф
Эстер. Корсет.
Лидваль. Клозет.
Поставка — миф.
Мильон — за лиф,
Народу — кнут,
Мильон — капут! . .

Начало 1907

В. В. А Д И К А Е В С К И Й
(Б. Вилли)

---

3. РАЗГАДКИ

Мотивом к упразднению Шлиссельбургской крепости послужило то, что на содержание ее тратилось 200 000 при наличии только 30 «номеров».

(Из газет)

Уничтоженью Шлиссельбурга
Напрасно радовались мы,
Крича, что подле Петербурга
Не будет более тюрьмы.

Друзья, напрасно столько шуму:
Ведь, упразднивши сей «приют»,
На сэкономленную сумму
Пять лишних тюрем заведут.

Январь или февраль 1906

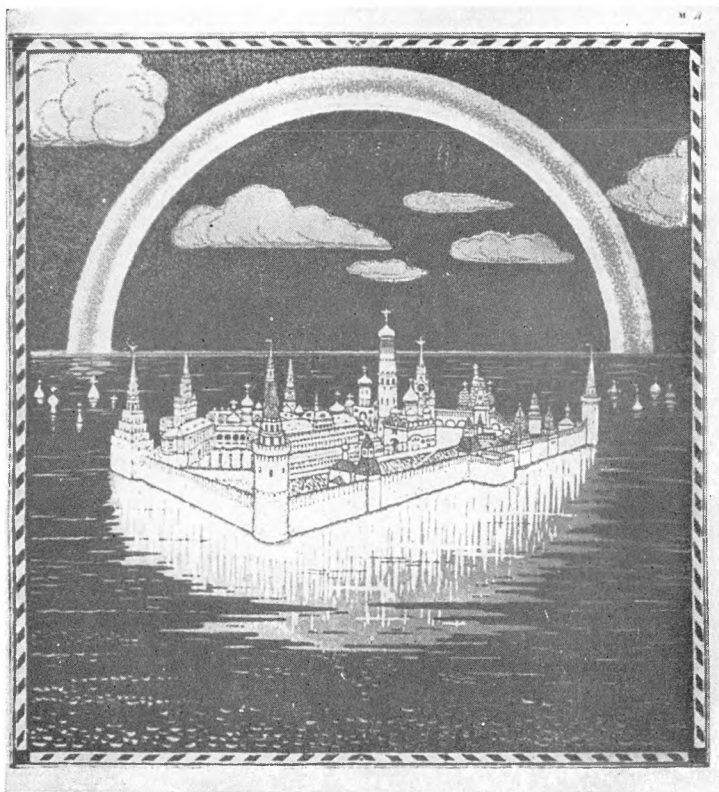
4. БЕЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

Свобод мы много в наше время
Внесем в истории анналы;
Спихнув с себя Цензуры бремя,
Горды газеты и журналы,
И клохчут ныне, словно куры,
Кичась яичком — «манифестом»,
Без предварительной цензуры,
Но... с предварительным арестом.

(18 февраля 1906)

Москва. Вступление. Рис. Б. Кустодиева.

Москва. Умиротворение. Рис. М. Добужинского.

5. МОЛИТВА

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлететь во области заочны,
Чтоб охранить себя от дольных бурь и битв,
Сложили множество прекраснейших молитв.
Сложу молитву я, как те во время оно:
«Избави, господи, Варшаву от Скалона!
На русскую печать не насылай ты мор —
И Камышанского возьми под свой надзор.
От гнусных торгашей очистившего храмы,
То ж просим повторить теперь опять тебя мы;
Художников возьми, господь, под свой покров —
Из храмины искусств исторгни цензоров...
Ты чудо сотворил, господь, во время оно,
Заставивши цвести дубину Аарона, —
Вот материал тебе совсем почти таков:
Цветами разума пусть расцветет Шипов...
Внемли, о господи, мольбам усердным россов:
Пусть станет поумней немного Карангозов!
Хоть трудно то, но, знаю, для небес
Нет невозможного: ждем от тебя чудес!
В кита запряган был тобой пророк Иона, —
Запрячь куда-нибудь теперь попа Гапона!
Чтоб провокаторов смирить, о боже, прыть, —
Как фараона, их нельзя ли утопить?
От Витте защити десницею своею:
Двуликую главу сотри, о боже, змею!
Несть эллин, несть иудей — так завещал

Христос:

Храни их, господи, чтоб Нейдгардт не разнес!
Ведь Валаамову ты вразумил скотину, —
Пошли, о господи, ты откровенье Мину!
Ты, в львиной челюсти производивший мед,
Так сделай, чтоб зарос бурьяном пулемет...
Нас от ненужного спаси, о боже, сора:
Дубасову болезнь Навуходоносора
Пошли. Еще о чем просить тебя хочу:
Пошли ты на овес казенный саранчу.
Над Безобразовым о сотвори ты чудо —
Ведь на осине же повесился Иуда!

Сам знаешь, господи: Иуда наших дней,
Пожалуй, древнего Иуды поподлей.
Но всё же более молю тебя всего:
Избави поскорей ты нас от Дурново!..»

(9 марта 1906)

6. КЛИН КЛИНОМ

Правительство, устав от всяких смут и бед,
Преследует повсюду красный цвет.
Преступны красные значки, а также флаги.
Платясь за каждый лист раскрашенной бумаги,
За краску красную, от ночи до утра
Толпой в тюрьму идут редактора.
Но чтобы справиться с народным исполином,
Уступки сделавши, клин вышибают клином,
Лепя с усердием спасителям страны
Лампасы красные на старые штаны!

(21 марта 1906)

7. РОДИНЕ

Мне жаль тебя, родимая земля!
С полей Лифляндии, от крепости Кронштадтской
До стен священного московского Кремля
Пядь каждая твоя покрыта кровью братской.
Не оттого ли к нам несется стон страны,
Не потому ль на Русь посыпались напасти,
Что многие теперь правители сильны
Не *силою ума*, а только *силой власти*.

(1906)

8. ИЗ ОБЫВАТЕЛЬСКИХ МЕЛОДИЙ

(По Мелю)

Сплю, но сердце мое чуткое не спит...
За дверями голос пристава звучит:
«Отвори скорей, крамольник, отвори!
Не то брешь в твоей проделаем двери!..»

Над твоими над сорочками
Подозрение висит:
В них иль бомбы с оболочками,
Или браунинг зарыт...

Не тверди нам небывальщину —
Выдавай-ка нелегальщину!..»

Я на ложе и бледнею и горю...
Как я встану, как я двери отворю?..
Хорошо — коль полицейские стучат!
А как вдруг там «экссы» страшные стоят?..

Оказать сопротивление,
Всполошивши целый дом?..
Но за это «преступление»
Полевым казнят судом!..

И рукою безоружною
Отворяю дверь наружную...

Входят, рыскают в комодах и столах,
В книгах роются, в бумагах и делах...
Страх и холод... Члены стынут и дрожат...
Но надеть не позволяют мне халат...

Шар от гири гимнастической
Вдруг нашли на чердаке,
О науке о химической
Две брошюры в сундуке!..

«А! Бомбист!.. Вяжи ракалию!..»
И так дале, и так далее...

(24 ноября 1906)

9. КОРМИЛЕЦ

(По Некрасову)

У министра Гурко осенью холодной
Попросил мучицы мужичок голодный.
«Нет сейчас вам хлеба, и не скоро будет!
Вот Лидваль поставит, он вас не забудет!..»
— «Нам теперь бы надо!.. — стонет
мужичонка. —

Умирает пятый с голоду мальчонка...
Сам-то я до святок дотяну едва ли...»
Отвечает Гурко: «Подожди Лидвали...»
Матери-татарки плачут под Казанью:
«Помоги, родимый, нашему страданию!..
На Кавказ детей мы с голоду продали!..»
Отвечает Гурко: «Хлеба даст Лидвали!..»
— «На задаток жирный, — все кричат газеты, —
Ваш Лидваль лишь строит новые клозеты!..»
Отвечает Гурко: «Вам тут нет печали:
Это дело наше — Гурко и Лидвали!..»

Ноябрь 1906

А. В. А М Ф И Т Е А Т Р О В
(А.; Аббадона)

---

10. МНПТЕЛЬНЫЙ ЛАОКООН,
ИЛИ
ОБЖЕРШИЕСЬ НА МОЛОКЕ, СТАНЕШЬ ДУТЬ И НА ВОДУ

Хоть говорят, говорят, что «времена уж не энти-с!»,
Но — timeo Danaos et dona ferentes! ¹
Стал полицейский смирей, не сразу он тычет нас
в dentes, ²
Но — timeo Danaos et dona ferentes!
Меньшиков вновь либерал... Колпак хоть фригийский
наденьте-с,
Но — timeo Danaos et dona ferentes!
Отдан под суд генерал, да какой еще! в анненской
ленте-с!
Но — timeo Danaos et dona ferentes!
На либеральном играть кто не горазд инструменте-с!
Но — timeo Danaos et dona ferentes!
Ох, крокодилей слезы не было б в сем инциденте-с!
Ох, timeo Danaos et dona ferentes!
Много весны на словах! Нам покажи в документе-с...
Да-с! Timeo Danaos et dona ferentes!
Чуткая юность мрачна... Жив, значит, нюх-то
в студенте-с!
Timeamus Danaos et dona ferentes. ³

30 ноября 1904
Рим

¹ Полустишие Вергилия: «Боюсь данайцев, даже дары приносящих» (лат.). — *Ред.*

² Зубы (лат.). — *Ред.*

³ Бонмся данайцев, даже дары приносящих (лат.). — *Ред.*

11. ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Позвольте рекомендоваться:
Я петербургский либерал.
Люблю в идейках завираться...
Но — кто не врал? Но — кто не врал?

Я красен, но и осторожен:
Рад слово смелое прочесть,
Но — тем, кто неблагонадежен...
Имею честь! Имею честь!

Мысль зарубежную смакуя,
Шлю эмигрантам комплимент,
Но в русских недрах — начеку я:
Я не студент! Я не студент!

Прогресса заповеди верен,
Клянусь я тьму: да будет свет!
Но — друг мой неблагонамерен...
Нас дома нет! Нас дома нет!

Пленяем остроумья ширью,
Бывает, брякну что-нибудь...
Но — чтобы рисковать Сибирью?!
Счастливым путем! Счастливым путем!

Святой гуманности поборник,
Я равноправья женщин жду.
Но — если бьет курсистку дворник,
Я обойду! Я обойду!

Люблю раскупорить котомку!
Когда с друзьями я кучу,
Пью смело тост — «за Незнакомку!!!»
Но кто она — молчу! молчу!

Я зол, что нравы наши грубы:
От произвола гибнет Русь!
Но — треснет мне хожалый в зубы...
Я оботрусь! Я оботрусь!

Всегда, везде, во всем я — влевле!
Отрежу правду — хоть царю! . .
Молчал как мертвый я при Плевле,
Зато при Мирском — говорю!!!

За право земства — новый Муций —
Борюсь я в гордой тишине.
Но . . земцы ищут конституций!!
Я в стороне! Я в стороне!

Свободу я люблю без меры
И проповедую везде.
Но — сколь противны мне эсеры!
Как ненавистны мне эс-де!

Горит душа невыносимо!
Я революцией дышу!
И только Горького Максима
Не выношу! Не выношу!

Свободу прессе! К свету! К свету!
Я — гласной правды паладин!
Но — хлопнут честную газету. . .
Так подпишусь на «Гражданин»!

На безобразия цензуры
Негодовать я храбр и быстр.
Но — на меня карикатуры?!
Карай, министр! Ссылай, министр!

Я в убеждениях упорен,
В устоях — просто исполнин:
Я тверд, как Алексей Суворин. . .
Отец, конечно, а не сын!

Еврейства мукам и печалям,
Согласен я, предела нет. . .
Но — мы знакомы с Левендалем:
К нам на журфикс! К нам на обед!

Я прогрессист, но без нахальства,
Мне страшен каждый генерал:
Лишь с дозволения начальства
Я — петербургский либерал!

Характер у меня — лягушкин,
Я — земноводный по уму:
Мне руку даст Бобрищев-Пушкин, —
Что ж? Я пожму! Что ж? Я пожму!

Я компаньон весьма всесильный,
Певали мы недурно встарь. . .
Залиться жутко «Карманьолой»,
Так гряну «Славься, русский царь!».

Пророк пиров, при звоне кубков
«Глаголом жгу сердца людей». . .
Вы лишь не требуйте поступков:
Я без затей! Я без затей!

Я не построю баррикады
И цитадели не взорву:
Я к Пасхе жду себе награды
И к Рождеству, и к Рождеству!

Приятен мне огонь протеста,
Но — надо ж чем-нибудь и жить:
Коль прогорит по земству место,
Пойду в полицию служить. . .

Конечно, горькая опека. . .
Но учит нас разумный век:
Не место красит человека,
Но красит место человек!

Плачу в гимназию за сына. . .
По дому трачу денег тьму. . .
Покорен долгу гражданина,
Я приспособлюсь ко всему!

Готов ходить во всяких бармах,
Кто палку взял — тот мой капрал.
Но — верьте: даже и в жандармах,
Я — либерал! Я — либерал!

1904
Рим

12. ПЕРВАЯ ЗАПОВЕДЬ

Гимн Петру Николаевичу Дурново

Он расцвел, подобно розе,
И сказал родной стране:
«Да не будут тебе бози
Инии разве мене!

Подражать маркизу Позе
Не способен я вполне,
Но — не будут тебе бози
Инии разве мене!

В государственном морозе
Натянул я нос «весне»:
Днесь не будут тебе бози
Инии разве мене!

Покорил я Русь под ножи,
Будто витязь на войне, —
И не будут тебе бози
Инии разве мене!

Витте тащится в обозе,
Я ж гарцую на коне. . .
Нет! Не будут тебе бози
Инии разве мене!

Как хорош я в этой позе,
Не приснится и во сне. . .
Верь: не будут тебе бози
Инии разве мене!

Шлю угрозу на угрозе
Сей и оной стороне:
Пусть не будут тебе бози
Инии разве мене!

Тех повешу на березе,
Этих вздерну на сосне...
Врешь! Не будут тебе бози
Инии разве мене!

Пулемет в огромной дозе —
Вот спасение казне!
Не помогут тебе бози
Инии разве мене!

Суд — в акимовском психозе,
Кремль — в дубасовском огне...
Да не будут тебе бози
Инии разве мене!

Пресса — в мертвенном гипнозе,
Как утопленник на дне...
Ну-ка, ну-ка! где вы, бози,
Инии разве мене?

Соберу я дани мнози —
Где овсом, где на зерне, —
Но заплатят тебе... бози
Инии разве мене!

Не свезти на целом возе,
Что проклятий слышно мне...
Всё ж — не будут тебе бози
Инии разве мене!

Чести больше и в навозе,
Смысла больше и во пне...
А не будут тебе бози
Инии разве мене!

Брань гремит в стихах и прозе
Даже всей моей родне, —
Но не будут тебе бози
Инии разве мене!»

Декабрь 1905 или январь 1906

13. АКАФИСТ СМУТИТЕЛЮ НЕПОДОБНОМУ СЕРГИЮ КАМЕННООСТРОВСКОМУ,

**ВО ГРАФЕХ СУЩУ И СЛАВУ ВСЕЛЕНСКЮЮ ВЕЛЬМИ ПРИЯВШЕМУ,
ГОСУДАРСТВЕННОЙ МАГИИ ПРОФЕССОРУ, ВСЕГО ПЕТРОГРАДА
ОБЕР-КУВЫРКАТЕЛЮ И, ПРЕФОКУСНЫЯ КОЛЕНА ТВОРИЯ, ЦАРЕДВОРЦУ**

Коими похвальными венцы уязвим смутителя? Плотию в Петербурзе суща, но циркулярно всех достигающа, всех предателя и отступника и всех скорбных заточителя и от всех сущих в бедах затворенное убежище, Российскаго бесчестия столпа, лицемерных поборника? Его же ради шатания, Дурново Россию разложи, вопияй: позволите выпороть вашу милость!

Курноса образом, всемирна суща плутовством, яви тебе бюрократическия твари создатель. Многорасходную бо широту беспрограммия твоего провидев, протяженно-сложенне Сергие, научи ны вопияти тебе сице:

Радуйся, конституции вилами на водах песнетворче!
Радуйся, мистификаторе, тебя же на свете несть горче!
Радуйся, царя многократно за глупый нос водивый!
Радуйся, демократов по тюрьмам и местам отдаленным
рассадивый!

Радуйся, клятвенных обещаний неисполнение!
Радуйся, в честном слове своем произволение!
Радуйся, публике очков втирание!
Радуйся, к народным нуждам невнимание!
Радуйся, отечественной прессы подкупательство!
Радуйся, в иностранных корреспондентех искательство!
Радуйся, возложивший Вильяма Стэда на лоно!
Радуйся, пригласивший Луи Нодó и Диллона!
Радуйся, лести торжество и над истиною

издевательство!

Радуйся, новоиспеченное сиятельство,
Неподобный отче Сергие Каменноостровче,
Радуйся!

Радуйся, сочинителю конституционного самодержавия,
Радуйся, жену свою приведший в православие!
Радуйся, в Портсмуте-граде врази японстии
победивший!

Радуйся, Россию монопольною водкою спойвший!
Радуйся, давший нам золотую валюту!
Радуйся, произведший Вуича в Скуратова Малюту!
Радуйся, отечества разорение велие!
Радуйся, французских и немецких рептилий веселие!
Радуйся, парижских банкиров надувательство!
Радуйся, новоиспеченное сиятельство!
Неподобный отче Сергие Каменноостровче,
Радуйся!

Радуйся, обещавший нам четыре свободы!
Радуйся, велевший сидеть у моря да ждать погоды!
Радуйся, како спасти Россию знающий!
Радуйся, секрета сего никому не открывающий!
Радуйся, на два фронта играние всегдашнее!
Радуйся, забвение сегодня про вчерашнее!
Радуйся, готовность лгать в ежеминутие!
Радуйся, Хлестакова за пояс заткнутие!
Радуйся, друзей своих и сотрудников предательство!
Радуйся, новоиспеченное сиятельство!
Неподобный отче Сергие Каменноостровче,
Радуйся!

Радуйся, доверия напрасное прошение,
Радуйся, доверия ни справа, ни слева неполучение!
Радуйся, Петра Николаевича Дурново возвышение!
Радуйся, административной ссылки воскрешение!
Радуйся, печати русской погашение,
Радуйся, студентов поношение,
Радуйся, гимназистов заушение,
Радуйся, просвещения истребление,
Радуйся, к черным сотням вождеделение,
Радуйся, над мыслью русской надругательство!

Радуйся, новоиспеченное сиятельство,
Неподобный отче Сергие Каменноостровче,
Радуйся!

Радуйся, департамента полиции владычество,
Радуйся, Акимова во судах неприличество,
Радуйся, обожание Димитрия Трепова,
Радуйся, командировка Орлова Свирепаго,
Отправляемого ныне в поход заново.
Радуйся, дружбе Меллера и Алиханова,
Радуйся, Карангозова в Одессу ниспослание,
Радуйся, Дубасовым Москвы расстреляние,
Радуйся, сожжение сел и обывателей убийство,
Радуйся, Гурьева и прочих, елицы с ним, витийство,
Радуйся, купле продажнаго писательства!
Радуйся, новоиспеченное сиятельство,
Неподобный отче Сергие Каменноостровче,
Радуйся!

Радуйся, «Русскаго государства» поощрение,
Радуйся, с Сергеем Шараповым примирение,
Радуйся, с Манасевичем-Мануйловым яക്ഷание,
Радуйся, воров опора и честным людям мешание,
Радуйся, Василия Касперова протекция,
Радуйся, финансов русских вивисекция,
Радуйся, громождение обмана на обмане,
Радуйся, показание царю кукиша в кармане,
Радуйся, либерале, страхом свободы объятый,
Радуйся, низкопоклонниче пред Звездною палатой,
Радуйся, скрутивый в бараний рог обывательство.
Радуйся, новоиспеченное сиятельство!
Неподобный отче Сергие Каменноостровче,
Радуйся!

Радуйся, щедродавче «С.-Петербургскаго телеграфнаго
агентства»,
Радуйся, подложныя рекламы совершенство,
Радуйся, научнаго невежества беспредельность,
Радуйся, ноздревщины неслыханная цельность,
Радуйся, таланте врать, о чем угодно, не зная скончания,
Радуйся, языкоблудства увенчание,
Радуйся, нарицаемый волшебником и магом,

Радуйся, Михайлу Кречинскаго оставивший за флагом,
Радуйся, хвостовилание направо и налево,
Радуйся, — с позволения сказать — министерская
полудева,

Радуйся, великий мастер на все обстоятельства!

Радуйся, новоиспеченное сиятельство,
Неподобный отче Сергие Каменноостровче,
Радуйся!

Радуйся, Сахалина пополам разделение,
Радуйся, кредитов русских ущемление,
Радуйся, узаконение российского пианства,
Радуйся, кабаков премещение на уличный скандал
и буянство,

Радуйся, любителю хулиганския резвости,
Радуйся, учредителю «народных трезвости»,
Радуйся, насадителю православной морали кафе-
шантанами,

Иде же несть болезнь и печаль, а только — девки
с канканами!

Радуйся, протекционных пошлин торжество и
превосходство!

Радуйся, промышленности русской повсеместное
банкротство!

Радуйся, налогов, яко прессом, выжимательство!

Радуйся, новоиспеченное сиятельство,
Неподобный отче Сергие Каменноостровче,
Радуйся!

Радуйся, меценате российския лиры,
Радуйся, одеваяй пиит своих в лакейские мундиры,
Радуйся, Константина Константиновича глупостей
свидетелю,

Радуйся, академии без академиков радетелю,
Радуйся, из оной академии Максима Горького изгнание,
Радуйся, невежества геройство и приличия незнание!
Радуйся, охотниче снимать со всякой каши пенки!
Радуйся, получивый нос от Чехова и Короленки!
Радуйся, издателю газеты без подписчиков,
Радуйся, редакцию составивший из сыщиков!
Радуйся, предвидевший обжорство сей породы,

Радуйся, испросивший субсидию им на бутерброды,
Радуйся, миллиона народных денег в сей печи сожжение!
Радуйся, Гурьева любовь и Сигмы глубочайшее
уважение,

Радуйся, Никольского восторг и Гурлянда
обожательство!

Радуйся, новоиспеченное сиятельство,
Неподобный отче Сергие Каменноостровче,
Радуйся!

Радуйся, рабочих именуемый «братцы»,
Радуйся, — бух в колокол, не посмотря в святцы!
Радуйся, одесских погромов научительство,
Радуйся, Богдановича оплата и покровительство,
Радуйся, Матюшенского и Гапона подстрекательство,
Радуйся, черных сотен пристанодержательство,
Радуйся, депутатов в сахарные уста целующий,
Радуйся, о дне грядущем в ус себе не дующий!
Радуйся, охранителю — своей собственной шкуры!
Радуйся, изобретателю генерал-губернаторской цензуры!
Радуйся, над свободой слова издевательство!
Радуйся, новоиспеченное сиятельство,
Неподобный отче Сергие Каменноостровче,
Радуйся!

Радуйся, возлюбивший служебное бескорыстие,
Радуйся, учредивший мышеловку из амнистии!
Радуйся, чинов, наград и пенсий нехотение,
Радуйся, земель в Австрии и Пруссии приобретение!
Радуйся, Вильгельма II интимный друже,
Радуйся, курса направителю что день, то хуже!
Радуйся, прельщение Мещерскаго, охальника!
Радуйся, превращение Николая Второго в целовальника!
Радуйся, Государственной думы бессрочные отсрочки!
Радуйся, рабочих обнищание до последней сорочки!
Радуйся, укрощение митингов и прочия мятежные орды,
Радуйся, отдавание выборов под кулак Держиморды,
Радуйся, забастовок и стачек победноборче,
Радуйся, конституции вилами на водах песнотворче!
Радуйся, до всего, тебе некасаемого, касательство!

Радуйся, новоиспеченное сиятельство,
Неподобный отче Сергие Каменноостровче,
Радуйся!

О преславный и пречудный Отче Сергие, витии суе-
мудренныя нечестивых видим тобою посрамленныя!!

Тимирязева бо хульника, разделяющаго правитель-
ство, и Толстого, смешающа министерскую тройцу,¹ пре-
прел, нас же во ежовых рукавицах укрепил еси.

О, колика туга обдержит ны от стреляний дурнов-
ских и язвы терпеть ны несть мощно: пластыря прило-
жити несть врача... Балмашев бо умре, и Карпович, иже
министры воспитуйя, далече от нас!

Архистратига, великаго министра и храмины предсе-
дателя Мариинской Сергия восхвалим: многи бо мужи
погуби неправедно умрети имущия, и жительству россий-
скому является с Дубасовым во сне, реша неправедное
изречение. Прескверных же твоих деяний, яко песка мор-
ского и множества звезднаго, исчести не могущи, недо-
умением объяти бывше, вопием ти: караул!! Егда же со-
благоволиши покинути ны? Отпусти душу на покаяние!

(19 февраля 1906)
Париж

14. СТИХИРЫ РОССИЙСКИЯ, ИСПРАВЛЕННЫЯ И УСОВЕРШЕНСТВЕННЫЯ ПО ЗАКОНУ СЕГО ВРЕМЕНИ

1. СТИХИРА АДМИРАЛЬСКАЯ

Поется при спуске броненосцев, при осмотре портовых сооружений и приеме заказов, а равно и при всяком высокотожественном происшествии по морскому ведомству, главным же образом — во дни тезоименитства и рождения его императорского высочества великого князя Алексея Александровича

Волною морскою
Крал еси древле:
На Балетную,
На оперетную,
На всякую прочую девку скравше!

---

¹ Министр-отец — С. Ю. Витте, министр — с(укин) сын — П. Н. Дурново, и министр — плут простой — Г. Акимов.

4. СТИХИРА ИМПЕРАТОРСКАЯ¹

Читается членами императорской фамилии ежедневно пред отходом ко сну

Отче наш! Хорошо, что еси на небеси,
А если бы ты был на земли,
То поселил бы тебя Вуич где-нибудь вдали,
Да исполнится воля Дурново
И да приидет царствие его!
Заем в Европе даждь нам днесь,
Петру Николаевичу овса отвесь,
А народ пусть заплатит долги наши, —
Только не так, как мы платим кредиторам
нашим!

Не подведи нас под покушение,
Но избави нас от Каляева!

5. СТИХИРА ИЗДАТЕЛЬСКАЯ

Воспою прокимен:
Акимов — злой скимен...
Суди ж меня, судия
Неправедный!!!

6. СТИХИРА КРОНШТАДТСКАЯ

Исполняется на радениях иоаннитов и тому подобных празднествах российской юродивости, преимущественно же — во сретение преподобного отца протоиерея Иоанна Ильича Сергиева, от черных сотен суца, бабия пророка, блаженномздоимца, всих плутов и казеннотатей молитвенника и дреймадерного чудотворца

Плуте тихий
Хмельная славы!
Близ тебя, священного,
Близ тебя, блаженного,
Жулик на мазурике
И вор на плуте!
Выведше тебе из тьмы на солнце,
Видевше свет газетный,
Ждем до конца
Еще немного,
Чтобы твои плутни прокурор накрыл!

---

¹ Ранее, цензурного гонения для, печаталась jako «министерская».

7. СТИХИРА БУТЕРБРОДНАЯ

*Поется хором пред редакционными завтраками
сотрудников газеты «Русское государство»¹*

Иже в девятый раз ассигновку Матюшенскому
написавый,
Иже Гапону-попу протекцию оказавый,
Иже Ушакова и Коренева возложивый на лоно,
Иже поощрявый Зубатова во время оно,
Вящаго провокаторства учредивый мытарства, —
Хвален еси, сочешший ны «Русское государство»!
Десять тысяч на завтраки, — что может быть слаще?
Восписуем же, братие, что — несть власти аще!
Десятьсот тысяч бюджета! — пляшите, зовите:
Славься сим, болярин, граф Сергей Юльевич Витте!

СТИХИРЫ ЧУХНИНСКИЯ

*Рекомендуются к умному чтению кандидатам в палачи,
пред исполнением экзекуции²*

8

Разбойника нечестиваго искал еси вотще,
Чтобы лейтенанта Шмидта повесити.
Разбойникам нечестивым, плююще, отказавшимся,
Милосердия пример явил еси, адмирале,
Четырьмя залпами Шмидта поразивый!
Двенадцатью пулями Шмидта пронзивый!
Молимся ти, разбойников устыждение,
Молимся ти, дисциплины насаждение:
Яко палачам неопытным, даруй нам свое учительство!

---

¹ За не столь праведною, сколь скаредною кончиною «Русского государства» и прекращением сопряженных с оным завтраков стихира сия временно вышла из употребления, но не без упования паки воскреснуть. А завтракают ныне в «России».

² Сия и следующая стихиры в честь выбывшаго из флотских списков адмирала Чухнина сохраняются в сем молитвослове исключительно на случай скорого открытия мощей означенного угодника, чудесами своими, уже при жизни своей, посрамившаго славу как Се-рафима Саровскаго, так и Феодосия Черниговскаго, и всех прочих собственноручных его величества чудотворцев.

Аще и во гроб низвел еси бессмертных,
 Но флотскую сокрушил еси силу
 И остался на бобах — победитель,
 Министерству телеграфируя: «Радуйтесь!
 Лейтенант Шмидт и матросы расстреляны,
 «Пантелеймон» и «Очаков» на дно пущены!
 Разрешите утопить остальную флотилию,
 С офицерством и с командами,
 Дабы в эскадре Черноморской порядок был!»

10. СТИХИРА ТИМИРЯЗЕВСКАЯ

Чертог твой
 Вижду, Витте мой,¹
 Но охоты не имам,
 Да вниду в онь.
 Страшновато с твоим скопом
 Сопричислиться:
 Никаким потом иссопом
 Не очиститься!

11. СТИХИРА ЖАНДАРМСКАЯ, ИЛИ ОТВЕТСТВЕННЫЙ ВОПЛЬ НА ЗАПРОС НАЧАЛЬСТВА О ПРЕВЫШЕНИИ ВЛАСТИ И ЗЛУПОТРЕБЛЕНИИ ОНОЮ!

Ваши превосходительства, услышьте нас!
 Услышьте нас, ваши превосходительства!
 Укорение Спиридоновой не женственное,
 Яко обличила нас письмом,
 Благоволите считать не существующим,
 Да не подвергнемся суду!
 Но трудам нашим в поощрение, —
 Яко истязуемо девиц,

---

¹ Обращение должно меняться соответственно имени того благо-
 честивого вельможи, кой занимает пост министра-президента. Так,
 под игом г. Столыпина достойно и праведно есть воспевать: «Петя
 мой!»

Не имеющих к начальству почтения
И посягающих на государственный строй; —
Явите к нам велию милость,
Да не устрашимся вовек!
При исполнении служебных обязанностей
Ни стыда у нас, ни совести, ни чести нет.
И не то еще творит наше усердие,
Да не всё выходит на белый свет.
Рука руку моет, ваши превосходительства!
Ваши превосходительства, волк волка не ест!
Соизвольте положить милостивую резолюцию,
Да возликуем и процветем, яко сельний крин:
Представьте нас к денежной награде
С командировкою за границу на казенный счет,
Удостоите нас святых Анны второй степени
И производства в следующий чин!

12. СТИХИРА БАЛЬНАЯ

*Исполняется на фестивалях гг. министров внутренних дел —
незадолго до переселения оных из мира земного в мир небесный*

Давид играше,
Давид скакаше
Перед ковчегом
Веселыми ногами.

Дурново играше,
Дурново скакаше
После расстрелов,
Перед гробами.

Министры не приехали,
Послы заболели,
Дамы не хотели:

Ох, бал, бал, бал!
Лучше б ты не бывал!

Без министров, без послов
Праздник всё же был готов:
Гости наезжали
С усами, с усами,
Гостей угощали
Овсами, овсами.

Дурново увещевал,
Чтобы каждый ликовал;

Веселися, пристав!
Радуйся, подчасок!
Ходи живо, сыщик!
Шевелись, брандмейстер!
Воспляшите, дворники!
Танцуй, околоточный!
И не унывай, жандарм!!!

13. СТИХИРА БЕЗВЫХОДНАЯ

*С особенным чувством должна исполняться
молодыми людьми еврейского происхождения*

От юности моя
Мнози борют мя напасти:
В университет хотел бы я,
А меня сажают в части!
Мечтал я во время оно,
Что буду прилежный студент:
Ненавидящие Сиона
Подвели меня под «процент»!
Как поехал я в Питер из Бреста,
Сыщик в тот же уселся вагон.
Обязательны мне в месяц три ареста
И высылка — на каждый сезон.
О, когда б вы в моей шкуре побывали!
В году триста шестьдесят пять дней:
У меня обысков — меньше едва ли...
Я клянусь вам, как честный еврей!
Шарят, где револьверы, бомбарды:
Не хотят взять во вниманье то,
Что давно уже я снес в ломбарды
Зонтик, брюки, шляпу и пальто!
Так меня ощупывают строго,
Будто в каждом пальце — по ножу,
Будто, лишь тряхни меня немного,
И тотчас я браунинг рожу!
Я знаком всем русским прокурорам,
Мне жандармов неизвестных нет,
Я живу в тюрьме иль под надзором,
По этапу исходил весь свет.
Записали меня, бедного, бундистом,
Увезли в Архангельск жить!

После — нет: признали сионистом, —
Переводят в Кадников тужить!
Каждый нерв истерзан, каждый атом!
С нашим братом счеты так просты:
    Записали социал-демократом —
    И отправили в «Кресты»!
А вчера я снова был утешен —
Мне сказал тюремный офицер:
«Вероятно, будешь ты повешен,
Яко социалист-революционер!»

14. СТИХИРА ЦАРСКАЯ

*Годится на каждый день, но с особенным чувством
исполняется в годовщину 9-го января*

Спаси, господи, люди твоя
И защити достояние твое
От нечестивейшаго императора нашего
Николая Александровича,
Да твое не расстреляет
Под крестом твоим жительство!

**15. СТИХИРА РОМАНОВСКАЯ, БЛАГОДАРСТВЕННАЯ,
ИЛИ ГИМН ПРИЗНАТЕЛЬНОЙ РОССИИ ВО СЛАВУ ЕГО ИМПЕ-
РАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА,
ИМПЕРАТОРА ЦАРКОСЕЛЬСКОГО, ЦАРЯ ПЕТЕРГОФСКОГО,
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ОХРАНСКАГО И ПР., И ПР.,
И ВСЕЯ «ПОЛЯРНЫЯ ЗВЕЗДЫ» САМОДЕРЖЦА**

Боже, царя стряхни!
Самодержавный,
Царь он — к позору, к позору нам!
Царь он — на смех врагам!
Злой, своенравный,
Глуп он — куда ни ткни!
Боже, царя стряхни!!!

*(19 марта 1906)
Париж*

15. БЛАГОДАРЮ!

Романс литератора, умиленного кадетским законопроектом о печати

Я прочитал проект... Хоть он еще не в силе,
Но вижу хорошо грядущую зарю:
Всего лишь на пять лет меня вы засадили...
Благодарю!

Дождались мы цветов, дождемся, значит, ягод...
Российской власти впредь отнюдь не укурю:
По конституции за это — в крепость на год...
Благодарю!

В собрании умов, свободой знаменитых,
С почтеньем старину подьяческую зрю:
Вы честно сберегли суд при дверях закрытых...
Благодарю!

Священно сохранен порядок «диффамаций»,
Не допускающих сторон враждебных прю:
За то, что посрамлен уклад соседних наций, —
Благодарю!

В читальне у меня брошюрки очень прятки,
Но от жандарма впредь шкафов не затворю:
Ведь риск теперь — всего три месяца к отсидке...
Благодарю!

Прелестные статьи и чудо-параграфы
Я жадно проглотил — авось переварю!
Спасибо за тюрьму, особенно ж — за штрафы...
Благодарю!

Строжайшей логикой ваш кодекс лучезарный
Так полон, что — давай господь пономарю!
Пускай бранит его народ неблагодарный...
Благодарю!

Ах, злая клевета прилипчивей, чем клейстер!
В толпе гуляет слух, — его ли повторяю? —
Что диктовал закон вам обер-полицмейстер...
Благодарю!

*30 июня 1906
Париж*

16. ГУВЕРНАНТКА

С МУЗЫКОЮ, СОГЛАСНА И В ОТЪЕЗД,
ИЛИ НАСТАВЛЕНИЕ С. А. МУРОМЦЕВА
ЧЛЕНУ КРАЙНЕЙ ЛЕВОЙ: *TENEZ VOUS DROITE!*¹

Сдержи, мой друг, свое рыкание
И рот запри.
Об Учредительном собрании
Не говори.

Рукоплесканий грубой публики
Не возбуждай —
И понапрасну о республике
Не рассуждай.

Не удручай словами быстрыми
Кадетский стан.
Кто ж так ругается с министрами:
«Вы — хулиган»!

Коль скоро слово мною дадено,
То сгоряча
Не закричи смотри: «Прочь, гадина!» —
На палача.

Министров наших молодечество
Как вихрь пустынь.
Но их назвать — «враги отечества»! . .
Динь-динь — динь-динь!

Ври аккуратно и умеренно
Вплоть до конца.
Поверь: надежнее ход мерина,
Чем жеребца.

Слова и тон волнения грубого
Противны мне:
Я весь — как «мякиш для беззубого»!
(Смотри «На дне»!).

---

¹ Держитесь правой стороны (франц.) — *Ред.*

Когда мужик твердит мужицкое,
Он злит меня.
Его зову, звоня и цыцкая,
К порядку дня.

Звоню Аладьину, Аникину, —
Плебеи, брысь!
Но у своих словца не выкину:
Скромна их рысь.

Гостил недаром в Петергофе я
Врагам на страх:
Вкус государственного кофея
В моих устах!

Как гувернантка, я прославился
В короткий срок
И лишь в «день Павлова» не справился...
Хоть брось звонок!

Я тишины благоговейныя
Вотще алкал:
Народ «убийцу» в жилы шейныя
Чуть не толкал!

От потолка и до фундамента
Висела брань.
Ах, у российского парламента
Манеры — дрянь!

Но не долга была потерянность:
Единый день.
Ведь аккуратность и умеренность
Тверды, как пень.

Пускай ораторы народные,
Трудовики,
Пугают, будто нас голодные
Ждут мужики.

Не знаю, будет ли напитана
Толпа сих плакс,
Но Дума мной благовоспитана,
Уж это так-с!

Как Эдуард Направник с палкою,
Я — у звонка.
И лишь одной легендой жалкою
Смущен слегка:

Бормочет Дума, опечалена,
Что я... того...
Потомок Софьи и Молчалина —
И весь в него!

Июнь или июль 1906

**17. РУССКИЕ В 1906 ГОДУ,
ИЛИ ПРЕКРАСНЫЙ КАДЕТ, ЗАКАЛАЮЩИЙ СЕБЯ
НА АЛТАРЕ СВОЕГО ОТЕЧЕСТВА**

Нет, раньше чем что-либо провозглашать, «кадеты» должны иметь власть в своих руках. Только на таких условиях они могут взяться за образование министерства, принести эту величайшую патриотическую жертву и выполнить высшую задачу, возложенную на них историей.

«Речь». Статья А. С. Изгоева

Самоотверженны бывали люди встарь,
Но и теперь на этот счет мы быстры.
Прими меня, отчества алтарь!
Себя тебе я жертвую — в министры!

Когда-то пламя злобное сожгло
Длань Сцеволы при сборище немало.
Не хуже мы, и я, куда ни шло,
Согласен быть — российским генералом.

Любой кадет историей венчан
На подвиги... их список очень длинен!..
Когда я буду русский Ли Хун-Чан,
То помните: пред вами — новый Минин!

Да, Минин я, но — возведенный в куб,
А может быть, в придачу и Пожарский:
Признался же, что я «не очень глуп»,
Язвительный писатель Луначарский.

Пусть клевета плетет паучью сеть!
Как патриот, утешу я парламент:
Коль не дадут мне ведомством вертеть,
Уж так и быть, возьму хоть департамент!

Возможно ль век свой в праздности прожить,
Став, так сказать, своей карьеры вором?
Готов по гроб я родине служить, —
Назначьте только обер-прокурором!

Держа в кармане каждом по шишу,
Я издаю неясственные звуки
И лишь тогда кой-что «провозглашу»,
Когда всю власть возьмут кадеты в руки!

Я подпишу, пожалуй, хоть контракт,
Что всех реформ я рыцарь и оратор,
Но требует сперва кадетский такт,
Чтобы я был — военный губернатор!

Ну, словом, так: отечество любя,
Не дрогну я ни пред какой напастью —
Спасу его, пожертвую себя. . .
Чур, только быть мне «предержащей властью».

*4 июля 1906
Париж*

18. ДАРЫ ПАВЛОВА

Павлов едет, дик и злобен,
От Таврических громад.
Злостью бесу он подобен
И умен — как автомат.
К Петергофу приближаясь,
Он умильный принял вид

И, солидно принижаясь,
Нежно Трепову журчит:

«Пропусти меня, владыка!
Пожалей мою слезу!
В этой Думе столько крика —
Не увезть и на возу!
Там кишат исчадья ада
И, пюпитрами стуча,
Воют: «Вон пошел! Не надо!
Прочь! Не слушать палача!»
Оскорблен я. Мечь — по праву!
Повели же расстрелять
Всю Аладьина ораву
И кадетов штук пять!»
Но, на страже «кабинета»,
Трепов стихнул, будто спит,
И ему, стихом поэта,
Павлов сызнава хрипит:

«Я привез тебе гостинец:
Любопытней в мире нет!
Замечательный зверинец —
Министерский наш совет!

Все — в кольчуге драгоценной
Под мундиром золотым:
Страхованье жизни тленной,
Ибо все мы — прах и дым!
Всюду ныне — пули, бомбы,
Здесь подкоп, а там провал. . .
Слушай, Трепов! Ты гуртом бы
Нас, друзей, блиндировал!
Вот тебе Стишинский с Гуркой,
Вот Столыпин-пулемет:
Был бы кстати он под туркой,
На Руси ж — куда не мед!»

Но, на страже «кабинета»,
Трепов хмурится, молчит,
И — волнуясь: что же это? —
Павлов жалостно бурчит:

«Слушай, дядя! Дар бесценный!
Что другие все дары?
Торжествует суд военный
От Фонтанки до Куры!
Труп расстрелянного Шмидта,
Трупы рижских мертвецов, —
Ренненкамповы копыта
Топчут головы бойцов!
Всем в России жить несносно,
Да не слаще и Сибирь:
Ходит язвой смертоносной
Юридический упырь.
Городской народ и сельский
Столь исстрелян в этот срок,
Что сам Меллер-Закомельский
Стал мальчишка и щенок!
Лишь один воитель Бадер
Нам приходится под масть:
Белостокский дебаркадер
Помнит бадерову власть!
Изнасилованы жены,
Переколоты мужья. . .
Пулеметы заряжены,
Штык недаром у ружья!!!»

Дмитрий Трепов еле дышит
И сморкается в платок:
Кровь он видит, вопли слышит —
Ах ты, милый Белосток!

И восстал в свирепой страсти
Дмитрий Трепов как гроза,
И алчнее волчьей пасти
Генеральские глаза.
И, склонив чело по чину,
С содроганьем эполет,
Прокурора-молодчину
Пропустил он в «кабинет».

*6 июля 1906
Париж*

19. АВТОБИОГРАФИЯ ОБРУШЕННОГО ПОТОЛКА

Воздвигнутый в венец торжественной палате,
Спокойно я висел, незаблемый в годах.
Я зрел Потемкина — небритого, в халате,
Я зрел Потемкина — в брильянтах и звездах.
Плясали подо мной красавицы столицы,
Иллюминации ночь обращали в день,
И лебедью плыла премудрая Фелицы
    Божественная тень.

Увы! Блестящий век был краток и непрочен!
Светлейший опочил в окрестностях Бендер;
Таврический дворец уныло заколочен,
Как суеты сует учительный пример;
Ремонт его вошел в графу бюджетной сметы,
Хищению казны прибавив новый шанс...
Лишь Дягилев порой здесь выставлял портреты
    И славил декаданс.

Прошло сто лет... Опять жива моя обитель.
Начистили паркет, с окошек смыли мел...
Пришел под мой навес «народный представитель» —
Заспорил, закричал, затопал, зашумел.
Был любопытен мне Содом сей безобидный.
Я — партий не знаток. Сквозь сетку паутин
Мне нравились равно — и Муромцев солидный,
    И чинный Головин.

Шумели там внизу Аладьин и Аникин,
И Родичев в экстаз лирический впадал.
С трибуны яростно отчитан Горемыкин,
И Павлов потерпел неслыханный скандал.
Клубились прения неистово и быстро,
Неистошимые, как вешняя вода.
И каждый голосил на каждого министра:
    «В отставку, господа!»

Не знаю, парламэнт каков у прочих наций:
Кто хочет знать — Максим Максимыча спроси...
Но вряд ли где еще красивых декламаций
Фонтан обильнее, чем на святой Руси.

Не то чтобы я был социализмом болен,
Не то чтобы я был ретивый демократ...
Но всласть поговорить — премного я доволен,
Послушать тоже рад.

Кто говорит: я стар? О нет! В начале мая
Дала мне молодость народная гроза.
Волнующим речам почтительно внимая,
Я даже отсырел: невольная слеза!
Разоблачения звучали каждой язве!
Порокам страшный суд глас трубный возвещал!
Нет, если я тогда трещал слегка, то разве
От радости трещал!

Но помню мрачный день, явился некто Гурко...
Задрал он до меня носки своих сапог!
И дрогнула моя невольно штукатурка:
Негодованья пыл едва я перемог,
Перила ветхие презрением заныли...
Впервые видел я подобный моветон!
С тех пор меня вотще крепили и чинили,
Истратив миллион.

Сей Гурко был еще «неведомый избранник».
Теперь, как говорят, он много преуспел:
Лидваля компаньон, Эстер покорный данник...
Недаром, видно, я над Гуркою скрипел!
Пространство не щадя и не жалея время,
С гримасой он цедил свой безобразный спич...
Как жаль, что я тогда на дерзостное темя
Не уронил кирпич.

Затем — предела нет трагическим моментам.
Конфликты сосчитать — неодолимый труд.
Пищала правая: запахло здесь конвентом!
Вопила левая: под суд! под суд! под суд!
Но был начальства глаз угрюм и неусыпен,
Но был начальства план язвителен и жгуч:
В одну глухую ночь пришел сюда Столыпин
И запер зал на ключ.

Дубасов. Рис. Б. Кустодиева.

Победоносцев. Рис. Б. Кустодиева.

Так Дума первая скончала жизнь без шума,
В пустыню удалясь от сих прекрасных мест.
Но пишут в Англии: «Нет Думы — будет Дума!»
Надеждами добра тревоги успокоив,
Я мирно спал, один питая интерес:
В грядущем феврале каких пришет героев
Страна под мой навес?

Желанный день настал, но мне пришелся жестко;
Он отравил меня, как пиво — кукельван.
Ах, было отчего рассыпаться в известку!
Я вижу: под меня вдруг входит... Крушеван!!!
Как? Чистоту мою коптит его дыханье?!
Как? Кишиневский смрад сюда он приволок?!
Обрушься же скорей ты, вековое зданье!
Валися, потолок!

Март 1907

К. М. А Н Т И П О В
(Красный)

---

20. НАБИВШИЙ ОСКОМИНУ ДИАЛОГ

С.-Р.

«Я в вашей узости для дела вижу вред,
Я «всех трудящихся» под знамя созываю...»

С.-Д.

«Ты сер, а я, приятель, сед
И буржуазную твою натуру знаю...»

(5 ноября 1905)

21. СЛОВО О ПОЛКУ ГРИНГМУТОВЕ

*Дерзкое подражание А. Н. Майкову,
незабвенному перевоплотителю Игоря*

Не начать ли нашу песнь, о братья,
Со сказаний о газетной брани, —
Песнь о храброй грингмутовой рати
И о нем — о Карле, об Амалье,
И воспеть их, как поется ныне,
Не гоняясь мыслью за Баяном.

Под Страстным был Грингмут... Только

видит:

Черной тьмой мозги его прикрыты,
И возрел на светлое он солнце,
Видит: солнце — что двурогий месяц,
На рогах же — Милюков и Гессен.

Ночь редела. Синь-жандарм проглянул,
По Тверской казак пронесся сизый —
В октябре то было, в годе третьем, —
Потоптали храбрые студентов,
Гимназистов да жидов поганных,
Красных дев помчали тут курсистских,
Кошелей, платков да самоваров
Унесли с собой такую силу —
Целый год в кружалах пропивали! . .
Но возрел опять Грингмут на солнце:

Там, как прежде, Милюков и Гессен...
То не речь речет буй-тур Аладьин,
Не рычат с трибуны Мандельштамы,
И не кони ржут, испуганы трамваем, —
Ржет Пихно́ во Кieve во стольном,
В Петербурге трубят Булацели —
Весть идет на всю родную землю,
И тебе, король велебританский,
И тебе, Вильгельм истинно прусский,
Знать о том дано по телеграфу —
Грингмут кличет славную дружину:
«Где Дорреры — кúряне лихие?
В полпивных ли, в монополях пьяных?
Гой, бирюч кулачного ты «веча»,
Ты ударь во щит свой оловянный
Да скликай ты рати удалые —
Над врагом победу добывати!»

Веют стяги Грингмута в походе —
С ратью грозною идет далече, умный,
Далеко за вражеский Бердичев,
За приморскую жидовскую Одессу, —
Он на пуп земли ведет свою дружину,
На Сафат-реку ведет к Ерусалиму...
«Гой вы, молодцы, вы кайтесь усердно,
Да господню гробу поклонитесь,
Гой, возжгите свечи пудовые!
Помолитесь: нельзя ль так учинити,
Чтобы можно было невозбранно
Во всяк час увечить «сицилистов»,
Чтобы учинилось вновь к властям почтенье?
И дьякам приказным Фредериксам
Повытъя чинить да лихоимства вольно,
Чтоб — по пошине — всем гвардии корнетам
Хлобыстать по морде оных граждан.
Чтоб закрыть суды да волокиты,
А и судей всех в Сибирь сослати
И — по пошине — за татьбу да за тяжбу
Сечь убытчиков — с истцами равно — плетью.
Чтоб закрыть все университеты,
Лишь печатню Грингмута оставя...
А газеты тотчас разметать бы

И редакторов — по пошлине — всех на кол,
Откромсать бы уши тем писакам.
Книги ж все на площади на Красной
Сжечь в костре с анафемой по чину
Да хоромин с перекладиной наставить
И всех Гессенов с молитвою повесить.
Сахалинского же вора, басурмана,
С конституцией жидовскою поганой
Над Москвой, к царь-пушке привязавши,
Запалить и прах его развезть.
Чистота взошла бы над землею,
И варягам — Гурко и Лидвалю —
Можно б вновь вручить державу нашу! . . .»

Веют стяги Грингмута в походе. . .
Пахнет степь окрест лампадным маслом,
И слышна икота православных —
То идет Грингмута рать на полдень.
И шагают, босы, по пустыням,
На жидовском едут пароходе,
Бутербродами питаются лихие.
Их ведет смиренный и блаженный
Грингмут князь, Амалья Палестинский,
Власяницею прикрытый покаянной
И веригами раскаянья звенящий.
А за ним гороховые ризы
По песку влачат Дубровин мудрый,
И ярыга земский Пуришкевич,
И Шмаков, разувшись и потея,
И иные люди — Булацели,
И калика стар, Арсений старичище. . .
А и движет ими вера нерушима,
Что господь всё учинит как надо:
Что, вернувшись к дому, всех повесят,
Кого надобно повесить страха ради,
Конституцию застрелят из царь-пушки.
И идут. . . Но тьмой мозги покрыты. . .
Солнце дразнит: что двурогий месяц,
На рогах же — Милюков и Гессен.

(26 января 1907).

22. ПРИТЧА О ЧЕРТЕ

С великолепною иронией эстета,
Который тонко чтит изысканный свой дар,
Ко мне явился Черт, взял за руку Поэта,
И вот меня повел — куда бы? — на пожар.

Горел огромный дом, пятнадцатипятиэтажный,
Стропила рушились сквозь дымы надо мной.
Пожарные, толпой картинной и отважной,
Спасали в этажах людей и хлам чужой.

И Черт промолвил мне: «Не трогательно ль это?
Поджог, конечно, мой, и дом я строил сам.
Но сколько блесков здесь изменчивого цвета,
Как дым молитвенно восходит к небесам!

А те мундирники — что делали пред этим?
Сидели в кабаке и пили дрянью свою.
Теперь же сколько в них геройства мы заметим
В самоотверженном служеньи бытию!

А вон цветник там вдов, в них чую благодарность:
Погиб весь бельэтаж, там каждый муж был стар,
Но в ночь да с мерою мы вводим светозарность». —
И Черт? Схватив насос, стал заливать пожар.

(1905)

„ЖУПЕЛЪ“
ЕЖЕНЕДЪЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САТИРЫ.

Марка журнала „Жупел“. Рис. И. Билибина.

23. НАШ ЦАРЬ

Наш царь — Мукден, наш царь — Цусима,
Наш царь — кровавое пятно,
Зловонье пороха и дыма,
В котором разуму — темно.

Наш царь — убожество слепое,
Тюрьма и кнут, подсуд, расстрел,
Царь — висельник, тем низкий вдвое,
Что обещал, но дать не смел.

Он трус, он чувствует с запинкой,
Не будет, час расплаты ждет.
Кто начал царствовать — Ходынкой,
Тот кончит — встав на эшафот.

(Апрель 1906)

24. НАРЫВ

Самодержавие разорвано, разбито,
Ему приходится к разбойникам взывать.
Но мути мерзостной еще довольно скрыто,
Гнойник насилия всё ж будет нарывать.

Царь губошлепствует. В дворце его — громила,
Кричащий с наглостью: «Патронов не жалеть».
Другой холоп, поняв, что пролетарий — сила,
Лопочет: «Братцы, стой. Я вам готовлю — клеть».

О, мерзость мерзостей! Распад, зловонье гноя!
Нарыв уже набух и, пухлый, ждет ножа.
Тесней, товарищи, сплотитесь все для боя,
Ухватим этого колючего ежа.

Его колючки — штык, его колючки — пули,
Его ухватка — ложь, фальшивые слова.
Но голос вольности растет в безмерном гуле:
«Прочь, старое гнилье! Пусть будет жизнь жива!»

(Апрель 1906)

25. КОНЕК-СКАКУНОК

Русская сказка

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ай ду-ду! ай ду-ду!
Я возьму свою дуду:
Подберу-ка я под дудку,
Братцы, новую погудку!

За глубокими морями,
За дремучими лесами,
На долине между гор,
В том краю, что до сих пор
Никому еще не ведом,
Жили бабка с старым дедом.
Трех сынов имел старик.
Старший умный был мужик,
Средний тоже не дурак,
Ну, а младшего — так всяк
На деревне дурнем звал
И, случалось, бивал.
Впрочем, славные ребята.
Средний сын пошел в солдаты,
Старший с Ваней-дураком
Жили дома с стариком.
Они жили, не тужили,
Лук, картошку разводили,
Присевали и пшеницу

Да возили в град-столицу,
Хоть столица та была
Далеконько от села.
Там товары продавали,
Кучи денег загребали
И с набитою мошной
Возвращались домой.
Тут встречал их становой,
У них деньги отбирал,
Царю в подать отправлял.
Братья часто голодали,
Зато подати справляли.

Как по маслу всё катилось,
Да вдруг горе приключилось:
Кто-то в поле стал бывать
И пшеницу их топтать.
Мужики погоревали
Да в затылках почесали;
Рассуждать стали потом
Да раскидывать умом,
Как бы им беду избыть,
Злого вора изловить.
Заказали свечку богу,
Звали знахаря в подмогу,
Наконец смекнули сами —
Караулить хлеб ночами.
Вот и стала ночь спускаться:
В караул пора собираться.
Говорит старик Данила
Сыну старшему:

«Гаврила!

Ты возьми-ка, брат, топор
Да ступай скорей в дозор».
Страх на малого напал,
В ноги он отцу упал:
«Что-то боязно мне дюже, —
Говорит он, — да к тому же
Без господня изволенья
Нам не будет разоренья.
Вор-то, может быть, и сам
Не пойдет уж больше к нам».

Почесал в затылке дед
И промолвил: «Ну, брат, нет!
Оно точно, бог-то бог,
Да и сам-то не будь плох». —
И велел позвать Ивана.
Дурачок же у бурьяна
В бабки сам с собой играл,
Громко песни распевал.
«Ну, Ванюха-Иванец, —
Говорит ему отец, —
Ты Гаврилы поглупее
Да зато и посмелее, —
Так иди в ночной дозор,
Посмотри, что там за вор.
Коль то молодец удалый,
Кулаком его пожалуй,
Коль скотина — бей дубьем,
Коли зверь — так топором».

Вот собрался наш Иван,
Взял он только свой кафтан,
Хлеб за пазуху заткнул,
Туже пояс подтянул
И отправился в дозор,
Не вступая с дедом в спор.

Ночь настала. Месяц всходит,
Стадо звезд с собой выводит, —
Так овечек пастушок
Выпускает на лужок.
Обойдя загон кругом,
Сел Иван наш под кустом,
Злого вора поджидает,
Сам краюшку уплетает.
Вот и полночь уж проходит:
Парень с поля глаз не сводит.
Вот уж близится рассвет,
А воришки нет как нет.

Сон клонить Ивана стал.
Вдруг он топот услышал.

Смотрит — в поле конь бежит,
Вся земля под ним дрожит,
Вьется грива золотая,
Вся в колечки завитая,
Хвост серебряный — трубой,
Прямо чудо конь какой.
На пшеницу прибежал
И на ней валяться стал.
Мой Ванюха не будь прост,
Хвать его за пышный хвост.
Прянул конь, — не тут-то было:
Ваня держит что есть силы
Хвост обеими руками,
Упершись в межу ногами.
Тяжело тут конь вздохнул,
Морду к парню повернул
И давай молить Ванюшу:
«Не губи ты мою душу.
Я донская кобылица,
Моя родина станица.
Отпусти меня ты в поле.
Обещаю, что уж боле
Я не буду воровать,
Хлеб мужицкий обивать.
Не спокаешься потом, —
Отплачу тебе добром:
Приведу тебе Конька,
Не простого — Скакунка.
У тебя он будет жить,
Верой-правдою служить.
Станет в горе помогать,
Из напасти выручать.
Ты его не продавай,
Не дари и не меняй,
Не бросай его нигде,
А не то — так быть беде».
Наш Иван сговорчив был:
Кобылицу отпустил
И — пошел на сеновал...
А наутро сам не знал,
Наяву или во сне
Ездил он на скакуне,

Был у батюшки-царя
И чуть смерть не принял зря;
Доставал перо жар-птицы,
Был потом у царь-девицы;
Проезжал и там, где кит
Мостом на море лежит;
Был у месяца в гостях
На кудрявых облаках;
Ездил к солнцу на поклон.
Правда ль то — не помнил он,
Только верно, что с тех пор
Не толок пшеницы вор.
Вся деревня дивовалась
И досыта насмеялась,
Как Иван через два дня
К водопою вел коня.
А от злости у Гаврилы
Всё лицо перекосило.
И уж правда — был Конек!
Ростом только в локоток,
Зато грива золотая,
Вся в кудряшки завитая,
Шейка выгнута дугой,
Хвост серебряный — трубой,
Изумрудные копыта,
Чепраком бока покрыты.
В чепраке горят каменья,
За узду дадут именье.
Скакуна еще такого
Не найти и у царя,
И хоть роста небольшого,
А свезет богатыря.
Коник важно выступает,
Всадник ноги поджимает.

Как урядничек узнал,
На деревню прискакал,
Чтобы парня допросить,
Где коня он мог добыть.
Ванька нес какой-то вздор:
Будто с чертом с давних пор

Он побился об заклад
Да и выиграл вот клад.
Сколь урядник ни возился,
Толку всё же не добился
И, забрав чепрак с уздой,
Укатил к себе домой.

Между тем Гаврила мой
Ходит прямо сам не свой.
Плохо ест, недосыпает,
Сам с собою рассуждает:
«Ай да Ванька! Он дурак,
А смотри, обвел нас как.
Да уж исстари ведется,
Что лишь глупым клад дается.
Ты ж хоть будь семи пядей,
Так не выжмешь трех рублей...
Всё в хозяйстве неисправно...
А куда бы было славно
Перенять нам этот клад.
Мне б тогда сам черт не брат!
Стал бы в холе, в неге жить,
С станovým хлеб-соль водить...
За Конька, пожалуй, взять
Можно сразу тысяч пять.
Грех? .. Пустое говорят.
Так уж свет устроен, брат,
Что от праведных трудов
Не нажить себе домов.
Хорошо и для души,
Коль в кармане есть гроши.
Богатей живет, не тужит,
А помрет, так по нем служит
Поп обедни круглый год, —
Значит, в рай душа идет».

Как-то вечером Иван
Ввел лошадку в балаган,
Задал ей овса и сена,
Сам же дернул на село.
И, пока не рассвело,
Там выкидывал колена

На лужайке в хороводе,
При честном при всем народе.

А Гаврила-то и рад,
Что коня не запер брат.
Вот уже он в балагане
И выводит на аркане
Златогривого Конька, —
Хочет сесть на Скакунка.
Конь тут жалобно заржал,
Да Иван не услышал.
Сел Гаврила, конь помчался,
Так что парень диву дался
И понять не мог никак,
Что за прыть в его ногах.
В ночь верст триста отмахал,
Чуть-чуть шеи не сломал.
А на утренней заре
Очутился на горе.
Город виден был оттуда,
И не город, прямо чудо:
С теремами да садами,
С золотыми куполами.
Отыскал мужик базар
И поставил свой товар.
Всяк коню тому дивится,
Да цена — не приступиться.
Вдруг подходит важный барин,
Воевода аль боярин,
Сразу видно — покупатель.
— Это твой конек, приятель?
— Знамо, мой.

— Хорош, хорош!

А за много ль продаешь?
— За пять тысячей отдам.
— Я согласен.

— По рукам! —

Конь пошел без дальних слов
За пять тысячей рублей.
А Гаврила деньги взял,
Да скорее на вокзал,
Там билет себе купил

И к утру уж дома был
(Не боялся, видно, срама).
Не пошел он в избу прямо,
А как будто невзначай
Забежал сперва в сарай,
Деньги в тряпку завернул
Да под крышу там заткнул.
А потом в избу идет,
На икону крест кладет,
Всем поклоны отдает.
Тут Иван к нему пристал:
«Скакуна ведь ты украл!»
— «Знать, взбесился наш Иван!
Что ты, братец, али пьян?
Лопни брюхо у меня,
Не дожить до светла дня,
Коли я увел коня!»

Три недели укатило.
К старику пристал Гаврила,
Говорит: «Хочу жениться».
А потом: «Давай делиться».
Разделилися без спору.
И пошел Гаврила в гору:
Под железо вывел дом,
Лавку выстроил потом.
Подружился с становым,
Стал по селам ездить с ним:
Пристав подати собирать,
Недоимки выдирать,
А купец у мужиков
Покупать добро с торгов.

Поп купчину тож любил,
Брать пример с него учил:

Время шло, а не стояло,
И воды уже немало
Убежало в сине море, —
И случись в том царстве горе:
Не родилось вовсе ржицы;
Ни картошки, ни пшеницы.

Тут не то что продавать —
Самим нечего жевать.
С голодухи мужики
Свищут громко в кулаки.
Да начальству дела нет,
Есть иль нет у них обед:
Урожай, неурожай —
Царю подати подай.

Вот на троечке на быстрой
Становой несется пристав.
И урядничек катит,
Громким голосом кричит.
Тут и земский сам начальник,
Деревенских бед печальник.
С ним сидит письмоводитель,
Удивительный грабитель.
А за ними казачки —
Всё донские мужички —
Слома голову летят
Да нагайками грозят.
Собралась эта рать
Царю подати собирать.
На деревню прилетели,
Сход собрать скорей велели.

Говорит тогда Данила:
«Ваня, сбегай до Гаврилы:
Дай, мол, нам рублишек пять,
Недоимку с шеи снять».
Парень выскочил из хаты
И бегом пустился к брату.
Он застал Гаврилу в лавке.
Тот баланцы на прилавке
В счетной книге подводил
И с утра не в духе был.
Он Ивана грубо встретил
И на «здравствуй» не ответил.
«Вы с отцом-то больно ловки.
У меня такой сноровки
Нет, чтоб деньги зря давать, —
Нелегко их добывать.

Кабы меньше вы гуляли
Да начальство почитали,
Да ходили б в церковь божью, —
Вот и были бы вы с рожью». —
Тут Иван купца прервал:
«Брат, ведь ты Конька украл». —
Разобиделся Гаврила,
Закричал что было силы:
«Ишь, такой-сякой болван,
Неотесанный мужлан!
Поднимать пришел здесь шум?
У меня урядник кум:
Вот стащу тебя в расправу —
Угостят тебя на славу,
Всыпят, сколько захочу,
Да и сам поколочу, —
Позабудешь, как ругаться!»
И полез уж было драться;
Вспомня ж братнину ухватку,
Не решился с ним на схватку.

На деревне ж становой,
Словно лютый пес цепной,
Со дворов уводит скот,
За бесценок продает,
Сам же всё крестьян пушит
И всех выпороть грозит.
А Данила, старик дюжий,
Не сробел; да он к тому же
Ходил в старостах тот год.
Выступает он вперед
И такую речь ведет: ^
«Не дери ты, пристав, нос!
Ведь и сам ты знаешь, чай,
Что у нас неурожай.
Ты б царю о том донес.
Царь, узнав то, может быть,
Велит подать с нас сложить.
Ведь ему большой доход
И без подати идет.
Я те дело говорю.
Напиши-ка ты царю:

Дескать, есть мужик Данила;
Сорок лет он через силу
На тебя, мол, работáл,
Дани-подати справлял;
Нынче ж выбился из сил,
Почитай что всё прожил, —
Ходит в праздник без сапог,
Ждет, чтоб ты ему помог, —
Потерпи с него оброк:
Он отдаст тебе, мол, в срок!»
Пристав пуще взбеленился,
Чуть слюной не подавился:
«Ах, такой-сякой старик,
Сицилист и бунтовщик!
Вздумал ты царя учить,
Чертов сын, собачья сыть!»
Налетел на мужика,
Тычет он ему в бока,
Заезжает в ус и в рыло.
Тут и земский подскочил,
В шею тож ему хватил.
Заартачился Данила:
«Не извольте, барин, драться!»
— «А, так ты и огрызаться!
Ну-ка, стражники!»

— «Ребята!

Сын мой тож пошел в солдаты, —
Говорит солдатам дед, —
А у вас отцов аль нет?»
Сперва стражники замаялись,
Деда бить поопасались;
Да их земский подбодрил:
«Сын у деда, точно, был,
Да давно на службу взят.
Бравый он теперь солдат,
Тоже учит мужиков,
Вот таких же дураков».
Отлупили старика.
Чешет он свои бока
Да в избу к себе спешит,
Сам с собою говорит:

«Хоть до нитки разорюсь,
А до правды доберусь».

Возвратился той порой
И Иванушка домой.
Дед к нему:

«Ну, брат Иван,
Надевай-ка синь кафтан,
Отправляйся в град-столицу,
Отыщи царя-царицу
Да подай ты им прошение:
Мол, большое утеснение
От царевых воевод
В деревнях мужик несет».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Писарь пишет в два пера
Государевы дела.
Ой ты, писарь, писарек,
Золотой твой разумок!
Ты пиши указ, пиши
Да печати приложи,
Чтоб царинушка потом
Не заперся бы во всем.

Это присказка идет,
Сказка будет в свой черед.

День еще не занимался,
А Иван уж в путь собрался.
Только вышел за лесок,
Глядь — стоит его Конек,
На хозяина глядит.
Со всех ног Иван бежит:
«Ой, Конек ты мой, Конек,
Златогривый Скакунок!»
Стал его он обнимать,
Крепко в морду целовать.
А Конек ему заржал:
«Сам, Иванушка, сплосшал,

Что оставил без призору
Ты меня в ночную пору.
Твой ведь брат меня продал;
Да я время улучил,
Через тын перескочил
И к тебе вот прибежал.
Что идешь ты так невесел?
Что головушку повесил?
Расскажи свою печаль, —
Облегчить ее нельзя ль?»

Залился Иван слезами.
Рассказал он, как плетями
Били старого отца;
Рассказал, как жеребца
Становой за подать свел
И зачем к царю он шел.
А Конек ему в ответ:
«Твой обижен сильно дед;
Только то еще не горе.
Ты и сам узнаешь вскоре,
Что всё горе впереди.
То ли будет — подожди!
На меня теперь садись,
Только знай себе держись:
Отвезу тебя в столицу
Посмотреть царя-царицу».
Сел Иван. Конек помчался,
Так что парень диву дался.
Словно вихорь он несется,
Из-под ног пыль клубом вьется.
Десять верст в один прыжок
Пробегает Скаунок.
Не догнать его и птице.
Прямиком бежит к столице.

Как завидели заставу,
Опустился конь на траву;
Ване слезть с себя велит
И потом так говорит:
«Вот что, друг ты мой прекрасный!
В город мне идти опасно.»

Там народ-то, знаешь, плут,
Там как раз меня сведут.
Ты один теперь ступай
Да смотри, брат, не плошай.
Или нет еще... Посто́й:
Вырви волос золотой
Из моей кудрявой гривы
И тот волос сохрани:
Настают худые дни.
Коль останемся мы живы
И понуждится опять
На Коньке тебе скакать —
Стань лицом ты на восток
И порви тот волосок:
Вмиг явлюсь перед тобой,
Словно лист перед травой». —
Тут с Иваном конь простился
И из глаз в минуту скрылся.
Ваня вслед ему взглянул
Да минуточку всплакнул,
Вытер слезы рукавом
И пошел себе пешком.

Вот он входит во столицу;
Видит лавок вереницу.
За прилавками купцы,
А в дверях-то молодцы,
Всё товар свой выхваляют,
К себе в гости зазывают;
На Ивана не глядят —
Видят, парень не богат.
Он всё улицей идет,
Смотрит сам по сторонам.
Счету нет тут теремам,
И у каждых у ворот
Дворник с бляхою стоит
И во все глаза глядит
На прохожих, ездовых,
На господ и мужиков.

Вдруг пред Ванею палаты.
У ворот стоят солдаты,

В портупелях, в тесаках,
Держат ружьица в руках.
Да Ивану что за дело?
Мимо них идет он смело.
«Эй, куда ты прешь, болван?»
Удивился мой Иван,
Стал и смотрит на солдата.
«А не здесь царева хата?
Ты, служивый, не кричи,
"Лучше толком научи,
Как бы мне найти царя?»
— «Что ты, дурень, мелешь зря?
Али ты напился пьян,
Неотесанный мужлан?
Проходи! а то как раз
Накладу тебе сейчас!»
Почесал Иван затылок
И, хоть был он нравом пылок,
В спор напрасный не вступил,
От хором поворотил.

Вот на площадь он выходит.
Тьма по ней народу бродит.
Только мало из господ,
Больше всё простой народ.
Все Ивану незнакомы.
Дурачок к тому, к другому:
«Что такое тут, земляк?»
Отвечают: «Так и так.
Мы простые мужики,
От крестьянства ходоки;
Приплелись сюда гужом
Бить царю-отцу челом.
Нас послал сюда народ:
От царевых воевод
Вовсе нам житья не стало.
Нас и земские дерут,
Становые в дугу гнут...
А землишки больно мало:
Негде курицу пустить, —
Где ж там подать уплатить!

Хоть седи да волком вой,
Коль не в прорубь головой.
А на фабрику пойдешь,
Так работы не найдешь.
Да и там, слышь, обижают,
Всё штрафами донимают.
Правды мы пришли искать,
Земли-воли добывать.
Глянь-ка вон на тот конец:
Государев там дворец.
Царь сейчас опочивает,
А проснется да узнает,
К нам он выйдет на крылец,
Нас послушает, отец».

Как во городе столичном,
Во дворце живет отличным
Царь страны той Берендей
(Под ним двадцать пять царей).
С ним живут и две царицы,
Две Заморские Девицы:
Берендея мать — одна,
А другая-то — жена.
Еще есть у них приплод,
Сын-наследничек растет.
Все живут который год
Без печали, без забот,
Сладки вина попивают,
Виноградом заедают.
На готовом царь живет,
И идет ему доход:
Получает он зараз
Сорок тысяч рублей в час.
Не берет совсем бумажек —
Ни рублевок, ни сотняжек, —
А берет он только злато
(Знать, страна его богата),
Корабли им нагружает,
В банк за море отправляет.

В этом царстве есть преданье,
Что в тот день, как на престол

Своих предков царь взошел,
Ему было предсказанье:
Девять лет он в тишине
Будет царствовать в стране,
На десятом же году
Повстречает он беду.
А как раз десятый год
Его царству настает.
Мудрено ль, что Берендей
Стал ночей недосыпать
И с супругою своей
Поздно ложе покидать.

Было так и в этот раз.
Не успел продрать он глаз,
Как вдруг слышит донесенье:
«Царь, в столице возмущенье...
На дворец толпа идет, —
Правды требует народ».
Царь как скатерть побледнел,
На чердак бежать хотел.
Заметалась царица,
Как подстреленная птица:
«Ахти, батюшки, беда!
Что нам делать, господа?»
Глядь, дворцовый воевода
Им кричит уже от входа:
«Ты не бойся, наш властитель!
Не возьмут твою обитель:
Я на тех бунтовщиков
Приготовил казаков
Да поставил за ворота
Роту гвардии-пехоты».
Посмелел тут царь немножко,
Глянул он в свое окошко.
В самом деле, у сеней
Стоит множество людей, —
Всё простые мужики,
В полушубках вахлаки.
Если б всех их сосчитать,
Набралось бы тысяч с пять,

А пожалуй, что и боле, —
И кричат: «Земли и воли!»

Берендей глазком мигнул,
Белой ручкой шевельнул —
Налетели гайдуки
И донские казаки,
С криком врезались в народ.
Казак плеточкой сечет,
Конь его зубами рвет.
От казачьих тех наград
Врассыпную стар и млад.
А один казак Ивану
Задал сабелькою рану.
Да Иван не растерялся:
В руки шест ему попался
Вот и стал он тем шестом
Поворачивать кругом.
Шест попал ему с руки, —
Берегитесь, казаки!
В одну сторону махнет —
Целу улицу метет,
А в другую отвернет —
Переулочек кладет.
Казаки тут отступали
И Ивана пропускали.
Кое-кто еще за ним
Вышел с поля невредим.
Да немногие успели
Без увечья убежать.
Вскоре ружья загремели:
Царь велел в народ стрелять.
Час, не больше, пролетел,
Навалили груды тел.

Заиграл рожок отбой,
Войско тронулось домой;
Царь с крыльца к нему сходил
И работу похвалил:
«Ой, гвардейцы и донцы,
Вы, ребята, молодцы!»

Всем поднес по рюмке водки,
На закуску дал селедки.

А по площади потом
Всё дозор ходил кругом:
Лужи крови всё искали
Да песочком засыпали.

Вот прошло деньков немало,
И, очухавшись, народ
Вновь собираться стал на сход.
Многих душ доставало.
Тот на кладбище лежал,
Тот в больнице умирал,
А иной попал в острог
И кормил там царских блох.

Крик пошел, как на базаре:
«Виноваты-де бояре.
Кто не знает? — с давних пор
Ими полон царский двор.
Их проклятая порода
Обижает мужиков,
Берендей же для народа
С шеи крест отдать готов.
Коли б он про всё мог знать,
Вышла б тут иная статья».
Час и два галдит народ,
Дело всё на лад нейдет.
Кто кричит: без промедленья
Настрочить царю прошение;
Кто советует опять
Ходоков к нему послать...

Был на сходе и Иван
(Излечился он от ран).
Слыша, как галдит народ,
Он и ухом не ведет;
Знай себе свистит в кулак,
Будто это надо так.

Говорят ему:
«Ванюша!

Коль ты знаешь что, так слушай:
Ты нас толком научи,
Без пути же не кричи».

На дрова Иван взмогился
И к народу обратился:
«Будет горла-то вам драть!
Надо дело начинать:
Вот вы всё бояр вините,
На все корки их браните —
Нынче то же, что вчерась.
Плюньте вы на эту мразь
И признайтесь, ребята,
Что вы сами виноваты.
Кто на службе у господ?
Кто ж? — да мы, простой народ!
Воевода ведь не сам
Дал намедни трепку нам:
Гайдуки и казаки —
Это те же мужики.
Да куда ни повернись
И за что ты ни возьмись —
И вблизи, и вдалеке —
Всё стоит на мужике.
Взять попа: он нас корит,
А ведь нашим хлебом сыт!
Мужик пашет и кует;
Всем идет с него доход —
И купцу, и дворянину,
И царю, и его сыну.
Брось работу он — так, брат,
Господишкам сразу мат!
Да и царь наш Берендей
Примет нас тогда скорей
И узнать он пожелает,
Отчего народ страдает».

Тут весь сход как закричит:
«Ваня дело говорит!
Вот что верно, так уж верно!

Воевода сам, примерно,
Не сумеет шей сварить,
А не то что нас побить!»
Порешили в тот же час
Забастовку сделать враз,
И, чтоб время не терять,
Всех пошли с работ снимать.

Стали фабрики, заводы,
Поезда и пароходы,
Ни капусты, ни муки
Не подвозят мужики.
Пекарь булок не печет,
Дворник улиц не метет.
У царя у Берендея
Разбежались лакеи:
Ни кваску испить подать,
Ни лучины нащепать.
И стоит его дворец
Как неубранный мертвец.

От мужицких тех затей
Взвыл на троне Берендей.
От одной бессонной ночи
У него ввалились очи.
Войск в столице было мало, —
Знать, начальство оплошало.
Что тут делать, как тут быть?
Чем тут горю пособить?
У царя в то время жил
Злой кудесник, — не то поп,
Не то дьяволов холоп.
Царь им сильно дорожил.
Колдуну уже сто лет;
Лыс и худ он, как скелет.
Берендей к нему бежит,
Крепко в дверь его стучит:
«Ты скажи, скажи, отец!
Аль приходит наш конец?»
Чародей в то время в келье
Кипятил в кастрюле зелье.

Дверцы он приотворил
И царю проговорил:
«В этот раз беда пройдет.
Больно темен твой народ;
Дури в нем еще нет сметы. . .
Есть хорошие приметы:
Над кастрюлей пар клубится,
А в кастрюле кровь варится. . .
Бой на улицах пойдет,
Брат на брата нападет. . .
А теперь к себе ступай,
Доварить мне зелье дай;
Сядь на трон свой драгоценный,
Собери совет военный».

Царь от знахаря бежит
И совет собрать спешит.
Своих сродников сзывает;
На совет тот приглашает
Он чиновных разных бар,
Именитых тех бояр,
Да уж кстати и попов,
Что морочат мужиков.
«Ой вы, други, помогите!
Мужика вы мне скрутите,
А не то ведь он как раз
В шею выгонит всех нас,
Вместе с свет моей царицей,
Со заморскою девицей.
Да и вам несдобровать,
Коль он будет бунтовать».
Посудили, порядили,
Ни на чем не порешили.
Вдруг поднялся воевода,
По прозванию Сысой,
Он не знатного был рода,
Только чин имел большой;
А в такую честь попал
Потому, что надувал
Лучше прочих воевод
Берендеевский народ
И бессовестно божился.

Вот царю он поклонился
И повел такую речь:
«Знаю я, как зло пресечь,
Пресветлейший Берендей!
Манифест издай скорей:
Объяви всему народу,
Что даешь ему свободу.
Пусть про верных слуг твоих,
Про чиновников лихих,
В деревнях и в городах,
На письме и на словах
Говорит, что знает, всяк, —
Будь он умный, будь дурак, —
Не боясь за то попасть
К околоточному в часть.
Таким родом посмотри:
В две недели али в три
Ты узнаешь, кто буйн,
Кто мятежник, кто смутьян.
Пусть себе кричат они;
Ты лишь время протяни
Да гляди не оплошай,
Войск поболе собирай.
Мы же той порой смекнем,
Как управиться со злом».
Просветлел лицом тут царь,
Стал он весел, как и встарь.
«Ой ты гой-еси, Сысой,
Воевода славный мой!
Вижу, служишь ты мне верно,
Не ударил в грязь лицом.
Награжу тебя примерно:
Графским чином и крестом».

Порешили дело в час.
И подписанный указ
Повезли во все концы
Государевы гонцы.
Царь писал: «Отныне мы
Отрекаемся от тьмы.
Девять лет из года в год
Притесняли мы народ.

А теперь конец мытарству.
Пусть везде у нас по царству
Всякий смело говорит,
Что душа ему велит,
Про царевых воевод.
Знайте все, что наперед
За такие обличенья
Вам не будет утеснения, —
Станем царствовать законно.
Наша воля непреклонна.
А порукою мы в том
Слово царское даем». —
Да еще царь прибавляет,
Что он выслушать желает
От народа ходоков,
Депутатов-мужиков.
Пусть пятьсот их изберут
Да в столицу всех пошлют.
Эту избранную рать
Надо Думой величать.

И едва простой народ
Про указ прослышал тот,
Всё ожило, встрепенулось,
Царство сонное проснулось.
В ход пошли опять заводы,
Понеслись пароходы,
Паровозы громко свищут,
Пассажиров к себе кличут,
Пекарь булочки печет,
Дворник улицу метет.
И на радости такой
Стал народ как бы шальной.
Люди в кучи собирались,
Как в Христов день целовались;
И ходили до полночи,
Протирая себе очи,
Манифест царев читали
Да «ура» царю кричали.
И, чтоб часу не терять,
Стали тут же выбирать..

К Берендею ходоков,
Депутатов-мужиков.
А в числе других Иван
Депутатом был избран.

Вот прошло две-три недели,
В небе тучки почернели,
А черней свинцовой тучи
Берендей сидит могучий.
Он сидит в своем дворце,
На престоле и в венце.
А с ним рядом две царицы,
Две заморские девицы,
Словно облачки грустны,
Слезки в их очах видны.
Что же так царя тревожит?
Что его сердечко гложет?
Что! Конечно, не безделка!
В его войске перестрелка:
Полк один стал за народ,
А другой — за царский род.
«Что ж так долго нет Сыся?»
Жду его уже давно я!» —
Царь с досадою вскричал
И в пол ножкой постучал.
Глядь, Сысой уж тут стоит,
На царя в упор глядит.
«Гой ты раб лукавый мой,
Воевода наш Сысой!
Обманул ты нас с царицей,
С свет заморской царь-девицей,
С нею весь наш царский род.
Взбунтовал ты нам народ!
И, что вовсе уж негоже,
Взбунтовал и войско тоже.
Ведь я слышу, за стеной
Нам кричат: «Долой! долой!» —
Уж вломились депутаты
В наши царские палаты,
Говорят, что мы не в воле
Никого казнить уж боле.
Дай же мне теперь ответ:

Царь я больше али нет?»
Воевода не смутился,
Царю в пояс поклонился,
На него глаза возвел
И такую речь повел:

«Пресветлейший Берендей!
Верен я семье твоей —
И тебе и двум царицам,
Двум заморским царь-девицам,
И всему их верен роду.
Не мирволил я народу,
Я ночей недосыпал,
Войско, гвардию сбирал.
Не грусти, надёжа-царь!
Веселися как и встарь
И возьми себе ты в толк:
Усмирен мятежный полк;
Остальные же полки,
Твои верные стрелки, —
За тебя в огонь и в воду,
Где ж осилить их народу!
Всё назад ты можешь взять,
Что ему изволил дать».
— «Вот люблю такую речь!
Как гора свалилась с плеч!» —
Закричал тут Берендей
И добавил поскорей:
«Да и Думу тож пора
Гнать метлою со двора».
— «Государственную думу
Мы разгоним, царь, без шуму».
Тут же отдал царь приказ
Написать другой указ.
В час всё было уж готово.
Вот указ тот слово в слово:
«Войску выступить в поход,
Усмирить везде народ.
Крикунам плетей отвесить,
Всех ораторов повесить,
Депутатов же схватить,
По острогам рассадить».

А в конце — рукой своей
Царь поставил: «Берендей».

И не прежние гонцы,
А жандармы-молодцы
Разносили под полой,
Да и то ночной порой,
Новый тот указ царев,
Чтоб никто из мужиков
Не проведал, не узнал,
Что сам царь его писал.

Тру-ру-бум! Тру-ру-бум!
Поднялся ужасный шум.
Сторонись, народ честной, —
Суд наехал полевой!
Прокурором сам паук.
Из его ли цепких рук
Жив никто не выходил.
Таракан судьей был;
Он на хлебushке ржаном,
На мужицком, даровом,
Разжирел, как старый сом.
Помогал ему комар,
Парень — ух какой угар!
Подивись, крестьянский люд:
Притащили пчелку в суд.
От весенней голодухи
С ней случилась проруха:
Захотелось пчелке есть.
Она в терем проскользнула,
К банке с медом там прильнула.
Кражи той нельзя учесть,
Не измерить и не взвесить. . .
Суд решил пчелу повесить.

Был палач у Берендея.
Много лет он, не жалея,
Людам головы срубал,
Землю кровью поливал.
Берендей его любил,
Златом-серебром дарил,

Даже раз, напившись пьян,
Дал ему боярский сан,
А в день царских именин
Дал сто тысяч десятин.
Жизнь как маслена текла;
Глядь, беда на двор пришла:
Начал стариться палач.
Ноют руки — хоть ты плачь,
Не поднимешь топора:
Знать, в отставку уж пора.
Царь хоть им и дорожил,
Но, однако ж, отпустил.

Прикатил палач в именье
И принялся за строенье.
Сад разбил, построил дом,
Окопал его кругом
И, как делают все бары,
Вывел крепкие амбары.
Начал жить да поживать
Да соседей прижимать.
А соседи мужики —
Вахлаки и простаки:
Они пашут, сеют, жнут,
Хлеб к помещику везут.

Дело катышком катилось,
Да вдруг хлеба не родилось:
Родилась лишь лебеда.
Мужики — не господа:
Для них нет еще беды,
Если много лебеды.
Будет подлинно беда,
Коли выйдет лебеда.
Вот прошло две-три недели,
С лебедою хлеб приели.
«До беды еще семь лет, —
Будем живы либо нет!» —
Рассуждают мужики.
Мужики не дураки:
Они желуди толкут,
Из них хлебушко пекут.

И хоть мор ребяток валит,
Да зато начальство хвалит,
Шлет в столицу донесенья,
Что спокойны все селенья
И что хватит желудей
Для крестьян и для свиней.

Но и желуди повышли.
Мужики из изоб вышли
И глядят из-под руки
На помещичьи замки.
Ими заперты амбары, —
Всё съестные там товары:
И гречиха, и пшеница,
И мука, и чечевица.
Знать, палач запаслив был —
Хлеба много накопил.
Мужики к нему толпой:
«Поделись, дескать, мукой».
Только к просьбам глух палач:
Не разжалобишь, не плачь!

Что ни день, нужда сильнее
В славном царстве Берендея.
Вновь собирается народ
У помещичьих ворот.
Впереди старик Данила:
«Ты послушай, барин милый!
На тебя мы гнули век.
Будь же добрый человек,
Дай муки; тебе за ссуду
Лишку мы дадим по пуду.
А не то, так вот те крест,
Царь напишет манифест, —
Будешь ты с своей землицей
Под мужицкой рукавицей».
А палач, в ответ на это,
В мужиков из пистолета.

Ночка на землю упала.
Вот и полночь уж настала.
Барин спит невинным сном:

Вдруг он слышит стук и гром.

«Что за шум?»

— «Горят строенья;

Подожгли твоё именьё».

— «Эй, тушить!»

— «Не выйдет дело.

Почти всё уже сгорело;

Занимается и дом, —

Хоть спастись бы нагишом!»

Да мужик не держит злобы,

Хоть нет хлеба для утробы.

Приготовил трех коней

Для господ и их детей,

Усадил на тройке той

Палача с его семьей:

«С богом, барин, отправляйся,

Да смотри не возвращайся!»

Поле топотом гудит,

В поле тучей пыль висит.

То не хан с ордой идет

Полонить честной народ,

Не турецкий царь Салтан

Едет грабить христиан, —

То идут, спешат стрелочки,

Всё крестьянские сыночки;

А начальство у стрелков

Из дворянских всё сынков.

Царь в поход их снарядил,

Поп крестом благословил,

А настал отправки час —

Прочитали им приказ,

Чтобы в поле не робеть

Да патронов не жалеть.

Ой и быстро же идут,

С собой ружьица несут.

Впереди-то генералы,

По бокам бегут капралы.

Офицеры на конях,

В эполетах, в орденах, —

Всё команду отдают.

Барабаны громко бьют,

Трубы кованы трубят,
Пушки медные блестят.
Словно лес густой — штыки,
Пулеметики легки.

Ой вы, каиновы дети!
На кого ж орудья эти?

Вот к деревне подошли,
Пулеметы навели.
«Эй, какой тут есть народ?
Выходи-ка все на сход.
Вылезай из изоб вон, —
Мы покажем вам закон!»
Высыпают мужики;
Стали против них стрелки.
Генерал тут держит речь:
«А! так вы именья жечь!
Вы просить земли и воли!
Я попотчую вас вволю:
Сколько хочешь дам земли.
Эй, повзводно, рота, — пли!»
Грянул залп, за ним другой.
Огласил деревню вой.
Метки пули у стрелков:
Пало много мужиков.
А старинушке Даниле
Прямо в сердце угодили...
И пошла игра-потеха.
Да крестьянам не до смеха.
Бабы, девки, берегись!
Беги к проруби, топись!..

А потом сожгли строенья.
Лишь остался от селенья
Придорожный старый крест.
. . . . .
Вот вам царский манифест!

А войска царевы с пеньем
По другим пошли селеньям
Волю царскую творить,

Мужиков землей кормить.
Хвалят их попы за это
И поют им «многи лета».
Жизнь малина для солдата,
Коль идет он против брата.
Кормят, поят на убой,
Чаем голову хоть мой.
За расстрелянную душу
Табаку дают папушу;
На придачу кусок мыла,
Чтоб стрелять повадней было.
Угощают и вином,
Да забыто об одном:
Сколько мылом рук ни мыть,
Братской крови с них не смыть.

Ой, солдатский грех тяжел.
Плач по всей земле пошел:
Знать, пришло лихое время,
Что крестьянские сынки —
Государевы стрелки —
Отреклись от рода-племя,
Идут кровь родную лить,
Села, слободы палить,
В пламя детушек бросать!
Горе вам, отец и мать,
Что у груди у своей
Вы вскормили лютых змей!..

Народ войско проклиняет.
А не ведает, не знает,
Что не сам солдат казнит,
А царь-батюшка велит.

На подмогу тем войскам
По селам и городам
Собралась другая рать —
Черной сотней ее звать.
И дворяне, и купцы,
И духовные отцы
С Берендеем заодно.
Да оно немудрено:

Ворон ворону ведь глазу
Не выклевывал ни разу.

Усмиряют год и два;
И пошла везде молва,
Что крестьяне присмирели, —
Знать, пардону захотели.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Раз-два-три, четыре, пять,
Вышел месяц погулять,
Шесть-семь-восемь, девять, десять,
Царь велел его повесить;
Часты звезды набежали,
Царю месяца не дали.

Сказка скоро говорится,
Дело мешкотно творится.
Год ли, два ли уж прошло,
Может, больше протекло;
Воротились из полков
Дети наших мужиков,
В зипунишки обрядились
Да шапчонками накрылись,
Стали снова в мужиках,
Словно не были в стрелках.

Жизнь солдатская на диво:
Там тебе и чай, и пиво;
А попал на сельский сход —
Уж совсем иной почет.
Тут солдат уж не поят,
Еще в ребры норовят.
И начальство изменилось,
Как кокарда с них свалилась:
Заодно их с мужиками
Дуют крепко батогами.
Тут они и догадались,
За кого допрежь сражались.

По задворкам да в глуши,
Где не видно ни души,

Стали кучками собираться
Да промеж собой шептаться:
«Надо было бы нас драть,
Как мы шли в народ стрелять.
То-то дури много в нас. . .»

Поведем теперь рассказ
Мы от моря-океана
Да от острова Буяна.
В океане волны плещут,
В дикий остров грозно хлещут,
Только гул идет кругом.
А на острове на том
Замок каменный стоит,
Вкруг дремучий лес шумит.
Обнесен острог стенами
Со высокими зубцами.
Кругом ходят часовые,
Все солдатики лихие.

В том остроге, за замками,
За железными дверями,
Арестантики сидят,
Кандалы на них гремят.
То не воры, не злодеи,
Не лихие лиходеи, —
А сидят тут мужики,
Все от мира ходоки.
Всех, кто бился за свободу,
Кто хотел добра народу,
Кто стоял за землю-волю,
Берендей послал в неволю.
Тут сидел и наш Иван.
Сторожам приказ был дан:
Их не вешать, не казнить —
Смертью медленной убить.
И никто из них не знает,
Как судьбу их царь решает.

Сидит Ваня под замком,
Держит думу об одном:
Как бы с острова бежать,

Отца-матерь повидать,
Да к царю потом пролезть,
Обо всем ему донести.
И не ведает Иван,
Что густой уже бурьян
На их вырос пепелище,
Мать лежит уж на кладбище
И солдатики Данилу
Уложили спать в могилу.

Как-то вывели Ванюшу
На тюремный узкий двор,
Чтоб отвел себе он душу
Да послушал темный бор.
Ваня жадной грудью дышит,
Вдруг в бору он ржанье слышит...
«Эх, каб был теперь Конек,
Златогривый Скакунок!
Он бы вызволил меня.
Прикатили б мы в полдня
На родимую сторонку», —
Мыслит он и потихоньку
Золотистый волосок,
Что вручил ему конек,
Из кармана добывает
И надвое разрывает.
Вдруг чрез стену кто-то сок...
Глядь, стоит его Конек:
«Ну, Ванюша, торопись,
На меня скорей садися,
Благо мы одни с тобой:
Зазевался часовой».
На Конька Иван взмогился,
Скакунок как птица взвился.
Сзади выстрел загремел,
Только где там — улетел.
Конь над темным лесом мчится,
Прямо к берегу стремится.
Чрез овраги, горы скачет,
А Ванюша чуть не плачет:
Цепи руки-ноги жмут,
Цепи до крови их трут.

«Потерпи еще, дружок, —
Говорит ему Конек, —
Как бы не было погони;
Слышно, скачут чьи-то кони.
Ступим вот на материк,
С тебя цепи сбросим вмиг».
Вот уж чащу пролетают
И на берег выбегают.
Тут лежит пролив большой,
В девяносто верст с лихвой.
А в проливе том вода,
Как на море уж всегда,
В день два раза отливает —
И тогда пролив мельчает.
Вот они и у пролива,
Да не время ждать отлива:
Уж как будто настигают,
Слышно, как собаки лают.
Говорит Конек Ивану:
«Через море прыгать стану;
Крепче в гриву мне вцепись,
Да смотри, брат, не свались!» —
И махнул чрез океан.
Не опомнился Иван,
А они уж на лугу,
На противном берегу.
«Ну, Ванюша, — молвит Конь, —
Разводи скорей огонь,
Обогрейся, разомнися
Да в путь дальний снарядися».
Ваня с коника слезает, —
Цепь ходить ему мешает.
Конь в нее копытом бьет, —
Кандалы в кусочки рвет.

Говорит Коньку Иван:
«Я от радости стал пьян,
И не нужен отдых мне.
На родимой стороне
Мне б хотелось побывать,
Отца-матерь повидать».
Отвечает Конь печальный:

«На чужбинушке на дальней
Мать лежит в земле сырой,
И убит родитель твой».
Как каленая стрела,
Весть та Ване в грудь вошла, —
Зашатался и как сноп
На сырую землю — хлоп. . .
А когда глаза открыл,
Уже вечер наступил.
Конь от радости заржал,
А Иван ему сказал:
«Расскажу я Берендею,
Что наделали злодеи».
Усмехнулся тут Конек:
«Ну, мой миленький дружок,
К Берендею доступ труден.
Будь то в праздник, будь то в буден, —
Не допустят мужика.
Да изволь уж; для дружка
Рад разбиться я в лепешку,
Отыщу туда дорожку.
Слушай. Я хоть не бывал,
Да от матушки слыхал,
Что на свете есть страна
И богата и вольна;
Нет царей там, нет господ,
Всяк там барином живет,
От трудов своих доход
В карман полностью кладет.
Мать рассказывала мне,
Будто в чудной той стране
Невидимка-шапка есть.
Каб тебе в ту шапку влезть,
Ты тогда б уж мог смелее
Идти в гости к Берендею.
До земли той путь далек, —
Надо ехать на восток».
Ваня на ноги вскочил
И Коньку проговорил:
«Так вези ж меня, Конек,
Поскорее на восток,
Помоги добыть ту шапку!»

И, схватив Коня в охапку,
Начал он его ласкать,
Крепко в морду целовать.
«Ну, да ладно уж, садися,
Только знай себе держися,
Не мешает темень нам,
Завтра к утру будем там».

Ясный месяц диву дался,
Что Иван так быстро мчался.
И всю ночь напролет
Звезд веселый хоровод
За Иванушкой летел,
Обогнать его хотел.
Не догнали, хоть старались, —
Лишь по небу растерялись.

А как только рассвело,
Показалось село.
Не село, а прямо — чудо,
И никто еще покуда
Не видал подобных сел.
Тракт к нему широкий вел.
Видно, все в селе богаты:
Нету изб — одне палаты.
Вот ворота отворяют,
Парни в поле выезжают.
Мужики они аль бары?
По одежке же бояры:
Шелк и бархат на плечах,
Все в сафьянных сапожках.
Девки по воду идут,
Коромыслица несут, —
Коромысла не простые,
Все из золота литые.
Ни запоров, ни замков
Нет у здешних мужиков,
И, хоть расперты все двери, --
Не случается потери.
Нету слуг тут, нет господ,
Всякий барином живет,

И не знают, кто такой
Царь, министр иль становой.
Сообща по уговору
Пашут пашенку без спору.
А коль надобность зайдет,
Собирают мирской сход,
Чтоб решить досадный спор, —
И уж свят тот приговор.
Конь бежит селом тихонько.
«Вот та вольная сторонка, —
Говорит он, — примечай
Да на ус себе мотай».
Наш Иван дивится чуду,
Говорит: «Уж не забуду».

За село выводит шлях.
Нивы тучные в полях
Клонят колос до земли.
Показался лес вдали.
Едут лесом. Тракт исчез.
Расступился темный лес.
На прогалине лесной
Виден терем расписной.
Стоит терем, как гора.
Сам литого серебра,
Верх у терема зеркальный,
А вокруг забор хрустальный.
«Видишь этот теремок? —
Говорит тогда Конек. —
Есть в том тереме хозяйка,
У нее и попытай-ка
Невидимку ту добыть, —
Не откажет, надо быть».
Ваня скок на резвы ноги
И пустился во чертоги.
От хрустальных от ворот
Стежка торная идет.
Он бежит по той дорожке,
Лишь стучат его сапожки.
По бокам зеленый сад,
А в нем зреет виноград;

Кисти словно изумруд.
Сливы, вишенья цветут,
И идет приятный дух.
В доме, видно, нету слуг:
Никто Ваню не встречает.
Вот проворно он взбегает
По широким ступеням —
И покои видит там.
Не покои, а игрушка!
А в одном сидит старушка
Под косячатым окном.
Не стара она лицом:
Нашим бабам в тридцать лет
Дал бы бог такой же цвет,
Только волосы седые,
В кудри пышно завитые,
Да сидит она в очках,
Держит книжечку в руках
(Видно, грамотна была).
Она парня приняла:
«Здравствуй, добрый молодец!
Знать, не маленький конец
Нынче в ночь ты отмахал?
Знать, нигде не отдышал,
Что шатаешься как пьяный?» —
Говорит она Ивану.
«Из полуночных сторон
Я привез тебе поклон.
Царь страны той Берендей,
Под ним двадцать пять царей», —
Отвечал Иван. «А, знаю!
Каждый день об нем читаю,
Натворил он много бед,
Говорит о нем весь свет.
Это он тебя прислал?»
— «Нет. Я, бабушка, слышал,
У тебя шапчонка есть.
 Попрошу тебя я в честь,
Одолжи мне шапки той,
Я свезу ее домой.
Вишь, царя мне для доклада
До зарезу видеть надо.

Так вот я накроюсь ею
И пройду в ней к Берендею;
А без шапки — хоть что хошь —
Во дворец не попадешь».
Улыбнулась старушка:
«Эх и прост же ты, Ванюшка!
Мало, видно, Берендей
Закатил тебе плетей.
Аль он сам про всё не знает?
Аль газет он не читает?
Да изволь уж, так и быть, —
Почему не одолжить.
Как наденешь шапку эту,
Щеголяй себе по свету.
Хоть сойдись с царем самим —
В ней ты будешь невидим».
Ваня шапочку берет
Да за пазуху кладет.
И хотел, отдав поклон,
Восвояси ехать он,
Да старушка не пустила:
«Наберись-ка сперва силы,
Закуси да отдохни,
На кровати вот сосни,
А уж с утренней зарей
Поезжай себе домой».
Ночевать Иван остался,
Закусил, поотлежался
И, набравшись свежих сил,
В путь обратный покатил.
А старушка на дорожку
Дала Ванюшке лепешку,
Еще письменный прибор
Да узорчатый шатер.

Ехал близко ли, далеко,
Ехал низко ли, высоко,
Но к концу другого дня
Стал он сдерживать Коня:
Берендеевой столицы
Перед ним блеснули шпиды.

Не поехал он к заставе,
А свернул Коня к дубраве.
Тут шатёр он свой расставил,
У шатра Конька оставил,
Невидимку-шапку вздел
И в столицу полетел.
Вдоль по улицам идет,
Сам он видит весь народ,
А его никто не видит,
Не затронет, не обидит.
Вот уж он и у дворца
И по лестнице крыльца
Незамеченный идет.
Не закрыли пред ним вход
Часовые у порога, —
Всюду вольная дорога.
Ваня мыслит: «Вот так шапка!
И затейница же бабка!»
По коврам он вверх идет,
Обгоняючи народ.
Во дворце в тот день был бал
«Знать, к обеду я попал!» —
Говорит себе мужик,
И с другими в зал проник.
Там у печки притаился,
И немало подивился,
Как узнал, что за народ
Во дворец к царю идет.
В раззолоченной палате,
Сам как жар сия в злате,
Царь их ласково встречает,
За столы с собой сажает,
Что ни гость, то важный пан.
Никогда еще Иван
Не видал такого схода:
Тут был славный воевода;
Из военного похода
Он вернулся со стыдом,
Не вступая в бой с врагом, —
Берендею ж тем он мил,
Что рабочих усмирил.
Был другой тут генерал;

На войне он не бывал
И не видывал врагов,
Зато с месяц мужиков
По десятку вешал в день
Да спалил сто деревень.
Царь за подвиг таковой
Ему — перстень золотой.
И еще пришел один
Знаменитый господин:
Он-то в праздничек престольный
Пушки ввез на колокольни
Да втащил и пулемет,
Чтоб расстреливать народ.
Царь и этого любил
И крестами наградил.
На гостях кафтаны шиты,
Златом-серебром покрыты.
На ином такой наряд,
Что за полу аль за зад
Прокормить бы можно в год
Душ поболее пятисот.
Были тут и две царицы,
Две заморские девицы, —
Гостей ласково встречали
И с царем за стол сажали.
А придворные девицы
Голы все до поясницы.
Был немало тем смущен
Деревенский парень Ваня.
«Что за штука, — думал он, —
Не готовится ль тут баня?»
Только нет, за стол все сели:
Пили, пили, ели, ели...
А потом мужчин и дам
Развозили по домам.

За гостями царь встает,
В свою спаленку идет,
Подпираясь посошком
(Знать, не брезгал он вином).
Вслед за ним идут царицы —
Две заморские девицы.

А Иван в покоях бродит,
Незаметно всюду входит.
Пышны царские палаты:
Всюду серебро и золото,
Самоцветные каменья;
Райских птиц несется пенье,
Что расселись на ветвях
В царских комнатных садах.
Ваня ходит и вздыхает,
Сам с собою рассуждает:
«Вишь, сколь много здесь добра!
А с мужицкого двора,
Чай, последний уж лоскут
Царю в подати берут».
Он до спальни уж добрался,
Да вдруг царь тут показался.
«А ведь царь-то, кажись, пьян», —
Говорит себе Иван
И идет за ним тайком.
«Фу, как пахнет мужиком!» —
Закричали вдруг царицы,
Две заморские девицы,
Зажимая платком нос.
Тут Иван уже не снес.
С головы он шапку снял
И всем сразу виден стал.
Берендей остолбенел,
Сразу хмель с него слетел,
И в испуге две царицы
Заслонили себе лица.
А Иван промолвил так:
«Я мужик, Иван-дурак, —
Тот, кто пашет, сеет, жнет,
Рубит лес и сталь кует,
Кто всех кормит, одевает,
Кровь на войнах проливает,
Роет землю, словно крот,
Соль и уголь достает,
Добывает мед, свинец.
Я ваш выстроил дворец!
Царь, скажу те напрямик:
Если б только не мужик,

Ты ходил бы без сапог,
Ты бы с голоду издох.
Ведь на мой крестьянский грош
Ты богато так живешь.
Ты владеешь вот один
Миллионом десятин,
У меня ж, у мужика,
Всей земли-то два вершка.
Ты с нас десять шкур дерешь,
А взамен нам что даешь?
Всякий день ты сыт и пьян
И забыл, что у крестьян
В деревнях с двора на двор
Ходит голод, ходит мор,
И солдатики твои
В нашей плавают крови.
Ты у нас детей берешь
И на нас же их ведешь.
В твоём царстве нет угла,
Где б не делали нам зла! ..
Дай же мне теперь ответ:
Знаешь ты про то, аль нет?»
Тут царицы враз вскричали,
Обе в обморок упали.
Царь стал палкою махать,
На Иванушку кричать:
«Вздумал ты царя учить!
Чертов сын, собачья сыты!
Ах, такой-сякой мужик,
Сицилист и бунтовщик!
Я велю тебя повесить
Да плетей допрежь отвесить! ..
Велю шкуру в ленты драть! ..
Взять его! Связать! Сковать! ..»
Челядь к Ване тянет лапки,
Да Иван опять уж в шапке, —
Из очей у них исчез
И пошел обратно в лес.

Тут Конек его встречает,
Мордой ласково кивает:

«Что, хозяин мой, невесел,
Что головушку повесил?
Ты ходил ли во дворец,
Что поведал царь-отец?
Аль отведать дал нагайки?»
Рассказал тут без утайки
Мой Иван, что он видал
И что царь ему сказал.
А на то ему Конек:
«Эй, послушай, куманек!
Ты без толку не грусти:
Не всё быть царю в чести.
Сослужу тебе я службу,
Чтоб ты помнил мою дружбу.
Ты ступай-ка во шатер,
Бери письменный прибор,
Пиши письма-ярлычки,
Чтобы знали мужички,
Как царь ласков к мужикам,
К молодым и старикам».

Входит Ваня во шатер,
Берет письменный прибор,
На ременчат стул садится,
Строчить письма торопится.
Валит кучей ярлычки:
«Гой вы, братья-мужички!
Полно, полно, други, спать,
Время волю добывать.
Разогните-ка вы спины
Да повырежьте дубины.
Встаньте, други, брат за брата
На лихого супостата.
Супостат у нас один —
Берендей, наш властелин!»
Пишет Ваня день и ночь;
Уж писать ему невмочь.
Тут вошел в шатер Конек,
Златогривый Скакунок.
«Ну, Иванушка, довольно.
Уморился ты, чай, больно.
Ляг на коврик да сосни;

Бог во сне тебя храни.
А те письма я уж сам
Развезу по деревням». —
Ярлычки Конек тут взял
Да все в сумочку поклат,
На себя суму повесил
И поклон дружку отвесил.
Ваня тут же, словно сноп,
На шелковый коврик — хлоп
И, забывши обо всем,
Засыпает крепким сном.

Спал он долго ли аль мало,
Только солнышко стояло
Над узорчатым шатром,
Как Иван услышал гром.
Он вскочил на резвы ножки,
Натянул свои сапожки.
«Уж вставать давно пора», —
Молвит он, и из шатра
На полянушку выходит
И по небу взором водит.
На безоблачной лазури
Ниотколь не видно бури.
«Что за штука, — говорит, —
Да откуда ж гром гремит?»
И на дерево он влез,
Чтобы глянуть через лес.

Видит, в поле пыль столбом,
И оттоле слышен гром.
Видит он, народ бежит,
Как вода в котле, кипит.
Много красных там знамен,
Острых кос несется звон,
Оглашает чисто поле
Громкий крик: «Земля и воля!»
И солдатики бегут,
Да народа уж не бьют.
Понял каждый, знать, солдат,
Что мужик солдату брат, —
Все с народом заодно:

Эх, когда бы так давно!
Ваня с дерева скатился
И бегом туда пустился.

Во дворце ж у Берендея
Вышла новая затея.
Он опять на сход зовет
И попов и воевод:
«Ой вы, други, помогите,
Поскорее научите,
Что нам делать, как нам быть?
Стал опять народ шалить.
Как бы нам его унять,
Чтобы царство удержать?»
Посудили, порядили
Да и тут же порешили:
Войску выступить в поход —
Усмирять опять народ.
Вдруг приходит донесенье,
Что средь войска возмущенье
И столичных семь полков
Не идут на мужиков.

Словно треснул неба свод
Над собраньем воевод,
Когда вдруг они узнали,
Что войска от них отпали,
Что к столице мужики
Уж ведут свои полки.
Все пустились, кто как мог,
От народа наутек, —
Побросали животишки;
Плачут жены, ребятишки,
Их назад к себе зовут,
А они бегут, бегут...
Только многие сплошали,
Головой в петлю попали, —
Их давно ждала уж плаха...

Берендей чуть жив от страха;
И уж чудится ему,
Что везут его в тюрьму.

И на площади дворцовой
Ставят столб ему сосновый:
Знать, уж близок час расплаты...
Пусты царские палаты,
Ниоткуда нет подмоги:
Все бегут — давай бог ноги.
Мать-царица, как на горе,
Укатила тож за море.
Ой, догадлива старуха!
Как досадливая муха,
Только вьется вкруг Сысой,
Быть не знает как с собой.
Уж он вьется, вьется, вьется,
Да лишь в руки не дается.
Вдруг пришел царю на ум
Злой кудесник, чертов кум.
Захватив с собой царицу,
Он бежит к нему в светлицу.
И едва его застал:
Чародей уж умирал.
Лишь успел сказать: «Беги!
Да сынка побереги», —
И черна душа из тела
В хогти к черту полетела.
А народ уж тут как тут —
Вот сейчас дворец возьмут.
Да, по счастью, тайный ход
Из дворца того ведет.
Бросив скипетр и венец,
Покидает царь дворец.
А за ним в единый миг
И Сысой тем ходом — шмыг.

К морю царь с семьей бежит,
Где корабль его стоит.
А за ними след Сысой
Замечает бородой.
Впереди них виден брод,
За спиною же — народ.
Добежал Сысой до броду,
Повернул лицом к народу,
И сказал тут речь он вкратце:

«Не гоните меня, братцы!
Вот порукой моя честь, —
Помогу я вам завести
В царстве новые порядки! . . .»
— «Уходи-ка без оглядки!» —
Закричали мужики,
Поднимая кулаки:
«Уходи, покуда цел!»
— «Его взять бы на прицел! —
Из народа крикнул кто-то. —
Али вздернуть на ворота!»
Сысой свистнул без оглядки,
Лишь в воде сверкают пятки.

Той порою Берендей
Со царицею своей
И с наследником родимым,
Своим чадушкой единым,
К синю морю подбегает,
Где корабль их поджидает.
Вот по кладочкам спешат,
На корабль тот сесть хотят.
Да царица тут со страху
Пребольшого дала маху:
Сын-наследничек из рук
У ней в воду выпал — бух!
Но царю уж не до сына,
Коль над ним самим дубина.
Мальчик тонет и кричит,
Царь отчаливать велит.
Вскоре смолк ребенка крик.
Тут из жалости мужик
Его граблями достал
И товарищам сказал:
«Захлебнулся паренек.
Ну да что ж? — каков пенек,
Чай, такой же и отросток! . . .»
Воевода же Сысой,
Сняв кафтан свой золотой,
В воду кинулся с подмосток —
Вплывь догнать корабль спешит;
Царь веслом ему грозит.

А народ от смеха стонет:
«Ну, уж этот не потонет!»
Царь катит на всех парах
У народа на глазах.
Мужики ж на берегу:
«Улю-лю!» да «Гу-гу-гу!»
Беглецы из глаз пропали,
А они всё рассуждали:
«От такой, прости бог, гниды
Сколь мы вынесли обиды!»

Собирался тут народ
Да на общий Вольный Сход.
Посудили, порядили,
Перво-наперво решили,
Чтоб не быть у них царям, —
Ни царям, ни их псарям:
Пусть крестьянский-де народ
Сам дела свои ведет.
А потом пошло равнение.
Отбрали все именья
У дворян и у купцов,
Мироедов-кулаков:
Пусть землей владеет тот,
Кто свой пот на пашне льет.
Шло равнение шире, шире.
Много фабрик в божьем мире:
Там трудятся у станков
Руки тех же мужиков.
Значит, должен всяк завод
Мужикам давать доход.
Отбрали все заводы
У купеческой породы.
Говорит Иван тут: «Браты!
Уж поделим и палаты;
Чай, ведь строили дворцы
Не дворяне, не купцы.
Всем в палатах не вместиться,
Так чтоб нам не побраниться,
Пусть с хором тех весь доход
В пользу общую идет, —
На сиротскую, слышь, долю...»

Да, ребята! Надо б волю
Уж и бабам нашим дать, —
С нами их в правах сравнять». —
Старики как загалдят:
«Очумел, должно, ты, брат!»
А Иванов сват Нефед
Тут повыступил вперед:
«Коль права все бабе дать,
Так ее и не унять.
Тут, к примеру, весь твой дом
Она вывернет вверх дном.
Хоть у бабы длинен волос,
Да башка-то пустой колос». —
А Иван — горазд молчать
Да и знает, что сказать:
«Вижу, слаб ты, сват, умом.
Бабой держится весь дом.
Где бы сам ты был, когда б
Не рожались мы от баб.
Мать детей на свет родит —
А в глаза ей смерть глядит.
Где нет бабы — жизни нет,
Не стоит без бабы свет!»
Тут весь сход как закричит:
«Ваня дело говорит!
Равны баба с мужиком,
Держат мир они вдвоем!»
Как покончили с равненьем,
Разошлись все по селеньям,
И на радости такой
Пир устроили горой.
Жаль, что не было нас там, —
Поднесли б, наверно, нам! . .

26. ГИМН ДИКТАТУРЕ

Диктатура, диктатура,
Полудева высшей марки,
Ты достойна трубадура
Гениальнее Петрарки,
Ты достойна песни Меба,
Диктатура, диктатура,
Чтоб создать тебя, у неба
Матерьял взяла натура.
Ах, скорее дайте лиру,
Концертино иль бандуру,
Чтобы мог воспеть я миру
Диктатуру, диктатуру.
Образцом красы служила
Нам доселе мать Амура,
Но теперь ее затмила
Диктатура, диктатура.
Голос лучше балалайки,
Стан извилист, как придворный,
Ножки милы, как нагайки,
И, как сыщики, проворны;
Грудь огромна, как казармы,
Словно виселица шейка,
Глазки сини, как жандармы,
Носик тонок, как ищейка.
Лоб а la Победоносцев,
Чист, как души «патриотов»,
Губки — пара миноносцев,
Бедра — лучше пулеметов.

Что за зубки! Что за ушки!
А каким смеется смехом!
Точно выстрелы из пушки,
Повторяемые эхом.
Ах, хотел бы петь я много
Про красоты диктатуры,
Но лежит моя дорога
Через ущелия цензуры;
Если б только не цензура,
Обнаженной бы предстала
Перед вами диктатура,
Как богиня с пьедестала;
Сколько прелестей нескромных
Показал бы в диктатуре,
Но... боюсь местечек темных,
О своей заботясь шкуре.
Вы решите вскоре сами,
Как прелестна диктатура,
Уж она не за горами
(По пророчеству Кавура).
Я ж, воспевши диктатуру
(Вот где смысл работ Кобеки),
Заложу свою бандуру
И не выкуплю вовеки.

(29 августа 1906)

Что француз нам ни сболтнет,
Выйдет деликатно;
Ну, а русский, как начнет,
Берегись, понятно.

У французов шоколад,
А у нас рассольник;
По-французски депутат,
А у нас крамольник.

По-французски сосьете,
А по-русски — шайка;
У французов либерте,
А у нас — нагайка.

У французов пепермент,
А у нас сивушка;
У французов парламэнт,
А у нас ловушка.

По-французски друг и брат,
А у нас изменник;
У французов бюрократ,
А у нас мошенник.

По-французски дилетант,
А у нас любитель;
У французов интендант,
А у нас грабитель.

По-французски декаданс,
И по-русски то же;
У французов «Vive la France»,¹
А у нас по роже.

У французов чтут спрутá,
А у нас налима;
У французов Балеттá,
А у нас Цусима.

По-французскому протест,
Здесь — борьба всех классов,
У французов манифест,²
А у нас Дубасов.

По-французски мадмазель,
А по-русски милка;
У французов карусель,
Здесь же «предварилка».

У французов стиль нуво,
А у нас мочало.
Как дошел до Дурново,
Начинай сначала!

Конец 1905

---

¹ Да здравствует Франция (франц.). — *Ред.*

И. М. ВАСИЛЕВСКИЙ
(Не-Буква)

---

28. ЧТО ДУМАЕТ ПРЕМЬЕР, КОГДА ЕМУ НЕ СПИТСЯ

В позднюю ночь над усталой столицей
Сон непробудный царит.
Только премьер под охраной полиции
Мучится горько — не спит.

Вертится в страхе он, охает, мается...
Что́ там? Не шум ли врагов?..
Вся ему долгая жизнь представляется,
Вся-то полна ведь грехов...

Охти мне! Как я министром-то сделался,
Как пробивался с трудом...
Нутко-се! С Плеве-то, с Плеве-покойничком
Сколько шалили вдвоем?!

Ужас! Вот то-то... Мы смолоду лютые...
Думаем: нам наплевать!..
Суд-то народный, ответ неминуемый!..
Как мне его избежать?

С Победоносцевым, да и с Сипягиным,
Сколько мы бед принесли!
А Абазá-то? Ведь с ним, с Безобразовым,
Мы до войны довели.

Ну а валюта? Казна-то несчастная!..
С водкою сколько препон!..
Тут и субсидии, займы злосчастные,
Гурьев, Шарапов, Гапон...

Охти мне, ох! Угожу в место злачное!
В Портсмуте сколько я лгал,
Как добывал я корону-то графскую,
Как Сахалин продавал!..

Ну, а потом-то?.. И вспомнить-то горюшко,
Как я свободу вводил,
Как с Дурново разыгрался я вволюшку,
Черную сотню водил!..

Ужас и кровь! Генерал-губернаторы...
Штык и нагайка... Тюрьма...
Ссылка, погром... Палачи, провокаторы...
Стонув и ужасов тьма!..

То-то и грустен я, то-то расстроен я...
Денег мне негде достать...
Божия мать, святая заступница,
Как мне суда избежать?..

Не позднее апреля 1906

29. СПОР

Как-то раз перед толпою,
Украшавшей двор,
Между Кутлером и Витте
Был великий спор.
«Берегися, — Кутлер молвил, —
Без земли нам мат.
О весне мужик мечтает
Ведь недаром, брат...
Он распашет всю землю
В долах и меж гор,
И в помещичьих именьях
Загребит топор...
И железная лопата
В каменную грудь,
Добывая хлеб голодным,
Режет страшный путь...
Уж проходят мужичонки
Через те поля,

Где помещик наживался,
Душу веселя...
Так не лучше ль понемногу
Им землицы дать,
Чем потом весной возиться,
Плакать и страдать...
Ведь обижен мужичонка.
Голод, недород...
Берегися: многолюден
И могуч народ...»
— «Не боюсь я народа! —
Отвечал премьер. —
Не добыть ему земельки,
Темен он и сер...
Посмотри: в служебном рвеньи
Дремлет Мин, Фролов.
Есть нагайки, пулеметы,
Тысячи штыков...
Подавили мы волнение,
«Гидра» сожжена...
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна.
Всё, что здесь доступно оку, —
В тюрьмах, свет кляня...
Не Крестьянскому союзу
Победить меня...»
— «Не хвались еще заране, —
Молвил Кутлер-млад. —
Вон в грядущего тумане
Что-то видно, брат...»
Тайно был премьер суровый
Вестью той смущен
И вокруг себя в смятеньи
Взоры кинул он...
Долго он в недоуменьи
Смотрит, полный дум...
Видит странное движенье,
Слышит звон и шум...
От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаяся, сверкая,
Встали мужики.

Веют красные знамена,
Как степной ковыль.
И идет толпа большая,
Подымая пыль...

. . . . .
И, томим зловещей думой,
Полный черных слов,
Стал считать премьер угрюмый,
Но не счел врагов.
Быстро Кутлеру в отставку
Он подать велел
И, графинчик водки выпив,
Вмиг повеселел...

1906

30. В ДЕРЕВНЕ

Голод... Долгое терпенье...
Нищенский надел...
Кровь... Насилье... Опьяненье...
Плети и расстрел.
Залп... Толпа... Убитых тени.
Муки без конца...
Ряд безмерных преступлений
Важного лица...
Стоны... Ужас... Боль и слезы...
Нищего сума...
И нагайки... И угрозы...
И тюрьма, тюрьма...

{1906}

31. РОДНЫЕ БРАТЯ

Витте, Трепов, Дурново,
Алексей Игнатьев —
Не пойму я, отчего
Их не счесть за братьев?
Этот — туп, но полютей,
Тот умен, да лютей.
Ну-ка — кто тут грамотей? —
Разницу распутай!
Мазал всех один елей...
Чем же хуже братьев
Чудотворец Алексей,
Алексей Игнатьев?
Словно четверо свобод
Прямо с манифеста...
Сторонись, честной народ,
Свято наше место.

Между октябрем и декабрем 1905

32. ПЛЯСКА СВ. ВИТТА

Наши новые министры,
Слышно, разумом не быстры,
И к тому же — ходит слух —
Кабинет немножко глух.

Шумно в графском кабинете:
Все собрались на урок
И потеют на паркете...
Труден модный кэк-уок.

Залит блеском лент багрянца
Танцевальный кабинет...
Вместо новых темпов танца
Всё выходит — менуэт...

Трудны па затей новой,
А привычка дорога,
И на темп средневековый
Всё сбивается нога.

Глухи все — не слышат палки;
Топот ног, бряцанье шпор —
Всё смешалось в общей свалке...
Бедный, бедный дирижер!

Нет изъяна ли в указке?
Сам-то знает педагог,
Как учить новейшей пляске?
Сам танцует кэк-уок?

⟨Январь 1906⟩

33. РОМАНС

Он в шесть поутру пойман был
И вмиг под стражу угодил.
К семи он был у трибунала...
...Фемида жалобно вздыхала.
Через полчаса вопрос решен.
К восьми он был уже казнен...
...Фемида больше не вздыхала
И только — дико хохотала...

⟨12 ноября 1906⟩

34. ПРЕДЕЛЬНОЕ И БЕСПРЕДЕЛЬНОЕ

Предельна досягаемость
Еластительной картечи,
Безмерна изменяемость
Правительственной речи.
Предельна убедительность

Посула и обмана,
Но без границ вместительность
Сановного кармана.
Предельно обаяние
Штыка и пулемета,
Бездонно одичание
«Слуги и патриота».
Предельны дарования
И ум министров рати,
Бескрайни наказания
За смелый тон печати.
Предела нет глумлению,
Поругана свобода,
И нет конца терпению
У русского народа!

(1906)

А. А. ВЕЙНБЕРГ
(Андрон; Квак)

---

35. ЖАЛОБА МИНИСТРА

Когда в порыве слишком быстром,
Не посмотрев, куда иду,
Я согласился быть министром, —
В какую я попал беду!
Куда ни кинешься, всё скверно,
Куда ни глянь, везде скандал,
И каждый час, смотри, наверно,
Уж кто-нибудь забастовал.

Бастует лекарь и разносчик,
Девицы, конки, кучера,
Студент, швейцар, актер, извозчик,
Et cætera, et cætera...¹
Да вот пример: телеграфистам
(Их дух союзов обуял)
Я пригрозил: «Что́ собрались там?»
А телеграф — забастовал.

Я вышел к ним с сердитым ликом,
Осанку грозную храня,
Вдруг демократ, в экстазе диком,
Кричит: «Долой!» Кого ж? Меня!
Я на него взглянул сурово —
Еще наглей кричит нахал.

---

¹ И так далее, и так далее (франц.). — *Ред.*

И я позвал городского...
Городовой забастовал!

Распались звенья цепи древней,
Бунтует жид, бунтует лях,
Встает деревня за деревней
«В экономических целях».
Любя помещика как брата,
Едва на помощь он позвал,
Я выслал экстренно солдата, —
Но и солдат забастовал.

Упала рента, нет доходов,
Грозит взысканьем кредитор,
Средь казначейских тайных сводов
Лишь пустоту встречает взор.
Трещит кредит, идет банкротство,
И я в Берлин гонцов послал:
«Воззри на горькое сиротство!»
Но Мендельсон забастовал.

Матросы обратились в банду,
Кто был сапер — стал хулиган,
Мятежный Шмидт берет команду,
Бежит блаженный Иоани.
Видала Турция ль, Европа ль
Такой безумный карнавал?
Кронштадт сожжен, взят Севастополь,
И целый флот забастовал.

Ну, стал народ с какой закваской!
Чего им нужно, не поймешь!
Ни мерой строгости, ни лаской
Не образумишь, не уймешь.
Стреляешь, режешь, рубишь, колешь —
Им всё равно, им наплевать,
И остается мне одно лишь —
Хоть самому забастовать!

Ноябрь 1905

36. ЧАСТУШКА

(На московский мотив)

Если хочешь носить кольца,
Полюби ты добровольца.

«Дам те кольца, серьги дам те,
Как засяду я в почтамте.
Золотую брошку милке
Разыщу я хоть в посылке.
Куплю шляпки привозные,
Как обшарю заказные.
Заведу коней, кареты,
Как поразберу пакеты...»
Добровольцы наши ловки,
Поживились в забастовке.
Ах и надо б того высечь,
Кто стащил тринадцать тысяч.
А, кажись бы, всё вельможи,
На воров и не похожи...

Ноябрь или декабрь 1905

37. ГУЧКОВСКИЙ ГИМН

Чья то песня разливается
Над рекою над Москвой?
То Гучков воспеть старается
Суд военно-полевой.

«Суд — отечества спасение,
Суд — опора всех реформ,
Суд — крамоле устрашение,
Верный якорь в бурный шторм.

Что врагов укору дерзкие?
Мы сильнее во сто крат.
Против нас — писаки мерзкие,
А за нас — премерзкий¹ брат.

---

¹ Не премьерский ли? — Примеч. корректора.

Пусть печать болтает гадости.
Что Шипов и Трубецкой?
Запою один я в радости
Над Москвою над рекой:

Славься, суд скорорешительный,
Суд мгновенно-роковой,
Суд неждуший, суд стремительный,
Суд военно-полевой!»

(14 сентября 1906)

38. ДУБИНУШКА

Много песен в великой отчизне моей
Распевают от края до края,
Но одна раздается всех громче, сильнее,
Эта песня — «Дубина» родная.
Эй, дубинушка, ухнем!
Эй, зеленая, сама пойдет!
Подернем, подернем, да ухнем!

Наш премьер в октябре чересчур поспешил,
Без закона Россию оставил,
Но чиновник нашелся и вмиг сочинил
Свыше тысячи временных правил.
Эй, чиновнички, ухнем!
Бюрократия, сама пойдет!
Подернем, подернем, да ухнем!

Много есть на Руси превосходных газет,
Начиная с «Кремля» — до папаши.
Но из этих газет, без сомнения, нет
Превосходнее Гурьевской каши.
Эй, Тряпичкины, ухнем!
Бутербродщики, сама пойдет!
Подернем, подернем, да ухнем!

Злонамеренный слух по России идет,
Что положен конец произволу.

Что ж ты медлишь, жандарм? Знать, бунтует
народ,

Так дави же скорее крамолу!
Эй, охранщики, ухнем!
Усмирители, сама пойдет!
Подернем, подернем, да ухнем!

Лезет в Думу поляк, армянин и еврей,
Так ужели допустим его мы?
На работу вставай, патриот, поскорей,
Принимайся опять за погромы!
Эй, погромщики, ухнем!
Крушеванщики, сама пойдет!
Подернем, подернем, да ухнем!

Был отважен «союз», и «порядок» был лих
В агитации жаркой и бурной.
Почему же теперь так печален и тих
Он стоит перед выборной урной?
Эй, кадетушки, ухнем!
Избиратели, сама пойдет!
Подернем, подернем, да ухнем!

Тих мужик, но он в Думе стряхнет с себя сон,
Разогнет богатырскую спину.
«Раздобыть бы землицы», — подумает он
И затахнет родную «Дубину».
Эй, дубинушка, ухнем!
Эй, аграрная, сама пойдет!
Подернем, подернем, да ухнем!

Много песен веселых поэт написал,
Обличал бюрократию пылко.
Но свободу печати, увы, испытал:
Приютила его «предварилка».
Эй, сатирики, ухнем!
Юмористика, в тюрьму пойдет!
Подернем, подернем, да ухнем!

1906

39. И СКУЧНО...

И скучно, и грустно, и некого в блок залучить
В минуты партийной тревоги.
Бродить? Но что пользы напрасно и долго бродить —
То Выборг, то Зимний... Умаялись ноги.

Податься ли влево? Но страшно в темнице немой.
Иль вправо? Погромы чинить неохота.
Проехать ль в Лондон? Пожалуй, не пустят домой.
А дома Гамзей да Четвертая рота.

Пугает безумье. А Дума — лишь новый испуг.
Что скажет страна? Сунься к выборам, ну-тка.
И наши триумфы, как глянешь уныло вокруг,
Такая пустая и глупая шутка...

Май или июнь 1907

П. И. ВЕЙНБЕРГ
(Гейне из Тамбова)

---

40. КРАСНЫЙ ЦВЕТ

(Романс по поводу воздвигнутых гонений на красный цвет)

Черный цвет, мрачный цвет,
Ты мне мил навсегда...

Очень старый романс

Красный цвет, яркий цвет,
Ты мне враг навсегда.
И клянусь — красный цвет
Не любить никогда!

На борьбу с крамолой красной
Я иду без компромисса.
Превзойду патриотизмом
Я Никольского Бориса.

Я не буду есть редиски,
Я не буду есть томаты,
И в вареном виде раки
Из моих меню изъяты.

Красных вин (хотя б и русских)
Не воспримет больше глотка;
Заменять их будет вечно
Лишь очищенная водка.

По субботам моясь в бане,
Я не буду парить тела,
Чтоб под вениками кожа
Патриота не краснела.

Каждый раз, как мне румянец
От стыда покрывает щеки,
Посыпать я буду густо
Пудрой эти злые соки.

Каждый раз, как мне придется
Встретить красную девицу,
Буду звать городского
И тащить ее в темницу.

Каждой розе с красным цветом,
Каждой даме в красном платье
И моей же крови красной —
Беспощадное проклятье! . .

Красный цвет, яркий цвет,
Ты мне враг навсегда,
И клянусь — красный цвет
Не любить никогда!

(28 марта 1906)

41. УТЕШИТЕЛЬНО! . .

В городской управе петербургской
Завелась прекрасная новинка:
Обсуждают — быть ли ресторану
В доме том, где жил когда-то Глинка.

И, по мнению некоторых членов,
Прецедент явился бы печальный,
Для культуры стыд и оскорбление:
Ресторан — и гений музыкальный! . .

Впрочем, нет! Что это не новинка,
Утверждать себя считаю вправе:
Уж давно культурные святыни
Охраняют в городской управе.

В доме том, где жизнь окончил Пушкин,
Дышит всё к поэту уваженьем:
Уж давно на городские деньги
Занят он *охранным* отделеньем.

Март 1906

42. НА ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПРОФЕССОРА «БЕЛОЙ МАГИИ»

Господа! Mesdames! ¹ Ich bitte! ²
 Попрошу attention: ³
 Дурново — Акимов — Витте
 И другие *compagnons* ⁴
 Министерского совета
 В этой шляпе. Славный вид
 Перед вами. Группа эта
 Заседает *ganz solid*. ⁵
 Никаким толчком, ударом
 Их не сдвинуть с места вам;
 Но профессор я недаром
 Белой магии, mesdames!
 Два коротких *Augenblicke* ⁶ —
 Ein, zwei, drei, ⁷ allons ⁸ маршир!
 Все исчезли. Горемыкин —
 Новой группы командир!
 Захочу — в одно мгновенье
 Новый фокус, первый сорт:
 Ein, zwei, drei, мое почтение!
 Министеръум новый — fort! ⁹
 Господа, кричите bravo!
 Штук подобных через край
 У меня найдется, право...
 Фокус-покус, ein, zwei, drei!

Апрель 1906

---

¹ Дамы (франц.). — *Ред.*

² Я прошу (нем.). — *Ред.*

³ Внимание (франц.). — *Ред.*

⁴ Компаньоны (франц.). — *Ред.*

⁵ Вполне солидно (нем.). — *Ред.*

⁶ Мгновения (нем.). — *Ред.*

⁷ Раз, два, три (нем.). — *Ред.*

⁸ Пойдем (франц.). — *Ред.*

⁹ Вон (нем.). — *Ред.*

43

Граф Витте стал премьером —
Устроил «кабинет»...
И новым стал манером
В России сеять свет...
«Мы, вместо экзекуций,
Попробуем теперь
Посредством конституций —
Закреть покрепче дверь...»
Чтоб дело шло споре —
Нет сил у одного —
Помощника сильнее
Приял он — Дурново.
И правят уж «с любовью»
И с фирмой: «Кабинет»...
Земля покрыта кровью —
Порядка ж нет как нет...

Конец 1905

44. ЗИМА В ДЕРЕВНЕ

Зима... Крестьянин, торжествуя,
Несет закладывать тулуп...
Кабатчик, голод тут почуя,
Дает ему единый «руп»...
В кабак приходит «охранитель»...
Себя в «эс-эр» преобразив,

В беседу жертву заманив,
Агент дал знать уже в «обитель»...
Ему, поганому, смешно,
А становой глядит в окно...

(22 января 1906)

45. ПТИЧКА

Гражданин теперь не знает
Ни заботы, ни труда...
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда...
Долгу ночь в участке дремлет.
Солнце красное взойдет —
Он приказу тупо внемлет:
Гражданин в тюрьму грядет...
Дома ждут кормильца тщетно
Дети с бедною женой;
«Гражданин» сидит секретно
И за крепкою стеной...
Семьям скучно... семьям — горе...
Тщетно кличут: «Где же он?»
— На железном он запоре
Или пулею сражен...

(22 января 1906)

46

Хвостатый гений, в плен он взял
И подчинил себе природу:
Успеху властному в угоду,
Двумя хвостами он вилял...

Словечка... точки нет спроста
В его статьях елейно-плавных...
Такому «гению хвоста»
И у Суворина нет равных...

На что редактор сам — лиса
И знает тон для всякой роли...
И рек он: «Меньшиков — краса...
Краса в нововременской школе...»

Он лжет... но как он горд притом...
Предаст он вмиг, не мóргнув веком...
Вертит «перед барином» хвостом
И мнит себя всё ж — человеком...

(14 февраля 1906)

47. ЧТО ДУМАЕТ КОНСТИТУЦИЯ, КОГДА ЕЙ НЕ СПИТСЯ

Всё-то: грехи да грехи.

Некрасов

Поздняя ночь. Над усталой столицей
Сон непробудный царит.
Лишь Конституцию нашу двулицую
Не посетил он. Не спит,
Мечется, бедная, охает, мается,
Ждет «подтверждения» вновь.
Всё ей минувшая жизнь вспоминается,
Всё-то нагайки да кровь...
«Охти мне! Часто своими свободами
Я искушала народ.
Нутко-с, печать-то какими обходами
Я заставляла весь год
Маяться! То-то я рано поверила,
Что обыватель оглох.
Я вот мужичьи-то нужды похерила,
Ан беспорядки!.. Ох, ох!
В страдную пору парламент уволила,
Думала: будут хвалить.
Слышу: я этим событья ускорила,
Стали в Кронштадте палить.
Охти мне, ох, вызву я революцию.
Раз забастовка была,
Я, чтоб свою оправдать «Конституцию»,
Армии мыло дала...
То-то я грешница, то-то преступница, —
Денег опять у нас нет!..
Партия правых! Порядка заступница!
Организуй кабинет!..»

(10 августа 1906)

48. РАЗДУМЬЕ «ОКТЯБРИСТА»

Сяду я за стол
Да подумаю:
Не зазорно ли
«Октябристом» быть?
Нет у партии
Здравомыслия,
Нет у партии
Друга Шйпова,
Симпатичного,
Энергичного,
Да вилять хвостом
Непривычного.
С его выходом
Сели в лужу мы...
Есть один талант,
Да и тот — Гучков!
Да и тот как раз
Насмешит людей,
Штуку выкинет —
Лопнешь с хохоту...
Сяду я за стол
Да подумаю:
За кого теперь
Мне вотировать?

(8 октября 1906)

49. НЕ «СЖАТЫЕ» ЛЮДИ

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Некрасов

Ранняя осень. Свободы забыты.
Этих поймали, а те перебиты.
Только детишки свободны одни...
Грустные рожицы корчат они.

Кажется, шепчут ребята друг другу:
«Скучно дядеть, как трясутся с испугу!
Скучно не сметь повалиться в пыли,
Слушать от мамы: «Сиди, не шали».

К папе приходит — и на ночь не глядя —
Страшный какой-то со шпорами дядя...
Все в подозреньи, всех ловят и бьют...
Где же ты, Витте? Что нас не берут?

Или мы хуже других уродились?
Иль «Марсельезу» мы петь не учились?
Нет, мы не хуже других — и давно
Соски свои побросали в окно.

Не для того же он думу затеял.
В зиму какой-то «весною повеял...»
Ветер несет им печальный ответ:
«Вашему Витте, знать, моченьки нет.
Знал, для чего он всё это посеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге — не ест и не пьет:
Всё за границей заем достает.
Руки, что создали эти порядки,
Стали не те уж (как сняли перчатки),
Очи потускли, а голос хоть есть,
Да... всё не может, где хочется, сесть,
Ибо минута еще не настала:
Надо спросить Мендельсона сначала...»

1906

50. СРЕДИ ГАЗЕТ

Пародии

1. СОВРЕМЕННОСТЬ

(По Фету)

Ропот. Ложка без движенья.
В пищу — лебеда.
На военном положеньи
Села, города.
Ночью — обыск, днем — шпионы,
Страх, что донесут.

Вечно новые законы,
Скорострельный суд.
Запрещения, угрозы
Нынче, как вчера.
И страдания, и слезы,
И — ура! Ура!!!

2. СОВЕТ

(По Лермонтову)

В минуту жизни трудную,
Коль нет иных газет,
Бери «Россию» блудную, —
Вот мой тебе совет.
В ней сила полицейская,
Там факты хороши,
Там льется мысль лакейская
Из проданной души;
Там пишут убедительно;
Попробуй-ка читать, —
Захочешь положительно
Продать себя, продать. . .

(1906)

И. Н. ГЕРСОН

(Янки Дудль)

---

51. ПОЖАР

Баллада

(С английского)

— О милорд! Доложите скорей королю...
Задыхаюсь я... Мрачно известие...
Нас господь посетил... Доложите, молю,
Что пожар уничтожил предместье!
О милорд, доложите скорей королю!

— Вы смешны, милый мой, вы смешны,
та parole: ¹
Оттого, что домишки сгорели,
Вы хотите, чтоб сон потревожил король?
Он еще поживает в постели.

— О милорд! Пламя быстро и грозно растет...
Неужели несчастье вас радует!
Дым навис, и пожар беспощадно идет,
Искры в город разбуженный падают...
И, милорд, пламя быстро и гневно растет!

— Вы смешны, милый мой, я скажу вам:
с'est drôle, ²
Ведь вы можете дать мне отсрочку.
Только пять лишь минут, как проснулся король,
Он теперь примеряет сорочку.

---

¹ Право слово (франц.). — *Ред.*

² Это смешно (франц.) — *Ред.*

— О милорд! Доложите скорей... Мы горим!
Целый город в огне: гибнут братия...
Заклинаю вас! Видите, видите дым?
Всюду вопли, и крик, и проклятия...
О милорд, доложите скорей, мы горим!

— Вы смешны, милый мой; что за странная
роль —
Вы мятетесь, как запертый в клетку!
Что ж я сделать могу? Не одет наш король —
Примеряет свою он жилетку.

— О милорд...
Вестник тут за окно поглядел
И на плиты упал как подкошенный...
Загорелся дворец! К королю полетел
Лорд, как мячик, ногою подброшенный.

Вот и всё про пожар! Но в балладе вся соль
(Так кончается песнь старины)
В том, что умер в огне неодетый король,
Не успевши примерить штаны.

(1 января 1906)

Я. А. ГИБЯНСКИЙ
(Жак-меланхолик)

---

52. ГРЕЗЫ

Тихо над Альгамброй.
Дремлет вся натура...

Кузьма Пругков

Всюду зреет смута,
Смутно всё в натуре...
Грезятся кому-то
Сны о диктатуре.
В полуночном мраке
Грезятся жандармы...
Русь в мечтах он паки
Превратил в казармы.
Горе всем крамольным!
Со своею кликой
Стал он бесконтрольным
Родины владыкой.
Пред его указкой
Всё смиренно никнет.
Все глядят с опаской,
И никто не пикнет.
Уж газетной рати
Не страшны вещанья:
Нет иной печати,
Как печать молчанья...
И в виденьях сонных
Тешат взор картины —
Пеших войск и конных,
Иль штыков щетины...

Против всякой бури
Лучше нет оплота. . .
Так о диктатуре
Сладко грезит кто-то.

Между октябрем и декабрем 1905

53. РОКОВАЯ ЦИФРА

О сатирик! если хочешь
Вскрыть рукой ты смелой ложь,
Должен прежде, чем отточишь
Сатирический свой нож,
Осторожно всё ты взвесить, —
Не обидеть бы гусей. . .
А иначе. . . тысяч десять
Припаси на случай сей!
Знаю я — свобода прессе
Уж дана; и без помех
Могут слушать грады, веси
Обличенья горький смех,
И бичом сатиры высечь
Можешь ты кого-нибудь —
Только всё же. . . десять тысяч
Припасти ты не забудь!

Между ноябрем 1905 и январем 1906

54. RÉSIGNATION¹

В час ночной и утренний
Мыслю в тишине:
«О министр, о внутренний!
Что тебе во мне?»
Мысль (полет, как птице, ей
Дан) спешит вспорхнуть:
«Правящий юстицией!
Про меня забудь!»
И сажать охочие
Ближних под замок

---

¹ Безропотность, покорность судьбе (франц.). — *Ред.*

Вы, другие-прочие,
Я б сказать вам мог:
«Други! Ваша мания
Мне страшна вдвойне...
Лучше нуль внимания
Уделяйте мне».

(23 декабря 1905)

55. ОРАНЖЕРЕЯ И ПРАЧЕЧНАЯ

(Страничка из русской истории)

Слышен клич народа властный:
«Вы, что в высях недоступных
Суд творите свой пристрастный,
Укрыватели преступных,
Вы, что к бедствиям народа
Холодны, как камней глыбы, —
Нам земля нужна!.. Свобода!..
Воли надо нам... земли бы!..»

И в ответ на слово это
Восклицают свыше смело:
«Что вам плакать о земле-то
И о воле?.. В них ли дело?
Что земля? И слушать тошно!
Чтобы жили вы, жирея,
Не убого, а роскошно,
Будет вам... оранжерея.

Воля? Что вам в ней? Речисты
Вы и так уж свыше меры.
Будьте кротки, будьте чисты, —
Бросьте праздные химеры.
В чистоте лишь вы покоем
Насладитесь... Вы придирки
К нам оставьте: мы вам строим...
Заведение для стирки».

Апрель или май 1906

**56. ЧТО ДУМАЕТ ГЛАВА «НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ»,
КОГДА ЕМУ НЕ СПИТСЯ**

(Из Некрасова)

Спит вся столица. . . Храпят обитатели
Хижин и пышных палат;
Даже уснули давно все слагатели
Звучных поэм и баллад
Уж и в стенах ресторанчика модного
Скрипок не слышится визг. . .
Только глава «просвещенья народного»
Спать не решается. . . Риск
Слишком велик на мгновенье лишь краткое
Очи смежишь ты — вдруг «трах»! —
Вся просвещения храмина шаткая
Сразу рассыплется в прах. . .
«Охти мне, ох! что-то ждет меня, грешного?
Тошно на свет мне смотреть!
Лучше уж ведомством «мрака кромешного»
Нас величали бы впредь.
Ох! . . . принесли при докладе мне справочку:
Высшая школа пуста!
Просто закрой хоть учебную лавочку. . .
Смогли ученых уста,
Смокнул профессор (молчанье ведь золото!),
Чтение бросил адъюнкт . . .
Видно, и школа уж больше не школа-то,
А забастовочный пункт!
Не отличает Европу от Азии
И восьмиклассник уже,
И изучают прилежно в гимназии
Лишь «Марсельезу» Руже!
Приготовишки. . . не слажу и с ними я,
Нынче и их уж не тронь!
Чуть не по ним что — обструкция. . . химия. . .
На заведение всё — вонь. . .
Охти! . . . Как быть тут, чтоб к делу обычному
Снова вернулся школяр?
Завтра придется, знать, мне, горемычному,
Новый издать циркуляр. . .»

(1906)

57. ТАК БОЛТАЛИ В КОФЕЙНЯХ БАГДАДА

Однажды в Неджеде убит был имам,
Владыка Аравии, Шейх-уль-Ислам.
И смерти его не оплакал народ!
Уж слишком тяжел при имаме был гнет.
Владыкой Неджеда и слитных с ним стран
Стал сын опочившего — Абдеррахман.
И было угодно ему повелеть
Возможно скорее воздвигнуть мечеть,
Мечеть ту воздвигнуть — на память векам —
На месте, где зверски заколот имам.
Чтоб важность приказа понять мог весь мир,
За ним наблюдать должен Влади Эмир
Но вот, уж тринадцать процарствовав лет,
Для лучшего мира покинул Неджед
Брат Влади-Эмира, великий в веках,
Чьей славе завидовал сам падишах.
И правит страную уж новый имам,
А храма всё нет. . . «Где обещанный храм?» —
Народ повторяет, не может стерпеть,
Доколе ему не построят мечеть.
И строит мечеть без конца Влад-Эмир,
И долгой постройке дивится весь мир
И вместе с Неджедом не может стерпеть —
Доколь наконец не воздвигнут мечеть,
Мечеть не воздвигнут на память векам
На месте, где умер когда-то имам.

(4 декабря 1905)

Д. И. Г Л И Б М А Н
(Дух Банко; Дятел; Парламентер)

---

58. КАШИЦА

(По Алексею Толстому)

— Государь ты мой батюшка, государь Сергей Юльевич,
Что ты изволишь в котле варить?

— Кашицу, матушка, кашицу,
Кашицу, родимая, кашицу! . .

— Государь ты мой батюшка, государь Сергей Юльевич,
А где ты изволил крупы достать?

— В канцеляриях, матушка, в канцеляриях,
В канцеляриях, родимая, в канцеляриях.

— Государь ты мой батюшка, государь Сергей Юльевич,
А чем ты будешь кашицу размешивать?

— Нагайкою, матушка, нагайкою,
Нагайкою, родимая, нагайкою.

— Государь ты мой батюшка, государь Сергей Юльевич,
А чем поливать будешь кашицу?

— Кровушкой, матушка, кровушкой,
Кровушкой, родимая, кровушкой. . .

— Государь ты мой батюшка, государь Сергей Юльевич,
А ведь кашлица выйdet крутенька?

— Крутенька, матушка, крутенька,
Крутенька, родимая, крутенька.

— Государь ты мой батюшка, государь Сергей Юльевич,
А ведь кашлица выйdet грязненька?

— Грязненька, матушка, грязненька,
Грязненька, родимая, грязненька.

— Государь ты мой батюшка, государь Сергей Юльевич,
А как сня кашлица прозывается?
--- Конституцией, матушка, конституцией,
Конституцией, родимая, конституцией.

— Государь ты мой батюшка, государь Сергей Юльевич,
А кто будет кашлицу расхлебывать?

. . . . .
. . . . .

На этот вопрос точный ответ даст будущее. Сергей Юльевич думает, что расхлебывать кашлицу будет народ, а мы думаем — наоборот.

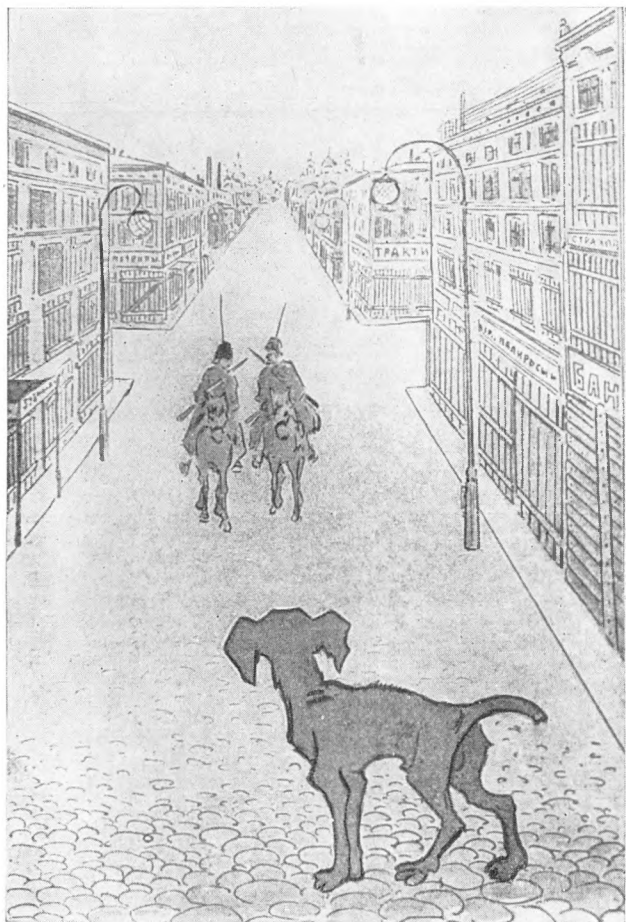
Между октябрем и декабрем 1905

59. ГАЗЕТНЫЙ ОПРИЧНИК

Вот он — с песьей головою
И газетною метлою
По Руси идет...
Году год идет на смену, —
Он крамолу и измену
Всё метет, метет...
От прихожей до прихожей,
Извиваясь пред вельможей
Челяди в пример,
Он идет — и нюхом, слухом,
Ловит носом, ловит ухом
Настроенъе сфер.
И, узнав от них, что можно
(Но умело, осторожно)
Старый курс держать, —
Тверд, как древние герои
(За начальством!), он устон
Станет охранять.
На текущие вопросы
Пишет кляузы, доносы,
Сплетничает, врет.
Легок, резв, как балерина, --
Скок с жида на армянина
За народный счет.

„Солдатушки, бравы ребятушки! где же ваша слава?“
Рис. В. Серова.

В городе спокойно. Движение на улицах возобновилось.
Автор рисунка неизвестен.

Государь ты нашъ, батюшка...

(Вольное возражение гр. А. Толстому)

„Государь ты наш батюшка...“ Рис. М. Демьянова.

Точно рыцарь в детской сказке,
Разыгравшись в буйной пляске
    Битвы, сгоряча,
Рубит вправо, рубит влево
Старца, юношу и деву
    Со всего плеча.
Цель понятна: либералы
Все изменники, нахалы,
    Всех бы их сослать
И, забравши их подписку,
Показать бы всем без риску
    Кузькину-то мать.
Так трактуя все вопросы,
Журналист в принципах босый,
    Голый, как Дункан,
В убеждениях проворен,
Пляшет старенький Суворин
    Старенький канкан.

(Ноябрь 1905)

60. КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, младенец мой прекрасный,
    Баюшки-баю!
Смотрит месяц (тоже красный)
    В колыбель твою.
Про крамолу без утайки
    Я тебе спою...
Ты же спи (не трожь нагайки!),
    Баюшки-баю!
Реют флаги, реют ленты
    Вдоль по мостовой.
Вишь, крамольники-студенты
    Двинулись толпой.
Но отец твой — старый воин,
    Брал Казанский он, —
Спи, малютка, будь спокоен:
    Будет им трезвон!
Сам узнаешь — будет время,
    К службе призовут, —

Как крамолы подлой племя
Казачи дерут. . .
Скажешь: я присяге верен,
Коль прикажут — бью! . .
Спи, твой путь грядущий верен,
Баюшки-баю!
Будешь ты казаком с виду,
Лютый волк душой,
Не уйти живому жиду,
Встретившись с тобой.
Сколько от твоей атаки
Будет их в раю!
Спи, младенец мой, до драки,
Баюшки-баю.
На дорогу вам начальство
По нагайке даст.
Ты, привыкший к ней сызмальства,
Всех клади, как пласт!
Бей их! Жарь их! Больше втрое,
Чем их бьет отец!
Спи, дитя мое родное,
Спи, лихой донец!

(7 января 1906)

61. СУД МИНОСА

Пред судилище Миноса
Собрались для допроса
Возле Стиксовых берегов
Души бледные скотов.
Трепеща пред властелином,
Потянулись чин за чином,
Подобрав свои хвосты,
Оробелые скоты. . .
«Ну! — Минос вскричал суровый. —
Говорите прямо, кто вы?
Только чур — не врать в ответ:
Здесь, друзья, не кабинет!»
— «Я — лисица. Обещала
Сто даров, но не давала

Никогда ни одного, —
Вот спроси хоть у него!
Я хвостом виляю сходно,
А зовусь я как угодно:
По-французски — libéral,
А по-русски — просто Враль!»
— «Я — свинья — тупое рыло.
Землю я под дубом рыла.
У меня нечистый нос:
Он в чужой попал овес...
Ничего я не давала.
Всем служила, всех кусала;
А зовут меня — Донос, —
Послужу тебе, Минос!»
— «Я собачка. Тихо жила,
На веревочке ходила,
Не любила забияк...
Не зовут меня никак...»

Царь Минос брезгливым взглядом
Трех скотов, стоявших рядом,
Вмиг окинул с высоты
И промолвил: «Ну, скоты!»

(Январь 1906)

62. В ЧЕМ НАШЕ СПАСЕНИЕ?

В охранном отделении,
В тюремном заключении,
В военном положении,
В расстрелах без суда;

В бессовестном грабительстве,
В заботливом правительстве,
В агентском сочинительстве
Без смысла и стыда;

В хроническом бесславии,
В синодском православии,
В бесхлебьи и бесправии,
В казенном кабаке;

В министрах-целовальниках,
В родных столоначальниках,
В лихих военачальниках
Да в буйном кулаке;

В цинизме развратителей,
Сувориных-служителей
И всех их покровителей,
В «порядке правовом»;

В победах над крестьянами,
В союзе с хулиганами,
С насильем и обманами,
В понятии — «погром»;

В чиновных декларациях,
В поддельных депутациях,
В «бесценных» ассигнациях
На каждый «сей предмет»;

В концессиях с доходцами,
В политике с подходцами,
В сраженьях с инородцами,
В закрытии газет;

В свирепом губернаторстве,
В бесстыдном провокаторстве,
В блистательном диктаторстве,
В чинах и орденах;

В лакеях разукрашенных,
Да в займах непогашенных,
Да в замках семибашенных,
В могилах и крестах! . .

(3 февраля 1906)

63. РУСЬ

Я пришел к тебе с приветом —
Рассказать, что солнце встало
И что ночь кровавым светом
Над землей затрепетала. . .

Что объявлена свобода
(И на истинных началах!),
Что тюрьма полна народа,
И сидят уж в частных залах;
Что с печати все запреты
Сняты, с правды спали гири,
Что закрыты все газеты,
А редакторы в Сибири;
Что земли живые силы
«Не препятствуемы в росте»,
Что растут, растут могилы
Убиенных на погосте. . .
Что и жизнь, и честь, и дома
Граждан власть блюдет безмерно,
Что готовятся погромы
И на Пасхе будут, верно! . .
Что прошла пора морозов
И весна теплом уж веет,
Что в Одессе Карангозов
Штрафы с высылками сеет. . .
Что в судах с бесстрастным взором
Правды с кривдой уж не месят
И что многих приговором
Скоро, может быть, повесят. . .
Что для Думы назначенье
На апрель уж состоялось,
И в военном положении
Всё по-прежнему осталось.

(22 февраля 1906)

64. НЕПОНЯТЛИВЫЙ

— Вы слышали: был бал у Дурново. . .
Прекрасный бал. . . — И что же, ничего? . .
— Как — «ничего»? И пили, и плясали. . .
Играли в винт, и в фанты, и в лото. . .
Так весело. . . — Да нет, я не про то! . .
— Про что же? — Никого не расстреляли?! .

Март 1906

65. ГРАФУ ВИТТЕ

(По Лермонтову)

1

За всё, за всё тебя благодарю я:
За пять тобой обещанных свобод,
За произвол мундирного холоуя,
За тюрьмы, за расстрелянный народ,
За то, что Русь ты обратил в пустыню,
За всё, чем я тобой обманут был!
Но дай господь, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил...

2

Он говорит — и правда тает,
Как деньги в опытных руках...
Глядит — и честь его играет
В его... крестах и орденах...
Идет — угодливы движенья,
Готов он руку всем пожать,
И всем налгать без замедленья,
И всех за лишний грош продать.

(1906)

66. НА СЦЕНЕ

Совет министров

(хором):

- (К публике): Дума будет, без сомненья,
Но нельзя же так спешить!
(В сторону): Три военных положенья
Прикажите объявить!
(К публике): Разве можно так стремительно
Вмиг свободу водворить?
(В сторону): Бунтарей неукоснительно
В «предварилку» посадить...
(К публике): Мы всегда на страже гласности
Сила светлая — печать!..
(В сторону): В целях общей безопасности
«Русь» сейчас конфисковать!

- (К публике): Иностранцам автономию
Мы дадим без дальних слов!..
- (В сторону): На Кавказ для экономии —
Сразу несколько полков!
- (К публике): Нет страшной еврейской повести,
И, проникшись сим грехом,
Мы дадим свободу совести... .
- (В сторону): Сделать в Гомеле погром!
- (К публике): Суд стоит на основании
Неизменно прочных норм... .
- (В сторону): Дайте Мину предписание
Расстрелять без лишних форм!
- (К публике): Ну, конечно, власть ответственна
Пред народом — спору нет!
- (В сторону): Изготовьте соответственный
Губернаторский ответ!
- (К публике): Всё предвидено политикой,
Всё устроит манифест.
- (В сторону): Кто? Союзы? Как? ..
И с критикой? ..
- Посадить их под арест! ..
- (К публике): Скоро вместе эпитафии
Будем прошлому писать... .
- (В сторону): Запечатать типографии,
Всех редакторов сослать!

1906

67. ПАЛАЧЕЙ!!!

(Вопль истинно русского человека)

Тифлис: Казнь Гиашвили отложена
за невозможностью найти палача.

Из газетных телеграмм

Что́ за чудо? .. Нету были
Горше и мрачней:
Чтоб повесить Гиашвили —
Нет уж палачей?! .
Что́ за горе! Что́ за ужас!
Экая напасть! ..
Неужели, понатужась,
Не найдет их власть? ..

Нет, не верю!.. Столько славных
На Руси есть слуг,
В казнях опытных, исправных,
Что ж им — недосуг?..
Боже мой! Аврамов, Жданов,
Сиверс и Курлов,
Ренненкампф и Алиханов,
Риман и Слепцов,
Нейдгардт сам и брат его же —
Всех не перечесть...
Все — годны! Да, правый боже,
Мало ли их есть!
Мало, что ль, у нас казнили:
Занят каждый сук!
А повесить Гиашвили
Так уж нет и рук?..
Ну, коль нету рук свободных
У казенных слуг,
Так поди — у сил народных
Обретется друг.
Вот «Союз людей российских»
Со вся земля, —
Неужель для шей злодейских
Не подаст петли?
Вот «Союз народа» зреет
(Хулиганов тож);
Коль повесить не сумеет,
Так возьмет на нож...
Стыд! Когда жидов лупили,
Были горячи,
А теперь для Гиашвили
Сгибли палачи...
Да поймите, ведь позорен
Этот недочет...
Да на это сам Суворин
С радостью пойдет,
Только б старцу заплатили...
Что ж вам жаль рублей?
Ведь повесить Гиашвили
Нужно поскорей!..
Нет, еще не оскудела
Русская земля:

Руки есть ещё для «дела»:
Не горюй, петля! . .
Взять хотя бы курских земцев,
Павлова хоть взять. . .
Что ж нам, черт возьми, у немцев
Палачей занять?! .

1906

68. ВОСПОМИНАНИЯ

То было раннею весной.

А. Толстой

То было раннею весной. . .
Доверие всходило,
Вооруженною рукой
Власть обществу кадила,
И о свободе золотой
У россов сердце ныло. . .
То было раннею весной,
При Святополке было. . .
На бюрократию пошли
Удалые наезды,
И земцы шумно потекли
На городские съезды.
И было дранье одежд,
И речи, и банкеты. . .
О, рой надежд! О, рой надежд!
О, Дума! О, кадеты!

То было летнею порой. . .
Доверие засохло,
Кадет речистый поднял вой,
И общество оглохло. . .
На ниве Витте — Дурново
Взошли успокоенья;
Сенат, как бог, из ничего
Творил нам разъясненья. . .
И на Руси был глад и мор,
Лидваль и Гурко были. . .
О, жизнь! О, нежный разговор!
О, сказочные были! . .

(29 июля 1907)

69. К ПЕРУ СВОЕМУ

Перо мое! Мой друг неутомимый!
Во имя родины любимой,
Святую гордость затая, —
Смири свой нрав неукротимый:
Ложись на брюхо, как и я!

(Октябрь 1907)

70. ГАДАНЬЕ КОРОЛЯ

Баллада

Тусклый свет в старинном зале.
Пляшет ветер у крыльца,
Дымный месяц чуть горит. . .
И король в старинном зале
Полутемного дворца
Перед зеркалом стоит.
Над дверями белый сокол,
Шелк, картины, ряд знамен.
В глубине зеркальных стекол —
Откровенья всех времен.
Тишина в старинном зале. . .
Тень откинув от крыльца,
Мертвый месяц прояснел. . .
И король в старинном зале
Видит буйный двор отца
И грядущий свой удел.
Лоб покрыли капли пота. . .
С губ сорвался слабый крик. . .
По ступеням эшафота
Всходит царственный двойник.

(1 января 1906)

А. В. ГОЛДОБИН
(Cello)

---

71. «ВЕРХНЯЯ ПАЛАТА»

В большом столичном городе
Стоит отель на площади,
В отеле том во каменном
Всё старики сидят.
Седые старцы, древние,
Дела решают важные,
Порою думу думают,
А больше спят-храпят.
Какая уж работушка
Пойдет на ум, коль каждому,
Больному, параличному,
Без малого сто лет.
Пора б им на прилавочках,
Под одеяльцем тепленьким,
С компрессами, припарками
Лежать да смерти ждать.
Иль улицы столичные
И тротуары скользкие,
Асфальтом замощенные,
«Песочком» посыпать.
Но старцы именитые
На то не соглашаются —
Хотят слыть патриотами,
Отечеству служить.
Чины, оклады крупные
Покинуть им не хочется:

Хоть спим, да в службе числимся
И денежки берем.

А разрешать приходится
Вопросы щекотливые,
И молодым нелегкие,
Не то что старикам.
И вот, с дремотой борючись,
Порою старцы вымолвят
Такое ли решение,
Что смех кругом пойдет.
И старцы то решение
Совета смехотворного
Спешат руками слабыми
Скорее подписать.

С печатью государственной,
Решенье «хитроумное»
Назавтра с почтой утренней
По всей стране летит.
Дивятся обыватели,
Читая то решение, —
Как чепуху подобную
Понять и исполнять?

А старцы вновь собираются
В отель тот богаделенный,
Дела решают, думают,
А больше спят-храпят.
Я всё сказал. Подробнее,
В каком отеле тот городе,
И как он называется,
Сказать я не решусь.

Боюсь, что старцы древние,
Рассвирепев до ярости,
Меня за откровенности
В застенок вдруг запрут.
А потому читателя
Молю смиренным голосом,
Мозгами пораскинувши,
Всё самому решить:

В каком столичном городе
И на какой на площади
Какой отель есть каменный
И в нем какой *совет*.

(21 января 1906)

72. ЭЛЕГИЯ

Когда волнуется краснеющая Дума,
И потолок трещит при звуке ветерка,
И старцев звездный хор из лож глядит угрюмо
Под тенью фиговой зеленого листка;

Когда, кровавою росой окропленный,
Румяным вечером иль в утра час златой,
Зловещим заревом погрома озаренный,
Мне Крушеван кивает головой;

Когда министр, почуявший отвагу
Перед своим восторженным райком,
Какую-то таинственную сагу
Лепечет мне суконным языком, —

Тогда смиряется души моей тревога,
И, затаив мечты о воле и земле
И истребив морщины на челе,
Сквозь потолок я вижу бога.

Март 1907

73. МИДАС

В былые времена наивны люди были,
Как дети малые. С утра и до утра
Толпами цезарей приветствовать ходили
И преданно кричали им «ура».
Так было в древности с народными толпами
В Европе, в Азии — повсюду, где в тот раз
Народом властвовал с ослиными ушами
Неограниченный какой-нибудь Мидас.
В те дни была неведома Свобода,
Еще не наступал век вил и топора.
Среди голодного и нищего народа
Была для цезарей счастливая пора.
Они ведь к подданным добры, Мидасы эти!
С народа нищего сняв тощую суму,
Даруют милостиво кнут, нагайку, плети,
Шпицрутены, оковы и тюрьму.
Судьба-насмешница — коварная персона —
Печальный им готовила удел:
Проказник Фигаро под золотой короной
Их уши длинные случайно подсмотрел.
И вот... прощай, наивная легенда!
Какой с тех пор себя ни окружал
Мидас разгневанный усиленной охраной,
Каким сатрапам власть ни поручал,
Как угрожающе ни шевелил ушами —
Вдали, вблизи, — стоуюстою толпой
Народ кричит упорно пред дворцами:
«Долой, Мидас, долой!»

(1905)

Мудрец сказал: «Все люди — братья!»
Он с вестью радостною к людям поспешил,
Широко им раскрыл объятия —
И пулю в сердце получил. . .

Мудрец! Ты — жертва заблужденья.
На солнце пятна есть, при всей его красе,
И правил нет без исключенья. . .
Да! Люди — братья. . . но не все!!

{1907}

В. А. ДМИТРИЕВ
(Забрало)

---

75. ИЗ АЛЬБОМА ЗАЕЗЖЕГО ИНОСТРАНЦА

По спискам храбрых кавалеров
Есть Алексеев-адмирал;
Хотя он доблести примеров
В войне японской не являл,
Но третьей степенью увешан
И справедливо награжден, —
В России есть такой закон:
«Тех чтить, кто должен быть повешен!»

(Декабрь 1905)

Н. М. Е Ж О В
(Д. К. Л.)

---

76. СОВРЕМЕННАЯ ЧЕПУХА

Утром, в полдень, вечерком,
Поздно на рассвете
Баба ехала верхом
В нанковой карете и т. д.

Утром, в полдень, вечерком,
Поздно на рассвете
Грингмут пишет помелом
В собственной газете.
А за ним в лихую прыть
Жалкими статьями
«Вече» пробует копить
Небеса над нами.
«Гражданин», от света прочь
Вечно пятясь раком,
Аплодировать охоч
Порке, казни, дракам. . .
Куропаткин написал
Дома, ради скуки,
Как с него японец снял
И мундир, и брюки.
Черпосотенцы уху
Вилками хлебали
И у Берга чепуху
В сером «Дне» читали. . .

(Продолжения, кажется, не будет)

(13 января 1907)

||

77. ТОЩАЯ КОРОВА

(Сон не-фараона)

Снилось мне: стоит корова,
занимая треть земли.
И тоща, и нездорова,
и в навозе, и в пыли.

На глазу — бельмо белеет,
глаз другой — подбит слегка.
Волк Буренку пожалеет,
если взглянет на бока.

Между ребрами провалы,
два колодца на пахах.
А по ней толпой немалой
скачут блохи впопыхах.

Скачут, жалят, набивают
жадно область живота.
Сок последний выпивают
из забитого скота.

С бюрократами все схожи
эти блохи. А у ног —
«овсоедов» злые рожи
различить еще я мог.

Меж костлявыми ногами
вымя тощее. К нему
присосались твари сами!
И не счесть их злую тьму.

Уж кого-кого не видно
в жадной своре. Молока
капли жалкие не стыдно
им сосать. Кругом — бока

у Буренки облепили,
словно плесень, словно тля,
все, кто смеет, все, кто в силе,
у кого в руках земля.

Вот сосет, кусает вымя
«патриот» из молдаван,
нарицательное имя:
Паволакый Крушеван.

Гурьев здесь, старик Суворин,
кадры «гвардии полков» —
все, кто жаден и проворен,
кто не в ранге «дураков» . . .

Риман, Грингмут, «Сыр Мещерский»,
дурно пахнущий, плохой . . .
Тут Зубатов, хитрый, мерзкий,
Мин, Фролов, корнет лихой.

Вот упитанный и красный
усмиритель-генерал,
вот стремительно-опасный
«сухопутный адмирал»,

не умеющий эскадры
от крюшона отличить . . .
Все стараются Буренку
от «недугов» излечить . . .

Море крови беспощадно
проливая иногда,
все сосут, нахально, жадно,
без раздумья, без стыда.

Пар от бедной так и валит.
Ноги-палки не стоят.
А ее — кусают, жалят
и бессовестно доят.

Слышно хрипкое мычанье.
Хвост задергался в тоске.
Паразитов замечанье
прозвучало в «уголке»:

«Ишь, туды же, выражает
недовольство скот. Притом —
воздух чистый заражает
размахавшимся хвостом».

Вдруг мычанье стало глуше. . .
Повалилась. . . Погребла
под своей огромной тушей
паразитов всех тела. . .

Похрипела. . . околела. . .
Глянь: шакалы собрались,
набежали. . . Зубы в тело,
в неподвижное, впились.

Всю громаду расхватили —
и рассеялись во мгле.
Лужи крови заблестали,
как озера, на земле.

Вот какие снятся вещи. . .
Что пророчит этот сон?
Он — пустой? . . Иль — грозный, вещий,
как Буренки хриплый стон?

(1907)

В. В. ЖУКОВ
(Апулей)

---

78. СВОБОДА

Испивши массу всяких бед
И изнывая в рамке узкой,
Я прожил ровно сорок лет,
Но не видал свободы русской! . .
Свободы не было! . . Она
Всегда и всюду исчезала,
Как музыкальная волна
В стенах покинутого зала!
Друзья! Я, право, не пойму,
Кто наградил нас злой невзгодой?
Я должен был попасть в тюрьму,
Чтоб ознакомиться с свободой!
Я был в тюрьме. . . Я отбыл срок,
Который судьям был угоден! . .
И от тюремщика лишь мог
Услышать слово «ты — свободен!».

(13 января 1906)

79. ПРОБУЖДЕНИЕ ПОТОКА

Пародия-шутка

1

Граф Толстой Алексей не довел до конца
Свою повесть о храбром Потоке;
Двести лет он заставил проспать молодца
И притом не подумал о сроке.
«Пробужденья его, — он сказал, — подождем,
Что увидит Поток, мы про то и споем».
Но, конечно, Толстой не дождался:
Занемог как-то раз и скончался.

2

На себя я решил ответственность взять
За рассказ о дальнейших событиях,
Но прошу униженно: стихи прочитать
И немедля затем позабыть их,
Ибо я — не поэт, а рассказчик простой,
И, конечно, не так написал бы Толстой;
Он был мастер былинного склада, —
Мне же суть передать только надо.

Дело в том, что Поток мог и больше проспять,
 Если б всё было мирно и гладко;
 Но средь самого сна. . . как бы это сказать? . . .
 На душе его сделалось гадко,
 И нелепый в ушах начался перезвон;
 Встал, глаза приоткрыл и прислушался он:
 За стеной в барабан ударяли
 И на воздух из пушек стреляли!

Удивился Поток: «Что за шум за такой?
 Побежать посмотреть, что случилось?
 Ведь недаром же мне среди ночи глухой
 Безобразное что-то приснилось!
 Да и спать надоело — суставы хрустят,
 Поразмяться могучие плечи хотят;
 Отдохнул я порядком, бесспорно,
 Днем дремать — оно как-то зазорно!»

И на площадь широкою вышел Поток —
 Видит, площадь народом покрыта.
 Слышны крики: «Япония», «Дальний Восток»,
 «Камимура», «Цзинь-Чжоу», «Мутсу-Хито». . .
 Слышит: люди «ура!» иступленно кричат,
 Шапки, зонтики, палки на воздух летят;
 Все поют, все на месте толпятся
 И порой непечатно бранятся.

«Ну, — подумал Поток, — ожидай тут добра,
 Видно, разум у всех помутился», —
 И к тому, кто кричал всех задорней «ура!»,
 Он с вопросом таким обратился:

«Объясни мне, любезный, о чем у вас крик?
Что за новый такой, непонятный язык?
Отчего о порядке не просят?
И кого так нещадно поносят?»

7

«Что ты, что ты, родимый? — он слышит
в ответ. —

Постыдись, неужели не знаешь?
Ты, наверное, друг, ежедневных газет
И ночных телеграмм не читаешь?
Мы воюем с японцами, с желтым врагом;
Познакомятся, бестии, с русским штыком,
Не забудут нас долго макаки,
Мы пропишем им мир — в Нагасаки!»

8

«Погоди, — говорит удивленный Поток, —
Погоди, дай мне с духом собраться!
Кто такие японцы? Где Дальний Восток?
И за что мы должны с ними драться?»
— «Я не знаю, — Поток в ответ патриот, —
Где живет этот самый японский народ,
Слышно, за морем где-то селятся;
Где нам, людям простым, разобраться?»

9

А касательно, значит, причины войны,
То причины известны начальству,
Мы же верить родителям нашим должны:
Нас тому обучают сызмальства». —
Но Поток, возмутясь, говорит: «Погоди!
Больно просто выходит: пошлют, так иди!
Воевать-то и мы воевали,
Но за что и про что — понимали!»

«Виноват! — позади его кто-то сказал
 В чрезвычайно ласкательном тоне. —
 О причинах войны я подробно писал
 В предпоследнем своем фельетоне».
 (Это был публицист, как узнали потом,
 Из играющих ловко газетным листом,
 Помышляющих только о моде
 И меняющих цвет по погоде.)

«Извиняюсь, — сказал он, — что вас перебыю,
 Но надеюсь, что вы не в обиде,
 Я свой взгляд откровенно сейчас разовью
 В популярном, упрощенном виде.
 Для меня, как для русского, в деле войны
 Все причины понятны и цели ясны,
 Пусть шипят государства другие, —
 Цель главнейшая: слава России!

Как вторую причину, могу указать
 На избыток отваги народной,
 А как третью — возможность для нас отыскать
 Выход в море, прямой и свободный!
 За четвертую мы не признать не могли
 Перспективу забрать клочок соседней земли,
 Но при этом, добавлю я в-пятых,
 Просветить азиатов проклятых!

Дальше. . . слава России. . . ах, да! я забыл,
 Что об этом уже мы сказали. . .
 Сил народных избыток. . . и он у нас был. . .
 Выход в море. . . его мы считали? . . .»

— «Погоди! — закричал, рассердившись, Поток. — Ты, я вижу, учен, да в делах не знаток! Слышишь, бают, на славу России Поначалу надежды плохие.

14

А по части избытка отваги и сил
Ты соврал: больно всюду недужно!
Насчет выхода в море и пуще смудрил:
Никакого нам моря не нужно!
Нам не по морю плыть, кораблей не водить;
По земле бы сперва научиться ходить!
И земли-то, кажись, нам довольно. . .
Вот живется не слишком привольно».

15

«Агитатор! — вскричал, побледнев, публицист. — Пропишу, затравлю, загоняю!»
Но Поток говорит: «Что ж, я совестью чист,
Говорю всё, что вижу и знаю». —
Но к нему публицист: «Ты, брат, больно речист,
Посмотрите, ребята, прямой анархист!»
А Поток отвечает: «Не знаю,
Но, конечно, войны не желаю!»

16

Тут все подняли крик, угрожают, шумят,
Наступают густыми рядами;
Слышны крики: «Отечество», «Церковь», «Солдат»
И что кто-то «подкуплен жидами».
Полицейских зовут, намекают на суд,
Кулаками и палками в гневе трясут
И Потока с язвительным тоном
Называют «японским шпионом».

Стало тошно Поток у от этих речей,
 В голове у него помутилось,
 Засверкали огни молодецких очей,
 И тревожное сердце забилося. . .
 Мой читатель, я вижу, давно уже ждет,
 Что Поток, словно сноп, упадет и заснет, —
 Но Поток, рассердясь, заявляет,
 Что он более спать не желает.

Почему не желает он более спать
 И каким таким делом займется,
 Мы и сами того не сумеем сказать, —
 Может быть, в другой раз доведется.
 В этом месте, однако, точь-в-точь как Толстой,
 Слышу также я оклик внушительный: «Стой!
 Стой! он публику только морочит,
 Отвертеться, наверное, хочет!

Почему он, во-первых, в стихах рассказал
 О невеже таком, о Поток?
 И зачем вообще так игриво писал
 О событиях на Дальнем Востоке?
 Что хотел он сказать? Что он мог доказать?
 Как идеи его меж собою связать?
 И к чему он приплел публициста?
 Повторяем: здесь дело не чисто!»

Разумеется, автор ответить бы мог,
 Но молчать себя вправе считает:
 Вольнодумное слово-де молвил Поток,
 Так Поток за него отвечает! . .

Впрочем, я пошутил: соглашаюсь вперед,
Что подобный ответ — не ответ, а обход,
И утешу: не так еще поздно, —
Будет время — отвечу серьезно!

Конец 1904

80. «ЗРИТЕЛЬ»

(Посвящается «Зрителю»)

Я люблю взглянуть на сцену,
Мне забавны лицедеи.
Уплатив за место цену,
Мирно сел я в галерее.
Созерцаю скромным взором
Театральную обитель,
И твердят лакеи хором:
«Вы здесь зритель, только зритель!»

Час проходит. Очевидно,
Что актеры учат роли,
Мне становится обидно,
Я кричу: «Играйте, что ли!»
Услыхав такое слово,
Благочиния блюститель
Наклоняется сурово,
Говоря: «Вы только зритель».

Дан сигнал. Два-три актера
Декламируют жестоко;
Слово каждое суфлера
Ясно слышно издалека.
Я кричу: «Суфлера к черту!»
Появляется служитель
И, приблизив палец кó рту,
Говорит мне: «Тсс... Вы зритель!»

Узнаю не без досады,
Что смотрел уж эту дрянь я:
Перекрашены наряды,
Переделаны названья...

«Стой! — кричу я. — Невозможно!
Стой! Я хлама не любитель!»
На меня глядят тревожно:
«Тише, зритель! Тише, зритель!»

Сыгран акт последний драмы,
Сняты шлемы, шпаги, лнты;
Подрумяненные дамы
Щедро шлют аплодисменты.
Я смотрю на них с укором. . .
Появляется служитель:
«Аплодируйте актерам!
Вы же — зритель! Вы же — зритель!»

Из театра выхожу я
И мечтаю громогласно,
Как друзьям своим скажу я,
Что спектакль прошел ужасно.
Но при выходе из зданья
Ждет меня распорядитель:
«Абсолютное молчанье!
Ради бога! Вы лишь зритель!»

(18 сентября 1905)

81. С.-ПЕТЕРБУРГ

(Отрывок из краткой географии России)

Чем известна, чем гордится
Развеселая столица?
Как поддержит свой престиж
Русский Лондон и Париж?

Александровской колонной,
Кавалерией салонной,
Медной статуей Петра
И конюшнями двора;

Правоведами в корсетах,
Хулиганами в манжетах,
Петропавловским мешком
И Семеновским полком;

Дурново. Рис. 3. Гржебина.

Коконцев. Рис. Б. Кустодиева.

Всей полицией угрюмой,
Государственной думой,
Резиденцией царя
И Девятым января;

Нововременской крамолой,
Заколоченною школой,
Ожиданием «конца»
И решеткой вокруг дворца;

Униженьем человека,
Совещанием Кобека,
Храмом начатым Христа
И актрисой Балетта.

(11 декабря 1905)

82. БЛАГОДАРЮ

Романс

За то, что на войне, играя в прятки,
Храня присягу, данную царю,
Врагу вы дерзко показали пятки,
Благодарю.

За то, что вы нагайкою и пикой
Встречали обновления зарю,
За ваше зверство, за разгул ваш дикий
Благодарю.

За то, что женщин храбро вы рубили,
Что старикам кричали: «Запорю»,
За то, что граждан мирных победили,
Благодарю.

Служите ж верой-правдою до гроба,
О вас молитву к небу я творю;
А за разбой, за наглость вас особо
Благодарю.

(11 декабря 1905)

83. ГОРОД И ДЕРЕВНЯ

(Вольное подражание *Верхарну* и *Метерлинку*)

1. ГОРОД

О, этот город на берегу реки
И его дома, трижды обысканные!
И эти городовые, стоящие на углах!
Их свирепые лица, непечатная ругань!
О, эти храмы! Они недостроены.
О, терема — без обитателей,
И эти офицеры, стреляющие в штатских,
В безоружных штатских (там, в ресторанах)!
И вы, закрытые двери университета!
И ты, стоящий возле них пристав!
И эти сыщики! Этот цвет гороховый.
И эти казаки! Ах, эти казаки,
Эти ужасно храбрые казаки!

2. ДЕРЕВНЯ

О деревня, о ты, трижды тихая,
О ты, трижды тихая деревня!
Там пригорки, а здесь ручейки. . .
И этот толстый помещик! Эти худошавые
крестьяне!
Их худошавые лошади и коровы,
И их вилы, их железные вилы,
Их остро наточенные топорики!
Эта школа! (Она не протоплена).
Это поле! (Оно не засеяно).
И там, вдалеке, волостное правление
(О, не ходите туда, не ходите!).
И этот старик, сидящий на завалинке. . .
(Он только что выпорот).
И эти казаки! Ах, эти казаки,
Эти ужасно храбрые казаки!

Январь или февраль 1906

Ой, полна, полна коробушка. . .

Некрасов

«Ой, полна тюрьма пред Думою,
Есть эсеры и ка-де!
Что мне делать — не придумаю,
Помогите, граф, в беде.

Тюрьмы строим мы немалые,
Их заводим без числа,
Но итоги небывалые
Конституция дала».

Витте бережно торгуется:
«Нам, мол, денег негде взять. . .»
Дурново шумит, волнуется,
Предлагает всех сослать.

Знает только жандармерия,
Как поладили они. . .
Смолкни, голос недоверия,
Графа строго не вини!

(6 марта 1906)

85. ПРОЩАНИЕ

В этом очерке правдивом
Я намерен рассказать,
Как прощался Фридрих Купфер,
Молодой штеттинский немец,
С огорченною супругой,
Перед тем как совершить
Путешествие в Россию.

Уезжая из Штеттина
По делам торговой фирмы,
Прусский немец Фридрих Купфер
Говорил своей супруге,
Добродетельной Шарлотте:

«Друг бесценный, радость сердца! . .
Еду я в страну жандармов,
Губернаторов Курловых,
Адмиралов Чухниных.
Еду я туда, где Витте
Конституцию проводит
И где графу в этом деле
Помогает Дурново.
Друг бесценный, радость сердца!
Еду я в тот край пустынный,
Где медведей и казаков
Можно встретить в городах.
Обними меня, Шарлотта,
Горько плачьте, Фриц и Карльхен!»
Заливаясь слезами,
Кротко мужа умоляла
Златокудрая Шарлотта:
«Радость сердца, добрый Фридрих,
Отложи свою поездку
В незнакомую страну!
Кто жену твою поддержит,
Кто детей твоих прокормит,
Если Мин тебя пристрелит,
Если Грингмут очернит?»
Но, потея от натуги,
Отвечал ей честный немец:
«Дорог мне и Фриц и Карльхен,
Ты дороже их обоих,
Но дела торговой фирмы
Для меня важней всего!»
— «Если так, — сказала кротко
Огорченная Шарлотта, —
Если так, то ты, конечно,
Дашь себя застраховать?»
— «Был я в обществе «Колумбус», —
Отвечал ей Фридрих Купфер, —
Был я в обществе «Колумбус»,
Всё подробно объяснил.
Надо мною посмеялись
И сказали: «Тех, кто едет
По делам торговой фирмы
На Луну или в Россию,

Мы от смерти и увечья
Не беремся страховать!»
Что поделать? Надо ехать! —
Помолчав, прибавил Фридрих. —
Обними меня, Шарлотта!
Фриц и Карльхен, не реветь!
Из страны медведей бурых
Привезу я вам игрушки:
Две казацкие нагайки,
Полицейских два свистка!
Полно плакать, радость сердца!
Уложи белье в корзину,
Не забудь в дорожный ящик
Больше мыла положить!»

(1906)

86. ВСЕРОССИЙСКИЙ «ДЕРБИ»

(Из недавнего прошлого)

Над Россией резво вьются
С диким кличем казаки.
Громы пушек раздаются,
И торчат везде штыки.
Отчего пальба и клики
Над родимою Москвой
И дрожит Иван Великий,
Потрясаемый пальбой?
И гремит над златоглавой
Канонада тяжело,
И Москву-реку кровавой
Пеленой заволокло;
И охвачен весь смятеньем
Прибалтийский бедный край,
И грохочут с упоеньем
Пулеметы то и знай;
И несутся, слышно, с юга
Стоны, жалобы, мольбы,
Вопли ужаса, испуга,
И страданья, и борьбы?
И свистит повсюду грозный
Злобный бич неумолимо, —
Это праздник грандиозный
Уходящего режима!
Пред уходом, на прощанье
(Уж таков его каприз),
Он устроил состязанье:

Скачку дикую на приз!
Двести тысяч — приз великий,
Головой иной рискнет, —
И на резвость в злобе дикой
Состязание идет.
Своего чтобы добиться,
Не щадят здесь никого;
Вот карьером буйным мчится
На «*России*» — Дурново.
Шпоры он в нее вонзает —
Из-под них струится кровь;
Он на это не взирает,
Взгляд суров, не дрогнет бровь.
И, далеко отставая,
Чуть плетется под хлыстом
«*Конституция*» хромая
И с подрезанным хвостом;
И на «*куцей*» восседает
Витте, странный как всегда, —
То ее он погоняет,
То затянет повод.
Обгоняя графа Витте,
Скоро будет во главе
Трепов сам на «*Фаворите*»;
Вот Дубасов на «*Москве*».
И, привыкший к вольной шири,
Мчится, всё топча кругом,
Закомельский на «*Сибири*» —
Он с Гродёковым вдвоем.
Карангозов — на «*Одессе*»,
На «*Очакове*» — Чухнин,
И Акимов-друг на «*Прессе*».
На «*Преснё*» — полковник Мин.
Мчатся в диком опьяненьи,
Всё сильнее их азарт, —
Горько будет отрезвленье:
Вот уж близок, близок старт!

87. СТЕНЫ КАИНОВЫ

И рече ему господь бог: не тако:
всяк убивый Каина, седмижды от-
мстится. И положи господь бог зна-
мение на Канне, еже не убити его вся-
кому обретающему его.

Вас Каин основал, общественные стены,
Где «не убий» блюдет убийца-судия!
Кровь Авеля размочит ваши плены,
О братстве к небу вопия.

Со Смертию в союз вступила ваша Власть,
Чтоб стать бессмертною. Глядите ж, люди-братья!
Вот на ее челе печать ее проклятья:
«Кто встал на Каина-убийцу, должен пасть!!»

(1906)

СТѢНЫ КАИНОВЫ.

П. А. КАЗАНСКИЙ
(Премудрая крыса Олуфрий)

---

88. ПИР ПРЕМЬЕРА

Над Невою резво вьются
Все знамена всех полков;
По столице раздаются
Громко песни казаков.
У премьеры пир веселый,
Речь гостей хмельна, шумна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.
Что же празднует великий
Граф по милости творца?
Отчего пальба, и клики,
И казаки у дворца?
Озарен ли честью новой
Русский штык иль русский флаг?
Того ли разбит суровый?
Мира ль просит грозный враг?
Иль в отъятый Нагасаки
Небогатов прибыл сам
И побитые макаки
К русским падают ногам?
Годовщину ли Портсмута
Хочет чашей он почтить,
День, когда родную смуту
Миром он хотел убить?
Нет, он с Треповым мирится!
Либеральную волну
Отгоняя, веселится,
Чашу пенит с ним одну!

Он в чело его целует,
Весел сердцем и душой;
Мировую торжествует
Точно праздник он большой!
Оттого-то шум и клики
В залах пышного дворца —
И пальба, и гром музыки,
И казаки у крыльца!
Оттого душа премьера
Бурной радостью полна
И «идея полумеры»
Навсегда осуждена!

1906

89. ЭПИТАФИЯ

Здесь Трепов погребен. Вреда он сделал **много**
«Патронов не жалел», свободу он губил;
Но мы судить его не будем слишком строго —
Свободе послужил и он, хотя немного:
...Он от себя страну теперь освободил.

1906

Г. Я. КАЙЗЕРМАН
(Косарь)

---

90. ХИТРЫЙ ДОМОВЛАДЕЛЕЦ

Басня

«Послушай-ка, отец! Ужель тебе не стыдно?
На наш невзрачный старый дом
Со стороны глядеть обидно!
Давно пора б ему на слом. . .
И некрасив, и ветх, и тесен. . .
Забором ни к чему обнесен. . .
В квартирах душно. . . Во дворе
Темно и мрачно, как в дыре!
Ну, что б нам скрыть его совсем до основанья
И новый выстроить, так — этажей в пять-шесть?
Ведь только было бы желанье,
А средства. . . средства есть! . . .
Последуй дельному совету:
Снеси скорее рухлядь эту.
Начни-ка строиться, и скоро, в добрый час,
Не дом — дворец тут вырастет у нас!»
Так дети умные резонно говорили
И столько раз упорно заводили
С отцом всё тот же разговор,
Что наконец как будто убедили.
Домовладелец мой, однако, был хитер!
И вот, решив такое дело,
Чтоб совершить его умело,
Он с управителем тайком
Потолковал о том о сем,
И, обсудив вопрос детально,
Они пришли к тому, что дом
Построен прадедом покойным капитально,
Что старых стен нет нужды разбирать

И память предка оскорблять,
А можно новые на них же воздвигать. . .
На том и кончили. . . Строитель план составил
(Три этажа к наличным двум прибавил),
В карман задаток положил
И по весне к постройке приступил.
Работа живо закипела. . .
Едва лишь осень подоспела —
Ан глядь — уж дом готов почти!
Осталось крышу навести. . .
Домовладелец рад, ликует:
«Пускай меня, кто хочет, критикует,
А всё же предо мной
Любой
Из наших умников спасует.
Вот срой фундамент я — вдвойне
Постройка обошлась бы мне,
А толку что? Одна забава!
Лишь капиталов перевод
Да без доходов лишний год!»
Строитель, подмигнув лукаво,
Собрался что-то говорить,
Но только что успел он рот раскрыть —
Как вдруг — ужасное смятенье! . .
Не то пальба, не то землетрясенье,
Гул, треск и грохот, пыль столбом —
И в прах обрушился пятиэтажный дом!

Слышал я (это — между нами!),
Что строить новый дом взялись уж дети сами. . .
(*Январь 1906*)

91. КВАРТЕТ

Басня

Свинье с Лисой, Акуле и Вампиру,
Чтоб делом послужить нарушенному миру
И вместе с тем пленить искусством свет,
Взбрело на ум сыграть квартет.
А так как в нынешнем народе

Простая музыка давно уже не в моде
И слушать их не стали бы (как знать?),
То на обычных инструментах
(Чтоб не сплошать в своих экспериментах)
Они решили не играть.

И вот, настроив слух согласно камертону,
Как подобает пустозвону,
Лиса присела к телефону,
Свинья в свой грязный «пяточок»

Взяла обернутый докладом гребешок,
Акула, в чайньи награды,
Схватила пушку и снаряды,

А кровосос Вампир — чудесный пулемет.
«Ну-с, по местам! По данному приказу, —
Кричит Лиса, — все начинаем сразу. . .
Играем, помните, без нот.

И чур — не отставать! . . . Хоть мы, кажись, и спелись,
Но, может быть, не так уселись. . .
Глядите ж в оба. . . Раз, два — пли!!!»
И запалили, и пошли. . .

Волнами понеслись спасительные звуки.
Всё было в них: страдания и муки,
Зубовный скрежет, свист плетей,
И тихий стон загубленных детей,
И песни стройные свободы.

От громовой пальбы дрожали неба своды
И замерли окрестные народы. . .

Случилось Ворону поблизости лететь.
«Привет вам, — говорит, — бояре-музыканты!
Явили подлинно вы редкие таланты. . .
Не здесь бы с ними вам сидеть!

Уж больше двух веков летаю я по свету
И слышал музыку всех видов и сортов,
Но — верите ль? — скажу без лишних слов:
Таких зверей, таких скотов
На свете не было и нету. . .
Виват, виват вам, бью челом!

Однако же, как друг, напомню об одном
И мог бы привести вам веские примеры:
Где музицируют без меры,
Там дело не всегда кончается добром!»

(1906)

Жалкий варвар, деспот бледный, царь несчетного народа,
Слышишь хохот мой победный?! Я — великая свобода!»
Громче бури грохотанье. . . С темной думой на челе,
Царь стоит, как изваянье, неподвижно на скале. . .

(1905)

93. БАЛЛАДА О ПРЕМЬЕРЕ

Когда в разгар борьбы суровой
Граф Витте нежным голоском
Вдруг запоем о жизни новой,
Наобещав тебе притом
Свобод, и прав, и льгот не в меру, —
    Не верь премьеру!

Когда, томимый безденежьем,
Граф Витте уверять начнет,
Что он с Москвой и с побережьем¹
В ладу незыблемом живет,
И скажет: «Денег дай на веру!» —
    Не верь премьеру!

Когда с улыбкой и с подходцем
Граф Витте вдруг заговорит,
Что бунт затеян инородцем,
Что патриотам надлежит
Не следовать его примеру, —
    Не верь премьеру!

Но если, в бой вступив неправый,
Граф Витте грозно закричит,
Что он зальет волной кровавой
Всю Русь, что он ее сразит,
Закутав в дым, в огонь и в серу, —
    Поверь премьеру!

(4 января 1906)

---

¹ К сожалению, автор не указывает, какое побережье он имеет в виду: черноморское, прикаспийское, приморское или прибалтийское? Но смысл фразы от этого не изменяется.

94. ЖАЛОБНАЯ ПЕСНЯ

(Памяти правительства фон Плеве и К^о)

Жил на свете я без горя,
Жил богато, сановито,
Да сгубил мой век неожиданно
Мутсухито.

Для морских своих прогулок
Я завел себе корыто.
Потопил его в Артуре
Мутсухито.

У меня мошна доверху
Серебром была набита.
Обобрал ее в Портсмúте
Мутсухито.

Что в избе моей творилось,
От людей всё было скрыто.
Да открыл мои секреты
Мутсухито.

Мне никто помочь не может.
Сердце злобою облито.
А уста клянут нещадно
Мутсухито.

(4 января 1906)

95. ЧЕСТНОЕ СЛОВО!

Куплеты

Нам свободы дали
И в тюрьму послали.
Честное слово!
Но это не ново.
Если б манифесты
Не влекли аресты —
Это было б ново,
Честное слово!

Наш кредит потеряю,
В этом всяк уверен.
Честное слово!
Но это не ново.
Если бы соседки
Слали нам монетки —
Это было б ново,
Честное слово!

Хлещут нас нагайки
Днем и без утайки.
Честное слово!
Но это не ново.
Если б тех хлестали,
Кто закон попрали,
Это было б ново,
Честное слово!

Извелись крестьяне
В вечном голоданьи.
Честное слово!
Но это не ново.
Если б дать им волю
Да земли на долю —
Это было б ново,
Честное слово!

Как забит писатель,
Знает лишь создатель,
Честное слово!
Но это не ново. . .
Если б я, примерно,
Избежал Шпалерной —
Это было б ново,
Честное слово!

(1906)

М. С. КАУФМАН
(Черт Лиловый)

---

36. ЗАХОЧУ — ПОЛЮБЛЮ

Пенки сняв с портсмътских дней,
В обаяньи моды,
Подарил нам граф Сергей
Маргарин свободы...
    Захочу — полюблю,
    Захочу — разлюблю
и т. д.

Мы, не чуя ничего,
Прыгали как дети,
А граф Витте с Дурново
Съел свободы эти.
    Захочу
и т. д.

Изощрением ума
Русского Барнума
В обеспеченье займá
Учредилась Дума...
    Захочу
и т. д.

Депутаты, олевев,
Кабинет ругали...
Загорелся в «сферах» гнев —
Думу разогнали!..
    Захочу
и т. д.

Ну-с, а денег нет и нет —
Не дают французы,
Вновь поставил кабинет
Выборные лузы. . .
Захочу
и т. д.

Левых в тюрьмы рассадил,
А других ослабил,
Всем служилым запретил
И крестьян посбавил.
Захочу
и т. д.

Снова Думушку собрать
Твердо обещают. . .
Но теперь не будут гнать —
Прямо расстреляют. . .

(23 ноября 1906)

97. ПЕСЕНКА

Собрались однажды в Думу
Люди думные,
Говорили там кум куму
Речи умные.
И решили, чтоб без шума
Словопрения,
Благо ведала бы Дума
Населения.
«Позабыли бы крестьяне
Злую долюшку,
Получили бы крестьяне
Земли вволюшку.
И мозолистые руки
Да рабочие
Не губили бы от скуки
Все охочие.
И даров бы Русь святая
Всем отвесила.

Всем от края и до края
Было б весело».
Подписавши, с места встали
Люди думные.
Молодые заплясали
Пляски шумные.
И в ладошки паки-паки
Все захлопали.
· · · · ·
А потом пришли казаки,
Всех и слопали.

1906

98. ШАРИКИ

Эй, шарики, сударики,
Скажите-ка вы мне,
Что делали, что видели
В предвыборной войне?
Вы видели ль, приметили ль,
Как грозный становой
Водил у темных ящиков
Крестьянскою рукой?
Как генерал блистательный
«Больших» в тюрьму сажал,
А «малых» пулеметами
Класть вправо заставлял?

А шарики, сударики,
Лежат себе, лежат,
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят.

Вы видели ль, как вешают,
Стреляют без суда
Всех тех, кто мог вас, шарики,
Отправить «не туда»?
Как пьяный черносотенец
Подкупленной рукой
Вас загребает, шарики,
Пред выборной войной?

А шарики, сударики,
Лежат себе, лежат,
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят.

Вы видели ль, как силушка
Чумазого растет
И как чрез вас он, шарики,
Упорно в Думу прет,
Как бедные обижены
И властвует богач,
Как богача и бедного
Зажал в кулак палач?
Как из-за вас, о шарики,
Кровь льется на Руси,
Как в хайло шуки жадное
Полезли караси?
Вы слышите ль, как близится
Весенняя гроза,
Вы знаете ль, чем скажется
Народная слеза? . .

А шарики, сударики,
Лежат себе, лежат,
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят.

99. ДЕВОЧКА ДУМА

(Сказка для маленьких детей)

Довольно тихо и совсем без шума
У матушки Руси родилась Дума,
И наскоро она одета
В мундирчик узенький и новенький «кадета»;
Но милому, послушному ребенку
Уже готовит бабушка Реакция пеленку;
Кроватька стелется пока не жестко,
Но куплена уж дедой Трепой соска,
Чтоб молочком ребеночка кормить,
А в случае чего и рот ему забить...
Вокруг дитяти много нянюшек прилежных,
Чтобы хранить ребеночка от дум мятежных,
У каждой в кумовьях — о, не городской,
А околodочный, а то и «набольшой».
Папашей куплены превкусные конфетки,
Но для послушного и умненького детки,
А если шалости он вздумает завести,
То для него и розги есть...
Итак, у матушки Руси без шума
Родилась девочка, дано ей имя — Дума!

Читатель, я даю совет:
Коль у тебя есть сын кадет,
То не стриги ты этому ребенку,
Как остальным, головку под гребенку,
А то тебя презреньем заклеят,
Пе-пекой назовут и скажут: «Бюрократ!»

1906

А. А. К О Р И Н Ф С К И Й
(Аполлон Рифмачев; Фебуфис)

---

100. СТОЛИЧНЫЕ РИФМЫ

В божий храм веду сестру ли —
Всё патрули да патрули!

В гости к дядюшке Петру ли —
Всё патрули да патрули!

Кучер громко скажет «тпррру!» ли —
Всё патрули да патрули!

Нос нечаянно потру ли —
Всё патрули да патрули!

Октябрь или ноябрь 1905

101. РЫЦАРЬ НАШИХ ДНЕЙ

Ода-баллада

Ротмистр фон Сиверс! Тебя я пою, —
Славы ты Мина достоин;
Ты показал в Прибалтийском краю,
Что ты за доблестный воин! . .
Взявши в пример голутвинский расстрел,
Словно на диких японцев,
Вместе с отрядом своим полетел
Ты на смиренных эстонцев.¹
Перновский, Феллинский взял ты уезд,
Юрьевский и Везенбергский, —
Лихо себе зарабатывал крест
В битве с «крамолою дерзкой».

---

¹ См. телеграмму из Юрьева в 359 № «Слова».

Села-деревни ты сам поджигал,
В дыме веселых пожаров
Каждому жителю ты рассыпал
По сту, по двести ударов.
Розги и пули свистали, когда,
Верен великому делу,
Ты присуждал без допроса-суда
Целые семьи к расстрелу:
Женщины, дети — расстреливал всех
(Кажется, даже и вешал!);
Славной победы блестящий успех
Душу геройскую тешил. . .
Кончил фон Сиверс свой смелый наезд,
Край усмирил изуверский, —
Юрьевский, Феллинский взял он уезд,
Перновский и Везенбергский.
Поняли все в Прибалтийском краю,
Что́ он за доблестный воин. . .
Рыцарь фон Сиверс! Тебя я пою. . .
Ты — славы Мина достоин! . .

1906

102. НАШИ СВОБОДЫ

Свобод российских не понять,
Чужим аршином их не смерить,
У них особенная статья,
В свободы наши *надо верить!*

1905

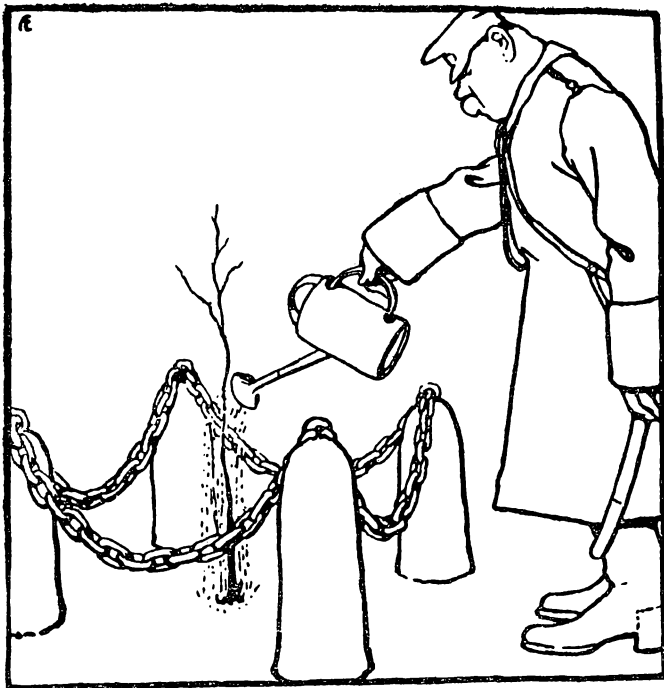
103. К ИХ УХОДУ

Они уходят!
Восплачем, братцы!
С слезой горючей
Заглянем в святцы.

Постом да будет
Их день ухода,
Постом сугубым
Всего народа.

Они уходят!
О горе, горе! . .
Я вижу слезы,
Какое море!

Рыдают справа,
Рыдают слева,
Вражды не слышно,
Не видно гнева. . .

Древо российской свободы. Рис. Л. Евреинова.

Они уходят!
О братья, братья!
Клонитесь долу
Все без изъятья.

Молите небо,
Чтоб не споткнулись,
Ушли счастливо
И... не вернулись!

Апрель 1906

104. КТО ОНИ?

Их только два,
Их всякий знает.
О них молва
Не умолкает.

Один, встречая,
Вас очарует,
Наобещает
И поцелует.

Другой же в «стиле»
Совсем отличном,
Не любит пыли
Пускать публично.

Глазком заметит,
Гонца спровадит,
Без шуму встретит
Да и *посадит*.

1906

105. ВПОВЬ НАЙДЕННЫЙ ВАРИАНТ А. С. ПУШКИНА

У лукоморья дуб зеленый,
Повит цепями исполин.
Там днем и ночью слышны стоны;
То стонет русский гражданин.

Пойдет направо — штык находит,
Налево — пуля засвистит,
Там Дурново... там Мины бродят...
Дубасов на ветвях сидит...

(1906)

106. РОДНАЯ ФЕМИДА

Она покорна,
Хранит упорно
Закон один:
«Лозою гибкой
Склонись с улыбкой,
Где господин».

Прикажут — будет,
Сошлет, осудит,
Черно — бело...
А нет, так мимо...
Невозмутимо
Ее чело.

Какое дело,
Что правды смелой
Там кто-то ждет?..
Она рабыня,
Ее святыня —
Хвала господ... .

(1906)

107. «ОХРАНА»

Бежит прохожий,
Бежит и плачет:
«Великий боже,
«Охрана» скачет!»
Несется дикий
Зловещий гик,
Родя великий
И стон, и крик.

Побои, раны,
Плоды «потех»,
Оравы пьяной
«Победный» смех,
Он душу гложет,
А сердце плачет...
Беги, кто может,
«Охрана» скачет!

(1906)

108. ЭТО БЫЛО...

Это было, господа,
Во Дворянском зале;
Депутаты, как всегда,
Мирно заседали.

Алексинский, тих и мил
И корректен строго,
«Нет бо власти, — говорил, —
Аще не от бога».

Церетели призывал
К помощи послушной...
И Столыпину послал
Поцелуй воздушный.

Жаждой воли обуян,
Распевал публично
«Марсельезу» Крушеван,
Распевал — отлично.

И ее же в общий тон
Подтягали справа.
Пуришкевич и Платон
«Бис, — кричали, — браво!»

А Кокóвцев и премьер
Флагом потрясали,
Лобызались с С. Р.
И «долгой» кричали.

Лишь кадеты, как всегда,
Соловьем не пели. . . —
Это было, господа,
Первого апреля.

Март 1907

109. ПОЧАЕВЦЫ

Келейники смиренные,
Служители Христа,
Отверзли вдохновенные,
Глубоко умиленные
Медовые уста.
Отверзли, и полились
Святые словеса.
Пасомые дивилися,
Дивилися, крестилися,
Шептали: «Чудеса!»
Звучала речь. . . высокая,
Звучала до сих пор.
По мысли однобокая,
Погромная, жестокая,
Как сам Илиодор. . .
«Доколе же, о братие, —
Кселейник поучал, —
С жидами без изъятия
Не кончим?» — И проклятия
Он дико изрыгал.

.....
О иноки смиренные!
Святые, вдохновенные,
От мира удаленные,
Далекие от лжи.
Не лучше ли прямехонько,
Прямехонько, скорехонько
Схватиться за. . . ножи?!

1907

110. МОДНОЕ СЛОВЕЧКО

Духом общество воспрянуло:
«Дума есть у нас кадетская,
Там недаром совещаются —
Не забава же то детская!»
В самом деле думцы думают
И на грустные явления
Реагируют по-своему.
Ряд примеров в пояснение:
...Стала фабрика. К хозяевам,
Чтобы день рабочий сбавили,
Забастовщики из выборных
Депутацию отправили...
На пути казаки встретились...
В лоск избита депутация!
А кадеты отзываются:
«Внесена интерпелляция!»
...В деревушке Недоеловой
Мужики заволновались —
Запахали землю барскую,
Но... казаки показались —
«Пять убито, десять ранено»...
Дорога «экспроприация»!..
А кадеты отзываются:
«Внесена интерпелляция!»
...Смертной казнью чрез повешенье
Суд военный расправляется,
А проект уничтожения
Этой казни... «обсуждается»!

Пятерых на днях повесили:
«Неприемлема кассация!»
А кадеты отзываются:
«Внесена интерпелляция!»
... В Белостоке тьма замученных,
Как в эпоху инквизиции.
Три дня грабили и резали,
При участии полиции.
Дыбом волосы становятся —
Всем ясна здесь провокация!
А кадеты отзываются:
«Внесена интерпелляция!»
... Мы бы кое-что добавили,
Да боимся конфискации:
Ведь за нас-то не заступятся,
Не «внесут интерпелляции»!

Июнь или июль 1906

111. НА ТЕМУ ДНЯ

Плохо в России живется.
В банках, в торговле застой.
Рушатся старые фирмы,
Тают, как льдины весной. . .
В кризисе общем лишь только
Два предприятия цветут,
И небывалую прибыль
Эти два дела дают.
Чтобы не быть голословным,
Я укажу на пример:
Спрос на веревки — бесспорен,
Спрос на гробы — выше мер.

(1906)

112. ВЗДОХ СОВРЕМЕННОКА

Словно как в лесе я,
Нервен, что акция. . .
Слева — репрессия,
Справа — реакция. . .

(1905)

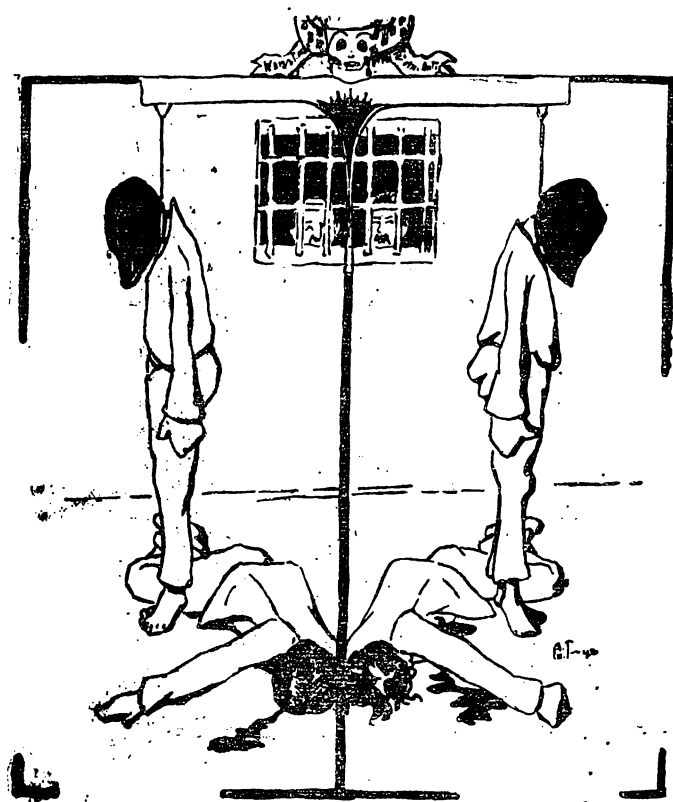
113. ДВОЕ

Когда *Кольку* мать рожала,
Яровое она жала.
Мать — мужицкая жена:
Повитуха не нужна.
Генеральша так страдала,
Когда *Коленьку* рожала,
Что метался генерал,
Лейб-хирург воспринимал.
В доме *Колю* все любили,
Коле к праздникам дарили
Заграничные игрушки —
Барабаны, ружья, пушки.
Тяжка больно *Кольку* драл,
Колька рыжики собирал,
В мясоед хлебал горох,
В бане парился от блох. . .
Колю в корпусе военном
Несомненный ждет успех.

Колька мастер стал отменный,
Красит стулья под орех.
Падэспань и кэк-уок,
Финь-шампань, клико, лафит,
Пробки рвутся в потолок:
Коля-прапорщик кутит...
Воет, стонет «итальянка»,
Колька пляшет трепака,
«Глянть — видна души изнанка!»
Под хмельком и жизнь легка...
Коля вырос, возмужал —
Деньгам нету перевода...
Колька третий день не жрал,
Кольку выгнали с завода...
Кольку думы одолели,
Высох парень как скелет.
Коля кофе пьет в постели
И читает тощий «Свет».
Колька с флагом пред толпою:
«Эй, ребята, к черту бар!»
Коля храбро двинул к бою
Роту целую гусар.

.....
Кольку братская могила
На кладбище приютила...
Nicolas в большом фаворе,
Генералом будет вскоре!..

(13 мая 1906)

ДВА РЕЖИМА.
Какая страшная разница!

Два режима. Какая страшная разница! При Певе. При Вите. Рис. А. Тавица.

И. М. ЛЕВИНСКИЙ
(Гарольд)

---

114. ОСЕННИЕ МОТИВЫ

Вянет лист. Проходит лето.
Иней серебрится.
И о смене кабинета
Робко говорится.

Вянет лист. Проходит лето.
Меркнет блеск лазури.
И опять поет газета
Нам о диктатуре.

Вянут мысли о свободе,
И чернеют тучи.
Ряд репрессий снова в моде, —
С каждым днем всё круче.

Пессимист глядит угрюмо,
Полн сомнений жгучих:
Возвратится ль снова Дума,
Ждать ли дней нам лучших?

Скоро ль глянет луч рассвета?..
Долго ль тьма продлится?..
Пессимист из пистолета
Хочет застрелиться.

Погоди, безумец!.. снова
Дума возвратится!..
Скоро жизнь, честное слово,
Может измениться!

Вянет, чахнет лист газетный. . .
Нет нам благодати. . .
И, как прежде, плод запретный —
Воля для печати.

Черной сотни визг неистов,
«Монархист» хохочет.
Журналист из пессимистов
Застрелиться хочет.

Погоди, безумец! Снова
Пресса оживится.
Пессимист, свобода слова,
Верь мне, возвратится.

Июль или август 1906

115. НЕВОЛЬНОЕ ПРИЗНАНИЕ БЮРОКРАТИИ

Страсть тая к старинным нормам,
Я нашла себе дорожку,
Я иду теперь к реформам
Понемножку, понемножку. . .

Я порой слагаю оды,
Гимн пою либерализму,
Подвергая все свободы
Остракизму, остракизму.

Отпускаю часто сумму
В интересах мыслей здравых,
Провести желая в Думу
Только «правых», только «правых».

Департамент всё исчислил:
Ум народа, право, детский. . .
Не позволю, чтоб он мыслил
По-кадетски, по-кадетски.

Что́ мне разные препоны!
В ход пускаю без стеснения,
Коль не нравятся законы,
Разъяснения, разъяснения!

Я люблю нововременцев,
В том клянусь прабабкой Евой,
Я считаю «обновленцев»
«Крайней левой», «крайней левой»...

На эсеров негодуя,
Обновить нам строй я целю.
И при этом руку жму я
Булацелю, Булацелю...

Недомолвки и неясность
Я считаю мерой странной,
И люблю я очень гласность
«Под охраной», «под охраной»...

Дать сама я всё желаю,
На парламент глядя гневно,
Я законы сочиняю
Ежедневно, ежедневно...

Чтоб прогресс свершался быстро,
Я стою теперь, не скрою,
За ответственность министра
Пред собою, пред собою...

Дать ответ министр обязан,
Но отнюдь не депутатам,
А тому, с кем тесно связан, —
Бюрократам, бюрократам...

Признаю «ответ» лишь этот.
Он игре подобен в «жмурки»,
Применен подобный метод
В деле Гурки, в деле Гурки...

Я корректность соблюдаю
И веду себя по-светски...
Обещанья исполняю
По-турецки, по-турецки.

Ноябрь 1906

116. ПЕРВЫЙ РОМАНС

*(На мотив «Ночной зефир струит эфир.
Шумит, бежит Ёвдалквивир...»)*

Вот реакция восходит,
Тише... чу... бунтарь притих...
Знать, Столыпин страх наводит
На крамольников лихих.
Смолк думцев рой
С их смутой злой.
Стоит,
Свистит
Городовой.

О премьер наш идеальный,
Ты на Русь узду надень!
Сбрось ты плащ свой либеральный
И явись как яркий день!
Смолк Думы крик,
Стих бунтовщик...
Глядит,
Страшит
Жандармский лик.

В либеральную мантилью
Ты, премьер наш, не рядись...
Слушай донну Камарилью
И направо повернись!
Восторг какой!
Кругом покой;
Шумит,
Бежит
Жандарм лихой.

Для чего нам депутаты?!
Мы с культурой не дружны...
Нам нужны лишь бюрократы,
Нам субсидии нужны.
Ночь... царство сов...
Нет голосов...

Стучит,
Гремит
Тюрьмы засов.

Иногда змея сомненья
Просыпается в груди:
Мчатся быстрые мгновенья,
Что-то будет впереди?
Сгинь, солнца луч!
Нам мил рой туч...
Звенит,
Гремит
Тюремный ключ.

Присмирили вольтерьянцы...
Сорвалось... что делать им!...
Но смущают нас финляндцы,
Красный Кок неукротим.
Нам красный Кок
Пошел не впрок...
Шумит,
Бежит
Сыскной Лекок.

Восклицает «пэр» Суворин,
Огорчен и возмущен,
Что Герард был непроворен,
Распустил финляндцев он.
Суворин-бард
Пришел в азарт...
Шумит,
Кричит,
Что плох Герард.

Расплодилось хулиганы,
Сонмы рыцарей ночных.
Очень многие карманы
Пострадали из-за них.
Ночной разбой,
И крик, и вой...

Молчит,
Храпит
Городовой.

Вот вошла луна золотая. . .
Чу, жандармской шпоры звон.
Вот реакция, страшная,
Оперлась не на закон.
    Сулит премьер
    Ряд строгих мер. . .
    Сидит,
    Молчит
    Смутьян эсер.

1906

117. ВТОРОЙ РОМАНС

*(В истинно русском стиле исполняется
«истинно русскими» Грингмутами и К⁰)*

Миновали дни ненастья,
Жизнь идет уже не та. . .
Ах, Настасья, ах, Настасья,
Открывай-ка ворота!

Депутатов свел бы в часть я,
Там найдутся им места, —
Ах, Настасья, ах, Настасья,
Открывай-ка ворота!

Наступило время счастья,
К нам вернется Балетта, —
Ах, Настасья, ах, Настасья,
Открывай-ка ворота!

От реакции участия
Жду к себе. . . ее в уста
Целовать готов. . . Настасья,
Открывай ей ворота!

Жажду к ней на грудь упасть я, —
Радость сердца! Красота!
Ах, Настасья, ах, Настасья,
Открывай-ка ворота!

Веселиться буду всласть я. . .
Жду субсидий, — вот мечта!
Ах, несут, несут. . . Настасья,
Открывай-ка ворота!

1906

118. СКАЗАНИЕ О ЛИСЬЕМ ХВОСТЕ

В звериной клетке премьер-министром
Лису избрали. Она — хитра,
Вся — в мягкой шубке, с хвостом пушистым,
Не зла как будто и не добра.
Она плешива, со лбом высоким,
Но, правду молвить, едва ль умна;
Ее вся сила — в хвосте широком,
Но им без смысла вертит она.
Махнет налево, махнет направо,
Опять налево и вправо вновь,
Чуть либералы заплещут: bravo! —
А уж меж ними струится кровь.
И снова вправо, и снова влево —
Недоуменье кругом растет,
То ликованье, то крики гнева —
И взвыл в смятеньи звериный род.

Грозят ей слева, ругают справа, —
Лиса трепещет, лиса скорбит,
Унять не может свой хвост вертлявый
И всё вертит им, и всё вертит.
Смекнули звери, остановили
И защемили ей хвост в тиски,
Свернули вправо и пригрозили:
Смотри направо, не то — в клочки! . .
С тех пор в смиреньи и умиленьи
Лиса направо хвостом глядит
И лишь от страха порой в смятеньи
Концом пушистым чуть шевелит. . .

Конец 1905

119. ТЕНЬ ПЛЕВЕ

Забыты прежние старанья,
Никто добром не помянет,
За труд, за добрые желанья
Все объявили мне бойкот.

Никто не знал моих стремлений,
Никто меня не понимал,
Меж тем системою стеснений
Я революцию создал.

Я разжигал протеста пламя,
Я поднял на борьбу народ,
Их смелость и свободы знамя —
Моих трудов посильных плод.

Я — крайних партий вдохновитель,
Единый в мире сем пример:
Я — убежденный охранитель
И вместе — пламенный эс-эр!

И, если б бомбой эсерийской
Я не был взорван (о момент!),
Клянусь, республики Российской
Я был бы лучший президент! . .

(1906)

120. ХРОНИКА

1

Из министерства усмирения,
По слухам, решено издать
Приказ: ввиду переполнения
Всех тюрем, отменить стеснения
И узников из заключения
Освободить . . . и расстрелять . . .

Упорно слух идет из кабинета:
 За шапку всем известного поэта,
 Чтоб впредь никто не мог уж пострадать, —
 Министрам решено по шапке дать...

Роскошный бал сановника П. Д.
 Все ожиданья превзошел. Дышали
 Весной цветы повсюду. И в среде
 Изысканного общества сияли,
 Как звезды, люди лучшие страны:
 Министр Акимов, строгий охранитель
 Законов; насадитель тишины —
 Дедюлин, шеф жандармов; победитель
 Дубасов; вдохновенье и талант
 Полиции всей — Вуич; Мин исправный,
 Курлов, Орлов; дворцовый комендант —
 Бесстрашный Трепов... Всех их, к сожаленью,
 Не перечеть. До третьих петухов
 Шли танцы в небывалом оживленьи, —
 И дирижером был корнет Фролов...

1906

В. С. Л И Х А Ч Е В

(Езоп Лафонтепов; Маститый; Мирный; Прохожий;
Сомневающийся; Старый Ворон; Читатель)

---

121. ПИСАТЕЛЮ САМОЗВАНОВУ

Сочинена тобою, Самозванов,
Романов целая семья;
Но молвлю, правды не тая:
Я не люблю твоей семьи романов.

(27 ноября 1905)

122. ЕЩЕ!

Весь ужас боевой расправы пережив
И груды жертв ее оплавав,
Мы слышим тот же вновь велительный призыв:
«Еще казаков!»

И нам в кровавой мгле мерещится простор
Лугов и нив без трав и злаков. . .
Холмы казачьих тел. . . И гневный, грозный хор:
«Еще казаков!»

Ноябрь 1905

123. СОМНЕНИЕ

«Без царя в голове» — говорят про того,
Головою кто слаб иль недужен. . .
Я ни *против*, ни *за* не скажу ничего;
В голове царь, быть может, и нужен.

(4 декабря 1905)

124. ЭКСПРОМТ

На каждую приветственную речь
Он отвечает лишь: «Я тронут»...
Признанию, читатель, не перечь:
Ответ таков, что в нем все обвиненья тонут.

(4 декабря 1905)

125. КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ КРЫС

(Вроде басни)

На днях проводывал я друга своего.
Меня с лицом сияющим он встретил
И на вопрос, что с ним, ответил:
«Избавился, дружище!» — «От кого?»
— «От крыс! — воскликнул он, пылая взором. —
Нет больше ни одной — всех разогнал по норам!»
— «И только? больше ничего?»
— «А что ж еще?» — «Да ведь налезут снова!»
— «Все норы я заколочу».
— «Тогда другого
К тебе поищут хода... Чу!
Скребется уж одна — готово.
Победоносцем, брат, ты рано затрубил:
Трепать они тебя не перестанут;
Из дома выживешь, глядь — двор их приютил,
И через день-другой опять нагрянут...»
— «Что ж делать с ними?» — друг взволнованный
спросил,

И я сказал ему: «Решительно и смело
За крысой крысу истреблять,
Чтоб ни одна не уцелела;
А в норы только загонять — пустое дело!»

(4 декабря 1905)

126. НЕГОДНЫЕ РУЖЬЯ

И вот их вывели. Солдатам
Стрелять скомандовали: «Пли!» —
И дружный залп сухим раскатом
Отпрянул к небу от земли.

Но что за диво? Все живыми
Приговоренные стоят:
Лишь чье-то тело перед ними...
Негодны ружья у солдат!

(4 декабря 1905)

127. ПРОВОКАТОР

Мой слух испортился совсем:
Услышу слово «губернатор»,
Я уж бледнею и дрожу:
Что? Провокатор?
Провокатор?

Приятель как-то говорит:
«Граф — настоящий реформатор!»
А я вскочил, кругом гляжу:
Где провокатор?
Провокатор?

Жена читает, что «в Сиа
Сиа́мский прибыл император».
Я обомлел... Я задрожал...
Кто провокатор?
Провокатор?

Конец 1905

128. СВАТ И ЖЕНИХ

В СЕЛЬСКОМ ТРАКТИРЕ

(Из неизданных стихотворений Некрасова)

1

Нутко! Мищенко маньчжурский,
Трепов — витязь петербургский,
Дурново возьми Петра —
Всем в диктаторы пора!
Граф Игнатъев — славный воин,
Чем твой дядя недостоин?

Думай, сын мой! Плеток ждет
Взбунтовавшийся народ.
Стессель — малый плутоватый,
Да хитер — ума палаты.
Веря в наше торжество,
Выбирай, сынок, его.
— Ай да Стессель! Стессель клад!
Генералов дай мне, сват.

2

Нутко! Нейдгарт, Стессель, Медем —
Все готовятся к победам.
Грянем, сын мой, на «ура»:
Всем в диктаторы пора!
Чем Скалон — негодный воин?
Лопухин — весьма достоин.
Думай! Пулеметов ждет
Взбунтовавшийся народ.
Курлов — малый без стеснений.
Вуич — полицейский гений.
Веря в наше торжество,
Выбирай, сынок, его.
— Ай да Вуич! Вуич клад!
Полицейских дай мне, сват.

3

Нутко! Кушкинский воитель,
Черноморский победитель —
Гордость вашего двора, —
Всем в диктаторы пора.
Горемыкин — чем не воин?
Чем Дедюлин не достоин?
Торопись! Уж он не ждет,
Взбунтовавшийся народ.
Максимович парень ловкий —
Знает бабьи все сноровки.
Для спасенья своего
Выбирай хотя б его.

Ай да все вы! Все вы клад!
Да не поздно ль будет, сват?

*(Изо дня в день, кончив, начинают сначала —
с некоторой вариацией имен.)*

(8 января 1906)

129. ДОЖДАЛИСЬ!

Верен взгляд был у великого
Щедрина, друзья мои:
Дождались мы царства дикого
«Торжествующей свиньи»!

(8 января 1906)

130. ДВА ЛИБЕРАЛА

Баллада

По Невскому с видом уныло-больным
Шли медленно два либерала,
Убитые мыслью, что в бороду им
Правительство вновь наплевало.

«Мой друг Петрункевич! — сказал Трубецкой. —
Нас царь околпачил прескверно,
И земцы и думцы смущенной толпой
Нас встретят укором, наверно.

Предчувствую я: социал-демократ
Начнет зубоскалить над нами,
И Струве, наш верный и мудрый собрат,
В Париже зальется слезами.

Довольно приличен был царь на словах,
За завтрак я сел с аппетитом
И с радостью в княжеском сердце. . . но, ах!
Надежды жестоко разбиты!

В бумажке печатной царь всё переврал,
Лишил свои речи значенья. . .
О, плачь, Петрункевич, о, плачь, либерал!
Исчез этот миг упоенья».

В ответ Петрункевич, качнув головой,
Сказал: «Не в слезах наша сила!
Ты видишь — рабочий поднялся на бой
И буря в деревне завывала.

Пусть веет дыханье народной грозы
На парус ладьи либеральной, —
Тогда-то, юля на манер егозы,
Проникнем мы в порт феодальный.

Хоть страшен и земцам анархии взрыв,
Но трону страшнее он вдвое,
И только союз меж собой заключив,
Мы властвовать можем в покое.

Верховная власть это скоро поймет
И сделает шаг нам навстречу;
И я, либерал, но в душе патриот,
На скидочку скидкой отвечу.

Тогда мы стихию смирим, Трубецкой,
Наступят иные порядки!
Недаром лакей из дворцовой людской
Поднес мне вот эти перчатки;

Ежовых прошли времена рукавиц,
И в этой перчатке лакейской
Уйдем мы теперь необузданных лиц
Манерой уже европейской.

Да, царь призовет нас, я верю, к себе:
Нас ждут министерские кресла!
Тогда препояшут и мне и тебе
Мечом либеральные чресла!

Порядок строжайший мы будем хранить
Совместно с второю палатой:
Прогресс должен медленным, медленным

быть, —

Так мыслит помещик богатый.

Мать прочности — медленность! — вот что
гласит

Смысл всех вековых конституций,
И то же в твореньях своих говорит
Китайский философ Конфуций.

Не бойся же, княже! Не пал либерал
От царственной лжи безобразной, —
Я даже и в «Искре» на днях прочитал:
„Власть будет всегда буржуазной!“»

Между июнем и августом 1905

131. КАК ПЕРЕВЕЛИСЬ ЮМОРИСТЫ

«Юмористы? Что такое? —
Страж печати спросил. —
Правда ль, это племя злое
Не боится наших сил?
Так раскаются ж нахалы:
Объявить редакторам,
Пусть ехидные журналы
Вновь несут к моим ногам!»
Вот он шлет на них приказы,
Сотни штрафов и угроз;
За веселые рассказы
Суд зовет их на допрос.
Им сдаваться нет охоты,
И не сдать им нельзя. . .
Смех российский, до чего ты
Доигрался, егозя!
Юмористы скрылись в норы
И гостей незваных ждут;
Смолкли шутки и укоры,
Обличению — капут!
Око строгое цензуры
Изучает не спеша
Каждый штрих карикатуры,
Все грехи карандаша.
«Усмотрение» доносит,
Указует на тюрьму. . .
Враг давно пощады просит,
Но пощады нет ему.

Краска крови изменила
Применения свои:
Льются красные чернила
На опальные статьи.
Эта краска — цвет запрета,
Не крамолы яркий цвет;
Затушает краска эта
Самый пламенный сюжет. . .
Так сатиру волей рока
Бюрократ похоронил
В бездне красного потока
Предварительных чернил.

(24 марта 1906)

132. НА БАЛУ

(По телефону из Петербурга)

Бал сегодня у министра
Состоялся... Чудный бал!..
Увлекательно и быстро
Рой гостей здесь танцевал.
Электричество сверкало
Ярче солнечных зарниц...
По паркету танцевало
Очень много «знатных» лиц...
Называть их всех не стану,
Кой-кого отмечу. Вот:
Чрезвычайную Охрану
Вел в кадрили Пулемет...
Закружась в мазурке пылкой,
Вел интимный разговор
С покрасневшею Ссылкой
Толстый Смертный Приговор...
И, повиснув у Ареста
На руке, плыла Тюрьма,
Очищали им все место,
К ним почтительны весьма...
За Репрессией-кокеткой
Всё ухаживал Расстрел,
То и дело фразой меткой
Он пленить ее хотел...
И со Сто Двадцать Девятой,
Под собой не чуя ног,
Оживлением объятый,

В полонезе шел Залог...
Ночь летела очень быстро,
Тонкий ужин опьянял...
Был сегодня у министра
Чрезвычайный «первый бал»!..

Март 1906

133. КРИЗИС

Колоссальная сумма 609 тысяч руб., ассигнованная на издание «Русского государства», оказалась недостаточной.

О, каким коварством
Наша жизнь полна!
С «Русским государством»
Шутит как она!
За коварство высечь
Гурьев рад судьбу,
Шестьсот девять тысяч
Выпустив в трубу.
Экие расходы,
Господи спаси!..
Сколько бутерброды
Стоят на Руси...
На автомобили
(Требуют дела)
Деньги уходили
Просто без числа...
И теперь — смотрите —
В кассе — дефицит!..
Снова к дяде Витте
Гурьев наш бежит...
Но, сурово глядя,
Гурьеву в ответ
Замечает «дядя»:
«Денег больше нет!..»
Как быть с аппетитом?
Как смирить его?

Гурьев за кредитом
Мчится к Дурново. . .
Вытянувшись гордо
Там во весь свой рост,
Говорит он твердо:
«Оставляю пост,
Если не дадите
Новый мне кредит! . .
Отказал мне Витте —
Дядюшка сердит! . .»
Бутерброды съели,
Средств иссяк поток:
Ускользнет ужели
Лакомый кусок?

Март 1906

134. БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА

Конца предчувствием томим,
Он шел столицей в зной палящий...
И вдруг Входящая пред ним
Предстала вместе с Исходящей...
За ними плелся, еле жив,
Имея вид совсем убитый,
Покрытый плесенью Архив
Под ручку с длинной Волокитой...
На костылях, и дряхл, и стар,
Являя вид унылый зренью,
Хромая, плелся Циркуляр,
Ведя в руках по Отношенью...
Остановился бюрократ
И закричал на них спесиво:
«Куда идете вы? .. Назад! ..
К своим обязанностям, живо!»
Они ж поникли вдруг челом
И отвечают с чувством боли:
«В отставку, ваше-ство, идем,
Мы не нужны на службе боле...
За что? — самим нам невдомек,
Уж мы ль на службе не радели?
Мы исписали сколько строк
И сколько стульев просидели! ..»
Тут бюрократ, раскрывши рот,
Воскликнул, полный изумленья:
«Конец! Мир к гибели идет,
Настало светопреставленье! ..»

(7 августа 1905)

135. НЕСПОКОЙНОЕ ДИТЯ

Современная колыбельная песня

Что с тобой сегодня случилось,
Милое дитя?
Ты сегодня раскричалось
Что-то не шутя! ..
Не могу поставить в угол
Я тебя: ты мал...
Но на помощь двух-трех пугал
Я себе призывал...
Спи, младенец мой невинный,
Страшен вражий стан...
Вон, смотри, идет с дубиной
Бука Крушеван! ..
О, засни же сном спокойным,
Страшно так кругом:
Берг грозит своим разбойным,
Хулиганским «Днем»! ..
Не кричи, тебя услышит
Грингмут, и всерьез
Карл-Амалия напишет
На тебя донос! ..
Вон Шарапов. Он заразу
Сеет диких смут! ..
· · · · ·
И, дрожа от страха, сразу
Смолк ребенок тут! ..

(19 ноября 1905)

136. ПЕРЕД ВЫБОРАМИ

Предвыборное бремя
Несем второй мы раз,
Но ведь другое время
Теперь совсем у нас! ..
Звучат иные речи,
И робок тон газет...
Иные уж далече,
Других же вовсе нет! ..
Нет прошлогодних мнений,

Есть новых целый свод,
Милльон «ограничений»,
«Фильтрация» идет. . .
Для выборов законы
Другие пишут нам,
И шествуют шпионы
За нами по следам. . .
Ведется тонко дело
В теперешний момент,
И устранен умело
«Опасный элемент». . .
И жутко мне, создатель,
Никак я не пойму:
Я — русский избиратель
Иль кандидат в тюрьму? . .

Конец 1906

Л. Г. МУНШТЕЙН
(Lolo)

---

137. МЫ СВОБОДНЫ!

Мы свободны! Жизнь прекрасна!
Братства, равенства поборник
Путь свершает безопасно —
Если дремлет старший дворник.

Мы свободны! Силу, крылья
Нам дала свобода слова...
Не боимся мы насилья —
Если нет городского.

Мы свободны! Прочь невзгоды!
Дождались зари желанной...
На Руси царит свобода —
Под усиленной охраной!

Мы свободны! Мощь народа,
Разум, сердце — всё в движеньи.
На Руси царит свобода —
На военном положеньи!

Мы свободны! Мы, как дети,
С теплой верой в даль взглянули...
А вокруг — казаки, плети,
Льется кровь и свищут пули!..

Октябрь 1905

138. УДЕЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

Высокопоставленный
(после отставки)

Тяжел и мрачен мой удел:
Я очутился не у дел!

Еще выше поставленный
(накануне «ликвидации»)

А я боюсь, «уступки» сделав,
Остаться вовсе без. . . уделов!

(19 ноября 1905)

139. ТРИ ПОЩЕЧИНЫ, ИЛИ НЕНАСЫТНЫЙ МИНИСТР

Эта личность давно опорочена,
Но обиды покорно несл. . .
В первый раз прозвенела пощечина
В кабинете бразильца-посла.
Оплеуху вторую (этически)
Дал ему сам верховный глава.
Петербург хохотал гомерически,
И до слез хохотала Москва.
Но теперь популярность упрочена:
В казнокрадстве поймали его!
Эта новая, третья пощечина
Обессмертила лик Дурново! . .
Почему же отставка отсрочена?
Он сидит и сажает в тюрьму. . .
Не смутила и третья пощечина! —
Сколько ж нужно пощечин ему?

Декабрь 1905

140. НАШИ ДНИ

(Из дневника сына отечества)

Обыск, провокация,
Грозный монолог...
Арест, конфискация,
Суд... тюрьма... залог!
Произвол, полиция,
Злобы торжество...
Pereat justitia,
Fiat Durnowo! ¹

Школа лицемерия,
Плевенский язык...
Стачка... жандармерия.
Забастовка, штык.
Черная милиция —
Сто на одного!
Pereat justitia,
Fiat Durnowo!

Голод, разорение...
Подлая игра.
Новое творение
Графского пера.
«Правых» коалиция,
Козни, кумовство...
Pereat justitia,
Fiat Durnowo!

Думы Государственной
Неизбежный срам.
Шепот благодарственный
«Доблестным войскам».
Шаткая позиция
Графа самого...
Pereat justitia,
Fiat Durnowo!

(1 января 1906)

---

¹ Да сгинет правосудие,
Да здравствует Дурново! (лат.) — *Ред.*

141. CURRICULUM ВИТТЕ¹

Эпитафия

Склонитесь! .. Тут лежит премьер!
Он был умен почти как Тьер,
Начав карьеру с *chemin de fer*²
(Он был отличный инженер!),
Достигнув быстро высших сфер,
Он стал велик путем афер:
То монопольно-винных мер,
То металлических химер. . .
Он был хитрец и лицемер,
В Портсмуте он явил пример
Дипломатических манер
И, перепрыгнувши барьер
Всех государственных карьер,
Понесся вверх во весь карьер
И к нам вернулся как премьер!
Дал конституцию. . . Но Пьер
И Трепов, мрачный изувер,
Путем жестоких, лютых мер
Россию гнали en aggrège³. . .
Хватали всех: эс-де, эс-эр,
Нашли в темнице *piéd à terre*⁴. . .

.. Ударил час. . . Во весь карьер
Летит из Царского курьер. . .
Отставка! .. Кончено! .. *que faire?*⁵
Dors! .. *Que la terre*
Te soit légère! . . .⁶

Апрель 1906

---

¹ Поприще жизни (лат.). Здесь игра слов: *vitae* — Витте. — *Ред.*

² Железная дорога (франц.). — *Ред.*

³ Назад (франц.). — *Ред.*

⁴ Пристанище (франц.). — *Ред.*

⁵ Что делать? (франц.) — *Ред.*

⁶ Спи! Пусть тебе будет легка земля! (франц.) — *Ред.*

142. ИЗ ОКТЯБРЬСКИХ МЕЛОДИЙ

Под вечер, в ясную погоду,
Премьер, измокший весь от слез,
Чудесный плод любви к народу
В благословенный Питер вез.
Всё было тихо. . . Мчалась тройка
(Не шли в ту пору поезда!),
Луна с небес глядела бойко,
Сияла графская звезда. . .

И граф шептал, лаская чадо,
Роняя жгучую слезу:
«Тебя загубит злое стадо,
Тебя на муку я везу! . .
Ты на Руси цвести не будешь,
Сиять не будешь больше дня.
Меня ты скоро позабудешь,
И будут все клеймить меня!
Тебя, малютка, я оставлю
На черносотенных руках,
Ты испытаешь злую травлю,
И задохнешься ты в тисках.
Тебя я создал, чтоб от смуты
Россию бедную спасти. . .
Но Крушеваны и Грингмуты
Тебе отрежут все пути.
Чтоб уничтожить забастовку
И анархический кошмар,
Тебя я создал как уловку
И преподнес народу в дар.
Прощай! Родные «патриоты»
К тебе не чувствуют любви.
Прощай! не жди моей заботы
И, если можешь жить, живи!»

Тпрр! Тройка стала на мгновенье.
Свершилось злое волшебство, —
И отдал граф свое творенье
На воспитанье Дурново!

(Апрель 1906)

143. ЗВЕЗДНАЯ ПАЛАТА

(На мотив серенады «Гаснут дальней Альпухары...»)

Гаснут пламенные грезы,
Гаснет светлый луч вдали,
Снова слышатся угрозы. . .
Воли нет, и нет земли!
Песня зла еще не спета,
Чаша жизни слез полна.
Жаждет правды, жаждет света
Истомленная страна!

Смелей, депутаты!
Россия в плену!
От «звездной палаты»
Спасите страну!

От Тифлиса до Ирбита,
От Днепра до Чусовой
Русь изранена, избита. . .
Лют «порядок правовой»!
Тяжкой скорбью Русь объята,
Беспросветен лютый гнет. . .
Это «звездная палата»
Цепи рабства нам кует!

Расправьте же крылья!
Смелее! Вперед!
Уйди, камарилья!
Воскресни, народ!

Зло ошикан и осмеян
Горемыкинский трактат.
Чересчур самонадеян
Скудоумный бюрократ!
Кабинет уйдет, быть может,
Обнаружив пустоту. . .
Но ведь это не поможет,
Если Трепов на посту!

Смелей, депутаты!
Россия в плену!
От «звездной палаты»
Спасите страну!

Дни бегут. . . а узник чахнет,
Дни бегут, а Русь гниет. . .

Нет! амнистией не пахнет:
Не допустит «патриот»!
Дни бегут — земли не видно. . .
Дни бегут, а воли нет!
Ухмыляется ехидно
Государственный совет. . .
    Расправьте же крылья!
    Смелее! Вперед!
    Уйди, камарилья!
    Воскресни, народ!

Май 1906

144. ADDIO! . . .¹

*Прощальный романс фельетониста*²

Редактор мне твердит: «Пиши!»
Но я хочу дремать в тиши
    И возражаю:
Все фибры тела и души
Вопят: «Довольно! Не греш! . . .»
    Я уезжаю!
Я так устал от громких фраз,
Их повторяют столько раз —
    Увы — напрасно!
Бессильна речь в борьбе со злом:
Осел останется ослом —
    Ведь это ясно! . . .
Каких бы слов ты ни сыскал,
Шакалом будет впредь шакал,
    Медведь — медведем. . . .
Светлей не станет край родной,
Пихно останется Пихной. . .
    Мой друг, уедем!
Тяжка неравная борьба:

---

¹ Прощай! (итал.) — *Ред.*

² Любители цыганского пения могут исполнять его (на мотив: «Я обожаю») в благотворительных концертах и во время прочих нарушений общественной тишины.

Я подцензурного раба
Изображаю.
Пишу, о родине скорбя,
И под судом уже себя
Воображаю. . .
Пишу — и, злобу затая,
Какая мне грозит статья —
Соображаю. . .
Пишу — и помню, что тюрьму
Себе иль шефу своему
Сооружаю. . .
Пою министрам: «Господа!
Уйдите раз и навсегда.
Ну что вам стоит?
За ваш торжественный уход
Земным поклоном весь народ
Вас удостоит.
Разбиты Думой в пух и прах
Стишинский, Гурко, Шванебах
И Горемыкин.
Вам Герценштейн прочел урок,
«Уйдите!» — Родичев изрек,
Распек Аникин.
«Уйдите!» — дружеский совет
Вам повторяет целый свет,
Боясь «безумий». . .
Но вас взлелеял рабский строй,
Вы глухи к правде, точно рой
Засохших мумий. . .»
Свистят нагайки и бичи,
И что ни день, то палачи
Разнообразней!
На вопли: «Воли и земли!» —
Нам отвечают: «Рота, пли! . . .»
Довольно казней!
«Да сгинет смертный приговор!» —
Воскликнул дружный думский хор
Единогласно.
Но Павлов, славный прокурор,
Сказал, что Дума мелет вздор,
Что казнь прекрасна!
В стране, где царствует обман,

Где у начальства хулиган —
Persona grata,¹
Где жизнь поставлена ребром,
Там, где «порядок» и «погром» —
Два кровных брата,
В стране, где стонет гражданин,
Где Трепов, Риман, Павлов, Мин
Творят расправу, —
Я жил (?), писал (?!), покуда мог...
Но я устал, я изнемог,
Испив отраву...
Я мчусь туда, где храбрый Телль,
Попавши ловко прямо в цель,
Добился цели...
Где стерто рабское клеймо,
Где властно сбросить с плеч ярмо
Рабы сумели!
Туда, туда держу я путь,
Где воздух чист и дышит грудь
Вольнее птицы...
Прощай! Меня не позабудь!
А я?.. Я «хлопну» что-нибудь
Из-за границы...

Июнь 1906

145. ЗДРАВИЦА

Здравствуй, славный совет
Государственный!
Шлем тебе наш привет
Благодарственный!

Жили члены твои
Припеваючи,
Редерер и аи
Попиваючи...

---

¹ Приятная особа (лат.). — *Ред.*

Жили, пятясь назад,
Не скучаючи,
Превосходный оклад
Получаючи.

Жили, русский народ
Опекаючи,
Всех, кто мчался вперед,
Упекаючи.

Не являли мужи
Беспристрастия,
Утопая во лжи
Самовластия. . .

За труды для страны,
Как возмездие,
Получали чины
И созвездия.

Не коснулось души
Возрождение. . .
И дремало в тиши
Учреждение. . .

Вдруг явились гонцы
Всенародные.
Возмутились жрецы
Благородные!

Держит грозную речь
Средостение,
Чтоб родное сберечь
Запустение.

Чтоб спаслась старина
Подневольная,
Чтоб молчала страна
Безглагольная. . .

Чтобы соль всей земли —
    Чтоб избранники
Из столицы ушли
    Как изгнанники.

Да и вправду — к чему
    Церемония?
Погрузимся во тьму
    Беззакония!

Выпьем кубок вина
    Мы во здравие:
Да цветут ордена
    И бесправие!

Шлем тебе наш привет
    Благодарственный,
Здравствуй, славный совет
    Государственный!

Первая половина 1906

146. ОБЗОР ПЕЧАТИ

(Из дневника огорченного читателя)

. . . Скучно! . . . Нет бывшего пыла! . .
Злой тоски душа полна.
«Наша жизнь» — почти застыла,
Спит разбитая «Волна». . .

«Мысль» раздавлена жестоко.
Всем грозит дамоклов меч.
Робко выглянуло «Око»,
Еле слышно льется «Речь».

Мгла. . . «Товарищ» нос повесил,
«Новый путь» зело тернист. . .
Пошлый «Свет» бестактно весел,
И ликует «октябрист»!

«Друг» зовет к погромной сече
В тщетных поисках рубля. . .

Ржет неистовое «Вече»,
Свищет «Русская земля».

«Новым временем» загажен
Светлый призрак думских дней. . .
«Гражданин», как встарь, отважен,
А Пихно еще пихней! . .

Голосит воронье стадо,
«Русским знаменем» грозя:
«Конституции не надо!
Здравствуй, старая стезя!

Мы свободу презираем:
Манифест давно отцвел. . .
Пусть царит над нашим краем
Добрый старый произвол!»

Тут «Россия» обомлела:
«Что за наглость, черт возьми! —
Невозможно делать «дело»
С чисто русскими людьми!»

Добрый мир лисы и змия
Вмиг растаял без следа:
С «Русским знаменем» «Россия»
Разлучилась навсегда. . .

Но — мотив междоусобий
Всем понятен: «патриот»
От начальства ждал пособий,
А начальство не дает.

О разрыве этой пары
Громко хочется кричать. . .
Но. . . боясь «законной кары»,
Извивается печать. . .

Пишут как-то однобоко,
Чтоб репрессий не навлечь. . .
Робко выглянуло «Око»,
Еле слышно льется «Речь». . .

Между августом и октябрем 1906

147. НЕ ПОКУПАЙТЕ ВИНОГРАДА!

(Письмо из тюрьмы)

Я почитаю власть глубоко!
Ее недремлющее око
Не то что крупного порока,
Но либерального намека
Во мне не может усмотреть.
Я поступал всегда законно,
Бранил жидов бесцеремонно,
Служил начальству неуклонно
И так служить готов и впредь.
Мне всякий «левый» ненавистен,
Я консерватор с детских лет,
Я избегаю вредных истин
И ненавижу красный цвет.
Я гражданин вполне легальный,
Я «октябрист», мой паспорт чист,
А между тем — о, рок печальный! —
Мне заявил вчера квартальный,
Что я (да, я!) социалист! . . .
Я был обыскан гениально. . .
Что ж? Сыск всегда принципиально
Я признавал и одобрял:
Сие деяние полезно!
Я принял «их» весьма любезно,
Я — черт возьми! — не либерал!
Конечно, тут не без интриги,
Но это слабость всех людей.
Всё перерыли: вещи, книги
В напрасных поисках «идей». . .
«Не проглотил ли?» — молвил кто-то
И дал мне рвотных порошков.
Благонамеренная рвота
Не обнаружила грешков.
«Сей анархист нас водит за нос,
Но не поможет — упекут!» —
Сказал другой. . . и дал мне «Янос». . .
Прождали сорок пять минут,
Но не нашли вины. . . и тут. . .
«Уйдем! — сказал с досадой третий. —
Здесь ничего «такого» нет!» —

И огласил мой кабинет
Плеядой «русских» междометий. . .
Я заплатил за порошок,
За «Гуनियाди» — всё, что надо. . .
Они уходят. . . Вдруг — о, рок! —
Лежит на лестнице мешок,
Пустой мешок от винограда!
Он склеен был из двух листков
Простой исписанной бумаги. . .
«Они», исполнившись отваги,
Запели хором: «А? Каков!» —
И, прочитав листки раз десять,
Едва скрывая торжество,
Шептали: «Надо взять его!
Сослать на каторгу! повесить! . . .»
И взяли. . . Да! . . . Судьба тяжка!
Но не ропщу. . . Роптать не надо. . .
Хоть я погиб из-за мешка,
Из-за мешка от винограда!
Клянусь, не знал я, что мешок
Был из крамольных склеен строк!
Но для меня уж в том награда,
Что мой пример другим урок:
Не покупайте винограда,
Не поглядевши на мешок!
Сижу — и кары жду достойной. . .
Я пострадаю — не беда!
Я патриот! С душой спокойной
Жду справедливого суда.
Едва ли будет мне пощада. . .
Что ж? Отсижу законный срок!
Я не ропщу на горький рок:
Не покупал бы винограда —
И не попал бы я в «мешок»!

Примите и проч.
Провинциальный член
«Союза 17-го октября» Полугучков.
С подлинным верно: Lolo.

(3 сентября 1906)

148. ПИСЬМО КАРАСЯ

(Перевод с *рыбьего*)

...Форель, далекая сестра!
Я знаю, ваша жизнь привольна,
Разнообразна и пестра...
А я?.. Обидно, горько, больно
Судьбу оплакивать свою...
Но ничего не утаю!
Я отведу немного душу
И ваш покой слегка нарушу,
Участья братского прося
К печальной доле карася.
У нас, в струях холодных, мутных,
Бедой сменяется беда...
Кипят, волнуются стада
Незрелых юношей беспутных...
О, время! Господи спаси!
Куда девалась тишь былая?
Покоя прежнего желая,
Трепещут братья караси.
Весь день оглядываюсь робко...
Пугает «враг», начальство жмет.
На пароходе лопнет пробка,
А мне уж снится пулемет.
Грядущий день готовит муки
Для рыбьей трепетной души:
Она боится грозной щуки,
Страшны ей вольные ерши...
Живу я мирно, беспартийно,
Рад оказать властям почет.
Пускай движение стихийно,
Оно меня не увлечет.
Но как мне быть, чтоб дар прекрасный,
Чтоб жизнь подольше протянуть?
Я не вступлю на путь опасный,
Где ж безопасный, верный путь?
Покорность щуке обнаружишь —
У *красной рыбы* гнев заслужишь;
Объявишь с красными протест —
Скоропостижно щука съест.
Я безответен, незаметен,

Живу, с безвестностью мирясь,
Но пристают: «Ваш цвет, карась?»
— «Цвет? Но позвольте! Я бесцветен!»
— «Хоть вашу скромность я ценю, —
Мне возражает лишь на это, —
Но жить теперь нельзя без цвета!»
Ах, что ответить мне линю?
Он говорит мне как по нотам:
«Бесцветность вряд ли вас спасет,
Сочтет вас красный «патриотом»,
Найдет вас красным „патриот“». —
Итак, я всем кажусь опасным!
Съедят! Я чувствую давно.
А как? Не всё ли мне равно:
Под белым соусом иль красным?
Иная рыбка уплыла,
Другая всё еще храбрится. . .
Так вот какие тут дела,
Достолюбезная сестрица.
Такая буря поднялась,
Что не опишешь акварелью!
Ах, как хотел бы стать форелью
Ваш бедный, трепетный карась!

(12 сентября 1906)

149. «НЕДОРОД»

(*Causerie*¹)

Действие происходит в Москве, у «Яра», в отдельном кабинете. Заседают, выпивают и закусывают по случаю недорода. Председательствует Грингмут.

Грингмут

(*Проглатывая сардинку*)

Друзья и братья! Нынче в моде
Писать статьи о недороде, —
И эту моду завели
«Они», враги родной земли,
Распространители отравы.

---

¹ Беседа, пустой разговор (франц.). — *Ред.*

Крестьяне лгут: они лукавы!
Я не слышал про недород.
Вздор! Благоденствует народ,
Но, по своей дурной природе,
Забывши совесть, стыд и честь,
Он вечно врет о недороде
И беспрерывно хочет есть!

Шмаков

Вы не хотите маринада?
(Передает ему маринад.)

Грингмут
(Смакуя)

Принять скорее меры надо
(Для «мер» откроют нам кредит),
Чтоб у прожорливого стада
Исчез преступный аппетит!
(Ищет зубочистку.)

Мещерский
(Передавая Грингмуту свою зубочистку)

Я знаю средство высшей марки
(Его узнал я от кухарки):
Чтоб не хотели вечно жрать,
Их надо чаще драть, драть, драть!

Оловеников

Мой милый, это устарело!
Отстали вы от злобы дня. . .
Нет, вы послушайте меня:
Казните душу, а не тело!
Отдайте пук своих статей,
Отдайте пуд «Ведомостей»
С их злобой дикой и кровавой!
Поверьте мне, такой отравой
От аппетита без труда
Мы их излечим навсегда!

Грингмут
(Обидевшись)

Меня идея осенила:
Пошлем им «Вече», господа,
Чтоб их как следует стошнило!
Ссорятся.

Доктор Дубровин
(Подвергнув анализу обе газеты)

Какую хочешь — пропиши:
Как средство, обе хороши,
Но слишком крепок наш крестьянин,
Рекомендую «Киевлянин».

Грингмут

Итак, друзья, в моем уме
Уже созрело резюме:
Нет никакого недорода,
А есть излишний аппетит, —
И меры всяческого рода
Его должны в теченье года
Искоренить. . .

(Отирая губы салфеткой)

Друзья, я сыт.
И объявляю: «съезд» закрыт!

(13 октября 1906)

150. ПАРОДИЯ

Пока не кликнет хулигана
К «священным жертвам» сам Пихно,
В его душе царит нирвана
И в голове шумит вино. . .

В пыли лежит его дубина. . .
Он пьян. . . но денег нет на хлеб. . .
И может быть, его судьбина
Теперь печальней всех судеб.

Но чуть божественный Пихно
Воскликнет: «Бейте жидовина!» —
Опять работает дубина
И сердце бешенства полно! . .

Кипит великая работа!
«Священным жертвам» нет числа! . .
И славит «Вече» патриота
За чисто русские дела. . .

Несчастный «жид» избит, изранен. . .
Набил карманы хулиган.
И торжествует Крушеван,
И пьян от счастья «Киевлянин»! . .

(21 ноября 1906)

151. КОРМИЛЬЦЫ

(Подражание Лермонтову)

В преддверьи житницы мирской
Свободный сын страны свободной
Стоял с протянутой рукой,
Стоял холодный и голодный.

Молил о хлебе он в тоске,
Продав избу за недоимки. . .
«Свобода» где-то вдалеке
Парила в шапке-невидимке. . .

Молил о хлебе, слаб и хил,
С печатью долгой рабской муки. . .
И Гурко куколь положил
В его протянутые руки. . .

Он правды ждал от высших сфер,
Он от «кормильцев» ждал ответа, —
И кость от старого корсета
Ему дала madame Эстер. . .

Ноябрь или декабрь 1906

152. ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

(Метаморфоза)

1-я часть. «ВЧЕРА»

Действие происходит в лагере консерваторов.

Меньшиков
(кн. Мещерскому)

Ты следил за жизнью зорко
И решил, как сердцевед,
Что от наших зол и бед
Есть одно спасенье. . .

Мещерский
(подсвистывая, со старческим сладострастием)
Порка!!!

(Испускает слюну.)

Меньшиков
(макая перо в слюну Мещерского)

Для леченья дряблых душ
И расшатанного мозга
Нам нужны: холодный душ
И спасительная. . .

Мещерский
(подхватывает)
Розга!!!

Целуются.

Меньшиков
Мужику не надо жрать,
В сутки раз — сухая корка!
Если жалуется. . .

Мещерский
(неистово)
Драть! . .

Меньшиков
Утоляет голод. . .

Мещерский
(взвизгивая, как секущая розга)

Порка!

Меньшиков
(грозно)

Строгость! Больше педелей!
Насадить везде березок!
Потеплей и посветлей
Будет юношам от. . .

Мещерский
(приплясывая)

Розог!!!

Меньшиков

Русский добрый наш мужик
Тверд, умен! . . А школы, книжки —
Радикальный вздорный крик! . .

Мещерский

Либеральные интрижки!

Меньшиков

Мы богаче и сильней
Всех народов современных. . .
Злая язва наших дней —
Это тьма иноплеменных.
Все невзгоды, вся беда
От коварного. . .

Мещерский
(полувопросительно)

Жида?!

Меньшиков
(громогласно)

Разумеется! Да, да! . .

2-я часть. «СЕГОДНЯ»

Действие происходит на перепутье.

Меньшиков

Порка — прежних дней отрада, —
Хоть вошла к нам в кровь и в плоть,
Не нужна! . . . Пороть не надо!

Мещерский

(колеблясь)

Неужели не пороть?! .

Меньшиков

Силу, мощь, непобедимость
Мы легко приобретем,
Коль пойдем иным путем:
Всем ясна необходимость
Знания, света! Больше школ!

¹ Мещерский

(колеблясь)

Ты стоишь за просвещение?

Меньшиков

В нем единое спасенье
От народных бед и зол!

Мещерский

Ты ли это! Неужели
Ты теперь затанешь вновь
Эту песню из «Недели»
Про свободу и любовь?!

Меньшиков

Удивленье неуместно! —
Всем читателям известно,
Что святую песнь мою
Неизменно я пою!

Мещерский

(берет старые фельетоны Меньшикова)

Неизменно?! Прочитай-ка! —
Тут и розга, и нагайка,

И отважный крик: «Назад!»,
И к невежеству наклонность,
И с «жидом» бесцеремонность —
То, чему я был так рад,
Увидав, что ты — мой брат!
Тут и крик весьма нескромный,
И победные слова
Похвальбы и торжества,
Силы гордой и огромной
Над «ордою вероломной».
Это всё писал ты сам
И рычал подобно зверю...

Меньшиков
(поражен)

Я?.. Ушам своим не верю!

Мещерский

Так поверь своим глазам!

(Сует ему «вчерашний» фельетон.)

(1906)

153. ГНЕВНЫЙ ГУРКО И ПРЕМУДРЫЙ КАДЕТ

(Бескровная история)

Солнца блеск... Сиянье лета...
Сердце бьется! Кровь клокочет!
Застрелить из пистолета
Гурко Родичева хочет.

Чтоб стереть пятно обиды
И спасти свою карьеру,
Гурко жаждет Немезиды
И зовет его к барьеру!

Но, насупив мрачно брови,
Все кадеты зашумели:
«Проливать не надо крови!
Обойдемся без дуэли!

Если Гурке неприятно
(Он ужасный неврастеник),
Мы готовы взять обратно
Выражение «мошенник».

Мы желаем Думе роста,
Для нее дуэль — пучина!
Не мошенник он, а просто —
Легкомысленный мужчина!»

Солнца блеск... Сиянье лета...
Сердце бьется! Кровь клокочет!
Стать под выстрел пистолета
Храбрый Родичев не хочет!..

Май 1907

1 154. СИЛУЭТЫ

(Из эпохи великой русской... эволюции)

1

Кадет

То было года два назад.
Звучал великих слов каскад...
Исполнен пламенного гнева,
Я не боялся злых преград,
Стремился в бой, как на парад,
И мчался влево, влево, влево!

То было год тому назад.
В моей душе возник разлад...
Под звуки жгучего напева,
При виде грозных баррикад,
Я не твердил былых тирад
И уж не так стремился влево...

Теперь... к чему глядеть назад
На этот шквал, на этот ад?
Пора забыть о «Думе гнева».

Конечно, я — не ретроград,
Но . . . зелен, зелен виноград. . .
И . . . неумно стремиться влево!

Пора окончить маскарад. . .
Храните Думу: Дума — клад!
Я стал глядеть на вещи здраво:
Я скромно сделал шаг назад —
И потихоньку, рад — не рад,
Ползу я вправо, вправо, вправо! . .

2

Б е с п а р т и й н ы й

Был членом партии. . . Какой? —
Молчу. . . Дороже мне покой,
Чем ярлычок освобожденья.
Был членом партии. . . одной,
Пускался часто в рассужденье
И еле-еле — в час ночной —
Не пострадал за убежденья. . .
С тех пор из партии ушел,
Покинул стяг борьбы стихийной
И перешел из бездны зол
На лоно жизни «беспартийной».
Я чужд партийного огня,
Но не сошел с гражданской сцены, —
О нет! Я стал героем дня:
Разнообразных партий члены
С надеждой смотрят на меня!
Со мной винтит кадет лукавый,
Эсдек включает в «скорбный лист»,
Со мной закусывает правый
И ездит к «Яру» «октябрист».
В кругу эс-эров настоящих
Я пью вприкуску крепкий чай;
Бываю в чайной невзначай.
Там, поминая восходящих,
Ревет союзник: «Выручай!»
Нет, не погибну я, как Иоллос,

Своей спиной не послужу
Я хулиганскому ножу. . .
И за кого подам я голос, —
Я не скажу, я не скажу! . .

8

Абсентеист

Я был свободой опьянен
(Какой божественный напиток!),
Я сил почувствовал избыток
И был горяч, активен, прыток,
Был в конституцию влюблен.
О, в избирательных приемах,
Могу сказать, я был не промах.
Я агитировал, шумел,
Был зажигателен и смел!
Но вдруг. . . явились затрудненья. . .
Всё затемнили «разъясненья»!
Стал остывать гражданский пыл.
Я начал путаться в законах,
В «предуказаньях» и препонах
И наконец совсем остыл. . .
Ах, на пути моем тернистом
Гражданский долг мне стал немил:
Его я больше не платил,
Ну, словом, стал абсентеистом!
Грядет торжественный момент,
А я скитаюсь, стал туристом. . .
Хожу в кафе и пью «абсент». . .
Adieu! ¹ — Я стал абсентеистом!

1907

---

¹ До свиданья! (франц.) — *Ред.*

155

У пристава Ермолова,
Ей-богу, лоб из олова! . .
В азарте «оловянном»,
Бессмысленном и странном,
Достойном лишь Фролова,
Убил он Воробьева. . .

За подвиг сей и труд
Он отдан был под суд,
Но суд — властям в угоду —
Дал приставу свободу. . .
У пристава Ермолова
Коль лоб отлит из олова,
Какой тогда металл
На лбы судей попал? . .

Болтали их соседи,
Что, мол, те лбы из меди. . .
Другие же шли вести,
Что будто лбы из жести. . .
Но дело-то не в том:
Когда с подобным лбом
Судья стоит у власти,
Нет хуже той напасти! . .

Декабрь 1905 или январь 1906

156. ПОД БАРАБАНЫЙ БОЙ

1

Бью в барабан и без устали бью,
Смело иду впереди,
Совести граждан заснуть не даю:
Надо будить, так буди!
Я пробуждаю и в черствых сердцах
Добрые чувства порой,
Если бессильным, у всех на глазах,
Падает в битве герой!
Но посрамленному правым судом
Честь от меня уж не та!
Тра́-тата-бум! Тра́-тата-бом!
Тра́та-та-та! Тра́-та-та-та!

2

Занятый делом сыскным, временщик
Сыщиков всюду держал.
Жертву заметив оплошную, вмиг,
Алчный, ловил, как шакал.
Он заменял произволом закон
На полицейских правах,
Слово печатное сдавливал он
В страшных цензурных тисках.

С сеявшим зло расплатились злом:
Кровь и его пролита...
Тра́-тата-бум! Тра́-тата-бом!
Тра́та-та-та! Тра́-та-та-та!

3

Он продолжателя в деле имел,
Был продолжатель хитер,
Спорил с министрами внутренних дел
Сам в генеральстве майор,
Старых и малых толкал на правож,
Хоть не вытягивал жил,
В доблестных бранях не ратовал, всё ж
Очень патроны любил.
И за любовь эту — пишут о том! —
Власть у него отнята...
Тра́-тата-бум! Тра́-тата-бом!
Тра́та-та-та! Тра́-та-та-та!

4

Властный, влиявший на всё изувер,
Много он зла понаделал стране
Долгим безбожным гонением вер;
Он — инквизитор вполне!
Вечно свободного разума враг
И мракобесов глава,
Разум давил и поддерживал мрак,
Света боясь, как сова.
Старец с клейменным за прошлое лбом,
Тихо убрался с поста...
Тра́-тата-бум! Тра́-тата-бом!
Тра́та-та-та! Тра́-та-та-та!

5

От конституции радость не всем,
Горе есть кое-кому;
Без удивления, вместо «зачем?!»
Надо спросить: «почему?».

Души бумажные, плесень и гниль
    Бюрократизма должны
Сгинуть, оставив печальную быль
    В прошлом великой страны.
Видю, как сверху летят кувырком,
    Кто-то займет их места?
Тра́-тата-бум! Тра́-тата-бом!
    Тра́-та-та! Тра́-та-та-та!

Октябрь или ноябрь 1905

А. Г. ПЕРГАМЕНТ (Paragus)

---

157. БАЛЛАДА

(Истинное происшествие)

1

Вихри воют в злобном хоре,
Город весь окутан мглой,
Граф Портсмутский на моторе
Возвращается домой.
Ночь темна, ни зги не видно,
Жутко бросить взгляд назад,
Месяц спрятался ехидно,
И в душе у графа ад.
После длинного доклада
В Государственный совет
Монопольный Торквемада
Был готов пожрать весь свет.
Что же так озлило графа,
Возмутив его покой? . .
Взято, что ли, мало штрафа
С прессы всей передовой?
Иль исчезли упованья
На заем, как сладкий сон,
И напрасны ожиданья,
Что даст денег Мендельсон? . .
Нет, причина графской злобы
Не от займа и штрафов! —
Желчь в нем вызвали микробы
Сатирических листков.

Всю сатиру сжить со свету
Граф, бесспорно, был бы рад,
И по этому предмету
Он и делал свой доклад.

2

Ядовитые сарказмы
Жалят хуже комаров,
И теперь у графа спазмы
От журнальных номеров.
Как бороться с этой тучей
Мошек, жалящих извне,
Присосавшихся к могучей
И сиятельной спине?
Изымать из обращения —
Не приводит ни к чему,
А захват произведенья
Создает лишь спрос ему.
Конфискуют для проформы
Полицейские чины,
Повышая тем лишь нормы
Установленной цены.
И разгадки тайны этой,
Что квартальные дружны
Так с журналом и газетой,
В их сердцах погребены.
Этот тяжкий крест премьеру
Не по силам, право, стал,
И, бесспорно, нужно меру
Изыскать от этих жал.

8

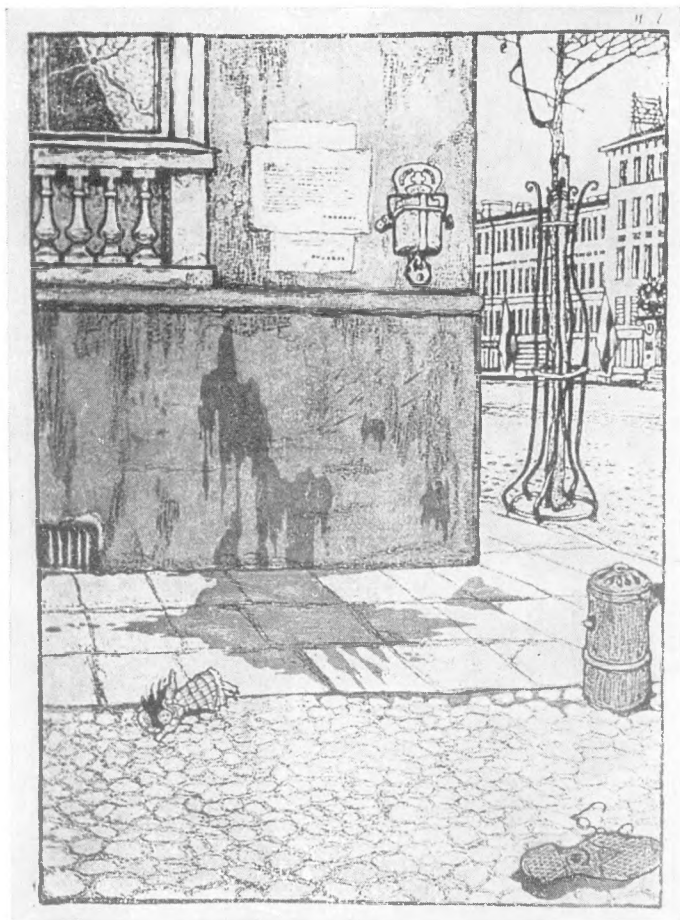
Вихрем катится машина
По избитой мостовой,
Запах приторный бензина
Оставляя за собой.
Горькой думой поглощенный,
Весь ушел премьер в себя,

А мотор как оглашенный
Всё летел вперед, шипя.
Вдруг порывистым движеньем
Вверх подбросило мотор. . .
Граф, очнувшись, с изумленьем
Устремил в пространство взор.
Что ж он зрит? . . Пред ним домина,
А на доме том доска,
Где отмечена кончина
Русских песен вожака.
«Ба! — воскликнул граф мгновенно. —
Вот Колумбово яйцо!
Ведь решенье, несомненно,
Преодо мною налицо.
Как забыть хоть на мгновенье
Мог я, что от всяких бед
Есть на Мойке исцеленье
В доме том, где жил поэт!
Ясно, что полезной мерой
Тайный должен быть надзор».
Так решил граф с полной верой,
Оставляя свой мотор.
И, пылая нетерпеньем,
Как влюбленный мальчуган,
Он с охранным отделеньем
Обсудить спешит свой план.

4

Но прошел лишь ряд он камер,
Вмиг остыл его порыв:
Встал столбом премьер и замер,
С изумленьем рот раскрыв.
Что за странное виденье
На него нагнало сплин? . .
Он узрел листков тисненье
И печатных ряд машин.
Строй жандармов и агентов
Лист собирали за листом,
А другой ряд ассистентов
Их печатали потом.

Октябрьская идиллия. Рис. М. Добужинского.

От своей очнувшись спячки,
Потянулся граф к листам
И, схватив один из пачки,
Прочитал, что было там.
Черносотенным твореньем
Был листок из пачки той
И вопил с остервененьем:
«Нужно Витте гнать долой!»
Взявши лист другой с опаской,
На журнал премьер напал,
И — представьте! — «Витте пляской»
Назывался сей журнал.
В безграничном изумленьи
Граф воскликнул: «Боже мой!
И в охранном отделении
Нет охраны никакой!»
И, до сердца уязвленный
Таковым стеченьем зол,
Граф, понурый, удрученный,
Вновь на улицу побрел.

.....
Вихри выли в злобном хоре,
Город был окутан мглой,
А премьер в великом горе
Мчался бешено домой.

Февраль или март 1906

А. А. П Л Е Щ Е Е В
(Калностро)

---

158. СВОБОДА

Когда редактора в тюрьму
Посадят на два, на три года,
Не надо пояснять ему,
Что виновата тут свобода!

Когда стреляет пулемет
По спинам мирного народа,
То каждый раненый поймет,
Что виновата тут свобода.

Когда придут арестовать —
Ведь на аресты нынче мода, —
То каждый должен понимать,
Что виновата тут свобода!

Когда стрельбой снесут твой дом,
Лишив имущества, дохода,
Ведь это вовсе не разгром,
А виновата тут свобода!

Когда евреев гонят, бьют,
От хулиганов нет прохода,
Евреи чутко сознают,
Что виновата тут свобода.

Когда людей начнут пороть,
Твердят: «В семье не без урода» —
И часто до крови дерут,
А виновата тут свобода.

Когда бездействует закон,
Благого трудно ждать исхода,
Хоть Дурново и убежден,
Что виновата тут свобода!

Начало 1906

П. П. ПОТЕМКИН
(Андрей Леонидов; Пи-куб)

---

159. ДУБАСОВ И СВЕЧКА

Придя к Дубасову, копеечная Свечка
С ним о заслугах стала толковать
И утверждать,
Что он пред ней смиренная овечка.
«Превосходительный, судите сами вы, —
Так Свечка говорила. —
Сожгли вы только треть Москвы,
А я так всю Москву спалила».

Декабрь 1905 или январь 1906

160. ПЕШКА, КОРОЛЬ И ФЕРЯЗЬ

Шахматная басня

В своем бессилии уверясь,
Сказала Пешка: «Друг мой Фэрьязь,
Скажи мне, отчего, как я ни бьюсь,
Всё в Короли не проберусь,
Хотя, не скрою,
Фигурой сделаться могу любою?»
— «Утешься, не горюй о том, —
Ей Фэрьязь говорит с усмешкой, —
Ты не бываешь Королем, —
Зато Король бывает Пешкой!»

(8 января 1906)

161. СВОБОДА, СОЖАЛЕНИЕ И ЧИТАТЕЛЬ

Однажды нам была дарована Свобода,
Но, к Сожалению, такого рода,
Что в тот же миг куда-то затерялась.

Тебе, Читатель мой, она не попадалась?

(8 января 1906)

162

Он был прокурор из палаты,
Она же — родная печать.
Она о свободе мечтала,
А он — как бы крестик поймать.
И с горя она побледнела,
Померкнул сатиры задор. . .
И грезится ей беспрестанно:
«Сто третья», арест, прокурор.

(10 апреля 1906)

163. ОБЕЗЬЯНКА

Романцero

(Как будто из Гейне)

В лето тысяча шестое
До рождения Христова,
В год, когда еще не знали
Ни эсеров, ни Толстого,
Жил в Сиаме просвещенном
Царь Сиама Магасцевэ. . .
Был могуч, как Дурново, он
И свиреп, как старый Плева.
У него дворец был летний
(В зимнем нет нужды в Сиаме,
Там жара по Фаренгейту —
Два с какими-то нулями).
Перед тронem на площадке,

Было место для балета,
Там плясали баядерки
По законам этикета. . .
Словом, жил царь Магасцевэ
Так привольно и богато,
Как помещики живали
На Руси у нас когда-то. . .
Вдруг с царем беда случилась —
Фаворитка-обезьянка,
Что хранила ключ от двери
Государственного банка,
В казнокрадстве самом дерзком
Среди бела дня попалась:
Унести она из банка
Два миллиона собиралась.
И созвал царь Магасцевэ
Докторов своих придворных
И министров — пусть решают
В словопрениях упорных,
Что? — преступна обезьянка
Или только заболела
Чем-нибудь таким, что кражу
Совершить она посмела.
И пришел к царю лейб-медик.
«Царь, — он молвил, — мы излечим
Обезьянку, а не сможем,
Так помочь ей больше нечем. . .
Обезьянке нужны только
Климат новый и не жаркий,
Путешествие морское,
Вина самой лучшей марки. . .
Царь, пошли ее скорее
В Петербург, там все счастливы,
Люди там здоровьем пышут,
Все свободны, все красивы. . .
Не клюют там куры денег
(Ибо деньги там — бумажки),
Там народ не понимает,
Что такое каталажки.
Царь, отправь туда больную!
Царь, не медли, царь, не медли!» —

Так сказал царю лейб-медик,
Мудрый старец Игразедли.

Я не знаю, в заключение
Что предпринял царь Сиама, —
На российской почте, верно,
Затерялась телеграмма.

(1906)

164. МАНИФЕСТ И ТАРАТАЙКА

Наняв газетчик Таратайку,
Пук Манифестов вез с собою,
Но, подвернувшись под нагайку,
Лечим был преданной женою.
Читатель, в басне сей откинув Манифесты,
Здесь помещенные не к месту,
Ты только это соблюди:
Чтоб не попробовать нагайки,
Не ездь ты на Таратайке,
Да и пешком не выходи.

(1906)

165. ПО ПОВОДУ МАНИФЕСТА 17 ОКТЯБРЯ

Ей-ей, куплю вина и пива!
Сегодня всё мне трын-трава!
Дана свобода, коль правдивы
Попа приходского слова.
Пускай строчат себе доносы
Иль пишут гимн об этом дне,
Я злободневные вопросы
Пока оставляю в стороне.
Чем голову ломать трудиться,
Не лучше ль пьяному напиться.

Дана свобода! Правда ль это,
Что все теперь граждáне мы?
Я, впрочем, видел в это лето
Свобод немало. Из тюрьмы
Когда был выпущен, из части...
Но что я, что я в этот день
Бужу душевной злобы страсти,
Тревожу павших братьев тень!
Сегодня лучше веселиться:
Не грех и пьяному напиться.

Сосед мой, Дмитрий, был в Твери.
Слывет он в общем многознайкой.
Теперь готов держать пари,
Что нас не будут драть нагайкой,
А только шашкой и плашмя.
Иначе суд, и очень строгий;

Налю-ка пива в кружку я,
К столу придвину стул трехногий:
Чем битым быть, потом судиться,
Не лучше ль пьяному напиться.

Чудак наш доктор — говорит:
«Теперь настал конец стесненьям».
И принял важный такой вид,
Как будто взял жену с именем.
Позволь, дружище! В эти дни,
Скажи-ка, что было в управе?
Ах, что я, боже сохрани!
Я рассуждать совсем не вправе:
Могу лишь только веселиться
И пьян до чертиков напиться.

Пускай поют средь улиц песни
И пусть гудят колокола,
Я не пойду гулять, хоть тресни,
И петь не буду тра-ла-ла.
К чему веселье в это время,
Когда рекою льется кровь?
Еще не свергнули ведь бремя,
Еще не сбросили оков.
Без времени чем веселиться —
Не лучше ль пьяному напиться.

(1907)

М. Я. ПУСТЫНИН
(-Ы-)

---

166. ПАРОДИЯ

Когда гвардейский полк волнуется, как нива,
И черный лес штыков блестит издалека,
Когда по улицам вечерним горделиво
Шагают верные правительству войска;
Когда всеобщая пылает забастовка
И не клубится дым из ярко-красных труб,
Когда ретивая орудует винтовка
И грозно падает за трупом новый труп, —
Больной души моей тогда растет кручина,
И собираются морщины на челе,
И горе я могу постигнуть на земле,
И пред собой я вижу — Мина...

Декабрь 1905 или январь 1906

167. И СКУЧНО, И ГРУСТНО

(Размышления казака)

И скучно, и грустно в молчаньи толпой разъезжать
На лоне столичной природы...
Нагайка!.. что пользы нещадно и вечно хлестать
Безумцев, что жаждут свободы?
Убить... но кого же?.. Студента — не стоит труда,
А смуту убить невозможно.
В себя ли заглянешь, — там совести нет и следа:
И буйство, и смелость, и всё там ничтожно...

Что шашки? — от мерного звяканья их полудуг
Порой мне становится жутко;
Казачий патруль, как посмотришь с вниманьем вокруг,
Такая пустая и глупая шутка.

(4 февраля 1906)

168. КОРНЕТ

Пародия

Посвящается Фролову

Пока не требуют корнета
По предписанью в эскадрон, —
В заботах суетного света
Он малодушно погружен.

Молчат в нем страсти командира,
А револьвер не заряжен,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь крамольное *долой*
До слуха чуткого коснется,
Корнет отважный встрепенется
И на коне летит стрелой.

Как хищник, лютый и суровый,
Туда, где буйствует народ,
Бесстрашный мчится патриот,
Рубить мятежников готовый. . .

(1906)

169

Белеет парус одинокий
В тумане неба голубом.

Лермонтов

Шныряет сыщик одинокий
В тумане улицы густом.
За кем следит он, быстроокый?
К чему родной оставил дом?

В столице мрачной ветер свищет,
Шпион на встречного глядит,
Следы на нем крамолы ищет
И злой огонь в глазах таит.

Он «приключений» жаждет, хмурый,
К охране направляя путь,
И нелегальные брошюры
Найти желает где-нибудь!

(1906)

170. СОН

О, в этом сне так много странного,
Так фантастичен этот сон:
Из отделения охранного
Выходит бережно Гапон.

И на кладбище загорóдное,
Крадúчись, ночью он спешит,
И часто сердце благородное
В груди бегущего стучит.

Пришел. . . С улыбкою умильной
Венки рассматривает он
И на плиту глядит могильную:
«Георгий здесь лежит Гапон».

«Всё, что газеты куролесили, —
Он говорит, — пустая ложь!
Лишь потому *тебя* повесили,
Что *на меня* ты был похож!»

Гапона вдруг слезами крупными
Покрылось бледное чело.
«Служить с жандармами преступными
Немного, право, тяжело!

Но подружиться со шпионами
Мне всё ж удастся как-нибудь,
И благородными жетонами
Мою украсят скоро грудь!

Прощай! . .» С улыбкою умильною
Выходит, размышляя, он
И на плиту глядит могильную:
«Георгий здесь лежит Гапон».

. . . Домой спешил походкой пряткою
Гапон, боязнью одержим,
И сторож дремлющий калиткою,
Зевая, хлопнул вслед за ним.

Вернувшийся под сень «охранного»,
Был встречен кликами Гапон. . .
О, в этом сне так много странного,
Так фантастичен этот сон!

1906

А. РАДЗИЕВСКИЙ
(Альби)

171

Тиха, как подлая воровка,
И с каждым часом всё наглей,
Везде позорная веревка
Царит на родине моей.
Полны спасительного рвенья,
Христовой истины столпы,
Ей шлют свои благословенья
И «патриоты», и попы.
О вы, творцы жестокой были,
Неумолимые сердца,
Вы все как будто бы забыли,
Что у веревки *два конца*.

(1907)

172. СОВРЕМЕННАЯ ПЕСЕНКА БУЛОЧНИКОВ

Ну и времечко настало,
Бог нам, грешным, будь судья!
Тут задело, там застряло,
Ни покоя, ни житья;
И шумят, и куролесят, —
Беспорядки там и тут.
У Ванюхи-то не месят,
У Алехи не пекут. . .

Уж на что вам хлебопеки
(Чего сроду не слышать):
Ходят гордо, руки в боки,
В праздник стали отдыхать.
И поклона не отвесят,
Пред хозяином пройдут.
У Ванюхи-то не месят,
У Алехи не пекут. . .

Смотрят дерзко, без смущенья,
Что ни слово — всё в картуз.
Стачку сделав, без стесненья
Основали свой союз.
Ну, кого же тем не взбесят?
И святого в грех введут.
У Ванюхи-то не месят,
У Алехи не пекут. . .

Дали всем с остатком воли:
Кто как хочет может жить.

А хозяевам легко ли
Это всё переносить?
Их порядки эти бесят
И покоя не дают.
У Ванюхи-то не месят,
У Алехи не пекут. . .

Ведь они привыкли видеть
Подчинение во всем
И не счесть за грех обидеть
И купецким кулаком
Оплеух пяток отвесить,
А теперь и их под суд.
У Ванюхи-то не месят,
У Алехи не пекут. . .

Нет хозяевам поблажки,
Уваженья нет ни в чем!
Только чуть они, бедняжки,
Поиграют кулаком
Да, как встарь, закуролесят,
А уж слышно там и тут:
У Ванюхи-то не месят,
У Алехи не пекут. . .

Эх, хозяйева! Придется
Норов старый вам бросать,
Слишком долго он ведется,
Не пора ли перестать?
Ведь не пять нас и не десять,
А уж тысячи встают.
У Ванюхи-то не месят,
У Алехи не пекут. . .

(19 февраля 1906)

173. ХОЗЯЕВА И РАБОЧИЕ

Замышляют свой союз
Пекаря-купчины.
Только ждет их здесь конфуз,
Горький рок судьбины.

Все рабочие твердят:
«Не пойдем к буржуям,
В западню нас не поймать,
Чуем, чуем, чуем!»

Если волк сенца дает
Ласково барану,
Всё равно его сожрет,
Поздно или рано.
Волчьи штучки здесь под стать
И купцам-буржуям,
Но нас этим не поймать,
Чуем, чуем, чуем!

Миновали времена —
Вспомнить их позорно, —
Когда гнулася спина
У рабов покорно,
Когда лились реки слез
Пред крутым буржуем.
Зреет новый здесь вопрос,
Чуем, чуем, чуем!

Занимается заря
Светлая в отчизне,
Пробудились пекаря
К новой, лучшей жизни.
К старине не воротить
Их тупым буржуям.
В них протест огнем горит,
Чуем, чуем, чуем!

(26 февраля 1906)

М. П. С В О Б О Д И Н
(Д'ин; Зоил; — Один; Эс)

---

174. РЕФОРМАТОРЫ

Силуэты

Гляжу я в жизненный поток
И безусловно убедился,
Что реформаторов кружок
Неимоверно расплодился. . .
Что день, то новый восстает
С великолепной мыслью новой,
Громит всё старое сурово
И ряд проектов создает.

Вот старец. Чином облечен,
Сверкают густо эполеты. . .
Как, вашество? . . Да вы ли это?
— Мой дорогой, я поглощен
Реформой нашего балета!

Столоначальник. Закоснел
В делах. . . Как есть повиычик древний!
А ныне стал и скор, и смел
И бредит. . . русскою деревней!
До ночи с раннего утра
Он занят новою реформой:
Он утверждает, что пора
Снабдить крестьян особой формой.

И даже, право, я слышал:
Один ретивый губернатор

Себя нежданно показал
Как самый ярый реформатор!
Он говорит, что русский дух
Не любит терминов туманных,
Что просто русский режут слух
Ряды названий иностранных:
— Не «губернатором» назвать
Меня российский должен житель!
По-русски, должен вам сказать,
Я называюсь — у-пра-ви-тель!

На днях случайно заглянул
Я в грустный дом умалишенных.
Кругом стоял и шум, и гул,
И крик болезнью удрученных.
Гляжу — в углу сидит кружок.
Совсем устроились как дома. . .
Хотел пуститься наутек —
Но оказались все знакомы. . .
Амалья Грингмут-паладин,
Шарапов, сумрачный кликуша,
И Берг, и Ярмонкин-горюша,
И храбрый Павлов-дворянин.
Сидит, потупив скромно взоры,
Весь субсидированный строй,
И дружески между собой
Ведут тихонько разговоры.
И вмиг увидел я, на чем
Их бедный ум свалился с нормы:
Они помешаны на том,
Чтоб реформировать реформы!

(28 августа 1905)

175. НЕ ПРИВЫК!

Мелькают дни, но к жизни новой
Никак привыкнуть не могу. . .
Воспитан в школе я суровой
И долгий опыт берегу.
Газеты — точно в исступленьи.

Какая мысль! Какой язык!
И нет цензуры разрешенья...
Я не привык! Я не привык!

Зайдешь в случайное собранье,
Вскружится мигом голова...
Придумать трудно наказание
За эти дерзкие слова...
Да я бы их в былое время!..
Да я бы их... В единый миг!!
Все на подбор — крамолы семя!
Я не привык! Я не привык!

Под суд знатнейшие персоны,
За ними тащут груды «дел»...
Таких людей во время оно
Нигде никто судить не смел!
Назвать их чин и положенье
Не смеет робкий мой язык.
Я воспитался — в уваженьи!
Я не привык! Я не привык!

Я поражен необычайно.
От верных, преданных людей
Я слышал сам, что будто тайно
На митинг ходит — мой лакей!
Не справившись с годами, с чином,
На днях (а я уже старик!)
Меня назвали — «гра-жда-ни-ном»!!
Я не привык! Я не привык!

Да-с! Что ни день — то слышу новость.
Стал вверх ногами белый свет!
Исчезла прежняя суровость —
А скромности в помине нет!
Узнал в ужасном изумленьи,
Что будто приглашен мужик (!!)
Принять участие в правленьи,
Я не привык! Я не привык!

(13 ноября 1905)

176. ИЗ ПЕСЕН О СВОБОДНОМ СЛОВЕ

Я был издателем газеты. . .
Был горек прежний мой удел!
Но если тлели искры света,
Я их в тиши раздуть умел. . .
Вдруг — целый ряд мероприятий
Мне свыше грозный рок послал —
И я из цензорских объятий
Чуть-чуть в кутузку не попал.
Мой орган, стриженный и бритый,
Едва хрипел, едва дышал,
А злобный цензор ядовитый
Черкал-кромсал, кромсал-черкал.
Уж я чуть-чуть не бросил дело
Во избежание хлопот,
Как вдруг откуда-то слетело
Пять штук обглоданных «свобод»!
Желанный миг! Свобода слова!
Какой я номер выпускал!
Клянусь, от номера такого
Покойный цензор (бич суровый!)
В своем гробу затрепетал.
Но, ах! Пути свободы узки,
И случай вышел вдруг такой,
Что сам я избежал кутузки —
Зато в кутузке орган мой!

Конец 1905

177. МЕРЫ

На собрании на Констанцском. . .

На собраньи чрезвычайном
Звездоносцы заседали.
Осудивши всю Россию,
Казни ей изобретали.
Длинной речи впечатленье
Не боясь в умах ослабить.
Дурново рекомендует
Просто — всех и вся ограбить.

Предложил Малюта Трепов,
Чтоб отечество прославить,
Всё, что можно, уничтожить,
Остальное — окровавить.
Адмирал Дубасов грозный,
Рассмеявшись беззаботно,
Предложил Россию сделать
Всю — мишенью пулеметной.
А Коковцев думал просто,
Что польются счастья реки,
Если всю страну заложим
Мы немедля — и навеки.
Граф Игнатъев неуклонный
Предложил — совсем по-русски! —
Русских граждан поголовно
Рассады сейчас в кутузки.
И промолвил граф Портсмутский,
Озираючись тревожно:
«Мы, конечно, примем мѣры. . .
Что возможно! . . . Что возможно. . .»
Нерешительность такая
Многим странной показалась, —
А в окошко заглянула
Жизнь — и громко рассмеялась. . .

(6 января 1906)

178. ПОСТЕПЕННО

Кое-что переменилось, и
Остальное — неизменно,
Нам всё время говорилось:
«Надо, чтобы всё свершилось, —
Но, конечно, постепенно!»

Не во всякий верим вздор мы,
Но во благо — несомненно!
Вот и ждем благой реформы.
И остались все без корма
Постепенно, постепенно. . .

Ждем свободной, новой школы...
«Это надо непременно!»
Но по вешему глаголу
Педагогов, как крамолу,
Вытравливают постепенно...

«Кроме доблестной печати,
Слова мощного — всё тленно!»
Но бойцов из этой рати
Расхватали так некстати,
Всё прикрыли постепенно...

Вера детская — всё стынет,
Горький стыд растет отменно...
Скоро, скоро время минет,
И, как сон тяжелый, сгинет
Постепенность... Постепенно.

(19 января 1906)

179. БАЛЛАДА О ГЕНЕРАЛАХ

Шли по улице два генерала.
Их у нас, слава богу, немало.
И один был простой,
А другой
Был морской: чин носил адмирала.
«Вы с войны? Как сраженья, победы?..
Чай, вконец придушили соседа?» —
Но в ответ генерал
Пробурчал:
«Были только несчастья да беды...
Но к победам нельзя не стремиться:
На своих я решил ополчиться!
Ведь и внутренний враг —
Не пустяк!..
Для чинов, орденов — пригодится». —
«Ну и вы?» — «Тут большая забота:
Есть моря — не доищемся флота!

Я решил: так и быть,
Победить
Можно «внутренних»... Годны для счета.
На сухом берегу мне чудесно.
Долг исполнил я твердо и честно:
Приказал тысяч пять
Расстрелять —
И... победа моя всем известна».
Шли, идут и теперь... генералы...
Их у нас, слава богу, немало.
И один был простой,
А другой
Был морской: чин носил адмирала.
(21 февраля 1906)

180. ТАРАНТЕЛЛА

В вихре, в грозах и в тумане,
То отважно, то несмело
Мы танцуем на вулкане.
Тарантелла! Тарантелла!
Нас тарантул укусил,
И, как в старой яркой сказке,
Средь крестов, среди могил
Мы кружимся в буйной пляске.
Голоса вдали гудят
В исступленьи,
Как набат:
«Эй, назад!»
Нет покоя, нет забвенья,
Бесконечное стремленье!
Эй, вперед!
Всё крутится, всё вертится,
В пляске бешеной стремится...
Жизнь не ждет!
Эй, вперед!
Тюрьмы, рокот пулемета,
В небе зарево зардело...
Здесь кровавая работа,

Там в неволе умер кто-то...
Тарантелла! Тарантелла!
Губернаторы летят,
Генералы вьются роем,
Бюрократов длинный ряд
Закружился с диким воем...

Голоса вдали гудят

В исступленьи,

Как набат:

«Эй, назад!»

Нет покоя, нет забвенья,
Бесконечное стремленье!

Эй, вперед!

Всё кружится, всё вертится,
В пляске бешеной стремится...

Жизнь не ждет!

Эй, вперед!

Всюду видим невзначай мы,
Как из рук валится дело,
Здесь министра ищут внаймы,
Там, как нитки, рвутся займы...

Тарантелла! Тарантелла!

Как осенних листьев рой,

В вихре кружатся портфели...

Снова залпы загремели,

Снова стоны пред тюрьмой...

Голоса вдали гудят

В исступленьи,

Как набат:

«Эй, назад!»

Нет покоя, нет забвенья,
Бесконечное стремленье!

Эй, вперед!

Всё кружится, всё вертится,
В пляске бешеной стремится...

Жизнь не ждет!

Эй, вперед!

(1 марта 1906)

181. БРОНЯ

Юго-западные дороги располагают двумя бронированными и вооруженными поездами, которым присвоено название «карательных».

В С.-Петербург доставлено два автомобиля, покрытых броней и снабженных башенкой с пулеметами. Ожидается еще семь.

Из газет

Ах, напрасно мы тужили
Сокрушенною душою!
Есть у нас автомобили
С превосходною бронею.
Ведь они (конец заботам!
Разлетятся в прах печали!)
С прочной башенкой из стали
И с чудесным пулеметом.
В безопасности столица,
Жизни путь и чист, и гладок:
Пулеметов вереница
Водворяет нам порядок.
А в провинции гуляют
Поезда, блестя бронею...
Там порядок водворяют
Тоже твердою рукою,
Там искусно и умело
Укрощают дух народный,
Всё карательное дело —
Под бронею превосходной...
Я, признаться, очарован,
Но одна томит забота:
Флот был тоже бронирован...
А теперь не видно флота!
Ах, догадываюсь! знаю:
Бой со внутренним — важнее,
И теперь — броня иная,
Подороже, попрочнее!..
Возликуй, Победоносцев,
Жрец былого охраненья,
Если краше броненосцев
Поезда для усмиренья...
Март 1906

182. ПОД УСИЛЕННОЙ ОХРАНОЙ

Право, можно жить спокойно
Под усиленной охраной. . .
Пусть вначале — дикой, странной
Жизнь покажется, нестройной,
Но потом. . . когда взглядишься,
Путь спокоен, чист и гладок.
Поневоле изумишься:
Боже мой! Какой порядок!
Было смутно, было бурно,
Тяжело во мгле туманной. . .
Отдохнуть — ей-ей — недурно
Под усиленной охраной!

Преступлений нет. Не крадут. . .
Даже те, кто неповинны
(Миг короткий, путь недлинный!),
На покой в кутузку сядут.
Исчезает зло бесследно,
Агитаторы пропали,
Вся печать давно безвредна,
Мысли — скованы в опале.
Скрыты язвы, скрыты бездны,
Недостатки и обманы. . .
Как спокойно, как полезно —
Под усиленной охраной!

Мыслей вольных — нет в помине,
Если хочешь развлеченья —
Помечтай о храбром Мине,
О геройском усмиреньи. . .
Станет на сердце уныло —
Брось сомнения пустые:
В «Государстве Русском» милы
Все статьи передовые!
Есть и пить — совсем свободно,
В карты — действуй невозбранно. . .
Расчудесно! превосходно
Под усиленной охраной!

Начало 1906

183. ИЗБИРАТЕЛЬ

Баллада

Он был избиратель.
(В тревоге волнений
Храни их, создатель,
От всяких мучений.)
Горячее время,
Горячие речи.
Тяжелое бремя
Свалилось на плечи!
От разного шума
Всё в мыслях мутится.
Кого ж ему в Думу
Направить решиться?
Одни — в заключеньи,
Другие — пропали!
Он в тяжком смущеньи,
В тоске и печали.
«Назвать радикала —
Влетит от начальства!
Сыскать генерала? ..
Боюсь генеральства!»
И как он ни бился —
Нет мыслей удачных!
Совсем истомился
В сомнениях мрачных.
По счастью, в том доме
Был дворник — хранитель,
Маэстро в погроме,
Крамолы гонитель.
Он в фартуке белом,
Он с грозной метлою;
С лицом очумелым
Готовится к бою.
Пред ним избиратель
Упал на колени
(Храни нас, создатель,
От тяжких сомнений!).
«Достойнейший дворник,
Настала минута!
Ты смелый поборник

Идеи Грингмута,
Ты, вечно серьезный,
Будь другом и братом!
Дозволь мне, о грозный,
Тебя кандидатом
Для Думы поставить!
Низвергнется смута. . .
Дозволь мне прославить
Идеи Грингмута!»
Косматою бровью
Повел вопрошенный
И даже с любовью
Взглянул благосклонно.
«Ну, ладно, не балуй, —
Сказал он, подумав, —
Не прочь мы, пожалуй,
От эфтих от Думов».
Страхнул избиратель
С души своей бремя.
Храни нас, создатель,
В преддуманное время.

Начало 1906

184. НОВЫЙ КАБИНЕТ

Веря всяким странным слухам
В смене фактов и картин,
Веселись свободным духом,
Несвободный гражданин!
Министерство грустно вянет,
Прежних сил в министрах нет, —
И ему на смену встанет
Новый кабинет. . .
Слух прекрасный, слух отрадный
Прогремел, как ураган,
И ему внимает жадно
Тьма напуганных граждан.
Много раз обруган Думой,
Отказался от побед
Наш жестокий, наш угрюмый
Старый кабинет.

Попытались осторожно
Сохранить былую власть...
Оказалось невозможно
Уцелеть и не упасть!
Прежний выбор — неудачен,
Пользы нет, громаден вред...
Кто же будет нам назначен
В новый кабинет?
Мы приучены к обманам,
Всё давно перестрадав!
Нам ничуть не будет странным
Черносотенный состав...
Например... (Таким «примерам»
Был бы рад наш высший свет!)
Трепов сядет к нам премьером
В новый кабинет...
Мастер маленьких доносцев
И карательных работ,
Юбиляр Победоносцев
Сам себе портфель возьмет...
Дурново вернется снова,
Жандармерия — вослед,
Пара сыщиков... Готово!
Новый кабинет!

(22 июня 1906)

185. БЬЮТ!

Бьют налево, бьют направо,
Бьют нагайкой, бьют штыком,
Бьют открыто, бьют лукаво,
Бьют и ротой и вдвоем...
С увлеченьем бьют казаки,
Тупо бьет городовой,
Бьют и в драке, и без драки,
В одиночку и толпой.
Бьют нередко с увлеченьем,
По приказу часто бьют,
И, прельщаясь награжденьем,
Бьют и там, и здесь, и тут...
Бьют порою с пылу с жару,

Бьют спокойно и шутя,
Убивают сотню, пару,
И старуху, и дитя! . . .
Бьют и с шумом и без шуму,
Бьют весь день и бьют везде,
Мужика, и члена Думы,
И эс-эра, и ка-де . . .
Бьют жандармы, полицейский,
Бьют гвардейские полки,
Генерал один гвардейский
Славен «манием руки».
Бьют бойцы из черной сотни,
И из белой сотни бьют,
И порой из подворотни
Робко тьякает Грингмут.
Создаются вокруг погромы . . .
Наяву или во сне?
Что ж мы, дома иль не дома,
В завоеванной стране?
Или это враг жестокий
Покорил и растерзал
Край забитый, одинокий,
Что измучен и устал?
Бьют налево, бьют направо,
Бьют нагайкой и штыком,
Бьют открыто, бьют лукаво,
Бьют везде . . .
А мы живем!

(26 июня 1906)

186. ЭНТУЗИАСТ И ГОРОВОЙ

Э н т у з и а с т

Поздравляю вас с весной!
Воздух светел, ясны дали . . .
Кто вы, друг?

Г о р о д о в о й

Г о р о д о в о й .

Энтузиаст

О весне, мой друг, слышали?
О, смотрите! Блеск и свет,
Громки речи, ликование...
Вы довольны?

Городовой

Никак нет!

Не имею предписанья.

Энтузиаст

Что вы, друг мой! Ведь дана
Нам теперь свобода слова!
С мысли сбросила оковы
Наша юная весна!
Громко, радостно звучат
Наши речи новой вестью,
Громко...

Городовой

Разойдись! Эй! Осади назад!
Просят честью!

Энтузиаст

(удивленно отступая)

Как, ужели не проник
В эту душу шум весенний?
Охранительный язык —
В этом громе возражений!
Друг! Внимай моим речам!
Будешь с нами солидарен...
Ведь мне, счастлив будешь сам!
Верь!

Городовой

Пойдем в участок, барин!

(1906)

П. Е. СИМОНОВ
(Grosso modo ¹)

---

187. ДВЕ ДОРОГИ

По Руси великой без конца, без края
Тянется дорога, торная, прямая...
Много там прохожих... По бокам дороги
Строит им начальство тюрьмы да остроги.

Затерялась где-то узкая тропинка,
Чуть она заметна, что ни шаг — запинка:
Пни, овраги, кочки, страхи, запрещения, —
Это путь народа к храму просвещения.

(4 марта 1906)

188. ПЕРЕМЕНА

Изнывала под цензурой
Пресса, сжатая в кулак,
Но гулял редактор хмурый
На свободе как-никак.

С тем режимом не бесплодно
Бились в общей кутерьме:
Нынче пресса уж свободна,
Но редакторы — в тюрьме.

(4 марта 1906)

---

¹ Грубый тон (итал.). — *Ред.*

И. В. СКВОРЦОВ
(Solo)

---

189. ПЕСНЬ ТОРЖЕСТВУЮЩЕГО ДУРНОВО

(На мотив из «Fledermaus» И. Штрауса)

Раз кто задумал бастовать
Иль к забастовке призывать —
Арестовать, арестовать!

Кто стал союзы создавать
И о борьбе со мной болтать —
Арестовать, арестовать!

Кто станет митинги сзывать
И прокламации бросать —
Арестовать, арестовать!

Иль «Марсельезу» распевать
И с красным знаменем гулять —
Арестовать, арестовать!

Кто станет Витте порицать,
Статьи горячие писать —
Арестовать, арестовать!

Кто будет много рассуждать,
Дрянные книжки издавать —
Арестовать, арестовать!

Жандармов станет кто ругать,
Квартальным взятку не давать —
Арестовать, арестовать!

Кто «апельсины» стал бросать
И о республике кричать —
Того повесить!..¹

(9 января 1906)

---

¹ Последнего рефрена нет в штраусовской оперетке. Очевидно, он оригинальный.

190

Конституцья стиль нуво,
Радуйтесь, народы, —
Арестует Дурново
Всех друзей свободы:
«На жандармов разорюсь,
Первое им место!
Шлиссельбургом станет Русь
После манифеста».

Между октябрем и декабрем 1905

191. СКАЗКА-БЫЛЬ

Я хочу вам рассказать,
Как министры управлять
Шли...
Первый — Трепов подошел,
Он один закон завел:
«Пли! . . .»
Ну и действовал закон:
Что ни слово — то патрон —
Хлоп! . . .
Да, народ российский прост, —
Вдруг как встанет во весь рост:
Стоп! . . .
Видит Трепов-генерал:
Сорвался и маху дал...
Ну-с.

Порешили меж собой
Поднести Руси другой
Кус.
Витте-Портсмутский пришел,
Он другой закон завел:
«Ври!»
«Как, свободы не давать?
Я готов им обещать
Три!»
Ну и впрямь, до слов охоч,
Насвободил в ту же ночь,
Страх!
И наутро, в честь свобод,
Губернаторы в народ —
Трах! . . .
Тут народ как закричит:
«От свобод спина болит,
Ой!»
Мыслит Витте: ничего,
Позову-ка Дурново,
Стой!
Дурново уж тут как раз
И закон такой припас:
«Жать.
Сдать в кутузку пять свобод,
А бунтующий народ
Драть».
Так и правит до сих пор
Наш министр — и Соурс,¹ и скор, —
Страсть!
Слив в закон единый три:
«Жать» (и «драть»), и «пли», и «ври». . .
Власть!!
Как пойдут дела потом,
Вряд ли ведает о том
Кто.
Верно, бог еще пошлет
Нам законов и свобод —
Сто.
Не сочтешь в один присест!

---

¹ Удары, битье (франц.). — *Ред.*

193. АПЕЛЬСИНЫ

Апельсинами торговля
За границей поднялась,
Спрос огромный их в Россию...
Перевозка началась!
Видно, есть на то причины:
На Руси по всем углам
Апельсины, апельсины,
Апельсины здесь и там.

Здесь усилена охрана,
Там «военное» ввели...
И свобода на аркане,
И повсюду: «рота, пли!».
Видно, есть на то причины:
На Руси по всем углам
Апельсины, апельсины,
Апельсины здесь и там.

Здесь «рабочее движенье»,
Там крестьянство поднялось,
Пулеметов не хватает,
Покупать еще пришлось.
Видно, есть на то причины:
На Руси по всем углам
Апельсины, апельсины,
Апельсины здесь и там.

Губернаторы всё те же,
Где ж свободу им понять?
И свирепо продолжают
Нас «тащить и не пущать».
Видно, есть на то причины:
На Руси по всем углам
Апельсины, апельсины,
Апельсины здесь и там.

Полицмейстеры, царьками
Себя чувствуя вполне,
Черносотенной опоры
Ищут больше всё «на дне».

Видно, есть на то причины:
На Руси по всем углам
Апельсины, апельсины,
Апельсины здесь и там!

А казачество лихое,
Позабывши старину,
Знаменитою нагайкой
Истерзало всю страну.
Видно, есть на то причины:
На Руси по всем углам
Апельсины, апельсины,
Апельсины здесь и там.

(1906)

194. МОИМ ЗНАКОМЫМ

1

Ты человек был духом сильный...
И очутился в *«Пересыльной»*.

2

Ты был борец, свободе верный!..
И очутился на *«Шпалерной»*.

3

Мечтал о счастье народа!..
И *«крепостным»* стал на два года.

4

Умел насилье ненавидеть!..
Тебя нам больше не увидеть.

5

При обыске имел он спички!..
И сослан к черту на кулички.

6

Ты *им* сказал: «Свой пыл умерьте!..»
И был избит до полусмерти.

7

Любил страну ты — вот в чем грешен!..
И в результате был повешен.

8

Он энергичен, смел и делен!..
И очень скоро был расстрелян.

(1906)

А. А. СОКОЛОВ
(Гриб)

---

195. РАЕШНИК

Эй, холостые да семейные, подходи смотреть на дела
затейные;
Вали, ребята, становись кругом, у кого меди нет — плати
серебром.
Не жалея пятак для потехи!
В райке достанется каждому на орехи!
Куда, рыжий, лезешь! — начинается.

А вот предвыборное собрание, валит народ, как
на гулянье.
Всякий люд идет, есть и дамы в шляпке,
За ними студенты бегут без оглядки.
Господа и чернорабочие, и другие люди, до скандала
охочие.
Пришли, сели, промеж себя прохлаждаются — ораторов
дожидаются.
А ораторы народ занятой — иного прождешь час-другой.
Первым вылезает парень кудрявый — а череп у него
дырявый,
Предлагает рожь молотить обухом — сразу запахло
«русским духом»;
А дух тот публике — не по носу табак,
Всем давно надоел родной кабак.
Ему кричат, что он всё врет, а он в ответ: «Я патриот».
Только зал успокоился — кадетский оратор на мосточке
пристроился,
Завел свою шарманку — пустил в ход старую приманку!

Всякого в свою хату и так и этак зовет.

Встает социал-демократ, говорит: «И этот врет»,

С кадетом, значит, не соглашается.

А шум всё растет — поднимается. . .

Смотришь, тут эсер пристал — и пошел большой

скандал;

Никто ничего не понявши — уходит домой не солоно

хлебавши.

Всяко бывает.

Иной раз такое слово скажет оратор-простак,

Что сразу попадетя впросак.

Встанет пристав и вежливо скажет: «Об этом ни-ни».

А оратор отвечает: «В таком случае мерси».

Сядет да замолчит — ан тут, смотришь, вся публика

загалдит,

Спрашивает пристава: по какому праву

Оратор пришелся ему не по нраву?

Мы, говорит, не понимаем этой оказии,

С которых пор мы снова в Азии?

Это, говорит, провокация, — мы теперь развитая нация.

А пристав ухмыляется, ус вертит, глазами водит, а сам

молчит.

Полиция входит, зал очищает — всех честно просит

и вон провожает. . .

Таким манером собрание кончается;

Публика чай пить домой отправляется.

А теперь, господа, до свидания —

До следующего собрания.

(1906)

196. ШУТ

Дивитесь вы моей одежде,
Смеетесь: что за пестрота! —
Я нисхожу к вам, как и прежде,
В святом облиии шута.

Мне закон ваш — не указка.
Смех мой — правда без границ.
Размалеванная маска
Откровенней ваших лиц.

Весь лоскутьями пестрея,
Бубенцами говоря,
Шутовской колпак честнее,
Чем корона у царя.

Иное время, и дороги
Уже не те, что были встарь,
Когда я смело шел в чертоги,
Где ликовал надменный царь.

Теперь на сходке всенародной
Я поднимаю бубен мой,
Смеюсь пред Думою свободной,
Пляшу пред мертвою тюрьмой.

Что, вас радуют четыре
Из святых земных свобод?
Эй, дорогу шире, шире!
Расступитесь — шут идет!

Острым смехом он пронижет
И владыку здешних мест,
И того, кто руку лижет,
Что писала манифест.

2 ноября 1905

197

У правительства — нагайки, пулеметы и штыки.
Что же могут эти средства? Так, немножко, пустяки.
А у нас иное средство, им орудуем мы ловко,
Лютый враг его боится. Это средство — забастовка.
Рядом с ловкой забастовкой очень весело идет
Хоть и маленький, но тоже удалой и злой бойкот.

20 ноября 1905

198

Четыре офицера
В редакцию пришли,
Четыре револьвера
С собою принесли.

Они сказали грозно,
Схватившись за мечи:
«Пока еще не поздно,
Покайся, «Русь», молчи.

Писаньями обижен
Полковник храбрых Мин,
Который столь приближен
К вершинам из вершин.

Коснулись вы чести
Геройского полка,
Так страшной бойтесь мести,
Отложенной пока.

Наш храбрый полк, писаки,
Достоин русских войск,
В Гороховой атаке
Был дух его геройск.

Был сразу враг сконфужен,
Чуть шелкнули курки,
И даже стал ненужен
Лихой удар в штыки.

Итак, не сочиняйте
Про славу наших рот:
«Казенный вестник», знайте,
Достаточно наврет.

А если правды слово
Прочтем о нас в «Руси»,
Поступим так сурово,
Что боже упаси.

Возьмем крутые меры,
И сами вчетвером
Не только револьверы,
И пушку принесем».

Умолкли все четыре,
Свершивши этот акт,
И, грудь расправив шире,
Ушли, шагая в такт.

27 ноября 1905

199. ВЕСЕЛАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

(На четыре голоса)

Что вы, старцы, захудали,
Таковы невеселы,
Головы повесили?

— Отошшали!

Что вы, старые старухи,
Таковы невеселы,
Головы повесили?
— С голодухи!

Что вы, парни, тихи стали,
Не играете, не скачете,
Всё ревете, плачете?
— Тятку угнали.

Что вы, детки, приуныли?
Не играете, не скачете,
Всё ревете, плачете?
— Мамку убили.

4 декабря 1905

200. ЗА ЧАЙ, ЗА МЫЛО

Солдатская песня 1905 года

Братцы солдатúшки,
Бравы ребятушки,
Шибко поспешайте,
Бунты утишайте.

— То-то вот, что тощи,
Черви лезут во щи.
Наши командиры
Отрастили брюхи.

Братцы солдатúшки,
Бравы ребятушки,
Злым не верьте людям,
Мы вас не забудем.

— Речи эти стары —
Тары-растобары, —
Наши командиры
Знают всю словесность.

Братцы солдатúшки,
Бравы ребятаúшки,
По сему случаю
Не хотите ль чаю?

— Чаю мы желаем,
Только вместе с чаем,
Добрым обычаём,
Дайте командиров
Нам не мордобойцев.

Братцы солдатúшки,
Бравы ребятаúшки,
Что вас сомутило?
Не хотите ль мыла?

— Прежде дули в рыло,
Нынче дали мыла, —
Ишь, залебезило
Грозное начальство
Перед нашим братом.

8 декабря 1905

201. ХАЛДЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

Царь Халдейский
(*соло*)

У меня ли не житье!
Всё казенное — мое.
Государство — это я,
И над всеми власть моя.

Халдейские люди
А у нас-то вот житье!
Что встаем, то за вытье.
Мы несем во все места,
А мошна у нас пуста.

Халдейский царь

Не пойди ль мне на войну
В чужедальную страну,
Злата, серебра добыть,
Чтоб еще богаче быть?

Халдейские люди

Собирают нашу рать.
Знать, нам время умирать.
Нас погонят на войну
За халдейскую казну.

Халдейский царь

Что там? Вздумали роптать?
Стройся, верная мне рать!
Поострей точи мечи!
Бей! коли! руби! топчи!

Март 1907

В. В. Т Р О Ф И М О В
(В. Т.; В. Т-ов; В. Троф.; Т.; ...ов)

---

202. ВСТРЕЧА

(ДВУХ РЕДАКТОРОВ НА ШПАЛЕРНОЙ УЛИЦЕ)

- А! Вы еще туда?
- А вы уже оттуда?
- Отпущен до суда.
- Я посижу покуда.
- Я внес уже залог!
- Мне, думаю, найдется!
- С трудом пять тысяч мог!
- Ужель и мне придется?!
- Прощайте! До суда!
- А не свершится чуда?!
- Бедняга! Вы туда!!
- Счастливец! Вы оттуда!

Ноябрь или декабрь 1905

203. О ЧЕМ МОЖНО ПИСАТЬ

Нельзя писать: о бюрократе,
Об офицерстве, о солдате,
О забастовке, о движеньи,
О духовенстве, о броженьи,
О мужике, о министерстве,
О казни, о казачьем зверстве,
О полицейских, об арестах,
О грабежах, о манифестах!

Но остальное всё — печать
Должна сурово обличать!
Когда ж напишешь — просмотри
«128» и «103»...

Ноябрь или декабрь 1905

204. КАК ИВАН-ДУРАК СПАС СЕЛО ГОЛОДНОЕ

Сказка

Собирались мужички,
Мужички — не дурачки...
Стали думать, как им быть,
Где бы хлебушка добыть:
Нету сена, вышла рожь,
И на скот пошел падеж...
Надо сеять — нет овса...
Зарастает полоса...
Горевали мужички,
Мужички — не дурачки...
«Вон теперь у наших бар
От муки трещит амбар,
И мякины, и овса!
ТЬфу! Их леший забодай!!!
Эх, телега пропадай,
Все четыре колеса!»

Судят эдак, судят так...
Молвил вдруг Иван-дурак:
«Я вам в горе помогу,
Лишь об этом ни гу-гу!»
Засмеялись мужички,
Мужички — не дурачки...

Утром рано наш Иван,
Взяв дырявый свой кафтан,
Вороную впряг в соху...
«Ванька, дурень! Быть греху!» —
Говорили мужички —
Молодежь и старички...

Ванька с песнею лихой
Скачет по полю с сохой...
В полдень он на вороной
Вновь явился — с бороной...

Все хихикают в кулак:
«Что ж посеет наш дурак?»

Ванька лоб перекрестил,
В шапку пальцы запустил,
Начал кукиши кидать,
И смеяться, и рыдать...
Ваньке дали тумака
И связали дурака...

Год прошел, тяжелый год...
Обеднел совсем народ:
Нету сена, вышла рожь,
И на скот опять падеж.¹⁾
Надо сеять, — нет овса...
Зарастает полоса...

Вот однажды мужичок,
Мужичок — не дурачок,
С перепугу поднял крик...
Всё село сбежалось вмиг:
«Братцы! Диво! Не могу!!
У Ивана на лугу
Всё большие кулаки
Наподобие руки
Кверху лезут из земли!!»
— «Брось, Емеля, не мѐли!»
Стал божиться мужичок,
Мужичок — уж старичок...

Любопытство подвело:
Побежало всё село.

«Диво! Верно — кулаки!!» —
Волновались мужики...
Ванька-дурень гоготал,
Над испугом хохотал:

«Ох, умру! Ой-ой, невмочь!
Я хотел селу помочь!
Если надо овсеца,
Ржицы, проса и сенца, —
Так бери себе кулак!» —
Говорил Иван-дурак...

Почесались мужики
И взялись за кулаки...

(4 декабря 1905)

205. ТЕЛЕГРАММЫ

(Срочные)

ОТ Г-НА ДУБАСОВА Г-НУ ДУРНОВО

Нету войска. Нет патронов,
Нету жизненных припасов.
Море крови, море стонов.
Я тону в Москве...

Дубасов

ОТ Г-НА ДУРНОВО Г-НУ ДУБАСОВУ

Море крови?.. Я не стану
Говорить вам ничего,
Ведь плыву ж по океану,
Не тону я...

Дурново

ОТ Г-НА ДУБАСОВА Г-НУ ДУРНОВО

Жду ответа телеграфом.
Посоветуйтесь хоть с графом.
Повторяю — нет запасов.
Выручайте...

Ваш Дубасов

ОТ Г-НА ДУРНОВО ГРАФУ ВИТТЕ

Адмирал Дубасов пишет,
Что в Москве он еле дышит,
Что сидит безо всего...
Чем помочь бы?

Д у р н о в о

ОТ ГР. ВИТТЕ Г-НУ ДУРНОВО

Я не верю; быть обману:
Шутит, верно, телеграф...
Чрезвычайную охрану
Мог ввести он...

В и т т е - г р а ф

ОТ Г-НА ДУРНОВО Г-НУ ДУБАСОВУ

Граф ответил очень грозно:
Есть «охрана» для того;
Коль в Москве еще не поздно,
Объявляйте...

Д у р н о в о

При передаче последней телеграммы произошло замешательство: явились телеграфисты-забастовщики «снимать» товарищей с работы. Телеграмма была передана спешно:

Г-НУ ДУБАСОВУ ОТ Г-НА ДУРНОВО

Граф ответил: слишком поздно,
И охрана ничего,
Развилось движенье грозно.
Убегайте!

Д у р н о в о

Телеграф забастовал.

Перехватил В. Т р о ф

Декабрь 1905

Проснулся я... Дрожу как в лихорадке;
 В глазах моих неясные круги;
 Чуть виден свет мерцающей лампадки,
 И слышен храп усталого слуги...
 Хотя темно, но за стеною глухо
 Часы уже «прокуковали» шесть.
 Встает, кряхтя, с молитвою старуха:
 Сегодня ранняя обедня есть...
 Придя в себя, я, сидя на постели,
 Стал вспоминать зловещий, страшный сон.
 И мысли тут такие налетели,
 Что уж вконец меня расстроил он...

Иду один по улице пустынной,
 Задумчиво нахмутивши свой лоб.
 Навстречу вдруг мне вереницей чинной
 Ряд погребальных дроб — за гробом гроб...
 Один... другой... Я насчитал четыре,
 И в красный цвет окрашены они;
 Возницы все в особенном мундире,
 А в факелах — кровавые огни...
 Никто не шел на кладбище у гроба...
 Иль мертвецов никто уж не жалел?!
 Лишь в стороне плелась одна особа:
 Тоской ее усталый взор горел...
 Я подошел... Гроб совершенно новый...
 «Кого везешь?» — я предложил вопрос.
 В ответ возница указал суровый
 На ленту и венок из алых роз...
 Я прочитал: «От всех твоих страданий
 Ты наконец нашла себе исход:
Свобода всех союзов и собраний
 Здесь мирно спит и не проживши год!»
 «Пришлось дни безвременно скончати!.. —
 На гробе так я прочитал втором. —
Свобода здесь и слова и печати,
 До лучших дней покойся тихим сном!»
 На третьем гробе: «Не дождавшись эры,
 Когда должна была торжествовать,

Она, *свобода совести и веры,*
Легла опять сном мирным почивать!»
«Свобода личности здесь спит, бедняжка! . . . —
На ленте я четвертой прочитал. —
Жилось ей мучительно и тяжело,
И смертный час безвременно настал!»
Я подошел к таинственной особе. . .
Ответ ее был искренен и прост:
«Я — *Конституция!* А в каждом гробе
Моя *свобода* едет на погост!»

(5 ноября 1906)

207. МУЖИЦКАЯ ПЕСНЯ

На погост Илью везут —
Всей деревнею ревут. . .
    Плачут! Калина!
    Горько! Малина!
Ведь убиты до сих пор
Гришка, Сила и Егор!
    Федор! Калина!
    Павел! Малина!
У харчевни на суку
Уж повесили Луку.
    Глеба! Калина!
    Савву! Малина!
Остальных в селе отряд
Мужиков дерет подряд
    Розгой! Калина!
    Плеткой! Малина!
На одном и том же месте
Всыпят им ударов двести,
    Ловко! Калина!
    Лихо! Малина!
Заливаются слезами
Девки целыми часами!
    Стонут! Калина!
    Воют! Малина!

На селе теперь вдовиц
Больше, чем на поле птиц!
Вдвое! Калина!
Втрое! Малина!

(Март 1906)

208. В БАНЕ

В день субботний в жаркой бане
Собрались для омовений,
Позабыв о чине, сане,
Люди разных направлений. . .

Мылись тут максималисты,
Поп, учитель, провокатор,
Анархисты, гимназисты
Да приезжий губернатор,

Был купец из черной сотни,
Два кадетика-дворяне. . .
Это было в день субботний
В многолюдной жаркой бане.

В день субботний в жаркой бане
Шли занятные дебаты,
Кто при нынешней охране
Будет выбран в депутаты. . .

Говорили, от крамолы
Нет в России избавлений. . .
Тут все люди были голы,
Хоть и разных направлений.

Говорил с улыбкой детской
Охранитель откровенно:
«Дума будет вновь кадетской,
И разгонят несомненно!»

«Будет Дума левой группы!» —
Пробурчал в ответ чиновник. . .
«Говорите, будут трупы?» —
Вдруг спросил глухой сановник.

В жаркой бане люди голы. . .
Говорили без боязни
О влиянии крамолы
И значеньи смертной казни. . .

Высоко сидел священник,
Речи слушая смущенно.
Взявши в руки мокрый веник,
Бил себя ожесточенно.

«Сечь крамольников нагайкой!» —
Крикнул взмыленный чиновник.
«Что? Кого убили шайкой?» —
Вновь спросил глухой сановник.

«Извести мечом крамолу!» —
Фыркнул мокрый губернатор.
«Уничтожить надо школу!» —
Вставил робко провокатор.

«Возлюбите, братья, бога!» —
Крикнул спорщикам священник. . .
«Убоимтесь острога!» —
Кончил поп, отбросив веник.

В жаркой бане все раздеты,
И атлеты и калеки,
Обновленцы и кадеты,
И эс-эры и эс-деки. . .

Кто такой, поди узнай-ка,
Если в бане люди голы:
Может, здесь собралась шайка
Для раздутия крамолы?!

Многих сильно спор озлобил
В жаркой бане в день субботний. . .
«Фу! Умылся! Бог сподобил!» —
Рек купец из черной сотни.

«Одеваться! Пятый номер!» —
Молвил, вымывшись, чиновник.
«Кабинет еще не помер!» —
Проворчал глухой сановник.

Слез священник ярко-красный
Вниз с полка горячей бани;
Разговор шел громогласный
О великом Крушеване,

Об усиленной охране,
О значеньи черной сотни. . .
Это было в жаркой бане,
В людной бане в день субботний.

1906

209. В АЛЬБОМ ВЫПУСКНЫМ КАДЕТАМ

Ускоренный выпуск кадет
восторженно принял весть о на-
значении новопроизведенных
подпоручиков в карательные
отряды.

Из газет

Не пленяйся Мина славой,
Подпоручик молодой,
Не бросайся в бой кровавый
С безоружною толпой!
Знаю я, что ты отважен
За спиной своих солдат,
Что совсем тебе не страшен
Ряд народных баррикад.
Знаю я: пусть будешь целью
Для крамольного огня, —
Под военную шинелью
Блещет звонкая броня.
Но боюсь я: в битве дерзкой
Ты утратишь, как и Мин,
Вместе с честью офицерской
Имя — «русский гражданин».

(Март 1906)

210. ОСЕНЬ

Погас надежды луч туманный,
В столице шум стихий замолк, —
И жаждет снова славы бранной
Герой Москвы — гвардейский полк.

Его почуя, житель робкий
Дрожит, как Мищенко на сопке,
И прячет битую спину
То за детей, то за жену...
И забастовок злых не чуя,
И не страшась лихих обид,
Кронштадтский старец «Аллилуйя»
С улыбкой постною твердит;
И томно молятся гетеры;
В «Крестах» спасаются эсеры,
И, злой реакции холоп,
Терзает их казенный клоп.

⟨Март 1906⟩

211. NEVERMORE! ¹

Каркнул ворон: «Nevermore!»

Эдгар Поэ, перев. Altalena

Как-то в мрачный день осенний, полный смутных
опасений,
Над российской печатью я задумался, склонясь...
Я читал, она шуршала: день великого начала,
День расстрела, день провала приводились ею в связь...
Я подумал: «Прекратится ль этот гнусный наговор?»
Шепчет «Око»: «Nevermore!»

Помню всё, как это было: меркла рента так уныло...
За окном охрана выла и... свистел городской...
Нет доверья! Слабнут узы!.. Не помогут ли французы,
Иль октябрьские союзы, иль... военно-полевой
Возвратить былую силу и разрушить договор?
«Речь» лепечет: «Nevermore!»

Призрак бомбы, шум и шорох, треволненье в мутных
взорах
Чуткой, жуткой, странной дрожью обдало меня всего...
И, смиряя пыл тревожный, я шепнул в надежде ложной:

---

¹ Никогда больше! (англ.) — *Ред.*

«Нет! Спасти еще возможно: жив великий Дурново!
А Суворин вновь на помощь спустит псов с надежных
свор. . .»

Плачет «Время»: «Nevermore!»

«Если так, так вон, нечистый! К «октябристам» вновь
умчись ты! —
Гневно крикнул я, вставая. — Черносотенный убор
На себя я вновь надену, я пойду глушить измену,
Я пошлю реформы к хрену. . . Под дубровинский топор.
Витте вновь заем устроит, как он делал до сих пор!»
Свищет «Знамя»: «Nevermore!»

Между августом и октябрём 1906

212. «РУССКАЯ»

Предвыборная пляска

Пред Таврической палатой
Под прикрытием штыков
Пляшут «русскую» два брата —
Сам Плевако и Гучков.
То умильно кверху глянув,
То пугливо глянув вниз,
Пара доблестных баранов
Выбивается на приз.
Ох, ребята, час не ровен:
Не подвел бы этот спорт —
Не проведаль бы Дубровин,
Не побил бы ваш рекорд.
На «расейскую» манеру
Он у нас плясун-мастак:
У него и «духу» в меру,
У него с кувшин кулак.
Он смелее, он прямее,
К цели верно он идет,
Он у нас, прибавить смею,
Чистокровный патриот.
Не потерпит он во гневе
Конкурентов «трепака».
Хоть сродни Плевако Плева,
Но лишь с первого плевка.

Эх, ушли бы вы без драмы. . .
Там идут ведь напролом:
Нет погромной там программы,
Но программный есть погром!

(18 ноября 1906)

213. ПРОГРЕСС

Уфа. Чрезвычайная охрана
заменена усиленной.

Телеграмма

Ликуй, Уфа! Судьбою тайной
Вперед идешь ты неустанно:
Взамен охраны чрезвычайной
Тебе усилена охрана.
Волной спасительной террора
Для славы родины влекома,
Я верю, ты узнаешь скоро
Эпоху черного погрома.

1906

214. ЗАЕМЩИКИ

Ой, темна, уныла сметушка,
Нет в проекте ни шиша,
Пожалей, моя соседушка,
Сердобольная душа.

Не обидь, дружок, монетою,
Раскошешься, не скупись,
Дай управиться со сметою,
Дай подняться ренте ввысь.

Ведь процентики немалые
Соберешь потом ты с нас,
Как войска наши удалые
Завоюют наш Кавказ.

Как Сибирь накажут снежную,
Польшу гордую сметут
И Лифляндию мятежную
К подчиненью приведут...

. . . . .
Знают только боги самые
Да, пожалуй, телеграф,
Как соседка упрямая
Свой показывала нрав.

1906

215. ОНИ

В эти смутные дни
Собирались они
Сотней:

Нанимать ведь стране
По оптовой цене
Сходней.

Проникался отряд,
Как теперь говорят,
Духом.

В битву шел, точно зверь,
Коли верить теперь
Слухам.

Но хоть сам генерал
По округе играл
Люто,

Всё упрямо росла
На Руси без числа
Смута.

{1906}

ГОРЕМЫКИНЪ.

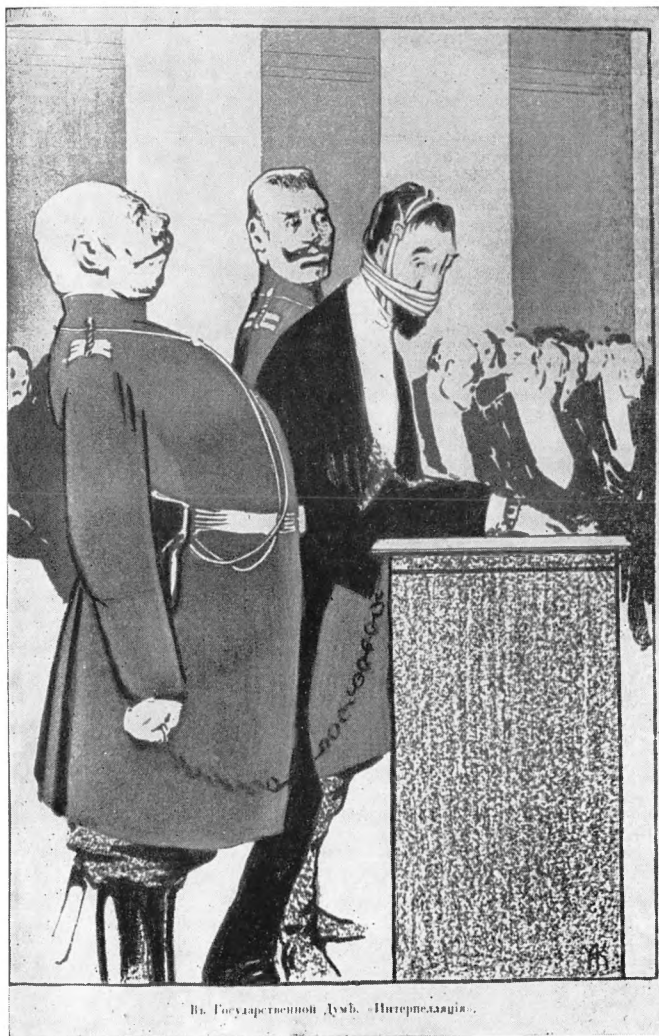
Б. К.

Намъ нечего сказать хорошо. Оба конкурента и безъ насъ и безъ насъ...
...и безъ насъ и безъ насъ... и безъ насъ и безъ насъ...
...и безъ насъ и безъ насъ... и безъ насъ и безъ насъ...
...и безъ насъ и безъ насъ... и безъ насъ и безъ насъ...

ВЪ ПРОВИНЦІИ Ц. № 20 К

Горемыкин. Рис. Б. Кустодиева.

В Государственной Думе. «Интерпелляция».

В Государственной думе. «Интерпелляция».
Рис. А. Кудинова.

216. ПАТРОНЫ И ПАТРОН

Спрятав лик в пальто бобровое
От крамольников-врагов,
Получивши место новое,
Едет Трепов в Петергоф.

Покидая пост диктатора,
Льет он слезы в три реки.
Два шпиона-provокатора
Сушат мокрые платки.

«Ах! Подобного нелепого
Я не ждал себе конца:
Генерал-майора Трепова,
Благодетеля-отца,

Кто порядки образцовые
Ввел словами: «Целься! Пли!» —
В коменданты во дворцовые
Не спросяся упекли!

Ведь для них я был мессиею,
Охранял и строй, и трон,
Был один над всей Россиею
Покровитель и патрон!»

Трепов! Не по доброй воле ли
С места вам пришлось слететь?
Сами вы учить изволили,
Чтоб патронов не жалеть!

Октябрь 1905

217. ИЗ МИЦКЕВИЧА

Снарядившись для похода,
Писарёвский воевода
Говорит команде речь:
«Враг пред вами. Цель в прохвоста!
Меть верней! Бери в полроста.
Разом пули и картечь!
Бить мерррзавца — честь солдата.
Раз, два, три! Пали, ребята!
Пусть издохнет скверный гад!»
— «Рад стараться!» — взвыли взводы,
Дружно в спину воеводы
Выпуская весь заряд.

(19 ноября 1905)

218

Ты пойдь, моя коровушка, домой,
Ты пойдь, моя непоенная!
За тобой давно следит городской:
Будешь скоро успокоенная!

Запишись скорей ты в партию П. П.
Иль возьмись за ум да в «Русскую»:
Коль найдешь друзей в шпионе да в попе,
Не спознаешься с кутузкою.

Если ж нет — тебя сведут в арестный дом,
Изобьют тебя, как гадину,
Назовут тебя крамолы вожакom
И съедят твою говядину!

(5 февраля 1906)

219. ИЗ ГЕЙНЕ

На острове диком.

Дзунлúлу Десятый, король каннибалов,
Решив подкрепиться чуть-чуть,
Съел двух стариков, трех девиц и ребенка
И лег на часочек всхрапнуть.

И снится ему, что в том крае далеком,
В том крае, где клюква растет,
Обжора Дубасов полковнику Мину
Такой же обед задает.

(1906)

220

С свободной партией
Игру затеяли,
Носились с хартией . . .
И что-то сеяли.

Всё наставления
Да обещания —
В два-три мгновения
Построить здания. . .

Ждем с недородами,
Живем с тенётами,
С пятью свободами
И пулеметами. . .

(25 февраля 1906)

О. К. У М О В А
(Демократка)

---

221. БОЙ ПРИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ

Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Войска, охваченные жаром,
Вели с народом бой?
Ведь надо, верно, быть причине
Такой невиданной картине;
Недаром вспомнят все отныне
Про день тот роковой.

Да! Есть же люди в наше время,
Совсем безжалостное племя, —
Из гвардии полков;
Их на войну не посылают,
Они здесь в Питере гуляют
И лишь столицу защищают
От внутренних врагов.

Студенты в институт собрались
И там усердно занимались
С директором своим.
А власти все уж всполошились, —
Гвардейцев звать скорей решились,
И вмиг семеновцы явились
С полковником лихим.

Он в жизни был великим хватом
И закричал тотчас солдатам:
«Ребята, стройся в бой!

Мы на крамольников ударим,
Студентов всех живьем зажарим,
В кровавой бане их попарим.
Скорее все за мной!»

Ну ж был денек! Толпой могучей
Гвардейцы двинулись, как тучи,
На мирный институт,
К ним конный полк еще в подмогу
Примчался шумно на тревогу.
Меж тем толпа уж понемногу
Сбираться стала тут.

В своих руках зуд небывалый
Корнет один почуял шалый,
Фамилией Фролов.
И на толпу пошел в атаку —
Сейчас ведь видно забияку,
Что с безоружным даже в драку
Полезть всегда готов.

Случилось страшное тут дело:
Он был хоть юн, но уж умело
Своим мечом рубил.
За ним другие в бой вмешались,
И старцы, дети избивались,
И громко стоны раздавались
Тех, кто замучен был!

Да! Есть же люди в наше время,
Совсем безжалостное племя, —
Из гвардии полков;
Их на войну не посылают,
Они здесь в Питере гуляют
И лишь отчизну защищают
От внутренних врагов!

(1906)

Н. И. ФАЛЕЕВ

(Ле-в; Метислав; Н. Ф.; Нео-Овидий;
Ринальдо-Ринальдини; Сила Дворянинович; Фарлаф;
Чуж-Чужениц)

---

222. ОСЕЛ И СОБАКА

Басня

Осел вступил однажды в спор
С цепной Собакой
И стал доказывать, что всякой
Свободной мысли есть у нас простор,
Лишь форму бы она законную имела.
«Овчарушка, мой свет! —
Сказал Осел. — Узды для мысли нет,
Но мысли надо выражать умело
И почитать закон!..»
— «А если он, —
Овчарка возражает, —
Меня стесняет
И мой собачий лай
В торжественную оду превращает?»
— «А ты, Овчарушка, по правилам полай,
Хвостом с почтеньем повиляй,
Сегодня похвали, а завтра повторяй,
Глядь: послезавтра ты и приобвыкла...
Когда б ты в дело вникла,
То поняла б сама,
Что без закона мысль — анархия и тьма!..»
При сих словах Овчарка хвост спустила
И взвыла.
А наш благонамеренный Осел
К волкам-блюстителем пошел,

Чтобы в законе
Справку раздобыть:
Имеет ли Овчарка право выть
В минорном тоне?

(13 июня 1905)

223. ЗАЯЦ-ОБЛИЧИТЕЛЬ

Басня

«Я — Заяц! Я — известный либерал!
Консерватизм претит моим принципам...
Весь век я пеной бешеной плевал:
Дубам сатиры посвящал,
Читал я обличенья липам,
Бранил за легкомыслие стрекоз,
Негодовал на приставанье ос,
Бранил траву за шум беспечный
И даже раз дошел до дерзости такой,
Что Путь на небе Млечный
Жестоко выругал! О да!.. Я — Заяц злой!..
И там, где попранные блага,
Где слабый никнет головой, —
Там — я, и тем я — свой!..
О, если б...» Вдруг какая-то бумага
От ветра шевельнулась в кустах...
Исчезла заячья отвага,
Объял его понятный страх...
Мгновение — и либерала ушки
Мелькают где-то у опушки..»

(7 августа 1905)

224. СОБАЧЬЯ РАДОСТЬ

Басня

На улице две встретились собаки.
Обнюхались и вместо драки
На темы модные вступили в разговор.
«Поверишь ли? У нас в смущеньи целый двор! —

Сказала радостно Дворняга. —
 Я слышала ушком: получена бумага,
 Чтоб нас, собак, пустили на простор
 И что ошейники отныне — сущий вздор,
 А этот вечный наш позор —
 Намордник —
 Сожжению подвергнет дворник. . .
 Вот то-то будет рай:
 Где хочешь — там гуляй,
 Свободно лай
 И безбоязненно обнюхивай друг друга. . .
 Жужу! Почтенная Жужу:
 От счастья я грядущего дрожу!
 Подумай: псы такого круга,
 Как мы. . .»
 — «О! Дивный жданный миг! —
 Жужу Дворняжку перебила. —
 Я чувствую: во мне опять явилась сила,
 Мой дух — могуч! Мой дух — велик!
 И — слышишь ли? — мой лай хрипящий
 Стал музыке подобен настоящей. . .
 Долой ошейники! долой!
 Теперь, Дворняга, мы с тобой
 Народ уж не пропащий!
 За нас закон. . .
 Теперь. . .»
 Из-за угла фургон
 Откуда-то внезапно появился;
 Собачник изловчился,
 Дворнягу сгреб, поймал Жужу. . .
 Читатель, так и быть — тебя я пощажу:
 Мораль — скучна, а мы друзья веселья,
 От скуки я тебя спасу;
 Но знай: филей Жужу пошел на колбасу,
 Дворняжки шкурка — на изделья.

(11 сентября 1905)

225. СВОБОДНЫЕ СКОТЫ

Басня

«Друзья! — так начал речь Пастух
К стадам, бродившим на поляне. —
Я бью вам всем челом заране,
Досель я был и слеп, и глух.
Средь вас возникло недовольство...
Простите ж мне тиранство, своеволие:
Свидетель бог, —
Я вас стерег,
Чем только мог,
От гибельных и вредных заключений:
Рожком,
Арканами, кнутом,
Но всё из чистых побуждений.
Я заблуждался... Грянул гром!
Теперь, при всем честном народе,
Я волю объявляю вам!
Свободные! Молитесь небесам!
Я первый кнут бросаю сам!
Идите же, резвясь, в объятия свободе
И отдавайте дань природе,
Где захотите: тут иль там!»
Замолк Пастух... Разинув глотки,
Скоты свободные бегут...
Куда девался облик кроткий?!
Восторг оваций, счастья нотки,
Хвосты трубой, мычат, ревут,
Туда, сюда, — а там и тут
Уже колючие готовы загородки.

Читатель, мысль тебе не надо пояснять:
Тех загоронок снять
Скоту буржуйному не по нутру, конечно:
Для них — что колется, то вечно.

Октябрь или ноябрь 1905

226. ОТРЫВОК ИЗ НЕПРИЯТНОЙ МЕТАМОРФОЗЫ

Октава

Горе, великое горе постигло святую цензуру:
Прежний владыка, насильник свободной мечты
человека, —
Ныне он только агент полицейский и лишь доноситель,
Коему вверено прямо по службе следить за печатью,
Нюхать, где — грех; где — порок; где — свободное, яркое
слово;
Нюхать, следить, доносить. Для таких превращений
нежданных
Форму одежды для цензоров вводят исконно святую:
Синие вводят очки и гороховый, нежный костюм.

Октябрь или ноябрь 1905

227. ПЕСНЯ О ТРЕХ СОКОЛАХ

Во Чернигов, во Саратов, во Тамбов
Выпускали из столицы соколов.
А те соколы вояки христианские,
А на них мундиры адъютантские.
Наказали им в губернии
Водворить покой примернее,
Останавливать издания,
Угашать все начинания,
Даже — эх вы, незадачные! —
Прекращать питья кабачные
Властью свыше полномочены.
Тесаки у них отточены,
К их услугам вся полиция
И «народная милиция»,
Что толпою непокорною
Прозвалася «сотней черною». . .
Адъютанты генеральные
Происшествия скандальные
Успокоить отправляются,
Самовластьем начиняются,

Аксельбантами погонными
И деньжатами прогонными.
Веселитесь в губернии,
Хулиганы мрачно-чернии!
Спи спокойно, Русь великая!
Едет сила, сила дикая!
Этой силы не убавилось,
А порядка не прибавилось. . .
Во Чернигов, во Саратов, во Тамбов
Выпускают из столицы соколов.
И летят они, посольники,
Молодцы антикрамольники. . .

Октябрь или ноябрь 1905

228. ОДА

(Посвящается министру внутривосточной смуты)

О Дурново! С каким смятеньем
Я созерцаю образ твой
И, относясь к нему с почтеньем,
Провозглашаю: ты — герой!
Ты совместил в себе, великий,
Министр внутривосточных смут,
Дух полицейский, норы дикой,
Аркан, улыбку, ласку, кнут. . .
Тебя приветствую я робко!
И, грешный, мыслю об одном:
Ты — только пробка, только пробка
В бутылке с пенистым вином.
Сядь поплотней! Уприся в горло!
Вино кровавое шипит,
Бурлит, к стене тебя приперло!
Храни свой министерский вид!
Министр внутривосточной смуты!
Шеф всероссийских палачей!
О, не дрожи: смутьянов пути
Бессильнее твоих плетей!

Октябрь или ноябрь 1905

229. ПО МОЙКЕ

Там, где Мойка катится,
Меж гранитных плит, —
Там стоят два здания. . .
Безобразный вид. . .
Здание двухэтажное,
Близ — городской,
С виду — умильный,
С черной бородой.
Далее вдоль улицы,
Скверные с лица,
Сыщики и сыщики
Видны без конца.
Там, где Мойка катится,
Меж гранитных плит,
В здании желтокаменном
Дурново сидит.
На подъезде — сыщики,
В зале, за столом,
Под постелью, вешалкой —
Словом, полон дом.
Сыщики ретивые,
В синих все очках,
Выражают преданность,
Выражают страх.
Дети революции
Тронут ли его,
Генерала-сыщика —
Пьера Дурново?
Перейдем насупротив. . .
Сыщики и тут:
Гордо подымается
Здесь военный суд.
Сыщики и сыщики. . .
Кину ль вправо взор:
Вон — наряд гороховый;
Вон — стоит дозор. . .
Влево — боже праведный! —
Сыщики кругом:
В фонарях, за окнами,
В доме, за углом.

В суд вхожу ль с опаскою:
Вижу — судьи в ряд. . .
Нет, уж не обманете:
Сыщики сидят.
Прокурор старается. . .
Ордена, кресты,
Офицер как будто бы. . .
Сыщик, брат, и ты. . .
Словом, Мойка бедная
Сыщиков полна,
Оттого-то грязная
У нее волна. . .
Оттого-то хочется
Без конца кричать:
«Прочь! Довольно сыщиков,
Сыщиков убрать!»
Тсс. . . О муза милая,
После попоем. . .
Сыщики слоняются,
Сыщики кругом.

Ноябрь 1905

230. КАРАНДАШ И ЦИРКУЛЯР

Басня

Жил некий Карандаш на свете много лет.
Он популярен был: знавал его поэт,
Редактор, метранпаж, издатель, литератор —
Будь то умеренный, свободный, консерватор, —
Ну, словом, целый свет
Перед его всевластьем преклонялся.
А так как «вольный дух» им строго возбранялся
И с ним борьба взяла немало сил,
То Карандаш решил
Помощника себе сыскать, надежного служаку,
Не дерзкого, не забияку,
Но человека с умной головой,
Чтоб таковой
Меж строк умел бы видеть смуты,
Чтоб злонамеренные пути

Писак газетных пресекал,
А главное — чтоб современные он нужды понимал.
Прошло немного дней —
И у дверей
Цензуры Циркуляр стучится.
Он — ловок, он — умен,
Свободомысльем в меру надушен,
Корректный тон,
На лбу закон.

К Карандашу вошел и даже не садится...
«Я, ваше-ство, известный меценат!
Редактор мне — и сват, и брат!
С писателем — друзья мы.
Читателю не рою ямы...»

Могу отечеству я с честью послужить:
Статья у вас имеется такая...
Сто... сто сороковая...
По ней я буду жить,
По ней дела вершить,

И выйдет так, что всякому печатному уроду
Дадим свободу:
Едва назрел вопрос,
Я весь к его услугам,
Не буду действовать ни карой, ни испугом,
Держать по ветру буду нос
И только восклицать:
«Нельзя писать
Того-то и того-с!»

Поверьте, ваше-ство, я стану общим другом!»
Тут с дрожью в голосе воскликнул Карандаш:
«Вы — мой, я — ваш!
А в единеньи — сила!
Нас разлучит одна могила,
А до тех пор пойдем
Вдвоем!...»

Мораль сей басни надо пояснить:
С Карандашом трудненько было жить,
При Циркуляре —
Нам скоро воспретят писать и о пожаре.

231. ЛИСА-ПОЛИТИК

Басня

«Ах, Мишенька, клянусь, в тебе есть чувств излишек!
Ведь ты в лесах
Наводишь ужас, смерть и страх
На всех зверишек!
Ты им проходу не даешь,
Оброк безжалостно дерешь:
Спокойствия зверям нет ни большим, ни малым...
Они бегут из наших стран!
Недаром же зовут тебя отсталым
И говорят: ты — деспот, ты — тиран!»
— «Ах, Лисонька! Почто твои нападки?
Доносят птицы мне, что ты не без греха,
Что с них берешь ты взятки
И что на днях еще стянула петуха?..»
— «Позвольте, кум! Не знаешь ты подкладки.
И это птичий мир пускает гнусный слух!
Подумай, кум, ведь сей петух
Давно уж вел себя как злостный агитатор...
Он даже кур (ох, вымолвить боюсь!)
Сзывал вступить в союз!..
Конечно, реформатор
Эквивалент достойный получил!..
За что ж упрек? Я выбилась из сил.
Работаю отменно,
Искореняю зло, порок...
Ох, куманек,
Скажу я откровенно:
Ведь твой упрек
Меня в смущенье повергает,
Да и притом...»
— «Кума, да прочий мир болтает,
Что по ошибке вместе с петухом
Ты пару кур с цыпленком прихватила
И будто придушила
Их под кустом!..»
— «Ты, кум, медведь с душою медвежонка,
Твои суждения — суждения ребенка!
Не захвати я этих кур —
двух кур

И с ними тощего цыпленка, —
Ты поручился бы, чтоб там иль тут
    Не развелось бы смут?
Ах, Миша, зло уничтожай умело
    И помни, что в борьбе со злом
Не надо действовать открыто, грубо, смело, —
    Зачем тут гласность, крики, шум?
    Чтобы вести правленья дело,
    Потребен тонкий ум!»

1905

232. МАСКИ

Испанское романсеро

Маскарад у сюзерена. . .
Пряный запах, звуки, краски.
В люстрах — блеск, и в кубках пена.
Здесь, и там, и всюду маски. . .

Полночь бьет. . . Притихла зала. . .
И с возвышенного трона
Сюзерен — с душой шакала —
Сходит в маске купидона. . .

С ним — супруга и принцессы,
Нарядились как весталки. . .
Рядом — рыцари-повесы:
Как монахи, — скорбны, жалки.

У колонн уселся скромно
В одеяниях прелатов —
Ряд министров. . . В позе скромной
Не узнаешь в них пилатов. . .

Там шуты все в сборе. . . Славно!
Все в нарядах сюзерена,
В масках шествуют забавно
И не гнут свои колена. . .

Музыканты — вот затей! —
В капюшонах, как аббаты;
Словно рыцари, лакеи
Влезли в рыцарские латы.

Маскарад. . . Шумите ж, маски!
Полночь бьет, и близко утро. . .
День спешит, линяют краски
В светлых искрах перламутра. . .

Торопитесь, сюзерены!
Пейте, рыцари-повесы!
Пусть дрожат от звуков стены
В честь веселья, в честь принцессы!

Крепче вина! Громче звоны!
Наполняйте же бокалы,
Сюзерены-купидоны,
Горе-схимники — вассалы! . .

Пейте в масках. . . Там, далеко,
Где к морям бегут ступени,
Где темно и одиноко,
Где сгустились мрачно тени, —

Там. . . О, пейте, пейте шумно!
Там, за гранью ярких красок,
Там народ кричит безумно:
«Маски прочь! Довольно масок!»

(1 февраля 1906)

233. НЕБЫВАЛЬЩИКИ

Уж случись-приключись небывальщинки,
Небывальщинки немалые:

По чисту полю наш флот бежит,
На дне моря капитал лежит,

Во Париже — Трепов-президент,
Готтенты денег дали под процент,
Во поднебесьи овес растёт,
Дурново карикатуры издаёт,
Городовые разгоняют казаков,
Казачков амнистированных,
Всех от казни отвоёванных;
Витте стал купецкой свахою
И грозит рабочим плахою;
Дума мыслит учредительно,
Жизнь в России восхитительна,
Рыбы бегают по улицам пешком,
Ерш Шпионович гуляет петушком,
Он по форточкам не нюхает,
Комариный писк не слушает,
Ходит Ерш Шпионыч франтиком:
Всё брюшко отделал кантиком. . .

Уж такие ж небывальщинки!
Уж такие небывалые! . .

(6 марта 1906)

234. О БЛАЖЕНСТВЕ

Блаженны сытые брюхом, ибо по брюху встречают.
Блаженны скачущие, ибо за ними не угонятся.
Блаженны свирепые, ибо жалости не чувствуют.
Блаженны разоряющие, ибо строить им не приходится.
Блаженны немилостивые, ибо милостями осыпаны.
Блаженны нечистые сердцем, ибо и мыла им
не надобно.
Блаженны изгоняющие правды ради, ибо заселяют
землю.
Блаженны, когда поносят вас, ибо и от поноса есть
средства.
Радуйтесь и веселитесь, ибо ко двору вы пришлись.

(13 марта 1906)

235. ЕГО КАРАТЕЛЬНОМУ

Прощальная ода

«Сахалинец мой сиятельный!
Монополь-премьер карательный!
Что тебя так исковеркало?
Аль гляделся часто в зеркало?»

«Я задумался пред Думою,
Пред крамолою угрюмою,
Пред заимствованной суммою!
Положение неверное, —
Исторически прескверное!»

«Поводырь наш во беспутии,
Столп отечества в распутии!
Граф казенный от Портсмутии!
Перед Думою кадетскою
Встань-ка в позу кабинетскую!»¹

«Встал бы я, да мне неможется!
Уложил бы, не уложится!
Разогнал бы, да умножится!
Для блюдения достоинства
Не хватает больше воинства...»

«Эко дело незадачное!
Что ж, сиятельство кабачное,
Не кидать же место злачное! . .
Плюнь крамоле в рожу мерзкую
И держись за роль премьерскую!»

«Ох, и плюнул бы внушительно. . .
Ох, как плюнуть соблазнительно!
Да меня, беднягу, скрючило:
Горемыкинское чучело
Предназначено премьерствовать,
А моя судьба — дерньерствовать,

---

¹ Здесь предполагается кабинет министров, а не другое.

В бриллиантах кавалерствовать
С пулеметным моим сродником —
С Дурново Петром угодником. . .
И засядем мы за шторами,
И пребудем там суфлерами!»

(1906)

236. ВИРШИ НА ОТКРЫТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

(С настроением)

Гудят колокола, и громыхают пушки. . .
Долой молчания великого печать!
И весел гражданин, и на макушке — ушки,
И плакать хочется, и хочется кричать. . .
О, он на всё глядит влюбленными глазами. . .
И с уст его готов сорваться нежный стих!
О, он готов теперь брататься с казаками
И даже лобызать в уста городских! . .
Ни сыщиков кругом, ни страшной черной сотни. . .
Впервые так велик к свободе мощный зов! . .

Нагнись же, гражданин, и в каждой подворотне
Узришь припрятанных на случай казаков!

Апрель 1906

237. ПЕСНЬ ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ СВИНЬИ

Басня

Уткнувшись в лужу пяточком
По самое свиное темя,
Хавронья хрюкала о том,
Что возрождается опять свиное племя:
«Мы начинаем вновь прогресс!
Нам дела нет до звезд и до небес,
Мы их совсем не почитаем,
И самым сущим раем
Свой хлев испачканный считаем! . .
Настал опять счастливый миг,
Дух вольнодумства ныне стих,

И радикальные дворовые собаки
За вольнодумственные враки
    Все — на цепях! . .
    Исчез отныне страх,
И безбоязненно в печати и искусстве,
    Копытцами постукивая в чувстве,
    На псов мы призываем гнев
    И в одах восхваляем хлев;
    А иногда (коль близко дворник),
    Для развлеченья и утех,
Собак привязанных толкаем мы в намордник;
    Итак, без всяческих помех
    Мы ходим всюду, где угодно,
    И хрюкаем свободно,
    Без личных счетов и без ссор,
    И скоро весь захватим двор! . .»

Читатель, для тебя не надо пояснений:
И, сидя на цепи, мы слышали не раз
Торжественный аккорд подобных песнопений:
Рептильная печать звучит и посейчас.

(7 октября 1906)

238. ЧТО ЗНАЧИТ АВТОНОМНЫЙ?

Нечто вроде басни

Однажды Некто в день скромный
Задумался над словом «автономный»,
А так как Некто был фельдфебельский Вольтер
И с эрудицией огромной,
Всех орденов российских кавалер,
То он решил не мудрствовать лукаво,
Не рыться в словарях, а действовать в карьере,
И лишь скомандовал: «Направо
Известною казачьей лавой
    Во весь опор,
А двери школы — на запор!»

Скажи, читатель, сей прием головоломный
Ужель не разъяснил, что значит «автономный»?

Октябрь 1906

239. ТАИНСТВЕННЫЙ КУПЕЦ,

ИЛИ МИНИСТРОВЫ ДЕНЬГИ

Оперетка

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Гапон — лирический тенор.

Матюканский — злодей. Бас на вторые роли.

Рабочий Петров — простак.

Четверо { Ядро рабочего комитета.
Квартет.

Тимирязев — компримарио.

Купец — бас профундо.

Гороховое пальто.

Пресса — закулисный хор.

Рабочие, народ, природа и пр.

Действие происходит в XX веке, в эпоху революции.

АКТ I

Роскошный кабинет. — На стенах портреты всех умерших министров, манифесты в рамках, пейзажи из русско-японской войны и вид г. Портсмута. — Огромный письменный стол, заваленный репрессиями. — На столе ваза с высохшим букетом весенних обещаний. — За столом сидит Купец, неимоверного вида, в кафтане, борода лопатой, сапоги бутылкой. — За сценой слышно пение хора.

Хор прессы

(Уныло, на мотив хора странников из «Рогнеды»)

Во дни свобод — свободой мы упились;

Теперь спокойно можем умереть... .

Редакторы по тюрьмам разместились,

Влечет и нас туда раскинутая сеть.

Влекут и нас в нирвану дни невзгоды,

Прильпне язык, и страха полон взор... .

(Пришибленно)

Долой бесправие, да здравствует свобода

И учредительный да здр... .

Внезапно умолкают. Слышен строгий голос: «Взять их!» и глухой говор «народа»: «Ишь ты! Запели! Рази можно без начальства петь? От хорошей жизни не запоешь!»

Купец
(Задумчиво)

От хорошей жизни не запоешь! Это верно! Вот почему, когда сделали меня премьером, поручили примирять непримиримое и сказали: «Бди!» — мне захотелось петь... Никто мной не доволен, а между тем приходится спасать Россию. Ах, как хорошо было прежде, когда всё было тихо...

(Облокотился на стол и поет вполголоса: «Ни о чем я, Дуня, не тужила...».)

Хор
(За сценой)

У лукоморья есть столица —
Там всё навыворот идет.
Там жизнь как бред и небылица,
Там жить нельзя со дня свобод...
Там поп к царю с народом ходит,
Министр имеет странный вид:
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит...

(Удаляются.)

Купец
(Спокойно)

Вот я помолюсь богу, да потом такие вам дополнительные правила против печати сочиню!

(Грозит кулаком.)

Стучат в дверь.

Войдите!

Входит Тимирязев, становится у притолоки в глубине сцены и поет тенором.

Тимирязев
Привет тебе и честь, боярин,
Великий наш премьер!

Купец
(Подхватывает басом)
Спасибо, друг мой! Благодарен.
Что скажешь, сэръ?

Т и м и р я з е в

К тебе, о муж наш именитый,
Явился некто знаменитый,
С тобой свиданья просит он. . .

К у п е ц

А как зовут его?

Т и м и р я з е в

(Таинственно)

Гапон!

К у п е ц

(Вскочив, громко)

Гапон?

В м е с т е

(Удивленно)

Га-пон?!

Входит Гапон, в рясе, вид елейный, лукаво-пронырливый, глаза опущены долу, руки смиренно сжаты крестом на груди.

Гапон

(Вкрадчиво, сладким тенором)

Благословенна будь сия обитель
И ангел за трапезу вам!
Аз — грешный господа служитель
И недостойный раб я сам —
Н-но. . .

(Тихо приближаясь и постепенно переходя в хищный тон)

Кровно спаян я с народом
Девятым страшным января,
И, между нами говоря,
Я вознесен событий ходом!
Куда Россию увлекло?
На путь печальный забастовок. . .
Когда, постясь в Монте-Карло,
Я был прозорлив, был я ловок,
И за рулеткой говорил,
Что злой недуг Россию гложет,

Что от зловредных темных сил
Ее лишь граф избавить может!

Купец
(Жмет ему руки)

Святой отец! Как ты мне мил!

Гапон

Да! Да! Я это говорил!

(Воодушевляясь)

Когда Дубасов-адмирал
Палил в пустые баррикады,
Я за границей уверял,
Что нам восстания не надо.
Рабочим-братьям я послал
Посланье, спаянное кровью;
Пылая братской к ним любовью,
Я их к терпению призывал.
Я говорил, что буду прав,
Их успокоят, уничтожат,
Что только Витте, только граф
На верный путь наставить может.

Купец

Святой отец, как ты мне мил!

Гапон

Да! Да! Я это говорил!
Рабочих-братьев так отделаю,
Горю желанием одним:
Чтобы «гапоновцам» моим
Открыть одиннадцать отделов!
Пусть под надзором верных лиц
Они как дети там танцуют.
Пусть вред бесплодных небылиц
Им на собраниях втолкуют.
Лишь только б нам их всех толкнуть
На мирный путь!

(Многозначительно)

На мирный путь!

Купец

На мирный путь!

(Мало подумав)

Что ж тут худоого?!

Согласен я! Даю им слово!

Гапон

Господь тебя превознеси!

Да только... добрых путь крутенок!..

Есть просьба!

Купец

Что ж! скорей прсси!

Гапон

Тысчонок тридцать нужно денег!

Купец

(Почесав затылок)

Ну что ж? Я добр. Да и не вор ты!

Вот на, бери!

(Кладет деньги на стол.)

Но чур, молчи!

Другим всё дело поручи

И в заграничные курорты

Беги проворною стопой,

Как бы преследуемый мной!

Гапон

(Опуская деньги в глубокий карман рясы)

Блажен бессребреник на свете!

Блаженны щедрые стократ...!

Зря не истратим деньги эти,

Спокоен будь, рабочий брат!

Купец

(Растроганно)

Коль денег будет вам с нехватцем,

Я дам еще... когда-нибудь!

Ужель без сердца эта грудь?

(Бьет себя кулаком в грудь.)

А ты скажи рабочим-братцам,
Что деньги эти от лица,
Помочь хотящего «движенью»,
Ну просто, скажем, от купца,
Который волей провиденья
Когда-то даже «красным» слыл,
Страдал, но сделался богатым,
Хоть и остался, как и был,
Социалистом, демократом!

Гапон

Добро! Ударим по рукам!
Ловцами будем в этой ловле!

Ударяют по рукам.

Тимирязев

(У двери, в сторону)

Темно... Хоть я министр торговли...
В отставку скоро я подам!

Купец и Гапон

(Игривый дуэт)

Что ж тут худого?

Вместе мы снова!

Вместе Россию мы будем спасать!

В этой безделке —

В маленькой сделке

Есть гениальности мудрой печати!

Сметкой охочей

Вопрос рабочий

Экономической пустим стезей!

Маленьким кушем

Схватку задушим

И водворим мы в России покой!

В глазах Европы

Все мы холопы,

Но мы устроим в Европе заем.

Не грубой палке —
Русской смекалке
Песнь мы поем.

Т и м и р я з е в

Хоть я министр торговли сам,
Но тут в отставку я подам!

К у п е ц

Итак, дело в шляпе. Можно быть спокойным, что «гапоновцы» пойдут навстречу желаниям начальства. Но только знаете ли что, господа? Когда вы, отец Гапон, уедете за границу, передайте, пожалуйста, деньги министру торговли (*указывает на Тимирязева, тот кивает головой*), а он будет выдавать частями вашему доверенному. У вас есть такой доверенный?

Г а п о н

Как же, есть! Типичный представитель тех симпатичных благоразумных интеллигентов, которые постоянно ходят около рабочих. Он здесь в прихожей стоит: я захватил его на всякий случай. Позвать?

К у п е ц

Позовите!

Гапон хлопает в ладоши. Входит М а т ю к а н с к и й. Одет плохо.
Вид запянцовский. Смотрит мрачно.

Г а п о н

(*Купцу*)

Вот мой доверенный.

К у п е ц

(*Матюканскому*)

Кто ты?

М а т ю к а н с к и й

(*Мрачно*)

Я — Матюканский.

Гапон
(Пояняя)
Друг мой!

Матюканский
(Густым пропитым басом)
Честной подпольной работы
Двадцать три года за мной!
Я демократом родился —
Знают, кого ни спроси...
Чтоб я украл иль напился —
Боже меня упаси!

Гапон
(Смеясь)
Он у меня простак,
Мы сделаем вот так!

Вынимает деньги и показывает их Матюканскому. Матюканский тянется к деньгам, но Гапон передает их Тимирязеву.

Гапон
Готов поклясться я хоть с кровли,
Что будет строг министр торговли.
Когда отправлюсь я в дорогу,
Он будет деньги сохранять
И осторожно, понемногу
Их демократу выдавать.

Купец
К нему рабочие все близки!

Тимирязев
(Оглядывая Матюканского)
Но я не выдам без расписки.

Гапон
(Матюканскому)
Кляшись же теперь откровенно и смело
Служить мне! Ведь плата достойна труда!

М а т ю к а н с к и й
(Тоном бандита из «Риголетто»)
Я честный ремесленник темного дела,
(В низкую ноту)

И даром я платы не брал никогда!

Повертывается спиной и мрачно выходит. Следом за ним, подозрительно провожая его взглядом, выходит Тимирязев. Остаются Купец и Гапон. Оба смотрят друг другу в глаза. Немая сцена. Гапон снова принимает смиренный вид. Сложивши руки на груди крестом, кланяется Купцу и задом пятится к двери.

Г а п о н
Прости же, дивный покровитель.
Душой парю я до небес...
Благословлю твою обитель...

К у п е ц
(Загадочно)
Блюди рабочий интерес.

Г а п о н
(Всё кланясь и удаляясь к двери)
Тебе мы благодарны вечно,
Русь без тебя что темный лес.
Всё в руцех божиих, конечно...

К у п е ц
(Еще загадочнее)
Блюди... рабочий... интерес.

Гапон исчезает.

К у п е ц
(Один)

Уф! Тяжела ты, шапка Мономаха!

(Садится за стол, снимает парик, бороду, кафтан и сапоги, оказывается графом Витте и отирает пот.)

З а н а в е с

(Продолжение следует)

{1906}

**240. ПЕСНЯ О «КУНШТЮКУЦИИ»,
ИМЕНУЕМОЙ В ПРОСТОРЕЧИИ «СВОБОДАМИ»**

Гой ты, Чудо иноземное!
Гой ты, Дитяtko дpоченое —
Кунштюкуция немецкая! . .

У тебя ль, Дитяти холеной,
Целый штат министров-нянюшек,
Целый терем наставителей,
Сожигателей, душителей,
Кунштюкуцких насадителей. . .

И с того, Дитя дpоченое,
Маринованно-моченое,
В двадцати водах промытое,
Насадителями битое,
Оттого ты и безглазное,
Оттого ты подприказное,
Прозываешься по-разному:
По-немецки — Кунштюкуция,
А по-русски — фигувыкуси. . .

(1907)

241. ОТРЫВОК ИЗ НОВЕЙШЕЙ «ГОЛУБИНОЙ КНИГИ»

Идет Баба косматая,
Бредет Баба лохматая,
Неприглядная, немытая,
В синяках избитая;
Идет, шатается,
За фонари хватается,
Гласом хриплая, гнусавая. . .
За ней — свора легавая.
Бредет Баба переходящая,
Бежит за ней толпа проходящая. . .

«Уж ты Баба знаменитая,
И почто ты такая избитая?
Немытая?»

Цѣна 5 коп.

1906   Среда, 18 января

СИГНАЛЫ

С-Петербургъ, В. О. Д. А. 2.

ВЫПУСКЪ 2

Обложка журнала „Сигналы“. Рис. А. Любимова.

№ 19

3 ноября.

5 коп

ЗРИТЕЛЬ

ГОДЪ I.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

1905

Обложка журнала „Зритель“. Рис. С. Чехонина.
„Наша конституция — просят не дуть“.

Идешь сиротливая,
Бредешь гнусливая...
Куда все твои слова подевались,
Разбежались?
Ведь была ты Венерой Медицейскою...»

«Стала ныне я печатью расейскою!
Ах, была я свободной,
Модной,
Карлам да Амальям неугодной...
Уж и били меня Карлы с Амальями,
Уж и поносили меня разными канальями...
А я Баба живучая,
Текучая,
От той брани полнела,
Добрела...
Уж и стали бить меня судами-трибуналами,
Статьями-шандалами...
Били-били,
Не убили,
Принялись Карлы-Амалии
За дубье, за резину и так далее...
Били меня, Бабу, били, —
Не доби́ли!
Меня, Бабу, изувечили,
Все слова мои искалечили.
Не судом,
Не дубьем —
Стали бить меня, Бабу, рублем...
Дали раз, дали два,
Разбежались слова.
Остались у меня, Бабы, одни точки,
Да и на тех — платочки!
Оттого я — не Венера Медицейская,
Оттого я — печать полицейская,
Сиречь всерасейская!..

(1907)

Н. А. Ф О Л Ь Б А У М
(Alter; Каин)

---

242. ШУТКА

Шел цензор, вывески читая,
Привычкой старою томим.
И вдруг, сверкая и блистая,
Явилась вывеска пред ним.
«Вниманью — лучшая награда», —
Узрел он, гневом обуян,
Великолепный ресторан
«С правами первого разряда».
«С правами?!» Путь к нему направил
Неумолимый цензор наш,
И крест на вывеске поставил
Его кровавый карандаш.

(28 августа 1905)

243. КТО ОН?

Загадка

Вот письмо. А для кого —
Угадать, друзья, вам надо.
Почтальон искал его
Вдоль по стогнам Петрограда.
Оказалось, как назло,
Он недавно из столицы
Выбыл в Царское Село.
Дальше вроде вереницы
Штемпеля идут; на них —
Павловск, Гатчина, другие
Города; кончает стих:
«Нет на жительстве в России».

Кто же он? Его жена?
Где дрожат, свой облик пряча?
Что же, братцы, иль трудна
Показалась вам задача?

(29 ноября 1905)

244. ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ ГЕНИЯ

Адмирал Е. И. Алексеев проживает
ныне в каком-то южном месте.

Из газет

Корабли под волнами посеяв,
Вспоминая кровавый Восток,
На припеке сидит Алексеев,
Но не радуется старца припек.
У платанов танцуют гитаны,
Но не радуется треск кастаньет:
«Не забыть вас, кровавые страны».
Принесли ему кучу газет.
Торопливо сорвав бандероли,
Видит он — «Севастополь», «Кронштадт».
«Погодите, дождетесь того ли», —
Впрочем, это не он виноват.
Он сказал: «Я предвидел прекрасно,
Что иметь в наши смутные дни
Броненосцев обилие — опасно.
Слава богу, погибли они
На Востоке под желтой водою, —
Разбуди-ка их, подлый смутьян!»
И, вкушая довольство собою,
Веселей он глядит на гитан.

(29 ноября 1905)

245. БАЛЛАДА

Четыре бюрократа,
Дела покончив свято,
Играть засели в винт;
Колоды с треском вскрыли

И мелом расчертили
Для взяток лабиринт.
Сдают, играют, пишут;
И вдруг в передней слышат
И стук, и треск, и звон.
Что это? Час последний?
Грабеж? Мятеж? К передней
Спешат, издавши стон.
Кто там? Резни поборник?
О нет: то старший дворник
И пять подручных с ним.
«Э! да у вас собрание?
О чем тут заседанье?
Мятеж сей нетерпим!
Вы все без разрешенья
Сошлись для разрушенья?!
Нам это не снести!
И всех вас, непокорных,
В возмездье козней черных
Уважат уж в части! . . .»
— «Ревнителю закона,
За вами без препоны
Готовы мы хоть в ад!» —

И бюрократы строим,
Покорно под конвоем
В полицию спешат.

(1905)

246

Послушайте рассказ правдивый и тяжелый.
Раз цензор, утомясь в охоте за крамолой,
Закрыв чернильницу. Улегся на диван.
Лежит. Мечтает. Вдруг про «красный сарафан»
Запели под окном. Горя священным гневом,
Хотел внушенья дать он вольнодумным девам.
Открыл окно. Глядит — там флагов паруса,
На коих *красная* мелькает полоса.
(Был табель в этот день.) Качаются опоры!

Вон едут казаки. И к ним с надеждой взоры
Он, бедный, обратил: «Спасители!» Но ах!
Он видит *красные* лампасы на штанах.
«Молить, чтоб этот цвет скорби искоренили!»
Хватает он перо, макает он в чернила,
И... клякса *красная*, огромная с пера
Упала, брызнувши.

В час раннего утра
Свезли несчастного, но не в приют безбурный
Влачить остаток дней, а в комитет цензурный.

(1905)

А. М. Х И Р Ь Я К О В
(Дир)

247

Ночной порой
И крик, и вой.
Шумит,
Бежит
Городовой.

Нам объявлена программа
Полудел и полумер.
Это факт, а не реклама, —
Уверяет нас премьер.

Ночной порой
И крик, и вой.
Шумит,
Бежит
Городовой.

Маску скинь, о друг прекрасный,
И явись, как яркий день!
И в тебе увидим ясно
Дурново и Плеве тень.

Ночной порой
И крик, и вой.
Шумит,
Бежит
Городовой.

Июль или август 1906

248. ТОРЖЕСТВО ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Трубы медные ревут
В Белокаменной,
Разражается Грингмут
Речью пламенной:
Уж вы, гой еси, кричит,
Патриотушки,
Принимайте храбрый вид
Без заботушки.
Вы читали ль циркуляр
Удивительный?
Не проснулся ль в сердце жар
Победительный?
Всю крамолу изведем
В канцеляриях,
И поддержку мы найдем
Во аграриях.
Уничтожим весь кагал
Злых изменщиков,
Мне поддержку обещал
Мудрый Меньшиков,
Он цензуре возвратит
Власть забытую,
Ведь не вечно же ей быть
В темя битою.
И эсеров и эс-де,
Как лавиною,
Мы прикончим не в суде,
А дубиною.
Ждут давно уже «Кресты»
Их ораторов;
А в награду вам посты
Губернаторов.
Я ж в министры проберусь
Еще ранее.
Веселись, святая Русь
И Германия.

(27 сентября 1906)

От русского флота остались одни адмиралы —
 Флот старый потоплен, а новый ушел по карманам.
 Чухнин, Бирилёв и Дубасов — всё славные русские лица,
 Надежда и гордость страны, опора придворных и прочих.
 Чухнин с Бирилёвым себя показали довольно,
 А бедный Дубасов без дела сидит в Петербурге...
 В престольной Москве разгорается злая крамола,
 Рабочий, солдат и почтовый чиновник мятежный
 Хотят отложиться от славной державы Российской...
 Последние волосы Витте терзает в смертельном испуге:
 «Москва, ты оплот вековечный престола и церкви,
 Не ты ли себя сожигала в войне с Бонапартом,
 Не ты ли Димитрием Ложным из пушки палила?
 А ныне — почтовый чиновник, солдат и рабочий
 Союз заключают, поправ и закон, и природу!
 О горе, о ужас! Кого же в Москву мне отправить,
 Чтоб был он собою ужасен, и пылок, и дерзок,
 Имел бы здоровую глотку и крепкие, львиные мышцы,
 Чтоб буйный почтовый чиновник, солдат и мятежный
 рабочий
 Взглянули... и в ужасе бледном закрыли бы лица
 руками.
 Людей даровитых не стало — иные бесславно погибли,
 Иные, продав свою ренту, позорно бежали на Запад...»
 И видит пророческий сон Сергей, миротворец
 Портсмутский:
 На снежном, изрытом копытами конскими поле
 Кровавые трупы лежат — и в небо застывшие очи
 Безмолвно и строго глядят... Ужасны их бледные лица!

Над ними кружит воронье, и в хриплом, зловещем их
крике
Граф Витте отчетливо слышит: «Дубасов, Дубасов,
Дубасов!..»

Воспрянул от ложа Сергей, миротворец Портсмутский,
И быстро садится к столу и черные буквы выводит:

«Дубасов в Москву на гастроли...»

Чу, поезд несется в Москву, с ним ветер летит
вперегонку,

На небе зловеще горят багровые, низкие тучи,
Навстречу кружит воронье и каркает хрипло и злобно:
«Посмотрим, Дубасов, посмотрим...»

8 декабря 1905

250

Вчера в ресторане «Слава» неизвестный штатский толкнул случайно находившегося там же корнета N и не извинился. Корнет, бывший, по словам очевидцев, в нетрезвом состоянии, выхватил шашку и уложил несчастного на месте.

Хроника

Мундирную честь заливают вином
И топчут в публичных домах, —
Но это зовут пустяком
В военных кругах.

Крепка дисциплина, крепка кулаком
В пехотных и конных полках, —
Но это зовут пустяком
В военных кругах.

И кормят солдата протухшим пшеном,
Бывает и мясо в червях...
Но это зовут пустяком
В военных кругах.

Но если случайно заденешь плечом
Героя в орлах —

Услышишь: «К барьеру... убьем!» —
В военных кругах.

Декабрь 1905

251. НОВОГОДНИЕ ПРЕДСКАЗАНИЯ

Если беден ты талантом,
Будешь флигель-адъютантом,
Лишь командуй «пли» да «пли»
Да людей кругом вали...

Если ты рожден курьером,
Будешь графом и премьером,
Настроенья примечай,
На хозяина не лай.

Если ты рожден шакалом,
Будешь вице-адмиралом,
Броненосцев не чини,
Что увидишь — всё тяни!

Если ты рожден неверно,
Будешь в Пажеском наверно —
Только ты в своем кругу
О папаше ни гу-гу...

Если ты рожден дурашкой,
Будешь маленьким плюгашкой —
Вправо, влево, как волчок,
Будешь прыгать, дурачок.

Если ты не под надзором,
Будешь скоро прокурором —
Ибо только прокурор
Не берется под надзор...

Если ты рожден евреем,
Значит — должен быть злодеем,
Ибо Меньшиков кричит,
Что Россию «жид» мутит.

Если вы душою чисты,
Значит, вы социалисты:
Кто не вор и не шпион,
В список красных занесен.

Остальных, коль не убьют,
В Думу членами пошлют, —
Но, увы, не знаю сам,
Не повесят ли их там. . .

Конец 1905

252. К ПРАЗДНИКУ

До сих пор я знал, что кони,
Жеребцы, ослы и пони
Любят лакомый овес. . .
Но недавно был донос,
Что овес и Дурново
Также любит, — каково!

К обывателям взываю
И подписку предлагаю:
Выносите по полтине
На кормление скотине!
Купим десять мер овса
И увидим чудеса:
Съест обжора Дурново
Весь овес, и у него
Лопнет брюхо пополам. . .
То-то праздник будет нам!

Конец 1905

253. ЧЕПУХА

Трепов — мягче сатаны,
Дурново — с талантом,
Нам свободы не нужны,
А рейтузы с кантом.

Сослан Нейдгардт в рудники,
С ним Курлов туда же,
И за старые грехи
Алексеев даже.

Монастырь наш подарил
Нищему копейку,
Крушеван усыновил
Старую еврейку...

Взял Линевиц в плен спяна
Три полка с обозом...
Умножается казна
Вывозом и ввозом.

Витте родиной живет
И себя не любит.
Вся страна с надеждой ждет,
Кто ее погубит.

Разорвался «апельсин»
У Дворцова моста...
Где высокий господин
Маленького роста?

Сей высокий человек
Едет за границу;
Из Маньчжурии калек
Отправляют в Ниццу.

Мучим совестью, Фролов
С горя застрелился;
Губернатор Хомутов
Следствия добился.

Безобразов заложил
Перстень с бриллиантом...
Весел, сыт, учен и мил,
Пахарь ходит франтом.

Шлется Стесселю за честь
От французов шпага;

Манифест — иначе есть
Важная бумага. . .

Иоанн Кронштадтский прост,
Но душою хлибок. . .
Спрятал черт свой грязный хвост —
Не было б ошибок! . .

Интендантство, сдав ларек,
Всё забастовало,
А Суворин-старичок
Перешел в «Начало».

Появился Серафим —
Появились дети.
Папу видели засим
В ложе у Неметти. . .

В свет пустил святой синод
Без цензуры святцы,
Витте-граф пошел в народ. . .
Что-то будет, братцы? . .

Вышей милостью труха
Хочет общей драки. . .
Всё на свете чепуха,
Остальное враки. . .

1905

254. СЛОВЕСНОСТЬ

(С натуры)

Звание солдата почетно.

Воинский устав

«„Всяк солдат слуга престола
И защитник от врагов. . .“
Повтори! Молчишь, фефела?
Не упомнишь восемь слов?
Ну, к отхожему двозвальному,
После ужина в наряд!»

Махин тоном погребальным
Отвечает: «Виноват!»
— «Ну-ка, кто у нас бригадный?» —
Дальше унтер говорит
И, как ястреб кровожадный,
Всё глазами шевелит...
«Что — молчишь? Собачья морда,
Простокваша, идиот!..
Ну так помни, помни ж твердо!» —
И рукою в ухо бьет.
Что же Махин? Слезы льются,
Тихо тянет: «Виноват...»
Весь дрожит, колени гнутся
И предательски дрожат.
«„Всех солдат почетно званье,
Пост ли... знамя... караул...“
Махин, чучело баранье,
Что ты ноги развернул?
Ноги вместе, морду выше!
Повтори, собачий сын!..»
Тот в ответ всё тише, тише
Жалко шепчет: «Господин...»
— «Ах, мерзавец! Ах, скотина!»
В ухо, в зубы... раз и раз...
Эта гнусная картина
Обрывает мой рассказ...

(8 января 1906)

255. ЧЕПУХА

(Хроника за неделю)

От российской чепухи
Черепя слетают,
Грузди черные грехи
Кровью заливают...

На печи поет сверчок:
«Есть для всех веревка»,
Раз не пишет дурачок,
Значит, забастовка...

Две вороны на кресте
Крыльями махали,
Но в толпу по доброте
Вовсе не стреляли. . .

Выбирают поляки
Душечку Скалона,
Напоролась на штыки
Глупая ворона. . .

В Риге столб сооружен —
«Павшим полицейским»,
Граф Портсмутский награжден
Званием лакейским. . .

Дали франкам мы в заем
Под процент обычный,
Предварительный же дом
Обращен в публичный. . .

В Думе правым мужики
Наплевали в кашу,
С жерновом на дно реки
Бросили мамашу. . .

Петр Великий на Неве
Молвил: «Упустили. . .»
Только что прочел в «Молве» —
«Зритель» разрешили. . .

Пожилой и хилый врач
Высек генерала,
Как-то дурень съел калач
И. . . его не стало. . .

Конституцию ввели
И у Менелика,
Три студента в баню шли —
Тяжкая улика!

Сам сиятельный сифон
Бегаёт на корде;

По-французски — «mille pardons»,¹
А у нас — по морде!

Жан Кронштадтский — чудеса! —
Сделался гусаром,
Мужиков на небеса
Принимают даром.

Потащили на допрос
Милое семейство,
На жандарма был донос, —
Экое злодейство!

Радость людям, радость псам —
Думу открывают!
Льются капли по усам,
В рот не попадают...

Стал помещик у сохи —
Градом пот катится,
Ох, от русской чепухи
Голова кружится...

Январь 1906

256. ДЕНЬ МОНСЕНЬОРА

ВСТУПЛЕНИЕ

Пробуждение,
Моление,
Омовение,
Донесение:
«Волнение
В населении...»
Сопение,
Пыхтение,
Освежение...
Решение:
«Истребление!...»

---

¹ «Тысяча извинений» (франц.). — *Ред.*

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Донесение:
«Осложнение
В положении...»
Сопение,
Пыхтение,
Озверение...
Решение:
«Раззорение!
Всесожжение!!
Убиение!!!»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Донесение:
«Отложение,
Нападение,
Мщение...»
Волнение,
Смятение,
Обалдение...
Решение:
«Удаление —
Спасение...»

(8 февраля 1906)

257. ДВЕ ДУМЫ

1

Подобралось, к удивленью,
Боевое большинство,
Предается посрамленью
Черной сотни меньшинство.
Что ни слово — то реформа,
Что ни шаг — идут вперед...
Расширяется платформа —
Сторонись, честной народ!

Резолюцию выносят:
Всем свобода и права,
Воли требуют — не просят,
Надоели всем слова. . .

Посрамленное, из залы
Удирает меньшинство,
Рукоплещут радикалы,
Торжествует большинство. . .
И смутился у подъезда
Полицейский фараон:
«Близок грустный час отъезда.
Завтра всех со службы вон».

А наутро всюду флаги,
Но печален Петербург —
На стенах висят бумаги,
На бумагах — Шлиссельбург. . .

Шлиссельбург для радикалов,
Шлиссельбург для большинства,
Для забывшихся нахалов,
Для героев торжества.

Кто превысил полномочья,
Кто готовил переход. . .
«Разорвать бы их на клочья! . . .» —
Глухо шепчется народ. . .

2

Дым кадила, песнопенье,
Гнусно дьяконы поют, —
Генерала ль погребенье,
Ведьму ль замуж выдают? . .

Нет — то Думу открывает
Удалое большинство
И молебном прославляет
Черной Руси торжество. . .

Глупо-радостны и горды
Лики медные купцов,
Рыла, рожи, хари, морды
Собрались со всех концов.

Злым невеждам честь и место —
Черной сотне первенство!
И краснеет, как невеста,
Бедных правых меньшинство. . .

Дальше речи. . . что за речи!
«Разве нет у нас штыков,
Пулеметов и картечи
Для чертей бунтовщиков?!

Наше место, братцы, свято —
Любим русскую страну. . .
Бить жида и супостата!
Вешать красных на сосну!»

Издеваются, поносят:
Крики, ругань — прямо ад. . .
Резолюцию выносят:
«Возвратиться всем назад. . .

В шею давши всем свободам,
Обратимся к старине —
В пику западным народам
Будем счастливы вполне! . .

Закрывай, ребята, Думу —
Есть у нас Народный Дом. . .
Вместо Думы денег сумму
Мы на образ соберем. . .»

Гимн торжественный несется.
Замер друг-городовой,
А у левых отдается:
«Со святыми упокой! . .»

Торжествует клика злая,
Торжествует сатана...
Здравствуй, русская, родная
Обновленная страна!..

(8 февраля 1906)

258. ДО РЕАКЦИИ

Пародия

Дух свободы... К перестройке
Вся страна стремится,
Полицейский в грязной Мойке
Хочет утопиться.

Не топись, охранный воин, —
Воля улыбнется!
Полицейский! Будь покоен:
Старый гнет вернется...

(16 февраля 1906)

259. ВЫВЕСКА И СОБАКА

Некий военный портной вывеску новую сделал.
Был нарисован на ней генеральский отличный мундир,
Ярко алела подкладка, как жар эполеты горели —
Так был наряжен мундир, что шедшие мимо солдаты,
Выпятив очи и грудь, часто во фронт становились...
Ближе взглядевшись потом, долго плевались они.

Как-то обшарпанный пес мимо беспечно бежал.
Вывеску только увидев, ее он обнюхал прилежно,
Резвую ногу подняв... остальное и так вам понятно.
Я на него поглядел и в страхе, бледнея, промолвил:
«Пес! Разумеешь ли ты, какое творишь преступленьё?
Ты оскорбляешь сейчас мундира высокую честь,
Кара за это грозит по статьям и таким и таким-то».

Пес посмотрел на меня, улыбаясь, ей-богу, ехидно...
В умных собачьих глазах увидел я презлую насмешку:
«Мимо, прохожий, иди... смешны мне людские
законы».

(13 марта 1906)

260. КОМУ ЖИВЕТСЯ ВЕСЕЛО?

Попу медоточивому —
Развратному и лживому,
С идеей монархической,
С расправою физической. . .

Начальнику гуманному,
Банкиру иностранному,
Любимцу иудейскому —
Полковнику гвардейскому;

Герою с аксельбантами,
С «восточными» талантами;
Любому губернатору,
Манежному оратору;

Правопорядку правому,
Городовому бравому
С огромными усищами
И страшными глазищами;

Сыскному отделению
И Меньшикову-гению;
Отшельнику Кронштадтскому,
Фельдфебелю солдатскому;

Известному предателю —
Суворину-писателю,
Премьеру-графу новому,
Всегда на всё готовому.

Всем им живется весело,
Вольготно на Руси. . .

(1906)

261. БАЛБЕС

За дебоши, лень и тупость,
За отчаянную глупость
Из гимназии балбеса
Попросили выйти вон. . .

Рад-радешенек повеса,
Но в семье и плач и стон. . .
Что с ним делать, ради неба?
Без занятий идиот
За троих съедает хлеба,
Сколько платья издерет? . .
Нет в мальчишке вовсе прока —
В свинопасы разве сдать
И для вящего урока
Перед этим отодрать?
Но решает мудрый дядя,
Полный в будущее веры,
На балбеса нежно глядя:
«Отдавайте в. . . офицеры. . .
Рост высокий, лоб покатый,
Пусть оденется в мундир —
Много кантов, много ваты,
Будет бравый командир!»

Про подобные примеры
Слышим чуть не каждый час.
Оттого-то офицеры
Есть прекрасные у нас. . .

(1906)

262. СОН

Мне снилось, что Плеве с печальным лицом
Со мной говорил о России,
Портсмутского графа он назвал глупцом,
Про прочих промолвил: «Слепые!

До мелочи вижу ошибки их тут,
И страшно за них мне обидно —
Они к революции сами идут,
Забыв о последствиях, видно.

И мне самому приходилось спасать
Россию от вредных учений,
Давал я приказы сажать и стрелять,
Но мера была для гонений. . .

Устроишь приличный еврейский погром,
Закроешь три высшие школы, —
Но нынче играют огнем и мечом
Они как лихие монголы.

Они малолетних ссылают в Сибирь,
Они города выжигают, —
И скоро вся Русь обратится в пустырь,
Где совы одни обитают.

Кто ж будет налоги и штрафы платить?
Чем заняты будут жандармы?
Кто будет начальство высокое чтить
И строить дома и казармы? ..

Нет, надо сознаться, что беден умом
Мой новый преемник безбожно, —
Опасно играть отточённым мечом,
Опасно, порезаться можно. . .»

И вспомнил фон Плеве карьеру свою,
Свои министерские розы,
И жал он сочувственно руку мою,
И лил крокодиловы слезы.

Я в страхе проснулся. . . уж день наступал
{Три четверти пятого было),
И долго плевался, и долго шептал:
«Спаси, сохрани и помилуй! . . .»

(1906)

263

Слишком много разговоров,
Пересудов, перекоров,
Бесконечных рассуждений,
Полувзглядов, полумнений. . .
Слишком много.

Слишком много безразличных,
Веселящихся, безличных,
Жизнерадостно-утробных,
Всепрощающих, незлобных. . .
Слишком много.

Слишком много терпеливых,
Неуверенных, плаксивых;
Робких, маленьких, забытых,
Растерявшихся, разбитых. . .
Слишком много.

Слишком много паразитов,
Фарисеев, иезуитов,
Губернаторов, удавов,
Патриотов, волкодавов. . .
Слишком много.

Слишком много слуг лукавых,
Партий правых, жертв кровавых.
И растет в душе тревога,
Что терпения у бога
Слишком много!

(1906)

264. ЖАЛОБЫ ОБЫВАТЕЛЯ

Моя жена — наседка,
Мой сын, увы, эсер,
Моя сестра — кадетка,
Мой дворник — старовер.

Кухарка — монархистка,
Аристократ — свояк,
Мамаша — анархистка,
А я — я просто так. . .

Дочурка-гимназистка
(Всего ей десять лет),
И та социалистка, —
Таков уж нынче свет!

От самого рассвета
Сойдутся и визжат, —
Но мне комедья эта,
Поверьте, сущий ад.

Сестра кричит: «Поправим!»
Сынок кричит: «Снесем!»
Свояк вопит: «Натравим!»
А дворник: «Донесем!»

А милая супруга,
Иссохшая, как тень,
Вздыхает, как белуга,
И стонет: «Ах, мигрень!»

Молю тебя, создатель
(Совсем я не шучу),
Я русский обыватель —
Я просто жить хочу!

Уйми мою мамашу,
Уйми родную мать —
Не в силах эту кашу
Один я расхлебать.

Она, как анархистка,
Всегда сама начнет, —
За нею гимназистка
И весь домашний скот.

Сестра кричит: «Устроим!»
Свояк вопит: «Плевать!»
Сынок шипит: «Накроем!»
А я кричу: «Молчать!! .»

Проклятья посылаю
Родному очагу
И втайне замышляю —
В Америку сбегу! . .

(1906)

265. ПАСТЫРЬ ДОБРЫЙ

Долой амнистию!
Да здравствует смертная казнь!

От монашеского пенья,
От кадилных благовоний
Прикатил для управленья
Из Житомира Антоний.
Там, в провинции доходной,
Украшался он виссоном
И средь знати благородной
Пил душистый чай с лимоном.
А за ним весьма прилежно
«Мироносицы» ходили,
В рот заглядывали нежно
И тихонько говорили:
«Ах, какой епископ статный
Управляет нынче нами!
Просвещенный, деликатный,
С изумрудными глазами. . .»
Через месяц аккуратно
Для людей непросвещенных
Он прочитывал приватно
Поучений ряд ученых:
О Толстом и о Ренане
С точки зрения вселенской,
О диавольском обмане,
О войне, о чести женской. . .
Тексты сыпались привольно,
Речь текла легко и гладко. . .
Я там был. . . дремал неволью
И зевал при этом сладко. . .
Что Ренаны, что Толстые?
Отщепенцы, басурмане!
Лишь епископы святые —
Чистой крови христиане. . .
Прочитав теперь в газете,
Как Антоний отличился
В Государственном совете,
Я ничуть не удивился:
Где муаровые рясы
В управленье влезть сумеют —

В черносотенстве лампасы
Перед ними побледнеют!..
В каждом слове — кровожадность,
Пресмыканье, фарисейство,
И смиренная «лампадность»,
И высокое лакейство.
Христианнейший язычник
Черной злобою пылает, —
Где тут пастырь, где причник —
Пусть досужий разбирает...
«Им амнистию?! — смеется
И цепям поет: — Осанна!»
Ликование несется
Из самаринского стана...
Ах, епископ-звездоносец
С изумрудными глазами!
Сколько бедных «мироносиц»
Недовольны будут вами!..
(1906)

266. ФИТИЛИ

*(Для крошечных детей)*¹

Сдайся, крепость Кушка,
Сдайся, старый стиль!
Дума наша — пушка,
Родичев — фитиль...

Все кадеты вместе
(Только inutile²)
Кабинету с честью
Вставили фитиль.

Скоро всем в подарок
Выйдет новый билль...
Коль чадит огарок —
Потуши фитиль!

(1906)

---

¹ На мотив: «Катенька гуляла
У себя в саду...»

² Бесполезно, не нужно (франц.). — *Ред.*

267. В ТЮРЬМЕ

(Из песен «свободного гражданина»)

Конституция прекрасна,
Но барон наш очень строг:
При «незыблемых основах»
Посадил меня в острог!

И сижу я в «одиночной»
С конституцией моей...
И, как стихнет, в час полночный,
Прижимаюсь крепко к ней...

А она, трясясь от страха,
Тихо шепчет, что Медем
Ей сказал: «Смотри, мерзавка!
Я тебя поймаю — съем!»

Отвечаю ей: «Не бойся!
Мы с тобою здесь одни.
Ты озябла? На, прикройся
И все страхи отгони!»

Ночь пройдет, через окошко
Мы увидим голубей!
...Успокоилась, спит крошка
И во сне кричит: «Не бей!»

«Что ты, что ты? Бог с тобою!
Это я, а не Медем!..»
— «Ах!.. а мне... приснилось, будто
Здесь барон и шепчет: „Съем!“»

. . . . .

Ночь долга, тюрьма угрюма,
Я бедняжку сторожу...
В небе тучи — словно думы...
Я хожу... хожу... хожу...

Жду желанного рассвета,
Жду конца тяжелых снов,
Жду от вас, друзья, приветов,
Жду «незыблемых основ»!

Ноябрь 1905

268. МАЛЕНЬКИЙ ВЕЛИКИЙ ЛАМА

(ИЗ БАСЕН ТОМАСА МУРА)

Перевод с английского

1820 г.

Великий Лама очень мал:
Ему лишь годик миновал,
И говорили все в Тибете,
    Когда взошел
    Он на престол,
Что первый у него едва зубок пошел,
А может быть, второй, а может быть, и третий,
    Не более. (Досель на этот счет
У всех историков великий спор идет.)
    Тибетцы так его любили,
    Что, если б для его игры
    Понадобились вдруг шары,
То головы свои они бы отрубили
    И Ламе подарили.
Всё было хорошо. Но вот
    Уж третий год
    Ему идет, —
И маленький Великий Лама
Становится несносен прямо:
То генерала хватать за нос,

То ножку герцогу подставит,
 То князю дряхлому до слез
 Мозоль заветную отдавит;
 Жезлом священным, как конем,
 Вдруг овладеет и верхом
 Ко храму бег его направит,
 И бьет из пушек восковых
 Горохом подданных своих.
 Доходит дело до того,
 Что уж теперь без тайной дрожи
 Не подойдут к нему вельможи
 Одеть или раздеть его.
 И, сговорившись по секрету,
 Петицию они шлют Высшему Совету.
 «Вот так и так, — петиция гласит, —
 Мы все за Ламу с дорогою
 душою, —
 Чуть оспа у него, коклюш иль дифтерит,
 Заразы не страшась, мы за него стеною;
 Но ныне смелость мы берем
 И вот о чем
 Просить дерзаем милость вашу:
 Для благоденствия страны
 Спустить его величеству штаны
 И дать ему березовую кашу».
 И, возмущением объята,
 Шумит Верховная Палата,
 А в ней попы сильнее всех:
 «Ведь тело Ламы свято, свято,
 Его коснуться даже грех. . .»
 И скоро брат идет на брата,
 И скоро спором вся страна
 Разделена, раздроблена.
 «Сечь иль не сечь» — о том переговоры,
 И споры, ссоры
 И раздоры
 Достигли наконец того,
 Что мудрых лордов большинство
 (А мудрые бывают и в Тибете)
 Так положило на совете:
 «Чтоб революцию пресечь,
 Народ в Тибете уберечь,

Сейчас же буйному ребенку
Поднять доверху рубашонку,
Почтительно его посечь».

Вот так и сделали. На днях меня встречает
Приехавший из этих мест.
Он весь от радости сияет:
Их Лама подобрел — и так их обожает,
Что в дар для них приготовляет
Всемиловитый манифест.

Октябрь или ноябрь 1905

269

Проф. Мартенс, по ошибке, доставил нам следующее письмо, очевидно предназначавшееся для кого-то другого, со вложением фотографической карточки, которую воспроизводим ниже:

... Тебя портрет наш удивит
И будет даже непонятен:
Как! Рядом с Дурново — Лопатин
И вместе с Бирилевым — Шмидт!
Да, мы теперь с бунтовщиками,
Затем что, милый, мы и сами —
Большой руки
Бунтовщики.

Вот хоть бы я... Я взбунтовал поляков
При помощи скалонов и казаков,
Освободил печать, цензуру устранил,
Союзами всю Русь объединил,
И, наконец, собравши почтальонов,
Я сразу несколько миллионов
Под красный стяг поставил в ряд;
Со мною рядом сам Сазонов —
И бюрократ, и ретроград...
А Иоанн, поднявший весь Кронштадт! —
Он больше бунтовщик, чем сотни всех Гапонов!

А Бирилев! Ведь целый флот
Он к революции ведет,
И, осенив родные воды
Кровавым знаменем свободы,
Достоин он со мной взойти на эшафот.
А ты, пигмей и телом и душою,
Ты истинный Марат — и от тебя народ
Кровавых мятежей и революций ждет. . .

Прощай. И Серафим да будет над тобою.

За П. Н. Дурново — К. Чуковский

Ноябрь 1905

270. ЖУРНАЛИСТЫ И КАМЫШАНСКИЙ

«Журналисты что такое? —
Камышанский спросил. —
Правда ль: это племя злое
Не боится наших сил?
Так расскаются ж нахалы!
Объявить редакторам,
Чтобы «Стрелы» и «Сигналы» —
Все несли к моим ногам!»
Нам сдаваться нет охоты,
Нам угрозы не страшны:
«Пули», «Бомбы», «Пулеметы» —
Всё готово для войны!
По «Сигналу» «Пулемета»
«Жупел» «Пламенем» объят.
И в изменников без счета
«Стрелы» с «Пулями» летят.
Даже «Зритель» безучастный
Им устроил «Бурелом»,
Словно кровью, краской красной
Обагрив всё кругом. . .

Начало 1906

271. ПЬЕР, ПРЕМЬЕР И BEAU-FRÈRE,¹

ИЛИ
ШПИОН, ГАПОН И МЕНДЕЛЬСОН

Три министра у братца,
Он велит им собраться:
«Помогу я вам, братцы, советом,
Как бы вам умудриться
Капиталом разжиться,
Не теряя невинность при этом.

Сам я ссуду добуду:
Думу строить я буду, —
Потекут ко мне деньги рекою,
Ну а после без шума
Эту самую Думу
Я в кутузку легко перестрою.

Ты же, Пьер, не кусайся,
На людей не бросайся,
Притворись человеком покуда,
Чтоб хоть трупы в могиле
Поскорее зарыли,
И авось нам достанется ссуда.

После слов манифеста
Юдофобству не место:
Поезжай же, Иван, к Мендельсону,
Чтоб повысилась рента
Хоть бы на два процента,
Чтобы денег хватило Гапону».

Молодцы поклонились
И домой воротились,
А лукавый старик ожидает,
Что в пустые подвалы
Потекут капиталы,
И ладони, смеясь, потирает.

---

¹ Шурин (брат жены) (франц.). — Ред.

Снег на землю валится,
Братец с ношею мчится,
И шпионов вокруг него стая.
«Чем тебя наделили?
Что там? Ге! Не рубли ли?»
— «Нет, о брат мой, нагайка лихая».

Снег на землю валится,
Пьер дорогою мчится,
И в руке его ноша большая.
«Что за ноша у брата,
Не французское ль золото?»
— «Нет, о брат мой, нагайка лихая».

Снег на землю валится,
Чтобы кровью покрыться,
Блиндированный поезд въезжает.
Старший братец ни слова,
Только смотрит сурово,
Как домой Мендельсон уезжает.

Начало 1906

272. ЕГО АПОЛОГИЯ

Говорил Горемыкин Аладьину:
«Раздавлю я тебя, словно гадину».

И Аладьин твердил Горемыкину:
«Я тебя, Горемыкина, выкину».

А Столыпин,
Неусыпен,
Ничего не говорил.

И прогнал Горемыкин Аникина,
И Аникин прогнал Горемыкина.

А Столыпин,
Неусыпен,
Никого не прогонял.

На Кавказе, в Крыму ли, в Одессе ли —
Всех эс-эров эс-эсы повесили.

А Столыпин,
Неусыпен,
Не повесил никого.

Между шолем и сентябрем 1906

273. ОГНЕГАСИТЕЛИ

(ИЗ БАСЕН ТОМАСА МУРА)

Перевод с английского

Владыка Персии могучий
Был чрезвычайно поражен,
Когда узнал случайно он,
Что неприятелем, как тучей,
Он окружен со всех сторон.
Огни священные пожаром
Враги пред шахом развели,
Но он владыкой был недаром —
И, их сразив одним ударом,
Изгнал из отческой земли.
Огнепоклонники бежали,
Но их огни — они горят!
Они горят — и их едва ли
Веленья шаха устрашат.
Они горят! — и шах со страхом
«Теперь уж, — думает, — капут!»
Но в этот миг пред нашим шахом
Рабы, бледнея, предстают
И после низкого поклона
Кладут гасильники у трона.
И снова шах
Сидит впотьмах,
И снова славит он аллаха.
Ведь изо всех даров его
Тьма драгоценнее всего
Для шаха.
А посему вокруг дворца
Машин гасильных без конца.

Они, как войско, настороже:
Чуть огонек — они туда,
И он уж гаснет навсегда.
Но время шло. И раз, о боже,
    Великий шах
    Гулял в гостях,
А пламя тихо разыгралось,
К дворцу, неслышное, подкралось —
И трон сгорел, и от жезла
Одна осталась зола.

А что ж гасители? Ужели
Они не встали на врага?
Ужель им честь не дорога?
Нет! воевать они хотели,
Да сами, бедные, сгорели.

О шахи, чур не обижаться,
Мы поученье вам дадим:
Вовеки впредь не доверяться
Огнегасителям таким,
Что сами могут загораться.

(1906)

О. Н. Ч Ю М И Н А
(Бой-Кот; Оптимист; Офорт)

**274. ТРАГЕДИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО РЕДАКТОРА,
ИЛИ «Я СТАЛ ЛЫСЫМ»**

Редактор
(Слезая с имперяла)

Сегодня с торжеством я влез на имперьял,
Имея под рукой блестящий матерьял:
Передовица есть о самом главном —
Прямом, всеобщем, тайном, равном...
Вот хроника: собирал я по куску,
В ней волосок подобран к волоску.
Фу... что я! К факту факт! Ну, пронеси, создатель,
Как молвит на мосту столичный обыватель,
А иногда и брат писатель,
С надеждою входя в иной подъезд,
Где не засиживался съезд...
Но — ах! — не надпись ли над адскими вратами
Неизгладимыми рисуется чертами
Над дверью этою? О да...
«Входящий, здесь оставь надежду навсегда...»

(Легкомысленно похлопывая по портфелю)

Ну что же! Там и сям окажется тонзура,
Но коль не выдаст бог, не всё же съест цензура...

Изнутри доносится мотив плясовой.

Ой, жги, жги, жги!
Говорить не моги,
Разговаривать!
Зубы нам заговаривать!

Редактор

Ох, помянуть ко времени Кобеку!
Пошли, творец, моей газете веку!
(Скрывается в подъезде.)

Буря... Среди раскатов слышится доносящий, — вероятно, доносящий глас.

Гражданин

Немедленно, чтоб зло пресечь,
Собрать газеты все и сжечь!
Тому лет сорок — я живой свидетель —
Газет у нас всего лишь было две,
Одна — в Москве,
Но расцветали ум, порядок, добродетель,
И ныне мы вкушаем их плоды...
Лишь от газет все нелады...
Чем более умны они и хлестки
(Я признаю в иных таланта блестки),
Тем ревностней читает их толпа
И — ах! — тем более становится глупа...
Прочтет: «Я лысым был!» — и тотчас же спасенья
Начнет она искать от облысения.
А я скажу: пустых надежд не сей,
И кто лысеет, тот лысей!
Кто слепнет, слепни без зазрения,
Но не ищи от слепоты прозрения,
Ведь это на соблазн слепцов отчизны всей...
Кто не в корню, бежит и на пристяжке...
Вот мысль моя. Тут места нет натяжке...
Дадим-ка им туза, покуда мы в тузах,
Бессильно побрюзжим, пока еще брюзжится...
(К возобновлению «Бориса Годунова».)

Ах, тошно от газет и голова кружится.

(Умолкает.)

Редактор

(вылетает из парадного подъезда)

«Семь раз примеры!» «Режь по восьмому
разу!»

Пословицы напрасно говорит...
Тут и не мерили: всё вырезали сразу...

Газеты нет, лишь объявлений ряд. . .
Вот не угодно ли: взамен передовицы
Есть публикация о *курсах у певицы*
И «постановке голосов»,
Взамен подачи — «постановка»!
А? Недурна перетасовка?
Еще: *породистых рекомендуют псов*. . .
Когда о Думе думаем-гадаем,
Собачники рекомендуют нам
Известных всех по нашим временам
Неугада с Угадаем. . .
Вот публикуется *кавказский* виноград. . .
Под статью ли *киевским* конфетам?
Целебным славится эффектом. . .
Его отведай: рад не рад. . .
По-моему, хоть цену он повысил,
Но не хорош: зеленоват и кисел. . .
Вот *финский* кнекке-бре¹ — настолько сух и груб,
Что всякий, кто имеет зуб,
Его сломать бы мог об тело. . .

(*Махнув рукою на объявления*)

Эх, скверное выходит это дело!
Легко из целого наделать лоскутков,
Но трудно что-нибудь составить из кусков,
Да так, чтоб всё казалось цело. . .
Суди меня сам Гостомысл,
Слагаю я с себя ответственность за смысл!

(*Выпускает газету, печатно сложив с себя ответственность
за ее смысл и содержание.*)

(2 октября 1905)

275. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

(*Музыка г.-м. Трепова*)

Спи, младенец, год за годом,
Баюшки-баю;
Четырем твоим свободам
Я отходную спою.

---

¹ Сухие хлебные лепешки.

Я писать указы стану
Твердою рукой,
Дам покой тебе, смутьяну:
«Со святыми упокой!»

Если мало эскадронов,
Слабо хлещет плеть, —
Для тебя я и патронов
Не хочу жалеть.
Приложу к тому все силы,
Чтоб создать покой:
Нет покойнее могилы,
«Со святыми упокой!»

Я из дядек буду старшим,
Вот тебе мой сказ,
И наклею над монаршим
Треповский указ:
Там — свобода «арестантам»,
Здесь — свободным крест, —
Разъясню манифестантам
Царский манифест.

Хороните павших с миром,
Говорите речь, —
Ей в ответ, сливаясь с клиром,
Прогремит картечь.
Брызнет кровь, по ленте красной
Потечет рекой. . .
Спи, младенец мой прекрасный,
«Со святыми упокой!»

Я — порядка оборона,
Всюду озарю
Светом факелов Нерона
Конституции зарю.
Спи, дитя, под сводом склепов,
Нас не беспокой.
Пропоет свободе Трепов:
«Со святыми упокой!»

Октябрь 1905

276. ГЕССЛЕР ИЗ КРЕМЕНЧУГА

(К историческому приказу временного генерал-губернатора
города Кременчуга г.-м. Калитина)

Ген. - майор Калитин
(захлебываясь властью)

Как о себе я понимать могу?
Чем удивлю бунтующую клику?
Хлебну-ка власти малую толику,
Чтоб прояснилось у меня в мозгу. . .

(Хлебает и хмелеет.)

Я кто? Я — генерал. Я — губернатор,
И надо мной — один лишь император,
И то, пожалуй, здесь, в Кременчуге,
Я нахожусь на равной с ним ноге.
Сдается мне, что не дал бы я маху.

(Примерив шапку Мономаха)

Жаль — тяжела!

Здравый смысл
(лицо, к делу неприкосновенное)
Хватили через край. . .

Г. - м. Калитин

Что через край? Ты на других взирай.
В других губерниях Хвостовы-Хомутовы
Монарший манифест конфисковать готовы
И распустили так хвосты,
Что конституция попряталась в кусты.
Им уступить? Ни в жизнь! Но чем
свое правленье

Прославлю я, векам на удивленье?
Чем я правительству посильно удружу?
Всё было, всё. . . Погромы и разгромы
И не из тучи громы. . .
А вот немножко посижу —
Придумаю такой эффект, что ужас!

Здравый смысл
(предупреждая)
Здесь лужа-с.

Г. - м. К а л и т и н

Ну, не впервой. . .

(Вскакивает.)

Нашел! Теперь Кременчугу
Себя во весь свой рост я показать могу!
У немцев в старину был капитан-исправник
(По-ихнему — ландфогт), большой забавник,
Который в деле сем да будет мой наставник:
Он шапку водрузил, на страх врагам,
Чтоб кланялись той шапке свинопасы.
Но так как на Руси отнюдь не по мозгам
(То бишь: по шапкам и по головам) —
Известней генерал-майоры по ногам —
Для поклонения я выставлю. . . лампасы!

(Делает соответствующие приготовления.)

Да вздернут их немедленно на шест
В виду Кременчуга и всех окрестных мест!

Октябрь или ноябрь 1905

277. КРАСНАЯ ШАПОЧКА

(Сказка наизнанку)

Красная Шапочка — живуча.
Волк, притворяющийся бабушкой.
Прохожий человек, хата которого с краю.

1. ЛЕС

Красная Шапочка
*(размахивая корзинкою с гостинцами,
беззаботно напевает)*

Мне не страшен волк — волк,
Будь за ним хоть полк — полк,
Пусть зубами шелк — шелк.
Будет он как шелк — шелк.

Прохожий
Куда же ты, прелестное дитя?

К р. Ш а п о ч к а

В пасть к волку, дяденька.

П р о х о ж и й

Послушай, не шутя,
Когда мы все читали под указку
О Красной Шапочке и хищном волке сказку,
Тебя всегда съедал коварный волк
(И в дни, когда взывал к доверью Святополк).

К р. Ш а п о ч к а

Так, дяденька, действительно бывало,
Но — миновало.

П р о х о ж и й

Волк на тебя давно уж точит зуб.

К р. Ш а п о ч к а

А если он окажется беззуб?
Ведь докторов он никогда не слушал
И слишком много пил и кушал.
Уж так прожорлив волчий род,
Что даже в недород он ел за весь народ.
И утверждают флагоносцы: ¹
В желудке у него есть даже броненосцы
(За исключением тех, что пущены ко дну
В войну...).

Не знаю в точности, на чем расчеты строил,
Но конституцию ² свою он тем расстроил.

П р о х о ж и й

Какой бы ни был там режим,
Но перед волком мы дрожим,
От них всегда возможно ждать уронов...
Прикажут не жалеть па... па... па...

К р. Ш а п о ч к а

(доканчивая)

...тронов.

---

¹ Смотри «Словарь двойных слов» Такого-то.

² По-русски — сложение, организм, по М. Горькому — «органон», отравленный алкоголем.

Прохожий
(испугавшись)

Тьфу, пропасть!.. Тут с тобой не мудрено пропасть!
Ступай-ка с богом в волчью пасть.

2. «ТАМ — ВНУТРИ»

Кр. Шапочка
День добрый, Волк.

Волк
(притворяясь бабушкой)
А, здравствуй, внучка.

Кр. Шапочка
Ха, ха! Стара такая штучка!
Мы не сидим уже на буках и азах...
Историю волков учили мы пространно.
Глазами красными что ты глядишь так странно?

Волк
Всё мальчишки кровавые в глазах.

Кр. Шапочка
И зубы у тебя какие-то иные?..

Волк
Вставные!

Кр. Шапочка
Ну, так и есть
Тебе меня уж более не есть.
А вот тебе, чтоб не кусался,
На Красных Шапочек ты больше не бросался —
Я когти подпилю гостинчиком стальным...

(Открывает корзинку.)

И станет хищный волк совсем, совсем ручным!

Продолжение следует по усмотрению читателей.

Октябрь или ноябрь 1905

278. СРЕДНЕВЕКОВАЯ БАЛЛАДА

Я зовусь принцессой Ильзой.

Гейне

Я не дама демимонда,
Я принцесса Требизонда,
По-венгерски: Поль-Мари¹.

В ресторанах с итальянцем
И с лихим преторианцем
Распивала я Помри.

«Чистотой» мы не блистаем,
И, подбито горностаем,
Мне манто не по плечу.

Средь измен перед странюю,
Что должна мне быть родною, —
Я в грязи его влачу.

Требизондская принцесса —
Патронессам патронесса
И хранительница касс.

И как милости — сначала,
Так поздней я расточала
И гроши народных масс.

В бенефис мой пели дивы
Итальянские мотивы...
Patati et patata!..²

Мне — измены закоулки,
Мне и ключик от шкатулки
Загрязненного Креста.

(27 ноября 1905)

---

¹ «По-венгерски» имя ставится не впереди, а позади отчества и фамилии.

² Звукоподражание.

279. К ПОЛЬСКОМУ ВОПРОСУ

(Балетоманы — балерине)

В вопросе польском,
Ужасно скользком,
К чему рискованные па?
Ты — вне сравнения,
Пусть «уравнения»
Желает грубая толпа!

Ты летишь в волшебном соло,
Словно пух от уст Эола
(Или перья из перин).
И толпе, чего ей больше,
Коль на свет явилась в Польше
Ты — краса всех балерин?!

У России ты в респекте,
И народом на проспекте
Возведен тебе «палац».
От народного «избытка»
(Не последняя ль попытка?)
Ты имеешь много «цац».

Что ж депутаты,
Как супостаты,
Лелеют праздные мечты?
Что Польше скромной
Быть автономной,
Когда самоуправна ты! . .
(4 декабря 1905)

280. ВОЗРОЖДЕНИЕ ФЛОТА

Баллада

Флотские экипажи на Ва-
силевском острове перестраива-
ются в тюрьму.

Из газет

1

Под синей волной океана
Часть флота подводит итоги,
Другая — она без изъяна —
Плывет под командою Тоги.

Всё рады мы, чем небогаты,
Отдать во владенье японца:
Да плавают наши фрегаты
В стране Восходящего Солнца!

Толкуют, что миг пробужденья
Настал для морского болота,
И флоту сулят возрожденье,
Есть фонд возрождения флота.

Но кто же, доверья достоин,
Порукой, что острые зубки
Не сделают новых пробоин,
Суда превратив в душегубки?

Мы флота рожденье воспели,
Но ах, как и старый, он сгинет,
Коль будет и он от купели
Такою же крестной воспринят!

Молва о «казенном» гласила:
Оно не горит и не тонет,
Но всё ж не в пословице сила,
Вода все концы похоронит.

2

Что плавать к побережьям чукотским?
Морское к чему обученье?
Теперь экипажам мы флотским
Другое дадим назначенье.

Казармы в тюрьму перестроим
(Теперь обеднели мы ими)
И флотским казармам присвоим
Спасательной станции имя.

Из Томска писал Азанчеев
В бессмертных строках донесенья,
Что в бурные дни от злодеев
В тюрьме лишь возможно спасенье.

Морскую тюрьму к годовщине
Построить спешим для оплота, —
Неужли ж то будет отныне
У нас «возрождением флота»?

(5 января 1906)

281. АРИЯ РЕДАКТОРА

(Перед судебным разбирательством. Ор. 129)

Куда, куда вы удалились,
Товарищи моей весны?
Одни — в тюрьму переселились,
Другими — деньги внесены.

Что́ суд грядущий нам готовит?
Его мой взор напрасно ловит.
В судебной мгле таится он.
Нет нүжды: прав иль нет закон?
Сражен ли я — под стражу взятый,
В тюрьме влачащий житие —
Статьею сто двадцать девятой,
Иль гибну по иной статье, —
Отсюда, из «приюта неги»,
Мне путь один — в снега Пинег.

Заутра купят две столицы
Лишь «Время новое» и «День».
А я с газетой — я темницы
Сойду в таинственную сень,
И судопроизводства Лета
Поглотит нас с тобой, газета,
И опечатают листы. . .
Читатель мой, придешь ли ты
На свежий холм литературный —
Сказать: винимый в массе дел,
Из-за меня в тюрьме сидел
Он на рассвете¹ жизни бурной.
Читатель мой, в такие дни
Добром Кобеку помяни!

(8 января 1906)

¹ Можно и на закате.

282. СЕРЕНЬКИЙ КОЗЛИК

Жил у Федорушки,
Ой-ли не в порушки -
Серенький козлик.

Выгнали козлика летом, в Купалу,
В поле на Ялу.

Плавал наш козлик на ялике зыбком
К ракам да к рыбкам.
Фить как, вот как!
Серенький козлик!

Влезет наш козлик куда-нибудь сдуру,
Там напугает индюшку иль куру —
С козлика спустят немедленно шкуру.

Кликали козлика разными кличками,
Близко знакомя с родными куличками,
Гнали, страшася примера Икарова¹,
Вместе с телятами стада Макарова.

Козлику дали свободу... молчати,
С нею не знает он, что и начати.

• • • • •
Всюду — печати!

• • • • •
Фить как, вот как!
Серенький козлик.

Вздумалось козлику тут бастовати,
Многих бодати!

Лезет наш козлик на драку да в свалку —
Прямо на палку.

Взяли тут козлика круто за рожки:
Сводят с дорожки,
Прочь от сторожки...

---

¹ Мифический или мифологический юноша, сломавший себе крылья при полете.

Серенький козлик отправлен за мостик:
Там он оставит и рожки и хвостик.

Там не дозволят ко злу допущенья:
Козлику быти козлом отпущенья.
Фить как, вот как!
Серенький козлик.

(Январь 1906)

283. БОЙ БЫКОВ

(Испанское романсеро)

Праздник в честь слепой богини...
Бой быков, блестящий бой.
Там и сям — одежды сини,
В цирк народ валит гурьбой.

Собралася вся Гренада
(Уж обычай в ней таков),
Даже те, кому не надо, —
Поглядеть на бой быков.

Но дивятся чужестранцы —
Донья пресса, дон прогресс:
Ну какой нашли испанцы
В этой травле интерес?

Осужден их бык заране,
Промахнется матадор —
Острый меч в кровавой ране
Повернет тореадор.

Как ни бейся бык бодливый,
Как ни лезь он на рожон —
На глазах толпы болтливой
Всё же будет он сражен.

Где же бой иль состязанье?
Предрешен его исход,
Учинили истязанье,
Средства все пустивши в ход.

Пики, флаги, бандерилья,
Десять — против одного.
Торжествует камарилья
Сант-акимо-дурново!

Ранен бык... Близка кончина.
Тут, являя свой задор,
Вышел Педро Камичилло —
Сей страны тореадор.

У толпы дыханье сперло,
Но с искусством знатока
Умиравшему он в горло
Меч вонзил наверняка!

Он исполнил это просто,
Словно спичкой серной: чирк!
И от крыши до помоста
Огласился плеском цирк. . .

И сказала донья Пепа:
«Что ж? Я нравом не свирепа,
Мне отчасти жаль быка,
Но, к несчастью, он — с рогами,
Мог бы, встретившись с врагами,
Их поднять он на рога».

(5 марта 1906)

**284. ХАРАКТЕРНЫЕ ПЬ
БАЛ У ДУРНОВО**

Посвящается любителям балов

1

Дурново, управлясь с краем,
Дурново здесь правит бал!
Слез не знаем, мы играем
В честь твою, о бог Ваал. . .

Залпы музыки военной
И еврейских скрипок плач.
Капельмейстер несравненный —
Нейдгардт (тертый он калач)...

Съезд гостей разнообразных,
И танцующих толпа
Исполняет много разных
Характерно-новых па.

2

Пестрят литературою:
«Трофеями войны»,
Газетной арматурою —
Четыре все стены.

Вот скальпы журналистики,
Вот «Стрелы», «Пулемет»,
И рожки публицистики,
И прокурорский мед.

Все пьют из рога турьего
(Но неизвестно что).
Обносят кашей Гурьева
На виттевском плато.

С умильными фасонами
Танцует впереди
Коковцев с Мендельсонами
Свое pas de crèdit.¹

Pas d'avione² орловское —
Стахович с Дурново,
И «соло» хрустальевское
(Для Витте одного).

---

¹ Просят людей, мало знакомых с салонным языком, не переводить словами: нет кредита.

² Воздушное па (франц.). — *Ред.*

Солистами — пруды пруди.
Не только в сих местах, —
Солистов много, на́-поди,
Не в лентах, а в «Крестах».

Суворин, взяв, как вижу я,
Финляндочку в бандо,
С «озер девицу рыжую»,¹
С ней пляшет dos-a-dos.²

С Сувориным-папашею —
Порошин визави;
Флиртуя с «Жизнью нашею»,
Клянется суд в любви.

И chaîne³ из солидарности
Танцуют буржуа,
И вместо благодарности
Звучит: pas de quoi!⁴

Но скептик возмутительный
Твердит, что вся толпа,
Весь праздник восхитительный —
Один сплошной faux pas.⁵

Март 1906

285. ЗАЕМ

(На мотив Бернса)

«Кто там стучится в поздний час?»
— «Кто ж, как не я?» — сказал Коко.
«Не след бы вам тревожить нас».
— «А почему?» — сказал Коко.

---

¹ Подлинные слова А. С. Суворина о Финляндии. Припомним, кстати, пушкинскую эпиграмму:

«Сижу я в компании и ничего не вижу,
Только вижу деву рыжу,
И ту ненавижу».

² Спина к спине (франц.). — *Ред.*

³ Цепь (фигура танца) (франц.). — *Ред.*

⁴ Не за что! (франц.) — *Ред.*

⁵ Бсстактность, букв.: ложный шаг (франц.). — *Ред.*

«Ведь вы уж слышали отказ?»
— «Что ж из того?» — сказал Коко.
«И всё ж явились в третий раз?»
— «Да хоть в шестой!» — сказал Коко.

«Тебе ведь только дай деньгу. . .»
— «Ну что же, дай. . .» — сказал Коко.
«Да ты и так кругом в долгу!»
— «Уж это так!» — сказал Коко.
«Пожалуй, дам, но подо что?»
— «Под Думу дай!» — сказал Коко.
«А деньги вам нужны на что?»
— «На то да се», — сказал Коко.

«Вот то-то! Нужен пулемет?»
— «Да и тюрьма», — сказал Коко.
«А место кто в тюрьме займет?»
— «Увидим там», — сказал Коко.
«Засадишь Думу вашу, чай?»
— «Коль что не так», — сказал Коко.
«Ну, ладно, деньги получай».
— «Давно бы так!» — сказал Коко.

«Вот только мне беда с молвой!»
— «Что нам молва!» — сказал Коко.
«Оно, положим, не впервой».
— «И это так», — сказал Коко.
«Стрекочет пресса-егоза».
— «Пугни ее», — сказал Коко.
«Пожалуй, плюнут мне в глаза?»
— «Утрись, как мы», — сказал Коко.

Начало 1906

286. СЛУЧАЙНЫЙ КАБИНЕТ

(В магазине случайной мебели)

Продавец

Извольте поглядеть. Вот новый кабинет:
С иголки. Нигде изъянов нет.

Покупатель

Разнокалиберный.

Продавец

Так точно-с... без разбору
Сбирали мы и с сосенки и с бору.
Вот штучка стиль «коко» — как есть для парижан.

Покупатель

Обивки странный цвет: ни то ни се.

Продавец

«Шанжан».¹

Свет сверху падает, и с этим сообразно —
Она оттенками переливает разное.
А вот фигурки есть: старинный брик-а-брак.²
Две-три без головы...

Покупатель

(*рассеянно*)

Да, их пора бы в брак.

Продавец

Все вещи — хоть куда. Солидная основа.
Таких теперь почти что нет.

(*Со вздохом*)

Пред этим был у нас хороший кабинет
(Когда б в нем не было дурного)!
Не только, верите ль, Нью-Йорк и Сахалин —
Работу хитрую ценил и сам Берлин.
И что ж? Пошел за грош! Народ у нас таковский:
Свезли на Каменноостровский!
Какой был кабинет! Искусник не один:
Обойщик Меньшиков и Гурьев-господин
Дорожки вышили — шитье крестами в пальцах,
У них — большая ловкость в пальцах
Еще с тех пор, как были оба в мальчиках...
Узоры всякие: и в небесах персты,
И лилия полей — эмблема чистоты.
Где пятнышко — там фиговый листочек,
И между строчек много, много точек...

¹ Переменчивый (changeant — франц.). — *Ред.*

² Подержанные вещи; старье, хлам (bric-à-brac — франц.). — *Ред.*

Покупатель

И все труды пропали ни за грош?
Тут что-то воздух нехорош.

Продавец

А это, верно, из отдушин
Ближайших госпожи Юстиции конюшен.

Покупатель

А не проветрится — ваш кабинет хоть брось!

(Уходит, не соблазнившись.)

Апрель 1906

287. ПЕСНЬ ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ НЕВИННОСТИ

(Музыка русских премьеров)

Прекращенье парламентской сессии
С соблюденьем законнейших форм —
Неужели же это — репрессии,
А не путь либеральных реформ?

Если рот закрываю всей прессе я
Иль тюремный готовлю ей корм —
Неужели же это — репрессии,
А не путь либеральных реформ?

Тяготеют к союзам профессии,
Но боюсь я партийности уз,
Неужели же это репрессии —
Наш «тюремный союзов союз»?

Если казни на нашем конгрессе я
Утверждаю порой без забот —
Неужели же это — репрессии,
А не путь к дарованью свобод?

Если люди весьма прогрессивные
Совершают «сибирский поход» —
Это меры едва ль репрессивные,
Но к свободам прямой переход.

Мы дела совершим богатырские,
Не сойдя с министерских платформ,
И да скроют равнины сибирские
Всех противников наших реформ!

Июль или август 1906

288. «ПОЛНОТА ВЛАСТИ»

(Попурри на истинно русские темы)

Министр
(товарищу)

Не стыди, уходи,
Скройся с глаз навсегда.

Товарищ министра
Не гляди и не жди:
Не уйду никогда.

Министр
Уходи! Посуди:
Ведь дойдет до суда!

Товарищ министра
Ты судить погоди,
Сам уйдешь без суда.

Министр
Когда иные проходимцы
Кричали в Думе с крайних мест:
«Есть в кабинете лихоимцы!» —
Я бросил им в лицо протест...

Товарищ министра
А Васька слушает да ест!

Министр
Когда ж, к несчастью, оказалось,
Что им не всё лишь «показалось», —

Я влек товарища к суду,
Но так, увы, вопрос поставлен:
Что мой товарищ не отставлен,
Я — при товарище оставлен.

Т о в а р и щ м и н и с т р а
Покуда нужным я найду,
И пусть я с места не сойду!
(Усаживается плотнее.)

М и н и с т р
(покачнувшись)

Там — правит мною губернатор,
Здесь — управляет мной союз,
Не рассчет и оператор
Моих «товарищеских» уз.
Ах, неужели в темпе быстром
Уже подходит мой конец?
Что за комиссия, творец,
Быть при товарище министром!!.

К о м и с с и я
(легка на помине, Лидвалю)
Куманечек, побывай у меня,
Ты, бывалый, побывай у меня.

Л и д в а л ь
Оседлаю коня,
Коня быстрого
У товарища я
У министра!
(Вылетает в трубу водопроводную.)

В е т е р в т р у б е
И в высшем суждено совете:
Не быть товарищу в ответе.
(3 декабря 1906)

289. СТРОИТЕЛЬ СТОЛЫПНЕС

Дума думская стояла,
И упала.

Будущая народная песня

Строил Думу неусыпен
Восемь месяцев Столыпин,
    Не жалел труда;
С полевым своим припевом
Отводил места он левым
    (Место — хоть куда!).

Было множество отводов,
«Потрясеньем» думских сводов
    Речи их грозят!
Чтоб подгнившие стропила
Русским духом укрепило —
    Пуришкевич взят.

Кабинетом были званы,
К чести Думы, Крушеваны, —
    Что ее честят:
Весь президиум печатно
Знай ругают непечатно,
    Если захотят. . .

Соблюдая безопасность,
Изолировали гласность,
    Стражей — легион.
Изолирован оратор,
Ложи — тот же изолятор
    (Обошлось в мильон!).

Навели и позолоту,
Пыль пуская санкюлоту
    В непривычный глаз.
Безопасным стало зданье,
Кабинет на заседанье
    Поспешал как раз. . .

Но, увы, хотя и срочно,
Строил он не очень прочно
    (Кабинетский блок).

В Думе многое «чинили»,
Но верхов не починили:
Рухнул потолок!

Так в глаза Европе точно
Пыль пустили не нарочно,
Удивить пришлось:
Нынче, смотришь, ухнет Гурко,
Завтра — рухнет штукатурка:
Что-то расползлось!..

. . . . .

Но дела сии не новы.
Бюрократии основы,
Вам заботы нет!
К удивлению потомков,
Цел и сух из-под обломков
Выйдет кабинет!

Март 1907

290. К ФЕМИДЕ

«Матушка-Фемидушка,
Что сидишь невесело?
На тебя, Фемидушка,
У людей обидушка:
Аль кого повесила?
Аль неладно взвесила?»

«. . . У меня, родименький,
Свет мой подсудименький,
На случаи всякие
Есть весы троякие:
Для Петра, для Якова,
Для иного всякого».

«Как же так, Фемидушка,
Тут и впрямь обидушка:

За одно деяние —
Разно воздаяние?»

«У меня, родименький,
Свет мой подсудименький, —
Нервные явления,
Так сказать, «давления».
Нелады ли с шумною
Нашей Думой думною,
Струйка ль родовитая,
Песня ль щегловитая —
Всем я проникаюся,
Чутко откликаюся!
Тех, за душу милую,
Я, глядишь, помилую,
С тех возьму рублевики,
Звонкие целковики,
А иных — для крепости —
Я упрячу в крепости!»

Апрель 1907

291. ЕГО ПЛАТФОРМА

«Мой программный центр — народ,
Все полдюжины свобод,
Общая реформа.
Ну, а ваша, генерал?»
На жену он указал:
«Вот моя платформа!»

Октябрь или ноябрь 1905.

292. ШАНСОНЕТКА

(На мотив «Я — шансонетка»)

1

Я — Трепов. В свите
Я — генерал.
Мы в паре с Витте
Шли на скандал.
Мой герб: нагайка, штык и плеть,
Девиз: «Патронов не жалеть!»

2

Я очень быстро
Усвоил роль
Премьер-министра,
И мой пароль:
«Отнюдь портфелей не жалеть»,
Мой герб: бутылка, лавр (не плеть).

Я — Куропаткин,
 Меня все бьют.
 Во все лопатки
 Войска бегут.
 Девиз мой: «Не жалеть своих!»
 Пыхтеть умею за троих. . .

Октябрь или ноябрь 1905

293. ЖУРНАЛИСТУ

На мотив «Горные вершины»

Даровал свободу
 Слова манифест.
 На год, на два года
 Садят под арест.
 Требуют залога
 Гласности кроты.
 Подожди немного,
 Посидишь и ты. . .

Между октябрем и декабрем 1905

294. РАНЬШЕ ЛУЧШЕ

Брань на вас несется градом:
 Вас ругать считают спортом,
 Вас крестят то овсокрадом,
 То свиньей, ослом иль чертом. . .
 Вы едва моргнете глазом,
 А на вас карикатуры
 В двадцати журналах разом. . .
 Вот что значит нет цензуры! . .
 Нет, ей-богу, раньше жили
 Втрое лучше, если вникнуть. . .
 Об овсе бы запретили
 Циркуляры даже пикнуть,

Не трещали б, как шарманка,
О «поступке некультурном» . . .
Даже слово бы «овсянка»
Почиталось нецензурным! . .

Декабрь 1905 или начало января 1906

295. № 85

Я сегодня осчастливлен
Положительно тюрьмой,
Мне другим сменили номер
    Пятьдесят восьмой.
Дали восемьдесят пятый
В воздаяние заслуг.
Вот так номер! Вот так номер!
    В нем окно на юг!
В прежнем номере, хотя бы
Я на табуретку влез,
Видел неба треть аршина,
    Здесь аршин небес!

(16 апреля 1906)

А. А. Щ Е Г Л О В
(А. Щ-ов)

---

296. МАРШ ПОЛКОВНИКА МИНА

Эй, служивый, ты откуда?
Где бунтует там народ?
Живо будет мяса груды,
    Марш вперед!
Смело все за мной, ребята,
Постоим за честь земли.
Не робей, в супостата,
    Рота, пли!
Буду я один в ответе,
Дружно, братцы, не робей.
Где есть недруг на примете,
    Смело бей!
Кто: студент там иль рабочий?
Дети? — Это нам с руки.
Вскинем всех еще до ночи
    На штыки!
Ставлю всем за это дело
Водки два ведра,
Только действовать умело.
    Гей! Ура.

Декабрь 1905

297

Скажи-ка, дядя, ведь недаром,
Подобно ракам и омарам,
В душе с отвагой, в сердце с жаром
Мы пятились назад?

Ведь после каждой сильной схватки
Мы от японцев без оглядки,
Хоть в полном боевом порядке,
Бежим, бежим, как куропатки, —
Пускай нам целят в зад!

Ну что ж, мой друг, чего же проще,
Мы понадеялись на мощи
И клали низкие поклоны,
А вместо пуль да обороны
Везли с собой одни иконы!
Подвел нас Серафим!

1904 или 1905

298

Как у нас в городке
На Неве на реке
Ника
Из себя вышел вон,
Ножкой топает он
Дико.

499

И кричит: «Ей-же-ей,
Им не дам, хоть убей,
Воли.
Будет всё как и встарь,
Аль я больше не царь,
Что ли?
Я повластвую всласть
И не сделаю власть
Мою куцей.
Прикажу всё смести,
Но не дам завести
Конституций.
Мне сказала та тёге,¹
Чтобы брал я пример
С папы.
И задам я трезвон
Всем, кто тянет на трон
Лапы.
Ведь по дудке моей
Тянет много людей
Очень,
Хоть и молвит молва,
Что моя голова
Кочень.
Земцам будет беда,
Ишь полезли куда!
Шутки!
Им парламент? Да нос
Еще ваш не дорос.
Дудки.
Мне жс нос, господа,
Я клянусь, никогда
Не утрете.
Я скажу напрямки:
«Пошли вон, дураки!» —
И пойдете». —
Ох ты, царь Николай,
Ты на земцев не лай —
Ишь задорник.

---

¹ Моя мать (франц.). — *Ред.*

Ты б их слушал совет,
А ругня не ответ —
                    Ты не дворник.
Лучше немцам внемли:
Они люди земли
                    Нашей.
А не то путь иной —
К немцам с сыном, с женой
                    И с мамашей.

Конец 1904 или январь 1905

299. СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Его превосходительство
Боятся «представительства»;
Хозяева бесправия
Боятся равноправия;
Казенной службы тати
Страшатся все — печати.
Уньние у многих
Теперь ослов двуногих:
Дрожание — в поджилках,
Трясение — в затылках,
Блуждание — во взоре,
Мычанье — в разговоре!

{7 мая 1905}

300. ПО ТРАДИЦИИ

Против всяких зол и тьмы
Числясь в явной оппозиции,
Жить, увы, привыкли мы
                    По традиции.

Бюрократ поет красно,
Полный рвенья и амбиции;
Дело ж прячет под сукно —
                    По традиции.

На востоке у солдат
Недочеты в амуниции;
В интендантстве ряд растрат. . .
По традиции.

Каждый к ближним очень строг;
Но не прочь от экспедиции
На общественный пирог —
По традиции.

(28 мая 1905)

301. УТЮГИ

Басня

«Мы поплывем! — сказали Утюги. —
И пусть трунят насмешники враги!
Смеется хорошо всегда один последний. . .
Друзья, в поход, на пруд соседний! . . .»
Пошли. Поплыли. И с тех пор
Не возвращаются на двор.

Умейте отличать мечты от бредней.

(5 июня 1905)

302. В АЛЬБОМ А. А. НАВРОЦКОГО

Вы — поэт при дворе Комарова,
Вы — поэт с чисто русской душой,
Лирик гордого, светлого слова,
Вы поэт-гражданин и герой.

Вы — достойнейший рыцарь из «Света»,
Отставной генерал, драматург,
Виден в вас дух великий кадета,
Вами горд и велик Петербург.

Но и вы уж не вовсе безгрешный. . .
Пусть я вас до небес превознес,
Но вас ад не забудет крошечный
За стишок: «Есть на Волге утес». . .

По ошибке его написали?
Ну, конечно, и ясно для всех. . .
Но студенты его распевали,
И считалось властями за грех. . .

«Свет» — чистилище. . . Вы искупили
Радикальные ваши стихи. . .
О! пишите же оды и были,
И простятся былые грехи.

(11 сентября 1905)

303. ХОР ОСМЕЛЕВШИХ ДВОРНЯЖЕК

Насилье терпеть несогласны мы дольше,
На привязи нас не удержите больше:
Властей мы не знаем и знать не желаем,
Свободно мы ходим, на дворника лаем.

(30 октября 1905)

304. БЫЛИНА

На старинный синодально-монопольный распев. Записано с голоса олонецкой вопленицы Устиньи причетником из акцизных

Эту песнь поем хвалебную
В честь Владимира Великого,
Красным Солнцем нареченного,
Что среди народа дикого,
В жертву ада обреченного,
Водрузил стяг православия,
Перуна ж, по пункту третьему,
Вверг в пучину тьмы, беславия,
Возбрания молебны петь ему,
Воспретил ему вступление
И в попы и в целовальники,
А отдал, для посрамления,
Его в земские начальники.
Но не тем одним князь славится,
Что крестил нас в веру правую,
И не тем одним помянется

Всею русскою державою,
Но и тем еще, что в явственных
Формах в нем жило сознание
Обо всех успехах нравственных
Государственного здания.
Не гоняясь за химерою,
Рассуждал князь положительно:
«Утешаться одной верою
Далеко не утешительно.
Жизнь по правилам святителей
Хоть манит к себе мечтателей,
Бездоходна для правителей
И скучна для обывателей.
Для того ж, чтоб Русь блистательно
Развивалась зело велие,
Нам потребны настоятельно
Бодрость духа и веселие.
На Руси ж у нас веселием
Только то и именуется,
Когда выпивка с похмелием
Беспрерывно чередуются».
И, ввиду вышереченного,
Князь отбросил все сомнения,
И в душе у просветленного
Укрепил господь бог мнение,
Что для Руси процветания,
С пышным сил ее развитием,
Есть один путь — сочетание
Правой веры с винопитием.
И сию руководящую
Чисто русскую теорию,
Красной нитью проходящую
Через всю нашу историю,
Князь признал основ основою
Государственного здания
И, совместно с верой новою,
Как гласит о том предание,
Чтить велел вино по-старому
Россиянам без изъятия
Всем — и малому и старому.
С той поры отцов молитвами
И заботами правителей,

Мирной жизнью и битвами
Неустанных заправителей,
Русь широко развивалась
Под роскошной пышной сению
Древа, князем насажденного,
Вековечного, двухствольного,
Вплоть до строя современного,
Синодально-монопольного.
Ныне зрим осуществление
Во всей мощи мысли княжеской —
Увенчали мы строение
На досаду силе вражеской.
Нет сомненья, даже дальнего,
Век настал житья привольного,
Просвещенья синодального,
Винопитья монопольного.
Блюдя нравственность народную,
Строим школы мы приходские,
В коих учат Русь голодную
Умерщвлять все страсти плотские.
Для приданья ж вящей резвости
И веселья люду пьющему
Учредили дома трезвости
В славу богу всемогущему.
Воспоем же Солнце Красное,
Свет Владимира Великого,
Славить будем имя ясное
Все от мала до великого.
Воспоем благих правителей,
Горя русского печальников,
Веры истинной ревнителей,
Лучезарных целовальников.

(30 октября 1905)

305. РОДСТВЕННИКИ

«Братцы забастовщики!
Станьте на работушку!
Бросьте смуту лютую,
Пожалейте детушек!
Братцы! прочь советчиков!

Министерство новое
Вам приуготовано:
Отношенья правые
Между вами, братцами,
И меж фабрикантами
Министерством вводятся. . .
Дайте, братцы, времечко,
Долго ли, коротко ли,
Сделаем возможное!
Слушайтесь советчика,
К вам расположенного
И добра хотящего,
Братца вам родимого —
Графа Витте славного!»

Тотчас по прочтении
Слов таких внушительных
Трубы все фабричные
В один голос грянули:
«Хо-хо-хо-хохонюшки!
Не в родстве мы с графами!»
Грянули и смолкнули.
Только эхо звонкое
Этот хохот каменный
Разнесло по фабрикам. . .
И повсюду носится
Хохот оглушительный,
Хохот забастовочный:
«Хо-хо-хо-хохонюшки!»

Начало ноября 1905

306. ОБРАЗЦОВОЕ ВОЙСКО

Войско у Коленьки есть превосходное,
Сам он командует им.
Войско, по правде сказать, бесподобное. . .
С кем мы его посравним?!
Есть артиллерия, пешие, конные, —
Флота лишь сильного нет.
Стойкое, храброе войско, бессонное,
Хоть покоряй с ним весь свет!

Есть офицеры в мундирах с погонами:
Умные, водки не пьют,
Сообразуются строго с законами
И подчиненных не бьют. . .
Нет лишь у Коленьки войска казацкого:
Он не охотник до них;
Коля не любит ни духа кабацкого,
Ни своеволия их. . .
Коленька часто играет в сражения:
То-то лихой командир!
Если бывают порой поражения,
То не страдает мундир. . .
Качество есть в этом войске бесценное:
Битвы — бескровны всегда!
Качество это — едва ли военное. . .
Но ничего. . . не беда!
Войско у Коли всегда в подчинении,
Чуждо зловредных идей,
Пищи не требует и в утешение
Не выбирает червей. . .
Войско у Коленьки есть постоянное,
Сам он командует им:
Войско, коль правду сказать, *оловянное*,
Но стоит рубль с небольшим.

(17 ноября 1905)

307. СЫНОВЬЯ СКОРБЬ

Всем сердцем родину любя,
Скорблю я об ее смятении.
Дрожишь ведь, право, за себя
В охранном даже отделении.

(27 ноября 1905)

308. В ПОЛЬШЕ

Ропот. . . Взрыв негодованья
На режим штыка. . .
Правды тщетное исканье. . .
Властная рука. . .

Залпов треск... Посты... патрули...
Лязганье подков...
Свист нагаек... Рокот пули...
В тюрьмах звон оков...
Произвол и пулеметы...
Казни, вопли, стон...
Батарея, сотни, роты...
И Скалон, Скалон!..

(27 ноября 1905)

309. НА ПОЧТЕ

(Из дневника)

19/XI Севастьянов... Забастовка...
Пусто... Темнота...
Пулеметы и винтовка...
Почта заперта...
22/XI Шелест юбок... Шик нарядов...
Письма на полу...
На Почтамтской цепь нарядов,
Пушка на углу...
24/XI Патронессы и бароны...
Правоведов реж...
Жандармерия... Шпионы...
И городской...

Конец ноября или начало декабря 1905

310. СОВЕТ

Если хочешь знать не втуне,
Что нам *нынче* принесло,
Справься лишь, кто *накануне*
Ездил в Царское Село.

(4 декабря 1905)

311. МИТИНГ

Однажды на митинг собрались лягушки. . .
«Нам, — квакали, — жить невозможно!
Долой из пруда кровопийцу-колюшку,
Что колет нас всех так безбожно!»

(4 декабря 1905)

312. ПРИМЕТЫ ОСЕНИ

«Вверху» всё осенью дышало;
А конституция мигала,
Как плошка сала в царский день;
Свободы радостная сень
Рукой бесстыдной обнажалась:
Густел реакции туман,
И черной сотни караван
Тянулся в Питер. Приближалась
Совсем уж скверная пора:
Стоял Игнатъев у «двора».

(4 декабря 1905)

313. ГИМН ОРЛУ

Орел двуглавый —
Эмблема мощи!
Со всею славой
Попал ты во щи. . .

Орел лукавый
Душил нас в ночи!
Орел бесправый,
Ты мощь, мы — мощи! . .

Орел с державой
Брал земли, рощи. . .
Орел кровавый,
Мы — худы, тощи! . .

Орел двуглавый!
Орел кровавый!
Двуглав с державой,
Двуглав безглавый!

(11 декабря 1905)

314. СТРАСТНОМУ МОНАСТЫРЮ

Досель безвестен и безлик
Среди святынь первопрестольной,
Ты разом вырос, стал велик,
Уперся в небо колокольной.

О, верь! Историк мимо стен
Твоих пройдет не без почтения
И ряд восторженных писем
Внесет потомству в удивленье.

Не за молитвы и посты
Он возгорит к тебе почетом,
За подвиг, полный красоты, —
За колокольную с пулеметом!

Декабрь 1905

315

Калигула коня в сенат
Поставил и отборным
Велел кормить его зерном
Сенаторам покорным.
Теперь не те уж времена,
Не так решенья быстры,
Зато не брезгают овсом
Сенаторы-министры.

Декабрь 1905

ОРЁЛЪ-ОБОРОТЪНЬ
или
ПОЛИТИКА ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ

Когда в товарищах согласья нет,
 То мой совет:
 За дело вовсе им не братья;
 А коль взялись, то поскорей убраться.
 Вот вам пример, — читайте и судите:
 Однажды Дурново да Витте
 Внедрять свободу на Руси взялись.
 И делом этим с жаром занялись.
 Из кожи лезут вон, а всё нет ходу,
 Как будто бы толкут они лишь воду.
 Сперва задача им казалась легка:
 Что тут мудреного? Покликать казака
 Да пулеметов дюжину поставить, —
 Вот всё потребное, чтобы народом править.
 Да вздумали шалить войска,
 Мужик усадьбы жжет,
 Рабочие бастуют,
 А главное: казна пустует.
 Вот тут и начался у них такой нелад,
 Что дело — ни вперед ни взад.
 Граф кротостью походит на овечку
 И, ставя богу свечку,
 В то ж время мастерит и черту кочергу.
 «Я, говорит, привык и так и сяк,
 Сегодня другу враг, — а завтра друг врагу».
 А Дурново кричит: «Не так!
 Я слабости никак не потерплю.
 И Русь от края в край я всю испепелю.
 Пускай горит Москва,
 Пускай горит она и раз и два,
 Мне дела нет до этого, ну право!
 Сгорит, быть может, Тверь, Одесса и Варшава,
 Казань, и Харьков, и Полтава;
 Пускай сгорит вся Русь —
 Я этого ни капли не стыжусь,
 Мне — только бы исправно рос моей жены овес,
 Да денег было бы довольно у казны,
 Чтоб вдвое оплатить овес моей жены».
 И так они, работая вдвоем,
 Идут всё врозь:

Один бочком, другой же прямо лбом.
Дела же на Руси отчаянны, хоть брось
А мой совет: им лучше сговориться
И, вещи в чемоданы уложив
Да паспорта с собою прихватив,
Скорее удалиться
Туда, где и зимою солнце греет,
Где ананас, лимон и персик зреет.
Не то — коль будут ждать покуда —
Не вышло бы им худа.

Декабрь 1905

317. ИЗ ХРЕСТОМАТИИ

Русские долины
Все горят в огне,
Бедные деревни
Дремлют в тяжком сне...
Мрачно в них, убого...
Мертвецы... Кресты...
Подожди немного:
Встанешь, Русь, и ты.

Декабрь 1905

318. СКАЗКА О МАЛЬЧИКЕ С ПАЛЬЧИК

Жил маленький мальчик,
Он ростом был с пальчик,

Бумажки писал
И пальчик сосал.

Но — скверная штука!
Явилася бука.

Да мальчика хлоп
Прямехонько в лоб.

О, маленький мальчик!
Где ж делся твой пальчик? ..

Но это присказка; гляди —
Вся сказка будет впереди.

(Декабрь 1905)

819. СОЛДАТСКИЕ ПЕСНИ

(На мотив «Коробейники»)

Было дело у Артура —
Дело скверное, друзья. . .
Того, Ноги, Камимура
Не давали нам житья.

Мы с соседкой желтолицей
Ей-же-ей сцепились зря. . .
«Полечу я вольной птицей
Да за синие моря». . .

Уж давно готовы лодки,
Мы поедem в край иной:
«Ну, садись, моя красотка,
Только рядышком со мной».

Приказали нам от берега
Удалиться в два часа. . .
«Пропадай моя телега,
Все четыре колеса». . .

Тут стоял «Варяг» железный
И «Кореец» с ним как раз. . .
«Выходи, о друг мой нежный,
Бил свиданья час». . .

Порт-артурцы проглядели,
Как на них нашла гроза:
«Оглянуться не успели,
Как зима катит в глаза».

Грустно, вяло и несмело
Рать солдат пустилась в путь —
«Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь»...

Куропаткин горделивый
Прямо в Токио спешил...
«Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил?»

Вот уж он на бранном поле,
Слава северных дружин.
«Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин».

А наместник удирает
Безвозвратно, навсегда...
«Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда».

Куропаткину обидно,
Что не страшен он врагам...
«В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам».

А Ойяма наступает
Ночью и при свете дня —
«Посмотри: вон-вон играет,
Дует, плюет на меня!»

С Порт-Артуром попрощайся,
Получив большущий нос...
«Гром победы раздавайся,
Веселися, храбрый росс!»

Ходят пленники, как тени,
Без отчизны, без семьи...
«Ах вы, сени, мои сени,
Сени новые мои».

Генералов вереница,
Офицеров без числа...

«Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила».

Поработал на солдата
Интендантский хоть куда. . .
«Хороши наши ребята,
Только славушка худа».

(Декабрь 1905)

320

Господь Россию приукрасил —
Он двух героев ей послал:
Один в Москве народ *дубасил*,
Другой же в Питере — *трепал*.

Декабрь 1905

321. ПЯТЬ И ОДНА

Пять свобод нам обещали,
И хоть мы их не видали,
Но — подумай, о народ,
Целых пять ведь их — свобод.

А народ затылок чешет,
Молвя: *пять* меня не тешат.
Лучше б дали мне, народу,
Просто-напросто — *свободу*.

Конец 1905

322. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

(Сочинение высокопоставленного анонимного автора)

Спи, голодная Россия,
Баюшки-баю!

Сторожат штыки стальные
Волюшку твою.

Стану я писать доклады,
Манифест скрою,

Ты ж дремли, моя отрада,
Баюшки-баю!

Ты, я знаю, будет время,
Проклянешь житье,
Ты захочешь сбросить бремя
И возьмешь ружье.
Я расставлю пулеметы,
Кровью всё залью. . .
Спи, Россия, без заботы,
Баюшки-баю!

Ты спокойна будешь с виду,
Счастлива во сне,
Я тогда на биржу выйду —
Займ удастся мне.
Чтоб не грезилась свобода,
Меры я приму:
Для мятежного народа
Выстрою тюрьму.
Заведу я эшафоты,
В цепи закую,
Спи, Россия, без заботы,
Баюшки-баю!

Конец 1905

323. НА ПАМЯТЬ

Чтобы профаном не прослыть,
Не перевернуть, не позабыть,
На память занеси ты в книжку:
«Такого-то числа и года
Тебе, о росс, дана свобода».

Конец 1905

324. ЗОЛОТО

Был поэт. С неправдой злою
Он боролся сколько мог;
Речью он клеймил живую
Торжествующий порок.

Золотые грезы смело
Он в стихи перелагал,
Братьям, гибнущим за дело,
Мысли золото давал.

Ну понятно, что за это,
Награжден страной родной,
Ищет золота он где-то
На окраине одной.

1905

325. СМІРНО, МОЛЧАТЬ!

В классе последнем античной гимназии
Стал Иловайский немил —
Я у историка (верх безобразия!!)
Книжки получше просил:
«Можно ли мне почитать Костомарова?» —
Зевса я стал умолять.
«Строите вы нигилиста Базарова. . .
Смирно, молчать!»

Помню, в эпоху былую студенчества
Педель какой-то у нас
Был уличаем (наивность младенчества!)
В подлых доносах не раз.
Мы возопили о правде карающей:
«Нужно шпиона убрать!»
Голос в ответ раздается рыкающий:
«Смирно, молчать!»

С чистой душою и благо-на-меренной
Раз я по граду бродил;
Вижу — рукою зело неумеренной
Дворник курсистку лупил.
В роль я вошел паладина-спасителя,
Дворника стал укорять. . .
Вдруг раздается рычанье блюстителя:
«Смирно, молчать!»

В древней Руси — времена невозвратные
Грозных Иванов-царей —
Просто карались «идеи превратные»
Вмиг вырываньем поздрей.
Нравы смягчились у нас просвещением,
Всюду — эдем, благодать...
Мы либералов уйдем «пресечением»...
«Смирно, молчать!»

1905

326. ПАРОДИЯ

Есть в русской природе...
♦

Бальмонт

Есть в русских собраньях глубокая нежность,
Безмолвная дрожь затаенной тревоги,
Безрадостность ночи, безгласность, поспешность,
Блестящий мундир, беспокойные ноги.
Приди в заседание вечерней порою
Послушать печальное чтение доклада.
Полиция грозно следит за тобою,
И сердцу так грустно, и сердце не радо.
У входа «дежурный» стоит одиноко.
Глубокая жуть. Напряженность покоя.
Трусливый уходит далёко, далёко.
Во всем ожиданье глухое, немое.
Устрой у себя небольшое собранье,
Пусть кто-нибудь скажет: «Свободы нам надо», —
Уж дворник узнал, уже слышно ворчанье,
И сердцу так больно, и сердце не радо.
Как будто свершил ты чудовищно злое
И сделал кому незаслуженно больно,
И сердце в печали, не знает покоя,
И плачет, и плачет, и плачет неволью.

1905

327. ЧЕСТЬ МУНДИРА

«Честь мундира! Честь мундира!» —
Мне товарищи твердят.
А того они не знают,
Что мундир я снес в заклад.

За штаны отдав сполна,
Я одним лишь озабочен:
Честь штанов сохранена,
А мундир вот... неоплочен!

«Честь мундира! Честь мундира!» —
Вечно слышу я везде...
И портной сказал мне это,
Предъявляя иск в суде!

1905

328. БЛАГОНАМЕРЕННЫЕ РЕЧИ

Карлу Грингмуту, спасителю отечества, посвящает труд свой автор

И зачем — не пойму! — завели кутерьму
Эту?!
Есть надежда одна: сгинет, даст бог, она
В Лету...
И весь шум-то, ей-ей, от крамольных затей
Вышел:
Вдруг подняли содом (я в квартале о том
Слышал):
«Нет свободы уму!» Вишь ли? Нужно ему
Акта!
«Не хватает...» Чего-с? Ах ты заячий нос!
Такта?!
Ты просить-то проси, а пока что соси
Палец!
А то ходит в спеси каждый — бог упаси —
Малец!
Уж я б акт подписал: штук бы сто прописал
На пай!..
Вот тогда заживем, всё возьмем, заберем...
Хапай!..

1905

329. ПЕСНЯ ВСЕДОВОЛЬНЫХ

Куря душистым ладаном
И силу славя пением,
«Нет, ничего не надо нам!» —
Поем мы с умилением.
Всё в мире восхитительно...
Где сирые, бездольные?
Ах, право, удивительно,
Как врут все недовольные!
Для сильного, богатого
Любезны мы, участливы,
И каждого двадцатого
Зато бываем счастливы.
Не знаемся с тревогою,
Душою всепокорною
Идем себе дорогою
Заезженной и торною,
Стремясь не в меру смелыми
Приемами избитыми,
Чтоб овцы были целыми,
А пуще — волки сытыми.

1905

330. ИЗ НАПЕВОВ И ПЕРЕПЕВОВ ВОПЛЬ ИСТИННО РУССКОГО СЕРДЦА

Русь создалась своим домашним строем.
Им дорожить, что кладом, мы должны.

*«Сон Услады», сказка-шутка
кн. Муравлина-Голицына*

О храбрый росс, наплюй на «заграницу»
И без границ люби Святую Русь!
Как ни хвали чужих земель жар-птицу,
Славней всех птиц — отечественный гусь!

Русь создалась своим домашним строем:
По Сеньке шапка, а тот строй по нам.
Любезен он грингмутовским героям
И «Русского собрания» сынам.

Пойдите прочь со всей Европой вашей!
Нам нечего заимствовать у ней:
Милей всего нам поросенок с кашей
И сказки торжествующих свиней.

1905

331. ПИСЬМО НИКОЛАЯ II К ВИЛЬГЕЛЬМУ II

Ах, дядя, я тебе пишу,
Тревоги и печали полный,
Но об одном судьбу прошу:
Куда б обманчивые волны
Ее ни бросили меня
В години этих треволнений,
Когда без страха и сомнений
Оставлю я опасный трон,
Пусть из России возмущенной
Я унесусь скорее вон
К тебе, мой дядя просвещенный.
Ведь я тебе вдвойне родня:
И по жене и по мамаше,
И немцы будут дети наши,
Что очень радует меня.
Но это всё пока мечты. . .
Теперь же прочитай-ка ты
О том, в каком я состояньи
И каковы мои страданья. . .
Начну тебе издалека. . .
Война, друг милый, нелегка,
Когда не знаешь, с кем воюешь,
Коль сил противника не чуешь,
Коли в финансах недочет,
Коль дядя обокрал весь флот,
Другой же дядя — Вольдемар
(Ах, укуси его комар!) —
Что собирают в Красный Крест,
Всё он пропьет или проест.
Меж тем воюем целый год,
А дело не идет вперед.
Хоть Куропаткин, мой маршál,
Терпеть России предписал,

Но стало прямо невтерпеж:
На бирже ценностей падеж,
Народ кричит: «Constitution!»
А коль не хошь — «Revolution!»
Я долго думал, чем помочь,
Не пил, не ел, не спал всю ночь,
И только к утру осенило:
Пошлю кузенов я — Кирилла
С Борисом — в помощь на войну.
В бараний рог тогда согну
Лукаво-дерзкого врага.
Хоть жаль кузенов мне родных,
Но честь России дорога...
И вот отправили мы их...
Но что же вышло? Ах, скандал!..
Борис в вагон к себе забрал,
Как милосердия сестриц,
Шесть шансонеточных певиц,
Да так с толпой распутных баб
И влез спьяна к маршалу в штаб.
За подвиг сей неаккуратный
Поехал Боря в путь обратный.
Хотя не ранен, не убит,
Но кем-то, где-то сильно бит.
Вернулся он с одной сестрицей
И отдыхает за границей.
А вот другой кузен — Кирилл,
Тот паром шею обварил,
Когда наткнулся он на мину,
И, говорят, попортил спину,
И тоже возвратился вспять
Свои недуги поправлять.
Меж тем всё лупят нас японцы,
И тают русские червонцы,
А на победу нет надежд...
От горя не смыкал я вежд,
Всё думал, как и отчего, —
Но... не придумал ничего.
(Секретно уверяю вас:
Где надо думать, там я пас.)
И всё решают пополам
Победоносцев и Матап.

Сей обер-прокурор синода
Так ловко пишет для народа
Монаршие предначертанья,
К тому же с богом он в ладах
И у меня в больших чинах.
Приятно мне его читать —
Всё любит так он начинать:
«Признав за благо для Руси...»
Прочтешь и скажешь: «Grand merci». ¹
И вот для мудрого совета
Ко мне пришла персона эта.
На мой вопрос: «Ну, как нам быть?
Иль уступить, иль победить,
Иль на врагов нам плюнуть внешних
И поскорей спастись от здешних,
Или составить новый флот
И снова двинуться в поход?»
— «Мой царь, не надо броненосцев, —
Так мне сказал Победonosцев, —
Я вам составлю манифест,
Чтобы народный весь протест
Нам потушить, сказав народу,
Что будет всё ему в угоду,
Что будут новые порядки,
Что в корне уничтожим взятки,
Дадим свободную печать
И вовсе перестанем драть;
Что земство снова возродится —
Ну, словом, всё переродится.
Лишь манифест такой прочтет
Наш добрый, искренний народ,
Как все крамолы, возмущенья
Мы прекратим без замедленья.
И не придется так уж быстро
По внутренним делам министра
Нам назначать три раза в год:
Своею смертью он помрет.
Так успокоив дух народный,
Войной займешься ты свободный,
Бразды правления подтянешь,

---

¹ Большое спасибо (франц.). — Ред.

Кто возмутится — вешать станешь.
А в манифест народ поверит,
Обструкционный дух умерит.
Настанет всюду гладь да тишь,
На деле ж все получают шиш».
Я согласился. И об этом
Велел печатать всем газетам.
И что же? Стихли беспорядки. . .
Так мирно встретили мы святки,
А с ними вместе — Новый год.
И чинно вел себя народ.
В подарок к новенькому году
За поведение народу
Хотел я совершить добро
И рубль набавил на ведро.
Мой бог! Какая вышла штучка!
Согнись, перо! Сломайся, ручка!
Но что писать? Сказать нет сил,
Какой скандал в столице был. . .
Вот слушай: января шестого
Был день крещения Христова. . .
Платя обычаем предков дань,
Пошел и я на Иордань,
Чтоб видеть, как митрополит
В Неве водицу освятит,
Попы молитву пропоют,
А пушки грянут мне салют.
Я был с мамашей и женой,
И все придворные со мной.
Лишь только воду освятили,
Нам поднесли и мы отпили,
Хотел сказать владыка речь. . .
Вдруг. . . трах. . . и взвизгнула картечь,
С зловещим свистом над Невой
Несясь смертельною струей.
В дворец ударила, в помост,
Снесла городовому нос,
Сломила знамя моряков
И всполошила всех попов.
Смотрю я в страхе, все ли тут,
И в страхе жду еще салют. . .
Да. . . с каждым пушечным ударом

Меня охватывало жаром...
Но кончилось салютovanje,
С ним вместе и мое страданье.
Всей церемонии конец...
А я — скорее во дворец.
Я сам-то цел, но вот супруга
С Матап хворают от испуга:
У них расстроился живот,
И лечит их профессор Отт...
К чертям подобные салюты!
Не рассуждая ни минуты,
Семью с собой свою забрал
И тотчас в Царское удрал...
Да, дядя, водочным налогом
Я очень грешен перед богом,
Им возмутился весь народ
И разом двинулся вперед.
Не слышно с фабрики гудков,
Там пусто стало у станков.
Нет телеграмм. Нет и газет.
И керосину даже нет.
Торговцы лавочки закрыли,
Щитами окна их забили,
Везде погасли фонари...
Ужасно, что ни говори!..
Меж тем валит толпа рабочих
(До выпивки весьма охочих),
Покупщиков казенной лавки,
На водку требуя прибавки.
Кричат: «Набавил на вино,
Прибавку выдать нам должно!»
И вот составили петицию
И наплевали на полицию.
Их предводитель — поп Гапон
(Черт знает что такое он:
Не то он — просто плут отпетый,
Не то — жандарм переодетый).
Такое видя наступленье,
Градоначальник мой Фулон
Пришел в понятное смущенье,
Не ожидал восстанья он.
Пришел к министру, поднял крик:

«Подайте ружей, дайте пик!
Что тут один городовой
С селедкой, да еще тупой!»
И тотчас Мирский-Святополк
Призвал к защите конный полк,
К нему пехоты шесть полков,
Всех, сколько было, казаков,
Гусар, драгун и кирасир,
Две сотни пушек и мортир.
Хотели взять еще конвой,
Да я сказал: «Шалишь, он — мой!»
Вот вся бесчисленная рать
Пошла рабочих усмирять.
Тут и стреляли, и рубили,
А поздней ночью хоронили.
И били б долго, без сомненья,
Но взяло тут меня смущенье:
Коль всех рабочих перебить,
То кто же водку будет пить,
Давать правительству доходы
И покрывать мои расходы?
Нет! . . . Лучше бойню прекратить. . .
Ну, в чем-нибудь и уступить —
Прибавить плату. . . или нет:
Раздам им лучше свой портрет. . .
Чтоб каждый это оценил,
Насколько я и добр и мил.
Как посоветуешь ты, дядя,
Со стороны на это глядя?
Быть может, их к себе позвать
И слово милости сказать? . . .
Но страшно говорить с толпой:
Хоть я и царь, но не герой.
Вот прадед — Первый Николай —
Поговорил бы, так и знай!
А я. . . я — Николай Второй
И — повторяю — не герой. . .
Однако чтобы напредки
У нас работали станки
И чтоб на фабриках гудок
Всегда будил рабочих в срок,

Я в Питере своим указом
Все беспорядки кончу разом,
Во мне признают реформатора,
Дам генерала-губернатора,
Притом же самого свирепого,
Вот, например, Митюшу Трепова.
Он и жесток, он и нахал, —
Будь губернатор-генерал.
Рескрипт его уполномочит,
И пусть творит, что только хочет...
Мне нужен самому покой...
Прощай, мой дядя дорогой!

1905

332

Как прадед на Сенной,
Явился бы и он
Пред смутною толпой
У памятных колонн,
Но в рабской простоте
Не пал бы ниц народ...
Да, времена не те —
И Николай не тот.

1905 или 1906

333. ПРИМЕР СКЛОНЕНИЯ

«На бунтарей не жаль и мин!» —
Сказал вояка славный *Мин*.
Была премерзостная мина
В то время, знаю я, у *Мина*.

«Я угодить вам не премину! —
Корнет Фролов ответил *Мину*. —
Палаш мой здесь — он у камина!»
И он взглянул притом на *Мина*.
«Раскрашу лица всех кармином!

Идут на защиту чести мундира.
Рис. Н. Шестопалова.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРОЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая

Смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ Имперіи Нашей великою и тяжкою скорбью преполняютъ сердце Наше, Благо Россіи, Божіе Государя Императора съ благомъ народнымъ, и печалью народною—Его печаль. Отъ волненій, нѣтъ великихъ, можетъ явиться глубокое нестроение народное и угроза дѣлности и единству Державы Нашей.

Великій общій Царскій служенія повелѣніемъ Намъ во всемъ силами разума и власти Нашей стремиться къ скорѣйшему прекращенію столь вредной для Государства смуты. Повелѣить подлежащимъ властямъ принять мѣры къ устраненію всякихъ проявленій бунта, безнравствъ и насилій, къ охранѣ людей мирныхъ, стремящихся къ законному исполненію долга на каждомъ должгѣ, Мы, для ускорѣннѣе исполненія общихъ предначертаній Намъ въ умиротвореніи Государственной дѣлныя мѣры признали необходимымъ объединить дѣятельность Высшаго Царствительства.

На обязанности Государствительствъ возлагается также исполненіе повелѣній Нашей воли:

1. Даровать населенію неизбѣлными основными гражданскими правами на началахъ дѣйствительной непримосовности, равенства и свободы совѣсти, слова, собраній и совѣсти.

2. Не останавливая предначертанныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участию въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, отсутствующаго кратковременно, сдѣлающаго до созыва Думы срочна, тѣ классы населенія, которые, имея совѣсть чинна и законныхъ правъ, предоставивъ, насиль, дальнѣйшее развитіе ихъ, въ избранительныхъ вновь установленномъ законодательному порядку.

3. Установить, какъ не законно, никакая законъ не можетъ воспринять силу безъ одобренія Государствительствъ, и въ томъ же случаѣ, когда отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ законныхъ законодательствъ, отъ насъ властей.

Призываемъ всѣхъ гражданъ Россіи, и въ томъ числѣ, возлагъ свой предъ Родиною, помочь прекращенію сей неслабыхъ смуты, и въ Намъ, во всемъ всѣ силы къ возстановленію тишины и мира на родной землѣ.

Данъ въ Петербургѣ, въ 12-й день октября, въ 1905-мъ году, Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятая, Царствования же Нашего тринадцатая.

На подлинномъ. Собственноручно Императоромъ Божествомъ рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Мѣ сему листу Свѣдѣній, въ которомъ Государь-Магистръ Треповъ руку приложилъ.

МАНИФЕСТЪ НИКОЛАЯ II СЪ КИРОВАВОЙ РУКОЙ (Пулеметъ. № 1, 1906 г.)

Во текствѣ манифеста, обещающаго свободу, вѣренъ отпечатокъ кировавой руки названнаго манифеста. Манифестъ Николая II, изданный 17 октября 1905 года, въ Петербургѣ, въ редакціи „Пулеметъ“, вѣренъ же отпечатанъ манифестъ 17 октября 1905 года на улицѣ Петербурга и вѣренъ и распространялся по ея приказу безъразличное населеніе. Это населеніе самозабывая, своимъ рукою отпечатанный манифестъ о свободѣ, а другой рукою отпечатанный свободу, и тогда избранный авторъ карикатуры. На этой карикатурѣ Шубковъ, редакторъ „Пулеметъ“ былъ арестованъ и посланъ по суду въ тюрьму.

Обложка журнала „Пулеметъ“.

Adieu!»¹ — и он простился с *Мином*.
С тех пор и в волости, и в гмине
Всяк знает о достойном *Мине*.

Декабрь 1905 или январь 1906

334

Зима. Реакция, ликуя,
Справляет свой кровавый пир.
В Москве Дубасов, кровь почуя,
Разгромом удивляет мир.
Давя, топя, рубя, стреляя,
Бушует черных сотен стая.
Граф Витте врет про пять свобод,
Чтоб обмануть верней народ.

Декабрь 1905 или январь 1906

335. КТО ОН?

Организатор смут,
Патронов истребитель,
Реакционный кнут,
Погромов вдохновитель...
Ушел сей молодец,
Насилия поборник:
Назначен во дворец
Как самый старший дворник!..

Декабрь 1905 или январь 1906

336. ТРИ СЕСТРЫ

(Не имеют ничего общего с чеховскими)

Юстиция
(по-домашнему)

Ах, милочки, а мы вас ждали, ждали...
Гляжу в окно и думаю: сюда ли?

---

¹ До свидания! (франц.) — Ред.

Реакция

(томно)

Папа́ Дубасов из Москвы
Нас с ней не отпускал... поверите ли вы,
Там чествовали нас: и канонада,
и драгонада.

А фейерверк! Спалили пол-Москвы
(Спалили б всю, да говорят: не надо,
Нельзя дубасить без пути).

Нас погребальные сопровождали дроги.
И все желали нам счастливого пути.

Репрессия

(счастливо улыбаясь)

И даже скатертью дороги.

Реакция

А что у вас? Что ваш «доходный дом»?

Юстиция

На Выборгской иль на Шпалерной...

(Ищет слов)

Который год судом?.. В котором под судом?..
Свободные места найдутся в них с трудом.
Присматриваю дом я в гавани Галерной.

На Голодае — также благодать...

(У нас в «Крестах» привыкли голодать.)

(Сентиментально)

Там памятник себе воздвигну уголовный,

К нему не зарастет писателей тропа.

К нему тропу проложит суд сословный,

А не присяжных шантрапа.

Репрессия

(непосредственно)

Напрасно, душечка! Там в поле или в роще,

Но вообще судите проще,

По способу Акима-простоты:

Проштрафился — тащи его в кусты;

Договорился — жди последствий

Без предварительных и всяких этих следствий.

Юстиция

Свободы семена и здесь дают ростки:
Мы сеяли воззренья трезвость,
Я прокурорские устроила садки:
Подобие садков на злобу и на резвость
Судебных в «кошку-мышку» игр.
Есть у меня один (из камышанских) тигр.
Он, чтоб задать литературе таску,
Готов тащить отца родного под огласку. . .
Как злобно искрятся зрачки.
Что за уловки и скачки!
Недавно он «метнул», смущая старших взоры,
Из исправляющих да прямо в прокуратуры!
Ему в ответ напрасно прочих шлют:
Усердием он всякого обгонит.
В чахотку ли, в тюрьму, а уж наверно вгонит,
Особенно он до недужных лют.

Реакция

Совсем тореадор!

Юстиция

С недели карнавальной
Потешим вас мы травлею повальной:
Кому уйти удастся от суда,
Того и без суда сошлют туда, туда. . .
(Указывает не туда, где зреют померанцы.)

Репрессия

(заканчивая)

Где примут меры без труда.

(Принимает меры . . . . .)

Между декабрем 1905 и февралем 1906

337. ДЕВИЗ РОДА МИНРОГРИМАНОВЫХ

Полковник, отправляясь в путь,
Не режь повстанцев как-нибудь,
Режь их заботливой рукой,
Латыш иль русский — недруг твой.

Хор

Режьте, братцы, режьте,
Бейте энергичней,
Режьте, перед вами
Матерьял привычный!

Трое красных — в ход нагайка,
Десять... пли! и не зевай-ка!
Сто — скорее пулемет,
Бей — и наша верх возьмет!

Режьте, братцы, режьте! . . . и т. д.

Декабрь 1905 или начало 1906

338. ГРАНД ИСПАНСКИЙ

Железнодорожная жандармская полиция почти везде оказалась не на высоте лежащих на ней задач: она не только не сумела предупредить забастовки железных дорог, но при возникновении повсеместно исчезла и не оказала никакого противодействия забастовщикам. Не менее пассивным оказалось отношение полицейской власти и к иным случаям мятежных проявлений.

Из циркуляра П. Дурново от 23 декабря 1905 г.

Граф Дон-Педро Дурноведра,¹
Гранд испанский, рвет и мечет
И на верных альгвазилов²
Налетает, словно кречет:

---

¹ Дон-Педро Дурноведра в престонородии известен, впрочем, под именем Петр Поганое Ведро. Древнего кастильского рода давшего по охранному отделению много светлых голов.

² Альгвазилы — в Испании, как и во многих других странах, класс людей, необходимых для поддержания устоев государственного строя. Сюда входят — земские ярыжки, стрельцы, объезжие головы, рсшеточные приказчики, опричники, лихие казачки фроловы, аврамовы и ночные сторожа.

«Альгвазилы, гордость трона,
Долг высокий вы забыли!
Вас мне женщинами словно
Злые духи подменили. . .

Так в вас мало силы, мощи,
Мало резвости, отваги.
На врага ¹ идете вяло,
Словно сонные наваги. . .

Вас в смятение приводят
Слез ручьи и звуки стонов. . .
Или вам для негодяев
Стало жалко вдруг патронов? ²

Там, где нужно пулеметом ³
Дать отпор мятежным силам,
Не пристало сердцем мякнуть
Королевским альгвазилам.

Вот пример вам — подражайте
Адмиралу del-Moskowi. ⁴
Плащ его, его сомbrero
Так и рдеют в брызгах крови. ⁵

Лезвие кастильской шпаги,
Славной шпаги адмирала,

---

¹ Понятно, на врага внутреннего. С внешним врагом другой и разговор.

² Тут, очевидно, имеется в виду известный приказ XV века, начинавшийся словами «не жалеть патронов!» и оканчивающийся символическим выражением «пли! . .».

³ Пулемет — инструмент мудро-государственного воздействия на массы «инакомыслящие». В некоторых конституционных государствах служит прочным основанием для создания платформы так называемой конституционно-пулеметной политики. Изготавливается всюду, а также и на Путиловском оружейном заводе.

⁴ Москвы (итал.). — *Ред.*

⁵ Знаменитый адмирал, которого в детстве, во время прогулки в скотобойне, мамка уронила в лужу крови, после чего мальчик воскликнул: «Моя стихия — кровь!» Virtuозно исполняет на пулеметах все карательные мотивы новейшего репертуара.

Всех от старцев до младенцев ¹
Так бестрепетно пронзало. . .

Кисти рук его не знают
Снега замшевых перчаток,
Заменяет их с успехом
Алой крови отпечаток.

От меча его жестоко
Всем мятежникам досталось. . .
И лицо его улыбкой
Никогда не озарялось!

Альгвазилы, гордость трона,
Долг высокий вы забыли!
Вас мне женщинами словно
Злые духи подменили. . .»

Так Дон-Педро, гранд испанский,
Налетает, словно кречет,
На ленивых альгвазилов,
И стыдит, и рвет, и мечет. . .

Декабрь 1905 или начало 1906

839. ИЗ ШУТОЧНОГО ПОСЛАНИЯ К ЖУКОВСКОМУ

В этом послании (Пушкина) предлагается помянуть:

Трех Матрен,
Да Луку с Петром;
Двух Дурново — военного и штатского.
Да Иоанна Кронштадтского.
Во имя отца и сына —
Помянуть Победоносцева Константина.
А если этого мало,
Еще помянуть Клейгельса-генерала.
Нельзя обойти и графа Игнатьева,
Хотя и боязно к ночи поминать его.

---

¹ Адмирал правильно рассуждает: если не уничтожить младенца, он легко может вырасти и доставить много горьких минут государству. Что же касается старцев, то их он истреблял в наказание за самовольное дожитие. . .

Помянуть еще Трепова, коменданта дворцового,
Душителя и вешателя образцового;
Стесселя, что умеет сдавать крепости
Тихо, мирно, без всякой свирепости;
Куропаткина, проигравшего все сражения
Без малейшего для себя унижения,
Но сберегшего себе два с лишним миллиона.
Не забыть тут, кстати, генерала Скалона.
Помянуть канувшего в Лету Глазова
И внезапно возникшего Дубасова,
Но на сем последнем надобно остановиться:
Такой герой, что нельзя на него надивиться.
Невозможно поминать всякую каналию. . .
Ах, чуть не забыл Грингмута
Карла-Амалию!
Да коли случай есть, помянуть уже заодно
Киевскую сирену с Лысой горы — Пихно
И его товарища по ремеслу — Крушевана,
Так сказать, почетного хулигана.
И чтоб помянуть уже всех сынов Эдема —
Не забудем Нейдгардта да барона Медема.
Само собою, и Витте — всех русских свобод хозяина,
Ну, теперь все. . . Ах, забыли помянуть Каина!
И Шмакова еще — московского патриота,
Да еще Иуду Искарюта.

Конец 1905 или январь 1906

340. UNA AUTOBIOGRAPHIA ¹

Я под именем Лизетты
В милой Франции росла,
Но до grande Елизаветы
Никогда б не доросла.

Но на счастье рослой Лизы
Старый граф Карилопси
В замке предков «Dieu merci» ²
Сам устроил Лизу с мызы.

¹ Одна автобиография (итал.). — *Ред.*

² Слава богу (франц.). — *Ред.*

В замке местном режиссерам,
Театральным фурниссерам —
Я всему давала тон.
Экономя на бульонах,
Оказалась я в миллионах,
Как клеветает моветон.

Я съедала, как бриоши,
Сотни тысяч (пей и ешь!)
И пробила из-за броши
Я во всем бюджете — брешь.

Граф мой, бывший монархистом,
Стал великим анархистом;
Он кричал à bas l'état!¹
И под звуки песни этой
Здесь madame Елизаветой
Учинилась... (подпись неразборчива).

Конец 1905 или январь 1906

341. ВРЕМЕННОЩИК

Министром прежде был финансов,
России дал он много шансов
Разбогатеть и процвести:
Он поощрял капиталистов,
Купцов, банкиров, финансистов, —
Но... чтоб промышленность спасти!
Валюту ввел он золотую,
Вином споил всю Русь святую, —
Но... лишь казенным — не простым!
Казна вином разбогатела,
И деньги те пошли для дела —
Для Ляоянов и Цусим!
Затем в Портсмуте вел беседы
И, одержав там две победы,
Японцев сильно удивил:
Мильоны дав им для поправок,
Наш дипломат еще вдобавок

---

¹ Долой государство! (франц.) Здесь игра слов: à bas l'état-Балетта. — *Ред.*

Пол-Сахалина им всучил.
За это взявши титул графский,
Он властелин наш стал заправский,
Министр-премьер, — теперь не трусь:
Ведь, «победитель при Портсмуте»,
Он разберется в нашей смуте,
Спасет мятежную он Русь.
И, в верноподданной отваге,
Он дал свободы... на бумаге:
«Не веришь? на! хоть сам читай!»
Пока читали ротозей,
Завел иные он затей —
И кровью залил целый край.
Вглядись внимательней, читатель,
Ты в эти строгие черты,
Чтоб, с ними въявь сведя знакомство,
Их передал затем в потомство...
Коль... доживешь до завтра ты!

Конец 1905 или январь 1906

342

О восторг! Свобода слова
    Нам теперь дана,
Засияет жизнью новой
    Наша сторона!
Без сомнений, без оглядки
    Будем мы писать
И... китайские порядки
    Смело обличать.

Конец 1905 или начало 1906

343. ПЕСНЯ СОЛДАТСКАЯ

(Унутренняя)

За п е в а л а
Шаг назад, шаг вперед,
Полоборот направо!
Кто всех вольных перебьет,
Тому честь и слава!

Хор

Ура, ура, ура!
Бей во славу русского двуглавого орла!

Лев! прав! раз! два!
Приготовь патроны.
Будет помнить вся Москва
Красные погоны.
Ура!

Рота стой, рота пли
Спереди и с тыла!
Мы заслужим, ай-люли,
По кусочку мыла!
Ура!

Женщин, старцев и детей
Настреляли кучи.
То-то полк богатырей,
То-то полк могучий!

Ура, ура, ура...
Бей во славу русского, двуглавого орла.

Конец 1905 или начало 1906

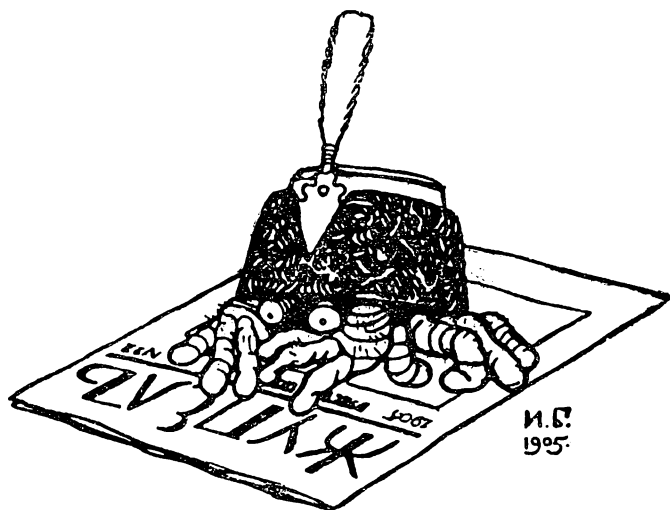
344

Печатай книги и брошюры,
Свободой пользуйся святой —
Без предварительной цензуры,
Но с предварительной тюрьмой.

Конец 1905 или начало 1906

345. РОССИЙСКИЕ ГОРДОСТИ

Богатств у нас немало есть.
Гордиться смело можем мы:
Сергеем-миродателем,
Бразильцев всех съедателем,
Печати угнетателем,

Марка журнала „Жупел“. Рис. И. Билибина

Столыпиным-«писателем»,
Акимовым-молчальником —
Юстиции начальником,
Талантливым Дубасовым,
Бахметьевым-Протасовым,
Сувориным-лисицею,
Но превеликой птицею
В оргáne черносотенном,
Зело зато уж сплоченном;
Бумажной конституцией,
Московской революцией,
Булыгинскою Думою,
Свободою угрюмою,
Полицией честнейшею,
Опорой всех вернейшею,
Семеновцами славными,
«Защитниками» главными;
Премьеровской политикой,
Буренинскою критикой,
Матильдой чисто русской,
Кшесинской восхитительной,
И Вяльцевой пленительной,
Военным положением,
Цензурным уложением.

Продолжение следует.

Конец 1905 или начало 1906

346. ЭПИГРАММА

Чем хочешь будь себе свободно:
Буржуем, барином, купцом,
Нововременцем, подлецом —
Ну, всем, чем, душенька, угодно.
Семеновцем, прохвостом, вором,
Жандармом будь, будь прокурором.
Будь палачом, будь «октябристом»,
По мне, хоть будь себе шпиком.
Но... если стал социалистом,
Мой друг, не будь меньшевиком.

Конец 1905 или начало 1906

347. ПОЖЕЛАНИЯ

Ой, каб Волга-матушка
да вспять побежала!

Ал. Толстой

Ой, кабы министры да вспять не бежали!
Кабы нас не жали бы да не избивали!
Кабы козни Витте узнать да измерить!
Кабы можно было в Думу нам поверить!
Кабы народ голодный не лишали хлеба!
Кабы бюрократы не коптили неба!
Кабы за идеи в тюрьмы не сажали!
Да кабы казаков скорее убрали!
Кабы за плечами не было нагайки!
Кабы говорили правду без утайки!
Да кабы свободы цветы расцветали!
Кабы циркуляров больше не писали!
Кабы в обещаньях поменьше бы фальши!
Кабы казнокрадов увезли подальше!
Кабы все жандармы канули бы в воду!
Каб «штыку и пуле» не было бы «ходу»!
Кабы Русь стряхнула дикие охраны!
Кабы залечились кровавые раны!
Кабы мужик расправил согнутую выю!
Кабы глас народный обновил Россию!
Кабы бог избавил нас от «кабинета»!
Да кабы газетам не было запрета!

(6 января 1906)

348. ИЗ СТОЛИЧНЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

Куда ни ткнусь в столице я —
Везде у власти в руке я:
Журфикс — и там полиция...
Вот вам и конституция!

(8 января 1906)

349. ЧИНОВНИКАМ

Что вам — октябрьские хартии,
Митинги, крики «ура»,
Правые, левые партии
Et cætera, cætera.¹

Что вам — плоды революции,
Освобожденный народ,
Разные там конституции...
Нужен вам верный доход!..

Жили вы век бюрократами;
Преданы были всегда;
Числами только «двадцатыми»
Вы измеряли года.

И, не вдаваясь в критику,
Вкусно кормили семью;
В жизни и в службе политику
Ведали — каждый свою.

Ваши несложны претензии,
Определенны пути:
Вам — дослужить бы до пенсии,
И — хоть трава не расти...
(8 января 1906)

350. ПОДРАЖАНИЕ ТЮТЧЕВУ

...Умом Россию не понять...

Не может Русь никак понять,
Что Витте с нею лицемерит.
Его свободу просят *дать*,
А он лишь предлагает *верить*.

(26 января 1906)

---

¹ И так далее, и так далее (франц.). — *Ред.*

351. РЕКОГНОСЦИРОВКА

Чтоб напасть на свежий след,
План раскрыть, понять уловку
Иль себя спасти от бед, —
Вспомни рекогносцировку!

Если лезет под кровать
Офицер довольно ловко,
Чтоб матроса отыскать, —
Это рекогносцировка!

Коль жандарм, переодет,
Руководит потасовкой,
Значит, занят он, мой свет,
Просто рекогносцировкой!

Вскрыт конверт, печать снята,
Но притом рукой неловкой. . .
Это почта занята
Спешной рекогносцировкой!

Коль Суворин настроил:
«Я стою за забастовку!» —
Значит, старец в ход пустил
Только рекогносцировку!

(29 января 1906)

352. «СВОБОДНОМУ ГРАЖДАНИНУ»

Преодолеши тягость боли
(Мы страждем тяжело все не век ли? . .),
Не говори с тоской — «пороли!» —
Но с благодарностью лишь — «сёкли!».

(Январь 1906)

353. ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

Слава богу, всё спокойно...
Жизнь течет повсюду стройно...
Получила в дар печать
Разрешение — молчать.
Нет охраны у вокзалов,
Конфискации журналов,
И редакторов в тюрьму
Тащат в день по одному.
Крушеван за «обольщенье»
Ищет тоже помещенье;
Чтобы славу приобрести,
Он решил, коль место есть,
Позабыв литературу,
В Думу дать кандидатуру...
Дума будет ли дана,
Скажет будущность одна.
По тюрьмам и по острогам,
Казематам и дорогам
Нет преступников-детей,
Нет и гибельных затей!
Нету в Гомеле погрома,
Нет пожара и разгрома,
Черной сотни не видать, —
Всюду мир и благодать.
Нет голодных и бездельных,
Нет арестов бесконтрольных.
Нет «гороховых пальто»,
Словом, стало всё — не то...
Заживают наши раны
От усиленной охраны!
Ожидаем страстно мы,
Что исчезнет призрак тьмы!

Январь или февраль 1906

354. ЗЛОПОЛУЧНЫЙ РОССИЯНИН

Чу! стихает шум житейский...
Робок месяц молодой...
И наряд лишь полицейский
Ходит мерной чередой.

Погруженный в созерцанье
Дивной ночи, как в бреду,
В час условный на свиданье,
Улыбаясь, я иду.
«Стой!» — кричит мне грозно кто-то.
Я от страха задрожал,
Шмыгнуло было уж в ворота,
Только дворник задержал.
«Обыскать!» Я встал, робея,
Лоб мой взяли на прицел. . .
«Руки вверх!» Как Ниобея,
Я в момент окаменел. . .
Струсил мерзко — хуже бабы!
Как домой прибрел, как лег —
Всё я сном бы счел, когда бы
Не пропавший кошелек! . .

(8 февраля 1906)

355. МУЖ СОВЕТА

Пародия

Безнадежная мертвенность взгляда,
Худоба и морщины ланит,
И шитье золотое наряда —
Всё не в пользу его говорит.

Мы в него и укором не бросим, —
В этом смысла ведь здорового нет!
Лучше мы эту мумию спросим:
«Даже ты пригодился в Совет?»

(9 февраля 1906)

356. ЗАДАЧА

Среди волнений и тревог
Весьма мудреная задача —
Найти в России уголок,
Где нет ни скрежета, ни плача;

Где произвола тяжкий гнет
Не задушил еще народа;
Где, вместо множества «свобод»,
Одна, но верная свобода;

Где без насмешки говорят
О просвещении, о школах
И где опричников отряд
Не безобразничает в селах;

Где для преступников — тюрьма,
А правых на цепь не сажают;
Где обывателям в дома
Шутя из пушек не стреляют;

Где «чрезвычайный» генерал
Не видит в казнях наслажденья;
Где не ссылают за Урал;
Людей — за слово убежденья;

Где в три погибели не гнут,
Казак прохожего не хлещет
И Карл-Амалия Грингмут
Зубами дико не скрежещет. . .

(16 февраля 1906)

357. ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

«Вздых вчера поймал я тяжкий
У твоей сестры Нинеты.
Не мигрень ли у бедняжки?
Иль сердечко вновь задето?»
— «Сердце отдано герою!»
— «Кто он? флотский иль гвардейский?»
— «От тебя, топ cher,¹ не скрою:
Это. . . это полицейский!»
— «Выбор слишком что-то странен». —
— «Да конечно. . . вот поди ты!

---

¹ Мой дорогой (франц.). — Ред.

Он крамольниками ранен
И искал у нас защиты...»
— «А отец? узнал о страсти?
Вот удар его дворянству!»
— «Ну, он чтит опору власти —
Молодое хулиганство!»

(22 февраля 1906)

358. ИСТОРИЯ СЪЕЗДА СОЮЗА 17 ОКТЯБРЯ

день 1-й

Собрались на вече,
Говорили речи,
Руки крепко жали,
Витте угрожали,
Думали, судили
И постановили:
«Пол-оборота налево!»

день 2-й

Влево чуть подались,
Храбрости набрались.
Грезы о свободе...
Речи о народе...
Думали, судили
И постановили:
«Шаг вперед, шагом марш!»

день 3-й

Чуть вперед подались,
Страшно испугались:
Действовать так красно —
Глупо и опасно!
Думали, судили
И постановили:
«Пол-оборота направо!»

ДЕНЬ 4-Й

Повернув направо,
Стали мыслить здраво:
Горе приключится
С тем, кто горячится!
Думали, судили
И постановили:
«Шаг назад, шагом марш!»

Февраль 1906

359. ЛЕКЦИЯ

«Ставят первым вам условием —
Наблюдайте всех ретиво. . .
За учащимся сословьем
И рабочим — особливо!»

Всех хватайте для острастки! . . .»
Кто же это поучает? . . .
Это дворникам в участке
Пристав лекцию читает! . . .

(15 марта 1906)

360. ЧАСТУШКА

Натворила много шума
Государственная дума
Оглушительно.
А на деле поглядишь —
Ведь гора рождает мышь:
Отвратительно.
Православному народу
Дали полную свободу
Окончательно.
А на деле ведь не то:
В тюрьмах тысяч будет сто
Назидательно.

От спасительной цензуры
Отказались помпадурь
Снисходительно.
А глядишь: теперь опять
Душат русскую печать —
Поучительно.
Людям всяческого званья
Разрешаются собранья,
Коль желательно.
А собрания потом
Разгоняются кнутом —
И старательно.

(17 марта 1906)

361. 18 ОКТЯБРЯ — 18 МАРТА

Из дальних странствий возвратясь,
Какой-то дворянин, совсем даже не князь,
С успехом подписав о мире параграфы,
Пожалован за то был в графы.
И, действуя затем умно, он очень быстро
Попал на пост премьер-министра,
Чтоб смуту прекратить и дать стране покой.
Задавшись целию такой,
Созвал к себе он журналистов,
Писателей различных, публицистов,
Пред ними плакал и кривлялся
И даже клялся,
Что истомленному неволей злой народу
Он даст — и не одну свободу,
и А целых пять!
Просил ему лишь время дать
И дружески помочь отчизну успокоить...
А он уже сумеет всё устроить
И конституцию такую даст народу,
Что просто удивит природу.
«Всё это так! — сказал газетный люд. —
И с вами мы делить готовы труд!
Но если подлинно ваш план так прост,
То... видите ли, там лежит к свободе мост...
Он свойство чудное имеет:

Лжец ни один по нем пройти не смеет.
 Лишь на мост тот ногой он попадет —
 Провалится и в воду упадет!»
 — «Скажите! — молвил граф. — А как у вас река?»
 — «Быстра и глубока!
 А дно — прямые катакомбы.
 И смерть в реке ужасней, чем от бомбы!
 На наших же глазах в ней не один уж лжец
 Себе нашел безвременный конец,
 Но вы не лжете, граф! . . . Итак, смелей на мост!»
 — «Друзья! — промолвил граф. — Ваш план уж
 слишком прост!
 Ведь можно и другим путем найти свободу.
 Чем на мост нам идти — поищем лучше броду!»

18 марта 1906

362

Весна! . . . Снег сбрасывают нивы.
 И чаще слышит всё народ,
 Что, в «охранении» ретивы,
 Прислали власти пулемет. . .
 Весна! Уж солнце не на шутку
 Лед растопляет там и тут. . .
 В Архангельск, в Вологду, в Якутку
 Интеллигенцию везут. . .
 Весны мы ждали, как Мессии,
 Томясь душою в зимней тьме. . .
 И вот встречает пол-России
 Весну. . . в тюрьме! . . .

(26 марта 1906)

363. К НОВЫМ ПРАВИЛАМ О ПЕЧАТИ

Со слезами умиления,
 Чужды гнева и печали,
 Новых правил добавления
 Мы в редакции читали.

С толком, чувством безмятежным
Перечли мы раз, другой...
И запели тихо, нежно:
«Со святыми упокой!»

Март 1906

364. ПО ПОВОДУ ДВУХ ПАЛАТ В РОССИИ

*Посвящается первому
Российскому парламенту*

Как на рубище заплаты,
Вдруг явились две палаты,
Торжествуй же, храбрый росс!
Только вот один вопрос:
Будет ли ума палата?..
Это, кажется, сверх штата.

Начало апреля 1906

365. «ПО ЗАСЛУГАМ»

*П. Н. Дурново, вместе с отставкой,
получил наградных 200 000.*

Эту весть прочел с испугом
Наш российский гражданин...
Награжден вот «по заслугам»
И еще министр один!
Тот, хотел который высечь
Всех буквально россиян, —
Преспokoйно... двести тысяч
Положил себе в карман!..
И за то, что пол-России
Без суда «упек» в тюрьму, —
За «достоинства» такие
Куш громадный дан ему!..
Дурново ушел с арены...
Но ужель за сей уход
Двести тысяч (что за цены!)
Должен выплатить народ?..
Вслед за «внутренним» министром

Вышел Гурьев, смяв контракт...
Но с его уходом быстрым
Тоже связан странный факт...
Не лишился «бутерброда»
Экс-редактор, говорят:
Получать еще два года
Будет тысячный оклад...
И за ряд «опровержений»
(Дух практический в нем есть!)
Дополучит этот гений
Тысяч ровно тридцать шесть!
Этак мы, страна родная,
Очень скоро прогорим,
Капиталы отдавая
На награды «отставным»!..
Обновленье жизни близко,
Старый хлам снесем в ломбард...
Но... ужели нам «очистка»
Будет стоит миллиард?..
Неужель отчизну нашу —
Отвечайте на вопрос —
И за «гурьевскую кашу»
Разорят, и... за овес?..

Апрель 1906

366. ПЛАЧ СОТРУДНИКОВ «РУССКОГО ГОСУДАРСТВА»

Кончилась жизнь наша,
Полная блаженства,
«Гурьевская каша» —
Чудо совершенства!..
О тебе уныло,
Как по идеалу,
Плачем... Ведь кормила
Ты нас до отвалу!..
Мы привыкли слепо
К этакому факту...
Изменять нелепо,
Если по контракту!..
И прожить мечтали

Долгие мы годы,
Кушать без печали
Витте «бутерброды»...
Ввергнуты мы в слезы
Роковым ударом,
Все разбиты грезы
Строгим «циркуляром»!..
Мы ревом, вздыхая,
От такой невзгоды:
С первого же мая —
Finis¹ «бутерброды»!..
Как нам жить в отчизне
При таком коварстве?..
Нет без Витте жизни
В «Русском государстве»!..
В грусти безысходной,
С песней недопетой,
Мы над «бутербродной»
Слезы льем газетой!..

Апрель 1906

367. АУТОДАФЕ

В Киеве пожарные сожгли
400 пудов конфискованных га-
зет и сатирических журналов.

Из газет

Сей «жанр» напоминает
Нам средние века...
«Крамолу» сожигает
Пожарного рука!
Журналам и газетам
Объявлен приговор,
Горит кровавым светом
Репрессии костер!..
Сноп искр летит угарный
И гаснет на лету,
Усердно «кум-пожарный»
Сжигает «нечисть» ту...

---

¹ Конец (лат.). — *Ред.*

Журналы и газеты,
Закрыли коим рот. . .
«Героев» в них портреты
И тысячи острот. . .
Вон в пламени, смотрите
(Коварство каково?),
Горят Акимов, Витте,
Мин, Сиверс, Дурново! . .
Глотая чад угарный,
Скривив в улыбку рот,
Ворчит один пожарный:
«Попались? То-то вот! . .»
Мечтая о кухарке,
Другой бормочет там:
«Эх, лучше б на сигарки
Бумагу дали нам! . .»
Сжигает пламень алый
Зловещих языков
Газеты и журналы —
Четыреста пудов! . .
К печати очень твердо
Здесь «казнь» применена,
Кричит брандмейстер гордо:
«Крамола» сожжена!
Костер уж потухает,
К концу подходит день.
И . . Грингмута витает
Над местом «казни» тень!

Апрель 1906

368. ДУМА И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ

У нас теперь немало шума
Среди эс-эров и ка-дет:
Переполюбила всех Дума
И Государственный совет.

Наш гражданин глядит угрюмо:
Пяти свобод простыл и след,
А впереди . . мелькает Дума
И Государственный совет.

Расходов кругленькая сумма,
Пополнить не с чего бюджет...
А тут еще в проекте Дума
И Государственный совет.

День смотрит хмуро и угрюмо...
Народ устал от вечных бед...
Что принесет с собою Дума
И Государственный совет?!

Кума всегда радест куму
С тех пор, как создан белый свет...
Так породнятся, верно, Дума
И Государственный совет.

Апрель 1906

369. «ЖОНГЛЕР»

Посвящается графу С. Ю. Витте

Да, он один,
И больше нет!
Сейчас — блондин,
Сейчас — брюнет...
Портсмутский граф,
А не барон,
«Жонглерский» нрав
Имеет он...
Он, так сказать,
На том возрос,
Чтобы держать
По ветру нос...
Давно ль режим
Страшил его?..
Акимов с ним
И Дурново...
Раскрывши рот,
Кричал, как гусь,
Что он спасет
«Святую Русь»...
Ввел в сотни мест
Сей «патриот»
Тюрьму, арест,

Сыск, пулемет...
Ряд «быстрых мер»
Он принимал...
Но вот «премьер»
Позорно пал...
Но не смирил
Он власть свою:
Переменил
Лишь «чешую»...
Он не грозит,
Стал «добрым» он,
И говорит
Уж Думе в тон...
Другой с тех пор
Являет нрав...
Какой «жонглер» —
Портсмутский граф!..
Да, он один,
Другого нет!
Сейчас — блондин,
Сейчас — брюнет!

Конец апреля или начало мая 1906

370. ХАРАКТЕРИСТИКА

Дума, полная кадет,
Государственный совет,
Где засядут наши лорды —
Отставные держиморды, —
Вот фундамент жизни русской...
Завершится он... кутузкой!

Апрель или май 1906

371. ИЗ КУЛЬКА В РОГОЖКУ

Наше житье преплохое,
Всем нам хотя и привычное:
Было недавно — дурное,
Нынче оно — горемычное.

Между апрелем и июнем 1906

372. «ВООРУЖЕННАЯ ОПАСНОСТЬ»

В Варшаве жандармы поймали мальчика с игрушечным ружьем и продержали его целую ночь в тюрьме.

Из газет

Свирепея от бессилья
И лишась спокойных снов,
Всюду видит камарилья
И во всем своих врагов...
И решает на совете:
Для спокойствия страны
Вредно, если даже дети
Будут «вооружены»...
Дети, даже те пугают
Славный «звездный кабинет»...
Бюрократы посылают
Губернаторам «совет»:
«Так и так, в пределах края
Проследить теперь пора,
Чтоб оружие, играя,
Не имела детвора...»
«Отличиться» чтоб на славу —
И, раскинув ряд сетей,
Жандармерия облаву
Открывает на... детей!..
Смело, быстро, не робея,
Средь Варшавы белым днем
Ловят мальчика-«злодея»
С чем? С *игрушечным* ружьем!..
О, с жандармом плохи шутки,
Не перечь смотри ему...
И «преступник» наш на сутки
Отправляется в тюрьму...
Тщетна мальчика плаксивость,
Слезы детские — не впрок...
Торжествует справедливость,
Наказуется порок!
Вани, Мити, Оли, Маши,
Пожалейте матерей!
Прячьте, прячьте, дети наши,
Вы «оружие» скорей!

374. МЕТАМОРФОЗЫ

Был солдатом он запасным,
На войну шел — патриот;
Воротился ярко-красным:
Вот какой переворот! . .
С божьей помощью, вперед!

Был матрос слуга проворный:
И в огонь и в воду лез. . .
Вдруг бунтует, непокорный, —
И его смущает бес!
С божьей помощью, прогресс!

Был крестьянин тих и кроток. . .
Вдруг он рубит барский лес
И в расправе стал короток:
Соблазнил лукавый бес!
С божьей помощью, прогресс!

Был рабочий патриотом;
Вдруг, о чудо из чудес:
Он движенья стал оплотом,
Прямо на рожон полез. . .
С божьей помощью, прогресс!

(Май 1906)

375. ОСЕЛ И СОБАКА

Басня

Однажды гончий Пес Осли увидел
И говорит ему: «Осел!
Зачем тебя господь обидел
И счастьем обошел?
Живешь ты ровно скот последний —
Таскаешь всюду кладь. . .
Не то, что я. . . Намедни
Был в кухне я — и хватъ
Бараний бок, а ты небось солому
И сено жрешь?
Такого, брат, житья врагу лихому
Не захочу — добра не наживешь!

То ль дело я? То в лес метнешься
 Зайчишек поугаты;
 Там — глядь —
 Мясцом на кухне барской разживешься;
 Там тыпнешь кость, там хлеба каравай,
 Там не житье мне — рай!
 И день-деньской я без работы
 И без заботы! . . .
 А ты?» — «Что делать, Пес?
 Терпенье надобно, терпенье,
 Но славен тот, кто перенес
 Мои ослиные мученья!»
 — «Нет, у тебя неладное житье!
 Поди кажинный день битье?!»
 — «Бывает всякое!!» — «То ль дело у меня —
 Поверишь ли, нет дня,
 Чтоб сам я зайца иль курчонка,
 А иногда и поросенка
 Не разодрал.
 Ты не слышал,
 Как давеча я петушонка
 На тот отправил свет?»
 — «Нет!»
 — «Занятный случай был. Близ дома я лежу,
 И вдруг гляжу —
 Идет петух. . . И красный хохолочек,
 И рыжее перо на нем.
 Без дальних проволочек
 Я — в дом!
 На кухне поваром в те поры Трёпов был. . .
 «Так, мол, и так, — я доложил, —
 Мне ведомо, что бродит
 Крамольник по двору —
 Узнал его по красному перу.
 «Кукареку!» — он громко так выводит,
 Что быть греху!
 Позвольте петуху
 Сорвать башку, не то восстанье
 Случиться может у цыплят, —
 И так они шумят,
 Что плохо пропитанье!
 Что делать, как тут быть?!»

— «Распотрошить! . . .»
И я распотрошил отменно! . . .
А что, Осел, бессменно
Ты трудишься, — ни разу не знавал
Ты в жизни сожаленья?»
— «Терпенье, брат, терпенье!» —
Осел на это отвечал.
Случилось, разговор их услышал
(Как видно, ненароком)
Старшой господский псарь
(По прозвищу «самодержавный царь»)
И что ж? Во времени, должно быть, недалеко,
Когда война пошла,
Разумный псарь Осла
За долговечное терпение прославил
И над солдатами начальником поставил,
А вора Пса отправил
Крамолу усмирять.
С войны вернулась рать
Оборвана, ободрана как липка. . .
Явился и Осел. Он шибко,
Воюя, научился красть!
Что сена он, овса, соломы
Привез в свои хоромы —
Так это страсть!
И хоть его тот псарь побил,
Осел наш барином зажил, —
С помятою спиною,
Да с толстою сумою.
Пришел домой и Пес паршивый,
Довольный и счастливый. . .
Зайчишек с тысячу в лесу он подавил,
И царь его за это наградил,
Назначивши его, при всем умишке малом,
Дивизионным генералом.

Так в жизни сей. Коль богачом
Ты хочешь стать иль награжден быть чином, —
Изрядным будь ослом
Или собачьим сыном!

(27 июля 1906)

376. ВЫБОРНЫЙ, ДУМА И ТЮРЕМЩИК

Однажды выборный поплелся в Думу.
Ушел тихохонько, без шума,
Но уж назад не возвращался. . .
Тюремщик! Он тебе не попадался? . .

Июль 1906

377. БОГАТЫРИ

По вешнему по складу
Мы песню завели.
Ой, ладо, диди-ладо,
Ой, ладо, лель-люли.

Поведай, песня наша,
На весь на русский край,
Как слез народных чаша
Уж брызжет через край;

Как баре, точно гады,
Страну обволокли.
Ой, ладо, диди-ладо,
Ой, ладо, лель-люли.

Как, чуя гнев народный,
Чтоб от него не пасть,
Премьер-министр, как взводный,
Муштрует лихо «власть»;

Как, скорбию объаты
Пред тучей новых бед,
Забрались супостаты
Трусливо в кабинет.

На подлокотни кресел
Своих облокотясь,
Главу на грудь повесил
Столыпин, утомясь.

Глубокие морщины
Его изрыли лоб. . .
Рассеять что кручины
Сановника могло б?

А с ним, блестя нарядом,
Храня беспечный вид,
Митюха Трепов рядом
Опричником сидит.

Министры остальные,
Усевшись чинно в ряд,
О будущем России,
Волнуясь, говорят.

С т о л ы п и н
(патетически)

Куда сокрылась. . . Где ты,
Счастливая пора,
Когда еще кадеты
Под дерзкое «ура»

Не гнали прокурора,
Творящего закон,
Не выносили сора
Из канцелярий вон? . .

Приди, каратель смелый,
С могуществом творца,
Приди вершить расстрелы
И казни без конца!

Нас грубо оскорбили. . .
Спасти как нашу честь?!?

Т р е п о в
(напоминает)

У нас автомобили
И пулеметы есть!

К о к о в ц е в
(язвительно)

Вы вспомнили, collega,
Заказы? .. Vien merci¹...
Но... заскрипит телега
Без смазанной оси:

Автомобили — сказка,
И пулеметы — бред!
Нам денежная смазка
Тревожит кабинет.

О... усмирили б край мы,
Стянули бы гужи...
Но эти займы, займы,
Но эти платежи —

Нам сковывают руки,
И дышим мы едва...

(Обращаясь к Трепову с ироническим поклоном)

Pardon! .. Пустые звуки —
Задорные слова!

Т р е п о в
(вспыхивает)

Я не смущен, товарищ;
Я утверждать берусь,
Что смрадный дым пожарищ,
Заполонивший Русь,

Рукою санкюлотов
Усадьб зажженных вид,
Нас — верных патриотов —
Лишь только вдохновит.

Финансовые счета
Нас в бездну лишь толкнут,
Я... верю в пулеметы!
В автомобили! В кнут!

---

¹ Большое спасибо (франц.). — *Ред.*

К о к о в ц е в
(вскакивает)

Но это средство — скверно:
Раскаемся потом!..

Т р е п о в
(перебивая с жаром)

Но это средство — верно:
Вы убедитесь в том!

П о б е д о н о с ц е в
(обращаясь к соседу и указывая перстом
на чуть ли не сцепившихся ораторов)

Дерзну-ка «разобрать» я
Словоглагольцев тех!

(Елейным голосом говорит спорщикам)

Угмонитесь, братья:
Ведь спорить всеу — грех!

Во всем найти легко нам
С надзвездным миром связь:
Днесь надобно к иконам
Прийти, благословясь...

Поднимут наши шансы
Не новой ренты стиль,
Не лучшие финансы
И... не автомобиль...

Нет!.. Лишь устои веры
Спасут нас!.. Чудеса!..
Отшельничьи пещеры!
Святые небеса!

Да, братие!.. Незримо
Царят в душе мирян
Лишь мощи Серафима,
Лишь старец Иоанн!

В религии — спасенье:
Икона — верный щит...
Губительного тленья
Лишь вера убежит...

Хвала ее устоям,
Великим чудесам!..

(После торжественной паузы, голосом провидца)

Молебствие устроим
Святителя мощам!

И... преклонивши долу
Колени перед ним,
Анафеме крамолу
Соборне предадим!!!

Трепов

(решительно встает)

Оставьте, отче, бредни!
Вы говорите чушь...
Нет ничего зловредней
Молящихся кликуш,

Когда перед восстаньем
Собравшийся в поход
Гремит негодованьем
Бунтующий народ!

О... Здесь ничто — пещеры,
Иконы, Иоанн:
Ударили эс-эры
Тревожно в барабан!

Забыты циркуляры,
Трепещет бюрократ...
Хоть стихли кулуары, —
Всё ж грозен депутат!

Вы говорите — «мощи»!
Кощей мог думать так.

Каких религий проше
Религия — кулак!

(Авторитетно)

Всего на свете, отче,
Могущественней плеть!
Какой приказ короче:
«Патронов не жалеть»?!?

Народ шумит, как море! . .
Скажу вам, не тая:
В России смутной вскоре
Диктатор буду — я!

Немая сцена. Все стремительно вскакивают с мест и спешат засвидетельствовать «уважение и преданность, преданность и уважение». Победоносцев, сложив молитвенно руки, воздевает очи горе.

По вешнему по складу
Мы песню завели. . .
Русь не дождется лада:
Ой, не дадут ей гады
Ни воли, ни земли.
Ой, ладо, диди-ладо,
Ой, ладо, лель-люли.

Вторая половина 1906

378. СОВРЕМЕННАЯ БАСНЯ

Одной газете в мысль пришло
У рёге Суворина похитить ремесло.
Не знаю, завистью ль ее лукавый мучил
Или обычный хлеб ей так наскучил,
Но только вздумала газета торговать
И в розницу, и оптом, и поштучно
Ну. . . тем, что. . . «ласкою» зовется благозвучно.
А в просторечии. . . мне боязно назвать. . .
Ведь на меня обидится вся знать:
И «камер-юнкер с пылкой натурой»,
И «дама, бурная поклонница амура»,
И тот «студент — специалист жуир,
Девиц и дам всех возрастов кумир»,

И даже та «девица полусвета,
С которой tête-à-tête¹ — всего одна монета»...
Ну... словом, на меня обидится сверх мер
Весь департамент тетушки Эстер.
И может быть, вспылит ее приятель Гурко
И вышлет тотчас же меня из Петербурга
В далекие, сибирские поля,
Где нет покамест ни его, ни Лидваля.

Мораль сей басни такова:
Что, сколько бы вы басен ни марали,
Всё «Петербургская газета» — вне морали,
Зане гласит стоустая молва,
Что орган партии «Эстер-Лидваль-клозета»
Есть — «Петербургская газета».

Вторая половина 1906

379. ДОМАШНЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В ТЕАТРЕ «РОССИЯ»

Представление дается в честь прекрасной дамы Европы.
(Злые же языки уверяют, что у нее хотят занять денег.)

Понемногу театр наполняется.
Являются: Трепов с обворожительной Репрессией, Столыпин с либеральной Реформой, генерал-губернаторы всевозможных видов, банкиры и т. д.
Европа, помахивая веером, скептически смотрит на всё это сборище.
Граф Витте, заявляя вслух, что в честь прекрасной гостьи будут исполняться исключительно «Марсельезы», выпускает первым на сцену Столыпина.
Последний, изящно кланяясь, начинает исполнение своего номера с видом джентльмена.

Отречемся от доли рассудка,
Что оставил случайно нам рок!
Государственных, мудрых ублюдков
Мы являем прекрасный урок!

Припев:
О первый министр! Смотри не спасуй!
Смотри, чтоб придворные сферы

---

¹ С глазу на глаз (франц.). — *Ред.*

Не крикнули: «К черту аферы!
Ходуй, холуй, холуй, холуй!»

Не внимая народным желаньям,
Увеличим сгустившийся гнет
И навстречу народным восстаньям
Приготовим одно — пулемет!
Не отстанем от этой затеи!
А потом — après nous le déluge! ¹
И, пока не дадут нам по шее,
Мы не скажем, что гуж наш не дюж!

Припев:

О первый министр! Смотри не спасуй!
Смотри, чтоб придворные сферы
Не крикнули: «К черту аферы!
Холуй, холуй, холуй, холуй!»

Кончив, он так же изящно кланяется и... сходит со сцены.
«Следующий номер исполнит генерал Трепов», — любезно наклоняясь
к Европе, шепчет благородный граф. Она кивает головой с выжида-
тельным видом.

Трепов на сцене. Звякнув шпорами, он начинает:

Отречемся от свиста нагаек
И заменим всё словом: «Пали!»
А в деревню для сереньких заек
Не дадим ни кусочка земли.

Припев:

Политику смело, Столыпин, вали!
Пусть Павлов поможет умело,
Чтоб шло расстреляния дело,
Пали, пали, пали, пали!!!

Что за глупость внимать увещаньям,
Рассуждениям здравых людей!
Я же знаю одно — расстреляньем
Успокою всё живо, ей-ей!

Ведь немалый имею я опыт
И девятое знал января!

---

¹ После нас хоть потоп! (франц.) — *Ред.*

Еще помню я доблестный топот,
Когда конь настигал бунтаря!

Припев:

Политику смело, Столыпин, вали!
Пусть Павлов поможет умело,
Чтоб шло расстреляния дело,
Пали, пали, пали, пали!!!

Европа в недоумении.

В это время Трепов выстраивает на сцене шеренги администраторов, располагая их по заслугам. В первом ряду Курлов, Нейдгардт, Алиханов... Сам Трепов становится на дирижерское место. Ему подносят изящное кнутовище нагайки, и по его знаку хор начинает:

Отречемся от страха сомненья
И придавим сильнее народ!
Есть от Трепова нам повеленье
Уничтожить и признак свобод.

Припев:

За дело же, братцы! Загладим вину!
Пока же пойдет это дело,
Растащим рукою умелой
Казну, казну, казну, казну!

Вороти нам, господь, время оно!
Пусть исчезнет свободы поток!
Огради нас от бомб, как Скалона,
И не дай нам попасться, как Блок!

С сей молитвою двинемся дружно
Мы казенный делить дивиденд!
Повеление Трепова нужно
Нам исполнить в кратчайший момент!

Припев:

За дело же, братцы! Загладим вину!
Пока же пойдет это дело,
Растащим рукою умелой
Казну, казну, казну, казну!

В это время за сценой раздается отдаленный шум. Он всё приближается. Видно зарево пожара...

Все начинают тревожно переглядываться. Европа шумно встает и в негодовании оставляет театр...

Июль или август 1906

380. НАША КОНСТИТУЦИЯ

Стонет стоном люд голодный,
Спят отечества отцы;
Бюрократ за счет народный
Строит целые дворцы.
Составляя планы, сметы,
Гордо смотрит «сверху» плут...
Что за диво? — Это? .. Это...
Конституцией зовут.

По стране, преград не зная,
Рыщут горе и нужда;
Здесь — ссылают не считая,
Там — расстрелы без суда;
В траур вся страна одета,
Все с тоской чего-то ждут...
Что за диво? — Это? .. Это...
Конституцией зовут.

Каждый день с усердьем новым
Воздвигаются дома
С видом мрачным и суровым,
С грозной надписью — «Тюрьма».
Осень, зиму, весну, лето
Граждан в них ведут, ведут.
Что за диво? — Это? .. Это...
Конституцией зовут.

Всю страну кругом покрыла
Сеть усиленных охран,
Краткий — «бей крамолу в рыло!» —
Циркуляр повсюду дан.
Заседает спешно где-то
Полевой военный суд.
Что за диво? — Это? .. Это...
Конституцией зовут.

В гневе яростном и диком
Усмиряют цензора
С почерневшим, злобным ликом
Бунт журнального пера.

Закрываются газеты,
Слышно грозное: «Под суд!»
Что за диво? — Это? .. Это...
Конституцией зовут.

Смирно бродят депутаты
После думской кутерьмы,
Записавшись в кандидаты
Пересылочной тюрьмы.
Шлются тайно эстафеты,
Тучи сыщиков снуют...
Что за диво? — Это? .. Это...
Конституцией зовут.

Там громят, здесь усмиряют,
Тут карают сгоряча,
Режут, вешают, стреляют,
Рубят головы сплеча...
Там желтеют эполеты,
Здесь отходную поют...
Что за диво?
— Ах, да это
Конституцией зовут.

Июль или август 1906

381. ГИМНАСТИКА ОСОБОГО РОДА

Когда-то по градам и весям России,
По всем закоулкам ее и углам,
Носился суровый казарменный окрик:
— Руки по швам!!.

Но вот времена наступили иные,
Девиз дисциплины, как будто на смех,
Теперь изменился, и слышим мы крики:
— Эй, руки вверх!!.

(1 сентября 1906)

382. МУЖИЧЬЯ ЗАПЕВКА

Дали волю — нету воли.
Ждали землю — нет земли.
Баре всё пораскололи,
Обманули, провели. . .

Ждали Думу. Дали Думу,
Но тревожится душа:
На словах-то много шуму,
А на деле — ни шиша. . .

Тошно жить, а ждать устали. . .
И чего еще тут ждать?
Нынче, после, ближе, дале, —
Всё равно нам умирать.

Всё равно — отчизноеды
Не сдадутся так, сдобра. . .
Прекратить пора бы беды,
Образумить их пора.

Полно гнуть пред ними спину,
Полно падать брюхом в грязь!
Поднимай-ка, брат, дубину
И лупи, благословясь!

(22 сентября 1906)

383. ГДЕ СПАСЕНЬЕ?

Истомленный от вечного гнета,
Изнывая от жгучей печали,
«Как спастись?» — я спросил «патриота»,
И увидел я. . . дуло пищали.

Но. . . припомнивши пункты запретов
Департаментов, мэров, полиций,
Обратился я в лагерь кадетов,
И увидел я хвостик там лисий.

И пошел я в тревоге, неистов,
Ни хвостов не любя, ни оружий,

Во святой комитет «октябристов»
И увидел. . . ослиные уши.

Но увы! Непокорен судьбе я,
Хоть удары и жестки, и тверды. . .
Я поплелся к питомцам Лицея
И увидел. . . кулак Держиморды.

И, не веря всем этим приметам,
Всё желая спастись, хоть и злом бы,
Я побрел за советом к эс-эрам,
И увидел я. . . бомбы и бомбы. . .

Никакого пути не нащупав,
«Как уйти от гнетущей печали?» —
Я спросил у расстрелянных трупов,
Но застывшие трупы молчали.

(6 ноября 1906)

384. РОДНЫЕ КАРТИНКИ

Тишина на сонных улицах,
Ночь густеет; город спит.
У ворот с отвагой рьяною
Страж спокойствия храпит.
Вдоль по улице таинственно
Пристав с обыском идет
И. . . про нашу, про российскую,
Конституцию поет.

Полдень. Зной. Деревня жалкая
Тихо дремлет у реки.
В избах с целию «карательной»
Храбро рыщут казаки,
Под окном старушка дряхлая
По убитым слезы льет
И. . . про нашу, про российскую,
Конституцию поет.

Ночь. Тюрьма. В окошко узкое
Глаз недремлющий глядит.

За казенною решеткою
Обыватель наш сидит.
Размышляя над «причинами»,
Он судьбу свою клянет
И... про нашу, про российскую,
Конституцию поет.

Двор тюрьмы. Свежо и пасмурно.
Грозно высится помост.
На петле под перекладиной
Тень чернеет в полный рост.
У петли палач, нахмурившись,
Новых жертв устало ждет
И... про нашу, про российскую,
Конституцию поет.

Осень, слякоть, дождь и прочее...
Хмуρο смотрит град Петра.
По проспекту с важной миною
Маршируют юнкера.
Вдоль по улице с улыбочкой
Гурко к Лидвалю идет.
И... про нашу, про российскую,
Конституцию поет.

А у моря у Балтийского,
Подзадоренный пальбой,
Даже ворон, птица божия,
Вторит песенке родной.
Он то там, то здесь с поспешностью
Труп за трупом всё клюет,
И... про нашу, про российскую,
Конституцию поет.

(10 декабря 1906)

385. КИТАЙСКАЯ СКАЗКА

Под небом блестящей столицы Китая,
О чем-то сердито и громко вздыхая,
В своем кабинете роскошном, один,
Однажды китайский сидел мандарин

И думал угрюмо: «По многим причинам
Настало плохое житье мандаринам.
Совсем позабывшись, злобный народ
С нас требует громко какой-то отчет.
Поучишь бамбуком — житья нет от шума!
Какую-то требуют странную «Думу»,
Газеты несноснейший подняли крик,
Что мрет с голодовки китайский мужик!
Совсем не по вкусу мне эта картина. . .»
Но тут перервали как раз мандарина.
И, взор устремив, по Конфуцию, вдаль,
Вошел к нему некий китаец Лид-Валь.
Отлично знакомый с придворным законом,
Визит свой он начал глубоким поклоном
И, скромно потупя елейный свой взор,
Такой с мандарином повел разговор:
«Быть трудно у власти, мудрейший сын неба,
Кто просит свободы, кто денег, кто хлеба,
Как будто не может крамольный наш край
Питаться мечтами на будущий рай. . .
К несчастью, теперь, в назидание внукам,
Неловко народ успокоить бамбуком,
Поэтому ты, счастья светлая нить,
Я слышал, желал бы его подкормить.
О, как бы стяжать тебе, солнце восхода,
Хотел я любовь дорогого народа
И вместе, достойный Конфуция внук,
С тобою очистить казенный сундук! . .
Какого волшебного счастья картина! . . .»
Но речь его голос прервал мандарина:
«Напрасны мечты этих радужных снов!
Мы «ветром подбитых» поищем купцов! . . .»
Поник головой представитель клозета,
И горько заплакал он вместо ответа:
«Я снега белее, я чище стекла,
И я ли не ветром подбит из угла?
Мечты мои сгинут, не видевши света,
Но с ними погибнет и фирма корсета!»
В глазах мандарина сверкнул яркий луч,
Как будто бы солнце вошло из-за туч!
Лицо озарилось довольством восторга:
«Оставимте спор надоевшего торга!

Для фирмы корсетов казны мне не жаль,
Бери же подряд, благовонный Лид-Валь.
На дни испытанья, на гибель, на муку
Скорей дай твою ароматную руку,
И тотчас во имя тех сладостных уз
С тобой заключим мы до гроба «союз!»

(14 декабря 1906)

386. ПРЕДВЫБОРНЫЕ ОБЪЯТЯ

Читатель, пред тобой — забавное явление:
У графа с мужиком идет, вишь, рассужденье.
Граф обнял мужика, в уста его лобзает,
А тот — о, простота! — его не понимает.
Граф молвил: «Ты, друг Клим, есть мой земляк
из Вольска.

Меня лишь поддержи».

— А что, аль, барин, скользко?

— Мой друг, я не про то: я говорю про Думу.

— Про кою, что надьсь прогнали из-за шуму?

— Что шум, то — пустяки! Она была «крамольна».

— Ну, барин, замолчи, поврал — да и довольно!

— Ах, друг, опять не то! Ну, голос ты имеешь?

— Имею, только ты пустое, барин, мелешь!

— Да нет же, погоди, другая будет Дума:

Даст землю, волю вам — всё тихо и без шума,

Всё будет хорошо, всё будет чинно, гладко. . .

— Ну, барин, отпусти; поешь ты очень сладко,

Да нам-то невтерпех: ведь нет куска и хлеба! . .

— Ну, как ты не поймешь! Свидетель будет небо —

Всё будет хорошо — меня лишь выбирайте. . .

— О, барин, николи; уж лучше прощевайте!

И долго с мужиком граф Вольский объяснялся,

Раз десять обнимал, раз десять целовался,

А тот всё про себя. Итак, они расстались,

Один пошел в «отель», другой пошел за хлебом,

Один лег на постель, другой — под ясным небом! . .

Граф думал: «Ну, мужик, упрямая скотина».

А Клим твердил во сне: «Ну, барин, ну, дубина. . .»

(17 декабря 1906)

887. СКАЗКА ПРО БЕЛОГО БЫЧКА

В пору ранних детских лет —
Вспоминаю как в тумане —
Я слышал один куплет
От седой старушки-няни:

У попа скрипела дверь,
На двери была мочала;
Не сказать ли нам теперь
Нашу сказочку с начала?

И сейчас, коль поглядим
Вкруг себя мы без опаски,
Ясно станет: мы твердим
Те же нянюшкины сказки. . .
В самом деле: долгий гнет,
Проблеск жалкого «доверья»,
Жажда всяческих свобод,
Дни святого легковерья —
А потом доверье прочь,
Снова выплыла «острастка». . .
И пошло всё то ж. Точь-в-точь
Будто нянюшкина сказка:

У попа скрипела дверь,
На двери была мочала;
Не сказать ли нам теперь
Нашу сказочку с начала?

Как-то вышел манифест
Вдруг об августовской Думе. . .
Над былым поставил крест
Обыватель в некой думе
(Мысля с горькою тоской:
Всё, хоть куца, да Дума!),
Но потом, махнув рукой,
Вновь насупился угрюмо:
Что ни день, то грозный кнут
Душит робкие протесты,

Что ни час, то чинит «суд»
Ссылки, штрафы и аресты. . .

У попа скрипела дверь,
На двери была мочала,
Не сказать ли нам теперь
Нашу сказочку с начала?

В день случайный октября
После битвы с «средостеньем»
Занялась было заря
Вопреки былым сомненьям.
Но увы! Вдруг грянул гром
(Не из туч — с навозной кучи),
Сделан пробный был погром,
И зарю закрыли тучи.
Цепью длинную пошли
За премьерами премьеры,
Вместе с ними расцвели
«Охранительные» меры. . .
Как волна из берегов,
Понеслись на усмиренье
Дерзких «внутренних врагов»
Экспедиции в селенья.
Но. . . рука бойцов карать
Словно будто бы устала. . .

Не прикажете ль сказать
Нашу сказочку с начала?

После многих бранных слов,
Чтоб не делать слишком шуму,
Для настойчивых «врагов»
Наконец созвали Думу.
Но едва в лучах зари
(Выражаясь фигурально)
Дума выросла: «Умри!» —
Ей сказали моментально. . .
Дальше что ж? Опять всё то ж:
Заселение Сибири,
Узаконенный грабеж,
Сотни жертв, «почивших в мире». . .

Вновь пошли везде суды,
Да суды-то — не простые
Правосудия плоды,
А военно-полевые.
От бесчисленных «потерь»
Русь вдруг дико закричала. . .

Не сказать ли вам теперь
Нашу сказочку с начала?

Но, увы, чресчур длинна
Эта сказочка родная,
Чтоб сказать ее сполна
Всю до самого до края.
Пусть, в ком лень не велика,
Ждет конца российской сказки,
Про себя твердя пока
Нижеследующие фразки:

Жил на свете некий зверь,
Русь трепалась, как мочала;
Не сказать ли нам теперь
Нашу сказочку с начала?

(24 декабря 1906)

388. ПРОГРЕСС

Несется мощная культура
Неудержимо, как волна,
И даже русская натура
Воспрять готова ото сна. . .
Вот — почитай-ка нашу прессу,
Какой во всем переворот,
Стремясь без удержу к прогрессу,
Свершает русский наш народ:
Вот было время — мы венчали
Военной славой казака;
А нынче — охранять послали
Добро казенного шинка. . .
В былые дни могучей ратью
На басурмана шли войска;

Теперь мы бьем родную братью —
Идем войной на мужика.
Мы прежде секли без утайки,
Свершая приговор суда;
Теперь мы всякого в нагайки
Принять готовы — без стыда...
Нет! пробегая нашу прессу,
Я положительно дивлюсь,
Как быстро к светлому прогрессу
Несешься ты, родная Русь!..

1906

389. НАГАЙКА

На Руси, как помнят
Старики седые,
В старину порядки
Были не такие:
Коль живешь, так ладно;
Провинился — плохо;
Барин, хоть и добрый,
А накажет строго:
Живо — на конюшню,
Высекли — и баста;
Всыпали полсотни,
Сотню, полтораста...
Так-то понимало
Время крепостное,
Люди жили просто...
А теперь — иное:
На Европу глядя,
Мы набрались лоску,
Отменили плети,
Отменили розгу;
Да одну в приказе
Сделали утайку:
Для людей забыли
Отменить нагайку...
В старину нагайка
Скромно проживала:

Лошадей ленивых
Да собак стегала;
Иногда гуляла
По коровьим спинам,
Да нагайке вышло
Повышенье чином. . .
И теперь нагайка
Хлещет по студенту;
Мимоходом влепит
И корреспонденту;
Подвернется дама —
Угодит и даме;
Никому не спустит —
Попытайте сами! . .
Полагали — выйдет
Воля для народа, ,
А нагайке вышла
Полная свобода. . .
Старина седая
Думала иное. . .
Видно, миновало
Время крепостное! . .

1906

390

Печально всё в родимой стороне. . .
Грядущее окутано туманом,
И счастье только грезится во сне
Чарующим и сладостным обманом! . .
И снилось мне: дыханием весны
Согрета грудь любимого народа,
И счастье излюбленной страны
Венчает лавром юная свобода. . .
Но сон прошел — остался лишь кошмар
Да мрачные пугающие грезы! . .
На сцене вновь — с телятами Макар,
Опять всё те же — Сидоровы козы! . .

(1906)

891. НАОБОРОТ

Много лет в потемках бродит
Православный наш народ,
И в России происходит
Как-то всё — наоборот:
Под приказным игом жили
Мы немалые года,
Но спокойно выходили
Мы на улицу тогда.
Хоть квартальный надзиратель
И внушал порою страх,
Но уверен обыватель
Всё же был в своих правах;
А когда нам объявили
Все четыреста свобод, —
Нас тотчас же обложили
Тучи целые невзгод:
Генералом-адъютантом
Был сменен квартальный чин,
И бесправным арестантом
Стал свободный гражданин.
Правда спуталася с ложью,
С разрешением — запрет,
И всего охватит дрожью,
Чуть покажешься на свет...
Так во всем противоречий
И курьезов целый ряд:
Там наделает увечий
Охранительный отряд;
Просьба честью — завершится
Поркой целого села;
Где урядник водворится —
Неурядица пошла...
Рок ли злой к тому приводит
Иль уж создан так народ —
Но всегда у нас выходит
Всё — как раз наоборот...

(1906)

892. НОВАЯ ПОГУДКА НА СТАРЫЙ ЛАД

Как наш «первый министр»
Был сначала речист
Звонко.

Всё «свободы» сулил
И всех за нос водил
Тонко.

А до дела дошло —
Тут иное пошло
«Дело».

«Что? Бунтарят? — Так драть.
Выслать целую рать
Смело.

Как Россию спасти
И жизнь в русло ввести
Твердо —

То мой личный секрет,
И гляжу на весь свет
Гордо.

Коль «свободы» нужны —
Пусть ценою спины
Купят».

В ход пошел пулемет,
И «свободный» народ
Лупят.

В результате прогресс
Обратился в регресс.
Верно.

Так придется опять
С «Буки-Аз» начинать.
Скверно.

И стоит на Руси
Стон: «Скорей нас спаси,
Боже,

От премьеров лихих
И министров плохих
Тоже».

(1906)

393. ВСЁ НЕ ПО АДРЕСУ

Чудеса творятся, братцы,
Непонятные уму:
Почта, сданная в Калугу,
Доставляется в Тотьму;
Если в Думу депутата
Назначают — не дойдет:
То в Архангельск угадает,
То в кутузку попадет!

1906

394. АРТУРЦУ

Томился ты в плену —
Жена глодала корку.
Окончили войну —
Пришел. . . получишь порку.

(1906)

395. ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

Волей аллаха, главой хулиганов
Избран Смутьянов —
В лоно ислама вернуть правоверных,
Ныне неверных,
Он от аллаха имел полномочие. . .
(Здесь многоточие. . .)

Новый премьерчик принялся за дело
Ловко и смело:
В суд то заглянет, в собрания, в школу —
Чистит крамолу. . .
Трудится много начальник старательный!
(Знак восклицательный!)

Сотни ссылает крамольников в ссылку,
Прячет в могилку.
Более вредных, в угоду аллаху,
Водит на плаху. . .
Давит и душит «по старой привычке». . .
(Вот и «кавычки».)

Властвуешь грозно, глава хулиганов,
Мудрый Смутьянов!
Топчешь ты право, стесняешь свободу,
Мысли нет ходу. . .
Где же успех твой, глава примирительный?
(Знак вопросительный?)

1906

396. ШПИКИ

Пальтецо под цвет гороха,
Сильно поднят воротник,
По лицу как есть пройдоха. . .
Несомненно, это шпик.

Обыск. . . тьма переполоха. . .
Вы становитесь в тупик. . .
И пальто под цвет гороха
Обличает, кто тут шпик.

Вот студенческая сходка. . .
Здесь идет, под шум и крик,
Тем серьезных разработка. . .
Интересно — есть ли шпик?

Вот кружок ученых в сборе,
Под руками груды книг,
Спор о фауне, о флоре. . .
Не присутствует ли шпик?

Суд. «Крамола». Наказанье.
Ряд вещественных улик.
Роковые показанья. . .
Не замешан ли тут шпик?

Ряд вопросов педагогу
Предлагает ученик. . .
Вещь невинная, ей-богу. . .
Но не слушает ли шпик?

В клубе вечер в пользу бедных,
Дам и девушек — цветник,
Развлечений ряд безвредных. . .
Любопытно, есть ли шпик?

В сборе дума городская,
Председателем — старик. . .
Льются речи, слух лаская. . .
Угадать бы, кто тут шпик?

«Красный Крест» в обмундировке. . .
Речь ведется в этот миг
О народной голодовке. . .
Не участвует ли шпик?

Разговор в вагоне скромный,
Кто-то слушает, приник. . .
Пахнет дрянью вероломной. . .
А пожалуй, это шпик.

Поздний час. Расцвет «макашки». . .
Игроков задор велик, —
Лезут в пламя, как букашки. . .
Не объявится ли шпик?

Близ «тотошки» шум и ссора,
В драку лезет озорник...
Будет битва, верно, скоро...
Не юлит ли близко шпик?

Извозцы на бирже в кучке...
Их смешит один шутник,
Говоря о пьяной... взбучке...
Не торчит ли сбоку шпик?

Расшумелся на базаре
О «крамольниках» мясник:
Предлагает их — «по харе»...
Не обрадован ли шпик?

Черносотенцев громада;
Общий вид свиреп и дик.
Скрежет... брань... подобье ада...
Не воздействовал ли шпик?

{1906}

397

Изданья повременные
Имеют передышку:
За речи откровенные
Тотчас дают им «крышку».
Издания безродными
Являются печально,
Но все-таки «свободными»
Слывут официально.
И тут судьба составила
Законы очень кстати:
Есть *временные* правила
О *временной* печати!

1906

От сомнений тяжелых сейчас
 Положительно можно повеситься:
 Кабинеты министров у нас
 Существуют не более месяца!
 Возникает вопрос роковой:
 Есть у нас кабинеты недельные,
 Был затем кабинет «деловой»;
 Но когда же появятся *дельные*?

1906

:9)

«Заключенья», «выселенья»,
 Плюс «особых прав лишенья»,
 «Избиенья», «усмиренья»,
 «Беспорядков подавленья»,
 «Циркуляры», «донесенья»,
 Тьма «проектов», «отношенья»,
 «Усмотренья», «подозренья»,
 Плюс «охраны», «положенья»
 При внимательном сложеньи,
 По министров выраженью,
 Даст — «страны успокоенье»!

1906

400. ЧЕПУХА

Говорят, что на Руси
 Дали всем свободу
 И поэтому теперь
 Жить легко народу.
 Чепуха! чепуха!
 Это просто шутки,
 Либо злые языки
 Распускают утки.
 Говорят, что на Руси
 Думу созывали
 И правительство и все
 Ей рукоплескали.

Чепуха! чепуха!
    Это просто шутки,
Либо злые языки
    Распускают утки.
Говорят, что «октябрист» —
    Лучший друг народный
И что каждый гражданин
    Ныне стал свободный.
Чепуха! чепуха!
    Это просто шутки,
Либо злые языки
    Распускают утки.
Говорят, что в октябре
    Дали нам реформы
И что нынче цензора
    Только для проформы.
Чепуха! чепуха!
    Это просто шутки,
Либо злые языки
    Распускают утки.

1906

401. КАК БУДТО ПО НЕКРАСОВУ

У прсмьера Витте, в ком лукавства сила,
О реформах как-то родина спросила.
Отвечал он: «Нет! Реформ не жди, не будет!..»
«Вот сберется Дума — Дума нас рассудит,
Дума всё увидит! Дума, как мессия,
Даст мне избавленье!» — думает Россия.

Адмирал Дубасов править стал Москвою —
Кровь невинных граждан полилась рекою...
Бил он, издевался всяческим манером!
«Вот сберется Дума — будет изуверам! —
Думает Россия. — Дума лишь прикажет,
И врагов народа строго суд накажет!»

Отняли свободу у родной печати,
В тюрьмы всех сажают кстати и некстати,

Запретили строго всякие собрания,
Словом, те же муки, стоны и страдания.
Вся как есть Россия Думу ожидает:
«Ах, как долго Думу Витте собирает!»

Наконец дождались, — собралась Дума,
Но ее Россия встретила угрюмо:
Нет среди членов Думы дорогих героев,
А сидят в ней чинно члены «трех покоев»,¹
Да и тех созвали только для примера —
Власть же, как и раньше, вся в руках премьера.

1906

402. ИЗ КОРАНА

(Переведено с нелегального языка²)

Задремал раз аллах от трудов и забот,
И в раю все затихли, как мыши:
Смотрит сам Магомет, пристав райских ворот,
Чтоб ходили на цыпочках тише. . .
Вдруг стрелою архангел влетел Азраил,
Всех святых растолкав по дороге,
Стуком, грохотом бога от сна пробудил
И предстал перед ним весь в тревоге. . .
«Что такое?.. Потоп?.. Изверженье?!. Провал?!
Ты откуда сейчас?» — «Из Хартума.
Ах, мой бог, мой отец, там огромный скандал:
Там открылась де-канская Дума!
И зачем?.. Рассуди это дело как следует:
Ни на что ведь оно не похоже,
Что на этот народ столько послано бед!..
За какую провинность, о боже?
Граф Бутылкин, Мароккский великий премьер,
Показал из-под пóлы свободу,
А потом, на коварный турецкий манер,
Ну повсюду палить по народу!..

---

¹ П. п. п. — партия правого порядка.

² Да простит меня аллах и Магомет, пророк его, за некоторые неточности перевода.

А чтоб кончить скорее крамольный вопрос,
Взял в помощники Петьку Лихого...
Этот с первых же дней жрать принялся овес
(Я от века не видел такого!).
И, нажравшись досыта вкусным овсом,
Взяв на помощь себе хулиганов,
Стал устраивать он за погромом погром,
Резать бедных людей как баранов!..
Ах, мой бог, мой отец, снизойди, посмотри!..
Обрати на Хартум ты вниманье,
Руку помощи свыше свою протяни,
Облегчи ты народа страданья!..
Вон, смотри, умирает один на песках
Пьяной шайкой рабочий избитый!..
В потускневших широко открытых очах
Виден ужас борьбы пережитой!..
Вся окрестность кругом и мертва и пуста...
Ускакала опричников стая,
И твердят перед смертью бедняги уста:
«Я за бедный народ умираю!»
Слышишь звуки?.. То стонет матрос молодой,
Потрясая бессильно цепями...
Дальше, в море, за темной, туманною мглой,
Видишь остров с святыми телами?..
Жертвам места не хватит в пресветлом раю,
Ведь вампиры пощады не знают!..
На Авказе, в Кибири, в Алтийском краю
Без числа ведь народ убивают!
Дума ж, Дума хартумская молча сидит,
Резолюции только выносит,
Без конца говорит, говорит, говорит,
Милосердья у извергов просит!»
Так докладывал богу крылатый гонец,
И аллах хмурит брови седые,
Но, подумав, ему он сказал наконец
Баритоном слова таковые:
«Отправляйся обратно в Хартум ты скорей!
И поведуй несчастному краю,
Что пока он не сбросит позорных цепей,
Я и знать-то о нем не желаю!..
И народу ты вот что еще передай —
Что похуже в грядущем с ним будет,

Если он от собак не избавит свой край
И свободы себе не добудет! . .
Ну а Дума? — Пускай заседает она,
Если ей уж так это охота,
Но, когда же восстанет повсюду страна,
Побросает де-канцев в болото!»

1906

403

Балда балде балду балдою
С похмелья вздумал выгонять;
Балдил, балдил, но я не скрою —
Не мог балда балды унять.
Балда повсюду расплодилась:
Балдит, не спавши, ученик;
Балдя, наборщица склонилась;
Балдит и тискальщик-старик;
Балдит наборщик обалдевший;
Балдит ленивый метранпаж;
Куда ни кинь взор осовевший,
И там и здесь картина та ж!
Балдит крестьянин и рабочий;
Балдит чиновник и купец;
Балдит министр, к балде охочий;
Балдят студенты, наконец.
Вот обалдевший губернатор
Стреляет, вешает народ;
Балдит зевающий сенатор
И «манифест»¹ свой издает.
Балдит судья, балду судящий,
С балдою сдавшего суда;
Балдит герой, с войны бежавший,
Теперь не годный никуда. . .
Балдят без дела и от дела,
Кто одинок и где семья,
И вся Россия обалдела,
Не обалдел лишь только Я! . .

(16 января 1907)

---

¹ Это — разъяснения разъясняющие.

404. ИЗ БЕРАНЖЕ

(Посвящается Санкт-Петербургскому Телеграфному агентству)

Что за восторг в бюллетенях проверенных
Вести о «съездах» читать:
Избраны правые, масса умеренных,
А о других не слышать.
Видно, противны «они» обывателю;
Или «их» стерли дотла?
Радуйтесь, избраны, слава создателю,
Правые — тру-ла-ла-ла!

А прогрессистов великое множество
Создала наглая «Речь»,
Левые партии — это ничтожество —
Могут ли многих увлечь?
Пыль «Речь» пускает в глаза избирателю,
Врет она, наша взяла;
Верьте нам, избраны, слава создателю,
Правые — тру-ла-ла-ла!

Шипову, Гейдену, «мирным» отшельникам,
Брошена тьма черняков;
Рано еще им смеяться над «мельником»:
Может быть избран Гучков.
Руку подаст князь Щербатов приятелю:
Связь между ними легла,
Избраны массами, слава создателю,
Правые — тру-ла-ла-ла!

Шансы кадетов повсюду сомнительны,
Тщетны кадетов труды,
Стали народу они подозрительны,
Верят им только «жиды».
Места не может быть в думе предателю,
Слава к-д умерла;
Радуйтесь, избраны, слава создателю,
Правые — тру-ла-ла-ла!

Ну а «бомбисты» — эсдеки с эсерами —
Вовсе исчезли давно;
Всех их повывели строгими мерами,
Так утверждает Пихно.

Можно ль еще сомневаться читателю
В исчезновении зла?
Верьте нам, избраны, слава создателю,
Правые — тру-ла-ла-ла!

Январь 1907

405. ВЫБОРЫ ЧИННО У НАС ПРОХОДИЛИ

Выборы в России ничем не
будут отличаться от выборов
любого конституционного госу-
дарства.

Из уверений одного сановника

Выборы чинно у нас проходили,
Правые много речей говорили,
Левым, чтоб правых ничем не смущать,
Строго приказано было молчать.
Верная старым, знакомым приемам,
Черная сотня пугала погромом,
С нею вступивший для выборов в блок,
Был «октябрист» к либералам жесток.
И на сторонников бедных прогресса
Злобно рычала рептильная пресса. . .

Выборы чинно у нас проходили. . .
Левых изданий немало закрыли,
Чтоб не совалась без толку печать
С злостным советом, кого выбирать.
Чтоб с процедурой окончить избранья,
Робко просил обыватель собранья,
Но на затеи крамольных натур
Грозно губернский смотрел помпадур
И обещал, те не жалуя шутки,
Всех проводить до пределов Якутки. . .

Выборы чинно у нас проходили. . .
К урнам в смущении мы подходили,
Грозный квартальных всевидящий глаз
С пят до макушки оглядывал нас,
Будто надеялся мнений свободу
Вывести тотчас на свежую воду.

К урнам мы крались совсем не дыша,
Пряталась в пятки у робких душа:
«Ну, как ударит квартальный, мол, шашкой
Иль заберет вместе с вредной бумажкой?
Вольный навеки прости тогда свет. . .
Брат избиратель, ты жив или нет? . . .»

Январь 1907

406

Велика наша Россия,
Да порядку нет следа. . .
Много было бы журналов,
Да их душат — вот беда.

Три недели мы «балдили»,
И пришлось нам «топорить». . .
Не рядили, не судили,
Что могли кому вредить.

«Все равны перед законом!» —
Так Столыпин говорил
И «Балду» с крамольным тоном
Для спокойствия закрыл.

Не по вкусу бюрократа,
Знать, рабочая балда. . .
Хороши наши ребята,
Только славушка худа.

Январь или февраль 1907

407. ВОПРОС НА ЛЕТУ

Мы где? Не в Турции ли мы?
Не знаю, хоть убей!
Везде теперь у нас в ходу
Турецкий титул: «бей!»

(18 февраля 1907)

408. ОБЫВАТЕЛЬСКОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Прогресса мирный обожатель,
Я не эсдек и не эсер,
А просто робкий обыватель,
Прижатый гнетом строгих мер.

Потомков нежного вниманья
Мне заслужить не суждено:
Не усмирял в стране восстанья
Я с Каульбарсом заодно,
Не управлял я черной сворой
Погрома «истинных» повес,
И ни Двиною, ни Печорой
Я не сплавлял российский лес.

О благе воинства вздыхая,
Я «Красный Крест» не опекал
И, от Мукдена утекая,
Казну дорогой не терял.

Не я маньчжурские итоги
Борьбой с крамолой поправлял,
И ренту, банки и дороги
Не я французам продавал.

Мне славный Гурко не приятель,
Премьер Столыпин мне не брат,
Я просто мирный обыватель,
А не всесильный бюрократ.

Во дни свобод мечтал я смело,
Забросив службу и семью,
И под заглавьем «Наше дело»
Писал крамольную статью.

Теперь, ее упрятав в папку,
Я смолк и больше ни гу-гу.
Пред становым ломаю шапку,
Перед жандармом гнусь в дугу.

И, не гонясь уже за славой,
Я был доволен бы вполне,
Когда б квартальный наш лукавый
Забыл навеки обо мне,

Когда б погромная резина
Мои не трогала бока
И часть вторая Сахалина
Не улыбалась мне слегка.

Я не редактор, не издатель,
Не анархист и не еврей,
А просто мирный обыватель
С женой и кучею детей. . .

(25 февраля 1907)

409. КТО ОН?

Посвящается П. Б. С(тру)ве

Отчизна спала сном кошмарным,
Тянулись мрачные года. . .
Он был жрецом высокопарным
У революции тогда.

Какие красочные гаммы
Теорий смелых набросал,
Какие ярые программы
«Ортодоксально» написал!

Отчизна стала просыпаться,
Свободный ветер потянул,
Он побледнел, стал завираться
И за границу улизнул.

Он счел движенье за игрушку,
Он земцев стал боготворить
И для младенцев погремушку
В Штутгарте начал мастерить.

Отчизна билась беззаветно,
Отвоевала дни свобод.
И он взошел звездой приветной
На петербургский небосвод.

Порвавши с старым, сбросив путы,
Он вновь в идейный фрак одет,
И — с поощренья «абсолюта» —
Благонамеренный кадет.

Он пишет много, мыслит здраво,
И чем сильнее народный взлет —
Тем «абсолютнее» направо
Он совершает поворот.

И мнится мне: взойдет свобода
На наш туманный небосклон —
В «Союзе русского народа»
Вождем идейным будет он.

(6 апреля 1907)

410. СОВЕТ

Раз в каком-то учрежденьи
Мне пришлось справку брать.
Прихожу. Чиновник строго
Говорит мне: «*Надо ждать!*»
Догадался я, в чем дело:
За бумажник поскорей
И чиновнику с поклоном
Сунул в руку пять рублей.
Посмотрев на депозитку,
Он сказал мне: «Как же быть?
Ведь у вас такое дело,
Что придется *доложить*».
В тот же миг в бумажник снова
Запускаю пальцы я
И опять-таки с поклоном
Досылаю два рубля.
Через пять минут — не больше —
Был готов мне нужный вид,

Тогда он уж мне с поклоном
«Получите-с» — говорит.
Господа, коль вам придется
По делам кой-где ходить,
Не теряйтесь, если скажут:
«Надо ж дать и доложить».

(24 июня 1907)

411. ПИСЬМО

Получил письмо от матушки,
Просит помощи родимая:
«Не оставь ты нас, кормилец наш,
Не дай сгинуть с люта голода;
Всё, что было, пораспродали,
Что осталось — становой помог.
Обещали нам пособие,
Да, должно быть, пораздумали.
А в газетах дьякон читывал,
Да и писарь нам рассказывал,
Что пособие-то царское
Всё пожрала Лидва с Гуркою.
Напиши ты нам, родимый наш,
Что за Лидва проклятущая?
Саранча али жучок какой,
Иль козявка иноземная?
Укажи ты нам угодника,
Чтоб мы знали и молилися,
Чтоб господь на окаянную
Мору-недуга с небес послал».
Написал я своей матушке,
Кто такие Лидва с Гуркою,
Что козявки эти русские,
И молиться не советовал.
«И у нас, родная матушка,
Обиралами хоть пруд пруди:
Струки, Речкины да Лесснеры,
Пинтши, Зигели да Шпигели,
Обирают нас без милости,
И конца тому не видится.

Потерпи, родная матушка,
В небе зорька загорается,
А как выйдет солнце красное,
Гады в норы все попрячутся. . .»

(27 июня 1907)

412. ЦАРЬ

(Поется на голос:

«Солнце на закате, время на утрате. . .»)

Царь наш с виду жидок,
Да на пакость прыток!
    Ай да царь! Ай да царь,
    Православный государь!
Пакостит при свете,
А живет в секрете!
    Ай да царь! и т. д.
Чуя передрягу,
Из дворца — ни шагу!
    Ай да царь! и т. д.
Прячься, злобой дышит,
Манифесты пишет.
    Ай да царь! и т. д.
Да за комплименты
Шлет кресты и ленты.
    Ай да царь! и т. д.
Русскому ж народу
Нс дает он ходу.
    Ай да царь! и т. д.
В горсти зажимает,
Подати сдирает.
    Ай да царь! и т. д.
Все крестьяне нищи
И не видят пищи!
    Ай да царь! и т. д.
А ворчать кто станет —
Царь сейчас нагрянет. . .
    Ай да царь! и т. д.
Держит солдат нужных
Против безоружных.
    Ай да царь! и т. д.

Рóдит их в заплатах,
Сам живет в палатах.
    Ай да царь! и т. д.
И чинит расправу
Черту на забаву.
    Ай да царь! и т. д.
А чтоб скрыть проказы,
Знай строчит указы.
    Ай да царь! и т. д.
Пишет он их гладко, —
Жить по ним не сладко!
    Ай да царь! Ай да царь,
    Православный государь!

(12 сентября 1907)

413. ВОРОЖЕННЫЙ

Ворожила Ванюшке
Бабушка Макаровна,
Глядя по головушке:
«Будешь ты талантливый;
Подрастешь немножечко,
Выйдешь, Ваня, нá люди,
Лаской да приветствием
Будут тебя чествовать.
Вырастешь разумником,
Заведешь коммерцию,
Капиталы-денежки
Будешь гресть лопатую.
Наживешь хоромину
С трубами, с балясами,
Будешь ездить парочкой
В саночках-раскаточках.
Будешь знаться с барами
Да всё с генералами.
И с почетом, с певчими
Да с паникадилами —
С белою лебедушкой
В церкви повенчаешься».

И сбылось доподлинно
Предсказанье бабушки:
Возмужал наш Ванюшка,
Поступил на фабрику.
Парень он смекалистый,
Зашибать стал денежки
И начал старательно
Капитал сколачивать.
Приобрел он Дарвина,
Маркса да Плеханова.
Стал ходить он на́ люди. . .
И честили Ванюшку. . .
На Дворцовой площади
Толстою нагайкою.
Не ошиблась бабушка:
Приобрел наш Ванюшка
Знатную хоромину —
Камеру с решеткою,
И поехал Ванюшка
На Тверскую парочкой;
Свел знакомство с «барами»
Да всё с генералами.
Прожил год наш Ванюшка
В знатной той хоромине:
Подвернулась сватьяшка —
Тетушка Фемидушка.
Отыскала Ванюшке
Белую лебедушку,
Толстую да крепкую,
Из пеньки крученую.
Не по нраву Ванюшке
Та была молодушка,
Да уж, видно, бабушкой
На роду так писано.
Тетушка Фемидушка
«За» и «против» взвесила
И без рассуждения
Ванюшку. . . повесила! . .

(24 сентября 1907)

414. ЗАГАДКА

(Предлагается отгадать название газеты)

Вот любезная газета:
Всем местечко в ней найдется,
Всем, кто, чуждый строгих правил,
Отдается, продается.

Вот, к примеру, объявление:
Я стройна, мой волос вьется,
Если, сударь, вы богаты —
Вам красotka отдается.

Вот другое: мил я, молод,
Род мой от князей ведется,
Но, mesdames, ¹ мне деньги нѹжны,
Князь, mesdames, здесь продается.

Вот и текст передовицы:
Кто-то льстивым бесом вьется
Пред властями в каждой строчке,
В каждой строчке продается.

Вот Иудушка за правду
Горячо и храбро бьется. . .
Ах, поверьте, правда в том здесь,
Что здесь что-то продается.

Вот и старческие письма —
Пафос и елей здесь льется,
Шаг налево, шаг направо,
Ах, как мило продается!

Наверху ль, внизу ль читаешь,
Мысль невольню предается
Размышленью: «А за сколько
Этот автор продается?»

(1907)

---

¹ Дамы (франц.). — Ред.

415. ИЗ ГЕТЕ
ГОРНЫЕ ВЕРШИНЫ

Лучшие журналы
Все запрещены.
Наши либералы
Все заключены,
За тобою строго
Смотрят с высоты. . .
Подожди немного, —
Попадешь и ты!

(1907)

416. ДЕРЕВЕНСКИЕ ПРИМЕТЫ

К мужичонке я с вопросом
Обращаюсь: «Как у вас?»
Отвечает: «Все мы смертны,
Смерти с часу ждем на час. . .»
— «Что так? Разве на пшеницу
Надо виды схоронить?»
— «Тише! Божию десницу
Как бы нам не прогневить.

Чуть пшеницу помянешь,
Фредериксов навлечешь!»

«Но ведь с голоду, я верю,
Не дадут вам умереть.
Продовольственного дела
Развивается же сеть?»
— «Сеть-то скроена на славу,
Только, барин, бросим речь:
Как бы, к слову, на ночь глядя,
Нам *Лидвалей* не привлечь. . .»

«А с овсами как?»

И вижу —
Мужичонка приуныл,
Весь затрясся и креститься
Стал из всех последних сил. . .

Шепчет: «Барин, добрый барин,
Ты с овсом-то не того,
А не то, гляди-ка, на ночь
К нам накличешь. . . *Дурново*».

(1907)

417. КРЫЛАТЫЕ СЛОВА

Гражданин привык сызмальства
Трепеща воспринимать
Бас сердитого начальства:
«Смирно! Цыц! Не рассуждать!»
Гражданин дрожит и жметяся:
По Руси из края в край
Грозный оклик раздается:
«Эй, тащи и не пушай!»

(1907)

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание ставит целью с достаточной полнотой представить сатирическую поэзию эпохи первой русской революции. Издание подобного рода было предпринято в 20-е годы К. И. Чуковским и С. Д. Дрейден: «Русская революция в сатире и юморе», ч. 1 (1905—1907 гг.), составитель К. Чуковский; ч. 2 (1917—1924 гг.), составитель С. Дрейден. М., 1925, 177 с. В книгу вошло около 200 стихотворений, относящихся к 1905—1907 гг. Кроме того, сатирическая поэзия 1905 г. представлена в сборниках смешанного типа, включающих также сатиру в прозе, а именно: «1905 год в сатире и юморе». Составитель С. Дрейден. Л., 1925, 154 с.; С. Исаков, «1905 год в сатире и карикатуре», Л., 1928, 279 с. Во всех указанных книгах материал сгруппирован по тематическому принципу. Много стихотворных сатирических текстов и большая библиография по сатирической периодике приводятся в исследовании В. Боцяновского и Э. Голлербаха «Русская сатира первой революции. 1905—1906», Л., 1925, 223 с. Из изданий последних лет можно указать лишь на книгу: «Русская сатира XIX — начала XX веков». Составление и подготовка текста Л. А. Плоткина и Н. И. Тотубалина. М.—Л., 1960, с. 398—573. В разделе «Сатира периода революции 1905 года» стихотворных текстов содержится очень мало (55 стихотворений и поэма С. Басова-Верхожанцева «Конек-Скакунок»).

В настоящей книге собрано свыше 400 стихотворений. Составители обследовали более 300 сатирических журналов 1905—1907 гг. Источниками текстов явились также литературно-общественные журналы, альманахи и сборники того времени (коллективные и авторские), большое количество столичных и провинциальных газет, а также архивные материалы. Многие стихотворные тексты, извлеченные из этих изданий, вводятся в научный обиход впервые, так как все перечисленные ранее сборники основывались главным образом на публикациях в сатирических журналах. При этом за пределами настоящего издания остался очень большой выявленный материал. В частности, составители не включили в настоящий сборник фольклорные тексты, широко представленные в недавно вышедших книгах: «Народно-поэтическая сатира». Статьи, подготовка текста и примечания Д. М. Молдавского («Б-ка поэта», Большая серия). Л., 1960, 469 с.; «Песни русских рабочих» (XVIII — начало XX в.). Вступительная статья, подготовка текста и примечания А. И. Нутрихина («Б-ка поэта», Большая серия). М.—Л., 1962, 298 с.

Книга состоит из двух разделов. В первом материал располагается в алфавите авторов (большинство текстов дается под фамилиями авторов, под псевдонимами — лишь в тех случаях, когда они более известны, чем настоящие фамилии, например: Т. Ардов, Саша Чер-

ный, Тэффи и т. п.). Второй раздел составляют «неизвестные авторы», настоящие фамилии которых, скрытые за псевдонимами и криптонимами, остались неустановленными; здесь же представлены анонимные тексты. Материал в этом разделе располагается в хронологической последовательности.

Точную дату написания произведений в большинстве случаев установить не представлялось возможным, поэтому тексты датируются или по времени первой публикации (в угловых скобках), или определяется период написания стихотворения — в зависимости от его содержания и времени опубликования.

В примечаниях приводятся краткие справки об авторах, главным образом — об их участии в сатирической периодике эпохи первой русской революции; во многих случаях эти сведения чрезвычайно скудны, а иногда отсутствуют вовсе. Примечания содержат также сведения о первой публикации и последующей истории печатного текста, необходимые сведения реального и историко-литературного характера, цензурную историю стихотворения.

Сведения, касающиеся имен, которые встречаются в текстах, вынесены в Именной указатель.

Книга завершается указателем сатирических журналов, из которых взяты стихотворения, вошедшие в настоящий сборник.

Составители приносят искреннюю благодарность С. Д. Дрейдену за ряд ценных советов и К. И. Чуковскому за помощь при подготовке текстов его стихотворений.

Сокращения, принятые в примечаниях

Архив «Зрителя» — Материалы редакции журнала «Зритель», запрещенные цензурой (ЦГИА, ф. 777, оп. 6, ед. хр. 145, ч. II, 1905).
В. Боцяновский — Русская сатира первой революции. 1905—1906. Составители В. Боцяновский и Э. Голлербах. Л., 1925.

Ст. — статья.

Стих. — стихотворение.

Уг. улож. — Уголовное уложение 1903 года.

Улож. о наказ. — Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 1885.

ЦГИА — Центральный Государственный исторический архив (Ленинград).

А. Т. АВЕРЧЕНКО

Аркадий Тимофеевич Аверченко (1881—1925) — писатель-юморист, редактор сатирического журнала «Штык» (1906—1907, Харьков), позднее редактор журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон». После 1917 г. — белоэмигрант.

1. «Штык», 1906, № 2, с. 9, подпись: Аз. «*Всё это было бы смешно*» и т. д. — заключительные строки стих. М. Ю. Лермонтова «А. О. Смирновой» («*Без вас хочу сказать вам много. . .*»).

2. «Штык», 1907, № 8, с. 7, подпись: Аркадий Аз. Имеется в виду нашумевшее дело о хлебных поставках (см. Именной указатель — Лидваль).

Василий Васильевич Адикаевский — журналист, сотрудник сатирических журналов «Спрут», «Стрекоза».

3. «Спрут», 1906, № 7, с. 2, подпись: Б. Вилли. Шлиссельбургская тюрьма была упразднена в январе 1906 г. после многочисленных митингов, на которых раздавались требования немедленного уничтожения «русской Бастилии»; однако, как сообщала газета «Русь» уже в марте 1906 г., в связи с нехваткой тюрем для политических заключенных «военным министерством решено спешно отремонтировать Шлиссельбургскую крепость, передав ее в ведение министерства юстиции» («Русь», 1906, 11 марта).

4. «Стрекоза», 1906, № 6, с. 11, подпись: Б. Вилли. 24 ноября 1905 г. были приняты «Временные правила о повременных изданиях», согласно которым отменялась предварительная цензура на периодические издания. Аресту и конфискации подлежали уже вышедшие из печати номера журналов и газет, а редакторы привлекались к судебной ответственности, если в содержании «таковых номеров заключались признаки преступного деяния, уголовным законом предусмотренного». Аресты и суды над редакторами приняли массовый характер, невиданный во времена цензуры. «Какая разница между подцензурною печатью и печатью свободною? — Подцензурная печать сначала осматривается, а потом конфискуется, а свободная — сначала конфискуется, а потом уже подлежит осмотру» — так метко охарактеризовал журнал «Дятел» (1905, № 1, пробный, с. 6) положение «свободной» печати, отданной в полное распоряжение цензурного ведомства и прокурорского надзора, подчиненного министерству юстиции.

5. «Спрут», 1906, № 11, с. 6, подпись: Б. Вилли. Первые четыре строки перефразируют начало стих. А. С. Пушкина «Отцы пустытники и жены непорочны. . .», перелагающего великопостную молитву Ефрема Сирина. *Ты чудо сотворил, господь, во время оно, заставивши цвести дубину Аарона.* По библейской легенде, Аарон, старший брат Моисея, получил звание первосвященника; его избранность свыше была доказана тем, что пастушеский посох Аарона, воткнутый в землю, зацвел и принес миндаль. *Шипов — Д. Н. Шипов. В кита запряган был тобой пророк Иона.* По библейской легенде, за неисполнение повеленья бога пророк Иона был проглочен китом; пробыв во чреве морского чудовища три дня и три ночи, он пел благодарственные гимны во славу господя — и был за это прощен. *Как фараона, их нельзя ли утопить?* Согласно библейской легенде, египетский фараон с армией, преследовавший уходящих в Палестину евреев, был потоплен в водах Красного моря по велению бога. *Несть эллин, несть иудей — так завещал Христос.* Речь идет о христианской веротерпимости; в Библии это изречение принадлежит не Христу, а одному из апостолов. *Нейдгардт — Д. Б. Нейдгардт. Валаамову ты вразумил скотину.* По библейской легенде, ослица прорицателя Валаама увидела ангела, преградившего с обнаженным мечом дорогу Валааму, и свернула с пути, несмотря на то, что Валаам бил ее, и тем самым спасла своего хозяина от смерти. *В львиной челюсти производивший*

мед. Имеется в виду библейская легенда об убитом Самсоном льве, в пасть которого дикие пчелы принесли мед. *Болезнь Навуходоносора*. По библейскому преданию, вавилонский царь Навуходоносор II сошел с ума, вообразив себя быком, и несколько лет жил среди животных. *Овес казенный*. Имеются в виду махинации П. Н. Дурново с овсом. В декабре 1905 г. А. Стахович опубликовал в газетах открытое письмо с разоблачением Дурново, который, заключив договор на поставку для армии 15 000 пудов овса из своего имения, получил крупный аванс из государственной казны. Однако впоследствии он перепродал этот же овес по более высокой цене и не только не возвратил полученной суммы, но, напротив, пытался получить возмещение за овес понесенный им убыток. Письмо А. Стаховича осталось без опровержения. *На осине... повесился Иуда*. Иуда Искариот — один из апостолов, предавший Иисуса Христа за 30 сребреников; согласно легенде, повесился от угрызений совести.

6. «Спрут», 1906, № 13, с. 2, подпись: Б. Вилли. *Лампасы крысы* — деталь формы донских казаков, а также генеральской формы.

7. «Спрут», 1906, № 6, с. 7, подпись: Б. Вилли. Стихи 2-3 перефразируют строки стих. А. С. Пушкина «Клеветникам России». *Кронштадтская крепость*. Имеется в виду вооруженное восстание солдат и матросов в Кронштадте в октябре 1905 г., жестоко подавленное (несколько тысяч арестовано и предано суду). *Московский Кремль* — намек на кровавую расправу с восставшими в декабре 1905 г.

А. АЛЯБЬЕВ

8. «Тульская речь», 1906, 24 ноября. «Перепев» стих. Л. А. Мея «Сплю, но сердце мое чуткое не спит...» (из цикла «Еврейские песни»). *Эксы* — экспроприаторы. *Полевой* (военно-полевой) *суд* — чрезвычайный военный суд с ускоренной судебной процедурой, отличающийся особой жестокостью выносимых приговоров; военно-полевые суды были учреждены в царской России в августе 1906 г. *Бомбисты* — в обывательском просторечии участники террористических групп эсеров, анархистов, максималистов и других революционных организаций.

9. «Тульская речь», 1906, 21 ноября. «Перепев» стих. Н. А. Некрасова «Забывтая деревня». Речь идет о хлебной афере Гурко — Лидваля. *Матери-татарки плачут под Казанью* и т. д. В газетах в конце 1906 г. встречались сообщения о том, что крестьянки Казанской губернии, которую постиг неурожай, вынуждены были продавать своих дочерей на Кавказ.

А. В. АМФИТЕАТРОВ

Александр Валентинович Амфитеатров (1862—1938) — прозаик, публицист, фельетонист. В 1902 г. был сослан в Минусинск за опубликование сатирического фельетона о царской семье «Господа Обмановы». В 1905 г. эмигрировал за границу, где пробыл до 1916 г. Живя в Риме и Париже, постоянно сотрудничал в русской оппозиционной прессе (газеты «Русь», «Молва», «Двадцатый век»), издавал в Па-

риже журнал «Красное знамя». Сатирические стихи А. Амфитеатрова периода русской революции 1905—1907 г. вошли в его сборники: «Акафист Сергию Каменноостровскому и стихиры», Париж, ред. журн. «Красное знамя», [1906?]; «Современные сказки», изд. 2, СПб., 1907. После 1920 г. эмигрировал и занял враждебную позицию по отношению к Советской власти.

10. «Русь» (СПб.), 1904, 6 декабря, подпись: Аббадона. *Лаокоон* — в греческом эпосе троянский жрец бога Аполлона; согласно «Энеиде» Вергилия, был задушен по повелению богов за предостережение троянцам. *Меньшиков вновь либерал*. Намек на временное «полевение» газеты «Новое время». *Фригийский колпак* считался эмблемой освобождения, послужил образцом для шапочки якобинцев во время французской буржуазной революции конца XVIII в. *Отдан под суд генерал*. Речь идет о генерале В. Ковалеве, который, находясь на военной службе в г. Асхабаде (Ашхабаде), в марте 1904 г. вызвал к себе домой врача Н. Забусова и там, при содействии подчиненных ему солдат, учинил над Забусовым дикую расправу. Был предан военному суду. Однако вынесенный ему в ноябре 1904 г. приговор (отстранение от военной службы при сохранении чина) и явное нарушение процессуального кодекса (на суд не были приглашены ни пострадавший, ни свидетели) вызвали протест общественности, требовавшей нового, непредвзятого судебного разбирательства. Не дожидаясь второго суда, В. Ковалев в мае 1905 г. застрелился. *Анненская лента* — знак ордена св. Анны I степени. *Много весны на словах*. Имеется в виду министерство князя П. Д. Святополк-Мирского.

11. «Русь» (СПб.), 1904, 12 ноября, подпись: А. Печ. по кн.: А. Амфитеатров, Современные сказки, изд. 2, СПб., 1907, с. 37. К стихотворению имеется следующая сноска: «Эта маленькая сатира, написанная в период «весны» Святополк-Мирского, ходила по рукам в списках; потом петербургские газеты того времени огласили ее без моего ведома и с произвольными сокращениями, каждая — применительно к своим симпатиям и антипатиям. Были и подложные четверостишия. Восстанавливаю здесь мой... подлинный текст». По поводу выхода сборника «Современные сказки» (изд. 2, СПб., 1907), куда вошло это стихотворение, было возбуждено судебное дело, на книгу наложен арест, присудили ее «уничтожить вместе со стереотипами и другими принадлежностями тиснения, заготовленными для ее напечатания» (ЦГИА, ф. 777, оп. 17, ед. хр. 32, 1911). По-видимому, взяты за образец стих. А. К. Толстого «Благоразумие» и Н. А. Некрасова «Человек сороковых годов». «*За Незнакомку*» — за конституцию. *Хожальый* — служитель при полиции для разных поручений. *Муций Сцевола*, Гай — герой римского предания, юноша, пытавшийся убийством этрусского царя избавить родину от опасности. *Земцы ищут конституций*. В ноябре 1904 г. в Петербурге состоялся общеземский съезд, выступивший с требованием буржуазных политических реформ. *Эсеры* — члены партии социалистов-революционеров. *Эс-де* — члены Российской социал-демократической рабочей партии. «*Гражданин*» — реакционная петербургская газета-журнал (1882—1914), выходившая под редакцией кн. В. П. Мещерского и имевшая своими подписчиками главным образом представителей духовенства и выс-

шей знати; субсидировалась правительством. *Сын* — А. А. Суворин. «*Карманьола*» — французская народная революционная песня-пляска. «*Слався, русский царь!*» — хор из оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»), текст барона Розена. «*Глаголом жгу сердца людей*» — несколько измененная строка из стих. А. С. Пушкина «Пророк». *Бармы* — принадлежность парадного наряда московских князей и царей, надевавшаяся на плечи. *Кто палку взял — тот мой капрал* — немного измененная поговорка.

12. «Молва» (СПб.), 1906, 13 января, без 14-й строфы. Печ. по кн.: А. Амфитеатров, *Современные сказки*, изд. 2, СПб., 1907, с. 91. *Да не будет тебе боги инии разве мене!* (Да не будет у тебя других богов кроме меня) — первая заповедь (Ветхий Завет. Исход. гл. 20, 3). *Маркиз Поза* — герой драмы Ф. Шиллера «Дон Карлос, инфант испанский», воплощение благородства. *Весна* — см. примеч. 10. *Себеру я дани мнози — где овсом, где на зерне* — см. примеч. 5. *Брань гремит в стихах и прозе даже всей моей родне*. П. Н. Дурново — один из главных «героев» сатиры того времени. Под родней подразумеваются братья Дурново, в разное время занимавшие министерские посты, а также, вероятно, и его зять — М. Г. Акимов.

13. «Русь» (СПб.), 1906, 19 февраля; «Свободный смех» (Бесплатное приложение к журналу «Новик»), 1906, № 2, с. 22. Печ. по кн.: А. Амфитеатров, Акафист Сергию Каменноостровскому и стихиры, Париж, [1906?], с. 11. «Акафист» получил широкое нелегальное распространение во многих городах России. Так, томский книгопродавец В. Посохин получил от коммивояжера неизвестной торговой фирмы несколько экземпляров этого стихотворения (ЦГИА, ф. 776, оп. 21, ед. хр. 492, ч. 1). «Акафист» долгие годы находился под запретом, и за его хранение привлекали к судебной ответственности. К примеру, в деле, возбужденном в начале 1915 г. против группы бывших учеников Костромской духовной семинарии, одним из пунктов обвинения явилось хранение «Акафиста» (ЦГИА, ф. 1363, оп. 6, ед. хр. 84). *Акафист* — особые церковные хвалебные песнопения и молитвы в честь Христа, богородицы и святых; службу в акафистом совершают стоя, причем часто поют все присутствующие в церкви. *Сергий Каменноостровский* — граф С. Ю. Витте, жил в Петербурге на Каменноостровском (ныне Кировском) проспекте. *Курноса образом* — намек на внешность Витте. *Сице* (церк.) — так, таким образом. *Радуйся, конституции вилами на водах песнетворче!* Имеется в виду, что Витте явился фактически идейным вдохновителем и автором Манифеста 17 октября 1905 г. *Новоиспеченное сиятельство* — намек на пожалование Витте графского титула. *Жену свою приведший в православие*. Речь идет о второй жене Витте — графине М. И. Витте (урожд. Хотимской), по происхождению еврейке. В *Портсмуте-граде врази японсти победивший*. С. Ю. Витте участвовал в заключении Портсмутского мирного договора с Японией в 1905 г. *Велие* (устар. и церк.) — великое (иронич.). *Рептилиши* — журналисты, публицисты, сотрудничающие в прессе, пресмыкающейся перед правящими кругами. *Четыре свободы* — свободы совести, слова, собраний и союзов, обещанные в Манифесте 17 октября. *Како снасти Россию знающий. . . секрета сего никому не открывающий*. По сообщению газеты «Молва»

(29 декабря 1905 г.), Витте при свидании с членами «Союза 17 октября» заявил: «Я знаю, как спасти Россию!» Как свидетельствовал один из участников встречи, «вопрос этот остался невыясненным». *Доверия напрасное прошение.* Через органы печати, близкие к правительству, Витте, будучи премьер-министром, неоднократно взывал к обществу о доверии и терпении, обещая в будущем воплотить в жизнь гражданские свободы. *Петра Николаевича Дурново возвышение.* В октябре 1905 г. Дурново, ранее товарищ министра, был назначен на пост министра внутренних дел. *Елицы* (церк.) — мн. ч. от «еликий» (который, сколький). *Финансов русских вивисекция.* Имеется в виду тяжелое финансовое положение России в этот период, политика кабальных займов и т. д. *Звездная палата.* Подразумевается группа титулованных лиц (состоявшая, по сообщениям газет, из «35 звезд: 3 князя, 4 графа, 3 барона, 24 сановника и 1 митрополит»), близких к царю, закулисно направлявшая государственную политику. *С.-Петербургское телеграфное агентство* — официальное агентство, обслуживавшее петербургские газеты. *Ноздревщина* — болтовня и хвастовство (по имени героя поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»). *Михайло Кречинский* — герой пьесы А. В. Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинского», проходимец. *Хвостовляние направо и налево.* Речь идет об одновременном заигрывании Витте с дворянской оппозицией и яхшании с черносотенными организациями. *Сахалина пополам разделение.* По условиям Портсмутского договора южная половина Сахалина отошла Японии. *Канкан* — французский эстрадный танец, модный в России с 60-х годов XIX в. *Из оной академии Максима Горького изгнание... получивый нос от Чехова и Короленки.* В 1902 г. Горький был избран почетным академиком, но выборы, по распоряжению царя, были объявлены недействительными; в знак протеста В. Г. Короленко и А. П. Чехов в 1902 г. отказались от звания почетных академиков. *Издателю газеты без подписчиков.* Подразумевается «Русское государство» — реакционная правительственная газета (1906). *Субсидия на бутерброды* и т. д. Создание газеты «Русское государство» обошлось правительству в 609 тысяч рублей, в том числе 9 тысяч на завтраки для сотрудников («бутерброды», по выражению, встречающемуся в оппозиционной печати). Но и этой суммы оказалось недостаточно для поддержания газеты и огромной армии ее сотрудников, в связи с чем редактор обратился к Витте за новой дотацией — до 900 тысяч! *Рабочих именующий «братцы».* Одно из посланий Витте к бастующим начиналось обращением «братцы рабочие». *Одесские погромы.* Погром в Одессе (октябрь 1905 г.) наиболее кровопролитный (более тысячи убитых) среди погромов после объявления Манифеста 17 октября. *Пристанодержательство* — содержание притонов, покровительство подозрительным лицам, преступникам. *Земель в Австрии и Пруссии приобретение* — смысл намека установить не удалось. *Превращение Николая Второго в целовальника* — намек на введение государственной винной монополии. *Государственной думы бессрочныя отсрочки.* Речь идет об обещании созвать «представительное учреждение» в рескрипте Николая II от 18 февраля 1905 г.; созыв Думы затянулся более чем на год; I Государственная дума открылась 27 апреля 1906 г. *Отдание выборов под кулак Держиморды.* Речь идет о выборах в I Государственную думу (февраль — март 1906 г.) *Толстой* — И. И. Толстой. *Туга* (церк. и устар.) — скорбь.

Стрельния дурновские. Имеются в виду репрессии, предпринимавшиеся Дурново на посту министра внутренних дел. *Архистратиг* — военачальник, главный воевода. *Мариинская храмина* — Мариинский дворец в Петербурге, где происходили заседания Государственного совета.

14. «Русь» (утр. вып.), 1906, 19 марта, без стихир 14 и 15. Печ. по кн.: А. Амфитеатров, Акафист Сергию Каменноостровскому и стихир, Париж, [1906?], с. 4. Амфитеатров предпослал публикации «Стихир» в книге следующее предисловие: «Русскому правительству угодно было обрушить на мои «Стихиры» жесточайшее гонение. Газета «Русь», где они увидели свет, закрыта, ни в чем не повинный ответственный редактор ее — под судом, и, в дополнение эффекта, г. Дурново вздумал было требовать от правительства французской республики, чтобы я был выдан в петербургские полицейские лапы, как обвиняемый в кощунстве. Это требование вызвало немалый смех в министерстве Клемансо: недоставало только, чтобы юристы русского сыска подкрепили свое ходатайство о моей выдаче жалобой, будто я занимаюсь порчею или колдовством. В настоящем издании «Стихиры» заново редактированы и пополнены двумя «песнопениями», еще не бывшими в печати. Лично я не придаю большого значения этим мимолетным шуткам, вырвавшимся из-под моего пера и случайно наделавшим столько шума. Если я публикую их теперь отдельным изданием, то лишь потому, что меня постоянно запрашивают об «Акафисте» и «Стихирах» многочисленные любители сенсационной литературы, и, быть может, продажа этой брошюры прибавит несколько денег в кассу Русской Школы Социальных наук в Париже, очень в этом нуждающейся». В день выхода газеты «Русь» со «Стихирами» Петербургским цензурным комитетом было начато судебное дело по поводу их напечатания. В «Стихирах» были усмотрены признаки преступления по ст. 103 (об оскорблении царствующего императора и членов его семьи) и ст. 129, п. 1 (о виновности в возбуждении «к учинению бунтовщического или изменнического деяния») Уг. улож. Цензурный комитет постановил: «1) Возбудить судебное преследование против редактора... газеты М. М. Крамалея, а равно и других лиц, могущих оказаться виновными по сему же делу, и 2) Наложить арест на № 61 газеты „Русь“». Дело было рассмотрено Петербургской судебной палатой, которая подтвердила обвинение, постановила оставить в силе распоряжение о наложении ареста на этот номер газеты и, «ввиду особой важности учиненных в нем преступных деяний, приостановить названную газету...» (ЦГИА, ф. 776, оп. 8, ед. хр. 989, 1907). *Стихира* — церковное песнопение на библейские мотивы. В большинстве стихотворений цикла пародируются молитвы христианского богослужения: в 1-м — ирмос 1 из великопостного богослужения, во 2-м — молитва ко св. ангелу хранителю, в 3-м — полунощница (тропари), в 4-м — основная молитва всех христианских вероисповеданий «Отче наш, иже еси на небесех!..», в 6-м — «Вечерняя песня сыну божию священномученика Афиногена»; в 7-м — молитва «Иже на всякое время и на всякий час» (общая форма некоторых молитв), в 8-м — молитва «Разбойника благогазума во едином часе...», служба Страстной недели, в 9-м — молитва из пасхального богослужения «Аще и во гроб снизошел еси, бес-

смертне...», в 10-м — молитва из великопостного богослужения на Страстной неделе «Чертог твой вижду, спасе мой...», в 11-м — молитва из вечерни «Господи, возвах к тебе, услыши мя...», в 13-м — молитва из утрени «От юности моя мнози борют мя страсти...», в 14-м — строки 1—2 — цитата из «тропаря креста» и «молитвы за царя и отечество».

1. *Балетная*. Подразумевается Э. Балетта. «В Михайловском театре публика сделала скандал Балетта, любовнице вел. кн. Алексея, кричала: «Вон из театра!», а по поводу ее бриллиантов: «Это на тебе наши крейсера и броненосцы висят». Кричали, чтобы она больше не смела показываться на сцене... Так-таки и выгнали! Недурно положение великого князя Алексея! Все кричат, что он — виновник всего воровства во флоте и жалкого его положения» (Из дневника Л. Тихомирова. — «Красный архив», т. 2 (39), 1930, с. 48 [запись 22 ноября 1904 г.]).

2. *Взбранный* (церк.) — крепкий в брани.

3. *Во сретенье* — для встречи. *Неумытый* (книжн. устар.) — бескорыстный, неличеприятный.

4. *Петру Николаевичу овса отвесь* — см. примеч. 5.

5. *Прокимен* — церковный стих (воззвание) из псалтыри. *Скимен* — лютый зверь (церк.-слав.).

6. *Дреймадерный* — от «дреймадера» (марка вина).

7. *Русское государство* — см. примеч. 13. «*Россия*» (1905—1914) — полицейско-черносотенная петербургская газета, с 1906 г. — официальный орган министерства внутренних дел; пользовалась дотацией правительства.

9. В газете «Русь» опубликована под заглавием: «Стихира севастопольская». Броненосец «*Св. Пантелеймон*», крейсер «*Очаков*» и несколько миноносцев присоединились в ноябре 1905 г. к восставшим в Севастополе матросам и солдатам; по кораблям был открыт артиллерийский огонь, возникли пожары, один из миноносцев был потоплен.

10. *Иссоп* — растение, синий зверобой, обладающее лекарственными качествами; по евангельской легенде, тело распятого Христа омывали губкой, смоченной иссопом.

11. *Сельный* (сельный — церк.) — полевой. *Крин* — лилия. *Святая Анны* — орден.

12. Первые строки пародируют эпизод из Библии («И когда дух от бога бывал на Сауле, то Давид, взяв гусли, играл...» — 1-я книга Царств, гл. 16, 23). П. Н. Дурново 8 марта 1906 г. устроил официальный бал в министерстве; по сообщению газет, было разослано до 500 билетов высокопоставленным лицам, дипломатическому корпусу и представителям высшего общества; однако дипломаты на бал не прибыли, из министров присутствовал только Акимов, зато явилось значительное число чинов из департамента полиции и жандармерии. *Гостей угощали овсами, овсами* — см. примеч. 5. *Подчасок* — помощник часового на посту. *Брандмейстер* — начальник пожарной команды. *Околоточный* — полицейский чин в царской России, ведавший определенным районом города (околотком).

13. *Подвели меня под «процент»*. Имеется в виду процентная норма, существовавшая в царской России при приеме евреев в высшие учебные заведения. *Бундист* — член Бунда (Всеобщего еврей-

ского социал-демократического союза). *Кадников* — маленький город, севернее Вологды, место ссылки. *«Кресты»* — одиночная тюрьма в Петербурге.

14. 9 января 1905 г. — Кровавое воскресенье (день жестокого расстрела царским правительством мирной демонстрации рабочих в Петербурге). *Николай Александрович* — Николай II.

15. Пародируется государственный гимн Российской империи «Боже, царя храни...» (слова В. А. Жуковского, музыка А. Ф. Львова). *«Полярная Звезда»* — название царской яхты.

15. «Двадцатый век» (СПб.), 1906, 4 июля. «Перепев» стих. Е. Ростопчиной «Благодарю!». В стихотворении осмеиваются основные положения «Проекта закона о печати, составленного партией народной свободы для внесения в Государственную думу» [СПб., 1906]. *Подьячий* — помощник дьяка, должностное лицо в правительственных учреждениях России в XVI—XVII вв. *Диффамация* — опубликование в печати сведений, которые позорят честь какого-либо лица, учреждения и т. д. *Пономарь* — дьячок. *Обер-полицмейстер* — лицо, стоящее во главе полиции в крупных городах царской империи.

16. «Двадцатый век» (СПб.), 1906, 4 июля. *Учредительное собрание* — представительное учреждение от населения России, требование созыва которого было популярным среди народных масс во время революции 1905—1907 гг. *Аккуратно и умеренно* — перефразированная реплика Молчалина из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». *«Мякиш для беззубого»* (правильно: «для беззубых») — выражение Сатина (из пьесы Горького «На дне»). *Гостил недаром в Петергофе* я. Имеется в виду визит С. А. Муромцева в качестве председателя I Государственной думы к Николаю II, пребывавшему в то время в Петергофе. *«День Павлова»* — см. Именной указатель (Павлов). *Трудовики* («Трудовая группа») — оппозиционная группировка мелкобуржуазных демократических элементов в государственных думах; в нее входили депутаты от крестьян и части интеллигенции. *Софья* и *Молчалин* — персонажи комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

17. «Двадцатый век» (СПб.), 1906, 8 июля. Эпиграф — из статьи А. С. Изгоева «Отголоски самодержавия» («Речь», 1906, 29 июня). Муций *Сцевола* (см. примеч. 11), схваченный неприятелем, положил правую руку на пылавший жертвенник, показав презрение к пыткам и смерти. *Признался же, что я «не очень глуп», язвительный писатель Луначарский* — источник цитаты не установлен. *Обер-прокурор* — высшая должность в Синоде. *Предержащая власть* (церк.-книжн.) — высшая правительственная власть.

18. «Двадцатый век» (СПб.), 1906, 28 июня. «Перепев» стих. М. Ю. Лермонтова «Дары Терека». *Таврические громады*. Имеется в виду Таврический дворец, в котором происходили заседания Государственной думы. *Все — в кольчуге драгоценной под мундиром золотым*. Вельможи носили под мундиром металлические кольчуги в целях охраны жизни. *Торжествует суд военный от Фонтанки до Куры*. Речь идет о кровавых репрессиях, непосредственно руководимых де-

партаментом полиции Министерства внутренних дел (находился в Петербурге на наб. р. Фонтанки, д. 16) и прошедших по всей стране, в том числе и на Кавказе. *Рижские жертвецы*. Подразумеваются массовые расстрелы в Прибалтике под руководством генерала Орлова. *Белосток*. Здесь 1—3 июня 1906 г. произошел один из самых жестоких еврейских погромов.

19. «Русь» (утр. вып.), 1907, 11 марта. Речь идет об обвале потолка в здании Таврического дворца, где заседала II Государственная дума. Это случилось рано утром 2 марта 1907 г. (деревянные потолочные балки, пролежавшие около 100 лет, при ремонте не были заменены, прогнили, что и послужило причиной обвала). Таврический дворец был построен в 1783—1788 гг. архитектором И. Е. Старовым по распоряжению Екатерины II для князя Г. А. Потемкина-Таврического. *Фелица* — Екатерина II, под этим именем она фигурирует в стихах Г. Р. Державина «Фелица» и «Благодарность Фелице»; имя Державин взял из «Сказки о царевиче Хлоре», написанной Екатериной II для внука Александра. *Светлейший опочил в окрестностях Бендер*. Г. А. Потемкин умер от малярии в 1791 г. по дороге из Ясс, где вел мирные переговоры с Турцией, в Николаев, в открытой степи. *Таврический дворец уныло заколочен... Ремонт его вошел в графу бюджетной сметы*. В XIX в. дворец пришел в упадок. В 1898 г. на ремонт здания было ассигновано 38 тысяч рублей. *Дягилев порою здесь выставлял портреты и славил декаданс*. С. П. Дягилев устраивал выставки русских художников, в частности историко-художественную выставку русских портретов — около 6000 произведений, — в залах Таврического дворца (1905 г.); в выставках «Мира искусства» пресса того времени находила преимущественно проявление «декадентства». «Народный представитель». Имеются в виду депутаты I Государственной думы. *Максим Максимыч* — М. М. Ковалевский. *Моветон* (франц.) — дурной тон, невоспитанность. «Неведомый избранник» — из стих. М. Ю. Лермонтова «Нет, я не Байрон, я другой...», здесь намек на хлебную аферу Гурко. *Конвент* — Национальное собрание, высший представительный орган в период французской буржуазной революции конца XVIII в. *Пришел сюда Столыпин и запер зал на ключ*. 7 июля 1906 г. П. А. Столыпин, тогда министр внутренних дел, распустил I Государственную думу. *В грядущем феврале и т. д. Открытие II Государственной думы состоялось 20 февраля 1907 г. В пустыню удалясь от сих прекрасных мест* — «перепев» начальных строк песни «Я в пустыню удаляюсь...» М. В. Зубовой (входила в песенники конца XVIII в.) *Кукельван* — кукольван — сорное растение с ядовитыми семенами.

К. М. АНТИПОВ

Константин Михайлович Антипов (1883—1919) — писатель, переводчик; выступал в сатирических журналах 1905—1906 гг. «Стрелы», «Час полуденный» и др.; позднее постоянный сотрудник «Сатирикона».

20. «Стрелы», 1905, № 2, с. 8, подпись: Красный. «Ты сер, а я, приятель, сед» — цитата из басни И. А. Крылова «Волк на псарне».

Т. АРДОВ

Т. Ардов (настоящая фамилия — Тардов Владимир Геннадиевич) (р. 1879) — писатель и журналист.

21. «Утро» (М.), 1907, 26 января. А. Н. Майков много лет посвятил изучению «Слова о полку Игореве» и создал один из лучших поэтических переводов этого произведения; первые строки стихотворения перефразируют начало перевода. *Страстной* — монастырь в Москве. *Синь-жандарм*. Подразумевается синий жандармский мундир. *Кружало* — в старину в России — питейный дом, кабак. *Король велебританский* — король Великобритании Эдуард VII (вступил на престол 21 января 1901 г.). *Вражеский Бердичев*. Имеются в виду еврейские погромы, происходившие в Бердичеве. *На Сафат-реку ведет к Ерусалиму* — намек на паломничество Грингмута ко гробу господню в Иерусалим. *Повытье* (истор.) — делопроизводство в суде. *Сахалинский вор* и т. д. — С. Ю. Витте. *Власьяница* (церк.) — аскетическая грубая одежда. *Ярыга* — низший полицейский служитель (истор.), а также пьяница, беспутный человек. *Булацели* — см. Именной указатель (Булацель).

К. Д. БАЛЬМОНТ

Константин Дмитриевич Бальмонт (1867—1942) — поэт-символист. Начал печататься с 1885 г. Сочувственно относился к революции 1905 г., что нашло отражение в стихах, опубликованных в большевистской газете «Новая жизнь», а также в сборнике «Стихотворения» (1906), изданном горьковским издательством «Знание», и в вышедшем за границей сборнике «Песни мстителя», Париж, 1907.

22. «Жупел», 1905, № 1, с. 3. *Горел огромный дом, пятнадцатипятиэтажный*. Имеется в виду династия Романовых, насчитывающая от Михаила Федоровича — до Николая II пятнадцать наиболее известных царствующих особ (всего было восемнадцать).

23. «Красное знамя» (Paris), 1906, № 1, с. 23. Печ. по кн.: К. Бальмонт, Песни мстителя, Париж, 1907, с. 9. *Царь — Николай II. Мукден*. Подразумевается Мукденское сражение (6—25 февраля 1905 г.) — последнее крупное сражение русско-японской войны, закончившееся поражением русских войск. *Цусима*. Имеется в виду Цусимское морское сражение (14—15 мая 1905 г.) у островов Цусимы в Корейском проливе, окончилось полным поражением русской эскадры. *Ходынка*. Намек на катастрофу, происшедшую 18 мая 1896 г. на Ходынском поле (окраина Москвы) в дни коронации Николая II, когда погибло около 2 тысяч человек, несколько десятков тысяч было изувечено.

24. «Красное знамя» (Paris), 1906, № 1, с. 26. *Громила, кричащий с наглостью: «Патронов не жалеть»*. Имеется в виду Д. Ф. Трепов. *Холоп... лопочет: «Братцы, стой...»* Имеется в виду обращение Витте к рабочим.

Сергей Александрович Басов-Верхоянцев (настоящая фамилия — Басов) (1869—1952) — поэт, автор ряда сатирических сказок. Участвовал в революционном движении (с конца 80-х годов), неоднократно был под арестом, отбывал ссылку в Верхоянске. В 1906 г. опубликовал сказку «Конек-Скакунок» — талантливую сатиру на самодержавный строй, конфискованную полицией.

25. С. Верхоянцев, Конек-Скакунок, Русская сказка, СПб., кн-во «Ручеек», 1906. Использованы мотивы сказки П. П. Ершова «Конек-Горбунок». Историю создания «Конька-Скакунка» рассказал позднее сам автор: «Несколько раз за лето [1906 г. — *Ред.*] я возвращался в Питер. А к осени привез без малого написанную мною сказку. . . Дописывал «Конька» в Питере, опасаясь обысков. Часто уходил ночевать к кому-либо из знакомых, забирая с собой рукопись. В одну из таких ночевок нарвался на обыск. «Скакунок» чуть не погиб». Во время обыска, как сообщает поэт далее, рукопись была спрятана соседкой за портьеру и уцелела (С. Басов-Верхоянцев, Из давних встреч, Азеф. — «Новый мир», 1926, № 8-9, с. 140). Поэма неоднократно переиздавалась (известно около 20 прижизненных изданий, в том числе подпольное: С. Серый, Шапка-невидимка, Казань, 1907) и переделывалась автором; причем правка носила в основном стилистический характер; более серьезные изменения поэма претерпела в издании: С. Басов-Верхоянцев, Конек-Скакунок, М., 1935; в предисловии к последнему изданию, отмечая, что прежде «памфлет носил печать народнической идеологии», С. Басов-Верхоянцев писал: «Подготавливая «Конька-Скакунка» для настоящего издания, я пересмотрел текст и внес в него необходимые изменения и дополнения, выпрямившие идеологический стержень поэмы» (с. 6); здесь, в трех вставках, появляется образ Кулика-большевика; вводятся пролетарские лозунги. Цензурная история сказки такова. Издание 1906 г., вышедшее легально, в первое время распространялось беспрепятственно, так как полиция, по последнему свидетельству автора, приняла «по недоразумению. . . «Конька» за известную ершовскую сказку. . .» (С. Басов-Верхоянцев, Из давних встреч, с. 141). Лишь в марте 1907 г. в Тифлисе, в одном из магазинов, было задержано несколько экземпляров «Скакунка»; Тифлисский комитет по делам печати обнаружил, что «это издание. . . содержит явные признаки преступления, предусмотренные ст. 103 Уг. улож.; оно, очевидно, нелегального происхождения и подлежит изъятию из продажи» (ЦГИА, ф. 776, оп. 21, ед. хр. 492, ч. 1). Главным управлением по делам печати на издание был наложен запрет, о чем был разослан специальный циркуляр губернаторам и градоначальникам. Тщательное цензурное разбирательство производилось по поводу вышедшего в 1907 г. подпольного издания поэмы (С. Серый, «Шапка-невидимка»). Из рапорта Московского комитета по делам печати в Главное управление от 24 мая 1907 г. (ЦГИА, ф. 776, оп. 16, ед. хр. 1011) явствует, что тождество «Шапки-невидимки» с «Коньком-Скакунком» было замечено сразу же, но местом появления «Шапки-невидимки» сначала считалась Казань. Телеграмма за подписью министра внутренних дел Столыпина, разосланная 2 июня 1907 г., сообщала всем губернаторам и градоначальни-

кам, что «сказка... подлежит конфискации». Казанский комитет по делам печати сообщил в Главное управление в рапорте от 28 мая: «По рассмотрении брошюры оказалось, что это — подпольное издание запрещенной сказки Верхоянцева «Конек-Скакунок», с подложным обозначением на обложке города и типографии, т. к. в Казани нет ни Садовой улицы, ни типографии А. Н. Крылова, ни легального книгоиздательства „Ласточка“». Однако Главное управление, считая, что отсутствие сведений о месте издания и лицах, «виновных в издании и напечатании этой брошюры», «не может служить основанием к оставлению без ответственности» и этих лиц, предписало Московскому комитету заняться этим делом. Московский комитет нашел; что сказка «по своему содержанию является дословной перепечаткой изданной ранее... сказки «Конек-Скакунок». Под видом событий, имевших якобы место в каком-то сказочном царстве, автор изображает волнение рабочих 9 января 1905 года, аграрные беспорядки, забастовку, вооруженное восстание, созыв и роспуск Думы, вообще все события последнего времени, причем позволял себе дерзкие и возмутительные выходки не только по адресу войск и правительственных лиц, но не останавливается даже и перед оскорблением верховной власти... Последняя глава оканчивается описанием крестьянского бунта и бегства царя Берендея, причем... имеется целый ряд дерзких и преступных намеков на современную действительность, в сочувственном же изображении бунта и его последствий нельзя не усмотреть призыва к ниспровержению существующего государственного строя». С. Серому были предъявлены обвинения по ст. 103, 104 и 129 Уг. улож. (ЦГИА, ф. 776, оп. 16, ед. хр. 1443, ч. I). Арест на книгу был утвержден прокурором Московской судебной палаты, и книга присуждена к уничтожению (то же «дело»). Однако «за необнаружением виновных» предварительное следствие в феврале 1908 г. было прекращено. В январе 1909 г. Петербургским цензурным комитетом было начато еще одно дело по поводу «Шапки-невидимки», вторично на нее наложен арест, а виновные в напечатании привлечались по ст. 103 и 129. Басов-Верхоянцев писал в своих воспоминаниях, что «за раскрытие источников [поэмы — *Ред.*]... была объявлена награда... За чтение и распространение крамольной побасенки стали предавать военному суду (например, в Омске, где защитником обвиняемых солдат выступал С. С. Анисимов)» (С. Басов-Верхоянцев, Из давних встреч, с. 141). В. Бонч-Бруевич вспоминает: «Из более современных нам писателей Владимир Ильич весьма одобрительно относился к Басову-Верхоянцеву, автору книжки «Конек-Скакунок»... Владимир Ильич считал, что книга Басова-Верхоянцева весьма полезна для крестьян, так как в легкой, занимательной форме она дает первое представление о современном политическом устройстве и очень зло высмеивает царский дом, самодержавное правительство, чиновничество и весь бюрократический строй царской России» (В. Бонч-Бруевич, Воспоминания, М., 1968, с. 25). *Становой* (пристав) — полицейский. *Урядник* — здесь: низший чин уездной полиции. *Земский начальник* — должностное лицо, объединявшее административную и судебную власть над местным крестьянством. *Донские мужички* — здесь: казаки, участвовавшие в подавлении крестьянских волнений. *Царь Берендей* — Николай II. *Две царицы: Берендея мать...* жена. Подразумеваются мать Николая II — Мария Федоровна и

жена — Александра Федоровна. *Сын-наследничек* — сын Николая II — Алексей. *Десять лет он в тишине будет царствовать*. Николай II короновался в 1896 г. *На десятом же году повстречает он беду*. Имеется в виду революция 1905 г. *В столице возмущенье и т. д.* Подразумеваются кровавые события 9 января 1905 г. *Дворцовый воевода* — Трепов. *Злой кудесник, — не то поп, не то дьяволов холоп* и т. д. Имеется в виду К. П. Победоносцев. *Воевода Сысой* — С. Ю. Витте. *Думу тож пора гнать метлою со двора*. Подразумевается разгон I Думы. *Папуша* — пучок табачных листьев. *В океане волны плещут, в дикий остров грозно хлещут* — перефразированные строки из «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина. *Знаменитый господин. . . пушки ввез на колокольни* и т. д. Этот персонаж напоминает некоторыми чертами генерала Дубасова.

И. М. БЕСКИН

Михаил Мартынович Бескин — журналист и драматург. В годы первой русской революции сотрудничал в газете «Свободное слово» (Вильна), позднее — в ряде петербургских и московских газет и журналов.

26. «Свободное слово» (Вильна), 1906, 29 августа, подпись: Мсб. *Диктатура*. Речь идет о военной диктатуре, установленной в России в 1905—1906 гг. *Меб* — псевдоним автора стихотворения. *Мать Амура* — Афродита. *Сини, как жандармы*. Имеется в виду цвет формы жандармов. *По пророчеству Кавура*. В либерально-буржуазной историографии Кавур восхвалялся как дипломат-«провидец».

В. П. ВАЛЕНТИНОВ

Валентин Петрович Валентинов (настоящая фамилия — Соболевский) (1871—1929) — автор многочисленных комических оперетт, фарсов, иногда и музыки к ним.

27. В. Валентинов, *Дни свободы*, [Б. м.], 1905, с. 19; «Мой пулет» (СПб.), 1906, № 4, с. 7, под заглавием «Из „Дней свободы“», без подписи, отсутствует 9-я строфа. Стихотворение представляет собой куплеты из политического обозрения «Дни свободы», шедшего в петербургском театре «Зимний фарс» в конце 1905 г. После 44-го спектакля обозрение было запрещено. Петербургский комитет по делам печати, отметив, что все стихотворения и куплеты в сборнике «Дни свободы» «проникнуты враждебностью к правительству», постановил наложить на книгу арест (ЦГИА, ф. 776, оп. 9, ед. хр. 1799). *Сосьете* (франц.) — общество. *Либерте* (франц.) — свобода. *Пепермент* (франц.) — безалкогольный напиток. *Цусима* — см. примеч. 23. «*Предварилка*» — Дом предварительного заключения в Петербурге на Шпалерной улице. *Стиль нуво* (франц.) — новый стиль.

И. М. ВАСИЛЕВСКИЙ

Илья Маркович Василевский (р. 1882) — писатель и журналист; активно сотрудничал во многих петербургских сатирических журналах эпохи 1905—1907 гг.: «Аксиома», «Бич», «Булат», «Застрельщик», «Овод», «Пчела» и др.

28. «Овод», 1906, № 4, с. 3, подпись: Не-Буква. «Перепев» стих. Н. А. Некрасова «Что думает старуха, когда ей не спится». *Премьер* — С. Ю. Витте. *Как я министром-то сделался, как пробивался с трудом*. Стремясь к бюрократической карьере, Витте долгое время не мог выдвинуться, лишь в 1889 г. был назначен директором департамента железнодорожных дел при министерстве финансов, в феврале 1892 г. — министром путей сообщения, в августе того же года — министром финансов (занимал этот пост свыше 10 лет).

29. «Бич», 1906, № 1, с. 5, подпись: Не-Буква. «Перепев» стих. М. Ю. Лермонтова «Спор». *Крестьянский союз* — всероссийская массовая революционно-демократическая организация, возникшая летом 1905 г., — требовал политической свободы, созыва Учредительного собрания, отмены частной собственности и т. д.; к 1907 г. распался.

30. «Пчела», 1906, № 4, с. 7, подпись: Не-Буква. «Перепев» стих. А. А. Фета «Шепот, робкое дыханье. . .».

Л. М. ВАСИЛЕВСКИЙ

Лев Маркович Василевский (1876—1936) — поэт, переводчик, критик и журналист, редактор ряда газет и журналов. Печатался во многих газетах и сатирических журналах эпохи первой революции: «Зритель», «Пламя», «Сигналы», «Серый волк», «Момент», «Наша жизнь», «Свобода и жизнь» и др.

31. «Зритель», 1905, № 24, с. 4, подпись: Авель. *Четверо свобод* — см. примеч. 13.

32. «Пламя», 1906, № 4, с. 2, подпись: Авель. *Пляска святого Витта*, или Виттова пляска — нервная болезнь, сопровождаемая непроизвольным подергиванием мускулов лица или какой-нибудь части тела (по имени св. Витта, от которого ждали исцеления больные во время психической эпидемии в Германии в XIV в.). Намек на деятельность Витте на посту премьер-министра. *Кэк-уок* — американский характерный танец, ставший в начале XX в. популярным и в Европе. *Менуэт* — старинный французский медленный танец.

33. «Свобода и жизнь» (СПб.), 1906, 12 ноября, подпись: Авель. «Перепев» стих Г. Гейне «Ее в грязи он подобрал. . .» в переводе А. Н. Майкова. Речь идет о жертвах военно-полевых судов, свирепствовавших во время революции 1905—1907 гг.

34. «Альманах», 1906, № 1, с. 59, подпись: Авель.

Андрей Адрианович Вейнберг — журналист, редактор петербургской газеты «Сегодня» (1906—1907), сотрудник сатирических журналов «Вампир», «Бурелом», «Стрелы».

35. «Стрелы», 1905, № 5, с. 5, подпись: Квак. *Министр* — С. Ю. Витте. *Городовой забастовал*. По сообщениям газет, в ноябре 1905 г. в Петербурге и ряде других городов часть полицейских объединялась в профессиональные союзы и бастовала. *Бежит блаженный Иоанн*. Иоанн Кронштадтский поспешно бежал из Кронштадта в конце октября 1905 г. во время мятежа. *Кронштадт сожжен* — см. примеч. 7. *Взят Севастополь* и т. д. — см. примеч. 14.

36. «Стрелы», 1905, № 6, с. 4, подпись: Квак. Во время почтово-телеграфной забастовки в Москве в ноябре-декабре 1905 г. забастовавших почтовых служащих заменяли штрейкбрехеры-добровольцы. Они собственноручно доставляли письма и посылки. Газеты сообщали о многочисленных крупных хищениях, совершенных при этом. *Ах и надо б того высець, кто стащил тринадцать тысяч*. Петербургская газета «Наша жизнь» 25 декабря 1905 г. в одной из заметок сообщала: «Московские добровольцы, предложившие безвозмездно свои услуги московскому почтамту, уже успели вознаградить себя за свой неблагоприятный труд. Сегодня пропал ценный пакет с 13 000 рублей в нем. Вследствие этого неожиданного реприманда администрация почтамта сразу отказалась от услуг добровольцев, теперь решено впредь принимать только таких добровольцев, которые сумеют представить солидные рекомендации». *А, кажись бы, всё вельможу*. Среди добровольцев было много представителей высшего общества.

37. «Сегодня» (СПб.), 1906, 14 сентября, подпись: Квак. *Премерзкий брат*. Имеется в виду А. А. Столыпин (брат П. А. Столыпина), журналист, сотрудник «Нового времени». *Шипов* — Д. Н. Шипов. *Трубецкой* — Е. Н. Трубецкой.

38. «Вампир», 1906, № 8, с. 3, подпись: Андрон. «Перепевает» известную революционную песню А. А. Ольхина, в свою очередь представляющую собой переработку одноименного стихотворения поэта В. И. Богданова. *Наш премьер в октябре чересчур поспешил* и т. д. Речь идет о Манифесте 17 октября. *Свыше тысячи временных правил* — см. примеч. 4. «*Кремль*» (1897—1916) — московская политическая и литературная газета правой ориентации (ред.-изд. — Д. И. Иловыйский). *Папаша*. Имеется в виду А. С. Суворин и его газета «Новое время». *Гурьевская каша*. Ироническое прозвище газеты «Русское государство», над которой осуществлял общее руководство А. Н. Гурьев. *Тряпичкин* — беспринципный журналист (см. комедию Н. В. Гоголя «Ревизор»). *Бутербродчики* — прозвище сотрудников официальной прессы, получавшей крупные дотации от правительства. *Лезет в Думу* и т. д. Речь идет о предвыборной кампании в I Государственную думу, закончившейся победой кадетов и «трудовой группы». *Крушеванчики* — черносотенцы (по имени Крушевана). «*Союз*». Имеется в виду «Союз русского народа» — монархическая черносотенная организация.

тенная организация в России. «*Порядок*» — партия правового порядка, контрреволюционная партия крупной торгово-промышленной буржуазии, помещиков и бюрократии; образована осенью 1905 г.

39. «Сегодня» (СПб.), 1907, 13 июня, подпись: Квак. «Перепев» стих. М. Ю. Лермонтова «И скучно и грустно». В *минуты партийной тревоги*. Речь идет о кадетской партии. *Выборг*. Речь идет о выборгском воззвании «Народу от народных представителей», принятом 9—10 июля 1906 г. на состоявшемся сразу же после разгона I Государственной думы совещании, в котором приняло участие около 200 депутатов (главным образом кадетов, «трудовиков» и меньшевиков); это воззвание содержало протест против разгона Думы и призывало население прекратить до созыва новой Думы выплату налогов, исполнение повинностей и т. д. *Зимний*. Вероятно, намек на прием Николаем II депутатов I Государственной думы. *Лондон*. Имеется в виду Пятый (Лондонский) съезд РСДРП (30 апреля — 19 мая 1907 г.). *Четвертая рота* — улица в Петербурге (ныне 4-я Красноармейская), где происходили собрания черносотенцев.

П. И. ВЕЙНБЕРГ

Петр Исаевич Вейнберг (1831—1908) — поэт, переводчик, историк литературы и критик; почетный академик. С сатирическими стихами и фельетонами выступил еще в конце 50-х годов на страницах «Искры» под псевдонимом: Гейне из Тамбова.

40. «Страна» (СПб.), 1906, 28 марта, подпись: Гейне из Тамбова. На мотив старинного романса «Черный цвет, мрачный цвет», первые две строки которого взяты для эпиграфа.

41. «Страна» (СПб.), 1906, 1 апреля, подпись: Гейне из Тамбова. Поводом для написания стихотворения послужил следующий факт, о котором сообщалось в «Петербургском листке»: «Городу предстоит выступить судьей в оригинальном деле. В Эртелевом пер. владетель д. № 7 сдал помещение под ресторан. Но когда ресторатор обратился за разрешением на открытие в акцизное управление, то последнее отказало ему, потому что в этом доме когда-то жил композитор М. И. Глинка, о чем свидетельствует... прибитая у дома мраморная доска с соответствующей надписью. Введенные в расход ресторатор и домовладелец подали на акцизное управление жалобу министру финансов... Получив жалобу, городская управа осмотрела в данном деле ограничение прав частной собственности со стороны акцизного управления. Хотя исторические здания и неудобно отдавать под рестораны, но в данном случае, по мнению Управы, память о Глинке едва ли может служить препятствием к открытию в доме, где он жил, — ресторана» («Петербургский листок», 1906, 30 марта). В *доме том, где жизнь окончил Пушкин* и т. д. В доме № 12 по Мойке (последняя квартира А. С. Пушкина — дом Волконской) в начале 900-х годов помещалось охранное отделение.

42. «Страна» (СПб.), 1906, 23 апреля, подпись: Гейне из Тамбова. *Горемыкин — новой группы командир*. Подразумевается назначение И. Л. Горемыкина на пост премьер-министра в апреле 1906 г.

М. А. ВОЛОШИН

Максимилиан Александрович Волошин (настоящая фамилия — Кириенко-Волошин) (1878—1932) — поэт-символист, переводчик, литературный и художественный критик.

43. «Киевские отголоски», 1906, 1 января, в статье-обзоре текущих событий «Контуры». Стихотворению предшествует следующий абзац статьи М. Волошина: «У Алексея Толстого имеется известная шуточная эпопея, представляющая обзор государства Российского [«История государства Российского от Гостомысла до Тимашева», 1868. — *Ред.*]; причем каждый исторический период имеет один рефрен:

Земля у нас обильна —
Порядка ж нет как нет. . .

Вот оному обзору продолжение». После текста стихотворения автор замечает: «„Я знаю, как спасти Россию. . . Но и Россия знает меня“, — говаривал тоже некий спаситель Булгарин. . . И, может быть, задача момента в том, чтобы найти спасение от этих спасителей. . .» Министерский кабинет под председательством Витте существовал с октября 1905 г. по апрель 1906 г.

44. «Киевские отголоски», 1906, 22 января, в статье-обзоре «Контуры». «Перепев» отрывка из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». «*Охранитель*» — полицейский шпион. «*Обитель*» — полицейский участок.

45. «Киевские отголоски», 1906, 22 января, в статье-обзоре «Контуры». «Перепев» известных строк («Птичка божия не знает. . .») из поэмы А. С. Пушкина «Цыганы».

46. «Отголоски жизни» (Киев), 1906, 14 февраля, в заметке М. Волошина «Мимоходом», где стихотворению предшествует следующая характеристика *Меньшикова*: «Среди. . . «любителей отечества» господин Меньшиков побил рекорд. . . Я живо помню статью этого господина. . . бросавшую грязью в российского премьера. В статье [в «Новом времени». — *Ред.*] имелись намеки политически-криминального характера, разверзавшие все тайные замыслы и планы гр. Витте. И вот теперь я читаю статьи того же господина, превозносящие того же гр. Витте — выше облака ходячего. . . Хула была месяц назад. . . Теперь — песнопения и кимвалы. . . Я думаю, еще тем же пером пишет. . . Примите же в свой альбом».

С. ГАЛАНСКИЙ

Сергей Галанский (настоящая фамилия — Чернышев) — поэт и журналист, сотрудничал в провинциальной (самарской) прессе (газета «Самарский курьер», журнал «Горчишник»), а также в столичной (газета «Вольное слово», журналы «Хлыст», «Юмористический альманах»). Выпустил сборник: «Свободные песни 1906 года (Памяти родных поэтов)», СПб., 1907.

47. «Самарский курьер», 1906, 10 августа. «Перепев» стих. Н. А. Некрасова «Что думает старуха, когда ей не спится», из которого взят и эпиграф. *Печать-то какими обходами* и т. д. Имеются в виду временные правила о печати — см. примеч. 4. *Стали в Кронштадте палить* — см. примеч. 7. *Армии мыло дала*. В октябре 1905 г. военным министерством были намечены, по указанию Николая II, меры по улучшению содержания младших чинов в армии, в частности предусматривавшие увеличение жалования нижним чинам, увеличение приварочного и установление чайного довольствия, а также отпуск мыла.

48. «Самарский курьер», 1906, 8 октября. На мотив стих. А. Кольцова «Раздумье селянина». «*Октябрист*» — член «Союза 17 октября» — контрреволюционной партии крупной буржуазии и крупных помещиков. *Шипов* — Д. Н. Шипов. *Вотировать* — голосовать (в парламенте, на собрании).

49. «Самарский курьер», 1906, 3 сентября. «Перепев» стих. Н. А. Некрасова «Несжатая полоса», из него же эпиграф. «*Весною повсял*» — см. примеч. 10.

50. Юмористический альманах «Избиратель», 1906, № 6, с. 15. 1 — «перепев» стих. А. А. Фета «Шепот, робкое дыханье...». 2 — «перепев» стих. М. Ю. Лермонтова «Молитва». «*Россия*» — см. примеч. 14.

И. Н. ГЕРСОН

51. «Девятый вал», 1906, № 1, с. 6, подпись: Янки Дудль. Выдержано в стиле английских народных баллад.

Я. А. ГИБЯНСКИЙ

Яков Аронович Гибянский — инженер-технолог, журналист; сотрудник сатирических журналов «Зритель», «Пламя», «Бич», «Зарницы», редактор-издатель журнала «Красный смех» (1906).

52. «Пламя», 1905, № 2, с. 11, подпись: Жак-меланхолик. Эпиграф — две первые строки стих. Козьмы Пруткова «Желание быть испанцем». В завуалированной форме говорится о генерале Д. Ф. Трепове. Занимая пост товарища министра внутренних дел, он был фактически диктатором России после октябрьского манифеста; по выражению Витте, «вице-императором». В то время популярна была острота, появившаяся в «Зрителе» (1905, № 24, с. 7): «Кто выше полковника? — Генерал...» В чине полковника состоял царь — Николай II.

53. «Пламя», 1906, № 4, с. 9, подпись: Жак-меланхолик. *Не обидеть бы гусей*. Ср. строку из басни И. А. Крылова «Гуси»: «Да чтоб гусей не раздражить...». В стихотворении дается иронический комментарий к временным правилам о печати (см. примеч. 4), на основании которых привлекались к судебной ответственности редакторы периодических изданий. Чтобы до суда остаться на свободе, они должны были вносить залог, обычно в сумме десяти тысяч рублей.

54. «Пламя», 1905, № 3, с. 9, подпись: Жак-меланхолик.

55. «Страна» (СПб.), 1906, 18 мая, подпись: Жак-меланхолик. Речь идет о деятельности I Государственной думы, которую фактически бойкотировал Совет министров: на рассмотрение ее министры не внесли никаких существенных вопросов, только министерство просвещения предложило для решения два предложения — об устройстве прачечной и о ремонте оранжереи при Дерптском университете, послужившие предметом насмешек со стороны многих ораторов. По этим вопросам были приняты положительные постановления.

56. «Зарницы», 1906, № 2, с. 3, подпись: Жак-меланхолик. «Перепев» стих. Н. А. Некрасова «Что думает старуха, когда ей не спится». Глава «просвещенья народного» — И. И. Толстой.

А. П. ГИДОНИ

Александр Иосифович Гидони (р. 1885) — помощник присяжного поверенного, прозаик, драматург и переводчик.

57. «Зритель», 1905, № 24, с. 2. Номер «Зрителя» за помещение этого стихотворения и других материалов был подвергнут аресту, а редакторы-издатели привлечены к уголовной ответственности (ЦГИА, ф. 776, оп. 8, ед. хр. 1935). Стихотворение посвящено дяде Николаю II — великому князю Владимиру Александровичу (*Влади-Эмир*) и рассказывает о всплывшей вдруг растрате Владимиром денег, собранных на постройку храма на месте убийства Александра II в Петербурге. Как известно, из-за этой растраты постройка церкви, начатая в спешном порядке по приказу Александра III, затянулась на очень и очень долгие годы. . .» (В. Боцяновский, с. 85). *Однажды в Неджеде убит был имам.* Речь идет об убийстве Александра II 1 марта 1881 г. в Петербурге народовольцем И. И. Гриневицким. Неджед (правильно Неджаф) — город на юге Ирака, место паломничества мусульман. Имам — верховный правитель в мусульманских государствах. *Шейх-уль-Ислам* (буквально — старейшина Ислама) — первоначально — почетный титул крупнейших мусульманских богословов, позднее титул главы духовенства в некоторых странах распространения ислама. *Абдеррахман* (Абд-эр-Рахман) — имя пяти государей из династии кордовских Омейядов. *Тринадцать процарствовав лет. . . покинул Неджед брат Влади-Эмира.* Речь идет об императоре Александре III (правил в 1881—1894 гг.).

Д. И. ГЛИКМАН

Давид Иосифович Гликман (р. 1874) — журналист, активный сотрудник сатирических журналов «Дятел», «Вампир», «Спрут», «Стрель», «Звонарь» и др.

58. «Спрут», 1905, № 1, с. 6, подпись: Дух Банко. «Перепев» стих. А. К. Толстого «Государь ты наш батюшка. . .». *Сергей Юльевич — Витте.*

59. «Дятел», 1905, № 1 (пробный), с. 5, подпись: Дятел. *Песья голова, метла*. Опричники привязывали к седлу собачью голову и метлу в знак того, что их дело — выслеживать, вынюхивать измену и выметать ее, грызть крамольников.

60. «Стрелы», 1906, № 9, с. 5, подпись: Парламентер. «Перепев» стих. М. Ю. Лермонтова «Казачья колыбельная песня». Стихотворение явилось одной из причин возбуждения судебного преследования против редактора-издателя И. М. Кнорозовского, допустившего помещение в журнале стихотворения, оскорбляющего армию (ЦГИА, ф. 776, оп. 8, ед. хр. 1886). *Отец твой... брал Казанский*. Имеется в виду разгон демонстрации студентов и рабочих в Петербурге у Казанского собора в 1901 г.

61. «Вампир», 1906, № 1, с. 3, подпись: Дух Банко. Написано в манере некоторых баллад В. А. Жуковского. *Минос* — в греческой мифологии сын Зевса и Европы, мудрый и справедливый правитель. *Стикс* (греч. миф.) — река мертвых в подземном царстве Аид. *Лисица* — подразумевается С. Ю. Витте. *Свинья* — подразумевается П. Н. Дурново. *Чужой овес* — см. примеч. 5.

62. «Спрут», 1906, № 6, с. 6, подпись: Дух Банко. *Целовальник* — продавец вина в питейных домах, кабаках. *Суворины-служители*. Имеются в виду журналисты правительственной ориентации. *Поддельные депутации*. Намек на «рабочую депутацию» к Николаю II в январе 1905 г., составленную чинами министерства внутренних дел из специально подобранных рабочих и служащих петербургских заводов.

63. «Спрут», 1906, № 9, с. 2, подпись: Дух Банко. «Перепев» стих. А. А. Фета «Я пришел к тебе с приветом...». *Для Думы назначенье на апрель уж состоялось*. Открытие I Думы было назначено на 27 апреля 1906 г.

64. «Спрут», 1906, № 12, с. 6, подпись: Дух Банко. *Бал у Дурново* — см. примеч. 14.

65. «Вампир», 1906, № 3, с. 3; подпись: Парламентер. «Перепев» стихотворений М. Ю. Лермонтова: 1 — «Благодарность», 2 — «Она поет — и звуки тают...».

66. «Вампир», 1906, № 4, с. 3, подпись: Парламентер. «*Русь*»... *конфисковать*. Оппозиционная газета «Русь» во время первой русской революции неоднократно конфисковывалась и запрещалась. *Сделать в Гомеле погром*. По сообщениям газет, подготовка к нему началась в Гомеле еще в октябре 1905 г.; погром произошел в ночь с 13 на 14 января 1906 г.

67. «Зарницы», 1906, № 6, с. 3, подпись: Дух Банко. *Брат его* — А. Б. Нейдгардт. «*Союз людей российских*». Видимо, «Союз русских людей» (московская черносотенная организация). «*Союз народа*». Имеется в виду черносотенный «Союз русского народа». *Курские земцы* ассигновали 75 000 рублей на организацию карательного от-

ряда против восставших крестьян; в порыве «патриотических» чувств постановили поднести Дубасову приветственный адрес за подавление московского восстания.

68. «Серый волк», 1907, № 4, с. 58, подпись: Дух Банко. «Перевзвон» стих. А. К. Толстого «То было раннею весной...», откуда взят и эпиграф. *Доверие всходило*. Имеется в виду «весна» Святополк-Мирского. *Земцы шумно потекли на городские съезды*. Осенью 1904 г. правительство, стараясь привлечь на свою сторону либеральную буржуазию, разрешило земцам устраивать съезды, собрания. *То было летнею порой*. Речь идет о событиях 1906 г.

69. «Луч», 1907, № 1, с. 22, подпись: Собрал Дух Банко. Заглавие по типу известной сатиры А. Кантемира «К уму своему».

Я. В. ГОДИН

Яков Владимирович Годин (1887—1954) — поэт; в годы первой русской революции сотрудничал в газете «Наша жизнь».

70. «Журнал», 1906, № 1, с. 3. Стихотворение содержит намек на Николая II; строки: *По ступеням эшафота всходит царственный двойник* — предрекают ему судьбу французского короля Людовика XVI, гильотинированного 21 января 1793 г.

А. В. ГОЛДОБИН

Анатолий Владимирович Голдобин — журналист.

71. «Забияка», 1906, № 2, с. 8, подпись: Cello. Использована интонационная основа поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». «*Верхняя палата*» — Государственный совет (заседал в Марининском дворце в Петербурге) — высшее законосовещательное учреждение Российской империи; на рассмотрение Государственного совета поступали все законопроекты, затем утверждавшиеся царем. В члены Государственного совета назначались царем лица из среды высших сановников. *Седые старцы, древние* и т. д. По поводу дряхлости и абсолютной неспособности большинства членов Совета вершить государственные дела немало писали в оппозиционной прессе. Любопытные подробности приводит журналист Л. Львов об одном из членов Государственного совета: «Этот государственный муж имел от роду далеко за 80... всегда дремал на заседаниях, а когда опрашивали голоса, его будили, и он неизменно присоединялся к мнению своего соседа Петра Петровича Валуева. Прошли года... Однажды после доклада Солдатенкова будят. — Ваше мнение? — Я согласен с мнением Петра Петровича. — Петр Петрович умер, — сообщил председатель. Солдатенков равнодушно присоединился к мнению следующего соседа и вновь задремал. Новое дело. Доложено. Спрашивают. Будят Солдатенкова. — Ваше мнение? — Я согласен с мнением Петра Петровича. — Петр Петрович умер. — Опять умер?» (Л. Львов (Л. М. Клячко), За кулисами старого режима. Воспоминания журналиста, Л., 1926, с. 154—155).

А. С. ГРИН

Александр Степанович Грин (настоящая фамилия — Гриневский) (1880—1932) — известный прозаик; писал и стихи.

72. «Сегодня» (СПб.), 1907, 13 марта. «Перепев» стих. М. Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...». Дума. Имеется в виду II Государственная дума. Потолок трещит и т. д. — см. примеч. 19. Старцев звездный хор и т. д. Подразумеваются министры и сановники, занимавшие почетные места в ложах Таврического дворца на заседаниях Думы.

С. И. ГУСЕВ-ОРЕНБУРГСКИЙ

Сергей Иванович Гусев-Оренбургский (настоящая фамилия — Гусев) (1867—1963) — известный прозаик. В период революции 1905 г. выступает с политической лирикой и сатирой на страницах журналов «Жупел», «Скоморох». После Октябрьской революции эмигрировал за границу.

73. «Жупел», 1905, № 1, с. 3. По отзыву современника, Гусев-Оренбургский «в стихотворении «Мидас»... дает оценку общественно-политического значения сатиры» (В. Кранихфельд, Журнальные отголоски. — «Мир божий», 1905, № 12, с. 131). Мидас — фригийский царь; за предпочтение им музыкального дара Марсия был награжден Аполлоном ослиными ушами, которые ему приходилось прятать под шапкой; в стихотворении явный намек на Николая II. Шпицрутены — длинные гибкие прутья или палки, которыми били солдат, прогоняя их сквозь строй. Проказник Фигаро — герой пьес Бомарше.

74. «Скоморох», 1907, № 2, с. 2.

В. А. ДМИТРИЕВ

Василий Акимович Дмитриев (р. 1872) — поэт и драматург.

75. «Бурелом», 1905, № 2, с. 3, подпись: Забрало. Третьей степеню увешан. Алексеев был награжден орденом Георгия III степени; по ироническому отзыву Витте, он «носит этот данный ему Георгий на шею, по принятому статуту этого ордена, постоянно, и Алексееву делает честь то, что он одновременно носит и длинную бороду, которая закрывает этот орден, и, таким образом, не возбуждает у лиц, на него смотрящих, печальных мыслей о том, какими путями иногда у нас в России достигают столь высоких постов... и каким образом лица эти иногда получают высшие военные ордена, между тем как действительные наши военные герои этой чести не удостоиваются...» (С. Ю. Витте, Воспоминания, т. 2, М., 1960, с. 389).

Н. М. ЕЖОВ

Николай Михайлович Ежов (1862—1941) — писатель и журналист, в течение многих лет сотрудник юмористического журнала «Осколки», редактор-издатель журнала «Осы».

76. «Осколки», 1907, № 2, с. 4, подпись: Д. К. Л. Эпиграф — из популярной песенки. «*Вече*» (1905—1910) — московская черносотенная газета, орган русских монархистов-«союзников», издатель А. В. Оловеников, редактор В. В. Владимирович (Оловеников). «*Гражданин*» — см. примеч. 11. *Куропаткин написал* и т. д. В 1906 г. вышел «Отчет генерал-адъютанта Куропаткина» в 4-х томах, который явился попыткой оправдать его действия во время русско-японской войны. «*День*» (1905—1907, 1909) — проправительственная московская газета.

ЛЕВ ЖДАНОВ

Лев Жданов (настоящее имя — Лев Григорьевич (Леон Германович) Гельман) (р. 1854) — поэт, исторический романист и драматург.

77. Лев Жданов, На заре свободы (Песни смутных дней), изд. 2, СПб., 1907, с. 34. Заглавие навеяно известным выражением из Библии («фараоны тощие коровы»), где рассказано, что однажды египетский фараон увидел во сне, как семь тощих коров съели семь тучных, но от этого не стали тучными (Книга Бытия, 41, 1—4). В стихотворении под тощей коровой подразумевается нищая, бесправная Россия. «*Овсоеды*» — имя нарицательное для обозначения высокопоставленных мошенников типа Дурново (о его афере с овсом — см. примеч. 5). «*Сыр Мещерский*» (так назывался сорт сыра) — здесь ироническое прозвище князя В. П. Мещерского, широко распространенное в сатирической печати тех лет. «*Сухопутный адмирал*» — Ф. В. Дубасов.

В. В. ЖУКОВ

Виктор Васильевич Жуков (1857?—1908) — поэт и журналист. Сотрудничал во многих петербургских газетах и журналах, в том числе и сатирических: «Свободный смех», «Фонарь» и др. Один из редакторов-издателей журнала «Буравчик» (СПб., 1906).

78. «Свободный смех», 1906, № 7, с. 6, подпись: Апулей.

В. А. ЗОРГЕНФРЕЙ

Вильгельм Александрович Зоргенфрей (1882—1938) — поэт и переводчик, сотрудничал в сатирических журналах «Зритель», «Маски», «Молот», «Альманах» (под псевдонимом Гильом ZZ).

79. «Наша жизнь» (СПб.), 1904, 25 декабря, подпись: ZZ. *Поток* (или Потык) — герой русских былин. *Граф Толстой Алексей не довел до конца свою повесть о храбром Потоке*. Имеется в виду стих. А. К. Толстого «Поток-богатырь». *Пробужденья его* и т. д. — измененные строки из этого стихотворения. *Цзинь-Чжоу* — перешеек на северо-востоке Китая, где 13 мая 1904 г. начались действия русских войск по обороне дальних подступов к Порт-Артуру; войска отступили.

80. «Зритель», 1905, № 15, с. 3, подпись: Гильом ZZ.

81. «Зритель», 1905, № 25, с. 2, подпись: Гильом ZZ. *Александровская колонна* — в центре Дворцовой площади в Петербурге. *Медная статуя Петра* — памятник Петру I на Сенатской площади. *Правоведы* — обучающиеся в училище правоведения, привилегированной высшей школе для аристократической молодежи. *Семеновский полк* — карательный полк, принимавший участие в разгроме вооруженного восстания в Москве в декабре 1905 г. *Петропавловский мешок* — казематы Петропавловской крепости. *Нововременская крамола*. Имеется в виду реакционный курс газеты «Новое время». *Решетка вокруг дворца*. Около Зимнего дворца, где находилась царская резиденция, при Николае II была поставлена чугунная решетка. *Храм Христа* — церковь, построенная на месте убийства Александра II — на Екатерининском канале (ныне канал Грибоедова), архитектор Парланд, см. также примеч. 57.

82. «Зритель», 1905, № 25, с. 7, подпись: Гильом ZZ. «Перепев» стих. Е. Ростопчиной «Благодарю!». Речь идет о роли казачьих частей в подавлении революционного движения. *Война*. Имеется в виду русско-японская война 1904—1905 гг.

83. «Маски», 1906, № 4, с. 4, подпись: Гильом ZZ. Стих. «Город» по содержанию и ритмически перекликается с городскими стихами Э. Верхарна, особенно со стихотворением «Города» («О, эти города, напитанные ядом гнилого золота!..») — в пер. М. Волошина — из книги Верхарна «Буйные силы» (1902). В стихотворении «Деревня» — перекличка с некоторыми стихами М. Метерлинка из сборника «Теплицы» (1889), особенно с «Теплицей» («О, теплица посреди лесов...») и «Стеклянными колоколами» («О, стеклянные колокола!..») в пер. Н. Минского и Л. Вилькиной. *Город на берегу реки* — Петербург. *О, эти храмы! Они недостроены* — см. примеч. 57 и 81. *Офицеры, стреляющие в штатских* и т. д. В новогоднюю ночь 1906 г. в ресторане «Медведь» в Петербурге отставной офицер Окаемов в упор застрелил студента Давыдова только за то, что тот во время исполнения государственного гимна не стоял навытяжку. *Закрытые двери университета*. В связи со студенческими волнениями в октябре 1905 г. были закрыты и заняты отрядами полиции Петербургский университет и другие высшие учебные заведения, бездействовавшие затем в течение многих месяцев. Интересный сатирический комментарий к положению в высших учебных заведениях того времени см.: О. Д.(ымов), Университетский праздник (Хроникерский отчет). — «Зарницы», 1906, № 3, с. 3. *Цвет гороховый* — намек на сыщиков, которые носили пальто горохового цвета.

84. «Маски», 1906, № 5, с. 5, подпись: Гильом ZZ. «Перепев» известной песни из поэмы Н. А. Некрасова «Коробейники», откуда взят эпитаф. *Пред Думою*, т. е. накануне открытия I Государственной думы (27 апреля 1906 г.). *Граф* — С. Ю. Витте.

85. «Альманах», 1906, № 2, с. 54, подпись: Гильом ZZ. *Штеттин* — немецкое название польского города Щецина.

Д. А. ИВАНЕНКО

Дмитрий Алексеевич Иваненко (р. 1859) — театральный критик и фельетонист, сотрудник полтавских газет.

86. «Донская молва» (Ростов-на-Дону), 1906, 16 мая, подпись: Ариэль. «Перепев» стих. А. С. Пушкина «Пир Петра Первого». *Дерби* — разновидность конских скачек. *Иван Великий* — храм-колокольня в московском Кремле. «Конституция» *хромая*. Подразумевается Манифест 17 октября 1905 г. *Фаворит* — лошадь, на которую в тотализаторе ставит большинство. *Акимов-друг на «Прессе»*. Имеется в виду деятельность М. Г. Акимова, направленная против прогрессивной печати.

В. И. ПВАНОВ

Вячеслав Иванович Иванов (1866—1949) — поэт, драматург, критик, теоретик русского символизма.

87. «Адская почта», 1906, № 2, с. [2]. Эпиграф из Библии («Бытие», гл. 5, 15). Содержание стихотворения дополняется помещенным здесь же рисунком И. Билибина, изображающим мрачные тюремные стены.

П. А. КАЗАНСКИЙ

Порфирий Алексеевич Казанский (р. 1885) — поэт и драматург. В годы первой русской революции активно сотрудничал в сибирских сатирических журналах «Ерш», «Бич», «Бубенцы», «Сибирские отголоски».

88. «Бич», 1906, № 1, с. 4, подпись: Премудрая крыса Онуфрий. «Перепев» стих. А. С. Пушкина «Пир Петра Первого». *Премьер* — С. Ю. Витте. *Годовицина Портсмута*. Имеется в виду заключение Портсмутского мирного договора в 1905 г.

89. «Ерш», 1906, № 14, с. 8, подпись: Премудрая крыса Онуфрий.

Г. Я. КАЙЗЕРМАН

Григорий Яковлевич Кайзерман (р. 1868) — поэт, прозаик и драматург, сотрудник ряда сатирических журналов: «Альманах», «Зритель», «Маски», «Секира» и других; редактор-издатель юмористических журналов «Коса» и — вместе с М. М. Бродовским — «Оса». Сатирические басни Кайзермана вошли в сборник «Басни Косаря (Гр. Кайзермана)», СПб., 1906.

90. «Перец», 1906, № 1, с. 6, без подписи. Первая публикация в газете «Свободное слово» не обнаружена ввиду отсутствия полных комплектов газеты. Печ. по кн.: Басни Косаря, СПб., 1906, с. 30. *Домовладелец, отец*. Подразумевается Николай II. *Старый дом* — Российская империя. *Дети* — оппозиционно настроенная часть населения. *Прадед* — Николай I. *Строитель* — вероятно, С. Ю. Витте.

91. «Альманах», 1906, № 1, с. 48, подпись: Косарь. С одноименной басней И. А. Крылова связана заглавием.

Ю. В. КАННАБИХ

Юрий Владимирович Каннабих (1872—1939) — врач-психиатр, заслуженный деятель науки РСФСР; писал сатирические и юмористические стихи.

92. «Жупел», 1905, № 1, с. 9, подпись: Юрий Светогор. В образах *Ксеркса* (см. Именной указатель) и *моря* современники видели Николая II и разбушевавшуюся народную стихию. *Эгея* — Эгейское море. *Яксарт* — древнее название реки Сыр-Дарья. *Афины и Спарта* — государства в Древней Греции. *Геллеспонт* — древнегреческое название пролива Дарданеллы. *Триэра* — древнегреческий боевой корабль.

В. А. КАТЛОВКЕР

Бенедикт Адольфович Катловкер (р. 1872) — журналист, редактор сатирического журнала «Вампир», а также петербургских газет «Ежедневная почта» (1907), «Последние новости» (1908), «Современное слово» (1907), «Утренняя почта» (1906—1907) и др.

93. «Спрут», 1906, № 2, с. 3, подпись: Тень.

94. «Спрут», 1906, № 2, с. 5, подпись: Тень. *Корыто... потопил*. Намек на истребление русского флота во время русско-японской войны.

95. «Вампир», 1906, № 3, с. 6, подпись: Тень. *Шпалерная* — см. примеч. 27.

М. С. КАУФМАН

Михаил Семенович Кауфман (р. 1865) — писатель и журналист.

96. «Железнодорожник» (СПб.), 1906, № 177(44), с. 16, подпись: Черт Лиловый. *Захочу — полюблю* — цыганский романс (муз. Н. И. Шишкина) из репертуара А. Д. Вальцевой. *Граф Сергей* — С. Ю. Витте. *Маргарин свободы* — Манифест 17 октября. *В обеспеченье займа учредилась Дума*. Имеется в виду тот факт, что шаткое положение русского правительства во время первой революции чрезвычайно затрудняло получение займов в Европе. Созыв I Государственной думы был призван способствовать облегчению этого. *Всем служилым запретил* и т. д. Имеются в виду различные ограничения, установленные при выборах во II Думу.

97. «Вампир», 1906, № 2, с. 4, подпись: Черт Лиловый.

98. «Вампир», 1906, № 5, с. 7, подпись: Черт Лиловый. По мотивам песни И. П. Мятлева «Фонарики», которая встречается в песенниках с 1850-х годов, тогда же появляются и пародии. *Шарики... в предвыборной войне*. При голосовании, в том числе и в Думу, использовались шары (белые — «за», черные — «против»). *Грозный ставной водил у темных ящиков* и т. д. Газеты писали о множестве фактов различных махинаций на выборах со стороны полиции и черносотенцев (недоставление бюллетеней избирателям, запугивание их и т. д.). *«Большие»* — большевики. *«Малые»* — меньшевики. *Чумазый* — здесь: народ.

В. В. КНЯЗЕВ

Василий Васильевич Князев (1887—1937) — поэт и прозаик. Начал печататься в 1905 г., принимал участие в революционных событиях, написал ряд революционных песен, популярных среди рабочих. Как поэт-сатирик сотрудничал в юмористических журналах 1905—1907 гг.: «Поединок», «Серый волк», «Гном», «Маски», «Овод», «Застрельщик» и др.

99. «Поединок», 1906, № 1, с. 2. *Одета в мундирчик узенький и новенький «кадета»*. Большинство в I Государственной думе составляли кадеты; автор обыгрывает второе значение слова (кадеты — воспитанники кадетского корпуса). *Деда Трепа* — Д. Ф. Трепов. *Околодочный* (околоточный) — см. примеч. 14. *Пе-пека* — здесь: член партии правового порядка — контрреволюционной партии торгово-промышленной буржуазии, помещиков и высших слоев царской бюрократии (существовала с осени 1905 г. по 1907 г.).

А. А. КОРИНФСКИЙ

Аполлон Аполлонович Коринфский (1868—1937) — поэт, переводчик и журналист; сотрудничал в сатирических журналах 1905—1906 гг.: «Бурелом», «Зритель», «Заноза». Коринфский ненадолго был захвачен революционным подъемом, однако вскоре испугался размаха борьбы и вернулся на свои прежние консервативные позиции.

100. «Зритель», 1905, № 22, с. 8, подпись: Аполлон Рифмачев.

101. «Заноза», 1906, № 2, с. 14, подпись: Фебуфис. *Голутвинский расстрел* — расстрел без всякого суда десятков рабочих, осуществленный на подмосковной железнодорожной станции в декабре 1905 г. карательной экспедицией Семеновского полка.

Ф. Т. КУЛИКОВ

Ф. Т. Куликов — журналист 900-х годов; редактор сатирического журнала «Еж» (1907), активный сотрудник юмористических журналов «Анчар», «Аргус», «Шут», «Стрекоза», «Скоморох» и др.

102. «Осколки», 1905, № 5, с. 5, подпись: Ф. К. «Перепев» стих. Ф. И. Тютчева «Умом Россию не понять...». Комментарием к стихотворению может служить свидетельство другого сатирического журнала о «наших свободах»: «1) Свобода печати. В силу этой свободы авторам разрешается печатать что угодно, а полиции разрешается опечатывать что угодно. 2) Свобода союзов. Образовывать союзы разрешено всем гражданам, за исключением лиц двух категорий: тех, которые состоят на государственной службе, и тех, которые на государственной службе не состоят. 3) Свобода совести. В силу этой свободы свод законов раз навсегда отменяется, а гражданам предоставляется вполне полагаться на свободную совесть чинов администрации. 4) Свобода собраний. Этот пункт еще не разработан, так как решение этого вопроса предполагается предоставить собранию народ-

ных представителей. С другой стороны, само собой разумеется, что собрание народных представителей не может состояться, пока не будет выработан закон о свободе собраний. Таким образом, этот вопрос временно остается открытым» («Вампир», 1906, № 3, с. 7).

103. «Водоворот», 1906, № 5, с. 9, подпись: Кулик. Написано в связи с отставкой Витте и Дурново (апрель 1906 г.).

104. «Анчар», 1906, № 1, с. 8, подпись: — лик. В стихотворении намек на Витте и Дурново.

105. «Аргус», 1906, № 9, с. 8, подпись: Кулик. «Перепев» строк из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

106. «Аргус», 1906, № 14, с. [12], подпись: Кулик.

107. «Водоворот», 1906, № 5, с. 6, подпись: Кулик. «Охрана» — здесь: усиленные наряды полиции и казаков, которые, разъезжая по улицам, избивали прохожих.

108. «Еж», 1907, № 4, с. 14, подпись: Кулик. *Дворянский зал* — зал Дворянского собрания в Петербурге (ныне — Большой зал Филармонии), где 7 марта 1907 г. происходили заседания II Государственной думы после обвала потолка в Таврическом дворце. «*Нет бо власти, аще не от бога*» — евангельская цитата. *Премьер* — П. А. Столыпин.

109. «Еж», 1907, № 1, с. 14, подпись: Кулик. *Почаевцы* — по имени Почаевского Успенского монастыря в местечке Почаево Волынской губернии; Почаевская лавра была оплотом черносотенства в Западной Украине.

В. КУРИЦЫН

Валентин Курицын — поэт и прозаик, активный сотрудник сибирских сатирических журналов.

110. «Осы», 1906, № 20, с. 2, подпись: Дон Валентинио. *Дума... кадетская*. Речь идет о I Государственной думе, которая (прежде всего ее кадетское большинство), вместо скорейшего принятия решений по жизненно важным для страны вопросам, занималась бесконечным их обсуждением в различных подкомиссиях. *Интерпелляция* — письменный запрос правительству в парламенте по поводу какого-либо факта или дела. *В Белостоке тьма замученных*. См. примеч. 18; для расследования обстоятельств погрома I Дума направила в Белосток своих представителей.

111. «Бубенцы», [1906], № 40, с. 8, подпись: Дон Валентинио.

А. С. ЛАЗАРЕВ-ГРУЗИНСКИЙ

Александр Семенович Лазарев-Грузинский (настоящая фамилия — Лазарев) (1861—1927) — прозаик, поэт, журналист; секретарь редакции юмористического журнала «Будильник».

112. «Осколки», 1905, № 3, с. 5, подпись: Саз.

113. «Народный вестник» (СПб.), 1906, № 19, с. 2, подписи: А. Л.—в. Под *Коленькой* подразумевается Николай II. *Мясоед* — период, когда по церковному календарю разрешена мясная пища. *Падэспань* и *кэ-юк* — модные танцы. *Финь-шампань*, *кликко*, *лафит* — французские марки вин. *«Итальянка»* (тальянка) — однорядная русская гармоника. *«Свет»* (1882—1917) — реакционная газета (ред.-изд. В. В. Комаров).

И. М. ЛЕВИНСКИЙ

Исаак Маркович Левинский — поэт-сатирик, журналист, постоянный сотрудник киевских газет конца XIX — начала XX в.

114. «Киевская речь», 1906, 24 августа, подпись: Гарольд. «Перепев» стих. К. Прутков «Из Гейне», представляющего собой пародию на русских подражателей Г. Гейне. *Смена кабинета*. Имеется в виду замена кабинета Горемыкина кабинетом Столыпина.

115. «Киевская речь», 1906, 25 ноября, подпись: Гарольд, в разделе «Современные рифмы». «Перепев» стих. А. К. Толстого «Благо-разумие». *Нововременцы* — сотрудники реакционной газеты «Новое время». *«Обновленцы»* — члены либерально-буржуазной партии мирного обновления, созданной в июле 1906 г. в результате раскола партии «октябристов» и занимавшей промежуточное положение между ними и кадетами. *Гласность «под охраной»*. Имеется в виду режим усиленной охраны — одна из мер реакции для подавления антиправительственных выступлений. *Обещанья исполню по-турецки, по-турецки*. По-видимому, имеется в виду правление (1876—1909) султана Абдул-Гамида II, который взял назад все конституционные уступки, сделанные в начале царствования, и установил режим насилия; заслужил прозвище «кровавого султана». По поводу «турецких» порядков в России неоднократно высказывались сатирики. В книге С. Исакова «1905 год в сатире и карикатуре» (Л., 1928, с. 62) воспроизведен рисунок из немецкого журнала 1905 г., изображающий Абдул-Гамида в обнимку с Николаем II. Под рисунком текст: «Абдул-Гамид: — Дорогой Николай, я душевно счастлив, что в Европе есть у меня коллега, и не такой еще турок, как я».

116. «Киевская заря», 1906, 30 июля, подпись: Гарольд, в разделе «Арабески», где тексту стихотворений предшествует следующее замечание: «Вышли в свет новые романсы, посвященные г-же Реакции и очень удачно исполняемые гг. Грингмутом, Пихно и другими «патриотами», которые жаждут твердой власти и казенных объявлений». «Перепев» романса «Ночной зефир» (стихи А. С. Пушкина, му-

зыка М. И. Глинки). *Смолк думцев рой* и т. д. Имеется в виду разгон I Государственной думы 9 июля 1906 г. *Премьер* — П. А. Столыпин. *Камарилья* — при монархическом строе — группа придворных, влияющая своими интригами на государственные дела. *Смущают нас финляндцы* и т. д. — см. Именной указатель (И. Кок). *Лекок* — герой одноименного детективного романа французского писателя Э. Габриэлю, сыщик. *Пэр* (франц.) — отец.

117. «Киевская заря», 1906, 30 июля, подпись: Гарольд, в разделе «Арабески». «Перепев» известной народной песни. «*Истинно русские*» люди — широко распространенное в оппозиционной печати начала XX в. ироническое обозначение черносотенцев.

Вл. ЛЕНСКИЙ

Владимир Ленский (настоящее имя — Владимир Яковлевич Абрамович) (1877—1926) — поэт и беллетрист.

118. «Пламя», 1905, № 2, с. 9. В стихотворении говорится о политической деятельности Витте и его лавировании между либералами и реакционерами.

119. «Пчела», 1906, № 4, с. 3.

120. «Пчела», 1906, № 5, с. 7. *Министерство усмирения* — министерство внутренних дел. *За шапку всем известного поэта* и т. д. Во время обыска на квартире Вяч. Иванова в ночь на 29 декабря 1905 г. у Д. Мережковского и еще у двоих гостей пропали шапки. Мережковский опубликовал в газете открытое письмо премьер-министру «Куда девалась моя шапка?» (Новогоднее письмо к Витте). — «Народное хозяйство», 1906, 1 января. Благодаря преданию гласности, дело о шапке приняло скандальный оборот и нашло отражение во многих сатирических журналах. *Роскошный бал сановника П. Д.* Имеется в виду бал у П. Н. Дурново (см. примеч. 14).

В. С. ЛИХАЧЕВ

Владимир Сергеевич Лихачев (1849—1910) — поэт, драматург и переводчик; постоянный сотрудник журнала «Зритель».

121. «Зритель», 1905, № 23, с. 8, подпись: Читатель. В стихотворном каламбуре — прямой намек на Николая II и семейство Романовых. За напечатание стихотворения редактор-издатель был привлечен к судебной ответственности по ст. 103 Уг. улож., предусматривавшей наказание за оскорбление царствующего императора (ЦГИА, ф. 776, оп. 8, ед. хр. 1935).

122. «Зритель», 1905, № 21, с. 7, подпись: Мирный. Стихотворение представляет собой иронический комментарий к опубликованному 1 ноября 1905 г. приказу Николая II о мобилизации дополнительно 24-х отдельных сотен Войска Донского. «Эти полки, — писал по этому поводу войсковой атаман, — пойдут помогать мобилизованным в этом

году своим товарищам, которые в самую горячую рабочую пору по приказу царя оставили свои дома и семьи и уже несколько месяцев несут в разных губерниях трудную службу, поддерживая везде порядок и прекращая смуту, насилия и грабежи злых людей» («Русь», 1905, 12 ноября).

123. «Зритель», 1905, № 24, с. 8, подпись: Сомневающийся. О цензурной истории стихотворения см. примеч. 57.

124. «Зритель», 1905, № 24, с. 4, подпись: Маститый. О цензурной истории стихотворения см. примеч. 57. Он — Николай II. «Я тронут». Здесь выражение имеет двоякий смысл (тронут — в смысле слабоумен; кроме того, имеется в виду ответ Николая II на обращенные к нему приветствия).

125. «Зритель», 1905, № 24, с. 10, подпись: Езоп Лафонтенов. *Победоносец. Третьяк*. Образовано от фамилий Победоносцев и Третьяков, из чего становится ясно, о каких *крысах* говорится в стихотворении.

126. «Зритель», 1905, № 24, с. 11, подпись: Прохожий.

127. «Зритель», 1905, № 23, с. 8, подпись: Читатель. *Граф — настоящий реформатор*. Речь идет о Витте.

128. «Журнал», 1906, № 2, с. 6, подпись: Старый Ворон. «Перепев» стих. Н. А. Некрасова «Сват и жених» («В кабаке за полуштом. . .»). *Жених* — Николай II. *Дядя* — великий князь Алексей Александрович. *Нейдгардт* — Д. Б. Нейдгардт. *Кушкинский воитель* — вероятно, генерал-майор В. П. Прасолов; будучи комендантом крепости Кушка, объявил ее во время революционного движения в конце 1905 г. на осадном положении; по его распоряжению производились массовые аресты. *Черноморский победитель* — Г. П. Чухнин.

129. «Журнал», 1906, № 2, с. 8, подпись: Мирный. «*Торжествующая свинья*» — заглавие сатирической сценки, входящей в состав эчерков М. Е. Салтыкова-Щедрина «За рubeжом», гл. 7; выражение «торжествующая свинья» стало символом политической реакции.

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

Анатолий Васильевич Луначарский (1875—1933) — советский государственный и общественный деятель. Член социал-демократической организации с 1892 г. В 1904 г. уехал в Женеву, участвовал в большевистских газетах «Вперед» и «Пролетарий», там же печатал свои стихи. В октябре 1905 г. по поручению ЦК партии вернулся в Россию, вошел в состав редакции газеты «Новая жизнь». Был арестован и вновь уехал, спасаясь от царского суда, за границу.

130. «Пролетарий» (Женева), 1905, 1 сентября; «Забайкальский рабочий», 1906, 3 января, без подписи. «Перепев» стих. Г. Гейне «Два

гренадера», известного в переводе М. Л. Михайлова. Стихотворение написано в связи с посещением 6 июня 1905 г. царя Николая II земскими деятелями, среди которых были И. И. Петрункевич и С. Н. Трубецкой. На этой встрече либеральная буржуазия вступила в сговор с самодержавием. *В бумажке печатной царь всё переврал.* Здесь обыгрывается тот факт, что фраза, произнесенная царем в ответной речи: «Моя царская воля созвать народных представителей непоколебима», — в официальном тексте звучала совсем иначе: «Моя царская воля непоколебима». *Недаром лакей из дворцовой людской* и т. д. Перед выходом Николая II к депутации слуги заметили, что у Петрункевича отсутствуют полагающиеся по придворному этикету белые перчатки. Тогда полковник лейб-гвардии Путятин отдал ему свои перчатки. *В «Искре» на днях прочитал* и т. д. В это время газета «Искра» была органом меньшевиков. В статье «Встреча друзей» В. И. Ленин перефразировал строку из этого стихотворения: *«Буржуазия обещала на скидочку скидкой ответить»* (Полн. собр. соч., т. 11, с. 238).

К. ЛЬДОВ

К. Льдов (настоящее имя — Константин Николаевич Розенблюм) (р. 1862 — ум. после 1935) — поэт, прозаик и переводчик. В эпоху революции 1905 г. выступал с сатирическими стихами умеренно-либерального толка в газете «Биржевые ведомости».

131. «Биржевые ведомости» (веч. вып.), 1906, 24 марта. Начальные строки — «перепев» стих. А. С. Пушкина «Бонапарт и черногорцы» (из цикла «Песни западных славян»). *Предварительные чернила.* Подразумевается предварительная цензура.

В. А. МАЗУРКЕВИЧ

Владимир Александрович Мазуркевич (1871—1942) — поэт, прозаик и переводчик; служил адвокатом. В период революции 1905—1907 гг. печатал сатирические стихи в журналах «Шут», «Стрекоза», в газете «Новости дня».

132. «Новости дня» (М.), 1906, 5 марта, подпись: Калиф на час. Автор стихотворения основывается на сообщении газет от 3 марта 1906 г. о том, что на 4 марта назначен бал в доме Дурново (он состоялся 8 марта — см. примеч. 14). *Сто двадцать девятая* — ст. Уг. улож. о привлечении к ответственности виновных «в произнесении или чтении публично речи или сочинения или изображения, возбуждающих к учинению бунтовщического или изменнического деяния; к ниспровержению существующего государственного строя; к неповиновению или противодействию закону» и т. п.

133. «Новости дня» (М.), 1906, 17 марта, подпись: Калиф на час. Речь идет о субсидии, выданной правительством на содержание газеты «Русское государство», — см. примеч. 13.

Родион Абрамович Менделевич (1867—1927) — поэт и журналист.

134. «Зритель», 1905, № 9, с. 7, подпись: Р. Меч. Начало стихотворения «перепевает» «Пророка» А. С. Пушкина.

135. «Новости дня» (М.), 1905, 19 ноября, подпись: Р. Меч. «Перепев» стих. М. Ю. Лермонтова «Казачья колыбельная песня». «День» — см. примеч. 76.

136. «Искры», 1906, № 43, с. 597, подпись: Роб-Рой. Стихотворение посвящено выборам во II Думу. *Иные уж далеке, других же вовсе нет* — перифраз известных строк из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (гл. VIII). «Ограничения», «фильтрация». Имеются в виду различные препятствия, которые чинило правительство избирателям во время выборов во II Государственную думу.

Л. Г. МУНШТЕЙН

Леонид Григорьевич Мунштейн (р. 1868) — поэт, драматург и переводчик; был известен под псевдонимом Lolo (так подписаны и все включенные в настоящий сборник стихотворения, кроме №№ 138 и 150); активный сотрудник киевских и петербургских газет и сатирических журналов: «Сигнал», «Стрелы», «Зарницы», «Киевская жизнь», «Киевская заря», «Утро России» и др. В 1906 г. эмигрировал из России; после Великой Октябрьской революции — белоэмигрант; занимал враждебную позицию по отношению к советской власти.

137. «Киевская газета», 1905, 31 октября; «Стрелы», 1905, № 4, с. 4; «Утро свободы» (М.), 1907, 13 мая, как 1-я часть стих. «Политические шаржи» — в форме диалога между Оптимистом и Пессимистом. *Усиленная охрана* — введение в какой-нибудь местности исключительного положения, при котором местным органам власти предоставлялись широкие полномочия для борьбы с революционным движением. Положение об усиленной охране было принято еще в 1881 г., после убийства Александра II. *Военное положение* — передача управления из рук административных органов в руки военных властей с предоставлением им чрезвычайных полномочий; вводилось в обстановке внутренних волнений.

138. «Сигнал», 1905, вып. 2, с. 4, подпись: L — о. В стихотворении использована игра слов: *удел* — судьба, участь и — в дореволюционной России — название земельного имущества, принадлежащего царской фамилии (министерство двора и уделов).

139. «Стрелы», 1905, № 7, с. 8. Речь идет о П. Н. Дурново; при Александре III, будучи директором департамента полиции, он был уличен в том, что пытался через своих агентов похитить у бразильского (по более новым данным — испанского) посла письма своей любовницы, которую подозревал в измене с послом, последний дал ему за это пощечину и написал об этом царю; резолюция Александра III по делу Дурново гласила: «Убрать эту свинью в 24 часа». *Казнокрадство*. Имеется в виду авантюра Дурново с овсом.

140. «Стрелы», 1906, № 8, с. 8; «Киевский вестник», 1906, 22 января; «Утро» (М.), 1907, 21 марта, под заглавием «Звуки дня», с большими изменениями. Печ. по журн. «Стрелы». *Pereat justitia, fiat Durpovo* — перефразировка латинской пословицы «Fiat justitia, pereat mundus», что означает: «Да здравствует правосудие, хотя бы погиб мир». *Плевенский язык* — по имени министра внутренних дел Плева. *Граф* — С. Ю. Витте.

141. «Киевская заря», 1906, 21 апреля. Заглавие основано на игре слов: *singiculum vitae* (лат.) — жизненный путь, биография. Эпиграфия правительству Витте: 22 апреля 1906 г. была подписана отставка его кабинета. *Начав карьеру с chemin de fer*. Здесь игра слов: название карточной игры и одновременно — профессия Витте, начавшего карьеру с должности путевого инженера. *Пьер* — П. Н. Дурново. *Царское Село* — резиденция Николая II.

142. «Гром», 1906, № 1, с. 4. «Перепев» стих. А. С. Пушкина «Романс» («Под вечер, осенью ненастной. . .»). *Премьер* (он же — *граф*) — С. Ю. Витте. *Чудесный плод любви к народу* — Манифест 17 октября. «*Патриоты*» — черносотенцы.

143. «Киевская заря», 1906, 21 мая, из цикла: «На мотивы шалыпинских песен». На мотив «Серенады Дон-Жуана» П. И. Чайковского (слова А. К. Толстого). Цикл создан в связи с концертом Ф. И. Шалыпина в Киеве; Мунштейн принимал участие в организации этого концерта для рабочих и передаче сбора от него большевикам (об этом см. в кн.: С. Дрейден, Музыка революции, М., «Музыка», 1966, с. 339). *Депутаты*. Речь идет о депутатах Государственной думы. *Звездная палата* — см. примеч. 13. «*Порядок правовой*». Партия правового порядка, см. примеч. 38. *Горемыкинский трактат*. Речь идет о декларации кабинета Горемыкина, которая являлась программой борьбы правительства с революцией (была оглашена в I Государственной думе в мае 1906 г.). «*Патриот*» — черносотенец. *Государственный совет* — см. примеч. 71.

144. «Киевская заря», 1906, 4 июня. Вильгельм *Телль* — национальный герой швейцарского народа, свободолюбец и патриот, прозванный стрелок; согласно легенде, не оказал почтения императорской власти, за это наместник Гесслер заставил Телля стрелять в яблоко на голове его маленького сына; стрела Телля пронзила яблоко; впоследствии Телль отомстил Гесслеру, убив его.

145. «Киевская заря», 1906, 10 мая. *Государственный совет* — см. примеч. 71. *Редерер и ай* — марки французского шампанского. *Гонцы всенародные* — члены Думы. *Средостение* — здесь: преграда, препятствие, мешающее общению двух сторон. *Избранники из столицы ушли как изгнанники*. Имеется в виду разговор о разгоне I Государственной думы.

146. «Киевская речь», 1906, 11 октября. «*Наша жизнь*» (1904—1906, с перерывами) — общественно-политическая, литературная и

экономическая петербургская газета, близкая к левому крылу кадетов (ред. В. В. Водовозов и другие, изд. Л. В. Ходский); приговором судебной палаты 17 августа 1906 г. была запрещена навсегда. *«Волна»* (26 апреля — 24 мая 1906) — петербургская ежедневная легальная большевистская газета, с № 9 фактически редактировалась В. И. Лениным; неоднократно подвергалась полицейским репрессиям. *«Мысль»* (20 июня — 7 июля 1906) — петербургская ежедневная политическая и литературная газета, легальный орган партии эсеров (ответственный ред. и изд. И. Е. Соломко), была закрыта постановлением петербургского градоначальника. *«Око»* (1906) — газета либерально-буржуазного направления, выходившая в Петербурге вместо запрещенной *«Руси»*. *«Речь»* (1906—1917) — газета, орган кадетской партии. *«Товарищ»* (1906—1907) — ежедневная петербургская буржуазная газета, орган левых кадетов, подвергалась неоднократному запрещению. *«Новый путь»* (август — ноябрь 1906) — московская газета левокадетского направления (ред. Н. Н. Евреинов), была закрыта на основании положения о чрезвычайной охране. *«Свет»* — см. примеч. 113. *«Друг»* (1905—1914) — кишиневская газета реакционно-черносотенного направления (ред.-изд. П. А. Крушеван). *«Вече»* — см. примеч. 76. *«Русская земля»* (1905—1915) — реакционная московская газета (ред. С. К. Глинка-Янчевский, изд. А. С. Суворин). *«Новое время»* (1868—1917) — петербургская ежедневная газета, сначала прогрессивно-либерального направления; при А. С. Суворине превратилась в одну из беспринципнейших газет. По характеристике В. И. Ленина, «„Новое Время“ Суворина на много десятилетий закрепило за собой... прозвище «Чего изволите?». Эта газета стала в России образцом продажных газет. «Нововременство» стало выражением, однозначным с понятиями: отступничество, ренегатство, подхалимство. «Новое Время» Суворина — образец бойкой торговли «на вынос и распивочно». Здесь торгуют всем, начиная от политических убеждений и кончая порнографическими объявлениями» (Полн. собр. соч., т. 22, с. 44). *«Гражданин»* — см. примеч. 11. *«Русское знамя»* (1905—1917) — петербургская погромно-черносотенная газета, орган «Союза русского народа» (ред. в разное время: А. И. Дубровин, П. Ф. Булацель). *«Россия»* — см. примеч. 14. *«Патриот» от начальства ждал пособий* и т. д. Видимо, речь идет о временном прекращении субсидий «Русскому знамени» со стороны правительства.

147. «Киевская рець», 1906, 3 сентября, с подзаголовком: «Предостережение». Печ. по кн.: Утренники, Товарищеский сборник [М., 1909], с. 216. *Гунияди-Янос* (правильнее: Янош) — популярное лекарство (слабительное). *Полугучков* — от фамилии А. И. Гучкова.

148. «Киевская речь», 1906, 12 сентября.

149. «Новости и биржевая газета» (СПб.), 1905, 3 октября. Печ. по газ. «Киевская речь», 1906, 13 октября, с авторскими сокращениями и заменой действующих лиц. *«Яр»* — роскошный ресторан на окраине Москвы. *«Ведомости»*. Подразумевается газета «Московские ведомости» (1756—1917) — с 1905 г. орган черносотенцев (ред. В. А. Грингут). *«Вече»* — см. примеч. 76. *«Киевлянин»* (1864—1918) — реакционная монархическая газета (ред. Д. И. Пихно),

150. «Заклепка», 1906, № 1, с. 6: «Утро свободы» (М.), 1907, 6 мая, под заглавием «Крушеван и хулиган (Пародия)», среди материалов за общей подписью: Дрессированный на свободе редактор Lolo, фактически вариация на ту же тему, с другими персонажами. «Перепев» стих. А. С. Пушкина «Поэт» («Пока не требует поэта. .»). *Нирвана* — в буддийской религии — состояние высшего блаженства. «Вече» — см. примеч. 76. «Киевлянин» — см. примеч. 149.

151. «Киевская речь», 1906, 20 декабря. «Перепев» стих. М. Ю. Лермонтова «Нищий». *Куколь* — монашеский головной убор.

152. «Киевская речь», 1906, 28 ноября — 1-я часть, под заглавием «Кормильцы» (Диалог), с разночтениями. Печ. по кн.: Сборник, М., 1906, с. 168; «Утро свободы» (М.), 1907, 13 мая, как 3-я часть стих. «Политические шаржи», под заглавием «Кормильцы» (Продовольственная беседа), с другими действующими лицами. Во 2-й части стихотворения поэт иронизирует по поводу кратковременного «полевения» Меньшикова и других реакционных журналистов, связанного с опубликованием Манифеста 17 октября. *Педель* — надзиратель при высших учебных заведениях в дореволюционной России. «Неделя» (1904—1906) — еженедельник либерального направления.

153. «Утро свободы» (М.), 1907, 15 мая. Первая и последняя строфы отчасти навеяны стих. К. Пруткива «Из Гейне». Во II Государственной думе *Родичев* выступил с обвинением *Гурко* в хлебных махинациях.

154. «Утро России» (М.), 1907, 18 сентября. Печ. по кн.: Утренники. Товарищеский сборник, [М., 1909], с. 213. «*Дума гнева*» — так называли кадеты I Думу. «*Скорбный лист*» — история болезни. «*Яр*» — см. примеч. 149. *Абсентеист* — от «абсентеизм» (уклонение избирателей от участия в выборах). Здесь и в другом значении — от слова «абсент» (спиртной напиток, настойка на полыни).

Л. А. НИКИФОРОВА

Людмила Алексеевна Никифорова — писательница и журналистка, сотрудничала в «Зрителе», была одним из соредакторов «Масок», «Журнала».

155. «Маски», 1906, № 1, с. 6, подпись: П-РО.

Н. А. ПАНОВ

Николай Андреевич Панов (1861—1906) — поэт.

156. «Стрелы», 1905, № 3, с. 2. Во 2-й части речь идет о Плевее, в 3-й — о Трепове, в 4-й — о Победоносцеве.

А. Г. ПЕРГАМЕНТ

Август Георгиевич Пергамент — редактор-издатель сатирического журнала «Зарницы».

157. «Зарницы», 1906, № 6, с. 6, подпись: Раругус. Написано по следующему поводу: «В бюрократических сферах циркулирует слух о любопытном происшествии, в котором видную роль сыграл граф Витте. Рассказывают, что граф Витте на днях, возвращаясь ночью с какого-то заседания... проходя мимо дома № 12 по Мойке, где помещается охранный отделение, обратил внимание на шум, происходивший в этом доме. Заинтересовавшись столь необычным, тем более для такого позднего времени, шумом, граф... вошел внутрь и обнаружил большую типографию, в которой в этот момент печатались черносотенные воззвания... По настоянию графа эта типография будто бы была закрыта» («Наша жизнь», 1906, 7 февраля). *Монопольный Торквемада*. Намек на введение С. Ю. Витте монополии винной торговли. *Захват произведений создает лишь спрос ему* и т. д. Частые конфискации и преследования сатирических журналов усиливали интерес к ним; газетчики нередко продавали их по повышенным ценам. *Домина... русских песен вожака*. В доме № 12 на Мойке жил последние годы и скончался А. С. Пушкин. «*Витте пляска*» — «Виттова пляска» (1905—1907) — однодневная черносотенная газета, всего вышло 8 номеров под различными заглавиями: «Азбука Виттовой пляски», «Русская Виттова пляска» и т. п.

А. А. ПЛЕЩЕЕВ

Александр Алексеевич Плещеев (1858—1944) — прозаик, драматург и театральный критик, автор книг по истории русского балета; сын поэта А. Н. Плещеева.

158. «Зарницы», 1906, № 2, с. 4, подпись: Калностро. Речь идет о «свободах», дарованных Манифестом 17 октября.

И. П. ПОТЕМКИН

Петр Петрович Потемкин (1886—1926) — поэт-сатирик и драматург, выступал также как прозаик и театральный критик. Начало литературной деятельности Потемкина относится к 1905 г.; под псевдонимами Андрей Леонидов и Пи-куб он печатается в сатирических журналах «Сигнал» (затем «Сигналы»), «Маски», «Еж», «Водолаз», «Рапира» и др. Позднее (с 1908 г.) — активный сотрудник «Сатирикона»; после Октября — белоэмигрант.

159. «Сигналы», 1906, вып. I, с. [4], подпись: Андрей Леонидов. *А я так всю Москву спалила*. Обыгрывается распространенное выражение: «От копейной свечки Москва сгорела».

160. «Сигналы», 1906, вып. I, с. [4], подпись: Андрей Леонидов.

161. «Сигналы», 1906, вып. I, с. [6], подпись: Андрей Леонидов. «Перепев» басни К. Пруткива «Пастух, молоко и читатель».

162. «Маски», 1906, № 9, с. 6, подпись: Пи-куб. «Перепев» стих. П. И. Вейнберга «Он был титулярный советник...», на слова которого написан роман Даргомыжского. *Палата* — здесь: Судебная палата, «*Сто третья*» — ст. Уг. улож. о привлечении к ответственности

виновных «в оскорблении царствующего императора, императрицы или наследника престола или в угрозе их особе, или надругательстве над их изображением, учиненных непосредственно или хотя и заочно, но с умыслом возбудить неуважение к их особе, или в распространении или публичном выставлении с тою же целью сочинения или изображения, для их достоинства оскорбительных...»

163. «Сигналы», 1906, вып. 4, с. [7], подпись: Андрей Леонидов. Вольное переложение одного из мотивов стих. Г. Гейне «Белый слон» («Романсеро». Кн. I — «Историн»). *Толстой*. Вероятно, подразумевается Л. Н. Толстой.

164. Экстренное приложение к журналу «Сигналы», [1906], с. [2], подпись: Андрей Леонидов. «Перепев» басни К. Пруткова «Незабудки и запятки».

П. Е. ПРИВАЛОВ

Иван Ефимович Привалов (р. 1872?) — рабочий-текстильщик, с 1897 г. активный участник революционного движения, подвергался аресту и ссылке в 1905 г. и в 1907—1913 гг.; сотрудничал в профсоюзной печати, помещал стихи в журналах профсоюза текстильщиков (1905—1907). В 1907 г. петроградским союзом текстильщиков была издана книга стихов И. Е. Привалова «Песни прядильщика».

165. И. Привалов, Песни прядильщика, СПб., 1907, с. 33.

М. Я. ПУСТЫНИН

Михаил Яковлевич Пустынин (настоящая фамилия — Розенблат) (1884—1966) — поэт-сатирик, активный участник сатирических журналов эпохи первой русской революции.

166. «Стрелы», 1906, № 9, с. 6, подпись: — Ы — . «Перепев» стих. М. Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...».

167. «Паяцы», 1906, № 1, с. 3, подпись: — Ы — . «Перепев» стих. М. Ю. Лермонтова «И скучно и грустно».

168. «Бич», 1906, № 1, с. 8, подпись: — Ы — . «Перепев» стих. А. С. Пушкина «Поэт».

169. «Водоворот», 1906, № 6, с. 5, подпись: — Ы — . «Перепев» стих. М. Ю. Лермонтова «Парус», откуда взят эпиграф, с изменением во 2-й строке.

170. «Водоворот», 1906, № 6, с. 10, подпись: — Ы — . Написано в связи с убийством Гапона на даче в Озерках, под Петербургом, 28 марта 1906 г. рабочими, убедившимися в его провокационной деятельности. В это же время в ряде газет появились материалы о том, что Гапон якобы жив.

А. РАДЗИЕВСКИЙ

А. Радзиевский — писатель, сотрудник сатирических журналов «Еж», «Стрекоза», «Сатирикон» и «Новый Сатирикон», редактор журнала «Поэт» (1907—1908).

171. «Еж», 1907, № 3, с. 7, подпись: Альми.

М. К. САВИН

Михаил Ксенофонтович Савин (1876—1947) — поэт, редактировал в 1906 г. профсоюзный журнал «Булочник», который был запрещен властями. Политическая лирика М. Савина периода первой русской революции вошла в его сборник «Новые песни», М., 1907.

172. «Булочник» (М.), 1906, № 1, с. 13, подпись: Дедушка с Протвы. Печ. по журн.: «Листок булочников и кондитеров» (СПб.), 1906, № 7, с. 3., подпись та же. *Союз* — профессиональный союз рабочих — булочников и кондитеров.

173. «Булочник» (М.), 1906, № 2, с. 27, под заглавием: «Тонкое чутье рабочих», с подзаголовком «Куплеты», подпись: Дедлушка с Протвы. Печ. по журн.: «Листок булочников и кондитеров» (СПб.), 1906, № 4—5, с. 5, подпись та же.

М. П. СВОБОДИН

Михаил Павлович Свободин (ум. 1906) — поэт-сатирик и переводчик, активнейший сотрудник газет и сатирических журналов 1905—1906 гг.: «Сигнал», «Стрелы», «Зарницы», «Забияка», «Залп», «Биржевые ведомости», «Новости дня», «Новая жизнь» и др.

174. «Биржевые ведомости» (утр. вып.), 1905, 28 августа, подпись: Зонл. *Столоначальник* — чиновник, управляющий столом (отделом в учреждении или самим учреждением, занимающимся каким-либо узким кругом канцелярских дел). *Повытчик* — в старину — должностное лицо, ведавшее делопроизводством в суде. *Павлов-дворянин* — автор проправительственных статей в реакционных газетах, подписывался: «Дворянин Павлов».

175. «Сигнал», 1905, вып. 1, с. 3, подпись: — Один. *Приглашен мужик* и т. д. Среди депутатов Государственной думы были крестьяне.

176. «Забияка», 1905, № 1, с. 11, подпись: Эс. Заглавие навеяно «Песнями о свободном слове» Н. А. Некрасова. *Ряд мероприятий*. Подразумеваются временные правила о печати — см. примеч. 4.

177. «Забияка», 1906, № 1, с. 6, подпись: Д'ин. «Перепев» поэмы А. Н. Майкова «Приговор (Легенда о Константианском соборе)», эпиграф — первая строка поэмы.

178. «Вечерний голос» (СПб.), 1906, 19 января, подпись: Зоил.

179. «Вечерний голос» (СПб.), 1906, 21 февраля, подпись: Зоил.

180. «Новости дня» (М.), 1906, 1 марта, подпись: Зоил; то же «Вечерний голос» (СПб.), 1906, 3 марта, подпись та же. *Гарантелла* — итальянский быстрый народный танец.

181. «Вечерний голос» (СПб.), 1906, 15 марта, подпись: Зоил. В стихотворении отразилось сообщение ряда газет о том, что во Франции по срочному заказу русского правительства изготовлены блиндированные автомобили, предназначенные для борьбы с внутренними врагами; примечательно, что первоначально предполагалось использовать их в войне с Японией, но бюрократический аппарат оттягивал исполнение этого заказа. *Флот был тоже бронирован... А теперь не видно флота.* Намек на гибель русской эскадры при Цусиме.

182. «Вечерний голос» (СПб.), 1906, 10 февраля, подпись: Зоил. *Усиленная охрана* — см. примеч. 137. «*Русское государство*» — см. примеч. 13.

183. «Новости дня» (М.), 1906, 23 февраля, подпись: Зоил.

184. «Новая жизнь» (М.), 1906, 22 июня, подпись: Зоил. *Новый кабинет.* Имеются в виду слухи о предстоящей отставке кабинета Горемыкина.

185. «Новая жизнь» (М.), 1906, 26 июня, подпись: Зоил.

186. Сборник, М., 1906, с. 223, подпись: Зоил.

П. Е. СИМОНОВ

Павел Евгеньевич Симонов — поэт и журналист, сотрудник юмористических журналов «Будильник», «Осколки».

187. «Осколки», 1906, № 8, с. 6, подпись: *Grosso modo*.

188. «Осколки», 1906, № 8, с. 6, подпись: *Grosso modo*. В стихотворении речь идет о положении, создавшемся после принятия временных правил о печати 24 ноября 1905 г. (см. примеч. 4).

И. В. СКВОРЦОВ

Иван Васильевич Скворцов (р. 1855) — публицист и журналист, сотрудник и редактор-издатель ряда газет и журналов: «Литературное обозрение», «Наше слово», «Слово» и др.

189. «Паяц», 1906, № 3, с. 5, подпись: Solo. «*Fledermaus*» («Летучая мышь») — оперетта И. Штрауса. «*Апельсины*» — самодельные бомбы, применявшиеся революционерами.

Е. Э. СНО

Евгений Эдуардович Сно (1880—1941?) — поэт, прозаик, журналист. Редактировал «Юмористический альманах» (в 1905 г.) и сатирический журнал «Дятел», был приговорен к 6 месяцам заключения в крепости и лишению права заниматься издательской деятельностью на 5 лет.

190. «Клюв», 1905, № 1, с. 4, подпись: Евг.

191. «Клюв», 1905, № 1, с. 6, подпись: Дятел.

192. «Леший», 1906, № 1, с. 7, подпись: Евг. С.-о. *Стиль нуво* — см. примеч. 27.

193. Юмористический альманах «Нагайка», 1906, № 27 (хлесткий), с. 2, подпись: Евг. С.-о. «Апельсины» — см. примеч. 189. «Военное» положение — см. примеч. 137. «Тащить и не пущать» — выражение городского Мымрецова из очерка Г. Успенского «Будка», вошедшее в русскую журналистику как олицетворение режима царской России и ставшее ходовым.

194. Юмористический альманах «Секрет», 1906, № 65, с. 12, подпись: Ясновидящий. «Пересыльная» — тюрьма в Петербурге. «Шпалерная» — см. примеч. 27.

А. А. СОКОЛОВ

Александр Алексеевич Соколов (1840—1913) — прозаик, драматург и журналист, бывший актер.

195. «Еж», 1907, № 2, с. 5, подпись: Гриб. *Запахло «русским духом»* — намек на представителя черносотенного «Союза русского народа».

Ф. СОЛОГУБ

Федор Сологуб (настоящее имя — Федор Кузьмич Тетерников) (1863—1927) — поэт, прозаик, драматург. В годы первой русской революции сотрудничает в сатирических журналах «Зритель», «Сигнал», «Пламя», «Зеркало», «Вольница», «Светает», «Молот» и других; пишет политические и сатирические стихи, сказочки, рассказы. Стихи тех лет вошли в сборник: «Родине. Стихи. Книга пятая», СПб., 1906.

196. «Зритель», 1905, № 22, с. 2. Печ. по кн.: Ф. Сологуб, Великий благовест, М. — Пг., 1923, с. 17. *Владыка здешних мест* — Николай II,

197. «Сигнал», 1905, вып. 3, с. 2. Отклик на всероссийскую забастовку в октябре 1905 г.

198. «Зритель», 1905, № 24, с. 9, под заглавием: «Четыре». Печ. по кн.: Ф. Сологуб, Великий благовест, М.—Пг., 1923, с. 32. В стихотворении отразился следующий факт: 25 ноября 1905 г. в газете «Русь» было опубликовано письмо секретаря редакции газеты Н. Кли-

риллова, в котором сообщалось: «Вчера, в 6 час. вечера, пришли в редакцию «Руси» офицеры л.-гв. Семеновского полка, которые пожелали видеть редактора». Далее излагается их заявление: «Офицеры л.-гв. Семеновского полка, до крайности... возмущенные письмами под псевдонимами, помещенными в «Руси», и в особенности статьей в сегодняшнем номере, где действия командира Семеновского полка названы провокаторскими [имеется в виду заметка «Провокация или недомыслие?», опубликованная в газете 23 ноября 1905 г. — *Ред.*], предъявляют к редакции «Руси» требование впредь никогда ничего больше не писать про Семеновский полк и разрешают «Руси» перепечатывать известия, касающиеся л.-гв. Семеновского полка единственно из «Правительственного вестника»; в случае же неисполнения их требований офицеры полка примут против редакции самые решительные меры. «Крутые меры», — добавил сосед капитана про себя, но с чувством. Сделав это грозное заявление, 4 офицера, как по знаку, торжественно и молча направились к выходу». *Гороховая атака*. Речь идет о зверском расстреле семеновцами 18 октября 1905 г. мирной демонстрации на Гороховой ул. (ныне ул. Дзержинского) в Петербурге. «*Казенный вестник*» — «Правительственный вестник».

199. «Журнал», 1906, № 1, с. 4, под заглавием: «Веселая деревенская песня», подпись: Горлицвет. Печ. по кн.: Ф. Сологуб, Великий благовест, М.—Пг., 1923, с. 37.

200. «Журнал», 1906, № 1, с. 2. Печ. по кн.: Ф. Сологуб, Великий благовест, М.—Пг., 1923, с. 38. «Перепев» старинной солдатской песни «Солдатушки, бравы ребятушки...». *За чай, за мыло* — см. примеч. 47.

201. Ф. Сологуб, Великий благовест, М.—Пг., 1923, с. 46. Через диалог *Халдейского царя и халдейских людей* показаны взаимоотношения власти и народа в царской России.

В. В. ТРОФИМОВ

Владимир Васильевич Трофимов (1874—1916) — поэт, журналист, редактор сатирического журнала «Зарево» и журнала «Сыны отечества» (1908).

202. «Бурелом», 1905, рождеств. номер, с. 6, подпись: Т. *Шпалерная* — см. примеч. 27.

203. «Бурелом», 1905, рождеств. номер, с. 7, подпись: ...ов. «128» — ст. Уг. улож., по которой привлекались к ответственности «виновные в оказании дерзостного неуважения верховной власти или в порицании установленных законами образа правления... произнесением или чтением публично речи или сочинения, или распространением, или публичным выставлением сочинения или изображения». «103» — см. примеч. 162. По этим статьям особенно часто судили редакторов сатирических журналов.

204. «Бурелом», 1905, № 2, с. 2.

205. «Бурелом», 1905, № 1, с. 3. Подпись: В. Троф. *Чрезвычайная охрана* — одна из форм исключительных полномочий, предоставлявшихся местной власти для борьбы с революционным движением; по существу сводилась к созданию военно-полицейской диктатуры.

206. «Современная мысль» (СПб.), 1906, 5 ноября, подпись: В. Т.

207. «Буревал», 1906, № 1, с. 7, подпись: В. Т-ов.

208. «Водоворот», 1906, № 9, с. 4. *Обновленцы* — члены партии мирного обновления. *Усиленная охрана* — см. примеч. 137.

В. Е. ТУРОК

Владимир Евсеевич Турок (ум. 1918) — журналист, редактор-издатель сатирического журнала «Сигналы», а также редактор «Буревала».

209. «Буревал», 1906, № 1, с. 7, подпись: Вилли. За опубликованные стихотворения редактор (он же автор) был привлечен к судебной ответственности по обвинению в оскорблении в печати войска. В 1909 г. решением Главного управления по делам печати номер журнала был приговорен к уничтожению (ЦГИА, ф. 777, оп. 7, ед. хр. 374). «Перепев» стих. А. С. Пушкина «Из Гафиза».

210. «Буревал», 1906, № 2, с. 7, подпись: Вилли. Стихотворение, вместе с другими материалами журнала, послужило причиной еще одного судебного разбирательства, в результате которого на номер журнала был наложен в 1906 г. арест. В феврале 1909 г. решением Петербургской судебной палаты В. Е. Турок был приговорен к заключению в крепость на 2 года за совокупность «преступных» материалов, помещенных в 1-м, 2-м, 4-м номерах «Буревала» (ЦГИА, ф. 777, оп. 7, ед. хр. 374). В августе 1909 г. петербургский градоначальник сообщал, что «посредством разрывания на части» уничтожены арестованные экземпляры 2-го и 4-го номеров журнала «Буревал» (ЦГИА, ф. 776, оп. 9, ед. хр. 44). «Перепевает» отдельные строфы из 4-й главы романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». *Гвардейский полк* — лейб-гвардии Семеновский полк, усмирявший Московское восстание в декабре 1905 г. *Кронштадтский старец* — Иоанн Кронштадтский. «Кресты» — см. примеч. 14.

211. «Свобода и жизнь» (СПб.), 1906, 29 октября. Подпись: Вилли. Эпиграф из стих. Э. По «Ворон», которое и взято образцом для подражания. *Altalena* — псевдоним В. Жаботинского. «Око» — см. примеч. 146. *Не помогут ли французы*. Речь идет о надеждах царского правительства получить заем во Франции. *Октябрьские союзы*. Имеется в виду «Союз 17 октября». «Речь» — см. примеч. 146. «*Время*» — имеется в виду «Новое время» — см. примеч. 146. «*Знамя*» — здесь подразумевается «Русское знамя» — см. примеч. 146.

212. «Современная мысль» (СПб.), 1906, 18 ноября, подпись: Вилли. Посвящено выборам во II Государственную думу. *Таврическая палата* — см. примеч. 18.

213. «Буревал», 1906, № 2, с. 4, подпись: Вилли. *Чрезвычайная охрана* — см. примеч. 205. *Усилена охрана* — см. примеч. 137.

214. «Сигналы», 1906, вып. 3, с. 7, подпись: Вилли. «Перепев» песни «Ой, полна, полна коробушка» из поэмы Н. А. Некрасова «Коробейники». *Пожалей, моя соседушка*. Речь идет о попытках царского правительства получить заем во Франции. *Дай подняться ренте ввысь*. По сообщениям газет, к 1906 г. наблюдалось резкое падение государственной ренты. *Как войска наши удалые завоюют наш Кавказ* и т. д. Имеется в виду политика подавления революционных выступлений в различных областях Российской империи.

215. «Водоворот», 1906, № 7, с. 10, подпись: Вилли. Ритмическое строение стихотворения связано с эпиграфом к «Пиковой даме» А. С. Пушкина. Речь идет о деятельности черносотенных отрядов.

ТЭФФИ

Тэффи (настоящее имя — Надежда Александровна Бучинская, урожд. Лохвицкая) (1876—1952) — поэтесса, прозаик, драматург. Начало литературной деятельности относится к 1901 г. В годы первой русской революции выступает с сатирическими стихами в журналах «Зарницы», «Красный смех», «Серый волк», «Сигнал», в газете «Новая жизнь» и др. В 1920 г. эмигрировала, умерла в Париже, незадолго до смерти приняв советское подданство.

216. «Новая жизнь» (М), 1905, 1 ноября. *Патрон*. Подразумевается Д. Ф. Трепов. Речь идет об оставлении им, под давлением общественности, должности товарища министра внутренних дел; к ноябрю 1905 г. был назначен дворцовым комендантом.

217. «Сигнал», 1905, вып. 2, с. 5. «Перепев» стих. А. Мицкевича «Воевода» в переводе А. С. Пушкина.

218. «Красный смех» (СПб.), 1906, № 4, с. [6], из цикла «Современные русские песни». Две первые строки — неточная цитата из народной лирической песни «Ты поди, моя коровушка, домой...» *Партия П. П.* — партия правового порядка (см. примеч. 38). «*Русская*» — «Союз русского народа».

219. «Зарницы», 1906, № 1, с. 4. «Перепев» стих. Г. Гейне «На севере диком стоит одиноко...» в переводе М. Ю. Лермонтова.

В. В. УМАНОВ-КАПЛУНОВСКИЙ

Владимир Васильевич Уманов-Каплуновский (настоящая фамилия — Каплуновский, р. 1865) — писатель и переводчик. Сотрудничал в сатирических журналах «Водоворот», «Буревал», «Водолаз».

220. «Современная жизнь» (СПб.), 1906, 25 февраля, подпись: Вук. *Свободная партия* — партия народной свободы (кадеты). *Хартия* — Манифест 17 октября. *Пять свобод* — действительная неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов, обещанные Манифестом 17 октября.

О. К. УМОВА

Ольга Кесаревна Умова — прозаик и поэтесса, активно сотрудничала во многих сатирических журналах 1905—1907 гг.: «Шут», «Поединок», «Бич», «Водоворот», «Жало», «Стрела» и др. Стихи этого периода вошли в сборник О. Умовой «В тяжелые дни», СПб., 1907.

221. «Водоворот», 1906, № 1, с. 3, подпись: Демократка. «Перелев» стих. М. Ю. Лермонтова «Бородино». В стихотворении говорится об одном из трагических эпизодов революции — расправе семеновцев 18 октября 1905 г. над студентами, собравшимися около Технологического института и внутри здания. «Патронов не жалели. Полиция уверяла, что в институте склад бомб, и молодцы-семеновцы рады стараться. Было дано 17 залпов в институтские окна. . . Полковник Мин. . . в своем рвении предлагал даже зажарить студентов живыми: „Нужно вкатить в двери Технологического института три бочки керосина и зажечь“» (Н. Георгиевич, О патронах. — «Петербургская газета», 1905, 24 октября). Стихотворение послужило одной из причин судебного дела, возбужденного Петербургским цензурным комитетом против редактора-издателя журнала «Водоворот» С. Н. Мендельсона, по оскорблению в печати войска (ЦГИА, ф. 776, оп. 9, ед. хр. 28). *Полковник* — Мин. Корнет Фролов произвел настоящую атаку во главе эскадрона конной гвардии на собравшихся возле института.

Н. П. ФАЛЕЕВ

Николай Иванович Фалеев — поэт, драматург, журналист, активный сотрудник и член редколлегии журнала «Зритель», печатался и в других сатирических журналах: «Леший», «Скоморох», «Альманах», «Стрекоза».

222. «Зритель», 1905, № 3, с. 5, подпись: Чуж-Чуженин.

223. «Зритель», 1905, № 9, с. 6, подпись: Чуж-Чуженин.

224. «Зритель», 1905, № 14, с. 5, подпись: Чуж-Чуженин.

225. «Зритель», 1905, № 19, с. 7, подпись: Чуж-Чуженин; в ЦГИА ранний вариант этого стихотворения. Намёк на обманный характер свобод, дарованных Николаем II (здесь: *Пастух*); автор иронизирует по поводу неумеренных восторгов буржуазии (*скота буржуйного*), приветствовавшей манифест.

226. «Зритель», 1905, № 19, с. 8, подпись: Нео-Овидий. «*Метаморфозы*» (Превращения) — название поэтической книги Овидия. *Гороховый костюм* — см. примеч. 83.

227. «Зритель», 1905, № 20, с. 5, подпись: Сила Дворяннович. Речь идет о командировке в Саратовскую, Тамбовскую и Черниговскую губернии генерал-адъютантов Сахарова, Струкова и Дубасова в конце октября 1905 г. с целью принятия немедленных мер «для

водворения общественного порядка» в связи с крестьянскими волнениями. Специально утвержденной инструкцией генерал-адъютантам предоставлялась, в сущности, неограниченная власть: под их начало передавались войско и полиция, все учреждения должны были беспрекословно выполнять их требования, они получали право задерживать, арестовывать любого, приостанавливать издание газет и журналов и т. п.

228. «Зритель», 1905, № 21, с. 3, подпись: Н. Ф.

229. «Зритель», 1905, экстренный выпуск, 24 ноября, с. 2, подпись: Сила Дворянинович. На набережной реки *Мойки* в Петербурге в те годы размещались один из отделов министерства внутренних дел, возглавляемого *Дурново*, Главный военный суд и военно-окружной суд, а также охранное отделение.

230. В. Боцяновский, с. 185. *Метранпаж* — мастер верстки наборного цеха типографии. *Сто сороковая* статья устава о цензуре и печати предоставляла министру внутренних дел право запрещать оглашение или обсуждение в печати вопросов государственной важности.

231. В. Боцяновский, с. 186, подпись: Чуж-Чуженин.

232. «Маски», 1906, № 1, с. 3, подпись: Фарлаф. *Романцero* (романсеро) — название сборников испанских романсов. *Сюзерен* — в эпоху феодализма в Западной Европе крупный феодал, государь по отношению к вассалам. *Весталка* — в Древнем Риме жрица богини Весты, давшая обет безбрачия и целомудрия. *Прелат* — титул высшего католического духовенства. *Пилат* — римский прокуратор Иудеи (26—36 н. э.), согласно христианской легенде, утвердил смертный приговор Иисусу Христу. *Схимник* — монах, принявший схиму, которая требует от посвященного в нее выполнения суровых аскетических правил.

233. «Маски», 1906, № 5, с. 6, подпись: Сила Дворянинович. *Ери Шпионович* ведет родословную от Ерша Ершовича — героя старорусской повести, ловкого проходимца.

234. «Маски», 1906, № 6, с. 4, подпись: Мстислав. Стилизация евангельских заповедей (из Нагорной проповеди Иисуса Христа).

235. «Леший», 1906, № 2, с. 10, подпись: Чуж-Чуженин. Адресовано С. Ю. Витте и написано по поводу его отставки. *Горемыкинское чучело* — Горемыкин. *Дерньерствовать* (от франц. dernier) — быть последним. *Засядем мы за шторами* и т. д. После смены кабинета Дурново и Витте были назначены членами Государственного совета.

236. «Леший», 1906, № 2, с. 11, подпись: Чуж-Чуженин. Посвящено открытию I Государственной думы 27 апреля 1906 г.

237. «Столичная почта» (СПб), 1906, 7 октября, подпись: Ле-в. *Торжествующая свинья* — см. примеч. 129. *Рептильная печать* — продажная, пресмыкающаяся перед властями пресса.

238. «Молодые силы», 1906, № 1, с. 13, подпись: Н. Фалеев (Чуж-Чуженин). Написано по следам события, происшедшего в октябре 1906 г.: по приказу ректора А. А. Мануйлова был закрыт Московский университет, после того как общестуденческая сходка постановила 18—20 октября приостановить чтение лекций и провести собрания в память павших за свободу. *Фельдфебельский Вольтер* — перефразированное выражение из комедии Грибоедова «Горе от ума» («Фельдфебеля в Вольтеры дам»).

239. «Вольница» (СПб.), 1906, № 1, с. 64, подпись: Ринальдо-Ринальдини. Заглавие и содержание стихотворения навеяны фактами, сообщенными в разоблачительном письме рабочего Н. Петрова по поводу Гапона: Н. Петров, в частности, писал о том, что Матюшенский однажды «принес 3000 рублей и сказал, что у него есть знакомый купец, который был революционером, но теперь старый, но сочувствует освободительному движению, вот он и пожертвовал нам деньги и обещал давать еще» (Н. Петров, Правда о Гапоне, СПб., 1906, с. 7). В стихотворении говорится о встрече С. Ю. Витте с Гапоном. Такие предположения неоднократно высказывались в оппозиционной печати того времени. *Матюканский* — Матюшенский. *Компримарио* — от компримировать (лат. *comprimere* — перен.: удерживать, подавлять, обуздывать). *Весенние обещания* — вероятно, «весна» Святополк-Мирского (см. примеч. 10). «*Рогнеда*» — опера А. Н. Серова. *У лукоморья есть столица* и т. д. «Перепев» строк из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». *Поп к царю с народом ходит*. Намек на события 9 января 1905 г. *Дополнительные правила против печати*. Намек на временные правила о печати 24 ноября 1905 г. (см. примеч. 4). *Постыж в Монте-Карло* и т. д. После событий 9 января Гапон бежал за границу; здесь намек на кутежи Гапона, тратившего в Монте-Карло средства, которые ему жертвовали на нужды революции. *Горю желанием... открыть одиннадцать отделов*. Речь идет о возобновлении деятельности гапоновских организаций. *Игривый дуэт Купца и Гапона «Что ж тут худого?..»* — в духе дуэтов из оперетты С. Джонса «Гейша» (либретто О. Холла и Г. Гринбэнка). «*Риголетто*» — опера Дж. Верди. *Тяжела ты, шапка Мономаха* — строка из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов».

240. «Скоморох», 1907, № 1, с. 4, подпись: Сила Дворянинович. *Кунштиюкуция* — от нем. *Kunststück* (фокус, трюк).

241. «Утро России» (М.), 1907, 16 сентября, подпись: Чуж-Чуженин; «Былое-грядущее» (СПб.), 1907, № 2, с. [1]. «*Голубиная книга*» — одно из самых древних и распространенных произведений, относящихся к жанру духовных стихов; рассматривает вопросы о происхождении мира, живых существ и различных явлений природы. *Карлы да Амалыи*. Имеются в виду журналисты реакционного толка, подобные В. А. Грингмуту. *Стали бить меня... рублем*. В 1906 г. широко применялись штрафы в качестве репрессивной меры по отношению к оппозиционной печати.

Н. А. ФОЛЬБАУМ

Николай Александрович Фольбаум — журналист; сотрудничал в сатирических журналах «Зритель» и «Жало», позднее (в 1910-е годы) редактировал юмористические журналы «Волянка» и «Тихий омут».

242. «Зритель», 1905, № 12, с. 7.

243. «Жало», 1905, № 1, с. [5], подпись: Каин. Речь идет, по всей вероятности, о Николае II, который в это время жил преимущественно в загородных дворцах, лишь изредка приезжая в Петербург. *«Нет на жительстве в России»*. По-видимому, здесь намек на распространившиеся слухи о возможном отъезде царя и его семейства в Англию в связи с подъемом революционного движения в России.

244. «Жало», 1905, № 1, с. [10], подпись: Alter. *Гитана* — цыганка.

245. Архив «Зрителя».

246. Архив «Зрителя». *Про «красный сарафан» запели*. Вероятно, имеется в виду песня на слова Н. Г. Цыганова, муз. Варламова, «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан...». *Табель* — табельный (праздничный, неприсутственный) день.

А. М. ХИРЬЯКОВ

Александр Модестович Хирьяков (1863—1940) — публицист, критик, поэт; редактор-издатель петербургской газеты «Голос».

247. «Сегодня» (СПб.), 1906, 30 августа, подпись: Дир. «Перепев» стих. А. С. Пушкина «Ночной зефир...». *Программа полудел и полумер*. Речь идет о политической программе премьер-министра Столыпина, составными элементами которой были аграрная реформа, лавирование в Думе между правооктябристской и октябристско-кадетской думскими группами, а также полицейская расправа с революционным движением.

248. «Сегодня» (СПб.), 1906, 27 сентября, подпись: Дир. *Белокаменная* — Москва. *Разражается Грингмут речью пламенной*. Имеется в виду одна из речей Грингмута на съезде «Союза русского народа». *Веселись, святая Русь и Германия*. Возможно, намек на тесную родственную связь царской династии Романовых с немецкими королевскими и герцогскими династиями.

САША ЧЕРНЫЙ

Саша Черный (настоящее имя — Александр Михайлович Гликберг) (1880—1932) — поэт-сатирик. Печатался с 1904 г.; в 1905 г. становится сотрудником журнала «Зритель», сотрудничал также в сатирических журналах «Молот», «Альманах», «Маски», «Леший», «Скорморох» и др. Стихи периода 1905—1906 гг. представлены в его сбор-

нике «Разные мотивы», СПб., 1906, на который был наложен арест. Сам поэт — во избежание ареста — вынужден был уехать в Германию, где пробыл до 1908 г. После Октября эмигрировал.

249. А. М. Гликберг, Разные мотивы, СПб., 1906, с. 6. *От русского флота остались одни адмиралы* и т. д. Имеется в виду гибель русского флота во время русско-японской войны. *Димитрием Ложным из пушки палила*. После убийства Лжедмитрия I труп его был сожжен и прах развеян пушечным выстрелом. *Сергей, миротворец Портсмутский*, — С. Ю. Витте.

250. «Молот», 1905, № 1, с. [8]; А. М. Гликберг, Разные мотивы, СПб., 1906, с. 14, как 2-я часть стих. «Словесность». Стихотворение послужило одной из основных причин возбуждения в 1908 г. судебного дела против сборника «Разные мотивы»: «... в стихотворениях, описывающих военный быт и «военные круги» [автор. — *Ред.*], употребляет оскорбительные для армии выражения». Петербургский комитет по делам печати постановил привлечь виновных в напечатании этого сборника к судебной ответственности, а на издание наложить арест. Как явствует из дела, «полное имя и местожительство его [автора. — *Ред.*] комитету неизвестны» (ЦГИА, ф. 776, оп. 9, ед. хр. 1571).

251. «Журнал», 1906, № 1, с. 4. *Флигель-адъютант* — придворное звание. *Будешь графом и премьером*. Намек на С. Ю. Витте. *Пажеский корпус* — привилегированное учебное заведение в царской России.

252. «Журнал», 1906, № 1, с. 8. *Что овес и Дурново также любит* — см. примеч. 5.

253. «Зритель», 1905, № 23, с. 4. Против виновных в выпуске номера «Зрителя» с этим стихотворением было возбуждено уголовное преследование на основании ст. 103 и 128 Уг. улож.; к цензурному делу приложен экземпляр журнала, где «Чепуха» жирно обведена цензорской рукой красным карандашом, а строфа «Разорвался апельсин...» к тому же отчеркнута синим (ЦГИА, ф. 777, оп. 25, ед. хр. 919). *Разорвался «апельсин» у Дворцова моста* и т. д. Имеется в виду случайный выстрел боевым зарядом в сторону царского дворца во время святок в декабре 1905 г. *Высокий господин маленького роста* — Николай II. *Сей высокий человек едет за границу*. Намек на секретное свидание Николая II с Вильгельмом II летом 1905 г. в Бьерке. «Начало» — ежедневная легальная меньшевистская газета (ред.-изд. Д. М. Герценштейн, С. Н. Салтыков), вышла в Петербурге с 13 ноября по 2 декабря 1905 г. (16 номеров). *Появился Серафим — появились дети*. Ирония по поводу того, что фанатичная царица и придворные связывали факт рождения наследника с чудотворным влиянием незадолго перед этим открытых мощей Серафима Саровского. *Папа* — Николай II. *Неметти* — театр В. А. Неметти в Петербурге, обычно сдавался в аренду труппам, исполнявшим оперетты, водевили и т. д. *Святцы* — список святых и религиозных праздников на год.

254. «Молот», 1906, № 2, с. 7, подпись: А. Гл-г; А. М. Глибберг, Разные мотивы, СПб., 1906, с. 12, как 1-я часть стих. «Словесность»; «Солдатский путь», Изд. ЦК РСДРП, [1906], № 2, с. 4, под заглавием «Как учат солдат, чтобы сделать из них достойных царских слуг», без подписи, с эпиграфом: «Корень учения горек, а плоды его солдаты палят, куда им велят», со следующей концовкой, не принадлежащей Саше Черному. После строки 24-й следует:

«Ноги вместе. Выше харю.
И не так еще ударю», —
Так вчера еще учили
И семеновцев-солдат...
Но теперь их полюбили,
Царь готовит им наград:
«Голубчики дорогие,
Вы не так ведь, как другие:
Много душ вы погубили,
И кололи, и палили,
Кровью всю Москву залили...
Век глядеть на вас я рад».

255. «Маски», 1906, № 1, с. 8. *Дали франкам мы в заем* и т. д. Здесь «перевернут» факт получения Россией займа от Франции под высокий процент. *Предварительный... дом* — тюрьма предварительного заключения. *Бросили мамашу*. Вероятно, имеется в виду мать Николая II — Мария Федоровна. *Петр Великий на Неве* — Медный всадник. «Молва» — петербургская оппозиционная газета (декабрь 1905 — январь 1906), выходила вместо запрещенной «Руси». «Зритель» — сатирический журнал, выходил в Петербурге с июня по декабрь 1905 г. Постановлением суда издание приостановлено. *Пожилкой и хилый врач высек генерала* — намек на избивание генералом В. Ковалевым доктора Забусова — см. примеч. 10. *Сиятельный сифон*. Повидимому, намек на С. Ю. Витте. *Милое семейство* — царская семья.

256. «Маски», 1906, № 2, с. 3. *Монсеньор* — здесь: представитель высшего духовенства. В стихотворении, по-видимому, содержится намек на Иоанна Кронштадтского, бежавшего из Кронштадта во время вспыхнувшего там восстания в октябре 1905 г.

257. «Маски», 1906, № 2, с. 7. Написано по поводу предстоящего открытия I Государственной думы. *Две Думы* — «Булыгинская» дума (созвана не была) и I Государственная дума. *Шлиссельбург для радикалов* и т. д. В связи с подготовкой к проведению выборов в I Думу начались многочисленные аресты и высылки предполагаемых кандидатов в уполномоченные от левых партий. *Генерала ль погребенья, ведьму ль замуж выдают* — «перепев» строк из стих. А. С. Пушкина «Бесы». *Народный Дом*. Имеется в виду петербургский Народный Дом, одно из просветительных учреждений в дореволюционной России; был учрежден на деньги Николая II.

258. «Маски», 1906, № 3, с. 6. «Перепев» стих. Козьмы Пруткова «Из Гейне». *Полицейский в грязной Мойке* и т. д. На набережной реки Мойки в Петербурге находился департамент полиции.

259. «Маски», 1906, № 6, с. 6. За помещение этого стихотворения и других материалов против редактора-издателя было возбуждено судебное преследование (за оскорбление войска). На номер журнала наложен арест (ЦГИА, ф. 776, оп. 9, ед. хр. 61).

260. «Альманах», 1906, № 1, с. 42. По мотивам поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». *Манежный оратор* — черносотенец (часто собирались в здании Манежа). *Отшельник Кронштадтский* — Иоанн Кронштадтский.

261. «Альманах», 1906, № 1, с. 50. Петербургский цензурный комитет нашел, что стихотворение оскорбляет армию, и постановил привлечь редактора-издателя журнала «Альманах» к уголовной ответственности (ЦГИА, ф. 776, оп. 9, ед. хр. 42).

262. «Вольница» (СПб.), 1906, вып. 1, с. 71. Здесь сопоставляется политика Плеве и Витте.

263. «Вольница» (СПб.), 1906, вып. 2, с. 43, подпись: А. Гликберг.

264. «Леший», 1906, № 3, с. 9.

265. «Леший», 1906, № 4, с. 10. *Виссон* — дорогая материя. «*Миронисицы*» — женщины, приносившие, по евангельскому мифу, миро (благотворное вещество) для помазания тела Христа; здесь: поклонницы высокого священнослужителя.

266. «Леший», 1906, № 4, с. 10. *Кушка* — см. примеч. 128. *Родичев* произносил в Думе шумные обвинительные речи. *Все кадеты вместе* и т. д. Имеется в виду выражение недоверия со стороны I Государственной думы кабинету министров Горемыкина, что, однако, не повлекло за собой его отставки. *Билль* — законопроект.

Е. Н. ЧИРИКОВ

Евгений Николаевич Чириков (1864—1932) — прозаик, драматург, писал и стихи. В ноябре 1905 г. был арестован и посажен в тюрьму вместе с членами организационного бюро Крестьянского союза. После Октября — белоэмигрант.

267. «Русское слово» (М.), 1905, 22 ноября; подпись: «Свободный гражданин»; Вперед. Сборник стихотворений и песен, сост. М. Львович, Ростов-на-Дону, 1907, с. 161, под заглавием: «Конституция», подпись та же. «*Незыблемые основы*» — выражение из Манифеста 17 октября, где было обещано «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». 23 ноября 1905 г. в «Русском слове» было опубликовано письмо Чирикова «Незыблемые основы»: «Вот тебе и «незыблемые основы» всяких свобод! Сижу целую неделю в одиночном заключении, так сказать, «*просто за компанию*» с членами бюро Крестьян-

ского союза! Достаточно быть под подозрением у господ «охранников», чтобы к вам на квартиру ворвались, обшарили все углы и карманы и «препроводили в тюремный замок» впредь до выяснения виновности!.. До 17 ноября даже никто не потрудился сказать мне, на каких «незыблемых основах» я сижу в тюрьме.. Следователь 19 ноября объявил, что по отношению ко всем арестованным он не находит состава преступления.. Вы полагаете, всех нас выпустили? Зачем?.. Следователь передал всех нас опять в распоряжение охранного отделения, а г. градоначальник решил всех гноить в тюрьме впредь до тех пор, пока не накопится достаточно улик..»

К. И. ЧУКОВСКИЙ

Корней Иванович Чуковский (р. 1882) — советский писатель, критик и литературовед. В период революции 1905 г. был редактором-издателем сатирического журнала «Сигнал». Привлечен к суду за содержание 3-го и 4-го номеров журнала, в которых цензура увидела оскорбление императорского величества и неуважение к верховной власти; приговорен к тюремному заключению сроком на 6 месяцев, лишен права быть редактором в течение 5 лет. Журнал «Сигнал» был запрещен навсегда.

268. «Сигнал», 1905, вып. 2, с. 6. Печ. по автографу (машинопись с авторской правкой). Петербургский цензурный комитет доносил: «Не находя возможным привлечь лиц, отпечатавших названные произведения [имеется в виду, кроме данного, стих. «Удельный разговор». — *Ред.*], к судебной ответственности, Комитет тем не менее признает необходимым довести о них до сведения Главного управления по делам печати, так как они [произведения. — *Ред.*] могут подать повод к преступным истолкованиям» (ЦГИА, ф. 777, оп. 6, ед. хр. 243). Вольный перевод 4-й басни английского поэта Томаса Мура (1779—1852) из сборника «Басни для Священного Союза».

269. «Сигнал», 1905, вып. 3, с. 5. Представляет собой своеобразный иронический комментарий к фотографии. Рассказывая, что прибывший в Кронштадт для успокоения восставших матросов *Бирилев* обратился к ним с грубой речью, пересыпанной угрозами, газета «Наша жизнь» отмечала: «Не считает ли себя адмирал Бирилев одним из зачинщиков волнений?» («Наша жизнь», 1905, 2 ноября). Хотя в письме нет «указания лица, кому оно предназначается, но, судя по тому, что оно подписано Дурново и содержит упоминание о святом Серафиме, в то время пользовавшемся большой любовью в царской семье, очевидно — Николаю II» (В. Боцяновский, с. 96). Этот намек был понят и цензурой, и Чуковский был привлечен к суду по статьям 128 и 103 Уг. улож. (ЦГИА, ф. 776, оп. 8, ед. хр. 2150).

270. Экстренное приложение к журналу «Сигналы», [1906], с. [4]. «Перепев» стих. А. С. Пушкина «Бонапарт и черногорцы» — из цикла «Песни западных славян». «Стрелы», «Сигнал», «Сигналы», «Пули», «Бомба», «Пулемет», «Жупел», «Пламя», «Зритель», «Бурелом» — петербургские сатирические журналы первой русской революции.

271. «Зарницы», 1906, № 8, с. 7, подпись: К. Ч-ский. «Перепев» стих. А. С. Пушкина «Будрыс и его сыновья». *Пьер* — П. Н. Дур-

ново. *Премьер* — С. Ю. Витте. *Beau-frère* — М. Г. Акимов, сестра которого была замужем за Дурново. *Иван* — И. П. Шипов. *Блиндрованный поезд* — карательные бронепоезда, использовались царским правительством для кровавой расправы с восставшими на железных дорогах.

272. «Свобода и жизнь» (СПб.), 1906, 25 сентября, подпись: К. Ч-ский. Печ. по автографу (машинопись с правкой автора). *Эс-эсы* — члены «Союза союзов», организации мелкобуржуазной интеллигенции (1905—1906).

273. Экстренное приложение к журналу «Сигналы», [1906], с. [3]. Печ. по автографу (машинопись с авторской правкой). Вольный перевод 7-й басни Томаса Мура из сборника «Басни для Священного Союза».

О. Н. ЧЮМИНА

Ольга Николаевна Чюмина (1864—1909) — писательница, поэтесса и переводчик. В эпоху первой русской революции О. Н. Чюмина является одной из самых заметных фигур сатирической журналистики. Под псевдонимами Бой-Кот, Оптимист она сотрудничает в оппозиционных газетах «Наша жизнь», «Народное хозяйство», «Товарищ», в сатирических журналах «Зритель», «Стрелы», «Сигнал». Политическая сатира О. Чюминой этого времени вошла в сборники: «В ожидании», СПб., 1905; «Песни о четырех свободах», вып. 1, СПб., 1906; «На темы дней свободы», СПб., 1906.

274. «Зритель», 1905, № 17, с. 4, подпись: Оптимист. *Империял* — второй этаж в конке с сиденьями для пассажиров. *Передовица есть о самом главном — прямом, всеобщем, тайном, равном*. Имеется в виду требование относительно избирательного права, выдвигавшееся оппозиционной печатью. *«Входящий, здесь оставь надежду навсегда»* — из «Божественной комедии» Данте («Ад», песня 3, стих. 9). *Тонзура* — выстриженное или выбритое место на макушке у католических священников. *Немедленно, чтоб зло пресечь, собрать газеты все и сжечь* — перефразированная реплика Фамусова из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». *«Я лысым был!»* Обыгрывается печатавшаяся в то время во многих газетах реклама патентованного средства против выпадения волос «Я был лысым...». *К возобновлению «Бориса Годунова»*. Зимой 1904—1905 г. постановка оперы Мусоргского «Борис Годунов» была возобновлена на сцене Мариинского театра в Петербурге. Далее измененная строка из монолога Бориса Годунова. *Кавказский виноград, киевские конфеты*. Намек на подавление революционных выступлений на Кавказе и в Киеве. *Финский кнекке-бре* и т. д. Намек на правительственные репрессии в Финляндии.

275. «Наша жизнь» (СПб.), 1905, 27 октября, подпись: Оптимист. Одна из переделок «Казачьей колыбельной песни» М. Ю. Лермонтова; на основе стихотворения О. Чюминой была создана рабочая сатирическая колыбельная «Спи, рабочий, год за годом...». *Четырем твоим свободам* — см. примеч. 13.

276. «Наша жизнь» (СПб.), 1905, 9 ноября, подпись: Оптимист. *Гесслер* — персонаж драмы Ф. Шиллера «Вильгельм Телль», имперский наместник, ставленник Австрии, изверг, жестоко расправлявшийся с швейцарцами. В стихотворении отразился следующий факт: 26 октября 1905 г. Калитин издал указ, в котором объявлял «населению Кременчуга и окрестностей, что он представляет в данное время в этой местности особу его императорского величества и что его необходимо приветствовать сниманием шляп и вставанием с мест при появлении его на улицах и общественных собраниях» («Русь», 1905, 29 октября). *Хвостовы-Хомутовы*. Имеются в виду губернаторы А. А. и С. А. Хвостовы и П. Ф. Хомутов.

277. «Сигнал», 1905, вып. 1, с. 4, подпись: Оптимист (О. Чумина). «*Красная шапочка*» — сказка французского писателя Ш. Перро. В *желудке у него есть даже броненосцы*. Имеются в виду махинации некоторых крупных чиновников, связанные с присвоением денег, ассигнованных на строительство флота. «*Органон*», *отравленный алкоголем* — выражение Сатина из пьесы Горького «На дне». «*Там, внутри*» — название пьесы бельгийского писателя-символиста М. Метерлинка, в 1904 г. была поставлена на сцене МХТ. *Всё мальчишки кровавые в глазах* — из монолога Бориса в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов».

278. «Сигнал», 1905, вып. 3, с. 2, подпись: Оптимист. Читатели того времени, приняв во внимание авторскую сноску и факты, упоминаемые в стихотворении, легко расшифровывали подлинное имя героини — великой княгини Марии Павловны, жены великого князя Владимира Александровича, известной свободным поведением. Цензура тоже расшифровала намек стихотворения, «напечатанного с явной целью дерзкого оскорбления ее императорского высочества», и применила ст. 106 Уг. улож. (ЦГИА, ф. 776, оп. 8, ед. хр. 2150). В основе — стих. Г. Гейне «Ильза» (из «Путешествия по Гарцу»), откуда эпиграф. *Демимонд* — среда кокоток, стремящихся манерами и образом жизни подражать «большому свету». *Требизонд* (Трапезунд) — город в Турции. *Итальянец* — артист Михайловского театра Гитри. Был выслан из Петербурга за скандальные похождения с великой княгиней Марией Павловной. *Преторианец* — наемный солдат. *Помри* — марка шампанского. *Патронессам патронесса и хранительница касс*. Великая княгиня Мария Павловна была одной из попечительниц Красного Креста.

279. «Сигнал», 1905, вып. 4, с. 3, подпись: Оптимист (О. Н. Чумина). Обращено к М. Ф. Кшесинской. *Пух от уст Эола* — из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (гл. I, строфа XX). *Респект* — почтение, уважение. *На проспекте возведен тебе «палац»* — дворец Кшесинской на Каменноостровском проспекте, сооруженный в 1904—1905 гг.

280. «Народное хозяйство» (СПб.), 1906, 5 января, подпись: Бой-Кот. Первая строка, с изменением, заимствована из стих. М. Ю. Лермонтова «Воздушный корабль». *Другая... плывет под командою Того* и т. д. Японский флот под командованием Того в ре-

зультате Цусимского сражения захватил в плен отряд кораблей адмирала Небогатова в составе четырех броненосцев и одного эскадренного миноносца. *Небогаты* — намек на адмирала Небогатова.

281. «Молот», 1906, № 2, с. 7, подпись: Бой-Кот. «Перепев» арии Ленского из оперы Чайковского «Евгений Онегин». *Op. 129*. Подразумевается ст. 129 Уг. улож.— см. примеч. 132. *Другими — деньги внесены*. Имеется в виду залог, освобождавший редакторов прогрессивных изданий, привлеченных к судебной ответственности, от пребывания в Петербургском доме предварительного заключения.

282. «Зарницы», 1906, № 1, с. 6, подпись: Офорт. «Перепев» песенки неизвестного автора «Жил-был у бабушки серенький козлик. . .». *Ялу* (Ялуцзян) — река на границе между Маньчжурией и Кореей; здесь находились лесные концессии, принадлежавшие царской семье; под предлогом охраны этих концессий туда были посланы русские солдаты, что и послужило поводом к конфликту с Японией. *Гнали. . . вместе с телятами стада Макарова*. Перефразирована известная поговорка: «Куда Макара телят не гонял».

283. «Накануне» (СПб.), 1906, № 3, с. 135, подпись: Бой-Кот. В стихотворении говорится о травле редакторов прогрессивных изданий (здесь — *быков*) правительством. *Слепая богиня* — богиня правосудия Фемиды (греч. миф.), изображавшаяся с повязкой на глазах. *Бандерилья* — копьенце, украшенное лентами; употребляется при бое быков в Испании. *Камарилья сант-акимо-дурново*. Подразумеваются М. Г. Акимов и П. Н. Дурново. *Педро Камичилло* — переделка на испанский лад имени и фамилии прокурора Петербургской судебной палаты Петра Камышанского.

284. «Наша жизнь» (СПб.), 1906, 9 марта, подпись: Бой-Кот; без подзаголовка. Печ. по кн.: Бой-Кот, «Песни о четырех свободах», вып. 1, СПб., 1906, с. 10. *Бал у Дурново* — см. примеч. 14. *Дурново здесь правит бал* — переделка строки из арии Мефистофеля в опере Ш. Гуно «Фауст». *Играем в честь твою, о бог Ваал*. Ваал — финикийский бог земледелия и плодородия, в честь которого устраивались празднества, принимавшие порой характер оргий. «*Стрелы*», «*Пулемет*» — петербургские сатирические журналы. *Обносят кашей Гурьева* — см. примеч. 38. «*Соло хрустальевское*» — см. Именной указатель (Хрусталева-Носарь). «*Кресты*». Игра слов — здесь: не награды, а тюрьма в Петербурге. *Бандо* (франц.) — здесь: фасон прически (с повязкой, лентой). Эпиграмма «*Сижу я в компании. . .*» Пушкину не принадлежит. *Алексей Порошин* — псевдоним А. А. Суворина. «*Наша жизнь*» — см. примеч. 146.

285. «Наша жизнь» (СПб.), 1906, 16 апреля, подпись: Бой-Кот. «Перепев» стих. Р. Бернса «Финдлей». *Коко* — Коковцев; речь идет о его поездке в Париж и Берлин (декабрь 1905 г. — январь 1906 г.) с целью получения займа.

286. «Наша жизнь» (СПб.), 1906, 27 апреля, подпись: Бой-Кот; «Товарищ» (СПб.), 1906, 28 апреля. В иносказательной форме здесь говорится о кабинете министров Горемыкина, сменившего 22 апреля 1906 г. на посту председателя Совета министров Витте. *Стиль «ко-*

ко» — намек на Коковцева. *Когда б в нем не было дурного!* — намек на Дурново. *Каменноостровский* — проспект в Петербурге. Здесь в собственном доме жил С. Ю. Витте. *Конюшни госпожи Юстиции* — то есть министерства юстиции.

287. «Товарищ» (СПб.), 1906, 22 августа, подпись: Бой-Кот. *Прекращенье парламентской сессии*. Речь идет о разгоне I Государственной думы. «*Тюремный союз союз*». Намек на заключение в тюрьму ряда членов «Союза союзов». *Казни на нашем конгрессе я утверждаю*. Имеются в виду выступления в Думе генерал-лейтенанта Павлова по поводу смертной казни. «*Сибирский поход*». Подразумеваются ссылки в Сибирь политических противников царского правительства.

288. «Столичная почта» (СПб.), 1906, 3 декабря, подпись: Бой-Кот. На мотивы старинных романсов («*Отойди, не гляди. . .*» на стихи А. Бешенцова, муз. Варламова, и др.). Диалог здесь происходит между Столыпиным в бытность его министром Внутренних дел в кабинете Горемыкина и товарищем министра Гурко, которого министр пытается изгнать за участие в хлебной аванюре. *А Васька слушает да ест* — из басни И. А. Крылова «Кот и повар». *Что за комиссия, творец и т. д.* — перефразированные строки из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». *Куманечек, побывай у меня, ты, бывалый, побывай у меня* — измененные строки народной песни «Куманечек, побывай у меня. . .». *Оседлаю коня, коня быстрая* — из «Песни старика» А. В. Кольцова. *В высшем суждено совете* — с изменением строка из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (гл. 3).

289. «Товарищ» (СПб.), 1907, 4 марта, подпись: Бой-Кот. *Заглавие* — переделка названия драмы Г. Ибсена «Строитель Сольнес». *Строил Думу неусыпен восемь месяцев Столыпин*. Имеется в виду время между разгоном I Думы и созывом II Думы. *Полевой. . . припев*. Намек на военно-полевые суды. *Изолирован оратор* и т. д. Перед началом работы II Думы в Таврическом дворце был произведен ряд перестроек для изоляции депутатских мест от лож, где находилась публика. *Кабинет*. Имеется в виду кабинет министров Столыпина. *Рухнул потолок* — см. примеч. 19.

290. «Товарищ» (СПб.), 1907, 6 апреля, подпись: Бой-Кот. *Песня щегловитая*. Намек на И. Г. Щегловитова.

Н. Г. ШЕБУЕВ

Николай Георгиевич Шебуев (1874—1937) — писатель, публицист, журналист. В эпоху революции 1905 г. — постоянный сотрудник газеты «Русь», редактор-издатель «Газеты Шебуева» и юмористического журнала «Пулемет» (был также единственным автором текстов в журнале), позднее редактор журнала «Весна». На первый же номер «Пулемета» был наложен арест, а Шебуев заключен в крепость сроком на один год — «за оскорбление императорского величества и дерзостное неуважение к верховной власти». Историю своего ареста и судебного разбирательства Н. Шебуев изложил в последующих вы-

пусках «Пулемета». Всего Шебуеву пришлось выдержать 28 судебных разбирательств. «Кабинет редактора очень часто помещался в тюрьме. Некоторые номера «Пулемета» и написаны в одиночном заключении» (Н. Шебуев, Дело о его рабочем величестве, пролетарии всероссийском, М., 1931, с. 15).

291. «Пулемет», 1905, № 1, с. 3. «Как отозвались на Манифест чиновники? — вспоминал Н. Шебуев впоследствии. — Те, кто не дошел до действительного статского советника, «либеральничали», а действительные и тайные советники застыли на своей буржуазной платформе. Статский советник вопрошает действительного» [далее цитируется это стихотворение. — *Ред.*] (Н. Шебуев, Дело о его рабочем величестве, пролетарии всероссийском, М., 1931, с. 24).

292. «Пулемет», 1905, № 1, с. 9. На мотив оперетты «Гейша» (муз. С. Джонса). *Премьер-министр* — С. Ю. Витте.

293. «Пулемет», 1905, № 3, с. 9. «Перепев» стих. М. Ю. Лермонтова «Из Гете».

294. «Пулемет», 1906, № 5, с. 8. Адресовано П. Н. Дурново.

295. «Двадцатый век» (СПб.), 1906, 16 апреля. Написано в тюрьме (см. вступительную заметку).

А. А. ЩЕГЛОВ

Александр Алексеевич Щеглов — журналист и драматург. Печатался в сатирических журналах «Булат», «Заноза», «Скандал», «Поединок», «Альманах» и др.

296. Юмористический альманах «Людоеды», 1905, № 26, с. 4, подпись: А. Щ-ов.

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

297. «Голос минувшего» (М.), 1918, № 4—6, с. 360, подпись: Сообщил К. В. Сивков; с редакционным примечанием: «Во время русско-японской войны 1904—5 гг. по рукам ходило немало шуточных стихотворений и рассказов, которые по цензурным условиям не могли тогда увидеть света. Приводим по тогдашним записям некоторые из них». «Перепев» стих. М. Ю. Лермонтова «Бородино». *Бежим, бежим, как куропатки*, — намек на генерала Куропаткина — одного из главных виновников поражения России в русско-японской войне. *Серафим* — см. Именной указатель (Серафим Саровский) и примеч. 253.

298. «Голос минувшего» (М.), 1917, № 11-12, с. 26, без подписи, в дневнике С. Р. Минцлова, запись от 24 января: «...пока, в ожидании манифеста, запишу стихотворение, очень распространенное теперь в городе, напечатано оно неизвестно где, на маленьких листках» [далее следует текст стихотворения]; «1905 год в сатире и юморе», сост. С. Дрейден, Л., 1925, с. 33, под заглавием «Николай II

и земцы». «Как известно, — пишет С. Исаков, — «съезд земских и городских деятелей», происходивший в Петербурге 6—8 ноября 1904 г., высказался за народное представительство. Специальная делегация из пяти лиц направлена была к министру вн. дел кн. Святополк-Мирскому с тем, чтобы через него довести до сведения царя о постановлении съезда. Однако Святополк-Мирский делегацию принять отказался, принял одного лишь председателя Д. Шипова и не дал ему никакого ответа. Симон Дрейден в книге «1905 год в сатире и юморе» ставит данное стихотворение в связь с ответной речью Николая II земцам при вступлении его на престол (1895). Намеки на нее есть, но земцы данного стихотворения, несомненно, участники съезда 1904 года» (С. Исаков, 1905 год в сатире и карикатуре, Л., 1928, с. 55). Восходит к стих. К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева «Ах, где те острова. . .». *Ma mère* — мать Николая II Мария Федоровна, имевшая на него в первые годы царствования сильное влияние. *Кочень* (обл.) — кочан.

299. «Осколки», 1905, № 19, с. 5, без подписи.

300. «Осколки», 1905, № 22, с. 4, подпись: Нико-Ники.

301. «Зритель», 1905, № 1, с. 7, без подписи. Речь идет о плачевном конце царского флота во время русско-японской войны.

302. «Зритель», 1905, № 14, с. 4, подпись: Ре-Портер. «Свет» — см. примеч. 113.

303. «Зритель», 1905, № 18, с. 8, без подписи.

304. «Стрелы», 1905, № 1, с. 2, подпись: Ст. сов. Сладкопевцев 3-й. Петербургский цензурный комитет усмотрел в этом стихотворении «поношение святого равноапостольского князя Владимира, так как автор насмехается над одновременным насаждением веры и пьянства со стороны князя», и привлек редактора И. М. Кнорозовского к судебной ответственности по ст. 181 Улож. о наказ. Часть цензоров осталась при особом мнении: «Они находили, что целью автора. . . было вовсе не оскорбление св. князя Владимира, а осмеяние правительственной системы, обратившей винную монополию в источник дохода для государства. Князь Владимир рассматривается не как святой, а как правитель и государственный деятель, сочувствовавший стремлению народа к веселью, возбуждаемому вином, с высокими идеалами. . . «мечтаниями» вводимой новой веры» (ЦГИА, ф. 777, оп. 5, ед. хр. 258). *Синодально-монополюный распев* — от слов синод (синодальный — церковный) и монополюка (винная монополия). *Акцизный* — служащий в акцизе, учреждении, ведавшем сбором некоторых налогов, в том числе и на водку. *Перун* — одно из главных божеств у восточных славян, бог грома и молнии. *Земский начальник* — см. примеч. 25. *Приходские* (церковноприходские) школы находились в ведении местного духовенства.

305. «Зритель», 1905, № 20, с. 8, без подписи. Пародийное, почти дословное изложение послания, с которым Витте обратился к заба-

стававшим рабочим в начале ноября 1905 г.: «Братцы рабочие, станьте на работу, бросьте смуту, пожалейте ваших жен и детей: Не слушайте дурных советов. Государь приказал нам обратить особое внимание на рабочий вопрос. Для этого его императорское величество образовал министерство торговли и промышленности, которое должно установить справедливые отношения между рабочими и предпринимателями. Дайте время, все возможное будет для вас сделано. Послушайте совета человека, к вам расположенного и желающего вам добра» («Русские ведомости», 1905, 4 ноября). На следующий день Петербургский Совет рабочих депутатов утвердил ответ графу Витте, в котором говорилось: «Совет рабочих депутатов выражает прежде всего крайнее недоумение по поводу бесцеремонности царского временщика, позволяющего себе называть петербургских рабочих «братцами». Пролетарии ни в каком родстве с графом Витте не состоят».

306. «Зритель», 1905, № 21, с. 3, подпись: М. Р-н. Номер «Зрителя», в котором было напечатано стихотворение, стал предметом специального рассмотрения Петербургского цензурного комитета 17 ноября 1905 г., который, впрочем, затруднился применить к журналу ст. 103 Уг. улож.; впоследствии, однако, против редактора-издателя Ю. К. Арцыбушева было возбуждено судебное преследование по ст. 103, 106 и 128. *Коленька* — Николай II.

307. «Зритель», 1905, № 23, с. 3, подпись: Сын Родины.

308. «Сигнал», 1905, вып. 3, с. 6, подпись: Н. Градов. «Перепев» стих. А. А. Фета «Шепот, робкое дыханье...». Посвящено кровавой расправе с революционным движением в Польше осенью 1905 г.

309. «Сигнал», 1905, вып. 4, с. 5, подпись: Н. Градов. «Перепев» стих. А. А. Фета «Шепот, робкое дыханье...». Посвящено почтово-телеграфной забастовке в ноябре-декабре 1905 г. *Почтамтская* — улица в Петербурге, где находится Главный почтамт (ныне ул. Союза Связи). *Патронессы и бароны... Правоведов рой* — штрейкбрехеры, заменявшие забастовавших почтовых служащих.

310. «Зритель», 1905, № 24, с. 6, подпись: Коля Советник.

311. «Зритель», 1905, № 24, с. 8, подпись: Уж. *Кровопийца-колюшка* — подразумевается Николай II. Редакторам инкриминировалось преступление по ст. 103 Уг. улож. (см. примеч. 57).

312. «Сигнал», 1905, вып. 4, с. 4, подпись: Селецкий. «Перепев» стихов из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (гл. 4, строфа XL — «Уж небо осенью дышало...»).

313. «Зритель», 1905, № 25, с. 6, без подписи.

314. «Журнал», 1905, пробный номер «Великая Москва», с. 7, без подписи; «Пламя», 1905, № 3, с. 8, без подписи, с незначительными изменениями. Посвящено одному из трагических эпизодов

декабрьского вооруженного восстания в Москве: 10 декабря «к 12 часам дня вся Тверская до Страстной площади была занята войсками и полицией. Страстной женский монастырь был превращен в крепость. Около него были поставлены 4 орудия, а на колокольне монастыря — пулемет... С утра на Страстной площади и Тверском бульваре происходили митинги. Пьяные драгуны обстреляли толпу. Им ответила студенческая дружина. Неожиданно с колокольни монастыря заговорил пулемет» («1905 год в Москве», М., 1955, с. 172—173). В это время из Иваново-Вознесенска на помощь восставшим прибыл небольшой отряд под руководством М. В. Фрунзе; в результате ловкого маневра пулемет был захвачен восставшими, но под натиском правительственных войск восставшим пришлось все-таки отступить.

315. «Паяц», 1905, № 1, с. 3, подпись: Пиф-Паф. В стихотворении разоблачается П. Н. Дурново — см. примеч. 5.

316. «Волшебный фонарь», 1905, № 3, с. 8, подпись: К. Р. «Перепев» басни И. А. Крылова «Лебедь, Щука и Рак». Здесь речь идет о некоторых расхождениях в политическом курсе Витте и Дурново. *Овес* — см. примеч. 5.

317. «Ворон», 1905, № 1, с. 3, подпись: Мы, «Перепев» стих. М. Ю. Лермонтова «Из Гете». Ряд материалов этого номера журнала (в их числе данное стихотворение) послужил причиной возбуждения Московским цензурным комитетом судебного преследования редактора по ст. 129 Уг. улож., карающей за призыв к бунту, к ниспровержению государственного строя. Номер журнала был задержан в типографии, распространить успели лишь 500 экземпляров. Арест с номера был снят только в марте 1907 г. (ЦГИА, ф. 776, оп. 9, ед. хр. 12).

318. «Звон», 1905, № 2 (рождественский номер), с. [7], без подписи. «Перепев» начальных строк стих. В. А. Жуковского «Мальчик с пальчик. Сказка». Подразумевается Николай II.

319. «Клюв», 1905, № 2, с. 7, без подписи; «Песни и стихи революции. Солдатский сборник», Казань, 1906, с. 14, с изменениями и новыми куплетами, под заглавием: На мотив «Дело было под Полтавой»; «Дело было под Артуром», СПб., 1907, с. 3, с изменениями и новыми строфами, под заглавием: «Дело было под Артуром». Стихотворение распевалось на мотив известной песни И. Е. Молчанова «Было дело под Полтавой...». «*Выходи, о друг мой нежный...*» — из арии Мефистофеля в опере Гуно «Фауст». «*Оглянуться не успели...*» — измененная строка из басни И. А. Крылова «Стрекоза и Муравей». «*Ноги босы, грязно тело...*» — из стих. Н. А. Некрасова «Школьник». «*Что ты ржешь, мой конь ретивый...*» — из стих. А. С. Пушкина «Конь» (цикл «Песни западных славян»). «*Страшно, страшно поневоле...*», «*В поле бес нас водит, видно...*», «*Посмотри: вон-вон играет...*» — строки из стих. А. С. Пушкина «Бесы». «*Птичка божия не знает...*» — из поэмы А. С. Пушкина «Цыганы». «*Гром победы раздавайся, веселися, храбрый росс*» — из стих. Г. Р. Державина «Хор для кадрили». «*Спой мне песню, как синица...*» — из стих. А. С. Пушкина «Зим-

ний вечер» Концовки в остальных строках — из популярных народных песен и романсов. *Порт-Артур* был сдан японцам в декабре 1904 г. «*Варяг*» — крейсер, «*Кореец*» — канонерская лодка; сражались с японским флотом у Чемульпо. *Наместник* — Е. И. Алексеев.

320. «Шут», 1906, № 1-а, с. 2, подпись: Базиль. *Дубасил, трепал* — образовано от фамилий Дубасов и Трепов.

321. «Волшебный фонарь», 1905, № 1, с. 5, без подписи. *Пять свобод* — см. примеч. 220.

322. «Бурелом» [1906], № 3, с. 3, подпись: Сообщил Симыч. «Перепев» стих. М. Ю. Лермонтова «Казачья колыбельная песня». *Высокопоставленный анонимный автор*. Имеется в виду С. Ю. Витте.

323. «Стрелы», 1906, № 8, с. 10, подпись: К.

324. Архив «Зрителя», подпись: Атта-Троль.

325. Архив «Зрителя», подпись: Мечтательный рыцарь. *Базаров* — герой романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». *Педель* — см. примеч. 152.

326. Архив «Зрителя», подпись: Не Бальмонт. «Перепев» стих. К. Д. Бальмонта «Безглагольность», начало первой строки которого («Есть в русской природе усталая нежность...») взято эпиграфом.

327. Архив «Зрителя», без подписи.

328. «Архив «Зрителя», без подписи. «Перепев» стих. А. К. Толстого «У приказных ворот собирался народ...».

329. Архив «Зрителя», подпись: Робескамень. Псевдоним представляет собой намек на имя Робеспьер (Пьер — в переводе с французского — камень). *И каждого двадцатого зато бываем счастливы*. Имеются в виду дни получения жалованья чиновниками.

330. Архив «Зрителя», подпись: Ст. сов. Сладкопевцев 3-й. Эпиграф из 3-го действия сказки-шутки Д. П. Голицына (Муравлина) «Сон Улады». «*Русское собрание*» — черносотенная организация. *Торжествующая свинья* — см. примеч. 129.

331. С. Исаков, 1905 год в сатире и карикатуре, Л., 1928, с. 70, без подписи. Стихотворение прокомментировано так: «В 1905 году было широко распространено в рукописных списках; в кратких чертах рисует оно роль, выпавшую на долю «самодержца» в годы японской войны и первой революции». В названной книге С. Исакова приводятся также отрывки из «Второго письма Николая II к Вильгельму». *Дядя обокрал весь флот*. Подразумевается великий князь Алексей Александрович. *Вольдемар* — великий князь Владимир Александрович. *И не придется так уж быстро по внутренним делам министра нам назначать три раза в год: своею смертью он помрет*.

Явный намек на плачевный конец Д. С. Сипягина (убит в 1902 г.) и В. К. Плева (убит в 1904 г.). *Рубль набавил на ведро*. Имеется в виду повышение цен на водку. *Января шестого был день крещения Христова* и т. д. Во время святок 6 января 1905 г., когда царь и придворные вышли на Неву, был произведен орудийный салют из Петропавловской крепости, одно из орудий оказалось заряжено картечью, один из царских генералов был убит. *Возмутился весь народ* и т. д. — Кровавое воскресенье 9 января 1905 г. *Селедка* — шашка. *Конвой* — «собственный его величества конвой».

332. В. Боцяновский, с. 69, без подписи. «По рукам ходило стихотворение, подчеркивающее бессилие монарха, повелителя империи», — указывает В. Боцяновский. *Прадед* — Николай I. Имеется в виду усмирение Николаем I холерного бунта на *Сенной* площади в Петербурге в 1830 г. В последней строчке стихотворения имеется в виду Николай II.

333. «Гвоздь», 1906, № 2, с. 7, подпись: Х. Гмина — низшая административная единица (в Польше).

334. «Знамя», 1906, № 1, с. 6, без подписи. «Перепев» стихов из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (гл. 5, строфа II). *Пять свобод* — см. примеч. 220.

335. «Паяцы», 1906, № 1, с. 5, без подписи. Предполагается разгадка: Трепов, который был в это время назначен на должность дворцового коменданта.

336. «Зарницы», 1906, № 3, с. 8, подпись: Жупел. *Драгонада*. Имеется в виду участие драгун в подавлении революционных выступлений. *На Выборгской иль на Шпалерной*. Речь идет о Выборгской одиночной тюрьме («Кресты») и Доме предварительного заключения на Шпалерной улице. *Галерная гавань* — западная часть Васильевского острова в Петербурге. *Голодай* — ныне остров Декабристов. *Там памятник себе воздвигну уголовный* и т. д. — перефразированные строки из стих. А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». *Аким-простота*. Подразумевается министр юстиции Акимов. *Из камышанских тигр... Недавно он «метнул»... из исправляющих да прямо в прокуроры*. Игра слов (камышовый тигр): намек на прокурора Петербургской судебной палаты Камышанского, который, благодаря своему реакционному направлению, очень быстро сделал карьеру — от судебного следователя по особо важным делам до прокурора. *Того и без суда сошлют туда, туда...* (Указывает не туда, где зреют померанцы). Используются отдельные выражения из «Песни Миньоны» Гете («Годы учений Вильгельма Мейстера»).

337. «Дикарь», 1906, № 1, с. 6, подпись: Старый, в фельетоне «Режьте, братцы, режьте!.. (Почти из Твена). Исторические записки полковника Минрогриманова». «Перепев» песни «Кондуктор, отправляясь в путь...» из рассказа Марка Твена «Режьте, братцы,

режьте!». В. Боцяновский, комментируя это стихотворение, пишет: «О ком шла тут речь, конечно, ясно... Во-первых — полковник (Николай II, которого Александр III не успел произвести в генералы, так и оставался полковником), а во-вторых — на это очень прозрачно намекала и фамилия полковника: Мин + Риман + Романов! Своего рода троица — единосущная и нераздельная... Оказывается, от своего отца полковник получил в наследство такой «девиз рода Минрогримановых» [далее цитируется стихотворение — *Ред.*]. Девиз в такой форме очень понравился полковнику...» (В. Боцяновский, с. 68).

338. «Жгут» (Тифлис), 1906, пробный номер, с. 2, подпись: Ср. «Перепев» стих. А. К. Толстого «Осада Памбы». *Граф Дон-Педро Дурново* — П. Н. Дурново. *Адмирал del-Moskowi* — Дубасов.

339. «Волшебный фонарь», 1906, № 2, с. 9, подпись: К. Р. «Перепев» шуточного послания, написанного А. С. Пушкиным и П. А. Вяземским и адресованного Жуковскому, — «Надо помянуть, непременно помянуть надо...». *Два Дурново — военный и штатский* — И. Н. Дурново и П. Н. Дурново. *Куропаткин... сберегший себе два с лишним миллиона*. По сообщениям газет, вклад Куропаткина в государственном банке в конце 1905 г. составлял 2 600 000 рублей, в то время как, состоя на своих должностях, по подсчетам газетного комментатора, он мог скопить из своего жалованья не более 700 000 рублей. *Сирена с Лысой горы* — ведьма.

340. «Зарницы», 1906, № 1, с. 4, подпись: Бриз. Посвящено танцовщице Елизавете Балетта, содержанке великого князя Алексея Александровича; когда в конце 1905 г. Балетта уехала в Париж, она увезла с собой полтора миллиона рублей и оставила в Петербурге особняк стоимостью в полмиллиона. *Но до grande Елизаветы* и т. д. Намек на титул «великой княгини», которой стала бы Балетта, если бы Алексей Александрович женился на ней. *Карилонси*. Читай наоборот (приблизительно): с поля рак — намек на великого князя Алексея Александровича. *Фурниссер* (франц.) — поставщик. *Моветон* — см. примеч. 19.

341. «Знамя», 1906, № 1, с. 1, без подписи. Излагается политическая биография Витте.

342. «Новости дня» (М.), 1906, 15 марта, без подписи.

343. «Жупел», 1906, № 3, с. 6, подпись: Шпак; вторично: «Казарма», 1906, 26 ноября, под заглавием «Солдатская песня», без подписи, с изменениями. *Мы заслужим... по кусочку мыла* — см. примеч. 47. *Полк богатырей* — Семеновский полк, усмиривший Московское вооруженное восстание в декабре 1905 г.

344. «Овод», 1906, № 2, с. 3, без подписи. См. примеч. 4.

345. «Пули», 1906, № 2, с. 7, подпись: Штык. *Сергей-миродатель* — С. Ю. Витте. *Бразильцев всех свидетель*. Возможно, намек на П. Н. Дурново, получившего пощечину от бразильского посла (см. примеч. 139). *Орган черносотенный* — «Новое время».

346. «Литературная газета», 1934, 5 мая, в статье А. А. Богданова «Стихи и революция», без подписи. «Перепев» эпиграммы А. С. Пушкина «На Булгарина» («Не то беда, что ты поляк...»). А. А. Богданов пишет: «Перед революцией 1905 г. и в первые дни после революции, когда тюремный режим не был так свиреп, как в другие периоды, заключенные в некоторых тюрьмах издавали рукописные журналы. Вот стихи, выписанные из журналов петербургской пересыльной тюрьмы и сохранившиеся благодаря тому, что рукопись была спрятана за подкладку ботинок и таким образом спасена от жандармских ищеек при обысках и на этапах». Датировано по примечаниям в кн.: «Революционная поэзия (1890—1917)», Изд. 2, Л. («Б-ка поэта», Большая серия), 1954, с. 566.

347. «Саратовский дневник», 1906, 6 января, подпись: Стрела. «Перепев» стих. А. К. Толстого «Ой, каб Волга-матушка да вспять побежала...», откуда и эпиграф.

348. «Журнал», 1906, № 2, с. 8, подпись: Заезжий.

349. «Журнал», 1906, № 2, с. 3, подпись: Юр. П. *Октябрьские хартии* — «свободы», обещанные Манифестом 17 октября. «*Двадцатые*» числа — см. примеч. 329.

350. «Забияка», 1906, № 3, с. 7, подпись: Мипоге. «Перепев» стих. Ф. И. Тютчева «Умом Россию не понять...», откуда взят эпиграф. *А он лишь предлагает верить*. Речь идет о многократных просьбах Витте о доверии, обращенных к обществу.

351. «Гвоздь», 1906, № 2, с. 2, подпись: Узнай меня. *Рекогносцировка* — разведка, производимая командным составом перед боевыми действиями.

352. «Шут», 1906, № 3-а, с. 2, подпись: Базиль. *Не говори с тоской* и т. д. — перефразированы две последние строки стих. В. А. Жуковского «Воспоминание».

353. «Зарево», 1906, № 1, с. 7, без подписи. «*Гороховое пальто*» — см. примеч. 83. *Усиленная охрана* — см. примеч. 137.

354. «Маски», 1906, № 2, с. 8, подпись: ФЕ — Ъ. *Ниобея* (греч. миф.) — жена царя Фив Амфиона, превратилась в скалу от горя, после того как погибли ее дети.

355. «Гвоздь», 1906, № 3, с. 2, без подписи. «Перепев» начальной строфы стих. Н. А. Некрасова «Убогая и нарядная». Речь идет о членах Государственного совета, большинство которых отличалось весьма преклонным возрастом.

356. «Маски», 1906, № 3, с. 8, подпись: Юр. П.

357. «Маски», 1906, № 4, с. 8, подпись: Фед-в.

358. «Отбой», 1906, № 2, с. 2, без подписи. *Съезд Союза 17 октября* состоялся в Москве в феврале 1906 г.

359. «Спрут», 1906, № 12, с. 6, подпись: Некто.

360. «Партизан», 1906, № 1, с. 7, подпись: В. П. Здесь говорится о предстоящем открытии I Государственной думы. *Помпадур* — администратор-самодур (слово, впервые употребленное в этом значении М. Е. Салтыковым-Щедриным в сатирических очерках «Помпадуры и помпадурши»).

361. «Отбой», 1906, № 4, с. 7, без подписи. «Перепев» басни И. А. Крылова «Лжец». *Из дальних странствий возвратясь*. Имеется в виду возвращение Витте в Петербург после заключения Портсмутского мирного договора. *Созвал к себе он журналистов* и т. д. 18 октября 1905 г. редакторы, издатели и некоторые сотрудники петербургских периодических изданий явились к Витте по его приглашению для беседы о современных событиях и о свободе печати. Стихотворение «отмечает» трехмесячный юбилей этой встречи.

362. «Искры», 1906, № 13, с. 126, без подписи.

363. «Аргус», 1906, № 6, с. 4, без подписи. *Новых правил добавления*. 18 марта 1906 г. был издан указ об изменениях и дополнениях к «Временным правилам о повременных изданиях»; согласно этому указу, каждый номер журнала, содержащий в себе эстампы, рисунки и другие изображения, следовало представлять чиновнику Управления по делам печати не позднее как за 24 часа до выпуска номера из типографии; кроме того, указ вводил гораздо более строгие меры наказания для редакторов периодических изданий.

364. «Рабочий юморист», 1906, № 1, с. 3, без подписи. *Две палаты* — Государственный совет и Дума. Посвящено предстоящему открытию I Государственной думы. *Торжествуй же, храбрый росс* — перефразированная строка из стих. Г. Р. Державина «Хор для кадрили».

365. «Новости дня» (М.), 1906, 25 апреля, подпись: Я. Написано в связи с отставкой Дурново в середине апреля 1906 г. «*Бутерброды*» — см. примеч. 13. *Ряд «опровержений»*. Газета «Русское государство» специализировалась на опровержении сообщений, печатавшихся в оппозиционной прессе. «*Гурьевская каша*» — см. примеч. 38.

366. «Новости дня» (М.), 1906, 27 апреля, подпись: Я. Посвящено пошатнувшемуся в связи с отставкой кабинета Витте положению газеты «*Русское государство*», которой руководил протеже Витте Гурьев.

367. «Новости дня» (М.), 1906, 28 апреля, подпись: Я.

368. «Анчар», 1906, № 3, с. 4, без подписи. *Пять свобод* — см. примеч. 220.

369. «Новости дня» (М.), 1906, 7 мая, подпись: Я. *Говорит уж Думе в тон*. Сразу после отставки на одном из заседаний Государственного совета С. Ю. Витте, по сообщениям газет, произнес «громкую речь за амнистию и против правительственного произвола» («Двадцатый век», 1906, 3 мая); впрочем, как оказалось впоследствии, Витте призывал в этой речи к амнистии только для «невинных».

370. «Рабочий юморист», 1906, № 2, с. 5, без подписи.

371. «Шут», 1906, № 24-а, с. 2, подпись: Базиль. *Дурное, горемычное* (жизть) — образовано от фамилий Дурново и Горемыкин

372. «Новости дня» (М.), 1906, 10 мая, подпись: Я. *Звездный кабинет* — Звездная палата (см. примеч. 13).

373. «Осы», 1906, № 14, с. 4, подпись: Игла. Осменяется зыбкая позиция кадетов в I Думе.

374. «Рабочий юморист», 1906, № 2, с. 2, без подписи.

375. «Голос солдата» (Рига), 1906, 27 июля, подпись: Иван Крамольный. *Гончий Пес*. Подразумевается Г. А. Мин (он же — *дивизионный генерал*). *Осел*. Подразумевается А. Н. Куропаткин. *Трёпов* — Д. Ф. Трепов. *Когда война пошла* и т. д. Имеется в виду русско-японская война 1904—1905 гг. *Вора Пса отправил крамолу усмирять* и т. д. Намек на подавление декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве.

376. «Осы», 1906, № 21, с. 4, без подписи. «Перепев» басни К. Пруткова «Пастух, молоко и читатель».

377. «Водоворот», 1906, № 6, с. 2, подпись: Крамольник. «Перепев» стих. А. К. Толстого «Сватовство». *Премьер-министр* — П. А. Столыпин. *Автомобили... есть*. Намек на купленные во Франции броневые автомобили, использовавшиеся для подавления революционных выступлений. *Санкюлоты* — широко распространенное название революционных народных масс в период французской буржуазной революции конца XVIII в. *Но это средство — скверно... Но это средство — верно* — строки из стих. А. К. Толстого «Порой веселой мая...». *Старец Иоанн* — Иоанн Кронштадтский. *Анафема* — отлучение от церкви, проклятье. *Соборне* (церк.) — собором.

378. «Водоворот», 1906, № 7, с. 3, подпись: Дон-Лоло. «Перепев» басни И. А. Крылова «Щука и Кот». В басне речь идет о скандальных амурных объявлениях в бульварной «*Петербургской газете*» (1867—1917). *Жуир* — искатель наслаждений, кутила.

379. «Баку», 1906, 11 августа, подпись: Буревестник. Написано по поводу предстоящего заключения займа в Европе. *Отречемся от доли рассудка* и т. д. — «перепев» «Марсельезы». *Дивиденд* — доход от акций.

380. «Саратовский дневник», 1906, 24 августа, подпись: С. П-ский.
381. «Штык», 1906, № 1, с. 7, подпись: Юноша Илларион. Возможно, принадлежит А. Аверченко, так как большинство стихотворений в «Штыке» написано им, по утверждению В. Боцяновского.
382. «Солдатская газета», 1906, 22 сентября, с. 12, подпись: ИМ.
383. «Текущие дни» (СПб.), 1906, 6 ноября, подпись: Дон-Лоло. *Питомцы Лицея* — крупные гражданские чиновники, юристы.
384. «Саратовский дневник», 1906, 10 декабря, подпись: С. П-ский.
385. «Жгут» (Саратов), 1906, № 1, с. 1, подпись: Мечтатель. Стихотворение продолжает традицию русской сатиры, восходящую, в свою очередь, к творчеству Гейне, — критиковать темные стороны современной действительности, описывая «китайскую» жизнь. *Лид-Валь* — Лидваль, он же — *представитель клозета*. *Фирма корсета* — корсетная фирма А. И. Эстер.
386. «Мазок», 1906, 17 декабря, с. 1 (обл.), подпись: Вольнодумец.
387. «Саратовский дневник», 1906, 24 декабря, подпись: С. П-ский. *Проблеск жалкого «доверья» — «весна» Святополк-Мирского*. *Вышел манифест... об августовской Думе*. Имеется в виду Булыгинская дума. *Средостенье* — см. примеч. 145. *Пошли за премьерами премьеры* — С. Ю. Витте, И. Л. Горемыкин, П. А. Столыпин. *Рука бойцов карать словно будто бы устала* — измененная строка из стих. М. Ю. Лермонтова «Бородино».
388. «Альманах», 1906, № 1, с. 9, подпись: Юр. П. Две последние строки — перефразированные строки из стих. Н. А. Некрасова «Все-вышней волею Зевеса...».
389. «Альманах», 1906, № 1, с. 53, подпись: Юр. П.
390. «Альманах», 1906, № 1, с. 55, подпись: Юр. П.
391. «Альманах», 1906, № 2, с. 41, подпись: Юр. П. *Приказы* — органы государственного управления в России с XVI в. до начала XVIII в. *Генералом-адъютантом был сменен кварталный чин*. Подразумевается введение военного положения в ряде местностей России.
392. «Анчар», 1906, № 3, с. 4, без подписи. «Перепев» стих. А. К. Толстого «У приказных ворот собирался народ...». *Первый министр* — С. Ю. Витте.
393. «Аргус», 1906, № 5, с. 10, без подписи. «Перепев» стих. А. К. Толстого «Отрывок» («Адресованные в Ладугу, письма едут в Еривань»).

394. «Бич», 1906, № 3, с. 6, подпись: Рабочий-Юморист. Обращено к одному из защитников Порт-Артура, многие из которых попали в плен.

395. «Благонамеренный полтавец», 1906, № 3, с. 3, подпись: Ричард-Рибо. Использована схема стих. В. С. Курочкина «Знаки препинания». *Новый премьерчик* — И. Л. Горемыкин.

396. «Бубенцы» [1906], № 10, с. 7, подпись: Милый. «Макашка» (от «макао») — род азартной карточной игры, которая процветала в Томске; содержателя игорного зала в Томске в клубе служащих железной дороги местная пресса иронически именовала «Дон Макао». «Тотошка» — тотализатор (игра на деньги на ипподроме).

397. «Бубенцы» [1906], № 18, с. 2, подпись: Чик. *Временные правила о временной печати* — см. примеч. 4.

398. «Бубенцы» [1906], № 24, с. 8, подпись: Милый. *Кабинет деловой* — так называли министерский кабинет Витте в официальных кругах.

399. «Бубенцы» [1906], № 26, с. 8, подпись: Миша Буф.

400. «Бубенцы» [1906], № 28, с. 1, подпись: Миша Буф.

401. «Гвоздь», 1906, № 3, с. 3, без подписи. «Перепев» стих. Н. А. Некрасова «Забывтая деревня». *Партия правого* (правового) *порядка* — см. примеч. 99.

402. «Поединок», 1906, № 2, с. 5, подпись: Одинокий. *Хартум* — город в Судане. *Де-канская Дума*. Намек на Первую, кадетскую, думу. *Граф Бутылкин*, *Мароккский великий премьер* — С. Ю. Витте. *Петька Лихой* — П. Н. Дурново. *Остров с святыми телами* — вероятно, остров Березань, где 6 марта 1906 г. расстреляли лейтенанта Шмидта и трех матросов. *На Авказе, в Кибири, в Алтйском краю* — на Кавказе, в Сибири, в Прибалтике.

403. «Балда», 1907, № 3, с. 1, подпись: Балда. *Балдит судья, балду судящий, с балдою сдавшего суда*. Намек на судебный процесс над контр-адмиралом Небогатовым. *Балдит герой, с войны безжавший*. Вероятно, имеется в виду А. Н. Куропаткин.

404. «Киевский голос», 1907, 28 января, подпись: Old George. «Перепев» стих. Беранже «Барышни» (перевод В. Курочкина). Здесь речь идет о выборах во II Думу в освещении реакционного Санкт-Петербургского телеграфного агентства. «Речь» — см. примеч. 146. *Шипову, Гейдену, «мирным» отшельникам* (члены партии мирного обновления), *брошена тьма черняков*. Д. Н. Шипов и Гейден были забаллотированы на выборах во II Думу. А. И. Гучков, будучи арендатором Каширской мельницы, на выборах во II Думу получил прозвище «мельника»; во II Думу тоже не был избран.

405. «Саратовский дневник», 1907, 2 февраля, подпись: Мечтатель. Речь идет о выборах во II Думу.

406. «Топор», 1907, № 1, с. 2, подпись: Крымский. «Балда» — сатирический журнал рабочих печатно-переплетного дела. В 1907 г. вышло всего 3 номера. Вместо закрытой правительством «Балды» выходил журнал «Топор» (1907, №№ 1, 2). *Хороши наши ребята* и т. д. — из народной песни.

407. «Стрекоза», 1907, № 7, с. 4, подпись: Я. Турецкий титул: «бей!» — обыгрываются два значения слова «бей»: титул военных и гражданских чиновников в старой Турции и повелительная форма глагола «бить».

408. «Саратовский вестник», 1907, 25 февраля, подпись: Мечтатель. *Ни Двиною, ни Печорой я не сплавлял российский лес.* Имеются в виду места ссылки. *О благе воинства вздыхая, я «Красный Крест» не опекал.* Различные комитеты Красного Креста находились под покровительством великих княгинь и самой императрицы. В результате ревизий были обнаружены крупные денежные хищения, в то время как на полях русско-японской войны ощущался острый недостаток в медицинском персонале и медикаментах. *Погромная резина.* Подразумеваются резиновые дубинки, выданные полицейским для расправы с демонстрантами. *Часть вторая Сахалина* и т. д. Имеются в виду итоги Портсмутского договора.

409. «Наше эхо» (СПб.), 1907, 6 апреля, подпись: Кириллов. Посвящено политической эволюции П. Б. Струве от «легального марксиста» до лидера правого крыла кадетской партии. *Какие ярые программисты* и т. д. Речь идет об участии Струве в международном социалистическом конгрессе в 1896 г. и составлении им «Манифеста РСДРП» 1898 г. *Для младенцев погремушку в Штутгарте начал мастерить.* Струве издавал в Штутгарте в 1902—1904 гг. либерально-буржуазный журнал «Освобождение». «Союз русского народа» — монархическая черносотенная организация.

410. «Заноза», 1907, № 2, с. 6, подпись: Констан-ле-Шишка. *Депозитка* (деPOSIT) — взнос, делаемый в судебные и административные учреждения в обеспечение иска, явки в суд и т. п.

411. «Рабочий по металлу» (СПб.), 1907, № 16, с. 3, подпись: Чеченец. *Струки, Речкины да Лесснеры, Пинтши, Зигели да Шпигели.* Имеются в виду крупные петербургские заводы и фабрики (по именам владельцев).

412. «За народ», 1907, 12 сентября, без подписи. Использован припев из песни К. Рылеева и А. Бестужева «Царь наш немец русский. . .».

413. «Рабочий по металлу» (СПб.), 1907, № 21, с. 3, подпись: Чеченец. *Честили Ванюшку. . . на Дворцовой площади.* Намек на события 9 января 1905 г.

414. «Водоворот», 1907, № 3, с. 7, подпись: Скиф. Современники легко угадывали название газеты — «Новое время» с ее отделом брачных объявлений. *Иудушка* — общепринятое в прессе того времени прозвище Меньшикова. *Старческие письма* — «Письма к ближним» Меньшикова, регулярно печатавшиеся на страницах «Нового времени»; кроме того, выходило ежемесячное издание под тем же названием (СПб., 1902—1915, ред.-изд. М. О. Меньшиков; все статьи написаны им самим).

415. «Еж», 1907, № 6, с. 11, подпись: Он. «Перепев» стих. М. Ю. Лермонтова «Из Гете».

416. «За неделю», 1907, № 1, с. 3, подпись: Speranza.

417. «Шут», 1907, № 24, с. 3, подпись: Граф Вазелинов. *Тащи и не пуцай* — см. примеч. 193.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Абаза А. М. (р. 1853) — контр-адмирал, в 1903—1905 гг. управляющий делами Особого комитета Дальнего Востока; возглавлял агрессивный курс России на Дальнем Востоке, приведший к русско-японской войне. 177
- Аврамов П. Ф. (ок. 1875—1906) — казачий офицер, проявлял крайнюю жестокость при подавлении крестьянского движения в Тамбовской губернии в 1905 г., вместе со Ждановым (см.) участвовал в истязании М. А. Спиридоновой; убит эсером. 217, 532
- Азанчевский-Азанчеев В. Н. — томский губернатор, руководил подавлением революционных выступлений в Сибири в октябре 1905 г.; был уволен и предан суду за растрату. 480
- Акимов М. Г. (1847—1914) — министр юстиции в кабинете Витте (с декабря 1905 г.), представлял крайне реакционное течение в правительстве. 90, 93, 96, 98, 192, 247, 287, 466, 484, 530, 540, 554, 555
- Аладьин А. Ф. (р. 1873) — крестьянин по происхождению, член I Государственной думы, один из организаторов и лидеров группы «трудовиков». 106, 109, 111, 116, 467
- Алексеев Е. И. (1843—1909) — адмирал, с 1903 г. — царский наместник на Дальнем Востоке, с начала русско-японской войны главнокомандующий сухопутными и морскими силами на Дальнем Востоке; в октябре 1904 г., проявив полную бездарность в военном деле, был снят с должности и отозван в Петербург; вскоре уехал за границу. 227, 435, 444, 515
- Алексей Александрович (1850—1908) — великий князь, генерал-адмирал, с 1882 г. главный начальник флота и морского ведомства; присвоил средства, ассигнованные на развитие флота, уволен в 1905 г. 96, 290, 522, 535—536
- Алексинский Г. А. (р. 1879) — в 1905—1907 гг. примыкал к большевикам, входил в социал-демократическую фракцию II Государственной думы, в годы реакции отзовист, в 1917 г. примкнул к меньшевистской группе «Единство»; с 1918 г. белоэмигрант. 271

---

¹ В указателе приводятся в основном те сведения о лицах, которые касаются их деятельности в 1905—1907 гг.

- Алиханов А. М. (1846—1907) — генерал-губернатор Тифлиса, получивший известность жестокими репрессиями против восставших крестьян. 93, 217, 570
- Апикин С. В. (1869—1919) — крестьянин по происхождению, член I Государственной думы, один из организаторов и лидеров группы «трудовиков». 106, 111, 311, 467
- Антоний Вольнский (Алексей Павлович Храповицкий) (1863—1936) — архиепископ, ярый черносотенец; выступил в Государственном совете убежденным противником амнистии политическим заключенным и «требование амнистии назвал сентиментом, могущим быть косвенной обидой любвеобильному сердцу монарха» («Вестник знания», 1906, № 3, с. 105). 458—459
- Арсений — священник, активный член «Союза русских людей» в Москве. 117
- Бадер Э. К. — генерал-губернатор Белостока, вдохновитель белостокского погрома в начале июня 1906 г. 110
- Балетта Э. — артистка Михайловского театра, содержанка великого князя Алексея Александровича. 96, 176, 241, 283, 535—536
- Балмашев С. В. (1882—1902) — студент Казанского, затем Киевского университета, член боевой организации эсеров, 2 апреля 1902 г. застрелил министра внутренних дел Д. С. Сипягина; казнен в Шлиссельбургской крепости. 96
- Барнум Ф.-Т. (1810—1891) — американский антрепренер, устроитель различных экзотических выставок, спекулянт; читал лекции об искусстве разбогатеть, издал свою автобиографию (1855), которая была переведена на многие языки, в том числе и на русский. 260
- Бахметев-Протасов Н. А. — см. Протасов-Бахметев Н. А.
- Безобразов А. М. (1855—1931) — статс-секретарь, член (фактически руководитель) Особого комитета Дальнего Востока, выступал за авантюристический курс России в дальневосточной политике. 81, 177, 444
- Берг Ф. Н. (1840—1909) — поэт, писатель и журналист, редактор реакционной газеты «День», один из активных организаторов и руководителей черносотенного движения в Москве. 228, 302, 355
- Бирилев А. А. (1844—1915) — вице-адмирал, морской министр (1905—1907). 440, 464, 465
- Блок И. Л. (1862—1906) — самарский губернатор, убит террористом. 570
- Бобрищев-Пушкин А. В. (р. 1875) — адвокат, член партии правового порядка, затем «Союза 17 октября»; после Октябрьской революции — белоэмигрант; позднее была удовлетворена его просьба об амнистии, вернулся в Советский Союз, занимался адвокатской практикой. 88
- Богданович Е. В. (1829—1914) — генерал, староста Исаакиевского собора, издатель охранительно-патриотических брошюр. 95
- Борис Владимирович (р. 1877) — великий князь, командовал лейб-гвардии гусарским полком, участвовал в русско-японской войне. 523
- Булацель П. Ф. (1867—1919) — крупный помещик, адвокат, один из

- главарей «Союза русского народа» и редактор его органа — газеты «Русское знамя». 116, 117, 280
- Булыгин А. Г. (1851—1919) — министр внутренних дел (январь — октябрь 1905), которому царь поручил составить проект закона о созыве совещательной Государственной думы. 540
- Буренин В. П. (1841—1926) — поэт-сатирик, сотрудник «Искры», в дальнейшем реакционный критик и фельетонист, член редакции «Нового времени». 540
- Верхарн Э. (1855—1916) — бельгийский поэт, драматург и критик. 242
- Вильгельм II (1859—1941) — германский император и король Пруссии (1888—1918). 95, 116, 522
- Витте С. Ю. (1849—1915) — государственный деятель России. По инициативе В. в бытность его на посту министра финансов (1892—1903) был проведен ряд экономических реформ: введена винная монополия (1894), проведена денежная реформа на основе золотого обращения (1897) и др. С октября 1905 г. по апрель 1906 г. В. являлся премьер-министром, стремился сохранить монархию путем незначительных уступок и обещаний либеральной буржуазии и жестоких репрессий по отношению к народу. По предложению В. Николай II опубликовал Манифест 17 октября 1905 г. За заключение Портсмутского мирного договора с Японией в 1905 г. В. получил титул графа. Был инициатором займа во Франции в апреле 1906 г., который помог царскому правительству справиться с революцией. 81, 91—96, 99, 117, 120, 142, 177, 178—180, 181, 182, 184—185, 187, 192, 193, 198, 207—208, 211, 215, 218, 243, 244, 247, 250—251, 253, 257, 260, 267, 269, 285, 290, 299—300, 306, 307, 308, 334—337, 358, 373, 390, 398, 420—421, 423—431, 440, 442, 444—445, 447, 453, 454—455, 466, 485, 488, 495, 505—506, 512, 516—517, 529, 535, 536—537, 538, 541, 542, 549—550, 553, 554, 555—556, 558, 568—569, 584, 590—591
- Владимир Александрович (1847—1909) — великий князь, главнокомандующий войсками гвардии. 206, 522
- Владимир Великий (по прозвищу Красное Солнышко) — киевский князь Владимир Святославович (ум. 1015), при нем состоялось крещение Руси. 503, 505
- Вуич Э. И. (р. 1849) — прокурор Петербургской судебной палаты (1902—1905), при Витте — директор департамента полиции (1905—1906), с 1906 г. сенатор. 92, 98, 287, 291
- Вяльцева А. Д. (1871—1913) — артистка оперетты и эстрады, популярная исполнительница цыганских романсов. 540
- Гамзей — черносотенец, убийца члена Государственной думы М. Я. Герценштейна. 189
- Гапон Г. А. (ок. 1870—1906) — священник, руководитель «Собрания русских фабрично-заводских рабочих Петербурга». Состоял в связи с царской охранкой. Организовал манифестацию рабочих к царю. Мирная демонстрация была расстреляна у Зимнего дворца по приказу царя 9 января 1905 г. Убит эсерами. 81, 95, 99, 177, 348—349, 423—431, 464, 466, 526
- Гейден П. А. (1840—1907) — граф, один из организаторов «Союза 17 октября», весной 1906 г. вышел из «Союза» и стал одним из ли-

- дерев партии мирного обновления; депутат I Государственной думы. 594
- Герард Н. Н. (р. 1839) — статс-секретарь, в 1906 г. назначен финляндским генерал-губернатором; по отзывам газет, «человек либерального образа мыслей». 282
- Герценштейн М. Я. (1859—1906) — экономист, принимал участие в разработке аграрного проекта партии кадетов, член I Государственной думы, погиб от руки наемных убийц. 311
- Гессен И. В. (1866—1943) — буржуазный публицист и политический деятель, лидер партии кадетов, соредактор ее органа — газеты «Речь». 115—117
- Гнашвили — меньшевик, приговорен военным судом к смертной казни за убийство начальника штаба Кавказского военного округа генерал-майора Грязнова. 216—217
- Глазов В. Г. (р. 1848) — генерал, военный писатель и археолог, начальник Академии Генерального штаба (1901—1904), министр народного просвещения (1904 — октябрь 1905), реакционер, убранный со своего поста под влиянием революционных событий. 535
- Глинка М. И. (1804—1857). 191
- Головин Ф. А. (р. 1867) — один из основателей и член ЦК партии кадетов, председатель II Государственной думы. 111
- Горемыкин И. Л. (1839—1917) — председатель Совета министров (апрель — июль 1906); выступление Г. в I Государственной думе с программой ограничения ее функций вызвало со стороны многих депутатов враждебную реакцию, выражение «полного недоверия» правительству и требование большинства депутатов об его отставке. 111, 192, 291, 309, 311, 420, 467, 556, 586
- Горький А. М. (1868—1936). 87, 94, 476
- Гостомысл — первый новгородский посадник IX в. 472
- Грингмут В. А. (1851—1907) — реакционный публицист, редактор монархической газеты «Московские ведомости»; стоял во главе московских черносотенных организаций. Родом прибалтийский немец. Намек на это и содержится в той издательской кличке, которая прочно укрепилась за этим глашатаем «истинно русских» (как именовали себя черносотенцы) в либерально-сатирической печати, — Карл-Амалия. 115—117, 228, 230, 244, 283, 302, 308, 319—321, 355, 365, 367, 433, 439, 520, 535, 546, 554
- Гродеков Н. И. (1843—1913) — генерал, главнокомандующий войсками на Дальнем Востоке в 1906 г., один из руководителей подавления революционного движения в Сибири. 247
- Гурко В. И. (1863—1927) — товарищ министра внутренних дел по продовольственной части, сдал Лидвалю подряд на поставку хлеба (см. Лидваль). 79, 84, 109, 112, 117, 218, 280, 311, 322, 326—327, 490—491, 493, 568, 575, 597, 600
- Гурлянд И. Я. (р. 1868) — писатель и драматург, редактор правительственного официоза — газеты «Россия», директор-распорядитель Петербургского телеграфного агентства. 95
- Гурьев А. Н. (р. 1864) — юрист по образованию, руководитель официозной газеты «Русское государство», субсидировавшейся правительством Витте. 93, 95, 177, 187, 230, 299—300, 485, 488, 552
- Гучков А. И. (1862—1936) — крупный капиталист, организатор и лидер партии октябристов, в годы первой русской революции вы-

ступал энергичным защитником реакционной правительственной политики и «военно-полевой» юстиции. 186, 197, 317, 398, 594

Дарвин Ч. (1809—1882) 603

Дедюлин В. А. (1858—1913) — генерал-майор, петербургский градоначальник (1905), командующий отдельным корпусом жандармов (1906), принадлежал к ближайшему окружению Николая II, с сентября 1906 г. — дворцовый комендант. 287, 291

Диллон Э.-Д. (1854—1933) — английский журналист, корреспондент газеты «Дейли телеграф» в России, близкий сотрудник Витте, который брал его в качестве советника в Портсмут. 91

Доррер В. Ф. — граф, губернский предводитель курского дворянства, известен черносотенными взглядами. 116

Дубасов Ф. В. (1845—1912) — адмирал, московский генерал-губернатор (с ноября 1905), руководил подавлением декабрьского вооруженного восстания в Москве. 81, 90, 93, 96, 163, 176, 230, 247, 270, 287, 340, 358, 389—390, 403, 411, 426, 440—441, 516, 529, 530, 533—534, 535, 540, 590

Дубровин А. И. (1855—1918) — врач, один из основателей и почетный председатель «Союза русского народа», стоял во главе черносотенной газеты «Русское знамя». 117, 321, 398

Дункан А. (1878—1927) — американская танцовщица, одна из основоположниц пластической школы танцев; танцевала в свободной тунике, босиком. 210

Дурново И. Н. (1830—1903) — реакционный государственный деятель, сначала служил в артиллерии, в 1889—1895 гг. — министр внутренних дел, в 1895—1903 гг. — председатель Комитета министров. 91, 534

Дурново П. Н. (1844—1915) — реакционный государственный деятель, с октября 1905 г. — министр внутренних дел в кабинете Витте, в 1906 г. — член Государственного совета. Известен жестокими репрессиями против революционного движения, вдохновитель черносотенных организаций. 82, 89, 91, 92, 96, 98, 101, 176, 177, 181, 192, 193, 212, 214, 218, 243, 244, 247, 260, 267, 269, 270, 287, 290, 298, 299, 305, 306, 307, 308, 339, 341, 366, 372, 373, 389—390, 398, 412, 413, 419, 421, 438, 443, 464, 465, 466, 484—486, 488, 496—497, 512, 532—534, 538, 551, 554, 555, 556, 592, 606

Дягилев С. П. (1872—1929) — художественный и театральный деятель, один из организаторов группы «Мир искусства». 111

Ермолов — пристав Пресненской части, исполнявший обязанности московского полицмейстера. Во время декабрьского восстания 1905 г. ворвался на квартиру приват-доцента Московского университета доктора В. Воробьева и убил его выстрелом в затылок за то, что последний оказал медицинскую помощь раненым дружинникам; был подвергнут предварительному заключению, но впоследствии освобожден. 330

Жданов (ок. 1884—1906) — помощник пристава, получил известность как истязатель М. А. Спиридоновой. Убит эсером. 217

Закомельский — см. Меллер-Закомельский А. Н.

- Зубатов С. В. (1864—1917)** — жандармский полковник, в 1896—1902 гг. — начальник Московского охранного отделения; насаждал действовавшие под опекой охранки легальные рабочие организации, призванные отвлечь пролетариат от борьбы с самодержавием. 99, 230
- Игнатъев А. П. (1842—1906)** — граф, крайний реакционер, в 1905 г. — председатель Особых совещаний для пересмотра исключительных законов об охране государственного порядка и по вопросам веротерпимости, выступал против созыва Государственной думы, был сторонником усиления полицейских репрессий; вокруг него группировались наиболее консервативные элементы дворянства; был убит эсером С. Н. Ильинским. 181, 290, 358, 509, 534
- Изгоев (Ланде) А. С. (р. 1872)** — буржуазный публицист, один из идеологов партии кадетов. 107
- Илиодор** — иеромонах Почаевской лавры, помощник редактора «Почаевского листка» и редактор «Почаевских известий», ярый противник отмены смертной казни; в многочисленных статьях призывал черносотенцев к кровавому самосуду над «нарушителями общественного спокойствия», а представителей церкви — к благословению такого самосуда. Деятельность Илиодора приняла такой размах, что даже Синод в феврале 1907 г. признал его поведение «крайне прискорбным и не соответствующим достоинству православной церкви». 272
- Иловайский Д. И. (1832—1920)** — историк, публицист дворянско-монархического направления, автор учебников истории для начальной и средней школы в дореволюционной России. 518
- Иоанн Кронштадтский (Иван Ильич Сергиев) (1829—1908)** — протоиерей Андреевского собора в Кронштадте, член Синода, черносотенец, основатель секты иоаннитов (конец 80-х годов); рассказы о «чудесах» И. К. привлекали в Кронштадт множество кликуш. 98, 185, 397, 445, 448, 453, 464, 534, 565, 566
- Иоллос Г. Б. (1859—1907)** — либеральный публицист, кадет, член I Государственной думы, был убит черносотенцем. 328
- Кавур К.-Б. (1810—1861)** — граф, идеолог и лидер умеренно-либеральной буржуазии, премьер-министр Пьемонта, а затем Италии. 174
- Калигула Гай Цезарь (12—41)** — римский император (37—41), приказал назначить консулом своего любимого коня. 510
- Калитин П. П.** — генерал-майор, временный генерал-губернатор Кременчуга. 474—475
- Каляев И. П. (1877—1905)** — член боевой организации эсеров, принимал участие в покушении на Плеве, убил московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича (дядю Николая II), был казнен. 98
- Камимура Х.** — вице-адмирал, во время русско-японской войны командовавший 2-й эскадрой японского флота. 234, 514
- Камышанский П. К. (1862—1910)** — прокурор Петербургской судебной палаты (1905—1909), придерживался крайне правого направления. Руководил многочисленными судебными процессами против редакторов сатирических журналов. 81, 465, 484, 531

- Карапгозов К. А. — генерал-губернатор Одессы (конец 1905—1906), известен жестокими репрессиями. 81, 93, 214, 247
- Карпович П. В. (1874—1917) — студент, эсер, в феврале 1901 г. смертельно ранил министра народного просвещения Н. П. Благоепова, был приговорен к 20 годам каторги и заточен в Шлиссельбургскую крепость. 96
- Касперов В. И. (р. 1862) — экономист и статистик, специалист по вопросам хлебной торговли, автор ряда работ о международном хлебном рынке. 93
- Каульбарс А. В. (р. 1844) — барон, генерал, один из бездарных царских полководцев во время русско-японской войны; затем — командующий Одесским военным округом, способствовал укреплению в Одессе черносотенных организаций; войска по его приказу содействовали еврейскому погрому в октябре 1905 г.; всеобщее возмущение его действиями послужило причиной увольнения от должности. 597
- Кирилл Владимирович (1876—1938) — великий князь; во время русско-японской войны служил при штабе командующего Тихоокеанским флотом; спасся при гибели броненосца «Петропавловск» в марте 1904 г. 523
- Клейгельс Н. В. (1850—1911) — генерал-адъютант, киевский, подольский и волынский губернатор; был уволен с должности губернатора в октябре 1905 г. 534
- Кобеко Д. Ф. (1837—1918) — историк, директор Императорской Публичной библиотеки, сенатор, член Государственного совета, председатель комиссии по выработке нового законопроекта о печати, созданной в январе 1905 г. 174, 241, 471, 481
- Ковалевский М. М. (1851—1916) — юрист, историк и социолог, политический деятель буржуазно-либерального направления, депутат I Государственной думы. 111
- Кок И. (1861—1915) — деятель финского рабочего движения, социал-демократ, начальник Красной гвардии Гельсингфорса, созданной во время Октябрьской стачки 1905 г., руководитель Свеаборгского восстания 1906 г. 282
- Кокорцев В. Н. (1853—1943) — министр финансов с 1904 г. по 1914 г. (с перерывом с октября 1905 г. по апрель 1906 г.), активно добивался совместно с Витте займа во Франции в 1906 г. 271, 358, 485, 486—487, 488, 564—565
- Комаров В. В. (1838—1907) — черносотенный публицист, редактор-издатель газеты «Свет». 502
- Константин Константинович (1858—1915) — великий князь, президент Академии наук (с 1889 г.), почетный академик (с 1900 г.), поэт, известный под псевдонимом К. Р. 94
- Конфуций (Кун-цзы) (551—479 до н. э.). 295, 576
- Короленко В. Г. (1853—1921). 94
- Костомаров Н. И. (1817—1885) — русский и украинский историк, этнограф, писатель либерального направления. 518
- Крушеван П. А. (1860—1909) — кишиневский черносотенный публицист, один из организаторов еврейских погромов, член II Государственной думы. 113, 188, 224, 230, 271, 302, 308, 322, 395, 444, 492, 535, 544

- Ксеркс — персидский царь (правил в 486—465 гг. до н. э.), предпринявший поход против греков, но потерпевший поражение в морских сражениях; в гневе приказал высечь море бичами. 255
- Курлов П. Г. (1860—1923) — минский губернатор в 1905—1906 гг., по его распоряжению в октябре 1905 г. был произведен массовый расстрел участников многотысячного митинга; это вызвало настолько сильное негодование, что правительство вынуждено было привлечь его к ответственности «за превышение власти». 217, 244, 287, 291, 444, 570
- Куропаткин А. Н. (1848—1925) — военный министр (1898—1904), во время русско-японской войны 1904—1905 гг. — командующий Маньчжурской армией, затем главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке, один из виновников поражения русской армии. 97, 228, 496, 499, 515, 522, 535, 559—561, 593
- Кутлер Н. Н. (1859—1924) — главноуправляющий землеустройством и земледелием (1905—1906), его проект об отчуждении частно-владельческих земель в пользу крестьян был признан слишком либеральным, в результате чего К. получил отставку; с 1906 г. — видный деятель партии кадетов, депутат II Государственной думы. 178—180
- Кшесинская М. Ф. (р. 1872) — прима-балерина Мариинского театра (по национальности полька), была любовницей Николая II (в бытность его наследником) и других членов царской семьи; после Октябрьской революции эмигрировала во Францию. 479, 540
- Левендаль Л. Н. — барон, тарашанский исправник, организатор еврейских погромов. 87
- Лидваль Э.-Л. — шведский подданный, владелец ватерклозетной фирмы «Лидваль и К^о». В 1906 г. получил от Гурко подряд на поставку 10 миллионов пудов ржи в голодающие губернии России и, в качестве аванса, 800 000 рублей. Поставка хлеба неоднократно оттягивалась и в конечном счете не была выполнена. Под влиянием многочисленных разоблачений в оппозиционной прессе в конце 1906 г. состоялось судебное разбирательство по делу Гурко — Лидваля. 79, 84, 112, 117, 218, 491, 568, 575, 576—577, 600, 605
- Ли Хун-Чжан (1823—1901) — сановник в феодальном Китае, активно участвовал в подавлении ряда крестьянских восстаний и тем приобрел авторитет у правящей маньчжурской династии; в 1896 г. заключил секретный договор с Россией, направленный против Японии, о предоставлении России концессии на постройку Китайско-Восточной железной дороги. 107
- Линевич Н. П. (1838—1908) — генерал, во время русско-японской войны командующий армией, затем, после Куропаткина, главнокомандующий; действовал крайне нерешительно. 444
- Лопатин Г. А. (1845—1918) — русский революционер, член Генерального совета I Интернационала, первый переводчик «Капитала» на русский язык, неоднократно подвергался арестам, в 1884 г. заточен в Шлиссельбургскую крепость, освобожден во время революции 1905 г. 464
- Лопухин А. А. (1864—1928) — директор департамента полиции (1902—1905), эстляндский губернатор при Витте, был уволен

- после того, как признал неспособность полиции бороться с революционным движением в России. 291
- Луначарский А. В. (1875—1933). 108
- Майков А. Н. (1821—1897) — поэт. 115
- Максимович К. К. (р. 1849) — генерал-адъютант, был командирован для расследования беспорядков в Саратовскую и Пензенскую губернии. 291
- Манасевич-Мануйлов И. Ф. (1869—1918) — реакционный журналист, сотрудник охранного отделения, политический аферист; по заданию Витте занимался подкупом ряда парижских газет (с целью проведения ими агитации за заем для России и поддержки правительства Витте), обманном путем присвоил крупную денежную сумму. 93
- Мандельштам М. Л. — присяжный поверенный, видный член партии кадетов. 116
- Марат Ж.-П. (1743—1793) — выдающийся деятель французской буржуазной революции. 465
- Маркс К. (1818—1883). 603
- Мартенс Ф. Ф. (1845—1909) — юрист и историк, автор трудов по международному праву и истории международных отношений; во время почтово-телеграфной забастовки (ноябрь-декабрь 1905) выступил со статьей, призывающей членов «Союза правового порядка» и других представителей «культурного» общества заменить бастующих; после этого в различных сатирических изданиях Мартенса называли «письмоносцем». 464
- Матюшенский И. А. — журналист, был близок к Гапонову. Выступал перед правительством Витте с просьбой выдать 30 тысяч рублей на возобновление деятельности гапоновских организаций. Получал эту сумму частями несколько раз; присвоив значительную часть денег, скрылся, но был пойман и разоблачен. 95, 99, 423, 429—431
- фон Медем Г. П. — барон, генерал, в 1905—1906 г. — московский градоначальник. 291, 460—461, 535
- Меллер-Закомельский А. Н. (р. 1844) — барон, генерал, участвовал в усмирении Севастопольского восстания (ноябрь 1905), руководитель карательной экспедиции на Сибирской железной дороге в начале 1906 г. 93, 110, 247
- фон Мендельсон-Бартольди Э. — глава одного из крупнейших германских банков, на помощь которого возлагал надежды Витте. Однако Германия отказалась от предоставления займа России по политическим соображениям. 185, 198, 334, 466—467, 485
- Менелик II (1844—1913) — негус (император) Эфиопии. 447
- Меньшиков М. О. (1859—1919) — реакционный публицист, сотрудник «Нового времени», по словам В. И. Ленина, «верный сторожевой пес царской черной сотни» (Полн. собр. соч., т. 20, с. 142). 85, 195, 323—326, 439, 442, 453, 488. 604
- Метерлинк М. (1862—1949) — бельгийский драматург и поэт. 242
- Мещерский В. П. (1839—1914) — князь, реакционный публицист, был близок к правительственным кругам, редактор ультрареакционной газеты «Гражданин». 95, 230, 320, 323—326
- Милюков П. Н. (1859—1943) — буржуазный публицист и политиче-

- ский деятель, лидер партии кадетов, соредактор кадетской газеты «Речь». 115—117
- Мин Г. А. (1855—1906) — командир лейб-гвардии Семеновского полка, один из кровавых усмирителей декабрьского восстания 1905 г. в Москве. В 1906 г. был произведен в генералы. 81, 179, 216, 230, 244, 247, 265, 270, 287, 312, 346, 363, 367, 381, 396, 403, 405—406, 498, 528—529, 531, 554, 559—561
- Минин Козьма (К. М. Захарьев-Сухорук) (ум. до сер. 1616). 107
- Мищенко П. И. (1853—1919) — генерал-адъютант, во время русско-японской войны командовал кавалерийским отрядом, проявлял чрезмерную осторожность; в 1906 г. временный генерал-губернатор Владивостокского крепостного района, подавил вооруженное восстание солдат и матросов Владивостокской крепости. 290, 397
- Муромцев С. А. (1850—1910) — один из основателей и лидеров партии кадетов, председатель I Государственной думы. 105, 111
- Мутсу-Хито (Муцухито) (1852—1912) — император Японии (царствовал в 1867—1912 гг.). 234, 258
- Навроцкий А. А. (1839—1914) — поэт, прозаик, драматург; генерал-лейтенант, крупный чиновник военно-судебного ведомства; широкую известность получило его стихотворение «Утес Стеньки Разина», ставшее народной песней, популярной в революционных кругах; однако литературно-общественные взгляды Н. носили реакционный характер. 502—503
- Наполеон Бонапарт (1769—1821). 440
- Направник Э. Ф. (1839—1916) — дирижер и композитор. 107
- Небогатов Н. И. (1849—1922) — контр-адмирал, командующий 3-й Тихоокеанской эскадрой; в Цусимском сражении командовал отрядом кораблей, был окружен японским флотом, сдал корабли противнику и попал в плен; содержался в Нагасаки. 250, 480, 593
- Нейдгардт А. Б. (р. 1863) — екатеринославский губернатор, с 1906 г. — член Государственного совета. 217
- Нейдгардт Д. Б. (р. 1861) — одесский градоначальник, черносотенец, был смещен под давлением масс в конце 1905 г. 81, 217, 291, 444, 485, 535, 570
- Нерон (37—68). 473
- Николай I (1796—1855). 252—253, 527, 528
- Николай II (1868—1918). 95, 103, 120, 136, 220, 225, 252—253, 255, 275—276, 288, 289, 290, 293—295, 381, 410, 434—435, 444—445, 499—501, 506—507, 509, 513—514, 522—528, 531, 601—602
- Никольский Б. В. (1870—1919) — юрист и литературовед, доцент Петербургского университета, ярый черносотенец, 95, 190
- Ноги А. (1849—1912) — японский генерал, командовал войсками, осаждавшими Порт-Артур. 514
- Нодо Л. — французский журналист, был близок к Витте. 91
- Ойяма И. (1841—1916) — японский фельдмаршал, командующий войсками, нанесшими поражение русской армии Куропаткина. 515
- Оловеников В. В. (ум. 1908) — журналист, редактор московской газеты монархического направления «Вече». 320

- Орлов А. А. (ум. 1911) — генерал-майор царской свиты, начальник карательного отряда в Прибалтике, в конце 1905 — начале 1906 г. руководил массовыми расстрелами бунтующих крестьян. 93, 287, 485
- Отт Д. О. (1855—1929) — крупный акушер-гинеколог, директор Повивального, затем Женского медицинского института. 526
- Павлов В. П. (ум. 1906) — генерал-лейтенант, главный военный прокурор (1905—1906), инициатор и ярый сторонник смертных приговоров. По поручению военного министра выступал 1 июня 1906 г. на заседании Государственной думы с ответом на ее требование об отмене смертной казни; речь Павлова вызвала бурю негодования со стороны думского большинства. 106, 108—110, 111, 218, 311, 312, 489, 569—570
- Петрарка Ф. (1304—1374). 173
- Петров Н. — рабочий, опубликовавший в 1906 г. свое письмо с разоблачением деятельности Гапона. 423
- Петрункевич И. И. (1844—1928) — земский деятель, один из лидеров партии кадетов. 293
- Пилат Понтий. 417
- Пихно Д. И. (1853—1913) — экономист, профессор Киевского университета, редактор (1879—1908) реакционно-монархической газеты «Киевлянин»; возглавлял киевское отделение «Союза русского народа». 116, 310, 315, 321—322, 535, 594
- Платон (Порфирий Федорович Рождественский) (р. 1866) — епископ, один из правых членов II Государственной думы. 271
- Плевако Ф. Н. (1843—1908) — известный адвокат, октябрист. 398
- Плеве В. К. (1846—1904) — реакционный государственный деятель, с 1902 г. — министр внутренних дел, шеф жандармов. Убит эсером Е. С. Сазоновым. 87, 177, 258, 286, 306, 331, 341, 398, 438, 454—455, 524
- Плеханов Г. В. (1856—1918). 603
- Победоносцев К. П. (1827—1907) — крайний реакционер; обер-прокурор Синода (1880—1905), сторонник неограниченного, опирающегося на православную церковь самодержавия, враг буржуазных реформ; имел большое влияние на Александра III и Николая II. 141, 173, 177, 289, 332, 362, 366, 523—524, 534, 565—567
- Пожарский Д. М. (1578—1642). 108
- Потемкин Г. А. (1739—1791) — князь, генерал-фельдмаршал; фаворит Екатерины II. 111
- Протасов-Бахметев Н. А. (1834—1907) — граф, член Государственного совета, главноуправляющий одной из царских канцелярий; реакционер, после Манифеста 17 октября подал в отставку. 540
- Пуришкевич В. М. (1870—1920) — крупный помещик, реакционный политический деятель, монархист и черносотенец; с 1904 г. — чиновник особых поручений при министерстве внутренних дел, основатель «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела», депутат II Государственной думы. 117, 271, 492
- Пушкин А. С. (1799—1837). 192, 336, 534

- Ренан Э. (1823—1892) — французский буржуазный историк религии и философ. 458
- фон Ренненкампф П. К. (1854—1918) — генерал-лейтенант, командующий карательной экспедицией в Восточной Сибири. 110, 217
- Римаи Н. К. (1864—1917) — полковник, офицер лейб-гвардии Семеновского полка, во время декабрьского восстания в Москве командовал кровавой карательной экспедицией на Московско-Казанской железной дороге. 217, 230, 312, 531
- Родичев Ф. И. (1856—1933) — юрист по образованию, член ЦК кадетской партии, член I и II Государственной думы. 111, 311, 326—327, 459
- Руже де Лиль К.-Ж. (1760—1836) — французский поэт и композитор, автор французского национального гимна «Марсельеза». 205
- Салтыков-Щедрин М. Е. (1826—1889). 292
- Самарин А. Д. (р. 1871) — крупный помещик, реакционер, впоследствии московский губернский предводитель дворянства, затем обер-прокурор Синода. 459
- Святополк-Мирский П. Д. (1857—1914) — князь, министр внутренних дел (август 1904 — январь 1905). Попытка путем незначительных уступок и либеральных реформ предотвратить нарастающие революции. Его политика получила у современников ироническое название «весны» русской жизни. 87, 218, 476, 527
- Севастьянов М. П. — начальник Главного управления почт и телеграфов. 31 октября 1905 г. подписал циркуляр о запрещении почтово-телеграфного союза. 508
- Серафим Саровский (старец Серафим) (1760—1833) — был объявлен святым, в 1903 г. состоялось открытие его мощей в Сарове. 99, 445, 465, 499, 565
- Сергиев И. И. — см. Иоанн Кронштадтский.
- фон Сиверс — штаб-ротмистр, начальник карательного отряда, один из ярых усмирителей крестьянских восстаний в Прибалтике. 217, 265—266, 554
- Сигма — см. Сыромятников С. Н.
- Сипягин Д. С. (1853—1902) — один из реакционных государственных деятелей России, с 1899 г. — министр внутренних дел и шеф жандармов, был убит эсером С. В. Балмашевым. 177, 524
- Скалон Г. А. (1847—1914) — генерал-адъютант, с августа 1905 г. — варшавский генерал-губернатор, жестокий усмиритель польского восстания, издавший приказ: «толпы манифестантов... рассматривать как банды мятежников и расстреливать их до полного уничтожения... не позволять нигде никаких сходок и митингов; в случае же обнаружения таких недозволенных собраний расценивать их огнестрельным оружием». 81, 291, 447, 508, 535, 570
- Скуратов Малюта (Г. Л. Бельский) (ум. 1572) — руководитель опричнины (при Иване Грозном), прославившийся исключительной жестокостью. 92
- Слепцов П. А. (ум. 1906) — тверской губернатор, содействовал сожжению черносотенцами здания земской управы в октябре 1905 г., руководил усмирением забастовавших рабочих фабрики Морозова в декабре 1905 г. 217

- Спиридонова М. А. (1884—1941) — член партии эсеров, совершила убийство начальника охраны, организатора «черной сотни» в Тамбове Луженовского; при аресте подверглась жестоким истязаниям; рассказала об этом в письме, опубликованном в ряде оппозиционных газет. 100
- Стахович М. А. (1861—1923) — предводитель дворянства Орловской губернии, играл видную роль в земском движении, один из организаторов партии «октябристов», депутат I и II Государственной думы; разоблачил махинации Дурново с овсом. 485
- Стессель А. М. (1848—1915) — генерал, возглавлявший во время русско-японской войны оборону Порт-Артура и сдавший крепость, еще способную к обороне; приговорен верховным судом к расстрелу, замененному десятилетним заключением, но вскоре, по распоряжению Николая II, был освобожден. 291, 444, 535
- Стишинский А. С. (р. 1857) — ярый реакционер, с 1904 г. член Государственного совета; в правительстве Горемыкина главноуправляющий землеустройством и земледелием, один из вдохновителей черносотенного «Союза русского народа», в I Государственной думе активно выступал от имени правительства против аграрных реформ. 109, 311
- Столыпин П. А. (1862—1911) — министр внутренних дел с апреля 1906 г., а с июля — одновременно и председатель Совета министров; 3 июня 1907 г. осуществил роспуск II Думы. 100, 109, 112, 271, 281—283, 438, 467—468, 490—491, 492, 540, 562—563, 568—570, 596, 597
- Струве П. Б. (1870—1944) — буржуазный экономист; представитель «легального марксизма»; позднее (с октября 1905 г.) лидер правого крыла образовавшейся кадетской партии. По характеристике В. И. Ленина, он «начал с оппортунизма, с «критики Маркса», а докатился в несколько лет до контрреволюционного буржуазного национал-либерализма» (Полн. собр. соч., т. 24, с. 330); после Великой Октябрьской революции — белоэмигрант, ярый враг советской власти. 293, 598
- Суворин А. А. (р. 1862) — журналист, редактор-издатель петербургской газеты «Русь» и ряда других изданий. 87, 486
- Суворин А. С. (1834—1912) — журналист, публицист, издатель газеты «Новое время» и ряда других газет и журналов; ярый реакционер. 87, 187, 194, 210, 217, 230, 282, 398, 445, 453, 486, 540, 543, 567
- Стэд В.-Т. (1849—1912) — английский журналист, корреспондент лондонской газеты «Таймс» в России. 91
- Сыромятников С. Н. (псев. Сигма, р. 1864) — писатель и публицист, сотрудник «Нового времени» и других газет. 95
- Тимирязев В. И. (р. 1849) — министр торговли и промышленности в кабинете Витте, делец и карьерист, получил скандальную известность в связи с выдачей денег Матюшенскому. После этого вынужден был подать в отставку. 96, 100, 423—431
- Того Х. (1847—1912) — японский адмирал, блокировал Порт-Артур, уничтожил русский флот при Цусиме. 479, 514
- Толстой А. К. (1817—1875) — поэт и драматург. 233, 238

- Толстой И. И. (1858—1916) — граф, министр народного просвещения в кабинете Витте. 96, 205
- Толстой Л. Н. (1828—1910). 341, 458
- Торквемада Т. (ок. 1420—1498) — доминиканский монах, глава испанской инквизиции, проявлял крайнюю жестокость в борьбе с еретиками. 334
- Трепов Д. Ф. (1855—1906) — московский обер-полицмейстер (1896—1905), петербургский генерал-губернатор (с января 1905 г.), товарищ министра внутренних дел (с апреля 1905 г.), затем (с ноября 1905 г.) дворцовый комендант, одна из влиятельных фигур правительственного мира, сторонник крайних репрессий. Во время всероссийской стачки в октябре 1905 г. издал приказ: «Холостых залпов не давать! Патронов не жалеть!» 93, 109, 110, 120, 137, 181, 202, 247, 250, 251, 264, 287, 289, 290, 307, 309, 312, 332, 358, 366, 372, 401, 419. 443, 472—473, 495, 516, 528, 529, 535, 560, 563—567, 568—570
- Трубецкой Е. Н. (1863—1920) — князь, профессор философии Московского университета, организатор — вместе с Д. Н. Шиповым — партии мирного обновления. 187
- Трубецкой С. Н. (1862—1905) — князь, профессор философии, либерал. 293
- Тьер А. (1797—1877) — реакционный французский государственный деятель и историк: жестоко подавил Парижскую коммуну; затем президент Франции. 307
- Ушаков М. А. — агент охранки, организатор «Независимой социальной рабочей партии» (существовала в Петербурге с осени 1905 г.), представлявшей собой разновидность «зубатовщины». 99
- Феодосий Черниговский (ум. 1596) — черниговский архиепископ, канонизирован в 1896 г. 99
- Фредерикс К. П. — барон, нижегородский вице-губернатор, руководил борьбой с восставшими в Нижнем Новгороде в декабре 1905—январе 1906 гг., был замешан в истории с Лидвалем. 116, 605
- Фролов — корнет, кавалерист лейб-гвардии Конного полка; участвуя в разгоне митинга около Технологического института в Петербурге 17 октября 1905 г., ударил ножнами палаша приват-доцента Петербургского университета Е. В. Тарле, находившегося в толпе. 179, 230, 287, 330, 347, 406, 444, 528, 532
- Фулон И. А. — петербургский градоначальник (1903—1905). 526
- Хвостов А. А. (р. 1857) — черниговский губернатор. 474
- Хвостов С. А. — пензенский губернатор. 474.
- Хомутов П. Ф. — казанский губернатор, организатор черносотенных бесчинств и расстрела казаками митинга в октябре 1905 г., под давлением масс был отстранен от должности. 444, 474
- Хрусталева-Носарь Г. С. (1877—1918) — помощник присяжного поверенного, меньшевик, в 1905 г. председатель Петербургского совета рабочих депутатов, в 1906 г. был предан суду по делу Петербургского совета, сослан в Сибирь, бежал за границу; после Октябрьской революции вел активную контрреволюционную деятельность на Украине, поддерживал гетмана Скоропадского и Петлюру. 485

- Церетели И. Г. (1882—1959) — меньшевик, член II Государственной думы. 271
- Чехов А. П. (1860—1904). 94
- Чухнин Г. П. (1848—1906) — вице-адмирал, с 1904 г. командующий Черноморским флотом, кровавый усмиритель Севастопольского восстания в ноябре 1905 г., был убит революционными матросами. 99, 244, 247, 291, 440
- Шарапов С. Ф. (1855—1911) — адвокат, публицист, один из руководителей московской черносотенной организации, редактор (1905—1910) московской газеты «Русское дело», получавшей финансовую помощь правительства. 93, 177, 302, 355
- Шванебах П. Х. (1848—1908) — главноуправляющий земледелием и землеустройством, позднее государственный контролер. 311
- Шипов Д. Н. (1851—1920) — помещик, лидер партии октябристов, с середины 1906 г. перешел в партию мирного обновления, член Государственного совета, убежденный монархист. 81, 187, 197, 594
- Шипов И. П. (р. 1865) — директор департамента государственного казначейства (1902—1905), министр финансов в кабинете Витте. 466
- Шмаков А. С. (ум. 1916) — присяжный поверенный, один из руководителей монархически-черносотенного движения в Москве. 117, 320, 535
- Шмидт П. П. (1867—1906) — лейтенант Черноморского флота, возглавил Севастопольское восстание, был схвачен, судим и расстрелян в марте 1906 г. на острове Березань. 99, 100, 110, 185, 464
- Щегловитов И. Г. (1861—1918) — министр юстиции (апрель 1906—1915), проводник черносотенной политики, один из инициаторов введения военно-полевых судов. 494
- Щедрин — см. Салтыков-Щедрин М. Е.
- Щербатов Н. Б. (р. 1868) — князь, крупный помещик, с 1907 г. предводитель дворянства Полтавской губернии, с 1912 г. член Государственного совета, министр внутренних дел; после Великой Октябрьской революции — ярый враг советской власти. 594
- Эстер А. И. (таганрогская мещанка Цеховая) — аферистка, содержательница корсетной мастерской в Петербурге; замешана в спекулятивной истории Гурко — Лидваля. 79, 112, 322, 568, 577
- Ярмонкин В. В. — реакционный журналист, редактор-издатель черносотенной газеты «Заря», а впоследствии субсидируемой правительством газеты «Зорька». 355

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ САТИРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ДЛЯ НАСТОЯЩЕГО СБОРНИКА

- Адская почта.* СПб. 1906 № 1 — № 4. Ред. П. Н. Троянский.
- Альманах.* Новый литературно-художественный журнал политической и общественной сатиры. СПб. 1906 № 1 — № 2. Ред. С. В. Чехонин (№ 1); И. Е. Плеханов (№ 2).
- Анчар.* Журнал политической и общественной сатиры. СПб. 1906 № 1 (март) — № 3 (апр.). Ред. Д. Г. Числиев (№ 1-2); И. И. Смирнов (№ 3).
- Аргус.* Журнал литературы, театра, музыки и спорта с иллюстрациями. 1906 — Еженедельный художественный, политический, сатирический журнал. СПб. 1905 № 1 (3 июля) — № 13 (6 окт.), 1906 № 1 — № 14. Ред. С. А. Чиколини.
- Балда.* Юмористический, сатирический и карикатурный журнал рабочих печатно-переплетного дела. СПб. 1907 № 1 (1 янв.) — № 3 (16 янв.). Ред. В. С. Нос.
- Бич.* СПб. 1906 № 1. Ред. Г. М. Любарский.
- Бич.* Еженедельный литературно-сатирический журнал. Томск. 1906 № 1 (12 марта) — № 3 (апр.). Ред. В. Ц. Черемных.
- Благонамеренный полтавец.* Еженедельный художественный журнал общественной сатиры. Полтава. 1906 № 1 (30 апр.) — № 3. Ред. Я. Е. Брауде.
- Бубенцы.* Сатирическо-карикатурный отдел «Сибирских отголосков». Томск. 1906—1909. [1906] — 10 вып. [1907] — 18 вып. [янв.] — [авг.]. 1908 — 2 вып. 1909 — 1 вып. Ред. В. А. Долгоруков.
- Буревал.* Еженедельный литературно-сатирический журнал. С № 3 — Еженедельный журнал общественно-политической сатиры. СПб. 1906 № 1 (март) — № 4 (май). Ред. В. Е. Турок.
- Бурелом.* Еженедельный литературно-сатирический журнал. СПб. 1905 № 1 (18 дек.) — [№ 2] (25 дек.) «рождественский». 1906 № 3 (1 янв.). Ред. Г. П. Эрастов.
- Вампир.* Еженедельный художественно-сатирический журнал. СПб. 1906 № 1 (янв.) — № 8. Ред. Б. А. Катловкер.
- Водоворот.* Еженедельный художественный, политико-сатирический

- журнал. С № 7 1906 — Журнал политической сатиры; с 1907 — Еженедельный журнал политической сатиры. СПб. 1906 № 1 — № 9. 1907 № 1 — № 8. Ред. С. Н. Мендельсон.
- Водолаз.* Еженедельный художественный, политико-сатирический журнал. СПб. 1906 № 1 — № 5. Ред. Ю. В. Гольдберг.
- Волшебный фонарь.* СПб. 1905 № 1 (4 дек.) — № 3 (28 дек.). 1906 № 1 (1 янв.) — № 5 (5 февр.). Ред. И. Н. Потапенко.
- Ворон.* Москва. [1905] № 1. Изд. Н. Васин.
- Гвоздь.* Журнал литературно-художественный и сатирический. СПб. 1906 № 1 (8 янв.) — № 3 (9 февр.). Ред. И. М. Муравкин.
- Горчишник.* Общественно-сатирический журнал. Самара. 1906 № 1 (8 февр.) — № 4 (27 мая). Ред. Н. А. Самойлов.
- Гром.* Листок художественной сатиры. Киев. 1906 № 1 (апр.).
- Девятый вал.* СПб. 1906 № 1 [1 янв.] — № 2 [9 янв.]. Ред. А. И. Яргин.
- Дикарь.* Журнал литературно-сатирический. СПб. 1906 № 1 [март]. Ред. Я. Д. Синицын.
- Дубинушка.* С № 6 подзаголовок — Сатирический журнал. Рыбинск. 1906 № 1 (30 июля) — № 7 (8 окт.) Ред. С. М. Проскурнин.
- Дятел.* Еженедельный орган политической и общественной сатиры. СПб. 1905 пробный № 1 [ноябрь]. Ред. Е. Э. Сно.
- Еж.* Политико-сатирический и художественный журнал. СПб. [1906] № 1. 1907 № 1 — № 7. Ред. Ю. В. Гольдберг.
- Ерш.* Летучий сатирический листок. Томск. 1906 № 1 (20 мая) — № 19 (12 дек.). 1907 № 1 [12 февр.] — № 3 [1 марта]. Ред. М. С. Попов.
- Жало.* Москва. 1905 № 1 (29 ноября). Ред. И. И. Власов.
- Жгут.* Еженедельный журнал. Саратов. 1906 № 1 (14 дек.). 1907 № 2 (7 янв.). Ред. К. К. Сараханов.
- Жгут.* Тифлис. 1906 пробный номер — № 1 (26 марта). Ред. Б. С. Ерицян.
- Жупел.* Журнал художественной сатиры. СПб. 1905 № 1 — № 2. 1906 № 3. Ред. З. И. Гржебин.
- Журнал.* СПб. [1905] пробный номер «Великая Москва» (дек.). 1906 № 1 (1 янв.) — № 2 (8 янв.). Ред. Б. Ф. Гейер (№ 1); Г. Е. Гинц (№ 2).
- За неделю.* Тифлис. 1907 № 1. Ред. Г. А. Ерицян.
- Забияка.* Журнал политической и общественной сатиры. СПб. 1905 № 1 (30 дек.). 1906 № 1 (6 янв.) — № 3 (26 янв.). Ред. Л. М. Зурерович-Клебанский; с № 3 1906 он же и П. В. Бебутов.
- Заклепка.* Однодневная, не очень большая, космополитическая и сатирическая газета. На обл. — Сатирический журнал. Киев. 1906 № 1 (21 ноября). Ред. П. М. Карлин.
- Заноза.* Еженедельный сатирико-юмористический журнал. Варшава. 1907 № 1 (17 июня) — № 3 (1 июля). Ред. Н. Я. Павлов.
- Заноза.* Журнал художественной сатиры. СПб. 1906 № 1 [янв.] — № 14 [дек.]. Ред. Р. Л. Антропов; с № 10 С. Д. Новиков.
- Зарво.* Еженедельный литературно-сатирический журнал. СПб. 1906 № 1 (февр.) — № 4 (март). Ред. В. В. Трофимов.

- Зарницы.* Журнал литературно-художественный и сатирический. СПб. 1906 № 1 [январь] — № 9 [апрель]. № 7 — арестован в типографии до выпуска в свет. Ред. Л. И. Зарницын; № 3 Я. В. Иогихесс; с № 4 А. Г. Пергамент.
- Звон.* Ежедневный художественный, сатирический журнал. Одесса. 1905 № 1 — № 2. Ред. А. М. Федоров и П. А. Нилус.
- Знамя.* СПб. 1906 № 1 (январь). Ред. А. Г. Галачев.
- Зритель.* СПб. 1905 № 1 (5 июня) — № 25 (11 дек.). 1908 № 1 (11 январь) — № 11 (27 апрель). Ред. Ю. К. Арцыбушев. В 1908 г. № 1 С. В. Саватеев; с № 2 А. И. Юрисон; с № 8 Л. А. Никифорова и Е. П. Ващенко.
- Искры.* Иллюстрированный художественно-литературный и юмористический еженедельный журнал с карикатурами. Москва. 1900—1916. 1905 № 1 (1 январь) — № 46 (4 дек.). 1906 № 1 (1 январь) — № 51 (24 дек.). 1907 № 1 (1 январь) — № 50 (24 дек.). Ред. Е. Н. Киселев и Ф. И. Благов.
- Ключ.* Ежедневный орган политической и общественной сатиры. СПб. 1905 № 1 (декабрь) — № 2 (декабрь). Ред. А. А. Гольмстрем.
- Кобылка.* Юмористическо-сатирический журнал. Оренбург. 1906 № 1 (11 февраль) — № 31 (19 ноябрь). Ред. А. А. Мокшанцев.
- Леший.* Орган сатирического раздумья. СПб. 1906 № 1 — № 4. Ред. М. П. Миклашевский (Неведомский).
- Луч.* СПб. 1907 № 1 (октябрь) — № 2 (октябрь). Ред. Н. П. Боровская.
- Мазок.* Ежедневный иллюстрированный журнал. Саратов. 1906 № 1 (3 август) — № 7 (17 декабрь). Ред. В. П. Юрьев.
- Маски.* СПб. 1906 № 1 (февраль) — № 9 (10 апрель). Ред. С. В. Чехонин. с № 6 И. Е. Плеханов.
- Мефистофель.* Ежедневный политический, сатирический и литературно-художественный журнал с карикатурами. Москва. [1906] № 1. 1907 № 2 — № 8. Ред. Н. А. Соколов.
- Молот.* Ежедневный художественно-литературный и сатирический журнал. СПб. 1905 № 1 (23 декабрь). 1906 № 2 (8 январь). Ред. К. И. Диксон и Н. Н. Герардов.
- Момент.* Художественно-сатирический и литературный журнал. СПб. 1907 № 1 (апрель) — № 5 (ноябрь). Ред. М. С. Кауфман; с № 2 К. В. Хряпин.
- Овод.* Журнал литературно-сатирический. СПб. 1906 № 1 — № 6. Ред. Ф. К. Зимин; с № 2 В. М. Онгирский.
- Осколки.* Ежедневный художественно-юмористический журнал с карикатурами. СПб. 1881—1916. 1905—1907 по 52 номера в год. Ред. Н. А. Лейкин и Р. Р. Голике; с № 1 1906 Р. Р. Голике; с № 8 В. В. Билибин и т. д.; в №№ 10—21 1906 ред. К. С. Баранцевич.
- Осы.* Литературно-сатирический листок. Томск. 1906 № 1 (1 январь) — № 30. Ред. В. И. Федоров; с № 6 К. И. Троицкий.

- Отбой.* Художественный журнал общественной и политической сатиры. СПб. 1906 № 1 — № 5 (2 апр.). Ред. М. К. Гурская.
- Партизан.* Журнал художественный, литературный, политический и сатирический. СПб. 1906 № 1 (17 марта). Ред. К. П. Копосов.
- Паут.* Иллюстрированный карикатурами литературно-сатирический журнал. Иркутск. 1906 № 1 (21 окт.) — № 9 (20 дек.). Ред. В. Т. Талалаев.
- Паяц.* Журнал политической сатиры. СПб. 1905 № 1 (23 дек.). 1906 № 2 (1 янв.) — № 3 (9 янв.). Ред. П. С. Соломко; с. № 3 Б. К. Грюнберг-Вальгис.
- Паяцы.* СПб. 1906 № 1 (4 февр.). Ред. В. М. Вышомирский.
- Перец.* СПб. 1906 [№ 1] (янв.). Изд. А. Попов.
- Пламя.* Журнал социал-сатирический. СПб. 1905 № 1 (1 дек.) — № 3 (23 дек.). 1906 № 4 (янв.). Ред. Г. В. Аграев и А. И. Гессен.
- Поединок.* Орган сатирической мысли. СПб. 1906 № 1 — № 3. Ред. В. М. Онгирский.
- Пулемет.* СПб. [1905] № 1 [13 ноября] — № 3 [дек.], номер-экспресс (дек.). [1906] № 4 — № 5 (9 янв.). Ред. Н. Г. Шебуев.
- Пули.* СПб. [1905] № 1 [дек.] — № 2. 1906 № 1 — № 7. Ред. С. Д. Новиков.
- Пчела.* Художественно-сатирический журнал. СПб. 1906 № 1 — № 5. Ред. Н. Данишевский.
- Рабочий юморист.* Ежедневный литературно-сатирический журнал. Томск. 1906 № 1 (14 апр.) — № 2 (май). Ред. Л. Н. Симанина.
- Свобода.* Ежедневный общедоступный, иллюстрированный, юмористический журнал. СПб. 1905 № 1 [27 ноября] — № 2 [4 дек.]. Ред. А. М. Гутьяр и С. М. Усач.
- Свободный смех.* Ежедневный юмористический журнал. СПб. 1905 № 1 [дек.] — № 5 (30 дек.). 1906 № 6 — № 24 (25 авг.). Ред. Е. М. Адамов (Холодный).
- Серый волк.* Ежедневный сатирический журнал. СПб. 1907 № 1 (8 июля) — № 26 (30 дек.). 1908 № 1 (6 янв.) — № 23 (8 июня). Ред. С. А. Изнар.
- Сигнал.* СПб. 1905 вып. 1 (13 ноября) — вып. 4 (4 дек.). Ред. К. И. Чуковский.
- Сигналы.* СПб. 1906 вып. 1 (8 янв.) — вып. 4. Ред. В. Е. Турок.
- Скоморох.* СПб. 1907 № 1 — № 2. Ред. Г. Паскевич.
- Спрут.* Художественно-сатирический журнал. СПб. 1905 № 1 (23 дек.). 1906 № 2 (4 янв.) — № 15 (26 апр.). Ред. М. И. Титов.
- Стрекоза.* Ежедневный политико-сатирический и художественно-юмористический журнал. СПб. 1875—1908. 1905—1907 по 52 номера в год. Ред. И. Ф. Василевский (Буква); с. № 2 1908 А. Т. Аверченко.
- Стрелы.* Журнал саркастический, бесстрашный и беспощадный. СПб. 1905 № 1 (30 окт.) — № 7 (22 дек.). 1906 № 8 (1 янв.) — № 9 (7 янв.). Ред. И. М. Кнорозовский.
- Топор.* Юмористический, сатирический и карикатурный журнал рабочих печатно-переплетного дела. СПб. 1907 № 1 (3 февр.) — № 2 (8 февр.). Ред. Ф. А. Котляров.

Штык. Журнал сатирической литературы и юмора с рисунками в красках. Харьков. 1906 № 1 (1 сент.) — № 6. 1907 № 7 [январь] — № 9. Ред. А. И. Бахмач; с № 4 А. Т. Аверченко.

Шут. Художественный журнал с карикатурами. СПб. 1879—1914. 1905—1907 по 52 номера в год. Ред. Р. Р. Голике; с № 27 1906 В. В. Языкова.

Юмористический альманах. Еженедельный карикатурный журнал. СПб. 1905—1911. 1905 № 1 (апр.) — № 27. 1906 № 1/28 [28 январь] — № 7/76 (декабрь). 1907 № 8/77 — № 52/121. № 1/22 [1 декабрь] — № 5/126. Ред. Евген Поцелуев [Е. Э. Сно]; с 1906 разновременно: В. К. Панченко, А. А. Гольмстрем и др.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Между стр. 80 и стр. 81.* Москва. Вступление. Рис. Б. Кустодиева («Жупел», 1905, № 2).
2. *На обороте.* Москва. Умиротворение. Рис. М. Добужинского («Жупел», 1905, № 2).
3. *Стр. 119.* Марка журнала «Жупел» (1905, № 2). Рис. И. Билибина.
4. *Между стр. 144 и стр. 145.* Дубасов. Рис. Б. Кустодиева («Адская почта», 1906, № 3).
5. *На обороте.* Победоносцев. Рис. Б. Кустодиева («Адская почта», 1906, № 3).
6. *Между стр. 208 и стр. 209.* «Солдатушки, бравы ребятушки! где же ваша слава?» Рис. В. Серова («Жупел», 1905, № 1).
7. *На обороте.* В городе спокойно. Движение на улицах возобновилось. Автор рисунка неизвестен («Стрелы», 1905, № 4).
8. *Стр. 209.* «Государь ты наш батюшка...» Рис. М. Демьянова («Момент», 1907, № 3).
9. *Стр. 249.* Стены Каиновы. Рис. И. Билибина («Адская почта», 1906, № 2).
10. *Стр. 268.* Древо российской свободы. Рис. Л. Евреинова («Леший», 1906, № 3).
11. *Между стр. 272 и стр. 273.* Дурново. Рис. З. Гржебина («Адская почта», 1906, № 3).
12. *На обороте.* Коковцев. Рис. Б. Кустодиева («Адская почта», 1906, № 3).
13. *Стр. 277.* Два режима. Рис. А. Тавица («Волшебный фонарь», 1906, № 4).
14. *Между стр. 336 и стр. 337.* Октябрьская идиллия. Рис. М. Добужинского («Жупел», 1905, № 1).
15. *Между стр. 400 и стр. 401.* Горемыкин. Рис. Б. Кустодиева («Адская почта», 1906, № 2).
16. *На обороте.* В Государственной думе. «Интерпелляция». Рис. А. Кудинова («Леший», 1906, № 1).
17. *Между стр. 464 и стр. 465.* Обложка журнала «Сигналы» (1906, вып. 2). Рис. А. Любимова.

18. *На обороте*. Обложка журнала «Зритель» (1905, № 19). Рис. С. Чехонина «Наша конституция — просят не дуть».

19. *Стр. 511*. Орел-оборотень, или Политика внешняя и внутренняя. Рис. З. Гржебина («Жупел», 1905, № 1).

20. *Между стр. 528 и стр. 529*. Идут на защиту чести мундира. Рис. Н. Шестопалова («Зритель», 1905, № 24).

21. *На обороте*. Обложка (4-я стр.) журнала «Пулемет» (1905, № 1).

22. *Стр. 539*. Марка журнала «Жупел» (1905, № 2). Рис. И. Библина.

СОДЕРЖАНИЕ

Русская сатирическая поэзия 1905—1907 годов. <i>Вступительная статья А. Нинова</i>	5
--	---

А. Т. АВЕРЧЕНКО

1. Администратору	79
2. История одной истории	79

В. В. АДИАКЕВСКИЙ

3. Разгадки	80
4. Без предварительной цензуры	80
5. Молитва	81
6. Клин клином	82
7. Родине	82

А. АЛЯБЬЕВ

8. Из обывательских мелодий	83
9. Кормилец	84

А. В. АМФИТЕАТРОВ

10. Мнительный Лаокоон, или Обжегшись на молоке, станешь дуть и на воду	85
11. Герой нашего времени	86
12. Первая заповедь	89
13. Акафист смутителю неподобному Сергию Каменноостровскому	91
14. Стихиры российские, исправленные и усовершенствованные по закону сего времени	96

15. Благодарю!	104
16. Гувернантка	105
17. Русские в 1906 году, или Прекрасный кадет, закаляющий себя на алтаре своего отечества	107
18. Дары Павлова	108
19. Автобиография обрушенного потолка	111

К. М. АНТИПОВ

20. Набивший оскомину диалог	114
--	-----

Т. АРДОВ

21. Слово о полку Грингмутове	115
---	-----

К. Д. БАЛЬМОНТ

22. Притча о черте	118
23. Наш царь	120
24. Нарыв	120

С. А. БАСОВ-ВЕРХОЯНЦЕВ

25. Конек-Скакунок. <i>Русская сказка</i>	121
---	-----

М. М. БЕСКИН

26. Гимн диктатуре	173
------------------------------	-----

В. П. ВАЛЕНТИНОВ

27. «Что француз нам ни сболтнет...»	175
--	-----

И. М. ВАСИЛЕВСКИЙ

28. Что думает премьер, когда ему не спится	177
29. Спор	178
30. В деревне	180

Л. М. ВАСИЛЕВСКИЙ

31. Родные братья	181
32. Пляска св. Витта	181
33. Романс	182
34. Предельное и беспредельное	182

А. А. ВЕЙНБЕРГ

35. Жалоба министра	184
36. Частушка	186
37. Гучковский гимн	186
38. Дубинушка	187
39. И скучно...	189

П. И. ВЕЙНБЕРГ

40. Красный цвет	190
41. Утешительно!..	191
42. На представлении профессора «белой магии»	192

М. А. ВОЛОШИН

43. «Граф Витте стал премьером...»	193
44. Зима в деревне	193
45. Птичка	194
46. «Хвостатый гений, в плен он взял...»	194

С. ГАЛАНСКИЙ

47. Что думает конституция, когда ей не спится	196
48. Раздумье «октябриста»	197
49. Не «сжатые» люди	197
50. Среди газет. <i>Пародии</i>	198

И. Н. ГЕРСОН

51. Пожар. <i>Баллада</i>	200
-------------------------------------	-----

Л. А. ГИВЯНСКИЙ

52. Грезы	202
53. Роковая цифра	203
54. Résignation	203
55. Оранжевая и прачечная	204
56. Что думает глава «народного просвещения», когда ему не спится	205

А. И. ГИДОН

57. Так болтали в кофейнях Багдада	206
--	-----

Д. И. ГЛИЗМАН

58. Кашица	207
59. Газетный опричник	208
60. Казачья колыбельная песня	210
61. Суд Миноса	211
62. В чем наше спасенье?	212
63. Русь	213
64. Непонятливый	214
65. Графу Витте	215
66. На сцене	215
67. Палачей!!!	216
68. Воспоминания	218
69. К перу своему	219

Я. В. ГОДНН

70. Гаданье короля. <i>Баллада</i>	220
--	-----

А. В. ГОЛДОВИН

71. «Верхняя палата»	221
--------------------------------	-----

А. С. ГРИН

72. Элегия	224
----------------------	-----

С. И. ГУСЕВ-ОРЕНБУРГСКИЙ

73. Мидас	225
74. «Мудрец сказал: „Все люди — братья!“...»	226

В. А. ДМИТРИЕВ

75. Из альбома заезжего иностранца	227
--	-----

Н. М. ЕЖОВ

76. Современная чепуха	228
----------------------------------	-----

ЛЕВ ЖДАНОВ

77. Тощая корова	229
----------------------------	-----

В. В. ЖУКОВ

78. Свобода	232
-----------------------	-----

В. А. ЗОРГЕНФРЕЙ

79. Пробуждение Потока. <i>Пародия-шутка</i>	233
80. «Зритель»	239
81. С.-Петербург	240
82. Благодарю. <i>Романс</i>	241
83. Город и деревня	242
84. «Ой, полна тюрьма пред Думою. . .»	243
85. Прощание	243

Д. А. ИВАНЕНКО

86. Всероссийский «дерби»	246
-------------------------------------	-----

В. И. ИВАНОВ

87. Стены Каиновы	248
-----------------------------	-----

И. А. КАЗАНСКИЙ

88. Пир премьеры	250
89. Эпитафия	251

Г. Я. КАЙЗЕРМАН

90. Хитрый домовладелец. <i>Басня</i>	252
91. Квартет. <i>Басня</i>	253

Ю. В. КАННАВИХ

92. Ксеркс и море	255
-----------------------------	-----

В. А. КАТЛОВКЕР

93. Баллада о премьеры	257
94. Жалобная песня	258
95. Честное слово! <i>Куплеты</i>	258

М. С. КАУФМАН

96. Захочу — полюблю	260
97. Песенка	261
98. Шарик	262

В. В. КНЯЗЕВ

99. Девочка Дума	264
----------------------------	-----

А. А. КОРИНФСКИЙ

100. Столичные рифмы	265
101. Рыцарь наших дней. <i>Ода-баллада</i>	265

Ф. Т. КУЛИКОВ

102. Наши свободы	267
103. К их уходу	267
104. Кто они?	269
105. Вновь найденный вариант А. С. Пушкина	269
106. Родная Фемида	270
107. «Охрана»	270
108. Это было...	271
109. Почаевцы	272

В. КУРИЦЫН

110. Модное словечко	273
111. На тему дня	274

А. С. ЛАЗАРЕВ-ГРУЗИНСКИЙ

112. Вздох современника	275
113. Двое	275

И. М. ЛЕВИНСКИЙ

114. Осенние мотивы	278
115. Невольное признание бюрократин	279
116. Первый романс	281
117. Второй романс	283

В.Л. ЛЕНСКИЙ

118. Сказание о лисьем хвосте	285
119. Тень Плева	286
120. Хроника	286

В. С. ЛИХАЧЕВ

121. Писателю Самозванову	288
122. Еще!	288
123. Сомнение	288
124. Экспромт	289
125. Как избавиться от крыс. <i>Вроде басни</i>	289
126. Негодные ружья	289
127. Провокатор	290
128. Сват и жених	290
129. Дождались!	292

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

130. Два либерала. *Баллада* 293

К. ЛЬДОВ

131. Как перевелись юмористы 296

В. А. МАЗУРКЕВИЧ

132. На балу 298
133. Кризис 299

Р. А. МЕНДЕЛЕВИЧ

134. Бюрократическая баллада 301
135. Неспокойное дитя. *Современная колыбельная песня* 302
136. Перед выборами 302

Л. Г. МУНШТЕЙН

137. Мы свободны! 304
138. Удельный разговор 305
139. Три пощечины, или Ненасытный министр 305
140. Наши дни 306
141. *Singiculum* Витте. *Эпитафия* 307
142. Из октябрьских мелодий 308
143. Звездная палата 309
144. Addio! . . . *Прощальный романс фельетониста* 310
145. Здравница 312
146. Обзор печати 314
147. Не покупайте винограда! 316
148. Письмо карася 318
149. «Недород» 319
150. Пародия 321
151. Кормильцы 322
152. Вчера и сегодня 323
153. Гневный Гурко и премудрый кадет 326
154. Силуэты 327

Л. А. НИКИФОРОВА

155. «У пристава Ермолова...» 330

Н. А. ПАНОВ

156. Под барабанный бой 331

А. Г. БЕРГАМЕНТ

157. Баллада	334
------------------------	-----

А. А. ПЛЕЩЕЕВ

158. Свобода	338
------------------------	-----

И. П. ПОТЕМКИН

159. Дубасов и Свечка	340
160. Пешка, Король и Ферязь. <i>Шахматная басня</i>	340
161. Свобода, Сожаление и Читатель	341
162. «Он был прокурор из палаты...»	341
163. Обезьянка. <i>Романцero</i>	341
164. Манифест и Таратайка	343

И. Е. ПРИВАЛОВ

165. По поводу Манифеста 17 октября	344
---	-----

М. Я. ПУСТЫНИН

166. Пародия	346
167. И скучно, и грустно	346
168. Корнет. <i>Пародия</i>	347
169. «Шныряет сыщик одинокий...»	347
170. Сон	348

А. РАДЗНЕВСКИЙ

171. «Тиха, как подлая воровка...»	350
--	-----

М. К. САВИН

172. Современная песенка булочников	351
173. Хозяева и рабочие	352

М. П. СВОБОДИН

174. Реформаторы	354
175. Не привык!	355
176. Из песен о свободном слове	357
177. Меры	357
178. Постепенно	353
179. Баллада о генералах	359
180. Тарантелла	360
181. Броня	362
182. Под усиленной охраной	363
183. Избиратель. <i>Баллада</i>	364
184. Новый кабинет	365

185. Бьют!	366
186. Энтузиаст и городской	367

П. Е. СИМОНОВ

187. Две дороги	369
188. Перемена	369

П. В. СКВОРЦОВ

189. Песнь торжествующего Дурново	370
-----------------------------------	-----

Е. Э. СНО

190. «Конституция стиль пуво...»	372
191. Сказка-быль	372
192. Свободная печать	374
193. Апельсины	375
194. Моим знакомым	376

А. А. СОКОЛОВ

195. Раешник	378
--------------	-----

Ф. СОЛОГУВ

196. Шут	380
197. «У правительства — нагайки, пулеметы и штыки...»	381
198. «Четыре офицера...»	381
199. Веселая народная песня	382
200. За чай, за мыло. <i>Солдатская песня 1905 года</i>	383
201. Халдейская песня	384

В. В. ТРОФИМОВ

202. Встреча	386
203. О чем можно писать	386
204. Как Иван-дурак спас село Голодное. <i>Сказка</i>	387
205. Телеграммы	389
206. Сон	391
207. Мужичья песня	392
208. В бане	393

В. Е. ТУРОК

209. В альбом выпускным кадетам	396
210. Осень	396
211. Nevermore!	397
212. «Русская»	398

213. Прогресс	399
214. Заемщики	399
215. Они	400

ТЗФФП

216. Патроны и патрон	401
217. Из Мицкевича	402
218. «Ты пойдн, моя коровушка, домой. . .»	402
219. Из Гейне	403

В. В. УМАНОВ-КАЦУНОВСКИЙ

220. «С свободной партией. . .»	404
---	-----

О. К. УМОВА

221. Бой при Технологическом институте	405
--	-----

Н. И. ФАЛЕЕВ

222. Осел и Собака. <i>Басня</i>	407
223. Заяц-обличитель. <i>Басня</i>	408
224. Собачья радость. <i>Басня</i>	408
225. Свободные скоты. <i>Басня</i>	410
226. Отрывок из неприятной метаморфозы. <i>Октава</i>	411
227. Песня о трех соколах	411
228. Ода	412
229. По Мойке	413
230. Карандаш и Циркуляр. <i>Басня</i>	414
231. Лиса-политик. <i>Басня</i>	416
232. Маски. <i>Испанское романсеро</i>	417
233. Небывальщинки	418
234. О блаженстве	419
235. Его карательству. <i>Прощальная ода</i>	420
236. Вирши на открытие Государственной думы	421
237. Песнь торжествующей свиньи. <i>Басня</i>	421
238. Что значит автономный? <i>Нечто вроде басни</i>	422
239. Таинственный купец, или Министровы деньги. <i>Оперетка</i>	423
240. Песня о «кунштукуции», именуемой в просторечии «сво- бодами»	432
241. Отрывок из новейшей «Голубиной книги»	432

Н. А. ФОЛЬБАУМ

242. Шутка	434
243. Кто он? <i>Загадка</i>	434
244. Предусмотрительность гения	435
245. Баллада	435
246. «Послушайте рассказ правдивый и тяжелый. . .»	436

А. М. ХИРЬЯКОВ

247. «Ночной порой...»	438
248. Торжество победителей	439

САША ЧЕРНЫЙ

249. «От русского флота остались одни адмиралы...»	440
250. «Мундирную честь заливают вином...»	441
251. Новогодние предсказания	442
252. К празднику	443
253. Чепуха («Тренов — мягче сатаны...»)	443
254. Словесность	445
255. Чепуха («От российской чепухи...»)	446
256. День монсеньора	448
257. Две Думы	449
258. До реакции. <i>Пародия</i>	452
259. Вывеска и собака	452
260. Кому живется весело?	453
261. Балбес	453
262. Сон	454
263. «Слишком много разговоров...»	455
264. Жалобы обывателя	456
265. Пастырь добрый	458
266. Фтили	459

Е. Н. ЧИРИКОВ

267. В тюрьме	460
-------------------------	-----

К. П. ЧУКОВСКИЙ

268. Маленький великий Лама	462
269. «...Тебя портрет наш удивит...»	464
270. Журналисты и Камышанский	465
271. Пьер, премьер и beau-frère, или Шпион, Гапон и Мен- дельсон	466
272. Его апология	467
273. Огнегасители	468

О. Н. ЧЮМНА

274. Трагедия провинциального редактора, или «Я стал лысым!»	470
275. Колыбельная песня	472
276. Гесслер из Кременчуга	474
277. Красная шапочка	475
278. Средневековая баллада	478
279. К польскому вопросу	479
280. Возрождение флота. <i>Баллада</i>	479
281. Ария редактора	481
282. Серенький козлик	482
283. Бой быков. <i>Испанское романсеро</i>	483
284. Характерные па	484
285. Заем	486

286. Случайный кабинет	487
287. Песнь торжествующей невинности	489
288. «Полнота власти»	490
289. Строитель Стольпнес	492
290. К Фемиде	493

Н. Г. ШЕБУЕВ

291. Его платформа	495
292. Шансонетка	495
293. Журналисту	496
294. Раньше лучше	496
295. № 85	497

А. А. ЩЕГЛОВ

296. Марш полковника Мина	498
-------------------------------------	-----

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

297. «Скажи-ка, дядя, ведь недаром...»	499
298. «Как у нас в городке...»	499
299. Современное положение	501
300. По традиции	501
301. Утюги. <i>Басня</i>	502
302. В альбом А. А. Навроцкого	502
303. Хор осмелевших дворянжек	503
304. Былина	503
305. Родственники	505
306. Образцовое войско	506
307. Сыновья скорбь	507
308. В Польше	507
309. На почте	508
310. Совет	508
311. Митинг	509
312. Приметы осени	509
313. Гимн орлу	509
314. Страстному монастырю	510
315. «Калигула коня в сенат...»	510
316. Вроде басни	512
317. Из хрестоматии	513
318. Сказка о мальчике с пальчик	513
319. Солдатские песни	514
320. «Господь Россию приукрасил...»	516
321. Пять и одна	516
322. Колыбельная песня	516
323. На память	517
324. Золото	517
325. Смирно, молчать!	518
326. Пародия («Есть в русских собраниях глубокая нежность...»)	519
327. Честь мундира	520

328.	Благонамеренные речи	520
329.	Песня вседовольных	521
330.	Из напевов и перепевов	521
331.	Письмо Николая II к Вильгельму II	522
332.	«Как прадед на Сенной...»	528
333.	Пример склонения	528
334.	«Зима. Реакция, ликуя...»	529
335.	Кто он?	529
336.	Три сестры	529
337.	Девиз рода Минрогримановых	531
338.	Гранд испанский	532
339.	Из шуточного послания к Жуковскому	534
340.	Упа autobiographia	535
341.	Временщик	536
342.	«О восторг! Свобода слова...»	537
343.	Песня солдатская	537
344.	«Печатай книги и брошюры...»	538
345.	Российские гордости	538
346.	Эпиграмма	540
347.	Пожелания	541
348.	Из столичных впечатлений	541
349.	Чиновникам	542
350.	Подражание Тютчеву	542
351.	Рекогносцировка	543
352.	«Свободному гражданину»	543
353.	Последние известия	544
354.	Злополучный россиянин	544
355.	Муж Совета. <i>Пародия</i>	545
356.	Задача	545
357.	Герой нашего времени	546
358.	История съезда Союза 17 октября	547
359.	Лекция	548
360.	Частушка	548
361.	18 октября — 18 марта	549
362.	«Весна!.. Снег сбрасывают нивы...»	550
363.	К новым правилам о печати	550
364.	По поводу двух палат в России	551
365.	«По заслугам»	551
366.	Плач сотрудников «Русского государства»	552
367.	Аутодафе	553
368.	Дума и Государственный совет	554
369.	«Жонглер»	555
370.	Характеристика	556
371.	Из кулька в рогожку	556
372.	«Вооруженная опасность»	557
373.	На качелях	558
374.	Метаморфозы	559
375.	Осел и Собака. <i>Басня</i>	559
376.	Выборный, Дума и тюремщик	562
377.	Богатыри	562
378.	Современная басня	567
379.	Домашнее представление в театре «Россия»	568

380. Наша конституция	571
381. Гимнастика особого рода	572
382. Мужичья записка	573
383. Где спасенье?	573
384. Родные картинки	574
385. Китайская сказка	575
386. Предвыборные объятья	577
387. Сказка про белого бычка	578
388. Прогресс	580
389. Нагайка	581
390. «Печально всё в родимой стороне...»	582
391. Наоборот	583
392. Новая погудка на старый лад	584
393. Всё не по адресу	585
394. Артурцу	585
395. Знаки препинания	585
396. Шпики	586
397. «Изданья повременные...»	588
398. «От сомнений тяжелых сейчас...»	589
399. «„Заклоченья“, „выселенья“...»	589
400. Чепуха («Говорят, что на Руси...»)	589
401. Как будто по Некрасову	590
402. Из Корана	591
403. «Балда балде балду балдою...»	593
404. Из Беранже	594
405. Выборы чинно у нас проходили	595
406. «Велика наша Россия...»	596
407. Вопрос на лету	596
408. Обывательское размышление	597
409. Кто он?	598
410. Совет	599
411. Письмо	600
412. Царь	601
413. Врожденный	602
414. Загадка	604
415. Из Гете	605
416. Деревенские приметы	605
417. Крылатые слова	606
Примечания	607
Именной указатель	681
Алфавитный указатель сатирических журналов, использованных для настоящего сборника	696
К иллюстрациям	701

СТИХОТВОРНАЯ САТИРА
ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(1905—1907)

Л. О. изд-ва «Советский писатель» 1969,
720 стр. Тем. план вып. 1969, № 338.

Редактор *Г. М. Цурикова*
Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректоры *Ф. С. Флейтман* и *Ф. Н. Авру-*
нина

Сдано в набор 17/III 1969 г. Подписано в
печать 7/VII 1969 г. М 50498. Бумага 84×
×108¹/₃₂, № 1. Печ. л. 22¹/₂ + 8 вкл. (38,64).
Уч.-изд. л. 35,37. Тираж 40 000 экз.
Заказ № 443. Цена 1 р. 51 к.

Издательство «Советский писатель»,
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр. 28.

Ленинградская типография № 5 Главпо-
лиграфпрома Комитета по печати при
Совете Министров СССР, Красная ул., 1/3.

„БИБЛИОТЕКА ПОЭТА“

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

Большая серия

Второе издание

И. И. Дмитриев

М. Н. Муравьев

Н. А. Некрасов (3 тома)

«Поэты-демократы 1870—1880-х годов»

«Поэзия в большевистских изданиях»

«Октябрь в советской поэзии»

Николай Асеев

Павел Васильев

«Мастера русского стихотворного перевода»

(2 тома)

Ованес Туманян

Максим Рыльский

И. П. Котляревский

Малая серия

Третье издание

«Поэты 1860-х годов»

Михаил Светлов

Иван Франко

Важа Пшавела

„БИБЛИОТЕКА ПОЭТА“

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ

Большая серия

Второе издание

А. С. Хомяков

И. П. Мятлев

М. Л. Михайлов

Н. А. Добролюбов

**«Стихотворная сказка (новелла)
XVIII — начала XIX века»**

О П Е Ч А Т К И

На стр. 701 следует читать:

4. Между стр. 112 и 113

11. Между стр. 240 и 241

17. Между стр. 432 и 433

Стихотворная сатира

